

Александр Широкоград

Друзья и Враги России

ПОЛЬША

НЕПРИМИРИМОЕ СОСЕДСТВО

Annotation

Отношения двух славянских народов в течение последнего тысячелетия были сложными и порою драматичными. В X–XIII веках русские и польские князья активно сотрудничали: торговали, создавали военные союзы. Большинство польских княгинь было из рода Рюрика. Случались и войны, но не между народами, а между князьями: один звал другого, ляха или руса, против третьего.

Впоследствии, однако, вмешательство католической церкви и произвол польских магнатов разделили два народа. В XIX–XX веках неоднократно предпринимались попытки их примирить. На десятки лет устанавливалось взаимовыгодное сотрудничество, но, увы, всегда находились силы, заставлявшие забывать о единых славянских корнях.

- [Александр Широкоград](#)
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3 Сигизмунд III и Брестская уния](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)
  - [Глава 19](#)
  - [Глава 20](#)
  - [Глава 21](#)
  - [Глава 22](#)

- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Эпилог](#)
- [Список использованной литературы](#)
- [Иллюстрации](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)

- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)

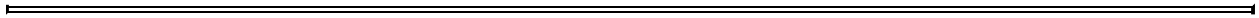

- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)

- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)

- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)

- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)

Александр Широкоград
ПОЛЬША. НЕПРИМИРИМОЕ
СОСЕДСТВО

Глава 1

Рюриковичи и Пясты — враги и союзники

Польша около 1000 г.

В IX в. территория Польши контролировалась десятками племенных группировок, — только в Силезии их было не менее пяти. К началу X в. наиболее сильными становятся две группировки — висляне («люди Вислы») вокруг Кракова и поляне («люди полей») вокруг Гнезно. В 960 г. верх берёт Полянская группировка, во главе которой стоит князь Мешко (Мечеслав) (922–992 гг.) из рода Пястов. Согласно легенде, основателем этой династии был простой крестьянин Пяст, изготавливавший колёса для телег.

Около 966 г. Мешко женится на чешской княжне Доброве (Дубровке). Невеста была христианкой, и Мешко пришлось креститься. Вместе с Добровой в Польшу приехало и несколько священников-папистов во главе с епископом Иорданом. Именно с них и началось крещение Польши.

Мешко начал сношения с римским престолом, и в 990 г. римский папа признал Мешко королём. Тем не менее занявший после смерти Мешко престол Болеслав I Храбрый считался только великим князем и принял королевский титул лишь в 1025 г., за несколько недель до своей кончины.

Первое столкновение Руси^[1] и Польши, о котором сохранились письменные свидетельства, произошло в 981 г. Согласно русской летописи князь Владимир Красное Солнышко (г. рож. неизв. — ум. 1015 г.) ходил с войском на ляхов и занял Перемышль, Червен и другие их города. Забавно, что чешские историки утверждают, будто эти города не могли быть отняты у поляков, а были отняты у чехов, поскольку земля к востоку до Буга и Стыря, впоследствии названная Галицкой, принадлежала в то время чехам. Чехи ссылаются на данную Пражскому епископству при его основании грамоту, в которой границами епископства к востоку обозначены реки Буг и Стырь в Хорватской земле. С. М. Соловьёв довольно аргументированно доказал недостоверность этой грамоты^[2], так что 981 г. мы должны считать годом первой русско-польской войны.

Русские летописи свидетельствуют, что занятые князем Владимиром города принадлежали Руси ещё при Олеге Вещем, но были заняты поляками в малолетство князя Игоря.

Согласно русским летописям, в 992 г. князь Владимир воевал с Мешко «за многие противности его» и в бою за Вислой одержал полную победу. Поводом к этой войне мог служить спор за Червенские города. Война эта могла вестись в союзе с чешским князем Болеславом II Благочестивым, который с 990 г. воевал с Мешко. Болеслав I Храбрый (967–1025 гг.),

занявший польский престол после смерти своего отца князя Мешко в 992 г., ещё как минимум год продолжал войну.

Болеслав I был опытным политиком и храбрым воином. На севере он расширил свои владения до Балтийского моря, подчинив себе поморян и пруссов. Болеслав I, воспользовавшись смертью в 999 г. чешского князя Болеслава II, напал на Краков и присоединил его с окрестностями к Польше. В это же время он захватил Моравию и земли словаков до Дуная.

Примерно^[3] в 1008–1009 гг. Болеслав I заключил мир с Владимиром Красное Солнышко. Мир был скреплён родственным союзом: дочь Болеслава вышла замуж за сына Владимира Святополка (ок. 980 — ок. 1019 гг.). Но этот первый родственный союз польских и русских князей привёл не к миру, а к серии новых войн. Где-то между 980 и 986 г. Владимир разделил земли между сыновьями. Вышеслава он направил в Новгород, Изяслава — в Полоцк, Святополка — в Туров, Ярослава — в Ростов. Следует заметить, что Владимир делал сыновей не независимыми правителями областей, а всего лишь своими наместниками.

В конце 1012 г. или в начале 1013 г. Святополк вместе с женой и её духовником Рейнберном Колобрежским оказывается в киевской темнице. Подробности ареста туровского князя летописцы до нас не донесли, что дало повод разыгаться фантазии историков. Так Ф. И. Успенский писал: «Епископ колобрежский [Рейнберн], сблизившись со Святополком, начал с ведома Болеслава подстрекать его к восстанию против Владимира... С этим восстанием связывались виды на отторжение России от союза с Востоком [Византией] и восточного православия»^[4]. Видимо, более близок к истине П. Голубовский: «Князь Туровский, Святополк, заводит отношения с Польшей, чтобы иметь поддержку для завоевания своей автономности, и попадает за это в тюрьму»^[5]. Не исключено, что Святополк попросту отказался платить дань Киеву, как это сделал в 1014 г. князь Ярослав в Новгороде.

В немецкой хронике Титмара Мерзенбургского, умершего в 1018 г., говорится, что Болеслав, узнав о заточении дочери, спешно заключил союз с германским императором и, собрав польско-германское войско, двинулся на Русь. Болеслав взял Киев и освободил Святополка и его жену. При этом Титмар не говорит, на каких условиях был освобождён Святополк. По версии Титмара, Святополк остался в Киеве и стал править вместе с отцом. Нам же остаётся только гадать, был ли Святополк при Владимире советником или, наоборот, Святополк правил страной от имени отца.

Любопытно, что все русские летописи молчат о последних годах

жизни князя Владимира Красное Солнышко. Из этого может следовать лишь один вывод: кто-то, то ли сам слишком «мудрый» Ярослав, то ли его беспокойные детишки, основательно отредактировали русские летописи, а периоды, где врать уже было невмочь, попросту опустили.

Так или иначе, но к 1015 г. Святополк был если не правителем Киева, то, по крайней мере, соправителем своего отца^[6]. Надо сказать, что перед смертью Владимира на Руси творился бардак или беспредел — кому как нравится. К примеру, после смерти в 1001 г. Изяслава Владимировича, посаженного отцом в Полоцке, полоцким князем-наместником был назначен не следующий по старшинству брат, как было принято тогда и в последующие 400 лет на Руси, а сын Изяслава юный Брячислав. Это свидетельствует о фактической независимости Полоцкого княжества от Киева. Затем и Ярослав Владимирович в Новгороде отказался платить дань Киеву. Там начинают готовиться к походу на Новгород. Но весной 1015 г. Владимир разболелся и 15 июля умер. Естественным возможным преемником Владимира был Святополк. Он был самый старший из сыновей Владимира, то есть законный наследник престола.

И тут, согласно русским летописям и «Сказанию о Борисе и Глебе», начинаются абсолютно необъяснимые события. Полоцкое и Новгородское княжества отделяются от Киева и готовятся к войне с ним. Значительная часть князей Владимировичей (Мстислав — князь тмутараканский, Святослав — князь древлянский и Судислав — князь псковский) держат нейтралитет и не собираются подчиняться центральной власти. Лишь два младших по возрасту князя — Борис Ростовский и Глеб Муромский — заявляют, что готовы чтить Святополка, «как отца своего».

А Святополк начинает своё правление с убийства... двух самых верных и, кстати, своих единственных вассалов, Бориса и Глеба. При этом и сами Борис и Глеб ведут себя более чем нелепо. Оба знают, что Святополк послал к ним убийц, и попросту ждут их, распевая псалмы, то есть они фактически становятся самоубийцами. Чем, к примеру, отличается покорное ожидание убийц от стояния на железнодорожных путях в виду приближающегося поезда? А ведь христианская церковь осуждает самоубийц.

Тайна была раскрыта норманнским скальдом в «Саге об Эймунде». Эймунд был командиром наёмной варяжской дружины, служившей у Ярослава Владимировича, вошедшего в историю под именем Ярослава Мудрого (ок. 987–1054 гг.). Согласно саге, Борис (Бурислейф) верно служил своему сюзерену киевскому князю Святополку и водил рати печенегов на Ярослава. Летом 1017 г. печенеги под командованием князя Бориса

врываюся в Киев, но они увлеклись грабежом, и варяги Эймунда выбили их из города. Следующим летом Борис опять идёт с печенегами к Киеву. Тогда Эймунд обратился к Ярославу (Ярислейфу): «Никогда не будет конца раздорам, пока вы оба живы». Ярослав оказался действительно «мудрым» и хитро ответил: «Я никого не буду винить, если он (Борис) будет убит». Эймунд выполнил приказ своего князя и убил Бориса. Об убийстве Глеба достоверных данных нет. Предполагается, что он был сторонником Ярослава, и убили его свои же муромские подданные.

Но вот в 1054 г. умирает Ярослав Мудрый, и на Руси вновь начинаются большие усобицы. Естественно, что о событиях 1015–1018 гг. все давно забыли. Этим и воспользовался князь Изяслав Ярославович, чтобы в 1072 г. канонизировать Бориса и Глеба как невинно убиенных злодеем Святополком Окаянным.

История убийства варягами Бориса и весь варяжский вектор гражданской войны на Руси 1015–1025 гг. приведены в книге «Северные войны России». Здесь же я остановлюсь на польском векторе этой войны.

Осенью 1016 г. князь Ярослав Владимирович (в саге — Ярислейф) с помощью варягов разбил у города Любеч войско печенегов под предводительством Бориса Владимировича (Бурислейфа) и вскоре овладел Киевом. Борис бежал к печенегам, а князь Святополк — в Польшу к своему тестю Болеславу Храброму. При этом его жена стала добычей Ярослава.

Однако Болеслав был поглощён борьбой с немцами, и судьба дочери и зятя его мало волновала. Поэтому Болеслав решил немедленно завести дружбу с победителем. Мало того, вдовый Болеслав предложил Ярославу Владимировичу скрепить союз браком с его сестрой Предславой. Одновременно, «с лисьим коварством» (по словам Титмара Мерзебургского), Болеслав вёл переговоры и с германской знатью, и тоже отправил сватов к Оде, дочери майсенского маркграфа Эккехарда в Саксонии.

Ярослав же, овладев Киевом, считал себя непобедимым и грубо отказал Болеславу в союзе, как в политическом, так и в брачном. Мало того, Ярослав в первой половине 1017 г. отправил послов к германскому императору Генриху II, чтобы заключить наступательный союз против Польши. Генрих обрадовался русскому посольству, и в том же году была организована первая русско-германская коалиция против Польши. Кроме Руси и Германии в состав коалиции вошли чешский князь Олдржих и племя язычников лютичей.

Болеслав Храбрый решил бить врагов поодиночке. Войско его сына Мешко, будущего короля Мечеслава II (р. в 990 г., правил в 1025–1034 гг.),

вторглось в Чехию и, пользуясь отсутствием Олдржиха, razорило страну.

Германо-чешское войско осадило польскую крепость Нимч, но вскоре было вынуждено отступить в Чехию. 1 октября 1017 г. Болеслав предложил Генриху начать переговоры о мире и отправил послов в город Мерзабург, где находилась ставка императора. Переговоры затянулись, и лишь 30 января 1018 г. в городе Будишине (Баутцене) был подписан мир между Польшей и Германской империей. Польша получила земли, принадлежавшие ей ещё до начала войны 1015–1017 гг.: Лужицкую марку и Мильско (земли мильчан). Однако если раньше Болеслав владел ими на правах имперского лена, то теперь они прямо включались в состав Польского государства.

Генрих дал согласие на брак Болеслава с Одой. Бракосочетание состоялось с фантастической для того времени быстротой — всего через четыре дня после заключения Будишинского мира.

Между тем в 1017 г. Ярослав с войском двинулся к Берестью (нынешнему Бресту). Город Берестье к 1015 г. входил в состав Туровского княжества, и там мог находиться как русский гарнизон, преданный Святополку, так и польское войско. Взял ли Ярослав Берестье или нет, неизвестно, но хронист Титмар Мерзебургский кратко написал, что Ярослав, «овладев городом, ничего [более] там не добился». Итак, войско Ярослава вернулось назад. Возможно, это было связано с прибытием печенегов, ведомых Борисом Владимировичем.

Летом 1017 г. Болеслав двинулся с войском навстречу Ярославу. Помимо поляков у него было 300 наёмных немцев, 500 венгров и 1000 печенегов. С поляками шла и русская дружина Святополка.

Рати встретились 20 июля 1017 г. на Волыни на реке Буг. Два дня противники стояли друг против друга и начали обмениваться «любезностями». Ярослав велел передать польскому князю: «Пусть знает Болеслав, что он, как кабан, загнан в лужу моими псами и охотниками». На что Болеслав ответил: «Хорошо ты назвал меня свиньёй в болотной луже, так как кровью охотников и псов твоих, то есть князей и рыцарей, я запачкаю ноги коней моих, а землю твою и города уничтожу, словно зверь небывалый».

На следующий день, 22 июля, воевода Ярослава, некий Буда, начал насмехаться над польским князем, крича ему: «Вот мы проткнём тебе палкою брюхо твоё толстое!»^[7] По словам летописца, Болеслав был крупным и толстым, так что с трудом мог сидеть на лошади. Он не вытерпел насмешки и сказал своим дружинникам: «Если вам это ничего, так я один погибну», сел на коня и бросился в реку. Войско поспешило за

своим князем. Русские полки не ожидали такой внезапной атаки, растерялись и обратились в бегство.

Разгром был полный. По свидетельству Титмара Мерзебургского: «Тогда пало там бесчисленное множество бегущих». То же говорят и русские летописцы: «И иных множество победили, а тех, которых руками схватили, расточил Болеслав по ляхам». В числе погибших называют и воеводу Блуда (Буду).

Сам Ярослав с четырьмя дружинниками убежал в Новгород. Там он решил бежать в Швецию. Но новгородцы во главе с посадником Константином, сыном Добрыни, «рассекли ладьи Ярослава, так говоря: „Хотим и ещё биться с Болеславом и со Святополком“. Начали деньги собирать: от мужа по 4 куны, а от старост по 10 гривен, а от бояр по 18 гривен. И привели варягов, и отдали им деньги, и собрал Ярослав воев многих».

Между тем бегство Ярослава открыло союзному войску Болеслава путь на Киев. Титмар Мерзебургский пишет: «Добившись желанного успеха, [Болеслав] преследовал разбитого врага, а жители повсюду встречали его с честью и большими дарами». Войско Болеслава шло через Владимир-Волынский, Дорогобуж, Луцк и Белгород. Жители этих городов не оказывали сопротивления и признавали власть Святополка.

В начале августа 1018 г. поляки подошли к Киеву. Дружина Ярослава и наёмники-варяги попытались оказать сопротивление. Но Болеслав не спешил со штурмом города, и вскоре защитники Киева сдались из-за нехватки продовольствия. Судя по всему, капитуляция была почётной.

14 августа союзники вошли в город. У собора Святой Софии (тогда ещё деревянного) Болеслава и Святополка «с почестями, с мощами святых и прочим всевозможным благолепием» встретил киевский митрополит.

Польские хронисты утверждают, что князь Болеслав, вступив в завоёванный Киев, ударил мечом по Золотым воротам города. На вопрос, зачем он это сделал, Болеслав будто бы ответил «с язвительным смехом»: «Как в этот час меч мой поражает золотые ворота города, так следующей ночью будет обещана сестра самого трусливого из королей, который отказался выдать её за меня замуж. Но она соединится с Болеславом не законным браком, а только один раз, как наложница, и этим будет отомщена обида, нанесённая нашему народу, а для русских это будет позором и бесчестьем».

В Великопольской хронике XIII–XIV вв. говорится: «Говорят, что ангел вручил ему [Болеславу] меч, которым он с помощью Бога побеждал своих противников. Этот меч и до сих пор находится в хранилище

краковской церкви, и польские короли, направляясь на войну, всегда брали его с собой и с ним обычно одерживали триумфальные победы над врагами... Меч короля Болеслава... получил название „щербец“, так как он, Болеслав, придя на Русь по внушению ангела, первый ударил им в Золотые ворота, запиравшие город Киев на Руси, и при этом меч получил небольшое повреждение».

В руки Болеслава попали все женщины из семьи Ярослава — его «мачеха» (видимо, последняя, неизвестная русским источникам, жена князя Владимира Святого), жена и девять сестёр. Титмар пишет: «На одной из них, которой он и раньше добивался [Предславе], незаконно, забыв о своей супруге, женился старый распутник Болеслав». В Софийской Первой летописи говорится более определённо: «Болеслав положил себе на ложе Предславу, дочь Владимирову, сестру Ярославлю».

Между прочим, «мудрый» Ярослав ещё до битвы на Буге отослал в Новгород захваченную в полон жену Ярополка. Болеслав взял Предславу к себе в наложницы, а позже увёз её с собой. Дальнейшая судьба её неизвестна.

Видимо, Болеслав нарушил условия капитуляции Киева и вскоре отдал город на разграбление. Разделив добычу, наёмники саксонцы, венгры и печенеги отправились восвояси. Сам же Болеслав с частью польского войска остался в Киеве, а остальная часть войска была размещена в ближайших городах. Польский князь явно не знал, что делать с Киевом. Он даже начал в Киеве чеканку серебряных монет, так называемых «русских денариев» с надписью кириллицей «Болеслав».

Но польский князь понимал, что удерживать Киев дольше будет невозможно. Он попытался даже вступить в переговоры с Ярославом, находившимся в Новгороде, и послал туда киевского митрополита. Поводом для серьёзных переговоров стал вопрос об обмене дочери Болеслава и жены Святополка на жену Ярослава. Однако Ярослав не желал мириться в такой ситуации с Болеславом, кроме того, у него были весьма веские причины желать, чтобы жена его сгинула в польском плену.

Что же касается Святополка, то он не хотел ни мира с Ярославом, ни присоединения Киевской земли к Польше. В «Повести временных лет» говорится: «Болеслав же пребывал в Киеве, сидя [на престоле]; безумный же Святополк стал говорить: „Сколько есть ляхов по городам, избивайте их“». Киевлян и жителей других городов, оккупированных ляхами, долго уговаривать не пришлось. Почти синхронно началось изгнание поляков. Однако непонятным образом Болеславу удалось уйти из Киева с большей частью людей, а также с награбленными драгоценностями. Знатные

русские пленники — бояре Ярослава, жёны и сёстры — были отправлены в Польшу, видимо, ещё раньше. Болеславу удалось сохранить за собой и Червенские города, приобретённые ещё князем Владимиром Святым.

После ухода поляков Святополк стал киевским князем и тоже начал чеканить собственную серебряную монету. А тем временем мудрый Ярослав счёл себя холостым и послал сватов к шведскому конугу Олафу Шётконугу. Летом 1019 г. в Новгороде состоялось бракосочетание дочери Олафа Ингигерд, принявшей христианское имя Ирина, с мудрым Ярославом. Ингигерд привела с собой в качестве приданого дружину, а Ярослав передал шведам город Ладогу с окрестными землями. Шведы называли Ладогу Альдейгыюборг, первым правителем её стал шведский ярл Рёгнвальд Ульвссон. Вернуть Ладогу русским князьям удалось лишь во второй половине XI в.

В том же 1019 г. Ярослав двинулся с большой ратью на Киев. Согласно Устюжской летописи, у него было 40 тысяч человек, из них варягов 18 тысяч.

Святополк призвал на помощь печенегов, но в битве на реке Альте недалеко от Киева был разбит. Святополк в очередной раз бежал на Запад, где и умер. Причём достоверных сведений о месте и времени его смерти нет. Тем не менее гражданская война на Руси с бегством «окаянного» Святополка не закончилась. Ярославу пришлось воевать ещё с племянником Брячиславом Полоцким и братом Мстиславом Тмутараканьским.

В 1021 г. Ярославу удалось заключить мир с племянником. При этом он не только признал полную независимость Полоцкого княжества, но и уступил города Витебск и Усвят, где были стратегические волоки на пути «из варяг в греки». В 1025 г. Ярослав заключил мир с Мстиславом. Братья разделили Русскую землю по Днепру, как хотел Мстислав. Он взял себе восточную сторону с главным столом в Чернигове, а Ярослав — западную сторону с Киевом.

В 1022 г. войска Ярослава приходили к Берестью, занятому поляками, однако удалось ли им взять город, летопись умалчивает.

В 1025 г., через несколько недель после своей коронации, умирает Болеслав Храбрый. В Польше начинается усобица между Болеславичами — новым великим князем Мешко II и его братом Оттоном. В польские дела немедленно вмешиваются соседи — немцы и чехи. В ходе войны Оттон бежал к князю Ярославу Мудрому. Жить ему было приказано в Киеве, а не при дворе князя в Новгороде. В Киеве Оттон провёл около шести лет. Оттуда он вступил в сношения с германским императором Конрадом, строя

козни против брата. Всё это, естественно, происходило с санкции Ярослава.

В 1030 г. Ярослав захватывает польский городок Белзы (Белз) на реке Жолокии, притоке Западного Буга (ныне на территории Львовской области). Согласно русской летописи, «в лето 6539 (1031) Ярослав и Мстислав собрали воинов многих, пошли на ляхов и заняли грады Червенские опять, и повоевали Лядскую землю; и многих ляхов привели и разделили их: Ярослав посадил своих по Роси^[8]; и пребывают они там и до сего дня».

В войске Ярослава находилось немало варягов, в том числе Эйдив Рёгнвальдссон и Харальд. Позднее исландский скальд Тьодольв Арнорссон воспел этот поход и подвиги наёмников варягов: «Воины задали жестокий урок ляхам» (в стихотворном переводе О. А. Смирницкой: «Изведал лях лихо и страх»).

Поход Ярослава и Мстислава на Польшу был синхронизирован с наступлением с запада императора Конрада. Мешко II не смог остановить немцев и русских и был вынужден бежать в Богемию к чешскому князю Олдржиху. На польском престоле утвердился Оттон. Он прежде всего выполнил все приказания императора: отказался от титула короля и отослал польскую корону в Германию вместе с женой Мешка Риксой, а себя объявил вассалом германского императора.

Такое поведение пришлось не по нраву польской знати, и вскоре Оттон был убит, а его место занял брат Мешко II. Но править ему пришлось недолго, в 1034 г. убили и Мешко. Его вдова Рикса, урождённая принцесса пфальцская, приняла опеку над своим малолетним сыном Казимиром. Рикса попыталась оттеснить от власти вельмож-поляков и править с помощью немцев. Дело кончилось переворотом и изгнанием Риксы в Германию.

Править страной стали польские магнаты от имени малолетнего Казимира. Но дела у них явно не клеились, и в 1037 г. Польшу охватило восстание смердов. Причём восстание носило как антифеодальный, так и антицерковный характер, а большинство восставших были язычниками.

После похода 1031 г. Ярослав не вмешивался в польские дела, удовлетворившись присоединением к своим владениям «Червенских градов».

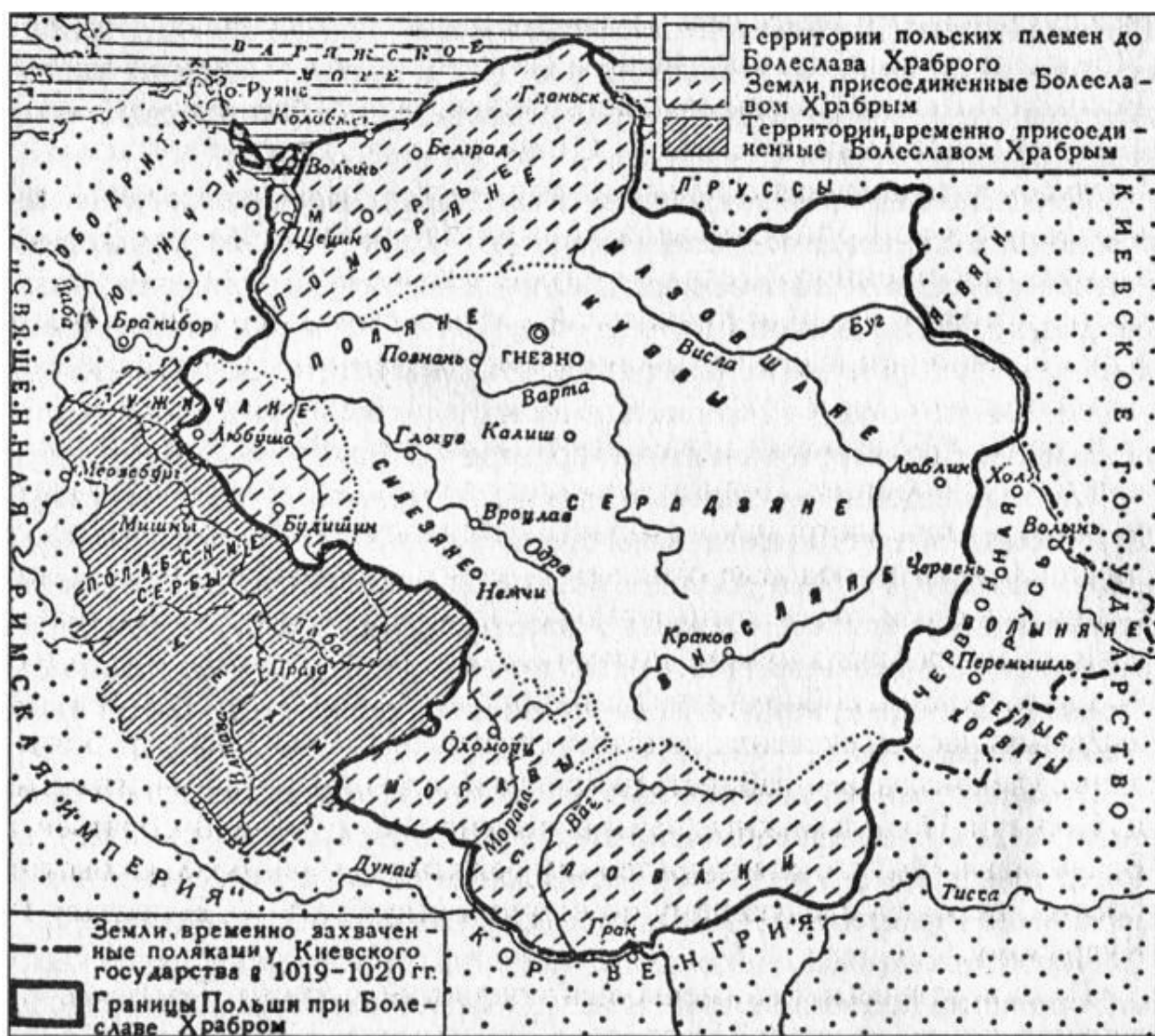
В 1039 г. в большей части Польши восстанавливается спокойствие, а власть прочно держит в руках сын Мешко II князь Казимир I Восстановитель (1016–1058 гг.). Казимир и Ярослав заключают союз в борьбе против Моислава — бывшего дружинника Метко, захватившего власть в Мазовии. Моислава поддерживали пруссы, литовцы и поморские

славяне. В 1041 г. Ярослав совершает поход в Мазовию. Причём войско его идёт варяжским способом на лодках по рекам Припяти и Западному Бугу.

В 1043 г. Казимир женился на сестре Ярослава Мудрого Доброгневе (Марии), получив богатое приданое, а вместо вена он отдал Ярославу 800 пленных, взятых Болеславом на Руси. В 1047 г. Ярослав опять пошёл с войском на помощь Казимиру против Моислава. На этот раз Моислав был убит, а рать его разбита, Мазовия снова подчинилась польскому князю.

Вскоре союз Руси и Польши скрепился ещё одним браком — сын Ярослава Изяслав женился на сестре Казимира. До самой смерти Ярослава Мудрого в 1054 г. с Польшей сохранялись добрососедские отношения.

Польша в конце X в. — начале XI в.

В 1079 г. польские паны и духовенство согнали с престола польского

короля Болеслава II Смелого (1042–1081 гг., король с 1076 г.) а вместо него на престол был возведён его брат — слабовольный Владислав (Володислав) I Герман (1043–1102 гг.).

Как писал С. М. Соловьёв: «Владислав вверился во всём палатину Сецеху, который корыстолюбием и насильственными поступками возбудил всеобщее негодование. Недовольные встали под предводительством побочного сына Владиславова, Збигнева. В эту усобицу вмешались чехи, а, с другой стороны, Владислав должен был вести упорную борьбу с поморскими славянами. Легко понять, что при таких обстоятельствах Польша не только не могла обнаружить своего влияния на дела Руси, но даже не могла с успехом бороться против Василька Ростиславича, который с половцами пустошил её области»^[9].

Замечу, что Василько Ростиславович (1062–1124 гг.) был с 1085 г. удельным князем теребовльским.

В 1138 г. (по другим сведениям, в 1139 г.) умирает польский король Болеслав III Кривоустный (р. 1086 г., правил 1102–1138 гг.). После его смерти Польша окончательно вступила в период феодальной раздробленности. Своё юридическое оформление феодальная раздробленность получила в так называемом Статусе Болеслава Кривоустного, изданном в 1138 г. Согласно этому Статусу, Польское государство было разделено между сыновьями Болеслава III. Старший сын — Владислав II (1105–1159 гг.) получил Силезию, Мешко (1126–1202 гг.) — большую часть Великой Польши с Познанью и часть Куявии, Болеслав Кудрявый (1121–1173 гг.) — Мазовию, а Генрих — Сандомирскую и Люблинскую земли. Статусом устанавливался принцип сеньората. Старший в роде получал верховную власть с титулом великого князя. Столицей его был Краков. Помимо собственного удела он получал ещё великокняжеский удел, в состав которого входили Краковская, Серадзская и Ленчицкая земли, часть Куявии с городом Крушвицей и часть Великой Польши с Калишем и Гнезно.

Старший Болеславич Владислав II по натуре слыл человеком кротким и миролюбивым. Полной противоположностью ему была его жена Агнесса — дочь австрийского герцога Леопольда. Немецкой принцессе казались дикими родовые отношения между князьями. Она не могла смириться с тем, что её супруг только старший среди братьев. Агнесса язвительно называла мужем «полукнязем» и «полумужчиной» за то, что он терпел рядом с собой столько равноправных князей. И Владислав, не выдержав насмешек жены, поддался её увещаниям и начал требовать дань с уделов братьев, забирать их города и даже намеревался изгнать их из Польши. Но

вельможные паны встали на защиту младших братьев, и Владислав в 1142 г. был вынужден сам бежать в Германию. Краковский престол перешёл следующему по старшинству брату — Болеславу IV Кудрявому.

Русские князья вновь вмешались в польские устои. Тем более что великий князь Киевский Всеволод Ольгович (род. до 1094 г. — ум. 1146 г.) был в родстве с Владиславом II — дочь Всеволода Звенислава была замужем за старшим сыном Владислава Болеславом. В 1142 г. Всеволод послал своего сына Святослава, двоюродного брата Изяслава Давыдовича и Владимира Галицкого на помощь Владиславу II против его младших братьев. Но русские полки не спасли Владислава. Русский летописец повествует, что княжеские дружины больше занимались опустошением и разграблением Польши, чем усмирением младших братьев Болеславичей, «побравши в плен больше мирных, чем ратных людей».

Владислав ещё надеялся с помощью русских или немцев вернуть себе польский престол, и в 1145 г. князь Игорь Ольгович (ок. 1096 г. — 1147 г., с 1146 г. великий князь Киевский) с братьями вновь отправляется в польские земли воевать младших братьев Болеславичей. Летописец говорит: «В середине земли Польской встретились они с Болеславом Кудрявым и братом его Мечеславом (Мешко). Польские князья не захотели биться, приехали к Игорю с поклоном и помирились на том, что уступили старшему брату Владиславу четыре города во владение, а Игорю с братьями дали город Визну, после чего русские князья возвратились домой и привели с собою большой полон».

С XII в. особое значение в русско-польских отношениях приобретает Галицкое удельное княжество. В 1187 г. умирает галицкий князь Ярослав Владимирович Осмомысл. Перед смертью он обратился к боярам: «Я одною своею худою головою удержал Галицкую землю, а вот теперь приказываю своё место Олегу, меньшому сыну моему, а старшему, Владимиру, даю Перемышль». Но Олег был сыном князя от наложницы Настасьи, которую в 1174 г. галицкие бояре сожгли на костре. Поэтому Олега сразу же после смерти отца изгнали из Галича, а на престол был посажен Владимир Ярославич (ок. 1151 г. — ок. 1198 г.). Но, увы, Владимир увлекался вином и бабами, по словам летописца, он «умел только пить, а не любил думы думать с своими боярами. Отнял у попа жену и стал жить с нею, прижил двоих сыновей. Мало того, понравится ему чья-нибудь жена или дочь, брал себе насильно».

Встретившись с сильной боярской оппозицией, Владимир Ярославич решил не искушать судьбу и драпанул из родного Галича в Венгрию. Галичем же овладел соседний владимирово-волынский князь Роман

Мстиславич (род. после 1149 г. — ум. 1205 г.).

Венгерский король Бела III радушно встретил изгнанника Владимира Ярославича, собрал большую рать и пошёл на Галич. У Романа Мстиславича не было сил для сражения с венгерским войском, и он отправился обратно на Волынь. Однако хитрый Бела III обманул Владимира и поставил галицким князем своего сына Андрея. Что же касается Владимира Ярославича, то его силой увезли в Венгрию и заточили в каменной башне.

В 1190 г. Владимиру удалось бежать из венгерской неволи. Вскоре он объявился при дворе германского императора Фридриха Барбароссы. Владимир предложил Фридриху выплачивать ежегодно по две тысячи гривен серебром, и тот отправил его при своём после к польскому князю Казимиру II Справедливому (1138–1194 гг.) с приказом, чтобы последний помог ему получить обратно галицкий престол. Казимир отправил с Владимиром своего воеводу Николая с войском. Когда галичане узнали о приближении своего бежавшего князя с польским войском, то вышли ему навстречу, провозгласили своим князем, а венгерского королевича Андрея изгнали.

В Польше после смерти Болеслава IV Кудрявого в 1173 г. великокняжеский престол перешёл к следующему брату — Мешко III. Но тот умудрился восстановить против себя вельможных панов, и вскоре был изгнан ими. Князем провозгласили самого младшего Болеславича — Казимира II Справедливого^[10]. После смерти Казимира великим князем был избран его сын — несовершеннолетний Лешко Белый (1186–1227 гг.). Однако ещё был жив отставной князь Мечеслав III, которого именовали Старым. Старый начал усобицу против племянника.

В это время в Кракове объявился уже знакомый нам князь Роман Мстиславич, который приехал просить помощи в своей очередной усобице. И он надеялся эту помощь получить, поскольку вдова Казимира Справедливого Елена приходилась ему родной племянницей, она была дочерью его брата Всеволода Мстиславича Бельского. Казимировичи ответили: «Мы бы рады были тебе помочь, но обижают нас дядя Мешко (Мечеслав), ищет под нами волости. Прежде помоги ты нам, а когда будем все мы поляки за одним щитом, то пойдём мстить за твои обиды».

Роман был не один, а с дружиной, и отправился вместе с детьми Казимира на Мечеслава Старого. Тот не желал биться с дружиной Романа Мстиславича и попросил его быть посредником в споре между ним и племянниками. Но Роман всё же напал на войско Мешко. В результате дружина его была разбита, а сам князь, раненый, убежал в Краков, откуда

уцелевшие дружинники перенесли его домой — во Владимир-Волынский.

Тем не менее союз с Казимировичами позже всё-таки принёс свои плоды Роману Мстиславичу. В 1198 г. умер галицкий князь Владимир Ярославич, и польские войска помогли Роману занять галицкий престол. Замечу, что теперь Роман сел в Галиче «всерьёз и надолго» и стал основателем династии галицких королей.

Между тем власть в Кракове три раза переходила от Лешко Белого к Мешко. В конце концов Мешко III вроде бы твёрдо сел на престол, но в 1202 г. умер. Польские вельможи предложили престол Лешко, но не сговорились о цене и отдали его сыну Мешко Владиславу III Ласконогому (1161–1231 гг.). Вскоре Ласконогий поссорился с католическими прелатами и частью знати, и на престоле вновь оказался Лешко.

Князь Роман Мстиславич был постоянным союзником Лешко в его борьбе с Мешко и Ласконогим. Но когда Лешко основательно обосновался в Кракове, Роман потребовал у него волости в награду за прежнюю дружбу. Лешко отказал, в результате прежние союзники рассорились. По словам летописца, в ссоре этой не последнюю роль сыграл Владислав Ласконогий. В 1205 г. Роман Мстиславич осадил Люблин, но, узнав, что Лешко с братом Конрадом идут на него, снял осаду и двинулся им навстречу. Перейдя Вислу, галицкие полки стали под городом Завихвостом. Вскоре туда прибыли послы от Лешко и начали переговоры. Решено было приостановить военные действия до окончания переговоров. Роман Мстиславич с несколькими дружинниками спокойно отъехал на охоту, но в засаде его ждал большой польский отряд. Силы были не равны, и после короткого, но жестокого боя Роман Мстиславич и его дружинники были убиты.

С. М. Соловьёв писал о галицком князе: «Роман слыл грозным бичом окрестных варваров — половцев, литвы, ятвягов, добрым подвижником за Русскую землю, достойным наследником прадеда своего, Мономаха: „он стремился на поганных, как лев, — говорит народное поэтическое предание, — сердит был, как рысь, губил их, как крокодил, перелетал земли их, как орёл, и храбр он был, как тур, ревновал деду своему, Мономаху“. Мы видели, что одною из главных сторон деятельности князей наших было построение городов, население пустынных пространств: Роман заставлял побеждённых литовцев расчищать леса под пашню, но тщетно казалось для современников старание Романа отучить дикарей от грабежа, приучить к мирным земледельческим занятиям, и вот осталась поговорка: „Роман! Роман! худым живёшь, литвою орёшь“»^[11].

Последнее дало повод историку Стрыйковскому утверждать, что Роман

впрягал пленных литовцев и ятвягов в плуги и заставлял выпаживать корни деревьев по новым местам.

Роман Мстиславич оставил после себя двух малолетних детей — четырёхлетнего Даниила и двухлетнего Василько^[12].

Галич представлял собой лакомый кусочек, и все соседи, как вороньё, слетелись туда, узнав о смерти грозного Романа. В 1206 г. на Галич двинулось целое скопище русских князей: Владимир Святославич Чермный с братьями, Владимир Игоревич Северский с братьями, к ним присоединился смоленский князь Мстислав Романович с племянниками. До кучи набрали ещё и половцев. В Киеве к компании присоединился Рюрик Ростиславич с сыновьями Ростиславом и Владимиром и племянниками. С другой стороны к Галичу шёл с войском из Кракова князь Лешко.

Вдова Романа княгиня Анна испугалась и попросила помощи у венгерского короля Андрея II, сына Белы III, того самого Андрея, который, будучи королевичем, когда-то княжил в Галиче.

Тем временем галицкие бояре, ненавидевшие Романа и его потомство, подняли мятеж и вынудили вдову с детьми и приближёнными бежать во Владимир-Волынский.

Наконец все три рати подошли к Галичу, но до битвы не дошло. Андрею II надо было возвратиться домой из-за интриг королевы Гертруды, поэтому он наскоро договорился с Лешко сделать галицким князем Ярослава Переяславского, сына великого князя Всеволода Суздальского, и отправился назад в Венгрию.

Однако галицкие бояре обманом посадили князем Владимира Игоревича Северского (ок. 1170 г. — 1212 г.). Своё правление Владимир Игоревич начал с того, что послал своих людей во Владимир-Волынский с требованием выдать вдову и детей князя Романа. Анне вновь пришлось бежать ночью с двумя детьми, дядькой Мирославом, попом и кормилицей. Они долго думали, куда идти. Со всех сторон были только враги. Из всех зол беглецы выбрали меньшее, и, уповая на былую дружбу, направились в Польшу к Лешко, хотя князь Роман и был убит людьми Лешко, а мир с Польшей ещё не был заключён. К счастью, Лешко сжалился над беглецами и встретил их словами: «Не знаю, как это случилось, сам дьявол поссорил нас с Романом». Он отправил малолетнего Даниила в Венгрию со своим послом, велев передать королю: «Я позабыл свою ссору с Романом, а тебе он был друг: вы клялись друг другу, что кто из вас останется в живых, тот будет заботиться о семействе умершего. Теперь Романовичи изгнаны отовсюду: пойдём возвратим им отчину их».

Владимир Игоревич правил Галичем недолго. Он поссорился с галицкой дружиной и не придумал ничего лучшего, как попросту перебить её. Однако убить удалось всего около пятисот человек, остальные разбежались. Многие из галицких дружинников и бояр отправились в Венгрию и стали просить короля Андрея: «Дай нам отчича нашего Даниила: мы пойдём с ним и отнимем Галич у Игоревичей». Король согласился, дал галицким боярам большое войско и вместе с Даниилом послал их в Галич. Лешко из Польши также направил отряд в помощь малолетнему Даниилу.

Владимир Игоревич с сыном не стали дожидаться прихода войска и бежали. Даниил торжественно въехал в Галич, и бояре посадили его на отцовский престол в соборной церкви Богородицы.

Трудности, с которыми встретился в Галиче юный князь, выходят за рамки нашего повествования. Поэтому я приведу лишь один эпизод, хорошо иллюстрирующий и обстановку в Галиче, и характер мальчика. С. М. Соловьёв писал: «Легко понять, что эти бояре посадили Даниила не для того, чтоб усердно повиноваться малютке. За последнего хотела было управлять его мачеха, приехавшая в Галич, как скоро узнала об успехе сына, но бояре немедленно же её выгнали. Маленький Даниил не хотел расстаться с матерью, плакал, и когда Александр, шумавинский тиун, хотел насильно отвести его коня, то Даниил выхватил меч, чтоб ударить Александра, но не попал и ранил только его коня. Анна поспешила вырвать у него из рук меч, упростила успокоиться и остаться в Галиче, а сама отправилась в Бельз опять к Васильку и оттуда к королю в Венгрию»^[13].

В конце концов Даниилу пришлось бежать, а Галицкое княжество поделили между собой венгерский король Андрей II и польский князь Лешко. В Галиче стал княжить сын Андрея королевич Коломан, которого по такому случаю женили на дочери Лешко Белого.

Молодой князь Даниил Романович начало 20-х гг. XIII в. встретил в небольшом, но сильно укреплённом городе Каменец, а к 1229 г. перебрался в Угровск. Здесь его и нашёл посланец из Галича с просьбой галичан: «Ступай скорее к нам: Судислав ушёл в Понизье, а королевич один остался в Галиче». Даниил немедленно с небольшой дружиной пошёл на Галич, а своего тысяцкого Дамьяна послал на Судислава.

На третьи сутки в ночь подошёл Даниил к Галичу и встал напротив города на другом берегу скованного льдом Днестра. Галичане и венгры несколько раз предпринимали вылазки и бились на льду с дружинниками Даниила. Но к вечеру потеплело, лёд поднялся, и река наводнилась. А краснорожий боярин Семьюнко (летописец даже сравнивает его по цвету

лица с лисицей), лютый враг Даниила, зажѣг мост. В это время к Даниилу подошёл Дамьян с перешедшими на их сторону галицкими боярами. Таким образом, у Романовича собралась уже довольно значительная рать. К счастью, подожжённый мост через Днестр погас прежде, чем развалиться, и через него, хоть и с риском, но можно было переправиться.

На следующее утро даниилово войско перешло Днестр и окружило Галич. Осаждённые вскоре сдали город, а королевича Коломана взял в плен сам Даниил. Но молодой князь уже был не только смелым воином, но и здравомыслящим политиком. Он решил не ссориться с венгерским королём и попросту отослал королевича к отцу.

Тем не менее Андрей II пришёл в ярость, собрал войско и объявил поход. «Не станет в Галиче камень на камень, — говорил он, — никто уже теперь не избавит его от моей руки». Но как только венгерское войско достигло Карпат, начались проливные дожди, лошади тонули, люди спасались на высоких местах. Король упорно вёл войско дальше, дошёл до Галича и осадил его. Для защиты города Даниил оставил небольшую дружину под командованием Дамьяна. Воевода не сдавал города, а король вскоре был вынужден снять осаду и увести своё войско, потому что страшный недуг поразил его людей: «Кожа падала у венгров с ног, как обувь». Галичане нападали на отставших, убивали и брали в плен, а ещё больше венгров умерло по дороге от этой жуткой болезни.

Венгры не унялись и попытались взять реванш в 1232 г. Однако кампании 1232 и 1233 гг. были выиграны Даниилом.

Между тем в Польше Владислав Ласконогий, уступив Краков Лешко Казимировичу, тихо жил в своём уделе. Однако вскоре на него напал племянник Владислав, сын Оттона; в русских летописях он фигурирует как Одонич. Вскоре эта усобица охватила всю Польшу. В 1227 г. Владислав Одонич нанёс страшное поражение Ласконогому и занял почти все его владения. Тогда на помощь Ласконогому пришли князья Лешко Краковский, его брат Конрад Мазовецкий и Генрих Бреславский. Сторону Одонича принял его зять (брат жены) князь Святополк Поморский. Их объединённое войско неожиданно напало на князей — сторонников Ласконогого, в этом бою был убит Лешко Казимирович — номинальный правитель Польши.

Тогда брат Лешко Конрад призвал на помощь русских князей Даниила и Василька Романовичей — старых союзников покойного Лешко. Русские полки вместе с поляками осадили город Калиш. Даниил хотел взять город, но поляки отказались идти на штурм, несмотря на то, что Конрад, «любя русский бой», приказывал им идти вместе с Русью. Осаждённые же, видя

приготовления русских к приступу, послали к Конраду двоих послов для переговоров. Один из посланников, Пакослав, предложил Даниилу переодеться в его одежду и поехать с ним в Калиш для переговоров. Даниил сперва отказался, но брат Василько уговорил его: «Ступай, послушай их вече», поскольку один из посланников, Мстиуй, не вызывал доверия у Конрада.

Даниил, надев шлем Пакослава, поехал в Калиш и, встав там позади послов, слушал, что просят осаждённые передать Конраду: «Скажите вот что великому князю Конраду, этот город не твой ли, и мы разве чужие, ваши же братья, что ж над нами не сжалитесь? Если нас Русь пленит, то какую славу Конрад получит? Если русская хоругвь станет на забралах, то кому честь доставишь? Не Романовичам ли одним? А свою честь унизишь! Нынче брату твоему служим, а завтра будем твои, не дай славы Руси, не погуби нашего города». Пакослав отвечал на это: «Конрад-то бы и рад вас помиловать, да Даниил очень лют, не хочет отойти прочь, не взявши города. Да вот он и сам стоит, поговорите с ним», — прибавил он, смеясь, и указывая на Даниила. Князь снял шлем, а калишане закричали ему: «Смилуйся, помирись». Романович от души посмеялся и хорошо поговорил с горожанами, потом взял двоих человек, привёл их к Конраду, и тот заключил с ними мир.

В этом походе русские захватили в полон много челяди и знатных боярынь. Но тут между Русью и Польшей был заключён договор, что если впредь случится между ними война, то полякам не пленять русской челяди, а русским — польской.

Князя Даниила и Василько Романовичи возвратились домой с честью и славой: как говорил русский летописец, ни один русский князь не входил так далеко в землю Польскую, кроме Владимира Великого, который землю крестил.

В ходе этой усобицы князь Конрад Мазовецкий совершил величайшую ошибку, за которую позже веками станут расплачиваться русский и польский народы. Он пригласил на территорию Польши рыцарей Тевтонского ордена. Наивный князь думал, что немцы защитят от набегов язычников — пруссов и литовцев.

В 1225 г. послы Конрада предложили магистру Тевтонского ордена Герману фон Зальцу Хельмскую (Кульмскую) землю в обмен на обязательство защищать польский народ от набегов язычников. В 1226 г. германский император Фридрих II предоставил Ордену владение Кульмской землёй и всеми землями, которые он впредь завоюет у пруссов, но в виде императорского лена, без всякой зависимости от мазовецких

князей. В 1228 г. в новые владения Ордена с большим отрядом рыцарей прибыл первый областной магистр Пруссии Герман Балк. В 1230 г. последовало окончательное утверждение всех условий с Конрадом, и Орден начал свою деятельность на новых землях.

О непосредственных столкновениях новых германских завоевателей с Русью до нас дошёл лишь смутный рассказ летописца, датированный 1235 г. По его словам, Даниил сказал: «Не годится держать нашу отчину крестовым рыцарям», и пошёл с братом на них «в силе тяжкой, взял город, захватил в плен старшину Бруно, ратников и возвратился во Владимир».

На Руси же продолжались усобицы за обладание Галицким княжеством. Опуская подробности, скажу лишь, что на короткое время Галич захватил Михаил Черниговский, но в 1238 г. он был выбит оттуда Даниилом Романовичем.

Батыево нашествие выходит за рамки нашего исследования. Об этом рассказано во второй книге серии «Друзья и враги России. Золотая Орда».

Из-за татарского вторжения и возникновения Великого княжества Литовского официальные прямые контакты Польши с Великим князем Владимирским, а затем с Москвой прервались в 1239 г. А в дальнейшем, если польские короли вели переговоры с Москвой, то формально они представляли только великого князя литовского. Как заметил историк и дипломат Вильям Похлёбкин: «...став вновь соседями через 330 лет, Польша и Русь обнаружили, что они представляют по отношению друг к другу совершенно чуждые, враждебные государства с диаметрально противоположными государственными интересами»^[14]. Об отношениях Руси с Великим княжеством Литовским и Прибалтикой будет рассказано в отдельной книге этой серии.

Поэтому я расскажу лишь о нескольких конфликтах поляков с Даниилом Галицким и его потомками.

С 1246 г. папа Иннокентий IV параллельно пытался завести переговоры и с северными и с южными русскими князьями. Так, в 1250 г. в Новгород к Александру Невскому прибыло чрезвычайное посольство от римского папы. Причём папское послание было датировано 8 февраля 1248 г. Александр, как известно, заявил папским послам Гольду и Гементу: «От вас учения не принимаем».

Даниил Романович, напротив, пошёл на переговоры, руководствуясь интересами Галицкой Руси и, разумеется, своими собственными. Иннокентий IV отправил доминиканского монаха Алексея с товарищами для постоянного пребывания при дворе Даниила, поручил архиепископу Прусскому и Эстонскому легатство на Руси, позволил русскому

духовенству совершать службу на заквашенных просвирах, признал законным брак брата Даниила Василька на своей родственнице, уступил требованию Даниила, чтобы никто из крестоносцев и других духовных лиц не мог приобретать имений в русских областях без позволения князя.

Даниилу в первую очередь от папы нужна была помощь против татар. Но время крестовых походов прошло. Да и в XI–XII вв. крестовые походы организовывались с целью пограбить богатые восточные страны, а попутно и Константинополь. Сражаться же за идею, да ещё со страшными монголами, никто не хотел. Для порядка папа отправил в 1253–1254 гг. несколько булл к христианам Богемии, Моравии, Сербии, Померании, Ливонии и др. с призывом устроить крестовый поход против монголов. Но на его призыв так никто и не откликнулся.

Тогда вместо помощи против татар Иннокентий IV предложил Даниилу королевский титул в награду за соединение с Римской церковью. Но галицкого князя не прельстила корона. «Рать татарская не перестаёт: как я могу принять венец, прежде чем ты подашь мне помощь?», — велел ответить он папе.

В 1253 г. во время пребывания Даниила в Кракове у князя Болеслава туда прибыли папские послы с короной и пожелали встретиться с галицким князем. Даниил отделался от них, велел передать, что не годится ему встречаться с папскими послами на чужой земле. На следующий год послы опять явились с короной и обещанием помощи. Даниил, не веря в обещания, опять хотел отказаться от королевского титула, но мать и польские князья уговорили его: «Прими только венец, а мы уже будем помогать тебе на поганных». Римский папа даже отправил специальное послание Даниилу, в котором проклинал тех, которые ругали православную греческую веру, и обещал созвать собор для обсуждения вопроса о соединении церквей.

Дело кончилось тем, что князь Даниил короновался в начале 1254 г.^[15] в Дорогичине (Дрогичине). В этом небольшом городке у западной границы Галицкого княжества Даниил оказался во время похода на ятвягов. Видимо, у него были какие-то веские основания поспешить с коронацией. Получив корону, Даниил забыл обо всех обещаниях, сделанных римскому папе (к этому времени на папском престоле уже сидел Александр IV), и не обращал внимания на его укоры и увещевания.

В Риме рассердились, и в 1255 г. папа Александр IV разрешил буллой литовскому князю Миндовгу грабить Галицкую и Волынскую земли. В 1257 г. римский папа пригрозил Даниилу за непослушание крестовым походом на Галицко-Волынскую Русь. Но и Даниил, и Александр IV

прекрасно понимали, что это пустые угрозы, просто «надо ведь было что-то сказать».

Таким образом, никаких материальных выгод сношения с Римом Даниилу Романовичу не дали, но впредь и он, и его потомки именовались королями.

В 1264 г. умирает король Даниил. Королём становится его сын Лев, который управлял княжеством («королевствовал») совместно с братьями Мстиславом и Шварном (Роман, видимо, к тому времени уже умер), а дядя их Василько по-прежнему княжил на Волыни.

В 1279 г. умер бездетный Болеслав V Стыдливый (1226–1279 гг.) — князь краковский, и в Польше началась очередная усобица. Болеславу наследовал старший из двоюродных племянников Лешко Чёрный, князь мазовецкий и сераджский, сын Казимира Конрадовича, и краковская шляхта утвердила его на княжение (годы правления 1279–1288).

Король Лев Даниилович решил предложить свою кандидатуру на краковский престол, но, по выражению летописца, «бояре сильные не дали ему земли». Тогда Лев в порядке компенсации решил завладеть несколькими приграничными польскими городами и стал просить татарского хана Ногая помочь ему войсками. Ногай людей дал, и Лев с татарскими полками и сыном Юрием вступил в польские владения. К нему присоединились родной брат Мстислав, князь Луцкий, и двоюродный брат Владимир Васильевич, князь Волынский. О двух последних летописец говорит, что пошли они «неволей татарскою».

К Кракову Лев шёл, по словам летописца, «с гордостью великою, но возвратился с великим бесчестием», поскольку при Гошличе, в двух милях от Сандомира, был разбит поляками наголову. А в 1281 г. Лешко Чёрный вторгся в Галицкую область, взял город Перевореск (Пршеворск), сжёг его, а всех жителей перебил. Другой польский отряд численностью двести человек вошёл в волынские земли у Берестя. Поляки разорили с десяток сёл и пошли назад. Но жители Берестя во главе с воеводой Титом, всего около семидесяти человек, напали на поляков, убили восемьдесят человек, остальных взяли в плен и возвратили всё награбленное.

Затем начались усобицы между князьями мазовецкими — детьми Семовита Конрадом и Болеславом. Конрад обратился за помощью к князю волынскому Владимиру Васильковичу, тот послал сказать: «Скажи брату — бог будет мстителем за твой позор, а я готов тебе на помощь», и стал собирать полки. Послал князь Владимир и к своему племяннику князю холмскому Юрию Юльвовичу, тот ответил: «Дядюшка! С радостью бы пошёл и сам с тобою, но некогда: еду в Суздаль жениться, а с собою беру

немногих людей: так все мои люди и бояре богу на рука да тебе, когда тебе будет угодно, тогда с ними и ступай».

Владимир Василькович собрал полки и двинулся к Берестью, но прежде послал к Конраду посла. Тот, опасаясь неверных бояр, сказал Конраду: «Брат твой Владимир велел тебе сказать: с радостью бы помог тебе, да нельзя: татары мешают». При этом посол взял князя за руку и крепко пожал её. Князь догадался, уединился с послом и тогда услышал радостную весть: «Брат велел тебе сказать: приготавлийся сам и лодки приготовь на Висле, рать у тебя будет завтра». На следующий день волынское войско переправилось через Вислу и пошло с Конрадом во владения Болеслава. Полки осадили город Гостинный. Конрад стал подстрекать их на штурм: «Братья мои, милая Русь! Ступайте, бейтесь дружнее!» Часть войска двинулась под стены, а остальные полки остались на месте, на случай внезапного нападения поляков с тыла.

Вскоре город был взят, разграблен и сожжён, жители частично перебиты, частично взяты в плен. Волынские полки с победой и великой честью вернулись домой, потеряв всего двух человек, да и то не при штурме Гостинного, а по дороге. Один был родом прусс, а другой — придворный слуга князя Владимира, любимый его сын боярский Рах Михайлович. Когда русские войска шли мимо Сохачева (Сохоцин), то князь Болеслав Семовитович выехал из города, чтобы поймать кого-нибудь небольшой отряд, на всё же войско он напасть боялся.

Князь Владимир приказал своим воеводам не распускать войска, но тридцать человек отделились и поехали в лес, чтобы ловить челядь из окрестных сёл, скрывавшуюся от них. Болеслав напал на отряд, все разбежались, кроме двоих — Раха и прусса. Прусс бросился на самого Болеслава, но тут же был убит, а Рах убил знатного боярина Болеслава, но и сам заплатил жизнью за свой подвиг. По словам летописца, умерли они мужественно и оставили по себе славу будущим векам.

Глава 2

Московское царство и Речь Посполитая

Польша и Литва в XIV–XV вв.

В 1385 г. Польша и Литва заключили Кревскую унию. Эта уния была личной, то есть объединения двух государств не произошло, они лишь управлялись единым монархом, которым стал великий князь литовский Ягайло (после перехода в католичество Владислав I), женившийся на польской королеве Ядвиге.

Лишь в 1569 г. в результате Люблинской унии Литва и Польша слились в одно унитарное государство — Речь Посполитую, что означало на практике с внешнеполитической точки зрения для России переход всех литовских претензий к Польше.

Русско-польские отношения начались не с войны, а с мира. Весной 1570 г. в Москву прибыли большие литовские послы Ян Кротошевский и Николай Тавлош. На переговорах спорили о полоцких границах, и не

пришли к согласию. Тогда послы, чтобы облегчить дело, попросили позволения переговорить с самим царём, поскольку считали, что ему особенно выгодно заключить мир. Царь Иван спросил, почему, и послы ответили: «Рада государя нашего Короны Польской и Великого княжества Литовского советовались вместе о том, что у государя нашего детей нет, и если господь бог государя нашего с этого света возьмёт, то обе рады не думают, что им государя себе взять от бусурманских или от иных земель, а желают избрать себе государя от славянского рода, по воле, а не в неволю, и склоняются к тебе, великому государю, и к твоему потомству».

Царь отвечал: «И прежде эти слухи у нас были. У нас божиим милосердием и прародителей наших молитвами наше государство и без того полно, и нам вашего для чего хотеть? Но если вы нас хотите, то вам пригоже нас не раздражать, а делать так, как мы велели боярам своим с вами говорить, чтоб христианство было в покое».

Далее царь в длинной речи, занявшей 44 страницы в посольской книге, рассказал послам по порядку историю отношений Москвы и Литвы в его царствование и заключил, что война не от него, а от короля. Когда Иван закончил говорить, послы заявили, что не все поняли, поскольку многих русских слов не знают, и попросили дать им эту речь в письменном виде. Иван ответил, что писарь их всё слышал и всё понял, и может им пересказать. Писарь испугался и сказал: «Милостивый государь! Таких великих дел запомнить невозможно: твой государский от бога дарованный разум выше человеческого разума».

22 июня 1570 г. в Москве послы подписали перемирие сроком на три года с момента ратификации в Варшаве, то есть со 2 мая 1571 г. По его условиям, обе стороны должны были владеть тем, что контролировали на данный момент.

Для присутствия на ратификации в Варшаву царь направил двух послов — князей Канбарова и Мещерского. Послам была выдана секретная инструкция, что делать в случае смерти короля: «Если король умер, и на его место посадят государя из иного государства, то с ним перемирия не подтверждать, а требовать, чтоб он отправил послов в Москву. А если на королевстве сядет кто-нибудь из панов радных, то послам на двор не ездить. А если силою заставят ехать и велят быть в посольстве, то послам, вошедши в избу, сесть, а поклона и посольства не править, сказать: это наш брат; к такому мы не присланы; государю нашему с холопом, с нашим братом, не приходится через нас, великих послов, ссылатся».

Сразу же после смерти короля Сигизмунда в 1572 г. польские и литовские паны развили бурную деятельность в поисках нового короля.

Неожиданно среди претендентов на польский престол оказался царевич Фёдор, сын Иван Грозного. Напомню, что царевичу тогда было 15 лет, наследником престола числился его старший брат Иван (убит он будет лишь в 1581 г.).

Движение в пользу московского царевича возникло как сверху, так и снизу, независимо друг от друга. Ряд источников говорит о том, что этого желало православное население Малой и Белой Руси. Аргументом панов — сторонников Фёдора было сходство польского и русского языков и обычаев. Замечу, что тогда языки различались крайне мало.

Другим аргументом было наличие общих врагов Польши и Москвы — немцев, шведов, крымских татар и турок. Сторонники Фёдора постоянно приводили пример великого князя литовского Ягайло, который, будучи избран в короли, из врага Польши и язычника стал другом и христианином. Пример того же Ягайло заставлял надеяться, что новый король будет больше жить в Польше, чем в Москве, поскольку северные жители всегда стремятся к южным странам. Стремление же расширить и сберечь свои владения на юго-западе, в стороне Турции или Германской империи, также заставит короля жить в Польше. Ягайло в своё время клятвенно обязался не нарушать законов польской шляхты, то же мог сделать и московский царевич.

Паны-католики надеялись, что Фёдор примет католичество, а паны-протестанты вообще предпочитали православного короля королю-католику.

Главным же аргументом в пользу царевича были, естественно, деньги. Жадность панов и тогда, и в годы Смутного времени была патологическая. О богатстве же московских великих князей в Польше, да и во всей Европе, ходили фантастические слухи.

Дав знать царю Ивану через гонца Воропая о смерти Сигизмунда II Августа, польская и литовская Рада тут же объявили ему о своём желании видеть царевича Фёдора королём польским и великим князем литовским. Иван ответил Воропаю длинной речью, в которой предложил в качестве короля... себя самого.

Сразу возникло много проблем, например, как делить Ливонию. Поляки не хотели иметь Грозного царя королём, а предпочитали подростка Фёдора. В Польшу и Литву просочились сведения о слабоумии царевича и т. д. Главной же причиной срыва избирательной кампании Фёдора Ивановича были, естественно, деньги. Радные паны требовали огромные суммы у Ивана IV, не давая никаких гарантий. Царь и дьяки предлагали на таких условиях сумму в несколько раз меньшую. Короче, не сошлись в

цене.

А тем временем французский посол Монлюк предложил радным панам кандидатуру Генриха Анжуйского, брата французского короля Карла IX и сына Екатерины Медичи. Довольно быстро образовалась французская партия, во главе которой стал староста^[16] бельский Ян Замойский. При подсчёте голосов на сейме большинство было за Генриха. Монлюк поспешил присягнуть за него в сохранении условий, знаменитых «Раста Conventa». Протестанты были против короля — брата Карла IX. Они боялись повторения Варфоломеевской ночи в Кракове или Варшаве, но Монлюк успокоил их, дав за Генриха присягу в охранении всех прав и вольностей.

В августе 1573 г. двадцать польских послов в сопровождении 150 человек шляхты приехали в Париж за Генрихом. Стали обсуждать условия: поляки потребовали, чтобы не только Генрих подтвердил права польских протестантов, но чтоб и французские гугеноты получили свободу вероисповедания, как обещал полякам Монлюк. С большим трудом королю Карлу IX и папскому нунцию Лавро удалось убедить польскую делегацию отказаться от последнего требования, но польским протестантам были обещаны права в полном объёме. Этот пример хорошо иллюстрирует силу протестантов и атмосферу веротерпимости в Польше в конце 1573 г.

Польский сейм XV в.

В начале 1574 г. двадцатитрехлетний принц прибыл в Польшу и стал королём. Во Франции ему не приходилось заниматься какими-либо государственными делами, он не знал ни польского, ни даже латинского языка. Новый король проводил ночи напролёт в пьяных пирушках и за карточной игрой с французами из своей свиты.

В 1574 г. король подписал так называемы «Генриховы артикулы», в которых он отрекался от наследственной власти, гарантировал свободу вероисповедания диссидентам (то есть не католикам), обещал не решать никаких вопросов без согласия постоянной комиссии из шестнадцати сенаторов, не объявлять войны и не заключать мира без сената, не разбивать на части «посполитного рушения», созывать сейм каждые два года не больше чем на шесть недель. В случае неисполнения какого-либо из этих обязательств шляхта освобождалась от повиновения королю. Так

узаконивалось вооружённое восстание шляхты против короля, так называемый «рокош»^[17] (конфедерация). Рокош воскресил старый принцип феодального права, в силу которого вассал мог на законном основании восстать против сеньора, нарушившего свои обязательства по отношению к нему.

Внезапно прибыл гонец из Парижа, сообщив королю о смерти его брата Карла IX 31 мая 1574 г. и о требовании матери (Марии Медичи) срочно возвращаться во Францию. Поляки своевременно узнали о случившемся и предложили Генриху обратиться к сейму дать согласие на отъезд. Что такое польский сейм, Генрих уже имел кой-какое представление, и счёл за лучшее ночью тайно бежать из Кракова.

К беспорядку в Речи Посполитой все давно привыкли, но чтобы король бежал с престола — такого ещё не бывало. Радные паны чесали жирные затылки: объявлять ли бескорольеве или нет? Решили бескорольеве не объявлять, но дать знать Генриху, что если он через девять месяцев не вернётся в Польшу, то сейм приступит к избранию нового короля. В Москву были отправлены послы от имени Генриха с известием о восшествии его на престол и об отъезде его во Францию, причём будто бы он поручил радным панам сноситься с иностранными государствами.

Генрих, естественно, возвращаться в Польшу не пожелал, а взошёл на французский трон под именем Генриха III. Ряд панов вновь предложили кандидатуру царевича Фёдора, и опять с царём Иваном не сошлись в цене.

В 1575 г. в Варшаву прибыли послы Священной Римской империи. Император Максимилиан предложил в польские короли своего брата эрцгерцога Фердинанда и обещал, что Фердинанд будет вносить в Польшу большую часть своих доходов, а именно 150 тысяч талеров ежегодно, и ещё 50 тысяч талеров на ремонт старых и постройку новых пограничных крепостей, приведёт с собой сильные полки немецкой пехоты для отражения неприятелей.

Ещё в 1574 г., после бегства Генриха, турецкий султан прислал грамоту с требованием, чтобы поляки не выбирали австрийца, который обязательно вовлечён их в войну с Портой. Султан предлагал полякам выбрать кого-нибудь из своих, например сендомирского воеводу Яна Костку, а если уж поляки хотят выбрать короля из чужих, то тогда шведского короля или седмиградского князя Стефана Батория. Шведы предлагали полякам своего короля Иоанна III или его сына Сигизмунда, а на худой конец, сестру покойного польского короля Анну. Замечу, что сам шведский король был женат на другой дочери Сигизмунда II — Екатерине. В ноябре 1575 г. открылся избирательный сейм. 12 декабря австрийская партия, состоявшая

в основном из польских вельмож, провозгласила королём императора Максимилиана, а 14 декабря шляхта провозгласила королевну Анну с условием, что она выйдет замуж за Стефана Батория. У австрийской стороны были все шансы выиграть, поскольку Литва и Пруссия также поддерживали кандидатуру Максимилиана. Однако когда польские послы приехали к императору Максимилиану, тот стал выдвигать новые условия, не удовлетворившие поляков.

Между тем Баторий с войском вошёл в польские пределы, 18 апреля 1576 г. торжественно въехал в Краков и уже 1 мая короновался.

В связи со сложной политической обстановкой в Прибалтике Иван IV решил создать марионеточное Ливонское королевство. Датский герцог Магнус принял предложение царя Ивана стать его вассалом и в мае 1570 г. был по прибытии в Москву провозглашён «королём Ливонским». Русское правительство обязалось предоставлять новому государству, обосновавшемуся на острове Эзель, военную и материальную помощь, чтобы оно могло расширить свою территорию за счёт шведских и литовско-польских владений в Ливонии.

До конца 1576 г. перемирие между Россией и Польшей более-менее соблюдалось. В январе 1577 г. пятидесятитысячное русское войско под началом боярина Ивана Васильевича Шереметева вторглось в Северную Ливонию и осадило Ревель. Однако город взять не удалось.

Летом того же года сам царь выступил из Новгорода в поход, но пошёл не к Ревелю, а в польскую Ливонию. Самозванный правитель Ливонии литовский гетман Карл (Ян) Ходкевич не рискнул вступить в бой с русскими и со своим малочисленным войском удалился в пределы Литвы. Большинство южноливонских городов — Мариенбург, Люцин, Динабург и другие — без единого выстрела сдавались русским воеводам. Держалась одна Рига.

Окончив поход, Иван IV с частью войска отправился в Россию, оставив вместе себя воевод Ивана Шуйского и Василия Сицкого. Сразу же после отъезда царя на русские войска с севера напали немцы, а с юга — литовцы. В декабре 1577 г. литовцы внезапно напали на сильно укреплённый замок Венден и овладели им. Марионеточный король Магнус перебежал к полякам.

В 1578 г. русские войска в Ливонии перешли в контрнаступление и 25 июля взяли город Оберпаллен и осадили Венден. В это время литовский отряд Сапеги соединился в районе Пернова со шведским отрядом воеводы Бойэ, наступавшим с севера. Форсированным маршем объединённое войско двинулось к Вендену и 21 октября атаковало русских. Татарская

конница сразу бежала с поля боя, а русские отступили в свой укреплённый лагерь. Ночью четверо воевод — князь Иван Голицын, окольный Фёдор Шереметев, князь Андрей Палецкий и дьяк Андрей Щелкалов — бежали с конницей, а наутро противник овладел лагерем. Литве и шведам достались 17 тяжёлых осадных орудий, причём несколько пушкарей, не желая сдаваться в плен, повесились на своих орудиях. Согласно ливонским хроникам, под Венденом из 18-тысячной русской рати погибло 6022 человека.

Надо заметить, что все эти операции литовские магнаты вели в инициативном порядке, и у них в 1577–1578 гг. была, так сказать, частная война с Иваном Грозным. С новоизбранным же королём Стефаном у царя было перемирие. У Стефана же в тот период была частная война со своими подданными — жителями города Данцига (ныне г. Гданьск).

Король нарушил их права, и горожане объявили, что до тех пор не признают Стефана королём, пока их права не будут возвращены и пока не будет подписано соглашения с императором. Однако император Максимилиан в 1576 г. умер, и Данцигу теперь неоткуда было ждать помощи. Стефан осаждал город до конца 1577 г., после чего ему пришлось заключить с горожанами мир на довольно выгодных для них условиях.

В июле 1576 г. Стефан отправил в Москву послов Груденского и Буховецкого с предложением не нарушать перемирия и прислать опасную грамоту на великих послов. Однако в грамоте Иван IV был назван не царём, а великим князем, а также содержалось несколько других, недопустимых с точки зрения дипломатического этикета, положений. Возмущённые бояре ответили послам: «Мы удивились, что государь ваш не называет нашего государя царём и великим князем смоленским и полоцким и отчину нашего государя, землю Лифляндскую, написал в своём титуле. Государь ваш пришёл на королевство Польское с небольшого места, с воеводства Седмиградского, которое подчинено было Венгерскому государству. А нашего государя все его братья, великие господа, главные на своих королевствах, называют царём: так вам бы, паны, пригоже было советовать Стефану королю, чтобы вперёд таких дел не начинал, которые к разлитию христианской крови приводят». Послов не позвали обедать за то, что они не объявили о родстве Батория, но опасную грамоту на великих послов всё-таки дали.

Узнав о походе царя Ивана в Ливонию в 1577 г. и о взятии там городов у поляков, Баторий упрекал Ивана в том, что тот, послав опасную грамоту и не объявив войны, забирает у него города. Царь отвечал на это: «Мы с божиею волею отчину свою, Лифляндскую землю, очистили, и ты бы свою

досаду отложил. Тебе было в Лифляндскую землю вступаться непригоже, потому что тебя взяли с Седмиградского княжества на Корону Польскую и на Великое княжество Литовское, а не на Лифляндскую землю. О Лифляндской земле с Польшею и Литвою что велось, то делалось до тебя: и тебе было тех дел, которые делались до тебя, перёд себя брать непригоже».

В январе 1578 г. в Москву приехали «великие польские послы» воевода мазовецкий Станислав Крыйский и воевода минский Николай Сапега^[18] и начали говорить о «вечном мире». Но обе стороны выдвигали такие условия, что заключение вечного мира было невозможно. Кроме Ливонии, Курляндии и Полоцка царь требовал Киев, Канев, Витебск, и обосновывал свои требования, выводя родословную литовских князей от полоцких Рогволодовичей. «Эти князья (Гедиминовичи), — говорил он, — были славные великие государи наши братья, во всей вселенной ведомые и по родству (по коленству) нам братья, поэтому Корона Польская и Великое княжество Литовское — наши вотчины, ибо из этого княжеского рода не осталось никого, а сестра королевская государству не отчич. Князья и короли польские были в равенстве, в дружбе и любви с князьями галицкими и другими в той уkraine, о Седмиградском же государстве нигде не слыхали. И государю вашему, Стефану, в равном братстве с нами быть непригоже, а захочет с нами братства и любви, так он бы нам почёт оказал».

Послы обиделись за своего государя и привели в пример царя Давида, который также был избран из низкого звания, но и тут Иван не растерялся и велел отвечать послам: «Давида царя бог избрал, а не люди».

Тем не менее в январе 1578 г. в Москве было подписано очередное перемирие сроком на три года, считая от 25 марта 1578 г. Причём в грамоте, подписанной от имени царя, было внесено условие: «Тебе, соседу [а не брату. — А. Ш.] нашему, Стефану королю в вашей отчине, Лифляндской и Курляндской земле, в наши города, мызы, пристанища морские, острова и во всякие уголья не вступаться, не воевать, городов не заседать, новых городов не ставить, из Лифляндии и Курляндии людей и городов к себе не принимать до перемирного срока». В польской же грамоте, написанной послами от имени Стефана, это условие отсутствовало.

Но Стефан не собирался выполнять условия перемирия. Он не очень надеялся на польские и литовские войска и нанял в Германии и Чехии несколько полков пехоты, а также закупил в Западной Европе лучшие по тем временам пушки и нанял к ним прислугу. Приготовившись таким образом, Баторий в июне 1579 г. послал в Москву гонца с объявлением

войны. Причиной же разрыва отношений он назвал вступление Ивана в Ливонию, несмотря на перемирие с Литвой.

Под Полоцком войска Батория расположились следующим образом: у Двины стала венгерская пехота, у их лагеря был наведён понтонный мост. Ниже венгров на берегу реки Полоти стал лагерь воевода трокский Николай Радзивилл с литовскими войсками и польскими частными армиями (в польских источниках их именовали «охотниками»). По другую сторону Полоти была ставка короля и находились королевские войска. Их лагерь окружали повозки, соединённые железными цепями и установленные за глубоким рвом с насыпью. Выше королевского лагеря расположился немецкий наёмный отряд.

Осадные действия начались со стороны венгров. Были проведены подступы к стенам внешних укреплений, остававшихся на Заполотье, и открыта по ним бомбардировка из пушек. Видя невозможность здесь удержаться, осаждённые подожгли укрепление и удалились в Большой город.

У стен Большого города осаждающие построили укрепление, откуда открыли огонь из осадных орудий. Ядра пробивали деревянные стены, но не разрушали их. Тогда стали бросать калёные ядра по способу, изобретённому самим Баторием во время венгерских междоусобных войн, но и против них полоцкие стены оказались неуязвимыми. С. М. Соловьёв писал: «...жители, старики и женщины бросались всюду, где вспыхивал пожар, и тушили его, на верёвках спускались со стен, брали воду и подавали в крепость для гашения огня. Множество при этом падало их от неприятельских выстрелов, но на место убитых сейчас же являлись новые работники».

Взятие Полоцка Стефаном Баторием

Отдавая должное врагу, король Стефан писал, что «московиты в обороне крепостей стойкостью и мужеством превосходят все иные нации».

Царь, узнав об осаде Полоцка, двинул туда передовые отряды под начальством окольных Бориса Шеина и Фёдора Шереметева. Но эти воеводы, увидев, что все дороги к Полоцку перегорожены войсками Батория, заняли крепость Сокол и оттуда препятствовали подвозу фуража и продовольствия к осаждавшим, избегая столкновений в чистом поле с высланными против них полками под начальством Криштофа Радзивилла и Яна Глебовича.

Вскоре в лагере осаждавших начался голод. Положение их осложнялось ещё и тем, что начались проливные дожди, дороги размыло, обозные лошади падали, а ратники не могли найти сухого места даже под шатрами. Особенно страдали немцы, привыкшие воевать в богатых,

густонаселённых странах.

Не видя способа справиться с возникшими трудностями, король созвал военный совет. Большинство воевод высказалось за то, чтобы немедленно идти на приступ, но Баторий не согласился. «Если приступ не удастся, — говорил он, — что тогда останется делать? Отступить со стыдом!» Пообещав венграм большие награды, король уговорил их подобраться к стенам крепости и зажечь их одновременно со всех сторон.

В первый же выдавшийся ясный день, 29 августа, венгры подобрались к стенам и подожгли их. Пламя быстро распространялось, и осаждённые в течение целого дня не могли потушить пожаров. А король с большей частью войска в это время стоял на дороге к Соколу, боясь, что засевшие там русские воеводы, увидев зарево, двинутся на помощь Полоцку. Однако помощи не было, и осаждённые стали думать о сдаче. Десять русских посланников спустились со стен, чтобы начать переговоры, но венгры убили их, поскольку не желали никаких переговоров, а хотели взять крепость приступом, чтобы потом разграбить её. Особенно венгров прельщала церковь Святой Софии, о богатствах которой ходили легенды. Поэтому венгры, не дождавшись королевского приказа, кинулись в город сквозь пылавшие стены, а за ними двинулась и польская пехота. Но защитники города к этому времени уже успели выкопать ров в том месте, где прогорела стена, встретили нападавших залпами из пушек и отогнали их.

На следующий день пожары и натиски осаждавших возобновились. Тогда стрельцы с воеводой Волынским вновь послали людей для переговоров. На этого раз переговоры состоялись, и город был сдан с условием свободного выхода всем ратным людям. Причём некоторые поступили на службу к королю Стефану, но большинство предпочло вернуться в Россию.

В московских Разрядных книгах о капитуляции города записано: «Король Стефан Полоцк взял изменою, потому что изменили воеводы, что были худы, а милы были им жёны, а как голов и сотников побили, то воеводы город сдали, а сами били челом королю в службу с детьми, с людьми и со стрельцы. Всего воинского люду в Полоцке было 6000. Сдал Полоцк королю Пётр Волынский со стрельцами».

Среди тех, кто отличился под стенами Полоцка, был запорожский казак Корнила Перевал. Король дал казаку наследственное дворянство и герб с изображением натянутого лука со стрелой. Через десять лет потерявший в боях здоровье Корнила вышел в отставку и нажил сыновей Рыгора и Богдана, положив начало знаменитому роду Перевальских,

которые со временем станут именоваться на польский манер Пржевальскими.

Вслед за Полоцком войска Батория до конца 1579 г. овладели и рядом близлежащих укрепленных городков и замков. Козьян и Красный казаки под началом Франтишка Жука взяли ещё до начала осады Полоцка. Козьян разрушили сразу, а с Красным вышла иная история: приставив к стенам лестницы, казаки ворвались в крепость, захватили вместе с гарнизоном продовольствие и несколько бочек вина. Как следует отпраздновав победу, казаки крепко уснули. А тем временем из замка Суша тихо подошёл отряд из восьми сотен стрельцов, перебил сонных победителей, а крепость сжёг.

После взятия Полоцка литовский отряд князя Константина Лукомского двинулся к крепостице Туровля. Московские воеводы бросили крепостицу со всеми орудиями и припасами и бежали. На радостях князь и его воинство перепились и начали стрелять из орудий. От удачного попадания мортирной бомбы деревянные постройки загорелись, и крепостца выгорела дотла.

Деревянная одиннадцатибашенная крепость Сокол стояла на высоком холме при слиянии рек Нищи и Дриссы. Сокол был осаждён немецкой пехотой и польской кавалерией. Несколько калёных ядер подожгли деревянную стену. У командовавшего конным отрядом Шереметева нервы не выдержали, и он пошёл на прорыв. Польская кавалерия гнала русских несколько вёрст, зарубив многих, включая Шереметева. Пешие стрельцы под командованием воеводы Шеина под ударом немцев отступили в замок. Причём около пятисот наёмников на плечах русских ворвались в замок, однако стрельцам удалось закрыть ворота и перебить немцев, всех до единого.

25 сентября 1579 г. Сокол был взят немцами, а уцелевшие русские перебиты. Командир наёмников полковник Вейер говорил, что бывал он во многих битвах, но нигде не видел такого множества трупов, лежавших на одном месте.

Больше на этом холме никто не селился, а окрестные крестьяне в 1912 г. ещё находили там обломки оружия и кости.

Весть о потере Полоцка и Сокола настигла царя Ивана в Пскове. Он срочно двинулся в глубь страны и уже с дороги послал грамоту в замок Суша, в которой, против своего обыкновения, разрешил гарнизону отступить, но предварительно зарыть в землю иконы и испортить пушки и порох. Но гарнизон Суша не выполнил волю государя, а может быть, просто не успел. Каменный замок сдался, а шесть тысяч его защитников с ручным оружием отправились домой. Полоцкий воевода Миколай

Дорогостайский взял в крепости 21 большое орудие, 136 гаковниц, 123 длинные ручницы, 100 бочек пороха весом 2, 5 тысячи пудов и три тысячи железных ядер.

В конце 1579 г. Баторий вернулся в Вильно. Ещё в середине сентября он отправил Ивану грамоту, в которой писал, что по восшествии на престол главным старанием его было сохранить мир со всеми соседями, и везде он в этом преуспел. Один только царь Иван прислал ему гордую грамоту, в которой требовал Ливонию и Курляндию. «Так как нам не годилось, — писал король, — исполнить это требование, то мы сели на коня и пошли под отчинный наш город Полоцк, который господь бог нам и возвратил: следовательно, кровь христианская проливается от тебя». Иван ответил: «Другие господари, твои соседи, согласились с тобою жить в мире, потому что им так годилось. А нам как было пригоже, так мы с тобою и сделали. Тебе это не полюбилось, а гордым обычаем грамоты мы к тебе не писывали и не дельвали ничего. О Лифляндской же земле и о том, что ты взял Полоцк, теперь говорить нечего, а захочешь узнать наш ответ, то для христианского покоя присылай к нам послов великих».

Начались переговоры, а тем временем Баторий лихорадочно готовился к войне. Он повсеместно занимал деньги у магнатов и ростовщиков, в этом королю хорошо помогал канцлер Ян Замойский. Родной брат Батория князь седмиградский прислал ему большой отряд венгров. Поскольку польские шляхтичи отказывались служить в пехоте, то Баторий впервые в Польше ввёл воинскую повинность. Было приказано в королевских имениях из двадцати крестьян выбирать одного, которого по выслуге срочного времени освобождать навсегда самого и всё потомство от всех крестьянских повинностей. Между прочим, решение это позже привело к значительному увеличению безземельной шляхты.

Не зная намерений польского короля, Иван Грозный должен был растянуть свои войска, послав полки и к Новгороду, и к Пскову, и к Кокенгаузену, и к Смоленску. На южных границах по-прежнему было неспокойно, и там необходимо было оставить сильные полки, а на северо-западе надо было отбиваться от шведов.

В кампанию 1580 г. Баторий решил двинуться к Великим Лукам, но, чтобы русские не разгадали его намерений, приказал войскам собраться под Часниками — городком на реке Уле, расположенном на равном расстоянии и от Смоленска, и от Великих Лук. Поэтому до последнего момента русские не знали, куда двинет король свои войска.

Баторий выступил к Великим Лукам. Королевское войско насчитывало 50 тысяч человек, в том числе 21 тысячу пехоты. Деревянную крепость

Велиж удалось быстро поджечь калёными ядрами, и гарнизон был вынужден сдаться. Затем сдался Усвят.

Баторий стоял уже у Великих Лук, когда к нему в стан прибыли московские послы князь Сицкий и Пивов. Окрылённые успехом короля, поляки и литовцы напрочь забыли о дипломатическом этикете. От самой границы московских послов встречали оскорблениями. Первым их приветствовал шляхтич, посланный оршанским воеводой Филоном Кмитой, но гонористый пан заявил, что он прибыл от воеводы *смоленского* Филона Кмита. Послы показали, что им не чуждо чувство юмора, и ответили: «Филон затевает нелепость, называя себя воеводою *смоленским*. Он ещё не тот Филон, который был у Александра Македонского. Смоленск — вотчина государя нашего. У государя нашего Филонов много по острожным воротам».

Когда московские послы подъезжали к королевскому стану, гайдуки начали палить из ручниц возле посольских лошадей, и пыжи падали на послов. А Баторий, принимая послов, против государева имени и поклона не встал, шапки не снял, о здоровье также не спросил. Послы потребовали от короля снять осаду Великих Лук, и тогда они станут править ему посольство, так как им велено править посольство на королевской земле, а не под государевыми городами. На это паны им ответили: «Ступайте на подворье!» А виленский воевода крикнул вслед: «Ступайте на подворье! Пришли с бездельем, с бездельем и пойдёте». Послы просили, чтобы король отошёл от Великих Лук хотя бы на то время, пока они будут править посольство, но паны не согласились.

Так и не добившись уступок, послы были вынуждены начать переговоры. Они уступали королю Полоцк, Курляндию и 24 города в Ливонии, но король требовал всей Ливонии, Великие Луки, Смоленск, Псков и Новгород. Послы попросили позволения отправить в Москву к государю гонца за новыми инструкциями. Гонец был отправлен, а тем временем королевским войскам удалось поджечь крепость. Осаждённые начали переговоры о сдаче, но венгры, боясь лишиться добычи, ворвались в город и начали резать всех, кто попадался под руку. Поляки последовали их примеру, и Замойскому удалось спасти только двух русских воевод.

Князь Збаражский с польской, венгерской и немецкой конницей разбил князя Хилкова под Торопцом. Невель был подожжён и сдался. Озерище сдалось сразу, не дожидаясь пожара. Защитники сильной крепости Заволочье отбили первый приступ, но затем всё же сдались отряду Замойского.

Оршанский воевода Филон Кмита, которому уж очень не терпелось

стать смоленским воеводой, с девятитысячным литовским отрядом двинулся к Смоленску. У деревни Настасьино под Смоленском его встретил русский отряд под началом Ивана Михайловича Бутурлина. Литовцы были разбиты и укрылись в обозе, а с наступлением темноты бежали. Русские лишь наутро обнаружили отсутствие неприятеля. Тем не менее конница Бутурлина настигла литовцев в сорока верстах от Смоленска на Спасских лугах. Трофеями русских стали несколько знамён, 10 пушек, 50 затынных пищалей и 370 пленных.

После взятия Великих Лук Стефан Баторий отправился в Полоцк. Но военные действия, несмотря на зиму, продолжались. В феврале 1581 г. литовцы ночью подошли к крепости Холм и заняли её, затем выжгли Старую Русу, в Ливонии взяли замок Шмильтен и вместе с Магнусом опустошили Дерптскую область до Нейгайзена, то есть до русской границы. С другой стороны шведский воевода Понтус Делагарди вступил в Карелию. В ноябре 1580 г. шведы взяли Кексгольм, где, по сведениям литовских летописцев, было убито две тысячи русских. В Эстонии шведы осадили городок Падис, находившийся в шести милях от Ревеля. Гарнизон Падиса под начальством воеводы Чихаева, несмотря на страшный голод, держался. Тринадцать недель защитника не видели хлеба, съели всех лошадей, собак, кошек, сено, солому, кожи, а по некоторым сведениям, были отдельные случаи поедания человеческого мяса. Наконец в декабре 1580 г. шведы взяли Падис. В начале 1581 г. Делагарди ушёл из Карелии и неожиданно появился в Ливонии под Везенбергом и осадил его. В марте 1581 г. город сдался при условии свободного выхода осаждённых.

В марте же 1581 г. московские воеводы ходили из Можайска в литовские земли, были у Дубровны, Орши, Могилёва, под Шкловом, имели удачную битву с литовскими войсками и благополучно возвратились в Смоленск.

А король Стефан в это время готовился к третьему походу. Он занял денег у прусского герцога, саксонского и бранденбургского курфюрстов.

На польском сейме, собранном в феврале 1581 г., король заявил, что мало радоваться успехам, а надо пользоваться ими. И если поляки не желают или не надеются покорить всё Московское государство, то по крайней мере они не должны слагать оружие до тех пор, пока не закрепят за собой всей Ливонии. Потом король объяснил, как ему вредно каждый год отрываться от войска и спешить на сейм для требования денежных поборов, что от этого собственное войско ослабевает, а у неприятеля появляется возможность восстановить свои силы, что запаздывание со сбором денег заставляет терять самое удобное для военных действий

время. И король предложил, чтобы избежать всех этих проблем, ввести двухлетний побор.

Сейм сначала воспротивился королевскому предложению, но потом согласился. Но земские послы попросили короля, чтобы следующим, третьим походом он постарался закончить войну, так как шляхта и особенно её крестьяне совершенно изнурены поборами и не в состоянии далее выносить их.

Война войной, а мирные переговоры не прекращались. Русские послы Сицкий и Пивов ехали за королём Стефаном от Великих Лук до Варшавы. Затем приставы повели послов за королём к Полоцку. Всю дорогу литовцы бесчестили послов, избивали их людей, грабили, не давали послам еду и их лошадям корма, отчего много лошадей пало.

Затем прибыли новые царские послы думные дворяне Иван Пушкин и Фёдор Писемский. Им было дано указание соглашаться на передачу королю всей Ливонии, за исключением только четырёх городов. Но Баторий не только по-прежнему требовал всей Ливонии, а ещё добавил к своим требованиям уступки Себежа и выплаты 400 тысяч венгерских золотых за военные издержки. Послы отказались продолжать переговоры и попросили дозволения послать гонца к царю за новым наказом.

Иван Грозный направил с гонцом к Стефану грамоту, начинавшуюся словами: *«Мы, смиренный Иоанн, царь и великий князь всея Руси, по божиему изволению, а не по многоятежному человеческому хотению»*. Не менее резко грамота и заканчивалась: *«Ясно, что хочешь беспрестанно воевать, а не мира ищешь. Мы бы тебе и всю Лифляндию уступили, да ведь тебя этим не утетишь. И после ты всё равно будешь кровь проливать. Вот и теперь у прежних послов просил одного, а у нынешних просишь уже другого, Себежа. Дай тебе это, ты станешь просить ещё и ни в чём меры себе не поставишь. Мы ищем того, как бы кровь христианскую унять, а ты ищешь того, как бы воевать. Так зачем же нам с тобою мириться? И без миру то же самое будет»*.

Послам же царь направил наказ уступить королю завоёванные им русские города, но зато требовать в Ливонии Нарву, Юрьев и 36 других замков, и только на таких условиях заключить перемирие на шесть-семь лет. Паны удивились новым условиям, на что послы ответили, что Баторий свои условия изменил, и государь их сделал то же самое, и уехали на своё подворье.

Переговоры закончились: Баторий выступил в поход, а Ивану послал ругательную грамоту, в которой обзывал его фараоном московским, волком, вторгнувшимся к овцам, человеком, исполненным яда, ничтожным и

грубым. «Для чего ты не приехал к нам с своими войсками, — писал Баторий, — для чего своих подданных не оборонял? И бедная курица перед ястребом и орлом птенцов своих крыльями прикрывает, а ты, орёл двуглавый (ибо такова твоя печать), прячешься!» Наконец Баторий вызывает Ивана на поединок!

Летом 1581 г. войско Стефана Батория двинулось на Псков. По польским данным, с королём шло 100 тысяч человек, по тем же данным, в Пскове находилось 7 тысяч конницы и 50 тысяч пехоты. Сведения явно преувеличенные, но, увы, они за отсутствием других вошли в историю. Для начала Баторий взял небольшую русскую крепость Остров в пятидесяти верстах от Пскова. Каменные стены Острова была разрушены осадными пушками поляков, и крепость пала. Замечу, что поляков и литвы в осадной артиллерии почти не было. Командовал ею венгерский воевода Юрий Зиновьев, а прислуга состояла в основном из немцев и венгров.

18 августа передовые отряды противника подошли к стенам Пскова. Русскими войсками в Пскове командовали князья Иван Петрович Шуйский и Василий Фёдорович Скопин-Шуйский. Воеводы, увидев малочисленность авангарда королевского войска, пошли на вылазку и на несколько вёрст прогнали противника.

26 августа к городу подошли основные силы поляков^[19] во главе со Стефаном Баторием. Король приказал поставить свой шатёр недалеко от стен Пскова на московской дороге у церкви Николы Чудотворца.

Как говорилось в «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков»: «Государевы же бояре и воеводы не велели стрелять по шатрам днём, но все орудия для этого велели днём приготовить. Когда же были поставлены многие шатры и наступила ночь, приблизительно часу в третьем, повелели ударить по ним из больших орудий. Наутро же не увидели ни одного шатра, и, как рассказывали языки, многие знатные паны были тут убиты»^[20]. Есть сведения, что король сказал по этому поводу: «В Литве нет ни одной такой пищади, которая бы так далеко стреляла!»

1 сентября поляки приступили к осадным работам. Как гласит «Повесть...»: «...начали копать большие траншеи от своих станов по большой Смоленской дороге к Великим воротам и к церкви Алексея, человека божия, и также от неё к городу — к Великим, Свиным и Покровским воротам. И выкопали за три дня пять больших длинных траншей. А в тех траншеях, как впоследствии подсчитали ходившие туда, выкопаны в земле большие землянки, как целые дома, и даже с печками, сто тридцать две большие избы и девятьсот четыре меньшие. В больших

тех землянках расположились ротмистры и сотники, в меньших устроились жить гайдуки. И так, окопавшись землёю, хитрым таким способом совсем приблизились к городу, так что между ними и городской стеной был только один городской ров. Злоумышленно и очень хитро они приблизились к городу, копая и роя землю, как кроты; из земли, которую выкапывали для траншей, они насыпали огромные горы со стороны города, чтобы с городской стены не было видно их передвижения. В насыпных земляных валах провертели бесчисленные окна [амбразуры. — А. III.], предназначенные для стрельбы во время взятия города и вылазок из города против них.

Потом, того же месяца сентября в 4 день, ночью прикатили и поставили туры. Первые — у церкви человека божия Алексея, на расстоянии около полупоприща^[21] от града Пскова, тут решено быть съезжать двору; также и другой двор турами защитили, рядом с первым, но ближе к Великой реке; да туры боевые поставили: один против Свиных ворот, вторые — против Покровской угловой башни, третьи туры боевые — за Великою рекою против того же Покровского угла. Все те пять тур засыпали в ту же ночь землёю. В пятый день сентября приволокли и поставили в три боевые туры орудия...

Того же месяца сентября в 7 день, в четверг, в первом часу дня, начали бить из орудий по городу — из трёх тур, из двадцати пищалей; и били по городу беспрестанно весь день до ночи. Так же и утром пять часов беспрестанно по граду били из орудий и разбили двадцать четыре сажени городской стены до земли, и Покровскую башню все до земли сбили, и у Угловой башни разрушили весь охаб — до земли, и половину Свиной башни сбили до земли, и стены городские разбили местами на шестьдесят девять саженей. Всё это разбили и городскую стену во многих местах проломили»^[22].

На следующий день, 8 сентября, поляки пошли на приступ. Им удалось захватить две башни — Покровскую и Свиную. На башнях были подняты королевские хоругви, и оттуда поляки открыли огонь по городу. Король был уверен, что штурм удался, и его воины ворвались в Псков.

Но на Похвальском раскате прислуга развернула огромную пищаль «Барс» и ударила по Свиной башне, где было убито множество поляков. А тем временем по приказу И. П. Шуйского под Свиной башней был заложен мощный пороховой заряд. Раздался страшный грохот, и башня развалилась, погребя под собой поляков. В пролом в стене и на Покровскую башню двинулись свежие силы русских ратников. В первых рядах их шли с

иконами монахи Арсений — келарь Печерского монастыря, Иона Наумов — казначей Снетогорского монастыря, и игумен Мартирий. В миру они были детьми боярскими, и храбро вступили в рукопашный бой с противником.

Русским удалось не только вытеснить поляков из пролома в стене, но и ворваться во вражеские траншеи. По приказу воевод на помощь ратникам пришли женщины Пскова. Как гласит «Повесть...»: «Тогда все бывшие в Пскове женщины, по домам сидевшие, хоть немного радости в печали узнали, получив благую весть, и забыв о слабости женской, и мужской силы исполнившись, все быстро взяли оружие, какое было в доме и какое им было по силам. Молодые и средних лет женщины, крепкие телом, несли оружие, чтобы добить оставшихся после приступа литовцев; старые же женщины, немощные телом, несли в своих руках короткие верёвки, собираясь ими литовские орудия в город ввезти. И все бежали к пролому, и каждая женщина стремилась опередить другую. Множество женщин сбежалось к проломному месту, и там великую помощь и облегчение принесли они христианским воинам. Одни из них, как уже сказал, сильные женщины, мужской храбрости исполнившись, с литвою бились и одолевали литву; другие приносили воинам камни, и те камнями били литовцев на стене города и за нею; третьи уставшим воинам, изнемогшим от жажды, приносили воду и горячие их сердца утоляли водою...

Уже близился вечер, а литовские воины всё ещё сидели в Покровской башне и стреляли в город по христианам. Государевы же бояре и воеводы вновь Бога на помощь призвали, и христианский бросили клич, и в едином порыве все, мужчины и женщины, бросились на оставшихся в Покровской башне литовцев, вооружившись кто чем, как бог надоумил: одни из ручниц стреляли, другие камнями литву побивали; одни поливали их кипятком, другие зажигали факелы и метали их в литовцев, и по-разному их уничтожали. Под Покровскую башню подложили порох и подожгли его, и так с божьей помощью всех оставшихся в Покровской башне литовцев уничтожили, и по благодати Христовой вновь очистилась каменная псковская стена от поправших её поганных литовцев»^[23].

Любопытно, что ратники и женщины Пскова шли бить литовцев, неся иконы и воспевая хвалу святому Довмунту.

Штурм города поляки провалили. Осаждённые потеряли убитыми 863 человека, ранеными 1626 человек, а осаждавшие — более пяти тысяч человек убитыми. В числе убитых были и любимый воевода Батория венгр Бекеша Кабур, великий венгерский (угорский) гетман Пётр, пан Дерт Томас (англичанин?), пан Мартын и другие.

После неудачного штурма псковские ратники почти ежедневно ходили на вылазки. Пленных регулярно доставляли в город, где их допрашивали о состоянии дел в королевской войске. 17 сентября в ходе одной из стычек у Варлаамских ворот был захвачен пленник, показавший, что под стены Пскова ведётся сразу девять подкопов. Однако точного расположения подкопов пленный указать не мог. Немедленно по приказу воевод из города начали вести несколько слуховых ходов.

20 сентября из польского стана явился перебежчик, некий Игнаш. Раньше он был полоцким стрельцом, а после взятия Полоцка его добровольно-принудительно зачислили в королевское войско. И вот он-то и рассказал воеводам и показал со стены, против каких мест ведутся подкопы. В «Повести...» говорится, что «против тех подкопов скоро и спешно начали копать слуховые ходы, и сентября в 23 день, божьей милостью, наши русские слуховые сошлись с литовскими подкопами между Покровских и Свиных ворот, и злодейский их умысел с помощью Христовой расстроился. Так же и другой подкоп, под Покровскую башню, перехватили, а остальные литовские подкопы за городом сами обрушились. И так, божьей милостью, и этот литовский план окончательно расстроился»^[24].

Поскольку упрямый король не хотел уходить от Пскова, его воеводы предприняли даже заведомо обречённые на неудачу способы захвата города. Опять процитирую «Повесть...»: «28 октября со стороны реки Великой под городскую стену пробрались литовские гайдуки, градоёмцы и каменотёсы и, закрывшись специально сделанными щитами, начали подсекать кирками и всякими орудиями для разбивания камня каменную стену от Покровской угловой башни и до водяных Покровских ворот, чтобы вся стена, подсечённая, упала в реку Великую. А деревянную стену, что построена для укрепления рядом с каменной, хотели зажечь. В то же время из-за реки Великой по народу, стоящему у городской стены, решили стрелять из орудий, и так надеялись окончательно взять город.

Государевы же бояре и воеводы, увидев такой над городом умысел, против замыслов литвы для обороны города со своей стороны повелевают зажжённое смоляное тряпье на литву и на щиты их метать, чтобы от огня щиты их загорелись, а сами они от удушливого дыма из-под стены выбегали или же там сгорали. Литовские же воины, понуждаемые силой, всё это терпели и стояли, упорно и настойчиво подсекая стену.

Государевы же бояре и воеводы повелели провертеть сквозь деревянную и каменную стены частые бойницы и из тех бойниц стрелять по подсекающим из ручниц и копьями их колоть. Кроме того, лили на них

горячую смолу, дёготь и кипяток, зажжённый просмолённый лён на них кидали, и кувшины с порохом в них бросали. Те литовские гайдуки, что надёжно укрылись, продолжали долбить стену; другие же, охваченные огнём и дымом, не в силах терпеть, стремглав выбегали из-под стены. Чтобы ни одному из этих проворных литовских гайдуков не дать убежать, были расставлены опытные псковские стрельцы с длинными самопалами. Некоторые литовские градоёмцы так глубоко продолбили стену, что уже и без щита могли её подсекать, и ни горячей водой, ни огнём пылающим их нельзя было выжить, но и против этих, особенно смелых, благосудные государевы бояре и воеводы с мудрыми христианскими первосоветниками придумали для спасения города следующее: повелели навязать на шесты длинные кнуты, к их концам привязать железные палки с острыми крюками. И этими кнутами, спустив их с города за стену, стегали литовских камнетёсов и теми палками и острыми крюками извлекали литву, как ястребы клювами утят из кустов на заводи; железные крюки на кнутах цеплялись за одежду и тело литовских хвастливых градоёмцев и выдёргивали их из-под стены; стрельцы же, как белые кречеты набрасываются на сладкую добычу, из ручниц тела их клевали и литве убежать никоим образом не давали»^[25].

Но Баторий не унимался и решил атаковать стены города через реку Великую. На другом берегу реки было построено несколько осадных батарей. Пять дней по стенам били тяжёлые пушки. В конце концов часть стены рухнула, и 2 ноября поляки по льду реки пошли на приступ. Однако русские воеводы не дремали и за пять дней подтянули к стене напротив осадных батарей несколько десятков своих пушек. Причём на сей раз русские пушкарки не вели контрбатарейной стрельбы, а, замаскировав пушки, ждали штурма. В итоге подбежавшие к пролому поляки были встречены страшным залпом из пушек и ручниц. Уцелевшие бросились назад, «оставив на льду реки мост из трупов».

После 2 ноября поляки заметно приуныли, дисциплина упала, и королевское войско проспало стрелецкий полк Фёдора Мясоедова. Не только стрельцы, но и многочисленный обоз с продовольствием проследовал без единого выстрела через позиции осаждающих. Поляки заметили отряд, лишь когда арьергард стрельцов проходил через городские ворота.

В 3 часа ночи 6 ноября польские войска начали тихо отволакивать осадные орудия из туров и траншей. К рассвету укрепления осаждающих были пусты.

Теперь Баторию ничего не оставалось делать, как мириться.

Посредником в переговорах с Иваном IV стал нунций иезуит Антоний Поссевино. Он прибыл 18 августа 1581 г. к царю Ивану в Старицу в качестве посла папы Григория XII. Вместе с ценными подарками папа прислал царю книгу о Флорентийском соборе и грамоту, где писал: «Посылаю твоему величеству книгу о Флорентийском соборе печатную; прошу, чтобы ты её сам читал и своим докторам приказал читать: великую от того божью милость и мудрость, и разум получишь. А я от тебя только одного хочу, чтоб святая и апостольская церковь с тобою в одной вере была, а всё прочее твоему величеству от нас и от всех христианских государей будет готово».

13 декабря 1581 г. в деревню Запольной Ям съехались польские и русские послы. Польшу представляли воевода брауловский Януш Шбаражский, воевода виленский и гетман литовских Криштоф Радзивилл и секретарь (писарь) великий князь литовский Михаил Гарабурда. Русскую сторону представляли князь Дмитрий Елецкий и думный дворянин печатник Роман Олферьев-Безнин. В качестве посредника присутствовал тот же Поссевино.

Замечу, что, приехав в Запольной Ям, послы убедились, что деревня в основном была сожжена, и им пришлось отправиться в деревню Киверова гора в 15 верстах от Запольного Яма. Переговоры шли бурно, и об изменении места переговоров в документах не упомянули, поэтому в историю договор 1582 г. вошёл по имени сгоревшей деревни, а с лёгкой руки историка С. М. Соловьёва её переименовали из Ям Запольной в Ям Запольский. Поэтому в советских учебниках истории писали, что 6 января 1582 г. был заключён русско-польский *Запольский* мирный договор. Что он не Запольский, а Запольный, мы уже знаем, и был это не мирный договор, а всего лишь перемирие сроком на десять лет.

Согласно условиям перемирия, Россия отказывалась в пользу Речи Посполитой от всех своих владений в Прибалтике и от владений своих вассалов и союзников: от Курляндии, уступая её Польше; от 40 городов в Ливонии, переходящих к Польше; от города Полоцка с поветом (уездом); от города Велижа с округой. Речь Посполитая возвращала царю захваченные в течение последней войны псковские коренные земли: «пригороды» Пскова (то есть города Псковской земли — Опочку, Порхов и др., попавшие в зону военных действий); Великие Луки, Невель, Холм, Себеж — исконные новгородские и тверские земли, захваченные в ходе последней трёхлетней войны.

В русском экземпляре договора за царём сохранялся титул «царя», то есть императора (цесаря), в польском варианте он не упоминался. В

русском экземпляре царь именовался также «властитель Ливонские и Смоленский», а в польском «властителем Ливонским» именовался польский король, а титул «Смоленский» не принадлежал никому.

Историк Н. М. Карамзин, оценивая Запольский договор, назвал его «самым невыгодным и бесчестным для России миром из всех, заключённых до того времени с Литвой».

5 октября 1582 г. произошло крайне неприятное как для историков, так и для читателей событие — папа Григорий XII заменил старый юлианский календарь на новый, позже получивший название григорианский. 5 октября 1582 г. по приказу папы велено было считать 15 октября. Естественно, что царю Ивану римский папа был не указчик, и в России остался юлианский календарь, или, как его у нас называли, старый стиль.

В XVI и XVII в. разница в старом и новом стилях составляла 10 дней, а далее с каждым веком увеличивалась на один день.

Глава 3 Сигизмунд III и Брестская уния

2 (12) декабря 1586 г.^[26] умер Стефан Баторий. 20 декабря об этом стало известно в Москве. Недавний опыт показал, как важно было для Москвы избрание короля в Польше. Поэтому Борис Годунов и другие бояре решили выставить кандидатуру царя Фёдора (1557–1598) и активно участвовать в избирательной кампании.

20 января 1587 г. в Польшу было отправлено посольство во главе с думным дворянином Елизаром Ржевским. В царской грамоте говорилось: «Вы бы, паны рады, светские и духовные, смолвившись между собою и со всею землёю, о добре христианском порадели, нашего жалованья к себе и государем нас на Корону Польскую и Великое княжество Литовское похотели, чтоб этим обоим государствам быть под нашею царскою рукою в общедательной любви, соединении и докончании; а мы ваших прав и вольностей нарушать ни в чём не хотим, ещё и сверх прежнего во всяких чинах и вотчинах прибавлять и своим жалованьем наддавать хотим». О будущем местопребывании короля польского и русского царя Фёдора было сказано, что он поочерёдно будет править то в Польше, то в Литве, то в Москве. В Польше же и Литве будут по-прежнему управлять радные паны и сноситься с иностранными послами по второстепенным делам. С важными же делами послы должны прибывать в Москву к царю Фёдору, а с ними вместе по два радных пана из Польши и Литвы.

Увы, Борис Годунов повторил ошибку Ивана Грозного. Ляхам и литве нужны были не обещания, пусть даже вполне реальные, а наличные «бабки», и притом немедленно.

Ночью к московским послам тайно явились воевода трокский Ян Глебович и коронный стольник князь Василий Пронский и прямо потребовали денег на подкуп радных панов. Послы отвечали, что об этом им наказа нет, да и казны с ними нет.

Наконец на втором съезде сейма радные паны уже среди бела дня и публично заявили послам: «Даст ли им государь на скорую оборону 200 тысяч рублей? Без чего об избрании Феодора говорить нельзя». Послы ответили, что государь государства не покупает, но если он будет избран, то послы займут и дадут панам до 60 тысяч польских золотых. Паны возразили, что этого мало. Послы увеличили сумму до 100 тысяч, но паны не согласились и на это. Они говорили: «Царь обещал давать шляхте землю на Дону и Донцу; но в таких пустых местах какая им прибыль будет? Да

далеко им туда и ездить. У нас за Киевом таких и своих земель много. Как вам не стыдно о таких землях и в артикулах писать! Будет ли государь давать нашим людям земли в Московском государстве, в Смоленске и северских городах?» Послы отвечали: «Чья к государю нашему служба дойдёт, того государь волен жаловать вотчиною и в Московском государстве».

Ещё раз подчеркну: всё это паны говорили публично и от лица «Польской республики». Кончилось дело, как и в прошлые разы: московские бояре и паны не сошлись в цене на польскую корону.

Конкурентами царя Фёдора стали эрцгерцог Максимилиан Австрийский и наследный принц Сигизмунд, сын шведского короля Иоанна III.

Тут придётся сказать несколько слов о шведской династии Ваза. К началу XVI в. Швеция находилась в династической (Кальмарской) унии с Данией. Правил обоими королевствами датский король Кристиан II.

В 1521 г. шведский рыцарь Густав Ваза поднял восстание против короля Кристиана II. Датские войска потерпели поражение, и в 1523 г. ригсдаг (парламент) избрал Густава Вазу королём Швеции. Новый король расторг унию. Вскоре датская аристократия свергла Кристиана II и с датского престола. Новый датский король Фридрих I признал Густава Вазу королём Швеции. На этом Кальмарская уния окончательно прекратила своё существование.

Густав Ваза испытывал крайнюю нужду в денежных средствах и попытался поправить дело за счёт церкви. Это привело его к конфликту с епископами и Римом. В Швеции получили свободу проповеди лютеранские священники. Первыми новое вероисповедание приняли горожане Стокгольма — с 1525 г. богослужение стало вестись здесь на шведском языке, а год спустя Олаус Петри перевёл Евангелие с латинского на шведский язык. В 1527 г. на ригсдаге в Вестеросе король, поддержанный в первую очередь дворянством, настоял на секуляризации церковного имущества.

Официально реформацию приняли церковные соборы 1536–1537 гг. В 1539 г. было введено новое церковное устройство. Король стал главой церкви. Церковным управлением ведал королевский суперинтендант с правом назначать и смещать духовных лиц и ревизовать церковные учреждения, включая сюда и епископства. Епископы сохранялись, но власть их ограничивалась советами-консисториями.

Реформация способствовала укреплению независимости шведского государства в форме централизованной сословной монархии.

Густаву Вазе удалось укрепить не только шведское государство, но и королевскую власть. Однако, сделав многое для централизации королевской власти, Густав, верный средневековой традиции, разделил королевство на четыре части, отдав их во владения своим сыновьям Эрику, Иоанну, Магнусу и Карлу. После смерти Густава в 1560 г. его старший сын стал править под именем Эрика XIV, а три младших брата остались полунезависимыми правителями с не определёнными законом правами по отношению к королю.

Вскоре Эрик вступил в конфликт с родным братом Иоанном (Юханом), герцогом Финляндским, и большей частью шведской аристократии. 29 сентября 1568 г. в Стокгольме вспыхнуло восстание. Эрик был свергнут с престола, объявлен сумасшедшим и заключён в тюрьму. На престол взошёл его брат Иоанн (Юхан) III.

Новый король был женат на Екатерине (1526–1583 гг.), дочери Сигизмунда I Старого. Таким образом, королевич Сигизмунд имел с Ягеллонами родство по женской линии. Однако в историю он вошёл как Сигизмунд Ваза.

9 (19) августа 1587 г. группа панов — сторонников Яна Замойского — провозгласила королём Сигизмунда. Конкурирующий клан Зборовских, в свою очередь, объявил королём эрцгерцога Максимилиана. Любопытно, что литовские паны не участвовали в избрании обоих «королей», а направили своих представителей к русским послам и напрямую потребовали, чтобы царь Фёдор заявил о переходе в католичество и чтобы им немедленно было выдано для начала 100 тысяч рублей наличными. Послы сказали, что на это ответ уже дан, и другого ответа не будет.

Оба новоизбранных короля поспешили ввести в Польшу по «ограниченному контингенту» своих войск. Максимилиан с австрийцами осадил Краков, но штурм был отбит. Между тем с севера со шведским войском уже шёл Сигизмунд. Население столицы предпочло открыть ворота шведам. Сигизмунд мирно занял Краков и немедленно там короновался (27 декабря 1587 г.). Замечу, что, присягая, Сигизмунд III повторил все обязательства предшествующих королей в отношении диссидентов.

Тем временем коронный гетман Ян Замойский со своими сторонниками дал сражение Максимилиану при Бычике в Силезии. Австрийцы были разбиты, а сам эрцгерцог взят в плен. В начале 1590 г. поляки освободили Максимилиана с обязательством не претендовать более на польскую корону. За него поручился брат — император Священной Римской империи.

Но, в отличие от прежних королей Польши, Сигизмунд был фанатичным католиком. На его убеждения повлияла и мать — убеждённая католичка, и реформация в Швеции.

Взойдя на престол, Сигизмунд III немедленно приступил к гонениям на диссидентов (то есть не католиков). В 1577 г. знаменитый иезуит Пётр Скарга издал книгу «О единстве церкви божией и о греческом от сего единства отступлении». Две первые части книги посвящались догматическим и историческим исследованиям о разделении церкви, в третьей части содержались обличения русского духовенства и конкретные рекомендации польским властям по борьбе с православием. Любопытно, что в своей книге Скарга именует всех православных подданных Речи Посполитой просто «русскими».

Скарга предложил ввести унию, для которой нужно только три вещи: во-первых, чтобы митрополит Киевский принимал благословение не от патриарха, а от папы; во-вторых, чтобы каждый русский во всех артикулах веры был согласен с Римской церковью; и, в-третьих, чтобы каждый русский признавал верховную власть Рима. Что же касается церковных обрядов, то они остаются прежними. Эту книгу Скарга перепечатал в 1590 г. с посвящением королю Сигизмунду III. Причём и Скарга, и другие иезуиты указывали на унию как на «переходное состояние, необходимое для упорных в своей вере русских».

В книге Скарги и в других писаниях иезуитов средством для введения унии предлагались решительные действия светских властей против русских.

Сигизмунд III твёрдо поддержал идею унии. Православные церкви в Речи Посполитой были организационно ослаблены. Ряд православных иерархов поддался на посулы короля и католической церкви.

24 июня 1594 г. в Бресте был созван православный церковный собор, который должен был решить вопрос об унии с католической церковью. Сторонникам унии правдами и неправдами удалось принять 2 декабря 1594 г. акт унии. Уния расколола русское население Речи Посполитой на две неравные части. Большинство русских, включая и шляхтичей, и магнатов, отказалось принять унию.

29 мая 1596 г. Сигизмунд III издал манифест для своих православных подданных о совершившемся соединении церквей, причём всю ответственность в этом деле брал на себя: «Господствуя счастливо в государствах наших и размышляя о их благоустройстве, мы, между прочим, возымели желание, чтобы подданные наши греческой веры приведены были в первоначальное и древнее единство со вселенскою римскою

церквию под послушание одному духовному пастырю. Епископы [униаты, ездившие к папе. — А. III.] не привезли из Рима ничего нового и спасению вашему противного, никаких перемен в ваших древних церковных обрядах: все догматы и обряды вашей православной церкви сохранены неприкосновенно, согласно с постановлениями святых апостольских соборов и с древним учением святых отцов греческих, которых имена вы славите и праздники празднуете».

Повсеместно начались гонения на русских, сохранивших верность православию. Православных священников изгоняли, а церкви передавали униатам.

Православные шляхтичи во главе с князем К. К. Острожским и протестанты во главе с виленским воеводой Криштофом Радзивиллом решили бороться с унией старым легальным способом — через сеймы. Но католическое большинство при сильной поддержке короля на сеймах 1596 г. и 1597 г. сорвало все попытки диссидентов отменить унию. В итоге к уже существующей межконфессиональной розни добавился и конфликт между униатами и православными. Да и вообще Сигизмунд был человеком из другого мира, чуждый не только своим русским подданным, но и польским панам. Он носил бородку клином, как его современник, жестокий и подозрительный испанский король Филипп, с которого Сигизмунд во многом брал пример. Вместо простого кафтана и высоких сапог, какие носил Баторий и другие польские короли, Сигизмунд одевался в утончённые западные одежды, в чулки и туфли.

В ноябре 1592 г. умер шведский король Иоанн III. Сигизмунд III отпросился на год у сейма, чтобы уладить свои наследственные дела. Он короновался шведской короной в Упсале. Побыв несколько месяцев в Швеции, Сигизмунд отправился в Польшу, поручив управление страной регенту — своему дяде Карлу Зюдерманландскому (1530–1611 гг.)

На родине Сигизмунд популярностью явно не пользовался. Масла в огонь подлила и женитьба Сигизмунда на католичке — австрийской принцессе. С отъездом Сигизмунда в Польшу власть в Швеции постепенно стала переходить к его дяде герцогу Карлу Зюдерманландскому. В 1594 г. он официально был объявлен правителем государства.

В ответ Сигизмунд собрал польские войска и начал боевые действия со Швецией. Он высадился непосредственно на территории Швеции, но в 1597 г. был наголову разбит в битве при Стонгебру. Одновременно начались и боевые действия в Эстляндии, которые шли до 1608 г. с переменным успехом.

Сигизмунд III успел поссориться и с запорожскими казаками. На

сейме 1590 г. король потребовал ограничить число казаков шестью тысячами человек, подчинить их коронному гетману, воспретить продажу простонародью пороха, свинца и оружия в Киевской земле и т. д.

Ответом стало первое большое казацкое восстание. Его возглавил православный шляхтич Кристоф Косинский. 19 декабря 1591 г. казаки взяли Белоцерковский замок. Вслед за Белой Церковью восставшие заняли Триполье, а немного позднее — Переяслав (на левом берегу Днепра). В июне 1592 г. казаки осадили Киев, но взять его не смогли.

23 января 1593 г. под местечком Пятка вблизи города Чуднова казаки Косинского встретились с польским войском под началом Константина Острожского. Сражение длилось целую неделю и закончилось подписанием мирного соглашения.

Но вскоре боевые действия возобновились. Сейм 1593 г. постановил «считать казаков врагами отечества». В конце лета того же года на мирных переговорах в городе Черкассы Косинский был предательски убит слугой князя Александра Вишневецкого. Тем не менее при заключении мира панам пришлось пойти на уступки казакам.

Но гибель Косинского стала не концом, а началом казацких войн. 5 октября 1594 г. казаки Северина Наливайко вместе с брацлавскими мещанами напали на шляхту, съехавшуюся в Брацлав, и перебили её. История Северина Наливайко сходна с историей Богдана Хмельницкого. Его отец имел хутор в Гусятине недалеко от города Острога. Поляк пан Калиновский решил купить землю у старого Наливайко. Получив отказ, поляк до смерти забил старика. Его сын стал казацким артиллеристом (пушкарём), а затем и атаманом. Надо ли говорить, что Северин помнил отца, и пан Калиновский стал одной из первых жертв восстания.

В ноябре 1594 г. повстанцы взяли города Бар и Винницу. На Волыни повстанческое войско весной 1595 г. разделилось на две части. Одна во главе с Наливайко двинулась на запад, на Луцк, а потом повернула на северо-восток, на Могилёв, а другая часть во главе со старшиной Григорием Лободой пошла на юго-восток в направлении Черкасс.

Летом 1595 г. повстанцы Наливайко контролировали всю Малую Русь, за исключением Минска, где засел гетман Криштоф Радзивилл.

Отряд Лободы действовал довольно вяло. Лобода весной 1595 г. вступил в переговоры с поляками и фактически бездействовал.

Вскоре Радзивилл получил подкрепление и сумел выбить Наливайко из Могилёва. Казаки в полном порядке совершили обратный марш через Рогачев и Туров на Волынь.

В марте 1596 г. отряды Наливайко и Лободы соединились. Вскоре

Лобода был отстранён от командования, и его место занял Матвей Шаула. 23 марта гетман Станислав Жолкевский атаковал повстанцев у урочища Красный Камень. Обе стороны понесли тяжёлые потери, Шауле ядром оторвало руку, был ранен и сам Наливайко. Ночью повстанцы отошли к Триполью, а затем к Киеву. Жолкевский из-за больших потерь не решился преследовать их, а отошёл к Белой Церкви. Там гетман написал письмо к сейму, в котором срочно просил помощи, утверждая, что вся земля «оказалась».

В мае 1596 г. Жолкевский, получив подкрепление, осадил лагерь повстанцев в урочище Солоница, недалеко от Лубен. Казаки с трёх сторон укрепили лагерь возами, поставленными в четыре-пять рядов, обнесли его ровом и высоким валом. С четвёртой стороны к лагерю прилегало непроходимое болото. В нескольких местах лагеря были построены срубы, заполненные землёй, на них казаки поставили около 30 пушек.

Жолкевский, имевший 5 тысяч одних только жолнеров, не считая шляхетских отрядов и магнатских команд, не решился на штурм. Он понимал, что имеет дело с людьми, по его же словам, отважными, принявшими «в своём положении» решение сражаться насмерть. И вместо штурма поляки подкупили нескольких предателей, которые в ночь на 24 мая схватили Наливайку и Шаулу и выдали полякам. Они же и пропустили поляков в лагерь. Началась страшная резня, паны и жолнеры убивали всех, кто попадался под руку. Очевидец И. Бельский писал, что «на протяжении мили или больше труп лежал на трупе, ибо всего в лагере с чернью и с жёнами их было до десяти тысяч».

Наливайко был привезён в Варшаву, где после долгих недель пыток его казнили 11 апреля 1597 г.

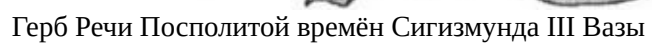
Так закончился XVI век. Польша и Литва вступили при Сигизмунде III в новую эпоху. Сигизмунд ухитрился насмерть поссориться со шведами, а через несколько лет он на много столетий, если не навсегда, поссорит поляков с Россией.

Внутри страны король объявил войну православной церкви и казакам. Если раньше между русскими, литовцами и ляхами шли споры за различные привилегии, то теперь вопрос стоял по-другому — быть или не быть православной вере, русскому языку и вообще русским людям. У них оставалось три выхода: погибнуть, ополячиться или сломить шею Речи Посполитой.

Одним из указов Сигизмунда III Польша получила новый герб. По краям он обрамлён гербами земель, входивших в состав Речи Посполитой. Среди них Великая Польша, Малая Польша, Литва. Но это понятно. Но

затем идут Швеция, Россия, причём не кусками, а целиком, Померания, Пруссия, Молдавия, Валахия и т. д. Боюсь, сейчас какой-нибудь либерал-образованец вступится за бедную Польшу: мол, мало ли какой-то король в конце XVI века на что-то претендовал. Мол, Жириновский тоже хотел мыть сапоги в Индийском океане, но разве это повод обвинять в агрессивности Россию?

Отвечаю. Пример с Жириновским — передёргивание карт, с ним всё ясно. А вот претензии Сигизмунда стали идеологией панства на 500 с лишним лет. Итак, Польша должна была стать сильнейшим государством не только Европы, но и всего мира.

Герб Речи Посполитой времён Сигизмунда III Вазы

Глава 4

Паны идут на Москву

В начале 1602 г. русско-литовскую границу пересекли трое нищенствующих монахов. На них никто не обратил внимания, а между тем этот день, кстати, так и не установленный историками, стал днём начала Великой смуты на Руси и днём начала русско-польского антагонизма, длящегося уже четыре с лишним века.

Скромный инок Григорий, в миру Юрий Отрепьев, бежавший из кремлёвского Чудова монастыря, отделился от монахов-попутчиков и отправился в город Брачин к православному владельческому князю Адаму Вишневецкому. Там инок объявил, что он не кто иной, как царевич Димитрий, который не закололся в Угличе в 1591 г., а был чудесным образом спасён неизвестными лицами.

По одним сведениям, это был трюк со смертельной болезнью и исповедью на смертном одре. По другой версии, Отрепьев помогал князю мыться в бане и получил плеху за небрежность. Тогда оскорблённый «царевич» воскликнул: «Князь, вы не знаете, кого бьёте!», и показал дорогой крест, якобы возложенный на него при крещении крёстным отцом князем Мстиславским.

Адам Вишневецкий признал Отрепьева царевичем. Причём главную роль сыграла не доверчивость князя, а его территориальные споры с Московским государством. В конце XVI в. семейство Вишневецких захватило довольно большие территории вдоль обоих берегов реки Сули в Заднепровье. В 1590 г. польский сейм признал законными приобретения Вишневецких, но московское правительство часть земель считало своими. Между Польшей и Россией был «вечный» мир, но Вишневецкий плевал равно как на Краков, так и на Москву, продолжая захват спорных земель. Самые крупные инциденты случились на Северщине, из-за городков Прилуки и Сиетино. Московское правительство утверждало, что эти городки издавна «тянули» к Чернигову и что «Вишневецкие воровством своим в нашем господстве в Северной земли Прилуцкое и Сиетино городище осваивают». В конце концов в 1603 г. Борис Годунов велел сжечь спорные городки. Люди Вишневецкого оказали сопротивление. С обеих сторон были убитые и раненые.

Вооружённые стычки из-за спорных земель могли привести и к более

крупному военному столкновению. Именно эта перспектива и привела Отрепьева в Брачин. По планам Гришки, Вишневецкий должен помочь ему втянуть в военные действия против Московского государства татар и запорожцев.

Царь Борис обещал князю Вишневецкому щедрую награду за выдачу «вора», но получил отказ. И Вишневецкий, опасаясь того, что Борис применит силу, отвёз Отрепьева подальше от границы в городок Вишневец.

7 октября 1603 г. Адам Вишневецкий пишет коронному гетману и великому канцлеру Польши Яну Замойскому о появлении царевича Димитрия, и бродяга становится для панов законным претендентом на престол.

Узнав от Адама Вишневецкого о появлении самозванца, канцлер Замойский посоветовал Вишневецкому известить обо всем короля, а затем отправить и самого москвитянина либо к королю, либо к нему гетмана.

1 ноября 1603 г. польский король Сигизмунд III пригласил папского нунция Рангони и уведомил его о появлении в имении Адама Вишневецкого москвитянина, который называет себя царевичем Димитрием и намеревается вернуть себе престол с помощью казаков и татар. Король приказал Вишневецкому привезти Отрепьева в Краков и представить подробное донесение о его личности.

Адам Вишневецкий исполнил приказ царя относительно доклада и переслал в Краков подробную запись рассказов Отрепьева. Но переписка с Замойским убедила его в том, что король не склонен поддерживать самозванческую интригу, и поэтому Вишневецкий не спешил передавать самозванца королю.

Дело в том, что и король Сигизмунд III и канцлер Замойский оказались в крайне сложном положении. С одной стороны, им не хотелось нарушать мир и затевать большую войну с Москвой. (Не надо забывать о шведской угрозе с севера и личных счётах Сигизмунда с дядей Карлом.) С другой стороны, король и канцлер были не прочь устроить смуту в России и серьёзно ослабить её. С третьей стороны, король боялся, что в случае успеха похода самозванца за счёт ограбления России и присоединения русских земель укрепитсЯ позиция магнатов и, соответственно, ослабнет королевская власть. Наконец, была вероятность и провала вторжения на Русь, после чего буйные паны, запорожские казаки и всякий сброд могут начать рокош в самой Польше или в Малороссии.

Адам Вишневецкий предпочёл бы действовать с согласия короля и канцлера, но был готов затеять войну и без них. Адам публично в присутствии послов крымского хана заявил, что он в отличие от короля не

связан присягой о мире с царём Борисом и может действовать, не считаясь с мирным договором с Россией. В январе 1604 г. Вишневецкий начал собирать войска в своей вотчине в Лубнах на реке Суле.

Но вскоре между Лжедмитрием и Вишневецким возникли серьёзные разногласия. Вишневецкий не собирался идти на Москву, да и сил для этого у него было мало. Он собирался вести «частную» войну с московскими воеводами на малороссийских землях. Целью «частной» войны Вишневецкого был захват нескольких городков, контролируемых Москвой, а затем — заключение выгодного мира с царём Борисом. Не исключено, что на мирных переговорах голова Отрепьева стала бы разменной монетой. Самозванца, естественно, такие планы князя Адама не устраивали, к тому же у него к началу 1604 г. появились и другие покровители.

Дело в том, что Константин Вишневецкий (двоюродный брат Адама Вишневецкого) познакомил Лжедмитрия со своим тестем, сандомирским воеводой Юрием Мнишком. Проходимец и авантюрист Мнишек буквально ухватился за самозванца. В дело пошла и дочь Мнишка Марина. О пылкой взаимной страсти Лжедмитрия и Марины писали все, кому не лень, от Шиллера до Пушкина. Поэтому на семействе Мнишков мне придётся остановиться подробнее.

Начну с того, что Марина была не польской, а чешской девой. Мнишка, чехи по происхождению, в Польше поселились недавно. Отец Юрия Николай Мнишек переехал в Польшу из Моравии где-то в 1540 г. Родовое имя Мнишков нашло сомнительную славу в хрониках Священной Римской империи, но носитель его принёс с собой большое состояние, нажитое им на службе у короля Фердинанда^[27]. Николай Мнишек выгодно женился на дочери санокского каштеляна Каменецкого и тем самым породнился с одной из аристократических фамилий Польши. Это открыло ему доступ к самым высшим должностям в государстве. Вскоре он получил звание великого коронного подкормия. Подобно своим предкам, потомки Николая Мнишка никогда не блистали военными доблестями. Оба его сына, Николай и Юрий, служили при дворе Сигизмунда II и ничем не проявили себя до тех пор, пока смерть супруги короля Барбары Радзивилл не изменила кардинально его характер.

Женитьба на Барбаре далась Сигизмунду II с большим трудом. Против этого выступали и радные паны, и его мать — вдовствующая королева Бона. В конце концов в мае 1551 г. красавица Барбара была отравлена. Отчаяние и горе короля были безмерными. По завещанию умершей, гроб с её телом повезли в Вильно. Неутешный король всю дорогу от Кракова шёл за фобом пешком. Похоронили Барбару в Кафедральном соборе на

площади Гедемина. Саркофаг с её останками находится там и в наши дни.

Король после смерти любимой так тосковал, что решил с помощью алхимиков — панов Твардовского и Юрия Мнишка — вызвать её душу. В полутёмном зале было всё подготовлено, чтобы с помощью зеркал, на одном из которых была выгравирована Барбара во весь рост в белой одежде, любимой королём, разыграть сцену встречи короля и души Барбары. Короля посадили в кресло и хотели привязать руки к подлокотникам, чтобы он нечаянно не прикоснулся к привидению. Сигизмунд дал слово, что будет сидеть спокойно и только на расстоянии спросит у любимой, как ему жить дальше. Но, когда появилось привидение, он от волнения забыл свою клятву, вскочил с кресла, кинулся к привидению со словами «Басенька моя!», и хотел её обнять. Раздался взрыв, пошёл трупный запах — теперь душа Барбары не могла найти дорогу в могилу, вечно ей скитаться по земле. Поляки до сих пор верят, что она поселилась в Несвижском замке.

В 1553 г. Сигизмунд II женился на двадцатилетней Екатерине Австрийской. Но молодая жена не интересовала короля. Сигизмунд предался разврату и мистицизму, и Мнишки проявили тогда свои таланты. Проворные маклеры и искусные сводники, они доставляли своему безутешному государю колдунов, вызывателей духов, любовниц и разные зелья и средства для возбуждения потехи. В одном монастыре бернардинок воспитывалась юная красавица по имени Варвара. Она была удивительно похожа на покойную королеву. Юрий Мнишек пробрался туда, переодевшись в женское платье, и Варвара согласилась ещё более реальным образом напомнить королю о прелестях столь горячо оплакиваемой супруги. Варвара была дочерью простого мещанина Гижи. Её поселили во дворце, и два раза в день Юрий Мнишек отводил её к королю.

Это «ремесло» возвело его в должность коронного кравчего и управляющего королевским дворцом. В его обязанности входило также наблюдение и за другими любовницами короля, жившими во дворце. В то же время, действуя заодно с братом, Юрий Мнишек приобрёл большое влияние на большинство государственных дел и прибрал к своим рукам распоряжение королевской казны.

Оба брата Мнишка больше всего обогатились в день смерти Сигизмунда II. Король, изнурённый всякими излишествами и уже смертельно больной, отправился с несколькими приближёнными в Книшинский замок в Литву. Разумеется, братья Мнишки и красавица Варвара сопровождали короля в этом путешествии. В ночь после кончины

Сигизмунда они отправили из замка несколько плотно набитых сундуков. В результате этого в замке не нашлось даже одежды, чтобы достойно облачить державного покойника.

Этот скандал наделал такого шума, что на ближайшем сейме были возбуждены публичные прения по этому вопросу. По-видимому, обвиняемым не удалось оправдаться, однако при помощи могущественных покровителей им удалось избежать судебного преследования, которого требовали на сейме, и обязательства вернуть украденное. Краковский воевода Ян Фирлей, великий коронный маршал и зять братьев Мнишков, успешно замял это дело. Мнишки остались по-прежнему богаты, важны и так же презираемы.

Король Стефан Баторий терпеть не мог Юрия Мнишка, и тот должен был удовлетвориться незначительной должностью радомского кастеляна. Сигизмунд III снял опалу с Мнишка.

В 1603 г. Юрию было около пятидесяти лет. На тучном туловище и короткой толстой шее склонного к апоплексии человека сидела продолговатая голова с выпячивающимся подбородком и с лукавым взглядом голубых глаз. Юрий обладал превосходными качествами царедворца. Его почтительные манеры и красноречие снова сослужили ему хорошую службу. Ещё больше Мнишек набил себе цену, выставя напоказ глубокую набожность. Получив Самборскую королевскую экономию, Сандомирское воеводство и Львовское староство, он построил два монастыря — доминиканский в Самборе и бернардинский во Львове, и в то же время пожертвовал десять тысяч флоринов для строительства во Львове иезуитского коллегиума. Он умело делил свои дары между этими тремя влиятельными орденами и не упускал из-за этого возможности укрепить своё положение брачными союзами преимущественно с протестантскими семьями. Католический мир избегал их как зачумлённых, поэтому они были доступнее и представляли весьма выгодные партии. Муж одной из сестёр воеводы — Фирлей — был кальвинист. Другая сестра Мнишка вышла замуж за арианина Стадницкого. Сам Юрий Мнишек женился на Ядвиге Тарло, отец и братья которой были также ариане.

Юрий Мнишек буквально выжимал все соки из Самборского воеводства, но постоянно нуждался в деньгах и не вылезал из долгов. Чтобы выйти из затруднительного положения, Мнишек нашёл одно лишь средство — выгодно выдать замуж своих дочерей. Он не давал за ними приданого, но тем не менее находил им богатых и покладистых мужей. Его старшая дочь Урсула вышла замуж за Константина Константиновича Вишневецкого, вполне способного поддержать своего бедствующего тестя.

Младшая дочь Мария, или Марина, поджидала ещё жениха. В то время ей исполнилось восемнадцать или девятнадцать лет.

На дошедших до нас портретах мы видим, что Марина не обладала ни особой красотой, ни женским обаянием, несмотря на то, что живописцы, щедро оплачиваемые Мнишком, постарались приукрасить её внешность. Даже на парадном портрете будущая московская царица выглядела не сильно привлекательно: лицо вытянутое, слишком длинный нос, губы тонкие, жидкие чёрные волосы. Ко всему прочему Марина была низкорослая и тщедушная. Всё это мало соответствовало тогдашнему идеалу красоты. Но не надо сбрасывать со счетов и субъективный фактор. То, что оставило бы безразличным современника Гришки мушкетёра Арамиса, могло вызвать восторг у беглого монашка, впервые увидевшего совсем рядом знатную шляхтянку, да с непокрытыми волосами, ведь на Руси он мог видеть боярышень только издалека. Не будем забывать, что не только боярыни, но и даже московские царицы никогда не бывали на торжественных церемониях и на пирах вместе с мужчинами.

Вспомним, как через сто лет молодой Пётр увлёкся первой же встреченной в немецкой слободе иностранкой Анной Монс.

Поэтому трудно отделить страсть от расчёта в отношениях этой «сладкой парочки» — Лжедмитрия и Марины. Лакмусовой бумажкой в их романе могут стать все брачные договоры, заключённые Мнишками с самозванцем. Одуревшие от жадности Юрий и Марина требовали много, а Григорий покорно на всё соглашался. При этом он прекрасно знал, что выполнение хоть половины условий Мнишков стоило бы головы не только ему, но и самому законному московскому царю, тому же Фёдору Иоанновичу или даже Ивану Грозному.

В ноябре 1603 г. король Сигизмунд изъявил желание видеть Дмитрия в Кракове. В это время в польских верхах шла борьба двух партий. Против поддержки самозванца решительно выступали наиболее умные политики и военачальники. Среди них были Ян Замойский, Константин Острожский, Ян Кароль Ходкевич, браславский воевода Збаражский и другие. Хотя, согласно конституции, король должен был принять мнение Замойского и Ходкевича, у него были и другие, менее официальные, но более желанные для него советчики. Они принадлежали к второстепенным личностям в стране. Это были придворные авантюристы, такие как Андрей Бобола, Бернард Мациевский и Сигизмунд Мышковский, или наёмные иностранцы, как немец Врадер и итальянец де ля Кола, и, наконец, главная придворная дама королевства Урсула Гингер. Этот маленький мирок, легко доступный всяким интригам, находился вместе с самим королём под сильным

влиянием иезуитов и, в частности, под влиянием духовника короля отца Барча. А между тем отцов-иезуитов уже насторожили известия, приходившие из Самбора.

Настоящий или самозванный, но обращённый в католичество царевич мог сесть на московский престол, а следом за ним в Россию смогли бы проникнуть и члены Общества иезуитов. Чисто личные соображения побуждали к тому же и короля Сигизмунда. Будучи ревностным католиком, он готов был, кажется, пожертвовать Польшей, чтобы только ввести в католицизм Московское государство. Недавно он потерял своё наследие в Швеции, и эта страна в равной мере волновала его как своими политическими, так и близкими его сердцу религиозными интересами.

В феврале 1604 г. король официально обратился к сейму, прося его высказаться по поводу претендента на русский престол. По двум наиболее существенным вопросам — о подлинности Дмитрия и о предполагаемом участии Польши в его предприятии — король почти единогласно получил отрицательный ответ. «За» были только краковский воевода Николай Зебржидовский и гнезенский архиепископ прелат Ян Тарковский.

Тем не менее в первых числах марта 1604 г. Мнишек и Лжедмитрий объявились в Кракове. С самого начала Мнишек показал себя отличным политиком. Он начал с того, что устроил большой пир, куда пригласил и членов сейма. Естественно, что центральное место на пиру занимал Лжедмитрий. Претендент появился со свитой из нескольких «знатных москвитов». На деле это были бродяги, бежавшие из России, или казаки. Но пьяные паны не особенно разбирались в этом, главное, что свита оказывала почти царские почести претенденту. Замечу, что с самого начала Отрепьеву большую поддержку оказывал Лев Сапега, который, однако, старался оставаться в тени.

Вскоре Сигизмунд III сделал решительный шаг — 15 марта претенденту была назначена аудиенция. Представ перед королём, Лжедмитрий произнёс напыщенную речь, пестрящую многочисленными латинскими изречениями, риторическими фигурами и сравнениями, в которых более или менее удачно приводились подобные случаи из истории и преданий. В своём ответе Сигизмунд, связанный мнением сейма, дал понять, что он не признаёт Дмитрия, не даст ему ни одного солдата и не нарушит перемирия, заключённого с царём Борисом, но он всё это позволит Мнишку и даже будет тайно поддерживать это предприятие.

Для начала, сразу же после аудиенции, Лжедмитрия осыпали подарками, назначили ему ежегодное содержание в четыре тысячи флоринов, правда, из доходов Самборской экономии, что вряд ли

понравилось Мнишку. Кроме того, король взял на себя некоторую долю расходов для дальнейшего пребывания претендента в Кракове. Ходили также слухи, что Сигизмунд заказал для будущего царя великолепный столовый сервиз с русскими гербами и что он сам ежедневно видится с претендентом.

Разумеется, король делал всё это не ради красивых глаз беглого монаха. Прежде чем попасть в королевскую резиденцию Вавель, Лжедмитрий был вынужден дать польской короне клятвенное обещание — отдать Польше половину Смоленской земли и часть Северской; заключить вечный союз между обоими государствами; разрешить свободный въезд иезуитов в Московию; позволить строить католические церкви и, наконец, обещал помочь королю вернуть шведский престол.

Не прошло и месяца, как Лжедмитрий вынужден был заключить другой договор. В этом договоре, подписанном 12 июня 1604 г., Лжедмитрий обязывался уступить Юрию Мнишку княжества Смоленское и Северское в потомственное владение, и так как половина Смоленского княжества и шесть городов из Северского княжества отойдут королю, то Мнишек получал ещё из близлежащих областей столько городов и земель, чтобы доходы с них равнялись доходам с городов и земель, уступленных Сигизмунду.

Как писал С. М. Соловьёв, «Мнишек собрал для будущего зятя 1600 человек всякого сброда в польских владениях, но подобных людей было много в степях и украинах...»^[28] Цитата приведена умышленно, дабы автора не заподозрили в предвзятости. Первоначально местом сбора частной армии Мнишка был Самбор, но затем её передислоцировали в окрестности Львова. Естественно, что это «рыцарство» начало грабить львовских обывателей, несколько горожан было убито. В Краков из Львова посыпались жалобы на бесчинства «рыцарства». Но король Сигизмунд вёл двойную игру, и пока воинство Мнишка оставалось во Львове, король оставлял без ответа жалобы местного населения на грабежи и насилия. Папский нунций Рангони получил при дворе достоверную информацию о том, что королевский гонец имел инструкцию не спешить с доставкой указа во Львов.

Любопытно, как польские историки оправдывают поход этого сброда на Москву. Тот же Казимир Валишевский писал: «В оправдание Польши надлежит принимать в соображение то обстоятельство, что Московия семнадцатого века считалась здесь страной дикой и, следовательно, открытой для таких предприятий насильственного поселения против воли туземцев; этот исконный обычай сохранился ещё в европейских нравах, и

частный почин если и не получал более или менее официальной поддержки заинтересованных правительств, всегда пользовался широкой снисходительностью»^[29].

Таким образом, с польской точки зрения, сей поход был лишь экспедицией в страну диких туземцев.

Армия Мнишка медленно приближалась к русским границам. Войско делало в день по две-три мили, иногда останавливалось в одном месте на несколько дней. К концу первых двух недель похода Лжедмитрий всё ещё оставался в пределах Львовщины. Во время остановки в Глинянах в начале сентября был проведён смотр. «Рыцарство» собралось в коло^[30] и произвело выборы командиров. Мнишек, по его же желанию, был выбран главнокомандующим, а Адам Жулицкий и Адам Дворжецкий — полковниками. Сын Мнишка Станислав стал командиром гусарской роты. Таким образом, Мнишек, его друзья и родственники сосредоточили в своих руках всё командование армией самозванца.

К моменту перехода русской границы в армии Мнишка было 1000–1100 польских гусар, сведённых в роты по двести сабель в каждой, 400–500 человек польской пехоты, от двух до трёх тысяч казаков и до двухсот «москалей», то есть беглых русских.

Армия Мнишка, двигаясь по польской территории, безнаказанно грабила местное население. В связи с этим князь Константи́н Острожский и черкасский староста Ян Острожский отобилизовали свои частные армии и разместили на границах собственных владений, чтобы не допустить туда «рыцарство». Ян Острожский приказал угнать все лодки и паромы с днепровских переправ в районе Киева. И в течение нескольких дней армия Мнишка стояла на берегу Днепра, не имея средств для переправы. Самозванца выручили киевские мещане, предоставившие средства для переправы. Дело тут, разумеется, не в любви киевлян к «спасённому царевичу», как писали наши историки, а в страстном желании мещан ограбить своё имущество от храброго «рыцарства».

13 октября 1604 г. войско самозванца переправилось за Днепр и стало медленно продвигаться к ближайшей русской крепости — Моравску (Монастырскому острогу).

Отряд казачьего атамана Белешко скрытно через дремучий лес подошёл к пограничной малой крепости Моравск и выслал парламентёра. Казак подъехал к стене крепости и на конце сабли передал жителям письмо «царевича». На словах он передал, что идёт сам Димитрий с огромными силами. Застигнутый врасплох воевода Б. Лодыгин попытался организовать

сопротивление. Однако служилые взбунтовались, связали воеводу Лодыгина и стрелецкого голову Толочанова. Трофеями казаков стали семь пушек и двадцать затинных пищалей. Сам же «Димитрий» с основными силами прибыл к Моравску лишь 21 октября.

Под стенами Чернигова самозванца поначалу встретили пушечной пальбой. Но вскоре и там произошёл бунт, воевода князь И. А. Татев был схвачен и передан самозванцу. В Чернигове было захвачено 27 крепостных орудий. Бытует мнение, что и в Чернигове, и в Моравске бунтовали простые жители, так писали все, начиная с Пушкина и кончая Скрынниковым. Их, видимо, смутила фраза из «Сказания о Гришке Отрепьеве» (XVII в.): «...смутишася чёрные люди и перевязаша воевод...» Так там «чёрные люди», — это не пахотные крестьяне или посадские, а «чёрные люди», то есть негодяи. Население этих пограничных городков было невелико по сравнению с их гарнизонами, состоявшими из профессионалов. Эти ратники чуть ли не каждый год отбивали набеги татар и частных польских армий. Так что маловероятно, что простым жителям удалось обезоружить гарнизоны Моравска и Чернигова.

Поляки и казаки, войдя в Чернигов, разграбили его. Лжедмитрий публично стыдил грабителей и грозил им смертью, но дальше ругани дело не пошло. Знатный дворянин Н. С. Воронцов-Вельяминов наотрез отказался признать самозванца своим государем. Отрепьев приказал убить его. Эта казнь запугала взятых в плен дворян. Воеводы Б. П. Татев, Г. П. Шаховский и другие поспешно присягнули Лжедмитрию.

На помощь Чернигову поспешил отряд русских войск под командованием воеводы Петра Фёдоровича Басманова. В пятнадцати верстах от Чернигова Басманов узнал о его сдаче и отступил в Новгород-Северский. В течение недели Басманов готовил крепость к обороне. Местных служилых людей в городе было немного: 104 сына боярских, 103 казака, 95 стрельцов и пушкарей. У Басманова тоже был небольшой отряд, и он запросил подкрепления из близлежащих крепостей. Прибыли ещё 59 дворян из Брянска, 363 стрельца из Москвы и 237 казаков из Кром, Белёва и Трубчевска. Всего в Новгороде-Северском было собрано около полутора тысяч человек, умевших пользоваться оружием. Эта цифра хорошо иллюстрирует беспечность царя и его воевод, проворонивших вторжение самозванца.

11 ноября 1604 г. войско Лжедмитрия подошло к Новгороду-Северскому. Самозванец послал поляков-парламентёров с предложением сдаться. На это со стен закричали: «А, блядские дети! Приехали на наши деньги с воров!» Как видим, русские ратники имели хорошее

представление о качественном составе и о целях польского «рыцарства».

13 ноября поляки попытались захватить крепость, но были отбиты, потеряв пятьдесят человек. В ночь с 17 на 18 ноября последовал новый штурм. Поляки безуспешно пытались поджечь деревянные стены крепости, но это им не удалось. Штурм был отбит с большими потерями. Любопытно, что Казимир Валишевский пишет по сему поводу: «Польские гусары не могли справиться с защищёнными артиллерией фортами». Видимо, деревянный тын показался доблестным гусарам мощным каменным фортом.

После неудачного приступа «рыцарство» взбунтовалось, собрало коло и потребовало для объяснений царевича. Разгневанный Лжедмитрий начал укорять поляков: «Я думал больше о поляках, а теперь вижу, что они такие же люди, как и другие». «Рыцарство» отвечало ему: «Мы не имеем обязанности брать городов приступом, однако не отказываемся и от этого, пробей только отверстие в стене».

Польские отряды уже собрались покинуть Лжедмитрия, как пришла весть о сдаче самозванцу Путивля. Путивль был ключевым пунктом обороны Черниговской земли и единственным из северских городов, имевшим каменную крепость. Однако гарнизон Путивля не захотел воевать. Воевода князь Василий Рубец-Мосальский был связан и приведён к царевичу. По дороге князь оценил ситуацию, при встрече «узнал» царевича и присягнул ему. Впоследствии Рубец-Мосальский стал одним из приближённых самозванца. В Путивле сторонники самозванца захватили большие денежные суммы (казну), отпущенные Москвой на строительство крепостей и жалованье служилых людей всей Черниговской земли.

За Путивлем последовал Рыльск. 23 ноября служилые люди взбунтовались и арестовали воеводу А. Загряжского. Одновременно взбунтовался Курск, где были арестованы воевода князь Г. Б. Роща-Долгоруков и стрелецкий голова Я. Змеев. Оба были доставлены к самозванцу, признали его и вскоре были назначены воеводами в Рыльск.

Советские историки старательно подгоняли действия служилых людей в этих городах, то есть чисто военные бунты, под классовую борьбу. Так, историк И. М. Складар писал, что «уже осенью 1604 г. лозунг борьбы „за царя Дмитрия“ оказался тесно связанным с призывами к истреблению бояр и дворян». Но факты не подтверждают этот вывод. Бунтовщики нападали на воевод, московских стрельцов и всех тех, кто выступал против «добротного» царя, но как только конкретные бояре и дворяне переходили на сторону Лжедмитрия, бунтовщики не только прекращали враждебное к ним отношение, но и безропотно поступали под их начало.

1 декабря на сторону самозванца перешла маленькая, но имевшая большое стратегическое значение крепостца Кромы, расположенная на московской дороге в сорока верстах от Орла. В Орле находился небольшой гарнизон под началом осадного головы Петра Крюкова. По его просьбе в Орёл были присланы дворяне и дети боярские из Козельска, Белёва и Мещёвска, несшие годовую службу в Белгороде. Командование над отрядом, собравшимся в Орле, принял стрелецкий голова Григорий Иванович Микулин. (Кстати, личность довольно известная, в 1600 г. он ездил послом в Лондон.) Отряд сторонников самозванца приблизился к Орлу, но высланная оттуда дворянская сотня наголову разгромила «воров».

28 ноября в Новгороде-Северском часть служилых людей, прельщённых посулами самозванца, пыталась поднять мятеж. Но воевода Басманов сумел подавить его, после чего восемьдесят человек перебежало из крепости к осаждающим.

Между тем поляки привезли к Новгороду-Северскому несколько крепостных пушек, захваченных в Путивле, и начали бомбардировку крепости, не прекращавшуюся ни днём ни ночью, и после недельного обстрела «разбиша град до обвалу земного».

Чтобы выиграть время, Басманов начал переговоры с Лжедмитрием и попросил заключить двухнедельное перемирие, будто бы необходимое для принятия решения о сдаче крепости. Мнишек и Отрепьев согласились на это.

Басманов использовал перемирие, чтобы исправить повреждения крепости. 14 декабря в крепость прорвалось небольшое подкрепление — сотня стрельцов.

Лишь когда пришли первые известия о вторжении войска самозванца, царь Борис приказал собрать в течение двух недель, к 28 октября, дворянское ополчение. Приказ был повторён трижды, но выполнить его не удалось. Основными причинами этого стали осенняя распутица и нежелание дворян ехать на службу. Борису пришлось применить строгие меры к дворянам, уклонявшимся от службы. Некоторых доставили под стражей, у других описали поместья, третьих наказали батогами. Наконец к 12 ноября дворянское ополчение собралось в Москве. Заметим, что из этого факта нельзя сделать однозначный вывод об оппозиционности русского дворянства к царю Борису. Спору нет, Борис был не самый популярный правитель в России. Но при сборах дворянского ополчения и до и после 1604 г. дворян-«отказчиков» всегда хватало. В качестве примера скажем, что последний представитель рода Годуновых, сведения о котором найдены мной, Дмитрий Иванович Годунов, уже в начале царствования Петра I был

за неявку в полк лишён чина и переписан в звенигородские помещики.

Массовая же неявка в призыв 1604 г. была обусловлена и спецификой похода. Нет, конечно, не тем, что дворяне не хотели биться против «истинного царевича», да большинству было плевать на него. А вот сражаться с голозадым воинством, — что с «рыцарством», то есть с нищей шляхтой, что с казаками и со служилыми из пограничных городков, — явно не подарок! Заведомо не будет ни славы, ни добычи. Не надо иметь семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что в случае похода на Польшу, да ещё в союзе со Швецией, явка дворян была бы по крайней мере выше средней, поскольку и в Гродно, и в Минске, да и в любой панской усадьбе «контрибуции» нашлось бы более чем достаточно.

Командование армией было доверено Дмитрию Ивановичу Шуйскому, одному из самых бездарных московских воевод. Войско двинулось к Брянску, где простояло около трёх недель. Брянское стояние надоело Борису, и Шуйский был заменён на князя Фёдора Ивановича Мстиславского, столь же знатного и бестолкового воеводу.

18 декабря армия Мстиславского подошла к Новгороду-Северскому и простояла в полном бездействии три дня. Воспользовавшись этим, солдаты Мнишка напали на татарский отряд из состава сторожевого полка и разгромили его.

20 декабря противники выстроились на поле друг против друга, но до сражения дело не дошло, обошлось всё мелкими стычками. Лжедмитрий старался оттянуть начало решительной битвы переговорами, и это ему удавалось, так как Мстиславский тоже не торопился, он ждал подкреплений, хотя у Мстиславского было от 40 до 50 тысяч человек, а у самозванца — не более 15 тысяч.

21 декабря Лжедмитрий атаковал царское войско. Сражение началось стремительной атакой польских гусар на правом фланге войск Мстиславского. Полк правой руки, не получив помощи от других полков, в беспорядке отступил. Одна из польских гусарских рот, следуя за отступающими, неожиданно оказалась в расположении большого полка около ставки Мстиславского. Там стоял большой золотой стяг, укреплённый на нескольких повозках. Гусары подрубили древко, захватили стяг, сбросили с коня Мстиславского, ранив его при этом в голову. На выручку воеводе кинулись русские дворяне и стрельцы. Часть гусар была убита, остальные, во главе с капитаном Домарацким, взяты в плен. После ранения Мстиславского командование русским войском взяли на себя воеводы Д. И. Шуйский, В. В. Голицын и А. А. Телятевский. Но они не сумели использовать своё численное преимущество и отдали приказ войску

отойти.

Лжедмитрий мог праздновать победу. По польским источникам, поляки потеряли убитыми около 120 человек, а русские — до 4 тысяч человек. Хвастливые поляки приписали успех исключительно себе. Они, видимо, в число убитых не включили казаков и русских сторонников самозванца.

После сражения «рыцарство» потребовало у Лжедмитрия денег. Царское войско отступило в полном порядке, и трофеев практически не было. В Северской земле всё, что можно было разграбить, ляхи давно уже разграбили. Пуще всего бесчинствовала рота капитана Фредрова. Выборные из этой роты пришли к самозванцу и заявили: «Дай только нам, а другим не давай: другие смотрят на нас и останутся, если мы останемся».

Лжедмитрий поверил и дал денег одной роте. Но утаить это от остального войска не удалось, и ситуация ещё больше накалилась.

1 января 1605 г. в лагере самозванца вспыхнул открытый мятеж. «Рыцарство» бросилось грабить обозы. Они хватали всё, что попадало под руку — продовольствие, снаряжение, различный скарб. Мнишек попытался остановить грабёж, но следующей ночью мятеж вспыхнул с новой силой. Поляки решили покинуть самозванца. Лжедмитрий ездил по всем ротам, уговаривал «рыцарство» остаться, но в ответ слышал только оскорбления. Один поляк сказал ему: «Дай бог, чтоб посадили тебя на кол». Лжедмитрий дал ему за это в зубы, но этим только распалил поляков, которые стащили с него шубу. Шубу эту потом русские приверженцы самозванца вынуждены были выкупить у поляков.

4 января главнокомандующий Юрий Мнишек покинул лагерь самозванца с большей частью поляков. Формально Мнишек заявил, что едет на сейм в Краков. С Лжедмитрием остались только полторы тысячи поляков, которые вместо Мнишка выбрали гетманом Дворжицкого. Но вскоре в войско самозванца прибыло большое пополнение — двенадцать тысяч малороссийских казаков.

Лжедмитрий был вынужден снять осаду с Новгорода-Северского и двинулся к Севску, который он занял без боя.

Несмотря на бездарные действия русских воевод под Новгородом-Северским, царь Борис не только не наложил на них опалу, а наоборот, щедро наградил.

Защитник Новгорода-Северского Басманов был вызван в Москву, где его торжественно встретил сам царь. Басманов получил боярство, большое поместье, две тысячи рублей и много ценных подарков.

На помощь страдавшему от ран Мстиславскому царь послал князя

Василия Ивановича Шуйского. Кстати, по получении вестей о появлении самозванца в русских пределах он вышел на Лобное место в Москве и торжественно свидетельствовал, что истинный царевич закололся и был погребён им, Шуйским, в Угличе.

20 января 1605 г. русское войско стало лагерем в большом комарицком селе Добрыничи недалеко от Чемлыжского острожка, где находилась ставка Лжедмитрия.

Узнав о подходе русских, самозванец решил немедленно атаковать их. На рассвете 21 января польская кавалерия начала сражение. Дворжицкому удалось потеснить полк правой руки, которым командовал князь Шуйский. Затем польская конница повернула к центру русского войска, где нарвалась на пушки, московских стрельцов и немцев-наёмников, которыми командовали капитаны Маржерет и Розен. Позже поляки утверждали, что по ним был дан залп из двенадцати тысяч пищалей. Так или иначе, но польская конница и казаки обратились в паническое бегство. Лишь пассивность русских воевод, не сумевших организовать преследование врага, предотвратила полное уничтожение всего войска самозванца.

Тем не менее, согласно разрядной записи, на поле боя было найдено и захоронено 11,5 тысяч трупов. Большинство из них (около семи тысяч) были «черкасы», то есть малороссийские казаки. Победителям досталось двенадцать знамён и штандартов и вся артиллерия — тридцать пушек. Русским воеводам удалось захватить несколько тысяч пленных. Всех пленных поляков увезли в Москву, зато казаки всех мастей и русские изменники были повешены.

После сражения Лжедмитрий ускакал с небольшой свитой в Рыльск. Оттуда Отрепьев намеревался бежать в Польшу. Но теперь он оказался во власти своих русских сторонников, которых никто не ждал «за бугром» и которым уже нечего было терять. Тем не менее Отрепьеву удалось покинуть Рыльск. Для защиты города он оставил местному воеводе князю Г. Б. Долгорукову несколько казачьих и стрелецких сотен.

У правительственных войск был многократный перевес над защитниками Рыльска, но взять город они не смогли. Две недели царские воеводы бомбардировали город, пытаясь поджечь деревянные стены крепости. Но пушкарки на городских стенах не давали осаждающим подойти близко к крепости. Штурм также не удался, и на следующий день Мстиславский велел отступать к Севску.

Как только русское войско отошло от Рыльска, жители города сделали вылазку и разгромили арьергард, отступавший в последнюю очередь. Им досталось большое количество имущества, которое Мстиславский не успел

вывезти из лагеря.

Эта война зимой, среди заснеженных лесов и полей, была непривычна для дворянского ополчения. Русская армия действовала в местности, охваченной восстанием, среди враждебно настроенного населения, которое отбивало обозы с продовольствием, создавало трудности с заготовкой провианта и фуража. Всё это усугубляло и без того трудное положение армии, которая после трёхмесячной кампании стала быстро «таять». Дворяне дезертировали, разъезжаясь по своим поместьям.

В окрестностях Рыльска русская армия, лишённая надёжных коммуникаций, оказалась в полукольце крепостей, занятых неприятелем. На севере сторонники самозванца удерживали Кромы, на юге — Путивль, на западе — Чернигов. В таких условиях воеводы Мстиславский, Шуйские и Голицын решили вывести армию из охваченной восстанием местности и распустить ратных людей на отдых до новой летней кампании.

Царь Борис, разгневанный отступлением армии от Рыльска, послал к войскам окольничего П. Н. Шереметева и думного дьяка Афанасия Власьева с наказом: «...пенять и спрашивать, для чего от Рыльска отошли». Царь строжайше запретил воеводам распускать армию на отдых, что вызвало недовольство в полках.

В такой ситуации особое значение приобрела маленькая крепостца Кромы, оказавшаяся в тылу правительственной армии. Городок Кромы был построен московскими воеводами в 1595 г. Крепостца господствовала над левым берегом реки Кромы. Город окружали болота, через которые проходила всего одна дорога. Сам город с посадом был укреплён по образцу московских крепостей: снаружи высокий и широкий земляной вал, а внутри такая же бревенчатая стена с башнями и бойницами. Гарнизон состоял из двухсот стрельцов и небольшого отряда казаков. Командовал крепостцой Григорий Ананфиев. Однако перед началом осады в Кромы прибыл атаман Корела с четырьмя сотнями донских казаков.

Правительственные войска Шереметева в течение нескольких месяцев безуспешно осаждали Кромы. Не помогли и несколько осадных орудий, доставленных под Кромы в конце февраля. С некоторой долей упрощения можно сказать, что с февраля 1605 г. война с самозванцем из манёвренной перешла в позиционную. Царские войска оказались в положении мужика, поймавшего медведя, но не имевшего сил его вытащить из берлоги.

Развязка наступила в результате случайности или козней московских бояр. 13 апреля 1605 г. царь Борис внезапно умер или был отравлен.

19 апреля под Кромы, где большое царское войско осаждало атамана Корелу, прибыл новый второй воевода большого полка Пётр Басманов. Он

привёл войско к присяге новому царю Фёдору Борисовичу.

Но через несколько дней после присяги царь Фёдор прислал в действующую армию разрядную роспись. Роспись была формально составлена верно, но фактически она оскорбляла обласканного ранее царём Борисом Басманова. Царь Фёдор мог просто приказать «быть без мест», то есть объявить чрезвычайное положение, при котором царь имел право назначить на воеводские должности кого угодно. Но после окончания похода бывшие воеводы и их потомки лишались права ссылаться на соотношение должностей в этом походе. Но Фёдор то ли по неопытности, то ли по наущению бояр решил действовать по традиции. Когда дьяк огласил роспись в присутствии бояр и воевод, Басманов, «патчи на стол, плакал с час, лёжа на столе, а встав с стола, евял и бил челом бояром и воеводам всем: „Отец, государи мои, Фёдор Алексеевич точно был дважды больши деда князя Ондреева... а ныне Семён Годунов выдаёт меня зятю своему в холопи, князю Ондрею Телятевскому, и я не хочу жив быти, смерть прииму лутче тово позору“».

О смерти царя Бориса Лжедмитрий узнал в конце апреля. Теперь самозванец предпочёл активным боевым действиям психологическую войну. В лагерь осаждающих под Кромами десятками забрасывались «прелестные» письма с призывами переходить на сторону самозванца.

Для царских же воевод была подготовлена дезинформация. Правительственные войска перехватили гонца Лжедмитрия, посланного в осаждённые Кромь. В письме говорилось, что польский король послал в помощь Димитрию воеводу Жолкевского с сорокатысячным войском. Естественно, это была спецоперация самозванца. На самом деле польский сейм, открывшийся 10 января 1605 г., решительно высказался за сохранение мира с Россией. Канцлер Замоиский осудил авантюру Отрепьева.

Он говорил, что этот враждебный набег на Московию губителен для Речи Посполитой. Самого самозванца канцлер осыпал язвительными насмешками: «...тот, кто выдаёт себя за сына царя Ивана, говорит, что вместо него погубили кого-то другого. Помилуй бог, это комедия Плавта или Теренция, что ли? Вероятное ли дело, велеть кого-то убить, а потом не посмотреть, тот ли убит... Если так, то можно было подготовить для этого козла или барана».

Все эти факторы привели к росту нестабильности в царском войске. Ряд военачальников составил заговор против царя Фёдора. Немалую роль в организации заговора сыграл талантливый авантюрист Прокопий Фёдорович Ляпунов. У него были свои счёты с Годуновыми. В 1603 г. царь

Борис велел бить кнутом его брата Захара за торговлю запрещёнными товарами с донскими казаками. Прокопий Ляпунов, его родные братья Григорий, Захар, Александр и Степан, а также двоюродные братья Семён и Василий принадлежали к очень влиятельному в Рязани дворянскому роду.

Много споров среди историков вызывает и поведение Петра Басманова. С одной стороны, он был обласкан Борисом и Фёдором Годуновыми и получил назначение, намного превышающее положенное ему по знатности рода. С другой стороны, заговорщики князя Голицыны по матери приходились ему двоюродными братьями. А отец царицы Малюта Скуратов был инициатором расправы над несколькими Басмановыми. В конце концов и Пётр Басманов перешёл на сторону заговорщиков. По одной версии, Басманов лично возглавил мятеж, а по другой, не принял должных мер для его подавления и позволил для вида связать себя.

7 мая 1605 г. в лагере правительственных войск под Кромами вспыхнул мятеж. На помощь мятежникам подошли войска самозванца. Некоторое число дворян и простых ратников бежало в Москву, остальные присягнули самозванцу.

Первым делом Лжедмитрий распустил царское войско. Значительная часть дворян и простых ратников колебалась в своём выборе, а может, они попросту испугались. Иметь такое войско было слишком опасно. Да и сами дворяне и ратники давно мечтали разойтись по домам. Из самых ревностных сторонников самозванца, бывших в царском войске, сформировали особый отряд. Командовать отрядом Лжедмитрий поручил Борису Михайловичу Лыкову.

В середине мая 1605 г. Лжедмитрий прибыл в Орёл. Там он учинил суд над теми воеводами, которые, попав в плен, отказались ему присягать, «...приидоша ж под Орёл и, кои стояху за правду, не хотяху на дьявольскую прелесть прельститься, оне же ему оклеветанны быша, тех же повеле переимати и разослати по темницам». В тюрьму был отправлен и боярин И. И. Годунов.

Затем самозванец двинулся к Москве. Его сопровождало около тысячи поляков и около двух тысяч запорожских казаков и конных русских ратников. По дороге из Орла в Москву население радостно встречало Отрепьева. Лишь гарнизоны Калуги и Серпухова оказали некоторое сопротивление. Тем не менее самозванец двигался к Москве крайне медленно.

По приказу царя Фёдора Москва стала готовиться к обороне. На стенах Белого и Земляного города устанавливались пушки.

31 мая отряд казачьего атамана Корелы обошёл заслоны правительственных войск на Оке в районе Серпухова и разбил лагерь в десяти верстах к северу от столицы, на Ярославской дороге. На следующий день посланцы самозванца дворяне Гаврила Пушкин и Наум Плещеев в сопровождении казаков проникли в Москву и собрали на Красной площади большую толпу. С Лобного места Пушкин зачитал грамоту самозванца, написанную на имя бояр Мстиславского, Василия и Дмитрия Шуйских и других, окольничих и граждан московских. Лжедмитрий напоминал в ней о присяге, данной его отцу, Ивану IV, о притеснениях, причинённых ему в молодости Борисом Годуновым, о своём чудесном спасении (в общих, неопределённых выражениях), прощал бояр, войско и народ за то, что они присягнули Годунову, «не ведая злокозненного нрава его и боясь того, что он при брате нашем царе Феодоре владел всем Московским государством, жаловал и казнил, кого хотел, а про нас, прирождённого государя своего, не знали, думали, что мы от изменников наших убиты». Самозванец напомнил о притеснениях, какие были при царе Борисе «боярам нашим и воеводам, и родству нашему укор и поношение, и бесчестие, и всем вам, чего и от прирождённого государя терпеть было невозможно». В заключении Лжедмитрий обещал награды всем, кто его признает, и гнев Божий и свой царский в случае сопротивления.

Народ взволновался. Бояре сообщили патриарху Иову о мятеже, тот умолял бояр выйти к народу и образумить его. Бояре вышли на Лобное место, но ничего не могли поделать. Толпа потребовала от князя Василия Шуйского сказать правду, точно ли он похоронил царевича Димитрия в Угличе? Шуйский ответил, что царевич спасся, а вместо него убит и похоронен попов сын. Ворота в Кремль не были заперты, толпа ворвалась туда и захватила царя Фёдора с матерью и сестрой. Их отправили в старый дом Бориса Годунова, где он жил, будучи боярином. К дому был приставлен крепкий караул.

Другие толпы москвичей кинулись грабить дома Годуновых и их родственников, заодно были разбиты винные подвалы и кабаки. Началось повальное пьянство.

Получив известие о перевороте в Москве, Лжедмитрий 5 июня 1605 г. прибыл в Тулу. Там его встретили как царя. Лжедмитрий отправил обращение к боярской думе с приказом выслать в Тулу князя Мстиславского и прочих главных бояр. По постановлению думы 3 июня в Тулу отправились князья Н. Р. Трубецкой, А. А. Телятевский и Н. П. Шереметев, а также думный дьяк Афанасий Власьев. Туда же отправились все Сабуровы и Вельяминовы, чтобы вымолить себе прощение

Лжедмитрия. Пётр Басманов, расположившийся в Серпухове, именем государя не пропустил родню Годунова в Тулу.

Басманов повсюду искал изменников своего нового государя и беспощадно карал их. По его навету все Сабуровы и Вельяминовы (37 человек) были ограблены донага и брошены в тюрьму.

Лжедмитрия привело в бешенство неподчинение главных бояр его приказу явиться в Тулу лично.

В начале июня к Лжедмитрию на поклон приехал с Дона казачий атаман Смага Чертенский с товарищами. Чтобы унижить посланцев боярской думы, самозванец допустил к руке казаков раньше, чем бояр. Проходя мимо бояр, казаки ругали и позорили их. Самозванец милостиво разговаривал со Смагой. Затем к руке были допущены бояре, и Лжедмитрий «наказываше и лаяше, яко же прямой царский сын».

Боярина Телятевского практически выдали казакам на расправу. Казаки избили его до полусмерти и бросили в темницу.

Из Тулы Отрепьев отправился в Серпухов. Дворовыми воеводами при нем состояли князь И. В. Голицын и М. Г. Салтыков, ближними людьми — боярин князь В. М. Мосальский и окольный князь Г. Б. Долгоруков, главными боярами в полках — князь В. В. Голицын, его родственники князь И. Г. Куракин, Ф. И. Шереметев, князь Б. П. Татев, князь Б. М. Лыков. Из Серпухова на встречу Лжедмитрия выехали князья Ф. И. Мстиславский и Д. И. Шуйский, стольники, стряпчие, дворяне, дьяки и столичные купцы — гости.

В Серпухове самозванец организовал несколько пышных пиров для своих приближённых и московских бояр. В промежутках между пирами Лжедмитрий вёл напряжённые переговоры с боярами.

Ещё в Туле самозванец издал манифест о своём восшествии на престол. Рассчитывая на неосведомлённость большинства жителей Московского государства, Отрепьев врал, что он-де был узнан патриархом Иовом, всем Священным собором, Боярской думой и прочими чинами, как «прирождённый государь». 11 июня Лжедмитрий, будучи ещё в Туле, на своей грамоте пометил: «Писана в Москве». Вместе с этим манифестом самозванец разослал по городам текст присяги. Это был сокращённый вариант присяги, составленной при воцарении Бориса Годунова и его сына Фёдора. Лжедмитрий использовал тот же приём, к которому прибегли Борис и его сын. Борис, сразу же после смерти царя Фёдора Ивановича, велел принести присягу на имя вдовы его царицы Ирины и на своё имя. Фёдор Борисович в своей присяге тоже поставил на первое место вдовую царицу — свою мать.

Во время пребывания в Польше и северских городах России Лжедмитрий ни разу не упомянул о своей матери Марии Нагой, заточённой в Горицком Воскресенском женском монастыре под именем инокини Марфы. Теперь ситуация изменилась. Отрепьев знал о ненависти инокини Марфы к Годуновым и поэтому рассчитывал на её признание.

Самозванец велел разыскать Нагих или их родственников. Нашли лишь отдалённого родственника Марии Нагой дворянина Семёна Ивановича Шапкина. В Туле Отрепьев торжественно произвёл Шапкина в постельничии, заявив, что «он Нагим племя». Затем Шапкин с эскортом был экстренно направлен в Горицкий монастырь.

После беседы с Шапкиным с глазу на глаз инокиня Марфа признала сына. Трудно сейчас установить, что больше повлияло на её выбор — ненависть к Годуновым или нежелание быть отравленной или утопленной по дороге. В Горицком монастыре хорошо помнили судьбу княгини Ефросиньи Старицкой и великой княгини Юлиании, жены Юрия, родного брата Ивана Грозного.

Присяга на имя вдовы Грозного была рассчитана на эмоции малограмотных людей. Как могла царствовать монахиня, даже если она и была 20 лет назад седьмой женой царя Ивана?

Из текста присяги самозванцу, по сравнению с присягой Годунову, были исключены запреты добывать ведунов и колдунов, портить его «на следу всяким ведовским мечтанием», насылать лихо «ведовством по ветру» и т. д. Подданные только кратко обещали не «испортить» царя и не давать ему «зелье и коренье лихое». Вместо пункта о Симеоне Бекбулатовиче и «воре», называющем себя Димитрием Углицким, в текст присяги вводился новый пункт о «Федьке Годунове». Подданные обещали не подыскивать царство под государями «и с изменники их, с Федкой Борисовым сыном Годуновым и с его матерью и с их родством, и с советники не ссылатся письмом никакими мерами».

Самозванцу было неудобно являться в Москву, пока там находились члены семьи Годуновых. Будь жив царь Борис, Лжедмитрий мог рассчитывать на какие-то политические дивиденды, устроив над ним судилище и приписав ему чудовищные преступления. Однако ни царица, ни царевич не успели совершить ничего ни хорошего, ни плохого, так за что же их казнить?

Однако время поджимало, и самозванцу пришлось пойти на мерзкое с точки зрения морали и глупое в политическом отношении убийство. В Москву была послана специальная карательная комиссия в составе князя В. В. Голицына, члена путивльской «воровской» думы В. М. Мосальского и

дьяка Б. Сутупова. Вместе с комиссией в Москву был направлен П. Ф. Басманов.

Прибыв в столицу, комиссия немедленно начала чинить расправу над противниками самозванца. Начали с патриарха Иова. Патриарх в Успенском соборе Кремля готовился к совершению литургии, когда в храм ворвались вооружённые люди. Иова выволокли из алтаря и потащили на Лобное место. Там сторонники самозванца пытались линчевать патриарха за то, что он-де «наияснейшего царевича расстригой называет». Однако из Кремля сбежали попы и церковные служки, которые подняли крик в защиту патриарха. На помощь Иову кинулась и часть горожан. Стало ясно, что убийство патриарха приведёт к побоищу с непредсказуемыми последствиями. Тогда кто-то из агентов Отрепьева крикнул: «Богат, богат, богат Иов патриарх, идём и разграбим имения его!» Довод был неотразим, и толпа кинулась грабить патриаршие палаты.

Тем временем агенты Отрепьева отвели Иова обратно в Успенский собор. Туда прибыл вскоре и боярин П. Ф. Басманов. Вооружённые люди в спешке и без особых формальностей произвели низложение патриарха. С Иова сняли панагию и святительское платье и надели простую чёрную ризу. Басманов спросил, куда хотел бы Иов отправиться на монастырское житие. Тот выбрал Старицкий Успенский монастырь, где он принимал постриг и стал игуменом. Затем Иова вывели из собора, посадили на простую телегу и под конвоем отправили в Старицу.

Разобравшись с патриархом, комиссия занялась царём Фёдором и его семьёй. На старое подворье Бориса Годунова, полученное им в приданное от Малюты Скуратова, явились члены комиссии во главе с В. В. Голицыным и отряд стрельцов. Голицын, Мосальский, дворяне Молчанов и Шерефединов и несколько стрельцов вошли внутрь дома. Там раздались отчаянные крики. Через несколько минут на крыльцо вышел Голицын и объявил, что «царица и царевич со страстей испиша зелья и пороша, царевна же едва оживе». Естественно, что Голицыну никто из москвичей не поверил. Но утверждать, что народ оцепенел от ужаса, узнав о преступлении, и впал в безмолвствие, нет никаких оснований. История — не драматический театр. Большинство населения восприняло убийство царской семьи как должное или отнеслось к нему безразлично.

Что касается дочери Годунова Ксении, то её, видимо, не додушили. Князь Мосальский взял её к себе в дом и некоторое время держал взаперти, а затем отдал самозванцу «для потехи».

Желая угодить самозванцу, московские бояре надругались и над прахом семьи Годуновых. Царь Борис был по обычаю похоронен в

Архангельском соборе Кремля рядом с другими московскими правителями. По боярскому приговору тело царя было выкопано, положено в простой гроб и перезахоронено в ограде бедного Варсонафьева монастыря на Сретенке. Следуя версии о самоубийстве, бояре запретили совершить традиционный погребальный обряд над телами царицы Марьи и царя Фёдора. Их отвезли в Варсонофьев монастырь и без всяких почестей и церемоний зарыли недалеко от Бориса Годунова.

Уцелевшие Годуновы, а также их отдалённые родственники Сабуровы и Вельяминовы, были по указу самозванца разосланы под стражей по отдалённым городам. Исключение было сделано лишь для недавнего правителя боярина С. М. Годунова. Его отправили в Переяславль-Залесский с приставом князем Ю. Приимковым-Ростовским. Везти боярина в отдалённый город не имело смысла. Пристав получил приказ умертвить его в тюрьме. Вотчины, дома и прочее имущество Годуновых, Сабуровых и Вельяминовых было отобрано в казну.

Династию Годуновых погубила недооценка противника и полнейшая безграмотность в стратегии войны как царя, так и его воевод.

Посмотрим на карту. Кратчайший путь из Польши в Москву лежит через Смоленск, Вязьму и Можайск. Ареной всех предшествующих русско-польских войн традиционно была Смоленская земля. По этому маршруту в 1609 г. двинулся на Русь король Сигизмунд, в 1610 г. — Жолкевский, в 1611 г. — Ходкевич, в 1618 г. — королевич Владислав, а в 1812 г. — Наполеон.

Однако в 1604 г. Лжедмитрий и Мнишек пошли кружным путём через Чернигов и Новгород-Северский, то есть на 300–350 километров южнее, чем это обычно делали завоеватели, шедшие с запада на Москву. Сделано это было не случайно. На берегах Десны и Сейма ещё со времён Ивана III строились многочисленные крепости и остроги, предназначенные для защиты южного «подбрюшья» России как от поляков, так и от крымских татар. Естественно, что сидеть в маленьких гарнизонах было скучно, шансов на чины и награды было мало. Туда отправляли опальных и проштрафившихся дворян и стрельцов. Дисциплина в крепостях и острогах была низкая, жалованья на жизнь не хватало, и служилые люди часто промышляли разбоем. Появление царевича Димитрия для большей части служилых было манной небесной. А серьёзно, каким другим способом они могли получить богатство, чины, покинуть остроги, вокруг которых постоянно рыщут злые татары и не менее злые ляхи, и переселиться в хоромы в Москве?

Находясь в четырёхугольнике Чернигов — Стародуб — Кромы —

Рыльск, самозванец мог спокойно проигрывать сражения, нести сколь угодно большие потери и... продолжать войну до бесконечности. Ведь оружие и порох Лжедмитрий свободно получал из Польши, оттуда же шли толпы грабителей-шляхтичей. С Дона и Днепра к Лжедмитрию шли казаки. Наконец, в упомянутом четырёхугольнике хватало и охотников до приключений из русских служилых.

Русскому командованию вести борьбу с самозванцем в этом четырёхугольнике было абсолютно бесперспективно. Но не будем корить Бориса Годунова за невежество в военной стратегии, когда подобные глупости совершали и наши маршалы в Афганистане и Чечне. Российские политики и военные, видимо, физически не способны понять, что не всегда ответный удар целесообразно наносить в том же месте и теми же средствами, что и агрессор. Во многих случаях куда эффективней нанесение асимметричного контрудара. Принести нам победу в Афганистане могла только... индийская армия, которая за месяц разобралась бы с Пакистаном. А для этого СССР нужно было только предоставить Индии современное вооружение и гарантировать ядерный зонтик на случай вмешательства США.

Аналогичные возможности были и у Годунова. В феврале 1605 г. герцог Карл Зюдерманландский (правитель Швеции, с марта 1607 г. — король Карл IX) предложил царю Борису наступательный союз против Польши. Годунову надо было опередить герцога Зюдерманландского и заключить со Швецией союз ещё в 1604 г. При этом ни под каким видом не следовало пускать шведские войска в Россию, как это сделал позже Василий Шуйский. Шведы давно зарились на Лифляндию, Курляндию и другие земли, принадлежавшие Речи Посполитой. И для наступления туда у шведов был превосходный плацдарм в Эстляндии. Кроме того, шведы имели сильный флот, который мог произвести десант в любой точке польского побережья. Царь Борис же, выставив небольшой заслон против Лжедмитрия, мог бы с основными силами идти из Смоленска на Оршу, Минск, Гродно и далее... Разгром Польши был бы неизбежен. Минусом этого предприятия было бы серьёзное усиление шведского королевства, что было бы нежелательно, но вполне терпимо, так как шведы никогда не собирались идти на Москву, да и Швеция, став протестантской страной, из орудия папской экспансии на Восток давно уже превратилась в непримиримого врага католицизма. Плюсмом было бы приобретение пограничных земель Речи Посполитой, заселённых русскими православными людьми. А голова Отрепьева стала бы мелкой разменной монетой в переговорах победителей и побеждённых.

И это не фантазии автора, а объективная реальность. Вторжение поляков в Россию и глупость Бориса отсрочили польско-шведскую войну до 1621 г. В 1621 г. шведский король Густав появился с флотом в устье Западной Двины и высадил двадцатитысячный десант.

Глава 5

Весёлая свадьба и её последствия

20 июня 1605 г. Лжедмитрий торжественно вступил в Москву. Самозванцу срочно потребовался патриарх. 24 июня в патриархи был поставлен рязанский архиепископ Игнатий, грек, бывший раньше архиепископом на Кипре и пришедший в Россию в царствование Фёдора Иоанновича. Игнатий был первым русским иерархом, признавшим самозванца. Игнатий был также единственным архиепископом, прибывшим в Тулу встречать «истинного царя».

Царь Димитрий срочно вернул в Москву сосланного Борисом архимандрита Чудова монастыря Пафнутия и сделал его митрополитом Крутицким. Так Гришка отблагодарил своего чудовского покровителя. Зато поставленный Борисом архимандрит Чудова монастыря был отправлен в ссылку. Бесследно исчезли также несколько иноков Чудова монастыря.

Из всех московских бояр самозванцем были награждены только Романовы, которых, как мы помним, Годунов упёк в ссылку. Замечу, что ещё к лету 1602 г. состояние здоровья царя Бориса улучшилось. Положение в высших эшелонах власти было стабильным, и Борис решил облегчить участь ссыльных. 25 мая 1602 г. Боярская дума распорядилась освободить Ивана Никитича Романова и князя Ивана Черкасского и перевезти их в Нижний Новгород «на государеву службу». 17 сентября 1602 г. опальным объявили царскую милость — Борис велел вернуть их ко двору в Москву.

Ко времени вторжения в Россию войска Лжедмитрия I все Романовы, за исключением Филарета, оказались на свободе. Кто состоял на царской службе, а кто вольготно жил в своих поместьях. В частности, восьмилетний Михаил Фёдорович жил в селе Клин в вотчине отца. Его опекали тётки — Марфа Никитична, вдова Бориса Камбулатовича Черкасского и вдова Александра Никитича Романова. Вместе с Михаилом жила и его сестра Татьяна. Надо ли говорить, что эта дамская компания тряслась над мальчиком и воспитала из него не рыцаря, а слабовольного и капризного барчука.

Сам же монах Филарет, в миру Фёдор Никитич Романов, тихо поживал в Антониев-Сийском монастыре. Этот монастырь был основан в 1520 г. преподобным Антонием на реке Сие, притоке Северной Двины в 90 верстах от города Холмогоры.

В монастыре за Филаретом наблюдал пристав Богдан Воейков, который регулярно слал в Москву отчёты о поведении опального инокa.

Первое время Филарет вёл себя довольно тихо, конфликты с приставом Воейковым носили мелкий, чисто бытовой характер. Воейков регулярно доносил Борису о поведении Филарета. Тот вёл себя тихо и богобоязненно, часто вспоминал о жене и детях. Но вот до Антониев Сийского монастыря дошли слухи о походе Лжедмитрия на Москву, и смиренный инок Филарет буквально начинает скакать от радости.

В начале 1605 г. пристав Воейков шлёт несколько доносов в Москву о бесчинствах Филарета, и жалобы на игумена монастыря Иону, который смотрит на них сквозь пальцы.

В марте 1605 г. царь Борис делает игумену Ионе строгое внушение: «Писал к нам Богдан Воейков, что рассказывали ему старец Иринарх и старец Леонид: 3 февраля ночью старец Филарет старца Иринарха бранил, с посохом к нему прискакивал, из кельи его выслал вон и в келью ему к себе и за собою ходить никуда не велел. А живёт старец Филарет не по монастырскому чину, всегда смеётся неведомо чему и говорит про мирское житьё, про птиц ловчих и про собак, как он в мире жил, и к старцам жесток, старцы приходят к Воейкову на старца Филарета всегда с жалобою, бранит он их и бить хочет, и говорит им: „Увидите, каков я вперёд буду!“»

Далее Борис требовал, чтобы Иона укрепил ограду вокруг монастыря и ни под каким видом не допускал контактов Филарета с посторонними людьми.

Обратим внимание на фразу Филарета: «Увидите, каков я вперёд буду!» Кем же видит себя смиренный монах — царём или патриархом? Да и откуда такая спесь взялась? Ну, допустим, услышал он об успехах самозванца, так что же из того? Ну, придёт Лжедмитрий, какой-нибудь Стенька или Емелька, и станет бояр вешать да топить, не вникая в их свары и обиды. Тут Филарет выдаёт себя с головой. Он прекрасно знает, что идёт на Москву не просто его бывший холоп Юшка, а его «изделие». Другой вопрос, что он недооценивает польское влияние. У его «изделия» теперь совсем другие кукловоды.

Фразу «Увидите, каков я вперёд буду» цитируют в своих трудах все наши историки от Соловьёва до Скрынникова и... оставляют её без комментариев. Один Валишевский (поляк, не боится задеть гордость великороссов) заметил по сему поводу: «В этом заключаются важные указания, которым не хватает, может быть, только подтверждения некоторых уничтоженных или слишком хорошо спрятанных документов. И, если они не подверглись уничтожению, без сомнения, уже недалёк тот

день, когда не побоятся их обнародовать».

Увы, большевики, придя к власти, начали за здоровье — приступили к опубликованию секретных царских договоров времён Николая II, предали гласности довольно много документов, касавшихся революционного движения и репрессий властей. Но позже курс сменился, и до сих пор масса документов XVI–XVII веков лежит в секретных хранилищах.

В начале июля 1605 г. в Антониев-Сийский монастырь прибыли посланцы самозванца и с торжеством повезли Филарета в Москву.

В Москве Романовы получили щедрые награды. С скромный инок Филарет возведён в сан Ростовского митрополита. А прежний Ростовский митрополит Кирилл Завидов был без объяснения причин попросту согнан с кафедры. Причём нет никаких сведений, что Кирилл мог чем-то прогневать самозванца. За что же такая милость простому монаху? За то, что он с начала 1605 г. перестал вообще ходить на службы? Неужто за познания в ловчих птицах и собаках?

Димитрий дал самую высшую церковную должность Филарету. Сделать монаха сразу патриархом было бы слишком, да и на том месте уже сидел послушный Игнатий. А Крутицким митрополитом стал, как мы уже знаем, старый знакомый Гришки Пафнутий.

Младший брат Филарета Иван Никитич Романов получил боярство. Не был обойдён и единственный сын Филарета — девятилетний Миша Романов стал стольником. Заметим, что возведение даже двадцатилетнего князя Рюриковича в чин стольника на Руси было событием экстраординарным.

Многие наши историки утверждают, что Лжедмитрий пожаловал Романовых как своих родственников, чтобы таким образом подтвердить свою легитимность. Такой взгляд не выдерживает критики. Ну, во-первых, настоящему Димитрию Романовы и родственниками не были. Попробуйте в русском языке найти степень родства Фёдора Никитича и Димитрия Ивановича! Мало того, именно царь Фёдор, сын Анастасии Романовой, упрятал Димитрия со всей роднёй в ссылку в Углич, а бояре Романовы во главе с Фёдором Никитичем с большим усердием помогали царю. Да и не в этом дело. Зачем самозванцу лишний раз напоминать народу, что есть живые родственники царя Фёдора, которые за неимением лучшего могут стать претендентами на престол. Увы, на этот вопрос ни один наш историк дать ответа не может.

Мало того. Зачем давать Романовым власть и вотчины? Неужели самозванец так глуп, что думает, что гордый и честолюбивый Фёдор Никитич станет его верным холопом? А ведь чины и вотчины могли так

пригодиться польским и русским сторонникам Лжедмитрия! Вот они бы и стали навсегда преданными холопами царя Дмитрия I.

Наконец, чем чёрт не шутит, ведь Романовы могли и опознать Юшку Отрепьева, который пять лет назад жил у них на подворье.

Из всего этого можно сделать лишь один логичный вывод — бояре Романовы были в сговоре с заговорщиками церковными, главой которых был Пафнутий. Теперь Отрепьеву пришлось платить по счетам. Был ли удовлетворён наградами честолюбец Фёдор Никитич? Конечно, нет, но качать права было рано. Пока Романовы рассматривали полученные чины, вотчины и другие блага как промежуточную ступеньку для дальнейшего подъёма вверх. Теперь Фёдору и Ивану Никитичам казалось, что ещё чуть-чуть, и московский трон станет собственностью их семейства.

24 апреля 1606 г. в Москву торжественно въехала Марина Мнишек со свитой в несколько сотен поляков. 8 мая состоялась свадьба Марины и Дмитрия. Церемония прошла с рядом серьёзных нарушений православных обычаев, что вызвало резкое недовольство части духовенства и московского люда.

Чуть ли не ежедневно в Москве происходили стычки между поляками и москвичами. (Вспомним 1604 год и жалобы львовских горожан на бесчинства Мнишка и его компании.) Так, пьяные польские гайдуки остановили на московской улице колымагу и вытащили оттуда боярыню. Народ немедленно бросился отбивать женщину. В городе ударили в набат. 16 мая бояре вручили царю жалобу на поляков, напавших на боярыню. Дмитрий положил эту жалобу «под сукно». Мало того, царь запретил принимать у москвичей жалобы на рыцарство.

Московская знать организовала заговор против царя Дмитрия, во главе которого встал боярин князь В. И. Шуйский.

Род Шуйских занимает особое место в истории Руси XV — начала XVII вв. На Руси род Шуйских всегда считался вторым по знатности после правившего рода потомков Ивана Калиты, внука Александра Невского. А за рубежом (в Польше, в Австрии) Шуйских именовали «принцами крови».

Шуйские вели свой род от князя Андрея Ярославовича, брата Александра Невского. Хотя Андрей был младшим братом Невского, но его потомки формально обладали большими правами на владение Русью, так как именно Андрей, а не Александр, был в 1249 г. возведён великим монгольским ханом на престол великого князя владимирского.

В ночь с 16 на 17 мая 1606 г. на подворье у Шуйских собрались их сторонники. Из бояр были только трое Шуйских, а также М. В. Скопин-Шуйский. Присутствовали несколько окольничих, думных дворян и

купцов, а также хорошо нам знакомый профессиональный заговорщик Крутицкий митрополит Пафнутий. Мы никогда не узнаем, что заставило Пафнутия порвать с Отрепьевым и Романовыми и перейти на сторону Шуйского. Видимо, Пафнутий здраво рассудил, что дни самозванца сочтены, а в перспективе сотрудничество с Романовыми мало что могло ему дать. Для них Пафнутий был «мавром», который сделал своё дело и должен уйти.

В светлую ночь с 16 на 17 мая 1606 г. бояре-заговорщики впустили в город около тысячи новгородских дворян и боевых холопов. На подворье Шуйских собралось около двухсот вооружённых москвичей, в основном дворян. С подворья они направились на Красную площадь. Около четырёх часов утра ударили в колокол на Ильинке, у Ильи Пророка, на Новгородском дворе, и разом заговорили все московские колокола. Толпы народа, вооружённые чем попало, хлынули на Красную площадь. Там уже сидели на конях около двухсот бояр и дворян в полном вооружении.

Дворяне-заговорщики объявили народу, что «литва бьёт бояр, хочет убить и царя». Толпа бросилась громить дворы, где жили поляки. Между тем Шуйский во главе двух сотен всадников въехал в Кремль через Спасские ворота, держа в одной руке крест, в другой — меч. Подъехав к Успенскому собору, он сошёл с лошади, приложился к образу Владимирской богородицы и сказал людям, его окружившим: «Во имя божие идите на злого еретика». Толпы двинулись ко дворцу.

Димитрий был убит, а Марину сторонники Шуйского с трудом спрятали от разъярённой толпы.

По всей Москве горожане громили дома, где жили поляки. Позже поляки распустили слухи, что их было убито свыше двух тысяч человек. На самом деле было убито 20 знатных шляхтичей, около 400 их слуг и оруженосцев, а также аббат Помаский. В ходе схваток с поляками было убито свыше 300 русских. Бояре — руководители мятежа — не желали истребления всех поляков и сразу после убийства самозванца направили отряды стрельцов для защиты домов поляков, в первую очередь, разумеется, посла Гонсевского. Избиения поляков продолжались около семи часов и закончились за час до полудня.

Вечером того же дня Марина была отправлена под арест вместе со своим отцом в дом дьяка Власьева. Бояре заставили Марину и Юрия Мнишка вернуть все деньги и драгоценности, подаренные им Отрепьевым. Марина без особого сожаления отдала драгоценности, но очень просила вернуть ей маленького арапа, ранее бывшего у неё в услужении. Просьба эта была исполнена. Старого же мошенника Юрия Мнишка неудача лишь

подхлестнула на новые авантюры, и он предложил боярам выдать дочь замуж за... Василия Шуйского! Заметим, что Шуйский был в этот момент не женат, хотя и помолвлен с княжной Марьей Петровной Буйносовой. Мнишек даже намекнул, что в случае победы «рокошан»^[31] и свержения польского короля Сигизмунда у супруга Марины появится шанс стать ещё и королём Польши. Когда о марьяжном предложении Мнишка доложили Василию Ивановичу, царь, не мудрствуя лукаво, велел послать его к... матери, и Юрий с Мариной были сосланы в Ярославль.

В Ярославле Марина, как и другие поляки, жила за крепким караулом, но ни отец, ни дочь не считали своё дело проигранным и продолжали плести интриги. Мнишки сочинили письмо своей родне, где Марина клялась, что её супруг не был убит в Москве, а бежал, и для убедительности приводила ряд подробностей его бегства. А Юрий Мнишек уверял, что получил несколько писем от Дмитрия, написанных после его бегства из Москвы. Сам Юрий сличал почерк и якобы удостоверился, что письма подлинные. Доставил письмо Мнишков в Самбор шляхтич Ян Вильчинский, бежавший в ноябре 1606 г. из Ярославля. Так что рассказы наших писак о слезах Марины, узнавшей, что Лжедмитрий II не самозванец, являются чистой воды липой. Марина, как и Иван Болотников, работали на Лжедмитрия II ещё задолго до его появления в Стародубе в июне 1607 г.

На несколько месяцев правления самозванца клан Романовых попросту затих. В результате Романовы проспали роковую ночь с 16 на 17 мая 1606 г., во время которой сторонники Шуйского и Пафнутия свергли и убили Лжедмитрия I. Ни Романовых, ни их родственников не было среди тех, кто ворвался в Кремль вместе с Василием Шуйским. Этот переворот был им явно невыгоден. Лишь через два часа после убийства Отрепьева к Кремлю подъехал Иван Никитич Романов с несколькими десятками дворян и боевых холопов и присоединился к победителям. Митрополит Ростовский Филарет 17 мая находился в Москве, но весь день из дома не выходил и никого не принимал.

На следующий день Романовы сумели договориться с Голицыным, Куракиным и Мстиславским и решили собрать 19 мая народ на Красной площади, чтобы выбрать патриарха, а затем провести Земской собор под его руководством. Нетрудно предположить, что патриархом должен был стать Филарет.

Рано утром на Красной площади собралась огромная толпа. Бояре — конкуренты Шуйского — вышли на площадь и предложили избрать патриарха, который должен был стоять во главе временного правления и

разослать грамоты для созыва советных людей из городов. Но сторонникам Шуйского удалось перекричать конкурентов. Специально подобранные добрые молодцы горланили, что царь сейчас нужнее патриарха.

Толпа, ведомая сторонниками Шуйских, вошла в Кремль. Откуда-то появился и сам князь Василий. Шуйского ввели в Успенский собор, где митрополит Пафнутий нарёк его на царство. Он отслужил молебен, и князь Василий Иванович стал считаться царём. Злые боярские языки говорили, что Василий Шуйский был не избран, а выкликнут царём.

Итак, царя выбрали без патриарха, но долго ни церковь, ни вся страна не могли обойтись без него. Тем более что в монастыре в Старице томился годововский патриарх Иов, а в Чудовом монастыре — отрепьевский патриарх Игнатий. Ни тот ни другой ни Шуйским, ни Романовым, ни остальным боярам даром не был нужен. Первоначально Шуйские хотели пропихнуть в патриархи Пафнутия, но это была столь одиозная личность, что против него ополчилось большинство бояр и высшее духовенство. Голицын, Куракин, Мстиславский и другие бояре горой стояли за митрополита Филарета, в котором видели противовес Шуйским. Их нисколько не смущало, что Филарет год назад был простым монахом и никогда не интересовался делами церкви.

Неожиданно царь Василий уступил оппонентам и объявил Филарета патриархом, о чём даже было сообщено польским послам. Но первоначально он должен был съездить в Углич, чтобы обрести «нетленные мощи» царевича Димитрия, которого Шуйский предложил канонизировать. Противники Шуйского объявили его уступку трусостью. На самом деле царь Василий, видимо, не без подачи Пафнутия, задумал хитрый ход. Канонизировав погибшего в Угличе царевича Димитрия и перевезя его мощи в Москву, он достигал сразу нескольких целей: компрометировал династию Годуновых и таким образом снимал с себя обвинения в предательстве царя Бориса; прекращал все слухи о чудесном спасении царевича и, главное, удалял из Москвы опасных ему людей — Филарета, Ивана Михайловича Воротынского, Петра Фёдоровича Шереметева и других.

Филарет уже организовал заговор против Шуйского и хотел иметь алиби на случай провала. Итак, желания царя Василия и Филарета совпадали. Сборы были недолгие, и Филарет с большой помпой отправился в Углич.

Филарет выполнил задачу блестяще. 28 мая 1606 г. при большом стечении народа был вырыт из земли гроб, сняли крышку, и все увидели пятнадцать лет назад похороненного царевича, «яко жива лежащего всего

нетленна, точию некую часть тела своего, яко некий долг отдаде земли». Замечу, что в XX в. на московских кладбищах через 20 лет после погребения в могиле разрешали делать новое захоронение.

Народ, увидев царевича, в единодушном восторге стал славить нетленные мощи, как явное знамение святости Димитрия. Затем последовали новые чудеса: больные, с верой и любовью касаясь мощей, исцелялись. Затем духовенство и бояре под колокольный звон всех церквей Углича вынесли святые мощи из Спасо-Преображенского собора. Процессия направилась прямо по Московской дороге, пролегавшей в то время близ Николосухпродской церкви. Но, не пройдя и ста метров, процессия остановилась, по углическому преданию, вследствие чудесного события: святые мощи нельзя было никакой силой сдвинуть с места.

Надо ли говорить, что чудеса сами по себе не происходят, просто Филарету была какая-то надобность заехать в Ростов. Полупатриарх, полумитрополит ростовский заявил, что мощи желают добраться до Москвы не Московской, а большой Ростовской дорогой. В результате процессия сделала большой крюк через Ростов и Переяславль-Залесский.

3 июня царь Василий и мать царевича инокиня Марфа встретили мощи Димитрия в селе Тайнинском под Москвой. Василий Иванович был несказанно счастлив. Он даже взял в руки фоб и лично пронёс его несколько десятков метров. Напротив, инокиня Марфа остолбенела и не могла произнести ни слова до самой Москвы — в гробу она увидела свежий труп чужого ребёнка.

Молчал и Филарет. Его заранее предупредили о неудачной попытке свержения Шуйского, но здесь, в Тайнинском, рядом с царём и Пафнутием стоял митрополит Казанский Гермоген. Пока Филарет искал святые мощи да возил их по городам, Шуйский вызвал в Москву нового кандидата в патриархи. Гермоген имел непререкаемый авторитет как в церковных кругах, так и в Боярской думе. Выступить против его интронизации в патриархи никто не решался. И бедолаге Филарету пришлось малой скоростью отправляться в свою епархию.

Глава 6

Как панна Марина обрела нового-старого мужа

В истинность царя Дмитрия верила только самая тёмная и неумная прослойка населения России. Ни польские паны, ни казачьи атаманы, ни дворяне, примкнувшие к самозванцу, в большинстве своём не задумывались всерьёз о происхождении самозванца. Он им был просто нужен, вот и всё. Я уж не говорю о близких к царю Дмитрию ляхах, которые прекрасно знали о его самозванстве. В такой ситуации не могла не сработать старинная формула: «Король умер, да здравствует король!»

Слухи о том, что царь Дмитрий остался жив, возникли среди москвичей ещё 17 мая 1606 г. Тем более слухам поверили в отдалённых городах, особенно на юго-западе страны. Произошло уникальное в истории явление. Города выходили из подчинения центральной власти и переходили на сторону царя Дмитрия, создавались целые армии, встававшие под знамёна спасшегося царя: возьмём того же «царского гетмана» Ивана Болотникова. Но всё это делалось без... самого самозванца. Во всех странах мятежи начинались с явления самозванца, а в России целый год, с мая 1606 г. по май 1607 г., шла кровопролитная гражданская война под руководством «подпоручика Киж», простите, царя Дмитрия, «секретного и фигуры не имеющего».

И вот наконец в городе Стародубе объявился царь Дмитрий Иванович. Ни современники, ни позднейшие историки не имели никаких достоверных сведений о личности самозванца. По одним сведениям, самозванец был поповский сын Матвей Верёвкин родом из Северной стороны, подругам — сын стародубского стрельца. Некоторые даже утверждали, что он сын князя Курбского. Наиболее распространённая версия, что самозванец был сыном еврея из города Шклова.

Стародубцы собрали деньги «государю» и начали рассылать по городам грамоты, чтобы выслали к ним ратных людей. В грамотах риторика о происхождении государя перемешивалась с откровенными призывами к грабежу: «Чтобы вы прислужились государю нашему прирождённому Дмитрию, прислали бы служилых всяких людей на государевых изменников, а там будет добра много. Если государь царь будет на прародительском престоле на Москве, то вас всех служилых людей

пожалует своим великим жалованьем, чего у вас на разуме нет». Итак, вперёд, на Москву, «а там будет добра много».

Во главе своих войск Лжедмитрий II поставил гетмана Меховецкого. В августе 1607 г. к самозванцу перешёл из Литвы отряд мозырского хорунжего Будзило. Из-под Тулы прибыл в Стародуб с письмом от Болотникова казацкий атаман Иван Заруцкий, сподвижник Болотникова. Заруцкий, увидев «царя», сразу понял, что перед ним самозванец, но Стародубцев уверил, что это «настоящий царь». Лжедмитрий II поспешил ввести Заруцкого в «боярскую думу», заседавшую в Стародубе.

В сентябре 1607 г. Лжедмитрий II двинулся в поход. В Брянске его встретили колокольным звоном, а всё население вышло навстречу. Трёхтысячное войско самозванца штурмом овладело Козельском. В Козельске поляки взяли большую добычу и решили отправиться домой. Лжедмитрий II испугался мятежа и бежал в Орёл. Однако большая часть войска сумела убедить поляков, что уходить рано и впереди «будет добра много». Послали за Лжедмитрием, которого насилу уговорили вернуться к собственному воинству.

Узнав о первых успехах самозванца, к нему за поживой потянулись сотни польских панов от самых именитых до голозадых «рыцарей». 2 октября подошла тысяча человек пана Валавского, который был послан Романом Рожинским. Затем подошли отряды пана Тышкевича, пана Лисовского, князя Адама Вишневецкого и другие. Заметим, что, к примеру, пан Лисовский был отпетый бандит, приговорённый королевским судом к смертной казни.

Тем временем в Польше князь Рожинский закончил сбор искателей поживы. Их набралось до четырёх тысяч. Поляки перешли русскую границу и заняли город Кромы, откуда Рожинский направил послов в Орёл к Лжедмитрию II, чтобы сообщить ему о своём приходе, предложить условия службы и потребовать денег. Однако у командующего войсками самозванца пана Меховецкого были какие-то свои счёты с Рожинским, и он потребовал от Лжедмитрия отказаться от его услуг. Посему самозванец ответил послам: «Я рад был, когда услышал, что Рожинский идёт ко мне. Но дали мне знать, что он хочет изменить мне. Так пусть лучше воротится. Посадил меня прежде бог на столице моей без Рожинского, и теперь посадит. Вы уже требуете денег, но у меня здесь много поляков не хуже вас, а я ещё ничего им не дал. Сбежал я из Москвы от милой жены моей, от милых приятелей моих, ничего не захвативши. Когда у вас было коло под Новгородом, то вы допытывались, настоящий ли я царь Димитрий или нет?»

Послы отвечали на это: «Видим теперь, что ты не настоящий царь Димитрий, потому что тот умел людей рыцарских уважать и принимать, а ты не умеешь. Расскажем братья нашей, которые нас послали, о твоей неблагодарности, будут знать, что делать». С этими словами послы вышли, а Лжедмитрий II послал потом звать их обедать и просить, чтобы не сердились на него.

В апреле 1608 г. армия самозванца под командованием гетмана Рожинского двинулась к городу Болхову. Царь Василий послал навстречу «вору» своего брата Дмитрия Шуйского и Василия Голицына с тридцатитысячной ратью. Двухдневное сражение под Болховом закончилось поражением правительственного войска. Князя Дмитрия погубила его собственная трусость. В самый разгар боя он приказал отвезти пушки в тыл. Этот приказ привёл к общему отступлению, перешедшему в паническое бегство. «Воровские» отряды захватили много пушек и большой обоз с продовольствием.

После сражения Болхов без боя сдался победителям. Но вскоре буйные паны опять собрали коло и потребовали от самозванца пообещать им, что как только он будет в Москве, то сразу выплатит им всё жалованье и сразу же отпустит домой. Лжедмитрий обещался деньги выплатить, но умолял со слезами не уезжать из Москвы, не бросать его: «Я без вас не могу быть паном на Москве. Я бы хотел, чтобы всегда поляки при мне были, чтоб один город держал поляк, а другой — москвитянин. Хочу, чтобы всё золото и серебро было ваше, а я буду доволен одною славой. Если же вы уже непременно захотите отъехать домой, то меня так не оставляйте, подождите, пока я других людей на ваше место призову из Польши».

После Болхова поход Лжедмитрия II на Москву напоминал триумфальное шествие — Козельск, Калуга, Можайск и Звенигород встречали его хлебом-солью и колокольным звоном.

Царь Василий выслал из Москвы новое войско под началом Михаила Васильевича Скопина-Шуйского и Ивана Никитича Романова. В царствование Шуйского Иван Никитич получил должность воеводы в Козельске. Там он разбил князя Василия Рубец-Мосальского, шедшего на выручку Болотникова. Так он попал в доверие к царю. Возможно, свою роль сыграло и его некоторое соперничество с братом Фёдором-Филаретом.

Царские полки заняли позицию на речке Незнани между городами Подольском и Звенигородом. На поиск переправы были направлены разъезды, которые донесли, что «вор поиде под Москву не тою дорогою». Рожинский обходил их справа, идя из Звенигорода на Вязьму в направлении Москвы. Одновременно в войске была обнаружена измена.

Как говорится в летописи, в полках «нача быти шатость: хотяху царю Василью изменити князь Иван Катырев, да князь Юрьи Трубецкой, да князь Иван Троекуров и иные с ними».

Обратим внимание — во главе заговора стояли в основном родственники Романовых. Иван Фёдорович Троекуров был женат на Анне Никитичне Романовой, а Иван Михайлович Катырев-Ростовский — на Татьяне Фёдоровне Романовой. Надо ли говорить, что в случае успеха заговора Иван Никитич Романов не остался бы в стороне.

Из-за «шатости» царь Василий приказал войску срочно возвращаться в Москву. Войско же самозванца беспрепятственно подошло к столице 1 июля. Однако для захвата Москвы у «вора» сил явно не хватало. Польские «стратеги» предложили обойти столицу с севера и оседлать Ярославскую дорогу, чтобы воспрепятствовать подходу войск и обозов с продовольствием из северных земель России. Армия самозванца расположилась в селе Тайнинском. Но вскоре выяснилось, что отряды Шуйского отрезали «воров» от Польши и юго-западных русских городов. Поэтому было решено перебазировать войско на запад от Москвы. Гетману Рожинскому удалось отбросить отряды Шуйского, стоявшие на Тверской дороге. Затем «воры» перешли на Волоколамскую дорогу, где нашли удобное место для стоянки — в селе Тушино, между двумя реками, Москвой и Восточной. Там и был построен лагерь, который через несколько месяцев превратится в большой деревянный город. По местонахождению этого города войско самозванца московские власти и население окрестило тушинцами, а самого Лжедмитрия II — Тушинским вором.

25 мая 1608 г. московское правительство и король Сигизмунд заключили перемирие на три года и одиннадцать месяцев. Одним из условий перемирия было обязательство Речи Посполитой выдавать всех поляков, поддерживающих самозванца, и впредь никаким самозванцам не верить и за них не вступаться.

Ещё до заключения договора польские паны отправили в стан к Лжедмитрию в Звенигород пана Борзковского, который потребовал от поляков, служивших самозванцу, покинуть Россию. Однако гетман Рожинский ответил послу категорическим отказом.

По наущению поляков Лжедмитрий II вступил в переписку с Юрием Мнишком, находившимся в Ярославле. Мнишку было всё равно, в чью постель ляжет его дочь. Он уже отдал её беглому монаху, предлагал старику Шуйскому, так почему она должна была отказать шкловскому еврею?

Согласно условиям договора, Мнишек и другие поляки под сильным конвоем (Соловьёв пишет о трёх тысячах человек) были отправлены в

Польшу. Мнишки предупредили Тушинского вора, и тот направил на перехват польский отряд пана Зборовского.

Разведывательные дозоры конвоя обнаружили преследователей и предложили изменить маршрут и уйти от погони. Большинство поляков во главе с бывшими послами Гонсевским и Олесницким согласились, но Мнишки категорически отказались ехать. В конце концов охрана не решилась применить к Мнишкам силу, и они с несколькими поляками остались. Гонсевский с большинством поляков и царским конвоем изменили маршрут и благополучно добрались до Польши. Мнишки же со спутниками были перехвачены Зборовским и доставлены в Тушино.

Марина ещё в Ярославле узнала, что её ждёт новый самозванец. Она хорошо знала почерк Отрепьева, а Тушинский вор даже и не попытался подделать своей почерк. Тем не менее она не захотела сразу ехать в Тушино. Вместо этого Марина отправилась на «богомолье» в православный Саввино-Сторожевский монастырь в Звенигороде в пятидесяти верстах от Тушина. А пока дочка замаливала грехи, папа три дня торговался с самозванцем. В конце концов «вор» дал Юрию запись, что сразу же по овладении Москвой выдаст ему триста тысяч рублей и отдаст во владение Северское княжество с четырнадцатью городами.

Через неделю Марина торжественно въехала в Тушино. При виде Лжедмитрия II она изобразила радость и изумление. Верная жена склонилась перед спасённым супругом, а тот поднял её и нежно обнял. По польской версии, 5 сентября 1608 г., за день до торжественной встречи, в лагере Петра Сапеги состоялось тайное венчание Марины и Тушинского вора по католическому обряду, совершённое монахом-иезуитом. (Ян Пётр Петрович Сапега родился в 1569 г., умер в осаждённом Кремле в 1611 г., двоюродный племянник польского канцлера, в августе 1607 г. прибыл к самозванцу с отрядом поляков.)

Состоялось ли это венчание или нет — вопрос спорный, но теперь в тушинском стане был не только царь, но и царица. Тушино стало как бы второй столицей России. Была тут и «воровская» Боярская дума, которую возглавили Михаил Салтыков и Дмитрий Трубецкой, то есть светская власть была в полном составе. Не хватало только патриарха.

В сентябре 1608 г. Пётр Сапега с большим отрядом тушинцев двинулся к Переяславлю-Залесскому. Город сдался без боя, а жители присягнули Лжедмитрию II. Далее Сапега пошёл к Ростову. Местный воевода Третьяк Сеитов вышел навстречу противнику, но был разбит. А в самом Ростове навстречу «ворам» с хлебом-солью вышел митрополит Филарет. Позже русские историки будут утверждать, что поляки насильно посадили

бедного Филарета в простые сани и отвезли в Тушино. И ехал он в простой меховой татарской шапке и в казацких сапогах. Ну, это вполне можно допустить. У Сапеги не было шикарных колымаг, да и время поджимало. Но что обычно делают с пленными? Казнят, заключают под стражу, меняют, отдают за выкуп. А кто и когда делал пленника главой церкви!? Нет, не был никогда Филарет пленником. С пленными Лжедмитрий II обращался круто. Так, к примеру, архиепископ Тверской Феоктист, не пожелавший сотрудничать с «вором», был зверски убит.

В Тушине Лжедмитрий произвёл Филарета в патриархи, и тот рьяно приступил к своим новым обязанностям — совершал богослужения и рассылал по всей стране грамоты, призывая покориться царю Димитрию, а под грамотами подписывался: «Великий Господин, преосвященный Филарет, митрополит ростовский и ярославский, наречённый патриарх московский и всея Руси».

В Тушино перебежали и родственники Филарета по женской линии — Сицкие и Черкасские. Туда же прибыл муж сестры Филарета Ирины Никитичны Иван Иванович Годунов, поставленный царём Василием воеводой во Владимир, жители которого также присягнули Тушинскому вору.

Наиболее влиятельной силой при самозванце были поляки — Сапега, Рожинский и К^о, ведь за ними стояло 15–20 тысяч польских солдат. Но самым сильным русским кланом в Тушино, без сомнения, стали Романовы.

Взятие Ростова повлекло за собой сдачу соседних городов — Ярославля, Вологды и Тотьмы. На юге на сторону Лжедмитрия II перешла Астрахань, а на северо-западе — Псков. Однако никакой системы управления на присягнувших ему землях Тушинскому вору создать не удалось. Там фактически царила анархия. С одного и того же села могли взять контрибуцию и тушинские казаки, и поляки Сапеги, а затем прийти поляки Лисовского, который не хотел подчиняться Сапеге.

23 сентября 1608 г. около тридцати тысяч поляков и русских «воров» под началом Петра Сапеги подступили к стенам Троице-Сергиева монастыря. В монастыре находилось около полутора тысяч ратных людей и несколько сот крестьян из околных сёл, нашедших там защиту. Многие монахи приняли активное участие в обороне монастыря. Кстати, в осаждённом монастыре находилась и дочь Бориса Годунова монахиня Ольга, в миру Ксения.

Троице-Сергиев монастырь окружали мощные каменные стены высотой от 4,3 до 5,3 метров и толщиной 3,2–4,3 метра, и взять его с ходу приступом полякам не удалось. Тогда Сапега приказал подтянуть к

монастырю осадную артиллерию. В течение тридцати дней и ночей 63 пушки и несколько мортир вели огонь по монастырю, но разрушить стены монастыря так и не смогли. Поляки сделали несколько подкопов под стены, но осаждённым удалось уничтожить эти подкопы и не дать полякам взорвать мины.

17 ноября 1608 г. в монастыре началась эпидемия («мор») из-за большого скопления народа, всего с мирными жителями там находилось несколько тысяч человек. Тем не менее монастырь не сдавался.

На северо-западе страны, говоря современным языком, шла позиционная война. У Лжедмитрия II не было сил штурмовать столицу, а у Шуйского — сжечь «воровскую» столицу Тушино.

У северо-западных окраин Москвы постоянно происходили стычки московских войск с тушинцами. 5 июня 1609 г. стычка переросла в большое сражение. Польский отряд Николая Мархоцкого отогнал русский дозор и стал лагерем на берегу реки Ходынки. Но перепуганные воеводы доложили царю Василию, что на Москву движется вся тушинская рать. В итоге по царскому приказу на Мархоцкого пошло большое войско. На флангах московского войска шла конница, а в центре был гуляй-город, то есть несколько десятков возов, защищённых толстыми дубовыми щитами. На возах сидели стрельцы и вели огонь через бойницы.

Между тем к коннице Мархоцкого тоже подошло подкрепление — три казацких хоругви и 400 польских пехотинцев с несколькими пушками.

Позже сражение хорошо описал Николай Мархоцкий: «Тут со своими гуляй-городами подошли москвитяне. Наши не знали о гуляй-городах; завидев неприятеля, они решили, что наступает только московская конница, и поскакали к ней через речку. Три казацкие хоругви встали во главе и пошли вперёд, за ними поскакала гусарская хоругвь (тому, кто её вёл, не стоит этим хвалиться). Когда казацкие хоругви оказались на поле, из гуляй-городов стали палить, и казаки повернули назад. А гусарская хоругвь пошла вперёд и направилась прямо на конницу, надеясь, что если удастся её смять, гуляй-города будут нашими. В ответ открылась пальба, в хоругви пало несколько лошадей, но, несмотря на это, отряд налетел на конницу. Москвитяне же, в расчёте на прикрытие из гуляй-города, держались так, что приняли на себя удар копий. Затем пошли и другие хоругви, но они уже ничего не изменили. Первая хоругвь, сколько смогла охватить своими рядами, гнала москвитян в спину, другие хоругви пошли в свой черёд следом, остальные обратились на гуляй-города: отбили ружья, посекали пехоту, в пушки впрягли лошадей, чтобы отвезти в обоз. Если бы мы проследили за московской конницей, победа была бы в наших руках.

Московская конница, которую оттеснила первая хоругвь, быстро уходила и, чтобы не было сумятицы, шла почти рядом с нашими. Если бы наши хоругви, не вмешиваясь не в своё дело, обратились на левое крыло, то мы бы одержали большую победу. Но произошла ошибка: хорунжий первой хоругви, который должен был следовать за своим предводителем, увидев сбоку москвитян, присоединился к тем, кто их преследовал. Хоругви, следовавшие за первой, решили, что она уже смята, и ни с того ни с сего показали спину. Москвитяне опомнились, насели на нас и погнались, разя, прямо в Ходынку. Свои гуляй-города они отбили, потому что наши хоругви все до единой вынуждены были спасаться бегством (тогда-то мне ногу и прострелили). Но это было ещё не всё, чем Бог нас наказал. На реке Ходынке у нас было несколько сотен пехоты, — с её помощью мы могли бы поправить дело. Но пехотные ротмистры, похватав хоругви, побежали первыми; так что, когда дойдёт до битвы, плохо, если у пеших ротмистров будут кони.

Тем временем наше войско удирало к обозу. Хорошо, что там оказался Заруцкий с несколькими сотнями донцов. У речки Химки, где мы поставили укрепления для защиты обоза, он повёл ответную стрельбу из ручного оружия. Иначе неприятель ворвался б на наших плечах прямо в обоз. Хотя победа была рядом, мы лишились тогда всей пехоты, потеряли убитыми несколько ротмистров; немало было убито и ранено товарищей, челяди, лошадей, множество важных персон попали в плен и были увезены в Москву»^[32].

Власть в обеих столицах буквально висела на волоске. В Москве группы дворян-заговорщиков периодически приходили в Кремль свергать Шуйского, но дело кончалось словесной перебранкой с царём.

У Лжедмитрия II в Тушине тоже хватало проблем. Польские паны вели себя более чем нагло. Так, гетман Рожинский мог публично закричать на «царя»: «Молчи, а не то я тебе башку сорву!» Впрочем, удивляться этому особенно не приходится, поскольку и в Польше магнаты позволяли себе подобное с королём.

Не надеясь своими силами разгромить Лжедмитрия II под Москвой, Василий Шуйский принимает роковое решение пригласить шведов для участия в гражданской войне в России. Это даёт формальный повод королю Сигизмунду нарушить перемирие с Василием Шуйским и вторгнуться в Россию. Другой вопрос, что это действительно был повод, а не причина. Вмешаться ранее в русские дела Сигизмунду мешало не перемирие, а рокош в Речи Посполитой.

19 сентября 1609 г. коронное войско под командованием Льва Сапег

подошло к Смоленску. Русско-шведская армия Скопина-Шуйского к этому времени застряла в Калязине. Тем не менее вторжение королевских войск в Россию вызвало панику не в Москве, а в Тушине. Когда до «воровской» столицы дошла весть о походе короля, поляки созвали коло и начали кричать, что Сигизмунд пришёл за тем, чтобы отнять у них заслуженные награды и воспользоваться выгодами, которые они приобрели своей кровью и трудами. Гетман Рожинский был первым против короля, потому что в Тушине он был полновластным хозяином, а в королевском войске он стал бы в лучшем случае младшим офицером.

В конце концов тушинские поляки поклялись друг другу не вступать в переговоры с королём и не оставлять Димитрия. Если же ему удастся сесть на престол, то требовать всем вместе от нового царя награды. Если же Димитрий станет медлить с выплатой, то захватить Северскую и Рязанскую области и кормиться доходами с них до тех пор, пока все не получат полного вознаграждения. Все поляки охотно подписали конфедерационный акт и отправили к Сигизмунду под Смоленск посла пана Мархоцкого с товарищами с просьбой покинуть Московское государство и не мешать их предприятию. Рожинский хотел уговорить Петра Сапегу присоединиться к конфедерации, и даже сам поехал к нему в стан под Троице-Сергиев монастырь, но Пётр Сапега не захотел ссориться ни со своим родичем Львом Сапегой, ни с королём Сигизмундом, и занял нейтральную позицию.

В то время как тушинские поляки отправили послов к королю под Смоленск, Сигизмунд отправил своих послов пана Станислава Стадницкого с товарищами в Тушино. Они должны были внушить тушинским полякам, что им гораздо почётнее служить своему законному государю и что они, прежде всего, должны заботиться о выгодах Польши и Литвы. Король обещал им выплатить вознаграждение из московской казны в том случае, если Москва совместными усилиями будет взята, причём обещал, что тушинские поляки начнут получать жалованье с того момента, как соединятся с королевскими войсками. Военачальникам король сулил награды не только в России, но и в Польше. Что же касается русских тушинцев, то Сигизмунд уполномочил послов обещать им сохранение веры, обычаев, законов, имущества и богатые награды, если они перейдут к нему.

Послы, отправленные из Тушина к королю, и королевские, отправленные в Тушино, встретились в Дорогобуже. Королевские послы стали допытываться у тушинских, зачем они едут к Смоленску, но те не сказали им ничего. Приехав под Смоленск, тушинские послы сперва пошли к королю, а затем — к рыцарству. Речь, произнесённая перед королём, при

почтительных формах была самого непочтительного содержания: тушинцы объявили, что король не имеет никакого права вступать в Московское государство и лишать их награды, которую они заслужили у царя Дмитрия своими трудами и кровью.

Получив от Сигизмунда суровый ответ, тушинские послы немедленно отправились в Тушино и явились туда раньше послов королевских. Выслушав их, Рожинский созвал совет «полевых командиров» польских отрядов, чтобы решить вопрос о приёме королевских послов. Рожинский, Зборовский и большинство командиров были против приёма послов. Но рядовые поляки придерживались иного мнения. По тушинскому табору пронёсся слух, что у короля много денег и он хорошо заплатит всем тушинцам, пожелавшим присоединиться к его войску.

В это время явился посланец от Петра Сапеги и от всего войска, стоявшего под Троицким монастырём, и потребовал, чтобы тушинцы немедленно вступили в переговоры с королевскими послами, а в противном случае Сапега перейдёт на службу к Сигизмунду. В такой ситуации Рожинскому пришлось вступить в переговоры с королевскими послами.

А что же делал всё это время Лжедмитрий II? Его время прошло, и никто не обращал на него внимания. Мало того, вожди тушинских поляков срывали на нём зло с тех пор, как королевские войска вступили в пределы Московского государства, что поставило тушинцев в затруднительное положение. Так, пан Тышкевич ругал самозванца прямо в глаза, называл обманщиком и мошенником.

Фактически Тушинский вор стал пленником поляков. Царские конюшни круглосуточно охраняли польские жолнеры. Лошади могли быть выданы самозванцу лишь с санкции Рожинского. На карту была поставлена жизнь «царя». Ведь в случае присоединения Рожинского к королю Тушинский вор стал бы всем помехой.

Лжедмитрий делает попытку побега. Ночью он ускакал из Тушина с четырьмя сотнями донских казаков, но поляки догнали его и вернули. С тех пор он жил в Тушине под строгим надзором.

27 декабря Лжедмитрий спросил Рожинского, о чём идут переговоры с королевскими послами. Гетман, будучи нетрезв, отвечал ему: «А тебе что за дело, зачем комиссары приехали ко мне? Чёрт знает, кто ты таков? Довольно мы пролили за тебя крови, а пользы не видим». Пьяный Рожинский пригрозил даже побить «царя». Тогда Лжедмитрий решил во что бы то ни стало бежать из Тушина и в тот же день вечером, переодевшись в крестьянскую одежду, сел в навозные сани и уехал в Калугу вдвоём со своим шутом Кошелевым.

Добравшись до Калуги, Тушинский вор остановился в Лаврентьевом монастыре недалеко от города и послал монахов в город с извещением, что он приехал из Тушина, спасаясь от польского короля, который грозил ему смертью за отказ уступить Польше Смоленск и Северскую землю. Самозванец обещал «положить голову» за православие и отечество. Воззвание оканчивалось словами: «Не дадим торжествовать ереси, не уступим королю ни кола, ни двора».

Калужане поспешили в монастырь с хлебом-солью, торжественно проводили Лжедмитрия до города, где окружили его царской роскошью.

В ночь на 11 февраля 1610 г. из Тушина бежала Марина Мнишек. Она была беременна от Тушинского вора, но это не помешало ей скакать на коне, переодетой казаком.

Но Марина отправилась сперва в Дмитров, где со своим войском стоял Пётр Сапега, вынужденный снять осаду с Троице-Сергиева монастыря. С Сапегой Марине не удалось договориться, тот упорно не хотел соединяться с Лжедмитрием II. Кроме того, в феврале к Дмитрову подошло русско-шведское войско. Самозваной царице пришлось бежать в Калугу, где её с помпой встретил «любимый муж».

Бегство «царицы» Марины стало катализатором развала «воровской столицы». Казаки^[33] разбежались кто куда, часть ушла в Калугу, а остальные рассеялись по стране шайками грабителей. Последними в начале марта 1610 г. ушли поляки Рожинского. Покидая Тушино, Рожинский велел сжечь «воровскую столицу».

Глава 7

В игру вступают короли

Советские историки, говоря о польско-литовской интервенции, валили всё в кучу. На самом деле отношение к Смуте в России у короля, радных панов и шляхты принципиально различалось. Что касается последних, всяких там Лисовских, Ружинских, Мархоцких и т. п., то их без особого преувеличения можно назвать грабителями с большой дороги. Единственным интересом шляхты была нажива, что, впрочем, не мешало им прикрывать грабежи громкими патриотическими и религиозными лозунгами. Наиболее приемлемый для них правитель в Москве тот, при котором легче будет грабить. Вместе с тем большинство шляхты опасалось усиления власти как короля, так и радных панов.

Радные паны и король стремились к окатоличиванию России и подчинению её Польшей. Но при этом радные паны стремились сделать это так, чтобы вся выгода от оккупации досталась именно им, а королевская власть не только не усилилась, а желательно и ослабела бы. Соответственно, Сигизмунд мечтал сделать Московию своим наследственным владением и править там без вмешательства польского сейма. Короче говоря, и король, и магнаты вместе были за религиозную унию с Москвой, но магнаты были за государственную унию, а король — за личную унию.

В 1606–1607 гг. часть шляхты во главе с паном Зебржидовским объявила войну (рокош) против короля, что почти на три года задержало вмешательство Сигизмунда в русские дела.

Договор царя Василия со шведами дал Сигизмунду формальный *casus belli*^[34]. Король начал войну, стараясь сделать её своей личной войной. «Польско-литовская интервенция» существовала только в головах советских историков. На самом деле войска польско-литовской шляхты воевали в России уже с 1604 г., а в сентябре 1609 г. началась королевская война.

Радные паны в целом были за войну с Россией, но Сигизмунд не захотел обращаться к сейму за помощью. Польская конституция позволяла королю самостоятельно вести войну, если для этого не требуется вводить в Речи Посполитой дополнительных налогов.

Сигизмунд решил вести войну за счёт королевской казны и субсидий

римского папы. Римский папа Павел V благословил Сигизмунда III на поход в Московию и прислал... шпагу, освящённую в праздник Рождества Христова. Сигизмунд шлёт новых и новых послов к папе, требуя денег. В 1611 г. Павел V посылает ему... свои молитвы. И лишь в 1613 г. Сигизмунду удаётся буквально выбить из папы сорок тысяч талеров.

Нехватка средств была одним из важных факторов неудач королевской войны в 1610–1612 гг.

19 сентября 1609 г. коронное войско Льва Сапегу подошло к Смоленску. Через несколько дней туда прибыл и сам король. Всего под Смоленском собралось регулярных польских войск: 5 тысяч пехоты и 12 тысяч конницы. Кроме того, было около 10 тысяч малороссийских казаков и неопределённое число литовских татар.

Перейдя границу, Сигизмунд отправил в Москву складную грамоту, а в Смоленск — универсал, в котором говорилось, что Сигизмунд идёт навести порядок в Русском государстве по просьбе «многих из больших, маленьких и средних людей Московского государства», и что он, Сигизмунд, больше всех радеет о сохранении «православной русской веры». Разумеется, королю не поверили ни в Смоленске, ни в Москве.

Смоленская крепость была построена в 1597–1602 гг. городовым мастером Фёдором Конём. Она являлась одной из сильнейших крепостей в России. Стены крепости достигали высоты 14 м и ширины до 2, 3 м, а длина стены превышала 5 километров. Крепость имела 38 башен. Крепостная артиллерия, насчитывавшая около 300 орудий, была в три яруса размещена в крепостных башнях. Гарнизон Смоленска не превышал 5 тысяч человек. Смоленский воевода Иван Михайлович Шеин был смелым и решительным человеком и отлично знал дело.

Осада с самого начала пошла неудачно. Шесть смоленских смельчаков на лодке среди бела дня переплыли Днепр и пробрались к королевскому лагерю, схватили королевское знамя и благополучно уплыли с ним к крепости.

12 октября 1609 г. король приказал войскам идти на приступ. Полякам удалось взорвать мину у крепостных ворот и разрушить их. В пролом ворвались польские воины. Но уйти обратно удалось лишь немногим. Штурм был отбит с большими потерями. Польское командование поняло, что крепость можно взять только правильной осадой. Но Сигизмунд рассчитывал на лёгкую наживу и даже не взял в поход тяжёлую артиллерию. Теперь пришлось посылать за осадной артиллерией в Ригу. С учётом состояния дорог, времени года и большого веса орудий осадная артиллерия была доставлена под Смоленск лишь летом 1610 г.

Отъезд Марины Мнишек из Тушино послужил сигналом для повального бегства русских тушинцев, которые бежали кто куда, частью в Калугу, а остальные рассеялись по стране мелкими шайками. Последними в первых числах марта 1610 г. ушли поляки Рожинского, спалив за собой «воровскую столицу». Часть именитых русских тушинцев отправилась каяться к Шуйскому, а другие во главе с патриархом Филаретом в обозе Рожинского поехали под Смоленск к Сигизмунду. Поляки Рожинского ехали к королю, так как им некуда было больше деваться.

Из-за весенней распутицы Рожинский на несколько недель остановился в Волоколамске, поселившись в Иосифовом монастыре. Там во время драки с панями он упал на каменные ступени, сильно ударившись простреленным ещё под Москвой боком. Падение оказалось роковым, и гетман умер 4 апреля 1610 г., тридцати пяти лет от роду.

Схоронив Рожинского, Заборовский с большей частью войска двинулся к Смоленску, а остальные поляки во главе с Руцким и Мархоцким остались в Волоколамске.

21 мая 1610 г. к городу Волоколамску подошло объединённое русско-шведское войско под командованием Валугева и Горна. Поляки были выбиты из монастыря. Из полутора тысяч поляков и казаков спаслось только триста человек. В числе трофеев русских войск оказался и самозванный патриарх Филарет.

В июне 1610 г. Филарет был доставлен в Москву. Но вместо застенка он попал в родовые хоромы в Китай-городе.

В апреле 1610 г. жена Дмитрия Шуйского Мария на пиру отравила молодого талантливоего полководца Михаила Васильевича Скопина-Шуйского, которого Дмитрий считал потенциальным наследником престола. Смерть Скопина-Шуйского стала катастрофой для царя Василия. Ему пришлось вместо племянника назначить главным воеводой своего бездарного брата Дмитрия.

32 тысячи русских и 8 тысяч шведов двинулись к Смоленску. К этому времени московский воевода Валуев с шеститысячным отрядом уже занял Можайск, Волоколамск и прошёл по Большой Смоленской дороге до Царёва Займища.

Сигизмунд отправил навстречу русским часть войска под командованием гетмана Жолкевского, а остальные силы поляков продолжали осаждать Смоленск. Станислав Жолкевский слыл самым талантливым польским военачальником. Ему исполнилось уже 63 года, на его счету были победы над шведами в Лифляндии, разгром казацкого восстания Наливайко, в битве под Гузовом в 1607 г. он разгромил

«рокошан» и т. д.

14 июня 1610 г. Жолкевский осадил Царёво Займище. Воевода Валуев послал за помощью к Дмитрию Шуйскому, который с войском находился в Можайске. Русское войско медленно двинулось вперёд и стало лагерем у деревни Клушино, поскольку-де стояла сильная жара.

Жолкевский разделил своё войско. Небольшой отряд (700 человек) блокировал Валуева в Царёве Займище, а основные силы (6483 человека) пошли к Клушину, находившемуся в тридцати верстах от Царёва займища.

Ночь с 22 на 23 июня Дмитрий Шуйский и Делагарди пропьянствовали и только собрались почивать, как услышали дикие крики. На союзников обрушились польские крылатые гусары. Русская конница бежала. Пехота же засела в Клушине и встретила ляхов сильным ружейным и артиллерийским огнём. Замечу, что в войске Жолкевского было всего лишь два фальконета, да и те застряли в лесу и в бой вступили только в конце сражения.

Дмитрия Шуйского погубила беспримерная глупость и столь же беспримерная жадность. Накануне сражения шотландцы, французы и немцы, служившие наёмниками в шведском войске, потребовали своевременной выплаты жалованья. У Шуйского в войсковой казне были огромные деньги, но жадный князь решил повременить с платежом в надежде, что после битвы ему придётся платить меньше. Два немецких наёмника перебежали к Жолкевскому ещё до битвы и объяснили ситуацию. В разгаре битвы Жолкевский предложил крупную сумму наёмникам. Отряд из шотландцев, французов и немцев перешёл на сторону поляков.

Узнав об этом, Дмитрий Шуйский вскочил на лошадь и бросился бежать. За ним последовали и другие воеводы, а за теми, естественно, и простые ратники. Шведские командиры Делагарди и Горн собрали меньшую часть наёмников (этнических шведов) и ушли на север к своей границе.

Победа поляков была полная, им досталась вся русская артиллерия, сабля и бурка Дмитрия Шуйского и та самая казна, которую хотел присвоить жадный «шубник». Увы, у нас до сих пор забывают аксиому Наполеона: «Кто не хочет кормить свою армию, будет кормить чужую».

Из-под Клушина Жолкевский возвратился под Царёво Займище и сообщил Валуеву о своей победе. Воевода долго не верил, пока гетман не показал ему знатных пленников, взятых под Клушиным. В конце концов Валуев сдался и целовал крест царевичу Владиславу, но для очистки совести заставил Жолкевского дать обещание от имени будущего царя чтить православную веру, действовать заодно с русскими против «вора» и

очистить Смоленскую область.

По примеру Царёва Займища Владиславу присягнули Можайск, Борисов, Боровск, Иосифов монастырь, Погорелое Городище и Ржев. К войску гетмана присоединилось около десяти тысяч русских. Тем не менее сил для захвата Москвы у Жолкевского не хватало, и он был вынужден остановиться в ста верстах от столицы.

Наибольшую же выгоду от сражения при Клушине получил... Тушинский вор. Ему удалось прельстить деньгами большую часть воинства Петра Сапеги. С помощью последних «вор» овладел Пафнутьевым Боровским монастырём. Разорив монастырь, самозванец пошёл на Серпухов, который сдался без боя. Сдались Лжедмитрию также Коломна и Кашира. Но под Зарайском «вор» потерпел поражение. Воеводой там сидел Дмитрий Михайлович Пожарский. Он не только отстоял Зарайск, но и выбил тушинцев из Коломны.

Царь Василий, цепляясь за власть, обратился за помощью к крымскому хану. По его просьбе к Туле подошли десять тысяч татар во главе с мурзой Кантемиром по прозвищу Кровавый Меч. Кантемир взял деньги у царских воевод, а затем вместо того, чтобы сражаться с поляками Петра Сапеги, занялся грабежом и угнал в Крым несколько тысяч мирных жителей.

Главные силы Лжедмитрия II двинулись на Москву. Их было всего три-четыре тысячи, а у Шуйского под Москвой имелось тридцать тысяч ратников. Однако моральный дух царского войска был невысок, за Шуйского драться никто не хотел. Самозванец встал у села Коломенское.

В Москве против царя был составлен заговор, во главе которого стояли князья Фёдор Иванович Мстиславский и Василий Васильевич Голицын. Разумеется, дело не обошлось без Романовых Филарета и Ивана Никитича и их множественной родни. Тушинские самозванные бояре во главе с Дмитрием Трубецким вошли в контакт с заговорщиками. Они прекрасно понимали, что московская знать не собирается менять Василия Шуйского на Тушинского вора, и предложили «нулевой» вариант, по которому тушинцы устраняют Лжедмитрия II, а московские бояре — царя Василия. А далее совместно будут выбирать нового царя. Москвичи согласились. Начать мятеж бояре поручили довольно скандальной личности — Захару Ляпунову.

17 июля 1610 г. заговорщики насильственно свергли с престола царя Василия Шуйского. Чтобы исключить возможность нового воцарения Шуйского на престоле, заговорщики насильно постригли его в монахи и вместе с братьями Дмитрием и Иваном передали полякам в качестве заложников.

После свержения Шуйского клан Романовых впервые предложил возвести на престол четырнадцатилетнего Михаила Фёдоровича, сына Филарета. Однако большинство бояр не устраивал ни тот ни другой. В конце концов боярская дума постановила отменить выборы царя до сбора в Москве представителей «всей земли».

По старой традиции, боярская дума создала нечто типа политбюро для управления страной. В его состав вошли Фёдор Мстиславский, Иван Воротынский, Василий Голицын, Иван Романов, Фёдор Шереметев, Андрей Трубецкой и Борис Лыков. В народе это правительство прозвали «семибоярщиной».

Города, подчинявшиеся царю Василию, без особых проблем целовали крест «семибоярщине». В Москве же продолжались интриги. Захар Ляпунов с несколькими дворянами вёл агитацию в пользу Тушинского вора. Боярин Мстиславский заявил, что сам он не хочет быть царём, но также не хочет видеть царём кого-либо из бояр, и что надо избрать государя из царского рода. Узнав, что Ляпунов намерен тайно впустить в Москву войско самозванца, Мстиславский передал Жолкевскому, чтобы тот немедленно шёл к столице.

Гетман 20 июля 1610 г. вышел из Можайска, а в Москву послал грамоты, где говорил, что идёт защищать столицу от «вора». К князю Мстиславскому «с товарищи» Жолкевский прислал грамоту с щедрыми обещаниями боярам. Мстиславскому «с товарищи» давно хотелось избавиться от царской власти — опал, казней, изъятия вотчин, и жить подобно польским магнатам, эдакими полунезависимыми правителями в своих землях.

24 июля Жолкевский стал лагерем в семи верстах от Москвы у села Хорошево. Одновременно с юга к Москве подошёл Тушинский вор.

Поляки вступили с Тушинским вором в переговоры, но не сошлись в условиях.

Московские бояре предложили полякам посадить на московский престол сына короля Сигизмунда III — четырнадцатилетнего Владислава. При этом Владислав должен был креститься. По просьбе «семибоярщины» Жолкевский отогнал от Москвы Тушинского вора, который бежал в Калугу и там был убит. Марина Мнишек в очередной раз стала вдовой, причём на этот раз беременной. Через несколько дней она родила сына, которого нарекли царевичем Иваном.

Из Москвы к королю под Смоленск отправилось большое посольство, чтобы уговорить его отдать в цари королевича Владислава. Возглавили посольство Василий Голицын и Филарет. В состав посольства вошли

окольничий князь Мезецкий, думный дворянин Сукин, думный дьяк Томила Луговский, дьяк Сыдавный-Васильев; из духовных лиц — спасский архимандрит Евфимий, троицкий келарь Авраамий Палицын и другие. Всего в посольстве было 1246 человек.

Послы должны были потребовать у Сигизмунда, чтобы Владислав принял православие в Смоленске от Филарета и Смоленского архиепископа Сергия и явился в Москву уже православным человеком. Владислав, будучи на престоле, не должен сноситься с папой по делам веры, а только о государственных делах. Если кто из людей Московского государства захочет по своему недоумию отступить от православной веры, того казнить смертью; таким образом, категорически исключалась возможность унии. Послы также должны были требовать, чтобы королевич взял с собой из Польши лишь небольшое число необходимых ему людей; прежнего титула московских государей не изменять; жениться Владиславу на девице православной веры; города, занятые поляками и «ворами», очистить, как было до Смуты, и как уже договорено с гетманом.

Таким образом, формально возведение Владислава на престол могло стать благом для Московского государства. Естественное, что отпрыск королевского дома пользовался бы большим авторитетом в стране, чем, скажем, Василий Васильевич Голицын или кто-либо из Романовых, ещё недавно пресмыкавшихся перед Иваном Грозным и называвших себя его холопами. Да и с точки зрения происхождения десятки князей Рюриковичей имели приоритет над Гедиминовичем Голицыным, не говоря уж о беспородных Романовых. Наконец, Владислав имел наследственные права не столько на польский престол, где короля выбирали паны, сколько на престол шведский.

Призвать иностранного монарха на престол в Западной Европе было обычным делом. К примеру, через 100 лет внук французского короля Людовика XIV Филипп стал королём Испании и основателем династии испанских Бурбонов. Да и у нас в 860 г. призвали норманна Рюрика, а в 1762 г. с барабанным боем втащили на престол ангальт-цербскую принцессу Фике, ставшую императрицей Екатериной Великой.

Но фактически все мечты московских бояр о ручном короле Владиславе были химерой. Сигизмунду Владислав нужен был как дымовая завеса, чтобы самому овладеть московским престолом. Условия бояр были хороши, логичны и справедливы, но за ними не было «больших батальонов», как говорил Бонапарт. Со стороны Сигизмунда была большая ложь и вероломство, но «батальоны» у него были. Точнее, он считал, что они есть. Переговоры под Смоленском, естественно, зашли в тупик. Король

не соглашался на переход сына в православие и вообще не хотел отпускать его в Москву.

Ситуация сложилась крайне сложная и запутанная. Польские магнаты отказались помочь Сигизмунду войсками и деньгами в походе на Москву. Чтобы заплатить наёмникам, стоявшим под Москвой, король был вынужден в феврале 1610 г. продать или заложить свои драгоценности. Смоленск же продолжал успешно защищаться.

А между тем в Москве зрело недовольство против сговора «семибоярщины» с поляками. Поэтому бояре договорились с гетманом Жолкевским, чтобы польские войска заняли Москву.

В ночь с 20 на 21 сентября 1610 г. польские войска тихо вошли в столицу. Часть поляков вместе с Жолкевским разместились в Кремле, остальные заняли Китай-город, Белый город и Новодевичий монастырь. Чтобы обеспечить коммуникации с Польшей, по приказу гетмана полки заняли города Можайск, Борисов и Верею.

Военный аспект оккупации разрешился довольно легко. Зато возникла проблема верховной власти. Формально считалось, что Владислав уже царствует. В церквях попы возносили молитвы за его здравие. От его имени вершили суд. В Москве чеканили монеты и медали с его именем и профилем. К Владиславу под Смоленск отправлялись запросы по политическим и хозяйственным делам, жалобы, челобитные с просьбами о предоставлении поместий и т. п. Ответы приходили довольно быстро, щедро раздавались чины и поместья. Однако подписаны они были не Владиславом, а Сигизмундом. Чтобы не смущать население, бояре обратились к королю с просьбой, чтобы под грамотами стояла подпись Владислава. И действительно, с начала 1611 г. в грамотах появляется «Царь и великий князь Владислав», но его подпись стояла после подписи короля Сигизмунда. Таким образом, Сигизмунд стал не только фактическим, но и почти официальным правителем Руси.

Первым из поляков, понявшим, что русский народ никогда не примет Сигизмунда, стал Жолкевский. Он шёл в Москву, чтобы сделать русским царём Владислава. Если бы Владислав принял православие, женился на русской боярышне, то его сын вырос бы русским человеком, и вполне вероятно, что шведская династия Ваза на сотни лет прижилась бы на Руси (Сигизмунд был этническим шведом, а не поляком). Но претензии Сигизмунда на московский трон заведомо обрекали семитысячный отряд поляков на гибель. Во всём польском войске это понимал лишь Жолкевский. Ведь буйные паны влезли в Москву вопреки воле гетмана, и теперь ему ничего не оставалось, как уехать.

В начале октября 1610 г. Жолкевский покинул Москву. Прощаясь с войском, он сказал: «Король не отпустит Владислава в Москву, если я немедленно не вернусь под Смоленск».

А теперь мы вернёмся к «великому» посольству, отправившемуся к королю, во главе которого были князь Голицын и митрополит Филарет. Посольство двигалось медленно, и лишь 7 октября 1610 г. оно прибыло под Смоленск. Поляки приняли посольство «с честью» и отвели 14 шатров за версту от королевского стана. Кормили послов поляки плохо, а на жалобы отвечали, что «король не в своей земле, а на войне, и взять ему самому негде». Видимо, в этом ляхи были правы.

10 октября король дал аудиенцию послам, которые просили Сигизмунда отпустить своего сына на московское царство. Канцлер Лев Сапега от имени короля отвечал послам в расплывчатых выражениях, что король-де желает спокойствия в Московском государстве и назначит время для переговоров. А в это время в королевском совете спорили, отпускать ли Владислава в Москву или нет? Сначала Лев Сапега, уже не надеясь взять Смоленск, был на стороне тех, кто соглашался отпустить королевича в Москву, но вскоре изменил своё мнение. Особенно повлияло на Сапегу письмо королевы Констанции, которая писала: «Ты начинаешь терять надежду на возможность взять Смоленск и советуешь королю на время отложить осаду: заклинаям тебя, чтоб ты такого совета не подавал, а вместе с другими сенаторами настаивал на продолжении осады: здесь дело идёт о чести не только королевской, но и целого войска». После этого канцлер заявил на королевском совете, что присяга, данная москвичами Владиславу, подозрительна. Не хотят ли русские только выиграть время? Что от этой присяги для Польши больше вреда, чем пользы, что ради сомнительных выгод надо с позором уйти из-под Смоленска и оставить надежду на приобретение Речью Посполитой Смоленской и Северской областей.

В итоге Владислав отпущен в Москву не был, а московских послов задержали в качестве пленников или даже заложников.

Попытки поляков уговорить послов, чтобы те приказали воеводе М. Б. Шеину сдать Смоленск, были безрезультатны. Поэтому 21 ноября 1610 г. король устроил генеральный штурм крепости. На рассвете поляки взорвали мощную мину в подкопе под одной из башен. Башня развалилась, рухнула и стена на протяжении более 20 метров. В пролом трижды вламывались поляки и трижды были выбиты из города. Штурм кончился полной неудачей.

После смерти Тушинского вора многие русские города отказались присягать царевичу Владиславу, в котором ранее видели лишь защиту от

Лжедмитрия II. Маринкиного «ворёнка» Ивана всерьёз почти никто не воспринимал. Из Москвы патриарх Гермоген рассылал призывы идти с войском к Москве выбивать поляков.

В январе 1611 г. дворянин Прокопий Ляпунов поднял Рязань против поляков. Однако идти на Москву с одними рязанцами, да ещё имея в тылу остатки тушинского воинства, было опасно. И Прокопий Ляпунов делает удачный тактический ход. Он вступает в союз с этим воинством. Увы, этот тактический успех приведёт первое ополчение к стратегической неудаче и будет стоить жизни самому Прокопию. В феврале 1611 г. Прокопий отправляет в Калугу своего племянника Фёдора Ляпунова. Переговоры Фёдора с тушинцами приносят успех. Новые союзники выработали общий план действий: «приговор всей земле: сходиться в двух городах, на Коломне да в Серпухов». В Коломне должны были собраться городские дружины из Рязани, с нижней Оки и с Клязьмы, а в Серпухове — старые тушинские отряды из Калуги, Тулы и северских городов.

Так начало формироваться земское ополчение, которое позже получило название первого ополчения. Помимо рязанцев Ляпунова к ополчению примкнули жители Мурома во главе с князем Василием Фёдоровичем Литвиным-Мосальским, Суздаля с воеводой Артемием Измайловым, из Вологды и поморских земель с воеводой Нащёкиным, из Галицкой земли с воеводой Петром Ивановичем Мансуровым, из Ярославля и Костромы с воеводой Иваном Ивановичем Волынским и князем Волконским и другие.

Тем не менее этих ратников Ляпунову показалось мало, и он рьяно стал собирать под свои знамёна не только казаков, но и всякий сброд. Ляпунов писал: «А которые казаки с Волги и из иных мест придут к нам к Москве в помощь, и им будет всё жалованье и порох и свинец. А которые боярские люди, и крепостные и старинные, и те б шли безо всякого сумнения и боязни: всем им воля и жалованье будет, как и иным казакам, и грамоты, им от бояр и воевод и ото всей земли приговору своего дадут».

Сигизмунд решил уничтожить Ляпунова и специально для этого направил на Рязанщину большой отряд поляков и запорожских казаков во главе с воеводой Исаком Сунбуловым. Известие о приближении Сунбулова застало Прокопия Ляпунова в его поместье, и он успел укрыться в деревянной крепости городка Пронска. Ратников в Пронске было мало, и Ляпунов разослал по окрестным городам отчаянные письма о помощи. Первым к Пронску двинулся зарайский воевода Дмитрий Пожарский со своими ратниками. По пути к ним присоединились отряды из Коломны. Узнав о прибытии войск Пожарского, поляки и казаки бежали из-под

Пронска.

Через некоторое время Сунбулову удалось собрать своё воинство, и он решил отомстить Пожарскому, вернувшемуся из Пронска в Зарайск. Ночью запорожцы попытались внезапно захватить зарайский кремль, но были отбиты. А на рассвете Пожарский устроил вылазку. Казаки в панике бежали и больше не показывались у Зарайска.

Обеспечив безопасность своего города, Пожарский смог отправиться в Рязань к Ляпунову. Там они договорились, что Ляпунов с ополчением двинется к Москве, а Пожарский поднимет восстание в самом городе. Для этого Пожарский и отправился в столицу.

Между тем поляки, занявшие Москву, просто физически не могли не буйствовать. Дошло до того, что пьяный шляхтич начал стрелять из мушкета по образу Богородицы, висевшему над Сретенскими воротами, и добился трёх попаданий. Тут даже гетману Гонсевскому пришлось проявить строгость. Шляхтич был схвачен, приведён к Сретенским воротам, где ему отрубили на плахе сначала обе руки и прибили их к стене под образом Богородицы, потом провели его через эти же ворота и сожгли заживо на площади.

Тем не менее эта единичная карательная мера гетмана не ослабила напряжённости в столице. Один вид поляков вызывал злобу москвичей. Конрад Буссов писал: «Московиты смеялись полякам прямо в лицо, когда проходили через охрану или расхаживали по улицам в торговых рядах и покупали, что им было надобно. „Эй, вы, косматые, — говорили московиты, — теперь уже недолго, все собаки будут скоро таскать ваши космы и телячьи головы, не быть по-иному, если вы добром не очистите снова наш город“. Что бы поляк ни покупал, он должен был платить вдвое больше, чем московиты, или уходить не купивши». Отсюда можно заключить, как поляков ненавидели.

Между тем Гонсевского продолжал «закручивать гайки». У всех ворот стояла польская стража, уличные решётки были сломаны, русским запрещалось ходить с саблями, у купцов отбирались топоры, которыми они торговали, топоры также отбирались и у плотников, шедших с ними на работу. Запрещено было носить ножи. Поляки боялись, что за неимением оружия народ может вооружиться кольями, и запретили крестьянам возить мелкие дрова на продажу. При гетмане Жолкевском поляки в Москве соблюдали хоть какую-то дисциплину, при Гонсевском же они совсем распоясались. Жёны и дочери москвичей средь бела дня подвергались насилию. По ночам поляки нападали на прохожих, грабили и избивали их. К заутрене не пускали не только мирян, но и священников.

Тем временем ополчение Ляпунова медленно двигалось к Москве. 17 марта 1611 г., в Вербное воскресенье, Гермогена на время освободили из-под стражи для торжественного шествия на осле. Но народ не пошёл за вербой, так как по Москве распространился слух, что Салтыков с поляками хотят напасть на патриарха и безоружных москвичей. По всем улицам и площадям стояли польские конные и пешие роты. Поляки-очевидцы вспоминали, что Салтыков говорил им: «Нынче был случай, и вы Москву не били, ну так они вас во вторник будут бить, и я этого ждать не буду, возьму жену и поеду к королю».

Салтыков ожидал подхода ополчения Ляпунова ко вторнику и поэтому хотел превентивно расправиться с москвичами. Поляки стали готовиться к обороне — втаскивать пушки на башни в Кремле и Китай-городе, а тем временем в московские слободы тайно проникали ратники из ляпуновского ополчения, чтобы поддержать горожан в случае нападения поляков. Пробрались и воеводы — князь Дмитрий Пожарский, Иван Бутурлин и Иван Колтовской.

Утро вторника началось как обычно — в городе было тихо, купцы отперли лавки в Китай-городе и начали торговлю. В это время на рынке пан Николай Козановский велел извозчикам идти помогать втаскивать пушки на башни. Извозчики отказались, поднялся шум, раздались крики. В Кремле находилось несколько сот немецких наёмников, перешедших к полякам при Клушине. Услышав шум, они решили, что началось восстание, выскочили на площадь и стали избивать москвичей. Их примеру последовали поляки, и началась резня безоружных людей. В тот день в Китай-городе было убито около семи тысяч человек. Князя Андрея Васильевича Голицына, сидевшего «под домашним арестом», убили охранявшие его поляки.

В это время в Белом городе русские ударили в набат, забаррикадировали улицы всем, что попадало под руку — столами, скамьями, брёвнами — и, укрывшись, стали стрелять в немцев и поляков. Из окон домов также стреляли, бросали камни и брёвна.

Ратники из ополчения Ляпунова, проникшие в Москву, оказали существенную помощь горожанам. На Сретенке большой отряд москвичей собрал князь Д. М. Пожарский. К нему присоединились пушкари из находившегося рядом Пушечного двора. Говорят, что пушки со двора доставил сам Андрей Чохов — знаменитый пушечных дел мастер. Пожарскому удалось загнать поляков в Китай-город и выстроить острожек (укрепление) у церкви Введения на Лубянке, который закрывал ляхам выход из ворот Китай-города. Отряд Ивана Бутурлина дрался у Яузских

ворот, а Иван Колтовской занял Замоскворечье.

Поляки были загнаны в Кремль и Китай-город. Вокруг их каменных стен тесно стояли деревянные дома Белого и Земляного городов. Идея поджечь Москву, видимо, пришла в голову многим полякам, независимо друг от друга. Как позже писал участник боя польский поручик Маскевич: «По тесноте улиц мы разделились на четыре или шесть отрядов; каждому из нас было жарко; мы не могли и не умели придумать, чем пособить себе в такой беде, как вдруг кто-то закричал: „Огня! Огня! Жги дома!“ Наши пахолики подожгли один дом — он не загорелся; подожгли в другой раз — нет успеха, в третий раз, в четвёртый, в десятый — всё тщетно: сгорает только то, чем поджигали, а дом цел. Я уверен, что огонь был заколдован. Достали смолы, прядева, смолёной лучины — и сумели запалить дом, так же поступили и с другими, где кто мог. Наконец занялся пожар: ветер, дующий с нашей стороны, погнал пламя на русских и принудил их бежать из засад, а мы следовали за разливающимся пламенем, пока ночь не развела нас с неприятелем. Все наши отступили к Кремлю и Китай-городу». От себя добавим, что Михаил Салтыков по собственной инициативе зажёл свой дом в Белом городе. За изменника-отца ответил его сын Иван, сидевший в тюрьме в Новгороде. Его допросили с пристрастием, а затем посадили на кол.

Далее Маскевич писал: «В сей день кроме битвы за деревянную стеною, не удалось никому из нас подраться с неприятелем: пламя охватило дома и, раздуваемое жестоким ветром, гнало русских, а мы потихоньку подвигались за ними, беспрестанно усиливая огонь, и только вечером возвратились в крепость [Кремль]. Уже вся столица пылала; пожар был так лют, что ночью в Кремле было светло, как в самый ясный день, а горевшие дома имели такой страшный вид и такое испускали зловоние, что Москву можно было уподобить только аду, как его описывают. Мы были тогда в безопасности — нас охранял огонь. В четвёрток мы снова принялись жечь город, которого третья часть осталась ещё неприкосновенною — огонь не успел так скоро всего истребить. Мы действовали в сём случае по совету доброжелательных нам бояр, которые признавали необходимым сжечь Москву до основания, чтобы отнять у неприятеля все средства укрепиться...»

В середине дня 20 марта в Москве бои шли только на Сretenке. Там до вечера дрался князь Пожарский. Вечером он был тяжело ранен в голову и вынесен ратниками из боя. Его удалось увезти в Троицкий монастырь. Последнее сопротивление прекратилось. На улицах лежало около семи тысяч трупов.

Большинство москвичей, несмотря на мороз, бежали из столицы. Лишь некоторые 21 марта пришли к Гонсевскому просить о помиловании. Тот велел им снова присягнуть Владиславу и отдал приказ полякам прекратить убийства, а покорившимся москвичам иметь особый знак — подпоясываться полотенцем.

Конрад Буссов писал, что в течение нескольких дней «не видно было, чтобы московиты возвращались, воинские люди только и делали, что искали добычу. Одежду, полотно, олово, латунь, медь, утварь, которые были выкопаны из погребов и ям и могли быть проданы за большие деньги, они ни во что не ставили. Это они оставляли, а брали только бархат, шёлк, парчу, золото, серебро, драгоценные камни и жемчуг. В церквях они снимали со святых позолоченные серебряные ризы, ожерелья и вороты, пышно украшенные драгоценными камнями и жемчугом. Многим польским солдатам досталось по 10, 15, 25 фунтов серебра, содранного с идолов, и тот, кто ушёл в окровавленном, грязном платье, возвращался в Кремль в дорогих одеждах...»

Тяжело раненный Дмитрий Пожарский несколько недель отлёживался у монахов в Троице-Сергиевом монастыре, а затем отправился долечиваться в свою вотчину Мугреево.

Ополчение Ляпунова не имело сил для штурма Китай-города и Кремля, имевших мощные каменные укрепления. У ополчения не было достаточного числа осадных орудий, способных разрушить стены. Да и моральный дух войска был слишком низок, чтобы идти на штурм и нести большие потери. Поэтому русские ополченцы решили взять поляков измором.

Воевода Ляпунов попытался хоть кое-как укрепить дисциплину в войске, но 22 июня 1611 г. был убит казаками. Во главе ополчения остались тушинский боярин Дмитрий Трубецкой и казацкий атаман Иван Мартынович Заруцкий. Авторитетом оба они не пользовались. Пока первое ополчение находилось под Москвой, Заруцкий содержал Марину Мнишек с сыном неподалёку, в Коломне, под защитой верных ему казаков. Надо ли говорить, что атаман периодически навещался в Коломну, до которой было всего день-два пути. Свою же законную супругу Заруцкий предусмотрительно заставил постричься в монахини. Марина после беглого монаха и шкловского еврея за неимением лучшего легла в постель с казаком Заруцким.

Сложилась патовая ситуация: первое ополчение ничего не могло сделать с польским гарнизоном в Москве, а поляки — с ополчением. Между тем в Смоленске началась цинга. Из 80 тысяч жителей, которые

оказались в осаде, осталось около 8 тысяч. Но тем не менее смоляне не помышляли о сдаче. Город удалось взять лишь изменой. Боярский сын Андрей Дедешин, перебежавший к полякам, указал королю на непрочную часть стены. Король велел построить там несколько осадных батарей. После нескольких дней бомбардировки стены рухнули. Ночью 3 июня 1611 г. поляки полезли в пролом. Начался бой на городских улицах. Смоленск горел. Несколько сотен горожан заперлись в соборной церкви Богородицы вместе с архиепископом Сергием. В собор ворвались поляки, архиепископ в полном облачении с крестом в руках пошёл им навстречу. Какой-то пан ударил Сергия саблей по голове. Поляки начали в соборе рубить мужчин и хватать женщин. Тогда посадский человек Андрей Беяницын взял свечу и полез в подвал собора, где хранилось 150 пудов пороха. Как писал современник: «И был взрыв сильный, и множество людей, русских и поляков, в городе побило. И ту большую церковь, вверх и стены её, разнесло от сильного взрыва. Король же польский ужаснулся и в страхе долгое время в город не входил».

Воевода Шеин был взят в плен, где подвергся жестоким пыткам. После допроса его отправили в Литву, где держали в оковах «в тесном заточении».

Взятие Смоленска вскружило голову королю. Вместо похода на Москву он немедленно распускает свою армию и едет в Варшаву. Видимо, на это решение повлияло и безденежье короля — наёмникам нечем было платить. Но главным фактором всё же была эйфория!

29 октября 1611 г. король устроил себе в Варшаве триумф по образцу римских императоров. Через весь город в королевский замок проследовала пышная процессия, во главе которой ехал гетман Жолкевский. За ним следовал рыцарство. В открытой карете, запряжённой шестёркой лошадей, сидел бывший московский царь Василий Шуйский, одетый в белую парчовую ферязь и меховую шапку. Этот седой старик смотрел сурово исподлобья. Напротив Василия сидели два его брата, а посередине — пристав. Братьев Шуйских вывели из кареты и подвели к королю. Они низко поклонились, держа шапки в руках. Жолкевский произнёс длинную речь об изменчивости счастья, о мужестве короля, восхвалял его подвиги — взятие Смоленска и Москвы, поговорил о могуществе московских царей, последний из которых теперь стоял перед королём и бил челом. Тут Василий Шуйский, низко склонив голову, дотронулся правой рукой до земли и потом поцеловал эту руку, Дмитрий Шуйский поклонился до самой земли, а младший брат Иван трижды поклонился и заплакал.

Взятие Смоленска и триумф короля в Варшаве убедили подавляющее большинство панства, что Москва окончательно покорена. Коронный вице-

канцлер Феликс Крыский заявил в Варшаве: «Глава государства и всё государство, государь и его столица, армия и её начальники — все в руках короля».

Глава 8

Минин и Пожарский

В Мугрееве князь Пожарский узнал об осаде Москвы первым ополчением, о кознях казаков против Ляпунова и о его гибели, о массовом уходе дворян и служилых из ополчения.

Наступил самый критический момент Смутного времени. Первое ополчение разлагалось. Чтобы спасти Россию, нужна была новая сила и новый вождь.

Летом 1611 г., когда Ляпунов был ещё жив, архимандрит Троицкого монастыря Дионисий разослал грамоты в Казань и другие низовые города, в Новгород Великий, на Поморье, в Вологду и Пермь, где говорилось: «Православные христиане, вспомните истинную православную христианскую веру... покажите подвиг свой, молитесь служилых людей, чтоб быть всем православным христианам в соединении и стать сообща против предателей христианских... Пусть служилые люди без всякого мешканья спешат к Москве, в сход к боярам, воеводам и ко всем православным христианам».

Троицкие грамоты публично зачитывались на площадях и в церквях русских городов. Так было и в Нижнем Новгороде. Там их зачитал в Спасо-Преображенском соборе протопоп Савва Ефимьев. Чтение грамот закончилось горестными восклицаниями людей и вопросами: «Что же нам делать?»

И тут раздался громкий голос: «Ополчаться!» Это сказал земской староста Кузьма Минин Сухорук.

К Кузьме Минину хорошо подходят слова кардинала Мазарини об Оливере Кромвеле: «Такие люди, как удар молнии, о ней узнают, когда она поражает...»

До нас дошли лишь скудные сведения о жизни Кузьмы Минина до 1612 г. Ко времени выступления в Спасо-Преображенском соборе ему было около 50 лет.

Кузьма родился в многодетной семье балахнинского соледобытчика Мины Анкудинова. Предположительно, отец Мины перебрался в Балахну из-за Волги, где жили его предки-крестьяне. Сам же Мина владел несколькими деревнями на луговой стороне Волги близ устья впадающей в неё реки Узолы. Солевой промысел приносил Мине большой доход. Он был

совладельцем ряда больших «рассольных труб» (промыслов).

Самое интересное, что совладельцем принадлежавшей семье Мининых рассольной трубы Лунитская был... Дмитрий Михайлович Пожарский! Так что, прежде чем стать товарищами по второму ополчению, Минин и Пожарский были товарищами в добыче и продаже соли.

Сочетание богатства и честности у Кузьмы Минина вызвало уважение горожан, которые избрали его земским старостой. Земской староста фактически был посредником между властями в лице городского воеводы и московской администрации и горожанами. Основной функцией земского старосты был сбор налогов с населения, что, естественно, давало рычаг управления как в отношении горожан, так и в известной степени в отношении воеводы.

В годы Смутного времени, когда после каждого переворота прежнего царя объявляли незаконным, а то и сразу было несколько «царей», законность большинства воевод становилась сомнительной, а власть их уменьшалась. Соответственно, существенно возрастала роль земского старосты.

Предложение Минина «ополчаться» решительно поддержал протопоп Спасо-Преображенского собора Савва Ефимьев. В 1606 г. царь Василий специальной грамотой потребовал от всех попов Нижнего Новгорода «спасского протопопа Саввы слушати, на собор по воскресеньям к молебнам и по праздникам к церквам приходить». Савва мог наказывать любого из попов и даже «сажати в тюрьму на неделю».

Савва, встав в соборе перед святыми воротами, обратился к пастве со словами: «Увы нам, чада мои и братия, пришли дни конечной гибели — погибает Московское государство и вера православная гибнет. Горе нам!.. Польские и литовские люди в нечестивом совете своём умыслили Московское государство разорить и непорочную веру в латинскую многопрелестную ересь обратить!..»

Речь Саввы убедила большинство горожан поддержать Минина. Однако объявились и оппоненты. Когда Минин заявил: «Сами мы не искусны в ратном деле, так станем кличь кликать по вольных служилых людей», то послышались вопросы: «А казны нам откуда взять служилым людям?» Минин отвечал: «Я убогий с товарищами своими, всех нас 2500 человек, а денег у нас в сборе 1700 рублей; брали третью деньгу: у меня было 300 рублей, и я 100 рублей в сборные деньги принёс; то же и вы все сделайте». «Будь так, будь так!» — закричали в ответ. Начали сбор денег. Пришла вдова и сказала: «Осталась я после мужа бездетна, и есть у меня 12 тысяч рублей, 10 тысяч отдаю в сбор, а 2 тысячи оставляю себе». Кто не

хотел давать деньги добровольно, у того брали силой.

Кузьма Минин оказался прекрасным организатором и, как сейчас говорят, «крепким хозяйственником». Но стать главой ополчения ему не позволяло происхождение и незнание ратного дела. Ополчению нужен был вождь. Старый нижегородский воевода Александр Репнин пошёл было в первое ополчение, но там себя ничем не проявил, а после убийства Ляпунова купил себе у Заруцкого воеводство в Свияжске.

Минин предложил пригласить воеводой Дмитрия Михайловича Пожарского. Как воевода Пожарский не проиграл ни одной битвы. Как стольник Пожарский ни разу не нарушил верность царю. Он был предан последовательно Борису Годунову, Лжедмитрию I и Василию Шуйскому, пока их смерть или отречение не освобождали его от присяги. Пожарский не присягал ни Тушинскому, ни Псковскому вора́м, равно как и королю Сигизмунду, и королевичу Владиславу.

Сейчас трудно найти человека в России, который бы не знал о подвиге Дмитрия Пожарского. Однако дореволюционные и советские историки существенно исказили образ Дмитрия Михайловича Пожарского. Делалось это с разными целями, а результат получился один. Из Пожарского сделали незнатного дворянина, храброго и талантливого воеводу, но слабого политика, начисто лишённого честолюбия. Вообще этакого исправного служаку-бессеребренника — совершил подвиг, откланялся и отошёл в сторону. Реальный же князь Пожарский ничего не имел общего с таким персонажем.

К началу XVI в. князья Пожарские по богатству существенно уступали Романовым, но по знатности рода ни Романовы, ни Годуновы не годились им в подмётки. Пожарскому не было нужды вписывать в родословную бродячих немцев («пришёл из прусс») или татарских мурз, приезжающих на Русь основать православный монастырь («Сказание о Чете»). Не было нужды князьям Пожарским прилепляться к знатым родам по женской линии. Родословная Пожарских идёт по мужской линии от великого князя Всеволода Большое Гнездо (1154–1212 гг.).

По призыву Минина и Ефимьева горожане единодушно решили позвать на воеводство князя Пожарского. Несколько раз посылали нижегородцы гонцов к князю Пожарскому с просьбой возглавить ополчение, но он отвечал отказом. Это было связано, с одной стороны, с этикетом, — на Руси не было принято соглашаться с первого раза, а с другой стороны, Дмитрий Михайлович хотел таким способом вытребовать себе большую власть.

Наконец в Мугреево было отправлено большое посольство во главе с

архимандритом Печерского монастыря Феодосием. Там же был соратник воеводы сын боярский Ждан Петрович Болтин и богатые нижегородские купцы. Тут Пожарский вынужден был согласиться и сказал: «Рад я вашему совету, готов хотя сейчас ехать, но выберите прежде из посадских людей, кому со мною у такого великого дела быть и казну собирать». Послы сказали, что в Нижнем Новгороде такого человека нет, на что Пожарский ответил: «Есть у вас Кузьма Минин, бывал он человек служилый, ему это дело за обычай».

Послы возвратились в город и передали нижегородцам слова князя. Тогда те стали просить Кузьму Минина взяться за дело. Минин также поначалу отказывался, чтобы нижегородцы согласились на все его условия. «Соглашусь, — говорил он, — если напишите приговор, что будете во всём послушны и покорны и будете ратным людям давать деньги». Нижегородцы согласились, и Минин написал в приговоре, чтобы не только отдавать свои имения, но и жён и детей продавать. Кузьма взял подписанный приговор и отправился с ним к князю Пожарскому, пока нижегородцы не передумали.

Денег на ополчение нижегородцы собрали довольно много. Но профессиональных военных почти не было. До Смуты в Нижнем Новгороде находилось свыше трёхсот служилых людей (дворян, детей боярских и боевых холопов), а сейчас их осталось менее пятидесяти. Зато недалеко, в Арзамасском уезде, пребывало свыше двух тысяч дворян из Смоленска, Дорогобужа и Вязьмы. Смоленские дворяне были с детства привычны к оружию. И это не традиционное преувеличение. Русский царь и польский король могли десятилетиями быть в мире, но ни одного года не обходилось без нападения грабителей-шляхтичей на пограничные смоленские земли.

Ещё до вторжения в Россию армии Сигизмунда царь Василий велел смоленским служилым людям отправиться на помощь Михаилу Скопину-Шуйскому. После разгрома русских войск у Клушина смоляне остались без командования и без средств, поскольку в их имениях уже бесчинствовало польское коронное войско.

Как уже говорилось, Семибоярщина боялась своего народа, а особенно русских ратников. Ещё до московского восстания бояре под предлогом защиты окраины по частям распахали по дальним городам почти всех московских стрельцов. А смоленские дворяне вызывали у Семибоярщины особое опасение. Кнута у бояр не было, и они вспомнили о прянике. Из обширных дворцовых (царских) земель в Арзамасском, Ярославском и Алатырском уездах смоленским дворянам были выделены довольно

приличные поместья. Однако Иван Заруцкий и его казаки сами зарились на эти богатые земли и отправили администраторам уездов и крестьянам грамоты, в которых постановление Семибоярщины было объявлено незаконным, а имения смолянам велено не отдавать. Дело дошло до столкновений смолян с местными гарнизонами и крестьянами. И тут в самый критический момент подоспела грамота Минина с предложением дворянам идти в ополчение, и большинство их откликнулось на этот призыв.

В Мугреево к Пожарскому начали съезжаться смоляне. Князь двинулся в Нижний Новгород уже в сопровождении нескольких сотен дворян, по пути к нему присоединилось ещё несколько отрядов. В Нижний Новгород торжественно вошло уже целое войско, причём войско профессиональное, состоящее из дворян и их боевых холопов. Все горожане высыпали на улицы встречать славного воеводу. Они приветствовали его радостными криками.

В тот же день ополченцам было роздано жалованье. Сотники и десятники получили по 50 рублей, конные дворяне — по 40 рублей, стрельцы — по 30 рублей, остальные — по 20 рублей. Заметим, что и Борис Годунов, и Василий Шуйский платили «государево жалованье» куда меньше. Например, стольник получал на поход 20 рублей. Деньги были немалые, а для ведения войны требовалось во много раз больше. Поэтому нижегородцы разослали по всем городам грамоты с призывом спасти отечество от поляков и местных воров.

Минин и Пожарский открыто заявили всей стране, что они не только хотят избавить Русь от поляков и литовцев, но и наведут в стране порядок — «никакого дурна никому делать не дадим». Хотя Заруцкий и Трубецкой не были поимённо названы, ни у кого не было сомнения, как к ним относятся вожди второго ополчения. Как писал историк С. М. Соловьёв, это было «движение чисто земское, направленное столько же, если ещё не больше, против казаков, сколько против польских и литовских людей».

Нижегородские грамоты произвели большой эффект по всей стране. В Нижний чуть ли не ежедневно приходили отряды из Коломны, Рязани, с юго-запада Руси и из сибирских городов. К ополчению присоединилась и часть московских стрельцов, разосланных по городам Семибоярщиной. В ополчение со своими дружинами пришли и родственники Дмитрия Михайловича — Дмитрий Лопата, Иван и Роман Пожарские, дети Петра Тимофеевича Щепы-Пожарского.

В Нижнем Новгороде у Благовещенской слободы был устроен пушечный двор, где к весне 1612 г. отлили первые пушки. Богатые купцы

Никитовы, Лыткины, Дощанниковы и другие передали Минину несколько тысяч рублей. Одни только промышленники Строгановы дали на ополчение 4660 рублей.

Поляки и Семибоярщина узнали о созыве второго ополчения, когда князь Пожарский ещё был в Мугрееве. Я здесь впервые упомянул термин «второе ополчение», введённый историками в употребление ещё во второй половине XIX в., первым ополчением они именовали войско Ляпунова, а позже Трубецкого, а вторым — ополчение Минина и Пожарского. Как-либо помешать сбору второго ополчения ни Семибоярщина, ни поляки не могли за неимением свободных войск. Боярской думе оставалось лишь вести психологическую войну — рассылать грамоты, обличающие вождей второго ополчения. Бояре начали уговаривать Гермогена, чтобы он написал туда грамоту и запретил поход на Москву. Но сломить патриарха не удалось ни лестью, ни угрозами. От твёрдо заявил: «Да будут благословенны те, кои идут на очищение Московского государства, а вы, окаянные изменники, будете прокляты».

До января 1612 г. воевода Пожарский прославился знанием тактики и личной храбростью. Возглавив ополчение, он с первых дней показал себя незаурядным стратегом и искусным политиком. Кузьма Минин во всём безоговорочно поддерживал воеводу. Оба вождя понимали, что идти прямо к Москве на соединение с Заруцким и Трубецким — это повторить судьбу Ляпунова и погубить второе ополчение.

В январе 1612 г. Пожарский объявил, что нижегородская рать пойдёт на выручку Суздалью, осаждённому польскими отрядами. В дальнейшем князь предполагал сделать Суздаль местом сбора ополчения со всей страны. Мало того, в Суздале предполагался созыв Земского собора, на котором были бы представлены все русские земли. Земской собор должен был решить вопрос об избрании царя: «Как будем все понизовые и верховые города в сходе вместе, мы всею землёй выберем на Московское государство государя, кого нам бог даст».

Пожарский правильно оценил ситуацию. Война Нижегородского ополчения с поляками — это элемент бесперспективной гражданской войны, так как за ополчением стоит лишь земская власть Нижнего Новгорода. А когда за ополчением будет стоять государственный аппарат во главе с царём и патриархом, произойдёт коренной перелом в мышлении всего народа. Царь же должен быть избран Земским собором представителями всех городов Руси, а не пьяными казаками, выдвинувшими уже десятка два самозванцев. Понятно, что на Земском соборе, проходящем под охраной ополчения Пожарского, и речи не будет о

псковском Лжедмитрии или ворёнке Марины Мнишек. Теоретически могли быть разобраны лишь два варианта: избрание заморского королевича и выборы князя Рюриковича. Первый вариант был маловероятен — уж очень всем памятен случай с королевичем Владиславом. А если выбирать своего, русского, то кого? Шуйские в польской темнице, Голицыны, Мстиславские, Романовы также в руках поляков, и те их даже на собор не выпустят. Тушинский боярин Трубецкой силён лишь в окружении казаков, о нем и речи не будет. Таким образом, решение собора нетрудно предугадать.

Это прекрасно понимали и в подмосковном казачьем лагере. Реакция последовала незамедлительно. На Суздаль были срочно брошены казачьи отряды атаманов Андрея и Ивана Просовецких. Польские войска отошли без боя, и Суздаль был занят казаками. Таким образом, прямой путь Пожарскому к Москве был закрыт. Конечно, дворянское ополчение без труда могло выбить казаков из Суздаля, но начинать войну с первым ополчением было нецелесообразно в военном, а главное, в политическом отношении. Поэтому Пожарский решил двинуть рать в обход Москвы по Волге.

Узнав о намерении Пожарского двинуть войско на Москву в обход, Трубецкой и Заруцкий решили опередить его и захватить Ярославль, тем самым преградить путь Пожарскому по Волге и отрезать ополчение от Русского Севера. К Ярославлю с атаманом Андреем Просовецким двинулся большой отряд воровских казаков.

Пожарский среагировал немедленно и выслал к Ярославлю мобильный отряд под началом Дмитрия Петровича Лопаты-Пожарского. Основные же силы ополчения торжественно двинулись в поход из Нижнего Новгорода в день Великого поста 23 февраля 1612 г. В Балахне, первом городе на пути ополчения, жители хлебом-солью встретили Пожарского, а местный воевода Матвей Плещеев присоединился к ополченцам.

Так же встречали ополчение жители Городца, Кинешмы и других городов. Лишь в Костроме воевода Иван Шереметев, сторонник Владислава, не пожелал впустить в город ополчение. Но жители ударили в набат и связали воеводу. Вошедшему в Кострому Пожарскому пришлось спасти Шереметева, которого горожане хотели казнить.

По просьбе костромичей Пожарский назначил им нового воеводу князя Романа Ивановича Гагарина, который несколько недель до этого уже воеводствовал в Костроме. Гагарин отличился в войне с Болотниковым, однако потом переметнулся к Лжедмитрию II в Тушино. «Воровские» нравы его не устроили, и Гагарин вернулся к Шуйскому, который был вынужден прощать всех перебежчиков. Зато Гагарин одним из первых

отозвался на призыв Минина и вступил в ополчение.

В Ярославле власть была в руках престарелого боярина Андрея Куракина и дьяка Михаила Данилова. К ним присоединился приехавший из первого ополчения стольник Василий Бутурлин. Весть о присяге первого ополчения Псковскому вору и прибытие отряда Лопаты произвели должное впечатление на Куракина, и он счёл за лучшее присоединиться к Пожарскому. Таким образом, Ярославль без боя перешёл в руки второго ополчения. В первых числах апреля 1612 г. основные силы ополчения под колокольный звон вступили в Ярославль.

Занятие Ярославля произвело большое впечатление на города Поволжья. Даже казанская администрация была вынуждена признать власть Минина и Пожарского и отправить к ним большой отряд ратников.

Созыв Земского собора в обстановке смуты и хаоса — дело не недель, а долгих месяцев. Поэтому в Ярославле, не дожидаясь собора, было создано земское правительство, управляющее уже большей частью России. В Ярославле возникли учреждения типа министерств — Поместный приказ, Монастырский приказ, Разрядный приказ, Казанский дворец, Новгородская четверть и другие, то есть все учреждения, существовавшие при Иване Грозном и Борисе Годунове. В Ярославле был устроен Денежный двор, и началась чеканка монеты. Земское правительство вступает в переговоры с зарубежными странами.

Значительную роль в правительстве играл Кузьма Минин. Нижегородский мещанин получил необычный и внушительный титул — «Выборный всею землёй человек». Минин даже обзавёлся собственной печатью, на которой была изображена фигура античного героя, сидящего в кресле и держащего в правой руке чашу. Рядом с креслом стояла амфора. Всё это символизировало смысл деятельности Минина — собрание и хранение государственной казны.

Разумеется, кроме светской власти должна быть власть и духовная. Для созыва Большого собора нужно было время, а пока был создан Духовный совет, во главе которого был поставлен бывший Ростовский митрополит Кирилл. Тот самый Кирилл, которого без особых оснований сместил с митрополии Гришка Отрепьев, дабы поставить туда своего благодетеля Филарета Романова. С 1606 г. Кирилл проживал в Троице-Сергиевом монастыре. Выбор Кирилла не был случаен. В начале 1612 г. в Москве от рук поляков принял мученическую кончину патриарх Гермоген. Филарета Романова, гостившего у польского короля, ни патриархом, ни митрополитом в Ярославле не считали. По церковному обычаю, следующим по старшинству после патриарха считался Новгородский

митрополит, но Новгородский митрополит Исидор был в шведском плену. За ним следовал Казанский митрополит Ефрем, но он был крайне необходим в Казани, а далее следовал по старшинству Ростовский митрополит. Таким образом, в Ярославле была организована и своя церковная власть, и под рукой был почти неоспоримый кандидат в патриархи.

Ярославское правительство учредило и новый государственный герб, на котором был изображён лев. На большой дворцовой печати были изображены два льва, стоящие на задних лапах. При желании введение нового герба можно объяснить тем, что все самозванцы выступали под знамёнами с двуглавым орлом, гербом Русского государства ещё со времён Ивана III. Но с другой стороны, новый государственный герб был уж очень похож на герб князя Пожарского, где были изображены два рыкающих льва. Да и сам Пожарский теперь именовался «Воевода и князь Дмитрий Михайлович Пожарково-Стародубский».

Деятельность ярославского правительства начала приносить плоды. Даже отдалённые области Поморья и Сибири слали деньги и своих представителей в Ярославль.

В отношении первого ополчения Минин и Пожарский вели гибкую политику, благодаря которой удалось избежать не только войны, но даже и официального разрыва между ополчениями. С другой стороны, по всей стране рассылались грамоты с обличениями руководителей первого ополчения. С некоторой долей упрощения ситуации это можно представить так: Минин и Пожарский признавали власть первого ополчения только под Москвой и больше нигде. В места, находившиеся под контролем Трубецкого и Заруцкого, посылались отряды дворян, которые выдавливали оттуда казаков, а кое-где и выбивали силой.

В апреле 1612 г. к Суздалю подошёл отряд князя Романа Петровича Пожарского, и атаману Просовецкому пришлось уносить ноги. В мае воевода Иван Наумов подошёл к Переяславлю-Залесскому, и казаки снова бежали без выстрела. В том же мае князь Дмитрий Черкасский выбил казаков из Углича. Четыре атамана сразу перешли на его сторону, но к остальным пришлось применить силу.

Чтобы очистить путь на север, Дмитрий Пожарский отправил в Пошехонье отряд Лопаты-Пожарского. Воровские казаки были выбиты из Пошехонья. Их атаман Василий Толстой бежал в Кашин, где засел воевода первого ополчения Дмитрий Черкасский. Недолго поразмыслив, Черкасский перешёл на сторону Пожарского.

Торжок и Владимир также подчинились «Совету всей земли»,

созданному в Ярославле.

Казалось, ещё немного, и Земской собор изберёт славного воеводу царём, а митрополита Кирилла — патриархом. Со Смутой было бы покончено в течение нескольких месяцев. Вся история Государства Российского могла пойти по другому пути.

Однако судьба распорядилась совсем иначе. В июле 1612 г. войско гетмана Ходкевича двинулось на Москву. Перед Пожарским и Мининым возникла роковая дилемма — идти к Москве означало своими руками погубить план спасения государства, который был уже на грани успеха. Под Москвой волей-неволей придётся сотрудничать с первым ополчением, признать его легитимность и делить плоды победы. А то, что из себя представляла публика из первого ополчения, Пожарский и Минин знали не понаслышке. Не было никакого сомнения, что воровские казаки и впредь будут источником смут и потрясений. Но, с другой стороны, стоять в Ярославле и ждать, пока Ходкевич разгонит казаков и деблокирует гарнизон Гонсевского, тоже было нельзя. Это скомпрометирует второе ополчение и особенно его вождей.

Узнав о походе Ходкевича, многие казачьи атаманы из подмосковного лагеря писали слёзные грамоты к Пожарскому с просьбой о помощи. С аналогичной просьбой к Пожарскому обратились монахи Троице-Сергиева монастыря. В Ярославль срочно выехал келарь Авраамий Палицын, который долго уговаривал Пожарского и Минина. Из двух зол пришлось выбрать меньшее, и Пожарский приказал готовиться к походу на Москву.

Однако Пожарского в первом ополчении ждали не все. «Боярин» Заруцкий люто ненавидел прославленного воеводу. По его указанию в Ярославль отправились двое казаков — Обреска и Степан. Там им удалось вовлечь в заговор смолян Ивана Доводчинова и Шанду, а также рязанца Семёна Хвалова. Последний был боевым холопом князя Пожарского. Заговорщики решили убить Пожарского, когда он будет осматривать новые пушки на центральной площади Ярославля. В тесноте казак Степан попытался ударить князя ножом в живот, но промахнулся и попал в бедро стоявшего рядом ополченца Романа. Степана схватили, и на пытке он назвал своих товарищей, которые также во всём признались. Преступники были заключены в тюрьму. Позже часть из них отправили в Москву на «обличенье». Там они во всём покаялись и были прощены по просьбе Пожарского.

Понятно, с каким чувством после всего произошедшего Пожарский и ополченцы выступали в поход на Москву, где вместо союзников их ждали убийцы. Но откладывать поход было нельзя — приходили тревожные вести

о приближении к Москве войска Ходкевича. Пожарский отправил передовые полки. Первым полком командовали воеводы Михаил Самсонович Дмитриев и Фёдор Васильевич Левашов. Этот полк должен был подойти к Москве и, не входя в стан Трубецкого и Заруцкого, поставить себе особый острожек у Петровских ворот. Вторым полком командовали Дмитрий Петрович Лопата-Пожарский и дьяк Семён Самсонов. Этот полк должен был стать у Тверских ворот. Была ещё одна причина спешить к Москве — надо было спасти дворян и детей боярских, всё ещё остававшихся в первом ополчении, от казацкой расправы.

Заруцкий вступил в переговоры с Ходкевичем, войско которого остановилось у села Рогачево. Об этом стало известно в первом ополчении, и Заруцкий вместе с 2500 казаками в ночь на 28 июля бежал по Коломенской дороге. В Коломне жила Марина Мнишек с сыном. Заруцкий забрал их с собой, разграбил Коломну и ушёл на Рязанщину, где обосновался в городе Михайлове. Чтобы больше не возвращаться к Заруцкому и Марине, скажу, что они бежали в Астрахань. Лишь в 1616 г. московским воеводам удалось их схватить. Заруцкий в Москве был посажен на кол, а пятилетний ворёнок Иван повешен. Марина была заключена в Коломне, где, по одной версии, её задушили между двумя подушками, а по другой — утопили.

Гетман Ходкевич подошёл к Москве, но напасть на позиции первого ополчения не решился. В свою очередь Трубецкой с казаками тихо сидели в своих острожках, наблюдая ввод войск Ходкевича в Москву. Гетман не сумел по пути собрать достаточно провианта и теперь лишь произвёл ротацию польского гарнизона в Кремле.

Александр Корвин Гонсевский со своим отрядом покинул Москву, а его место начальника гарнизона занял полковник Николай Струсь. Его отряд и оставшийся полк Осипа Будилы стали главной силой, отбивавшей вылазки казаков.

Обратим внимание, что речь идёт о королевских войсках, а не о частных армиях польских магнатов. Но к 1612 г. и королевские войска, действовавшие в России, превратились в банды озверелых грабителей. Дабы избежать обвинений в предвзятости, приведу цитату польского историка Казимира Валишевского, пытавшегося в своём труде по возможности оправдать своих соотечественников. «Взбунтовавшись из-за задержки в выдаче обещанного рядовым жалованья или приняв участие в ссорах начальников, войска Гонсевского и даже Ходкевича с января 1612 г. перешли от конфедерации к дезертирству. Покружившись по московской территории, лучшие эскадроны вернулись в Польшу и там принялись с

лихвой вознаграждать себя захватами из королевских, даже частных имений»^[35].

Разумеется, Гонсевский сбежал из Москвы не с пустыми руками. Под видом боярского залога в счёт жалованья полякам за службу он забрал много драгоценностей из сокровищницы русских царей — иконы в богатых золотых окладах, украшенные самоцветами, древние щиты и доспехи, оправленные чёрным серебром стулья, сундучки с отборным жемчугом, меха, ковры и многое другое, а также прихватил литую серебряную печать Василия Шуйского. Не погнушался Гонсевский взять и царские регалии — царский посох, венцы Бориса Годунова и Лжедмитрия I. Венец царя Бориса был украшен лазурным и синим сапфирами, доставленными с Цейлона, а также алмазами, рубинами и жемчугом. Венец Лжедмитрия I украшал необыкновенной величины и чистоты алмаз. Взял Гонсевский и чудесного единорога, обладание которым, по преданию, приносило удачу.

Московские бояре оказались бессильны помешать ляхам, да и сами они были не без греха. Казённый приказ часто устраивал распродажи «царской рухляди», и многим удалось скупить дорогие вещи за бесценок. Не без помощи бывшего кожевенника Фёдора Андронova Гонсевский нахватал себе дорогих тканей, золота и мехов из казны. Андронов и себя не обделил, присвоив дорогие ожерелья и цепи. Все в Кремле старались урвать сколько можно. Польское рыцарство забрало из казны для костёла золотую статую Христа, но на самом деле «рыцари» раскололи её на части и поделили между собой. Гонсевский выплачивал солдатам огромное жалованье — до трёхсот рублей в месяц. В прежние времена столько выплачивалось думным боярам за год!

Взятые в счёт жалованья драгоценности Гонсевский по договору с боярами не имел права вывозить из Москвы, но он вероломно пренебрёг этим договором и, по сути дела, просто средь бела дня своровал сокровища. Какова же дальнейшая судьба этих сокровищ? Как распорядились ими ясновельможные паны?

Польский поручик Маскевич, бежавший из Москвы вместе с Гонсевским, писал в своём дневнике: «Вещи, данные нам в Москве залогом за стенную службу, мы хранили в целости; наскучив с ними возиться и желая лучше иметь наличные деньги, мы продавали их королю: он не хотел купить. Продавали императору христианскому, герцогам Бранденбургским, империи Немецкой, Гданьску, везде, где думали найти покупателей, и всё напрасно. Наконец стали торговаться на них паны комиссары: давали 100 000, а 80 000 просили уступить. Мы согласились бы и на эту цену, если бы могли получить наличные деньги; но так как нам хотели заплатить

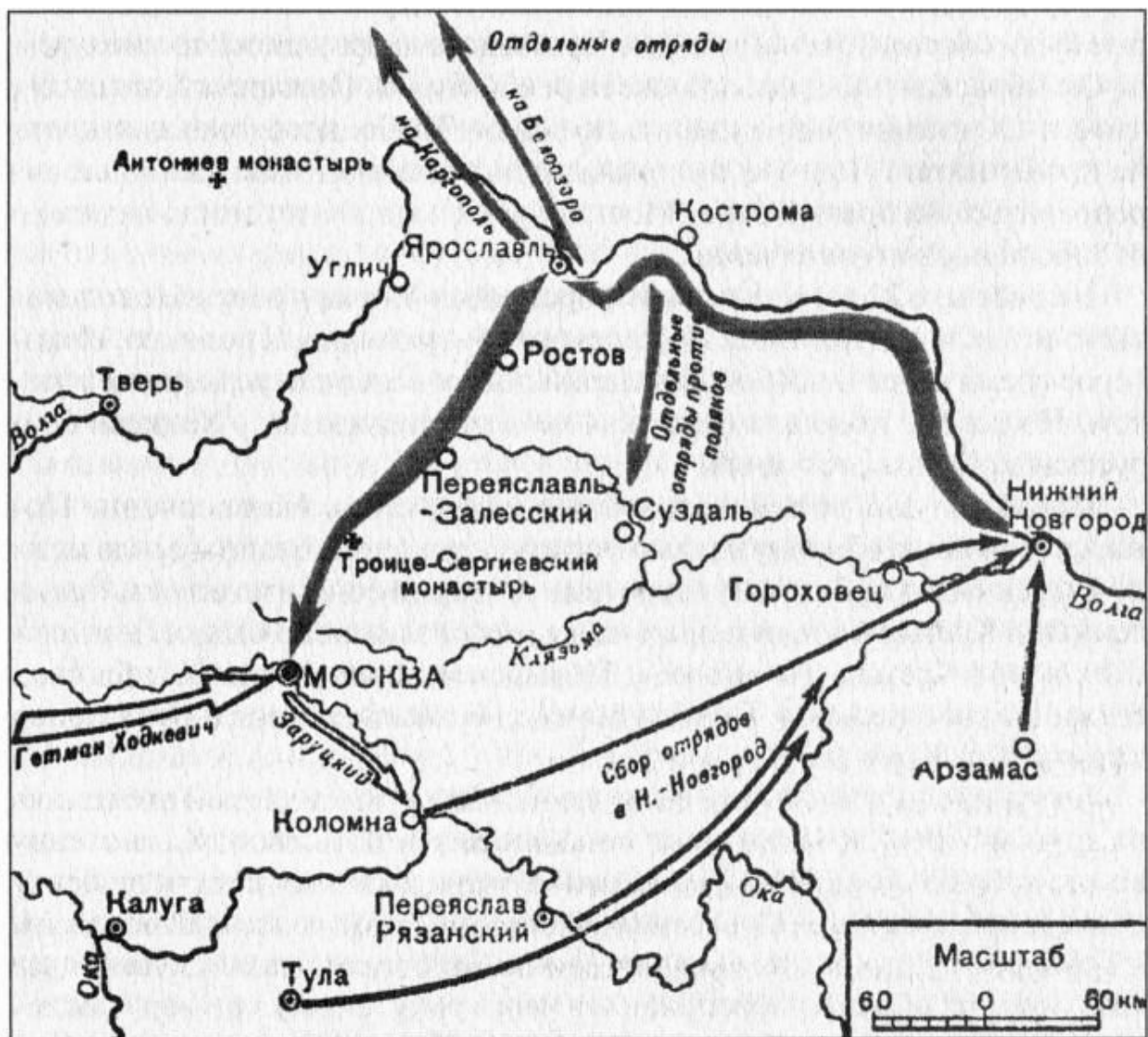
фантами, за которыми надобно было ещё послать в Люблин, то мы и не решились, опасаясь обмана... Мы решились разделить их между собою: разломали две короны Фёдорову и Димитриеву, седло гусарское, оправленное золотом, с драгоценными камнями, и три единорога. Посох остался цел, его отдали вместе с яхонтом из короны, величиною в два пальца, Гонсевскому и Дунковскому за стенную службу. В дележе мы участвовали все и почти все что-нибудь получили; иным пришлось взять едва ли не десятую часть того, что следовало. Мне досталось: три алмаза острых, четыре рубина, золота на 100 золотых, единорога два лота...»

В конце июля главные силы второго ополчения выступили из Ярославля, отслужив молебен в Спасском монастыре у гроба ярославских чудотворцев — князя Фёдора Ростиславича Чёрного и его сыновей Давида и Константина, взяв благословение у митрополита Кирилла и у всех властей духовных. Впереди войска, выступившего из Ярославля, попы несли икону Казанской богородицы.

14 августа ополчение подошло к Троице и стало лагерем между монастырём и Клементьевской слободой.

В тот же день Пожарскому донесли, что большой отряд поляков и запорожцев объявился на севере вблизи Белого озера. Этот отряд не подчинялся ни Ходкевичу, ни королю Сигизмунду, а представлял собой частную армию или, проще говоря, большую банду грабителей.

Белозёрск, Каргополь и Устюжна уже несколько месяцев, как признали власть ярославского правительства. На защиту северных земель Пожарскому пришлось дать отряд из семисот конных и пеших ратников во главе с воеводой Григорием Образцовым. Но помощь опоздала — враги захватили и разграбили город Белозёрск. Оттуда ляхи и запорожцы двинулись к Кирилло-Белозёрскому монастырю, но были отбиты. Зато 22 сентября им удалось внезапным налётом захватить Вологду.

Сбор и путь движения ополчения Минина и Пожарского к Москве в 1612 г.

Вечером 18 августа ополчение Пожарского, не доходя пяти вёрст до Москвы, остановилось на реке Яузе. К Арбатским воротам были посланы разведчики, которым поручалось найти удобные места для устройства стана.

В течение ночи Трубецкой отправил несколько гонцов к Пожарскому с предложением приехать в стан первого ополчения для переговоров. Но соратники Пожарского хорошо помнили убийство Ляпунова и отвечали: «Отнюдь не бывать тому, чтоб нам стать вместе с казаками». На следующее утро, когда ополчение подошло ближе к Москве, Трубецкой сам прискакал к авангарду войска Пожарского и в личной беседе просил Дмитрия Михайловича встать вместе в одном остроге у Яузских ворот, но ответ был

прежний: «Отнюдь нам вместе с казаками не стаивать».

В итоге второе ополчение заняло позиции в Белом городе от северных Петровских ворот до Чертольских (Кропоткинских) ворот. Первое же ополчение по-прежнему занимало южную и юго-восточную части Москвы.

Вечером 21 августа войско гетмана Ходкевича стало на Поклонной горе. Силы второго ополчения составляли немногим более десяти тысяч, а у Трубецкого осталось не более трёх-четырёх тысяч казаков, которые были сосредоточены в районе Крымского двора, где сейчас находится Октябрьская площадь, а также за рекой Яузой. Пожарский опасался, что если Ходкевич решит ударить по войску Трубецкого, то казаки долго не продержатся. Поэтому он приказал пятистам конным дворянам переправиться на правый берег Москвы-реки и занять позицию недалеко от табора первого ополчения.

На рассвете 22 августа гетман форсировал Москву-реку у Новодевичьего монастыря. Конница Пожарского контратаковала поляков. Некоторое время встречный бой кавалерийских лав шёл с переменным успехом. Но вскоре подошла немецкая пехота, служившая у Ходкевича, и русская конница отступила.

После полудня гетман ввёл в бой все свои силы. Но ополчение Пожарского заняло оборону вдоль остатков укреплений Белого города между Тверскими и Арбатскими воротами и упорно сопротивлялось. Осаждённые в Кремле поляки пошли на вылазку из Алексеевских и Чертольских ворот Кремля. По приказу Пожарского против них был брошен свежий полк стрельцов. Поляки понесли большие потери и бежали под защиту стен Кремля.

Битва продолжалась уже семь часов. Между тем войско Трубецкого на другом берегу Москвы-реки оставалось в бездействии. Казаки спокойно наблюдали за боем и кричали: «Богаты дворяне пришли из Ярославля, отстоятся и одни от гетмана». Отряд же, посланный Пожарским к Трубецкому, пошёл на выручку своих. Трубецкой не хотел их отпускать, но отряд быстро переправился через реку. Этому примеру последовали и некоторые из казаков — атаманы Филат Межаков, Афанасий Коломна, Дружина Романов и Марко Козлов, крича Трубецкому: «От вашей ссоры Московскому государству и ратным людям пагуба становится!»

Поляки обожают лихие конные атаки, но удар с тыла быстро обращает их в бегство. Так было и в сентябре 1739 г., и при Суворове, так же дело кончилось и 22 августа 1612 г. Поляки ретировались к Поклонной горе.

Однако хитрый гетман задумал провести ночью четыреста возов с продовольствием в Кремль. Шестьсот конных поляков сопровождали воза,

а вёл их русский стольник Григорий Орлов, сумевший пробиться к гетману из Кремля. Полякам удалось пройти мимо воинства Трубецкого и благополучно войти в Кремль. Правда, С. М. Соловьёв утверждал, что в Кремль благополучно вошёл лишь конвой, а обозы достались русским.

23 августа Ходкевич стоял на Поклонной горе без движения. Поляки из Кремля сделали небольшую вылазку.

На рассвете 24 августа Ходкевич двинулся на Трубецкого. Пожарский не решился переправить все свои войска через Москву-реку на помощь Трубецкому, в этом случае поляки легко захватили бы западную и юго-западную части Белого города. Поэтому он приказал переправиться через реку полкам воевод Лопаты-Пожарского и Туренина, которые ранее занимали позиции на северном фланге от Никитских до Петровских ворот Белого города. Воеводы стали на правом фланге (у Крымского брода) и успешно отразили нападение поляков. Однако казаки Трубецкого не выдержали удара в районе Серпуховских ворот и обратились в бегство. После упорного пятичасового боя поляки прорвались к берегу Москвы-реки напротив собора Василия Блаженного. Большая толпа казаков вообще отказалась драться, заявив: «Они [то есть дворяне Пожарского. — А. III.] богаты и ничего не хотят делать, мы наги и голодны, и одни бьёмся; так не выйдем же теперь на бой никогда».

Минин послал за келарем Троице-Сергиева монастыря Авраамием Палицыным, имевшим большое влияние на казаков. Палицыну с большим трудом удалось уговорить казаков продолжить бой. Следует отметить, что Ходкевич не сумел воспользоваться моментом, поскольку он попытался провести свой обоз с продовольствием в Кремль, но сотни повозок создали пробки в тесных и кривых улицах Замоскворечья.

Затем Палицын переправился через Москву-реку и направился в табор к казакам, расположенный у Яузских ворот. Там казаки преспокойно пьянствовали и играли в зернь. Палицын их уговорил, видимо, рассказав о каком-то чуде Сергия Радонежского. Во всяком случае, казаки с криком: «Сергиев! Сергиев!» в конном строю переправились через Москву-реку в Замоскворечье и ударили в правый фланг поляков.

Дело шло к вечеру, но битва по-прежнему шла с переменным успехом. Чтобы переломить ситуацию, Пожарский дал Кузьме Минину три сотни отборных дворян и приказал атаковать конную и пешую польские роты, стоявшие у Красных ворот. Поляки, увидев русскую конницу, бросились бежать, не приняв боя. Увидев бегущих, начали отступать и соседние роты. В свою очередь, казаки и стрельцы Пожарского перешли в наступление в Замоскворечье. Бросив обоз, Ходкевич отступил, всеми силами стараясь

сохранить боеспособность хотя бы части своих войск. Первоначально поляки отошли к Донскому монастырю, а глубокой ночью перешли на Воробьёвы горы. Там гетман простоял два дня. В Кремль Ходкевич послал лазутчика с грамотой, в которой просил осаждённых подождать три недели, после чего обещал вернуться с большим войском. Свой уход гетман оправдывал большими потерями, у него-де осталось всего четыреста человек конницы (о пехоте там не говорилось). После чего остатки войска Ходкевича двинулись на запад по Смоленской дороге. Русские их не преследовали.

В районе Пушечного двора, в Егорьевском монастыре и у церкви Всех Святых на Кулишках были построены осадные батареи, которые открыли круглосуточный огонь калёными ядрами и мортирными бомбами по Кремлю и Китай-городу. 20 сентября от калёных ядер начался сильный пожар, сгорело три дома во дворе князя Мстиславского, полякам с большим трудом удалось погасить огонь.

Пожарский и Трубецкой договорились перегородить Замоскворецкий полуостров глубоким рвом и палисадом от одного берега Москвы-реки до другого, чтобы исключить возможность провоза продовольствия полякам. Оба воеводы попеременно, день и ночь, следили за работами.

15 сентября Пожарский послал в Кремль грамоту: «Полковникам и всему рыцарству, немцам, черкасам и гайдукам, которые сидят в Кремле, князь Дмитрий Пожарский челом бьёт. Ведомо нам, что вы, будучи в городе в осаде, голод безмерный и нужду великую терпите, ожидая со дня на день своей гибели, а крепит вас и упрашивает Николай Струсь, да Московского государства изменники, Федька Андронов с товарищами, которые сидят с вами вместе для своего живота... Гетмана в другой раз не ждите: черкасы, которые были с ним, покинули его и пошли в Литву. Сам гетман ушёл в Смоленск, где нет никого прибылых людей, сапежинское войско всё в Польше... Присылайте к нам не мешкая, сберегите головы ваши и животы ваши в целости, а я возьму на свою душу и у всех ратных людей упрошу: которые из вас захотят в свою землю, тех отпустим без всякой зацепки, а которые захотят Московскому государству служить, тех пожалуем по достоинству... А что вам говорят Струсь и московские изменники, что у нас в полках рознь с казаками и многие от нас уходят, то им естественно петь такую песню и научить языки говорить это, а вам стыдно, что вы вместе с ними сидели. Вам самим хорошо известно, что к нам идёт много людей и ещё большее их число обещает вскоре прибыть... А если бы даже у нас и была рознь с казаками, то и против них у нас есть силы и они достаточны, чтобы нам стать против них».

21 сентября был получен ответ: «От полковника Мозырского, хорунжего Осипа Будилы, трокского конюшего Эразма Стравинского, от ротмистров, поручиков и всего рыцарства, находящегося в московской столице, князю Дмитрию Пожарскому. Мать наша отчизна, дав нам в руки рыцарское ремесло, научила нас также тому, чтобы мы прежде всего боялись бога, а затем имели к нашему государю и отчизне верность, были честными... Каждый из нас, не только будучи в отечественных пределах, но и в чужих государствах, как доказательство своих рыцарских дел, показывает верность своему государю и расширяет славу своего отечества... Письму твоему, Пожарский, которое мало достойно того, чтобы его слушали наши шляхетские уши, мы не удивились.... Мы хорошо знаем вашу доблесть и мужество; ни у какого народа таких мы не видели, как у вас, — в делах рыцарских вы хуже всех классов народа других государств и монархий. Мужеству вы подобны ослу или байбаку, который, не имея никакой защиты, принуждён держаться норы... Впредь не пишите к нам ваших московских сумасбродств, — мы их уже хорошо знаем».

Это поляки, разграбившие Москву и пол-России, пишут про «честность»! Паны «рокошане» разглагольствуют о верности королю. Вот как только «ослы и байбаки» загнали поляков в Кремль и накостыляли Ходкевичу!? В таких случаях на Украине о поляках говорили: «Всравшись орёт — наша берёт!»

На самом деле хвастунишки-ляхи сильно голодали. Как писал участник осады поляк Осип Будила: «...ни в каких историях нет известий, чтобы кто-либо, сидящий в осаде, терпел такой голод, чтобы был где-либо такой голод, потому что когда настал этот голод и когда не стало трав, корней, мышей, собак, кошек, падали, то осаждённые съели пленных, съели умершие тела, вырывая их из земли: пехота сама себя съела и ела других, ловя людей. Пехотный поручик Трусковский съел двоих своих сыновей; один гайдук тоже съел своего сына, другой съел свою мать; один товарищ съел своего слугу; словом, отец сына, сын отца не щадил; господин не был уверен в слуге, слуга в господине; кто кого мог, кто был здоровее другого, тот того и ел. Об умершем родственнике или товарище, если кто другой съедал такового, судились, как о наследстве, и доказывали, что его съесть следовало ближайшему родственнику, а не кому другому. Такое судное дело случилось в взводе г. Леницкого, у которого гайдуки съели умершего гайдука их взвода. Родственник покойного — гайдук из другого десятка жаловался на это перед ротмистром и доказывал, что он имел больше права съесть его, как родственник; а те возражали, что они имели на это ближайшее право, потому что он был с ними в одном ряду,

строю и десятке. Ротмистр не знал, какой сделать приговор и, опасаясь, как бы недовольная сторона не съела самого судью, бежал с судейского места».

Некоторые историки обвиняют Сигизмунда в том, что он бросил московский гарнизон на произвол судьбы. Король действительно совершил много тактических и стратегических ошибок, главной из которых было столь долгое «сидение» под Смоленском. Осенью же 1612 г. он делал всё, что мог. Но у короля опять не было денег. Он не заплатил польскому рыцарству за три летних месяца, и оно разъехалось по домам, забыв о своих коллегах в Москве. В итоге Сигизмунду пришлось отправиться в поход лишь с отрядом иностранных наёмников и несколькими эскадронами гусар из своей гвардии. Король двинулся из Смоленска на Москву через так называемые «царские ворота». Однако перед королём «царские ворота» сорвались с петель и загородили дорогу войскам. Королю пришлось выбираться из Смоленска окольным путём. Дорогой к королю присоединился Адам Жолкевский, племянник гетмана, со своей частной армией в 1200 всадников. Король с войском прибыл в Вязьму в самом конце октября. Но к этому времени уже произошла развязка затянувшейся драмы.

По приказу князя Пожарского у Пушечного двора (близ современной гостиницы «Москва») была устроена большая осадная батарея, которая открыла с 24 сентября интенсивный огонь по Кремлю. 3 октября открыла огонь осадная батарея, построенная первым ополчением у Никольских ворот.

21 октября поляки предложили русским начать переговоры и прислали к Пожарскому полковника Будилу. Однако переговоры затянулись, рыцарство требовало почётной капитуляции, то есть выпуска поляков из Кремля с оружием и т. п. Пожарский же был согласен лишь на безоговорочную капитуляцию.

Казаки узнали о переговорах и решили, что их лишают части добычи. 22 октября без команды главных воевод они бросились к стенам Китай-города. Поляки не ожидали нападения и растерялись. Казаки ворвались в Китай-город и выбили из него ляхов. Среди убитых были знатные паны Серадский, Быковский, Тваржинский и другие.

Потеря Китай-города несколько сбила спесь с поляков. Они вновь запросили переговоров. На сей раз переговоры велись у самой кремлёвской стены. Поляков представлял полковник Струсь, а бояр, сидевших в Кремле, — князь Мстиславский; со стороны осаждающих были Пожарский и Трубецкой.

В начале переговоров бывший глава Боярской думы Мстиславский

покаялся и бил челом «всей земле», а конкретно Пожарскому и Трубецкому. Наконец ляхи согласились сдаться.

26 октября распахнулись Троицкие ворота Кремля, и на каменный мост вышли бояре и другие москвичи, сидевшие в осаде вместе с поляками. Впереди процессии шёл Фёдор Иванович Мстиславский, за ним — Иван Михайлович Воротынский, Иван Никитич Романов с племянником Михаилом и его матерью Марфой.

Казаки попытались напасть и как минимум ограбить бояр, но Пожарский с дворянами силой оружия удержали казаков и заставили убраться в их табор.

На следующий день произошла капитуляция польского гарнизона. Принимал капитуляцию Кузьма Минин. Часть пленных во главе с полковником Струсем отдали Трубецкому, а остальных с полковником Будилой — второму ополчению. Казаки перебили большую часть доставшихся им поляков. Уцелевших поляков Пожарский и Трубецкой разослали по городам: в Нижний Новгород, Балахну, Галич, Ярославль и другие.

Поляки совершили столько зверств на русской земле, что властям малых городов не всегда удавалось защитить пленных от самосуда населения. Так, в городе Галиче толпа перебила всех пленных из роты Будилы. То же случилось с ротой Стравинского в Унже. Более удачно сложилась судьба роты Талафуса в Соли Галицкой — её освободил отряд запорожских казаков, случайно забредший туда в поисках добычи.

Польских офицеров во главе с Будилой 15 декабря доставили в Нижний Новгород, где взяли под строгий караул. Позже Будила напишет, что местные власти решили их всех утопить в Волге, и лишь вмешательство матери князя Пожарского спасло им жизнь.

26 октября дворяне и казаки заняли Кремль, но торжественный въезд в Кремль воеводы назначили на 27 октября. С утра казаки Трубецкого собрались у церкви Казанской Богородицы за Покровскими воротами, а ополчение Пожарского — у церкви Иоанна Милостивого на Арбате. Взяв кресты и образа, оба ополчения двинулись с разных сторон в Китай-город. Сошлись ополчения у Лобного места. Там троцкий архимандрит Дионисий начал служить молебен. В это время из Спасских ворот Кремля вышел другой крестный ход во главе с Галасунским (Архангельским) архиепископом Арсением и кремлёвским духовенством. Они несли икону Владимирской Богоматери. После молебна войско и горожане отправились в Кремль. Увиденное за воротами Кремля их ужаснуло. Все церкви были разграблены и загажены, почти все деревянные постройки разобраны на

дрова и сожжены. В больших чанах нашли разделанные и засолённые человеческие трупы. Тем не менее воеводы приказали отслужить обедню и молебен в Успенском соборе.

Сразу же после изгнания поляков начались очистка и восстановление Кремля и всей столицы. Трубецкой поселился в Кремле во дворце Годунова, а Пожарский — на Арбате в Воздвиженском монастыре. Кремлёвские сидельцы бояре разъехались по своим вотчинам. Михаил Романов с матерью уехали в свою вотчину — село Домнино Костромского уезда.

Король Сигизмунд в Вязьме узнал о капитуляции польских войск в Москве. Там королевские войска соединились с отрядами гетмана Хоткевича и вместе двинулись осаждать укреплённый городок Погорелое Городище. Местный воевода князь Юрий Шаховский на требование сдачи ответил королю: «Ступай к Москве. Будет Москва за тобою, и мы твои». Король послушался и пошёл дальше.

Основные силы поляков осадили Волоколамск, а конный отряд пана Адама Жолкевского двинулся к Москве. Жолкевский дошёл до села Ваганьково, где был атакован русскими. Поляки были разбиты и бежали. В бою поляки захватили смоленского дворянина Ивана Философова. Жолкевский велел допросить его и узнать, хотят ли по-прежнему москвичи королевича Владислава на царство, полнолюдна ли Москва и много ли там припасов? Философов ответил, что Москва «людна и хлебна», и все готовы помереть за православную веру, а королевича на царство брать не будут. То же самое дворянин сказал и самому Сигизмунду.

Потеряв надежду овладеть Москвой, король решил по крайней мере взять Волоколамск, который обороняли воеводы Иван Карамышев и Чемесов. Поляки трижды штурмовали город, но были отбиты. Третий штурм кончился вылазкой казаков под началом атаманов Нелюба Маркова и Ивана Епанчина. Казакам удалось отогнать ляхов и уволочь у них несколько пушек.

27 октября Сигизмунд приказал войску уходить в Польшу. По дороге от холода и голода поляки потеряли несколько сотен человек.

Глава 9

Неизвестная война

После поражения войск Ходкевича под Москвой и воцарения Михаила Романова военные действия в России вела исключительно бандитствующая шляхта. Особенно отличился Александр Лисовский. Банды поляков грабили деревни, выжигали городские посады. За ними с переменным успехом гонялись царские воеводы.

Рейды Лисовского стали поводом для царского окружения, чтобы удалить Дмитрия Пожарского из Москвы. Как уже говорилось, Александр Лисовский был отпетым бандитом, приговорённым к смертной казни ещё за разбои в Польше в 1608 г. Его отряд буквально исколесил всю европейскую часть России. Лисовский был смел и хитёр. Его отряд состоял из отборных кавалеристов, которые сами себя именовали «лисовчиками». Лисовский действовал по типовому принципу всех грабителей, хорошо озвученному Шамилем Басаевым: «Набег — отход, набег — отход».

С Лисовским русским, безусловно, надо было кончать, но был ли смысл давать такое поручение Пожарскому? Князь был многократно ранен, что не давало ему возможности, подобно Лисовскому, сутки и более непрерывно скакать, меняя лошадей. А как без этого словить «лисовчиков»? Тут нужен был не стратег, а лихой гусар типа Дениса Давыдова.

Царь Михаил и его окружение были заинтересованы в том, чтобы воевода осрамился и не поймал Лисовского, а в случае удачи тоже невелика заслуга — поймать грабителя.

29 июня 1615 г. Пожарский с отрядом дворян, стрельцов и несколькими иностранными наёмниками, всего не более тысячи человек, двинулись из Москвы на ловлю «лисовчиков». Среди наёмников был и известный нам шотландский капитан Яков Шав, которого Пожарский отказался принять на службу в 1612 г. Однако теперь Шав служил примерно, чем завоевал доверие воеводы.

Царь Михаил дал наказ (инструкцию) Пожарскому о методах борьбы с «лисовчиками»: «Расспрося про дорогу накрепко, послать наперёд себя дворян, велеть им на станах, где им ставиться, места разъездить и рассмотреть, чтоб были крепки, да поставить надолбы; а как надолбы около станов поставят и укрепят совсем накрепко, то воеводам идти на стан с

великим береженьем, посылать подъезды и проведывать про литовских людей, что они безвестно не пришли и дурна какова не учинили».

Лисовский на какое-то время засел в городе Карачеве. Узнав о быстром продвижении отряда Пожарского через Белёв и Болхов, Лисовский испугался, сжёг Карачев и отправился «верхней дорогой» к Орлу. Разведчики донесли об этом воеводе, и тот двинулся наперерез Лисовскому. По пути к Пожарскому присоединился отряд казаков, а в Болхове — две тысячи конных татар.

Рано утром на Орловской дороге «лисовчики» внезапно встретились с головным отрядом Пожарского, которым командовал Иван Пушкин. Отряд Пушкина не выдержал скоротечного встречного боя и отступил. Отошёл и другой русский отряд под началом воеводы Степана Исленьева. На поле битвы остался лишь сам Пожарский с шестьюстами ратниками. Пожарский долго отбивал атаки более чем трёх тысяч поляков, а потом приказал установить укрепление из сцепленных обозных телег и засел там.

Лисовский не мог и предположить, что у Пожарского так мало людей, поэтому не посмел атаковать его, а раскинул стан неподалёку — в двух верстах. Пожарский не хотел отступать и говорил своим ратникам, уговаривавшим его отойти к Болхову: «Всем нам помереть на этом месте».

К вечеру вернулся воевода Исленьев, а ночью подошли и остальные беглецы. Утром Пожарский, видя вокруг себя большую рать, начал преследование Лисовского. Тот быстро снялся с места и стал под Кромами, но, видя, что погоня не прекращается, он за сутки проделал 150 вёрст и подошёл к Волхову, где был отбит воеводой Фёдором Волынским. Затем Лисовский подошёл к Белёву, сжёг его и направился было к Лихвину, но потерпел здесь неудачу и занял Перемышль, воевода которого оставил город без боя и бежал со своими ратниками на Калугу.

Пожарский остановился в Лихвине. Здесь к нему подошло несколько сотен ратников из Казани. После непродолжительного отдыха князь возобновил преследование Лисовского. Тот по-прежнему отступал. Поляки сожгли Перемышль и прошли на север между Вязьмой и Можайском.

Пожарский после нескольких дней невероятно быстрой (для русского войска того времени) погони тяжело заболел. Он передал командование вторым воеводам, а сам на телеге был отвезён в Калугу.

Без Пожарского войско потеряло боеспособность. Отряд казанцев самовольно ушёл в Казань, а воеводы с оставшимися ратниками побоялись продолжать преследование «лисовчиков». И Лисовский свободно прошёл под Ржев Володимиров, который с трудом удержал воевода боярин Фёдор Иванович Шереметев, шедший на помощь Пскову. Отступив от Ржева,

Лисовский пытался занять Кашин и Углич, но и там воеводам удалось удержать свои города. После этого Лисовский не нападал уже на города, а пробирался между ними, опустошая всё на своём пути: прошёл между Ярославем и Костромой к Суздальскому уезду, потом между Владимиром и Муромом, между Коломной и Переяславлем-Рязанским, между Тулой и Серпуховом до Алексина. Несколько воевод отправились в погоню за Лисовским, но они лишь бесплодно кружили между городами, не находя «лисовчиков». Только в Алексинском уезде князь Куракин один раз сошёлся с Лисовским, но тот без существенных потерь ушёл. Так Лисовскому удалось уйти в Литву после своего поразительного в военной истории и надолго запомнившего в Московском государстве круга.

Замечу, что молниеносные рейды, требовавшие от Лисовского и его сподвижников чрезвычайных физических усилий, не прошли даром. В октябре 1616 г. в походе Лисовский внезапно упал с коня мёртвым. Был ли это обширный инфаркт или инсульт, установить тогда не могли.

Справедливости ради следует снять с поляков обвинение в убийстве народного героя Ивана Сусанина. Начну с того, что никому не известно, чем занимался Михаил с матерью с начала 1613 г. по 13 марта 1613 г. Об этом ничего не говорят ни грамоты послов, ни речи позднее приехавших в Москву Михаила и Марфы. Но вот в начале XIX в. делается сенсационное открытие — «подвиг Ивана Сусанина». Оказывается, после сдачи Москвы, но ещё до 13 марта 1613 г., большой отряд поляков решил захватить в плен или убить Михаила Романова, чтобы не допустить его избрания на престол. Михаил с матерью находились в это время в Костроме или в рядом стоящем Ипатьевском монастыре, но злодеи ляхи об этом не знали.

Поляки схватили крестьянина Ивана Сусанина из села Домнино Костромского уезда, принадлежащего Романовым, и пытали его страшными пытками, заставляя рассказать, где скрывается Михаил. Сусанин знал, что он в Костроме, но не сказал и был замучен до смерти. Я пересказал версию С. М. Соловьёва. Как известно, Фёдор Глинка пошёл дальше. У него Иван Сусанин завёл целый полк поляков в лес, где они и погибли от холода и голода, предварительно порубав на куски самого Сусанина.

У Соловьёва и Глинки Сусанин спасал царя. Посему и опера получила название «Жизнь за царя». Позже большевики решили, что мужик не должен спасать царя. Опера Глинки была переделана и переименована. В опере «Иван Сусанин» герой спасал не царя, а русский народ в лице его достойных представителей — граждан города Костромы. В 90-х гг. XX в. «демократы» вернули опере первоначальное название, и там Сусанин опять

спасает царя.

В советское время вся пропагандистская шумиха с Сусаниным явно отдавала враньём. Это чувствовали даже дети. В нашей школе большой популярностью пользовались анекдоты о Сусанине, которые были на четвёртом месте после анекдотов о Василии Ивановиче, чукче и армянском радио.

На самом же деле никаких польских отрядов зимой 1612–1613 гг. в районе Костромы не было. Миф о Сусанине был разоблачён ещё в середине XIX в. профессором Н. И. Костомаровым. По-видимому, крестьянин Иван Сусанин был схвачен небольшой шайкой «воров» (воровских казаков), которых немало бродило по Руси^[36]. За что же они стали его пытаться и замучили до смерти? Скорей всего, «ворам» требовались деньги. Ни воровской шайке, ни даже большому польскому отряду ни Кострома, ни Ипатьевский монастырь были не по зубам. Они были обнесены мощными каменными стенами и имели десятки крепостных орудий.

Костомаров писал: «Сусанин на вопросы таких воров смело мог сказать, где находился царь, и воры остались бы в положении лисицы, поглядывающей на виноград. Но предположим, что Сусанин, по слепой преданности своему барину, не хотел ни в каком случае сказать о нем ворам: кто видел, как его пытали и за что пытали? Если при этом были другие, то воры и тех бы начали тоже пытаться, и либо их, так же как Сусанина, замучили бы до смерти, либо добились бы от них, где находится царь. А если воры поймали его одного, тогда одному богу оставалось известным, за что его замучили. Одним словом, здесь какая-то несообразность, что-то неясное, что-то неправдоподобное. Страдание Сусанина есть происшествие само по себе очень обыкновенное в то время. Тогда казаки таскались по деревням и жгли и мучили крестьян. Вероятно, разбойники, напавшие на Сусанина, были такого же рода воришки, и событие, громко прославленное впоследствии, было одним из многих в тот год. Через несколько времени зять Сусанина воспользовался им и выпросил себе обельную грамоту».

Действительно, крестьянин Богдан Собинин в 1619 г. обратился к царю Михаилу с челобитной, где рассказал, что его тестя Ивана Сусанина Богдашкова де литовские люди запытали, дабы узнать, где государь. Обратим внимание: сказочники XIX–XX вв. даже перепутали фамилию героя с отчеством. Чудесная сказка понравилась царю и его матери. Зятюку дали денег и грамоту, подтверждавшую геройское поведение Ивана Богдашкова.

Естественно, что никто не проверял сообщения Богдана, да и

проверить их было физически невозможно. А главное, зачем? Просил Богдан немного, а польза для династии Романовых была огромная.

Миф о Сусанине оказался чрезвычайно востребованным как при проклятом царизме, так и при развитом социализме. Естественно, что с наступлением эпохи рыночных отношений эксплуатация мифа стала источником доходов.

Так, например, пользуется успехом туристический маршрут «Кострома — Сусанино». Вот цитата из программы тура: «9. 00 — отъезд в село Сусанино (бывшее Молвитино) — 65 км от Костромы. Экскурсионная программа: музей подвига Ивана Сусанина... Экскурсия по памятным местам Сусанина. Часовня на месте деревни Деревеньки, где жил патриот, Юсуповское болото — памятный камень на месте гибели Сусанина».

Итак, точно установлено место гибели Сусанина. Где-то в окрестностях нашли чьи-то кости и обломок сабли. Естественно, что оные кости оказались останками героя, а сабля принадлежала злым панам, зарубившим старца.

Но вернёмся в Смутное время. В ноябре 1614 г. радные паны прислали московским боярам грамоту, в которой упрекали их в измене Владиславу и в жестоком обращении со знатными польскими пленниками. Но, несмотря на всё, они, паны, де хотят завести мирные переговоры на границе. Бояре поначалу заартачились, что-де им и принять панскую грамоту не пригоже, не только что по ней какие государственные дела делать, потому что в грамоте всё написано высокомерно и не по прежнему обычаю, великого государя имени не указано. Но всё же, по миролюбию своему, бояре приняли панскую грамоту и ответили на неё.

С боярской грамотой послом в Польшу был направлен некий Желябужский (до нас не дошло его имя). Переговоры Желябужского с панами ничего не дали и вылились в поток взаимных обвинений и оскорблений.

В Москву боярам Желябужский привёз грамоту, в которой паны предлагали место съезда уполномоченных на границе между Смоленском и Вязьмой. В грамоте паны писали также: «Пока холопы вами владеть будут, а не от истинной крови великих государей происходящие, до тех пор гнев божий над собою чувствовать не перестанете, потому что государством как следует управлять и успокоить его они не могут. Из казны московской нашему королю ничего не досталось, своевольные люди её растащили, потому что несправедливо и с кривдою людскою была собрана».

И всё же московские бояре, несмотря на столь грубую грамоту, приняли предложение панов и в сентябре 1615 г. отправили на литовскую

границу уполномоченных по соборному решению послов бояр князя Ивана Михайловича Воротынского и Алексея Сицкого и окольного Артемия Васильевича Измайлова. От радных панов прибыли киевский бискуп князь Казимирский, гетман литовский Ян Ходкевич, канцлер Лев Сапега и староста велижский Александр Гонсевский. Посредником был императорский посол Еразм Ганделиус.

Переговоры начались 24 ноября 1615 г. у Духова монастыря вблизи Смоленска. Они также были безрезультатны и вылились в перебранку.

На переговорах Иван Михайлович Воротынский хлётко высказался о королевиче Владиславе, которому поляки предлагали дать отступные за отказ именоваться московским царём: «У нас про то давно отказано, вперёд о том говорить и слушать не хотим, и в Московском государстве ему нигде места нет: и так от его имени Московское государство разорилось».

Но, увы, поляки никак не могли взять в толк, что 1615 год совсем не 1609-й, и теперь не только нет места польскому королевичу в России, но и сама Польша стала злейшим врагом. Последний съезд послов состоялся 28 февраля 1616 г. Затем польские послы демонстративно покинули место переговоров.

Формально война возобновилась, но первые месяцы происходили лишь мелкие стычки.

1 июля 1616 г. по царскому указу воеводы князь Михаил Тинбаев и Никита Лихарев с отрядом в полторы тысячи всадников совершили лихой рейд в Литву, разгромив окрестности Сурежа, Велижа и Витебска. В свою очередь, отряд литовцев и казаков действовал у Карачева и Кром. За ними гонялись воеводы князь Иван Хованский и Дмитрий Скуратов, но уничтожить не сумели, и большинство литовцев ушло за рубеж.

В июле 1616 г. паны определили отправить королевича Владислава с войском на Москву. Интересно, что радные паны, с одной стороны, были уверены в успехе, а с другой — не доверяли королевичу. Поэтому вместе с ним сеймом было послано восемь специальных комиссаров: епископ Луцкий Андрей Липский, каштелян бельский Станислав Журавинский, каштелян сохачевский Константин Плихта, канцлер литовский Лев Сапега, староста шремский Пётр Опалинский, староста мозырский Балтазар Стравинский, сын люблинского воеводы Яков Собеский (отец Яна Собеского) и Андрей Менцинский.

Обязанностью комиссаров было следить, чтобы Владислав не противодействовал заключению «славного мира» с Москвой. После занятия Москвы комиссары должны были проследить, чтобы царь Владислав не отступал от выработанных сеймом условий. Главными

условиями были:

1) соединить Московское государство с Польшей неразрывным союзом;

2) установить между ними свободную торговлю; 3) возвратить Польше и Литве страны, от них отторгнутые, преимущественно княжество Смоленское, а из Северского — города Брянск, Стародуб, Чернигов, Почеп, Новгород-Северский, Путивль, Рыльск и Курск, а также Невель, Себеж и Велиж; 4) отказаться от прав на Ливонию и Эстляндию.

Вторая половина 1616 г. и начало 1617 г. прошли в подготовке к походу. С огромным трудом удалось собрать 11 тысяч человек. Паны собирали деньги буквально по копейке. К примеру, Лев Сапега занял огромные суммы, а в Литве ввели специальную подать для оплаты наёмников.

Между тем в западной и юго-западной частях России продолжали бесчинствовать отряды воровских казаков, из которых настоящие донские и запорожские казаки не составляли и десятой доли. Многие из них обрадовались, узнав о походе Владислава. К королю прибыл атаман Борис Юмин и есаул Афанасий Гаврилов. 22 ноября 1616 г. Владислав принял их. Юмин и Гаврилов заявили, что хотят ему «правдою служить и прямить». Владислав 26 ноября отвечал им, чтоб «совершили, как начали».

В апреле 1617 г. Владислав торжественно двинулся в поход из Варшавы. Архиепископ-примас напутствовал его: «Господь даёт царства и державы тем, которые повсюду распространяют святую католическую веру, служителям её оказывают уважение и благодарно принимают их советы и наставления. Силён господь бог посредством вашего королевского высочества подать свет истины находящимся во тьме и сени смертной, извести заблужденных на путь мира и спасения, подобно тому как привёл наши народы посредством королей наших Мстислава и Ягайло». Владислав отвечал: «Я иду с тем намерением, чтоб прежде всего иметь в виду славу господа бога моего и святую католическую веру, в которой воспитан и утверждён. Славной республике, которая питала меня доселе и теперь отправляет для приобретения славы, расширения границ своих и завоевания северного государства, буду воздавать должную благодарность».

Но уже в пути Владиславу пришлось отправить часть войска на юг к гетману Жолкевскому для отражения наступления турок. Посему королевич вернулся на несколько месяцев в Варшаву и лишь в августе прибыл в Смоленск.

В конце сентября войско Владислава подошло к Дорогобужу, который

уже был оставлен отрядом Ходкевича. Узнав о прибытии королевича, дорогобужский воевода И. Г. Ададуров (бывший постельничий Василия Шуйского) открыл ворота ляхам и целовал крест Владиславу как русскому царю.

Владислав приказал не разорять город, а наоборот, он торжественно прикладывался к крестам и образам, которые ему подносило православное духовенство. Русский гарнизон был отпущен по домам. Воевода Ададуров с казаками и частью дворян присоединился к войску королевича.

Известие о взятии Дорогобужа вызвало панику в отстоявшей на 70 вёрст Вязьме. Местные воеводы князя Пётр Пронский, Михаил Белосельский и Никита Гагарин бросили город и бежали в Москву, стрельцы и часть горожан последовали за ними. А казаки из гарнизона Вязьмы отправились разбойничать на Украину.

18 октября 1617 г. Владислав торжественно вступил в Вязьму. Надо ли говорить, что от этих успехов двадцатидвухлетний королевич впал в эйфорию и направил в Москву воеводу Ададунова и жителя Смоленска Зубова с грамотой. В ней говорилось, что «...по пресечении Рюрикова дома люди Московского государства, поразумев, что не от царского корня государю быть трудно, целовали крест ему, Владиславу, и отправили послов к отцу его Сигизмунду для переговоров об этом деле, но главный посол, Филарет митрополит, начал делать не по тому наказу, каков дан был им от вас, прочил и замышлял на Московское государство сына своего Михаила. В то время мы не могли сами приехать в Москву, потому что были в несовершеннолетних летах, а теперь мы, великий государь, пришли в совершенный возраст к скипетродержанию, хотим за помощью божиею своё государство Московское, от бога данное нам и от всех вас крестным целованием утверждённое, отыскать и уже в совершенном таком возрасте можем быть самодержцем всея Руси, и беспокойное государство по милости божией покойным учинить».

Владислав утверждал, что вместе с ним в Москву идут патриарх Игнатий, архиепископ Смоленский Сергей и бояре князь Юрий Никитич Трубецкой с товарищами. Но грамота эта не произвела никакого действия в Москве, а Ададунова и Зубова схватили и разослали по городам, воевод же Пронского и Белосельского высекли кнутом и сослали в Сибирь, а имения их раздали московским дворянам.

Поляки попытались внезапно овладеть Можайском, но получили отпор. Можайские воеводы Фёдор Бутурлин и Данила Леонтьев заперлись в городе и решили стоять насмерть. А из Москвы на помощь Можайску двинулись воеводы Б. М. Лыков и Г. Л. Валуев. Помимо трёх тысяч дворян

и боевых холопов у них было четыреста татар и 1600 казаков. Город Волоколамск был занят русским пятитысячным отрядом во главе с князем Дмитрием Мамстрюковичем Черкасским и Василием Петровичем Лыковым. Поляки сочли за лучшее отойти обратно к Вязьме.

Ситуация в королевской войске под Вязьмой стала обостряться. Наёмники и «рыцарство» начали требовать денег. Но у королевича казна оказалась пуста, а тут наступили морозы и голод. Воеводы Лыков и Валуев чуть ли не ежедневно посылали под Вязьму казаков и татар, которые уничтожали поляков, пытавшихся добыть еду в окрестностях города. Любопытно, что значительная часть русских партизан передвигалась на лыжах.

Первыми от Владислава, как положено, побежали казаки. Нравы казаков хорошо можно проиллюстрировать на примере перехода двух сотен казаков во главе с атаманом Д. И. Конюховым. Отряд Конюхова занимал Фёдоровский монастырь недалеко от Вязьмы и прикрывал Владислава с запада. В одну прекрасную ночь двое молодых казаков убежали в Можайск, прихватив у атамана двух лошадей, 30 золотых и дорогие ткани: атлас, камку и сукно. Атаман возмутился и написал письмо Лыкову, что, мол, готов вернуться на царскую службу, если Лыков найдёт похищенное имущество и отдаст жене Конюхова. А та, в свою очередь, должна лично написать письмо мужу.

Положение у московских воевод тоже было не блестящее, и волей-неволей приходилось пользоваться услугами изменников. Жену атамана Анну нашли в Волоколамске, где она жила у матери и братьев. Ей вернули украденное у мужа имущество, а взамен Анна под диктовку написала грамоту: «...мы-то, жонки, все ведаем его царскую милость, а ты взят неволею, от нужи, и тебе было чево бояться?» Заканчивалась грамота так: «Умилися на наши слёзы, не погуби нас во веки, приедь к государю и, что государю годно, то учини».

Конюхов получил грамоту и, оставив монастырь, вместе с отрядом отправился в Можайск. «За службу и за выезд» атаман 27 февраля 1618 г. был награждён в Москве «сороком куниц и сукнами».

Получив известие о «сидении» Владислава в Вязьме, радные паны направили письмо комиссарам с предложением закончить дело миром с русскими. В конце декабря 1617 г. в Москву был направлен королевский секретарь Ян Гридич с предложением устроить перемирие с 20 января по 20 апреля 1618 г., немедленно разменять пленных и начать переговоры. Бояре отказали ему.

5 июня 1618 г. польское войско вышло из Вязьмы. Накануне гетман

Ходкевич предложил двинуться на Калугу в менее опустошённые войной края, но комиссары настояли на походе на Москву. Но на пути ляхов был Можайск, где засел с войском воевода Лыков. Взять Можайск приступом поляки не могли за неимением осадных орудий, а оставлять его в тылу было опасно. Тогда поляки атаковали небольшую крепость Борисово Городище, построенную в 1599 г. в качестве летней резиденции царя Бориса. Ходкевич надеялся таким путём выманить Лыкова из Можайска и разбить его «в поле». В Борисовом Городище было всего несколько сотен защитников, но полякам так и не удалось его взять.

В конце июня начались бои за Можайск. Поляки стояли под городом, но полностью блокировать его не могли. Запасы продовольствия в Можайске быстро таяли. Поэтому по приказу из Москвы воеводы Лыков и Черкасский с основной частью войска покинули его в начале июля, оставив небольшой гарнизон с осадным воеводой Фёдором Волынским.

Борисово Городище было сожжено русским, а гарнизон крепости отступил к Москве.

Владислав с войском вновь начал наступление на Москву. А с юго-запада ему на помощь шёл малороссийский гетман Пётр Конашевич Сагайдачный. 17 сентября королевич занял город Звенигород, а 20-го стал лагерем в знаменитом Тушине. Сагайдачный подошёл тем временем к Донскому монастырю и через два дня соединился с поляками.

В ночь на 1 октября 1618 г. поляки начали штурм Москвы. Кавалер Мальтийского ордена Адам Новодворский сделал пролом в стене Земляного города и дошёл до Арбатских ворот. Но из ворот выскочили русские. Тридцать поляков было убито на месте и около ста ранено. Ранен был и сам Новодворский. Уцелевшие поляки бежали. Штурм был отбит и в других местах.

20 октября на реке Пресне недалеко от стен Земляного города начались переговоры русских и польских представителей. Обе стороны вели переговоры, не слезая с лошадей. Теперь поляки и не поминали о воцарении в Москве Владислава, речь шла в основном о городах, уступаемых Польше, и сроках перемирия. И русские, и ляхи не собирались уступать. Последующие съезды 23 и 25 октября также ничего не дали.

Между тем наступили холода. Владислав с войском оставил Тушино и двинулся по Переяславской дороге к Троице-Сергиеву монастырю. Гетман Сагайдачный двинулся на юг. Он сжёг посады Серпухова и Калуги, но взять оба города не сумел. Из Калуги Сагайдачный отправился в Киев, где объявил себя гетманом Украины.

Подойдя к Троицкому монастырю, поляки попытались взять его

штурмом, но были встречены интенсивным артиллерийским огнём. Владислав приказал отступить на 12 вёрст от монастыря и разбить лагерь у села Рогачёва. Королевич отправил отряды поляков грабить галицкие, костромские, ярославские, пошехонские и белозёрские места, но в Белозёрском уезде поляки были настигнуты воеводой князем Григорием Тюфякиным и побиты.

В конце ноября в селе Деулине, принадлежавшем Троице-Сергиеву монастырю и находившемся в трёх верстах от него, возобновились русско-польские переговоры. Объективно время работало на Москву — вторая зимовка могла стать роковой для польского войска. К тому же пришлось бы зимовать не в городе Вязьме, а почти в чистом поле, и расстояние до польской границы было в два раза большим. Но тут большое влияние на русских послов оказали субъективные факторы. В дела посольские вмешалось руководство Троицкого монастыря, которого мало интересовала судьба юго-западных русских городов, но зато рьяно требовалось снятие польской блокады с монастыря любой ценой. А главное, Михаилу Романову и его матери во что бы то ни стало хотелось видеть Филарета в Москве.

В итоге 1 декабря 1618 г. в Деулине было подписано перемирие сроком на 14 лет и 6 месяцев, то есть до 3 января 1632 г. По условиям перемирия, полякам отдавались уже захваченными ими города Смоленск, Белый, Рославль, Дорогобуж, Серпейск, Трубчевск, Новгород-Северский с округами по обе стороны Десны, а также Чернигов с областью. Мало того, им отдавался и ряд городов, контролируемых русскими войсками, среди которых были Стародуб, Перемышль, Почеп, Невель, Себеж, Красный, Торопец, Велиж с их округами и уездами. Причём крепости отдавались вместе с пушками и «пушечными запасами». Эти территории отдавались врагу вместе с населением. Право уехать в Россию получали дворяне со служилыми людьми, духовенство и купцы. Крестьяне и горожане должны были принудительно оставаться на своих местах.

Царь Михаил отказывался от титула «князя Ливонского, Смоленского и Черниговского» и предоставлял эти титулы королю Польши.

В свою очередь, поляки обещали вернуть захваченных русских послов во главе с Филаретом. Польский король Сигизмунд отказывался от титула «царя Руси» («великого князя Русского»). России возвращалась икона святого Николая Можайского, захваченная поляками и вывезенная ими в 1611 г. в Польшу.

Заключить такой позорный мир в то время, когда у поляков не было ни одного шанса взять Москву и были все шансы потерять армию от голода и

холода (вспомним 1812 год!), мог только сумасшедший или преступник. Но Мишенька Романов так давно не видел папочку!

А между тем имелся ещё и внешнеполитический фактор, складывавшийся явно не в пользу поляков. Московский Посольский приказ не мог не знать о кризисе отношений Речи Посполитой с Турцией и Швецией. В 1618 г. на турецкий престол вступил Осман II. Молодой султан немедленно начал подготовку к походу на Польшу. В 1621 г. большая армия перешла Днестр, но в битве у Хотина польские и запорожские войска под командованием королевича Владислава нанесли им поражение. Риторический вопрос, что произошло бы, если бы Владислав с коронным войском увяз в русских лесах?

В том же 1621 г. шведский флот вошёл в устье Западной Двины и высадил двадцатитысячный десант, предводительствуемый королём Густавом II Адольфом. Война со шведами длилась восемь лет. 16 сентября 1629 г. было подписано перемирие, по которому Сигизмунд III наконец-то отказался от шведской короны. Ему пришлось признать Густава II не только королём Швеции, но и правителем Лифляндии, Эльбинга, Мемеля, Пиллау и Браунсберга.

Глава 10

Смоленская конфузия

В 20-х гг. XVII в. отношения между Россией и Польшей продолжали оставаться весьма напряжёнными. Русские пограничные области периодически будоражили слухи о самозванцах «Дмитриях». На границе происходили стычки между частными армиями польских магнатов. Но больше всего царя Михаила раздражало, что королевич Владислав продолжал именовать себя государем всея Руси. Это русскому народу можно было «вешать лапшу на уши» о всенародном избрании Михаила. Польские же паны знали обстоятельства этого фарса куда лучше, чем нынешние «россиянские» профессора. Вот типовой образец переписки между польским и русским пограничными воеводами. Серпейский воевода писал калужскому воеводе Вельяминову: «Описываешь Михаила Романова, жильца государя царя Владислава Жигимонтовича всея Руси, которого воры, казаки, посадили... на Московском государстве без совета с вами боярами и дворянами».

Существенное влияние на взаимоотношения России и Польши оказывали события в Центральной Европе. В 1618 г. восстание чешского дворянства в Праге положило начало знаменитой Тридцатилетней войне, в которую постепенно втянулись почти все государства Европы. Европа разделилась на два лагеря. Воинствующая феодально-католическая реакция стремилась железом и кровью восстановить господство католицизма прежде всего во всей «Священной Римской империи», а затем и в других государствах, где победила Реформация. Главными участниками этого лагеря являлись германский император, католические князья империи и Испания. Их основными противниками на различных этапах войны выступали последовательно Чехия, Дания, Швеция и Франция в союзе с рядом государств (Англия, Голландия и др.).

С некоторыми оговорками частью Тридцатилетней войны можно считать войну короля Сигизмунда со шведами, начавшуюся в 1621 г. Война шла с переменным успехом в течение восьми лет (с небольшими перерывами) на территории Речи Посполитой. Итогом войны стал Альтмаркский мир, заключённый 16 сентября 1629 г. Точнее говоря, это было перемирие сроком на 6 лет. По этому договору Сигизмунд признал своего двоюродного брата Густава Адольфа королём Швеции. До этого, как

мы знаем, шведским королём числился почти 30 лет сам Сигизмунд. Кроме того, поляки признали Густава владельцем Лифляндии (с Ригой), Эльбинга, Мемеля, Пиллау и Баунсберга, правда, не навечно, а лишь на время перемирия.

В ходе Тридцатилетней войны в Европе резко возросли цены на хлеб. Основными поставщиками воюющих сторон стали Речь Посполитая и Россия. Экономическое развитие обеих стран выходит за рамки нашего исследования. Поэтому я упомяну лишь два политических следствия увеличения экспорта хлеба. Во-первых, жадные паны существенно усилили эксплуатацию населения Украины, что вызвало ответную реакцию — казацкие восстания. А во-вторых, экономическая конкуренция добавила и политических противоречий между Россией и Речью Посполитой.

Страны — противники Габсбургов с самого начала войны хотели втянуть в неё Россию, чтобы связать руки королю Сигизмунду III. Но и без этого обиженные Михаил и Филарет непрерывно готовились к реваншу.

Один из самых знаменитых полководцев Тридцатилетней войны граф Раймонд Монтекукули сказал крылатую фразу: «Для войны нужны только три вещи — деньги, деньги и ещё раз деньги»^[37], а польский королевич Владислав повторяет в своих письмах: «*Pecunia nervus belli*» («Деньги — нерв войны»).

В Москве по сему поводу крылатую фразу никто не произносил, но Филарет в качестве главы Русской церкви ввёл практику экстраординарных поборов с монастырей на военные нужды. Так, в 1631 г. он потребовал от многих монастырей сведений об имевшейся у них денежной наличности, а затем предложил половину этой наличности немедленно прислать в Москву. В том же году по указу царя и патриарха с вотчин некоторых монастырей предписано брать взамен «даточных людей» по 25 рублей за конного и по 10 рублей за пешего^[38]. В 1633 г. решено было взять со всех людей «пятину» — 20-процентный подоходный побор.

На военные нужды шла и большая часть доходов от экспорта хлеба. Наконец, из Англии на покупку оружия Москва получила заём на 40 тысяч рейхсталеров.

Начиная с 1626–1627 гг. ввоз военного снаряжения из-за границы непрерывно возрастал. В 1627 г. было куплено у гамбургских купцов «пушечных запасов» на 2545 руб., в 1629 г. — на 7925 руб., в 1630 г. — на 28 893 руб. В том же году голландскому купцу Трипу было заказано 10 пушек, а в июне 1631 г. он получил новый заказ на изготовление 6000 пищалей и другого оружия.

В 1630–1632 гг. через Архангельск было доставлено из Голландии и Швеции около 35 тысяч пудов свинца, свыше 30 тысяч пудов шведского железа и др. Свинец, олово и медь привозились в значительных количествах и из Англии. Несмотря на строгий запрет вывозить из страны металлы, английское правительство для России делало исключение. В 1630 г. английские купцы обязались доставить «200 мушкетов и иная ратная сбруя», в 1632 г. англичанин Катер изготовил для русских 5 тысяч шпаг по 1 рублю за штуку, а другой английский купец, Картарайт, доставил московскому правительству железные пушки, 1000 мушкетов, 1000 пистолетов и много другого оружия на общую сумму 9 тыс. руб.

Крупные заказы для России выполнялись по указаниям правительства Голландии. В начале 1629 г. по просьбе царя Штаты разместили русский заказ на 10 тысяч мушкетов. Этот заказ был выполнен к лету 1631 г. В том же году русские послы Племянников и Аристов заказали много оружия в оккупированной шведами части Германии и в самой Швеции.

В годы войны закупки оружия за границей ещё более возросли. В начале 1633 г. Михаил Фёдорович обратился к голландскому правительству с просьбой разрешить беспошлинный вывоз закупленного через Томаса Свана оружия и боеприпасов — 10 тысяч пудов пороху, 15 тысяч пудов железных ядер, 3 тысячи сабельных полос. В мае 1632 г. царский агент Елизаров купил у Свана 5 тысяч пудов «зелья» (пороху) и у англичанина Ладала — 100 пудов. В том же году было получено из Англии ещё 350 бочек пороху.

Битвы Смутного времени показали, что русские дворянские конницы и стрельцы действовали тактически менее грамотно, чем поляки. Поэтому Михаил решил набрать профессионалов-наёмников за рубежом. Для этого в январе 1631 г. в Швецию поехал старший полковник Александр Ульянович Лесли. Он должен был нанять не менее пяти тысяч пехотинцев. Кроме того, Лесли должен был везде вербовать пушечных дел мастеров. Замечу, что к этому времени главным мастером на Московском пушечном дворе был голландец Коейт.

Шведский король Густав Адольф считал Россию своим потенциальным союзником, но проводить вербовку наёмников запретил — ему самому не хватало рекрутов.

Зато Лесли удалось в Германии, в Англии и в Голландии найти нужное количество наёмных солдат. Он заключил договоры с четырьмя полковниками — двумя англичанами и двумя немцами, которые обязались доставить в Россию четыре полка общим числом около пяти тысяч солдат. Часть их была набрана в соседних с Голландией немецких областях и

стянута к Амстердаму. Один полк, набранный в Англии, состоял целиком из англичан и шотландцев (полк Сандерсона).

Убыль от болезней, смерти, дезертирства была так велика, что до Москвы добралось всего около четырёх тысяч наёмников, а в Смоленском походе участвовало менее трёх тысяч.

Набор наёмников-иностранцев в Москве не был новинкой. Этим занимался ещё царь Борис. Но при Михаиле впервые решили учить «иноземному строю» русских ратных людей. Первым в 1631–1632 гг. был сформирован драгунский (рейтарский) полк под командованием голландца Ван Дама, а также четыре солдатских пехотных полка. Всего численность личного состава этих пяти полков составляла 9500 человек. Первоначально планировалось в таких полках иметь одну треть иноземцев и две трети русских. Но сделать это не удалось, и, кроме офицеров, иноземные отряды состояли сплошь из русских. Полки иноземного строя делились на роты, а старые стрелецкие полки — на сотни.

Всего к началу 1631 г. ратных людей в Московском государстве насчитывалось 66 960 человек.

В июне 1632 г. Михаил и Филарет отправили к Дорогобужу и Смоленску большую рать под началом воеводы князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасского и князя Бориса Михайловича Лыкова. В эту рать было включено не менее трёх тысяч иностранных наёмников.

В апреле 1632 г. умер польский король Сигизмунд. Наступило междуцарствие, затем был созван избирательный сейм, начались смуты. Для наступления русских создалась почти идеальная ситуация. И тут внезапно войска остановились: заместничали Д. М. Черкасский и Б. М. Лыков. Михаил с Филаретом направили в войска следственную бригаду в составе князя А. В. Хилкова и дьяка Дашкова для выявления виновных. Виноватым оказался Лыков, который «князя Дмитрия Мамстрюковича обесчестил и в государевой службе учинил многую смуту». Тогда Михаил и Филарет «указали князю Дмитрию Мамстрюковичу Черкасскому на князе Борисе Лыкове доправить бесчестье, оклад его вдвое, 1200 рублей». Два месяца в Москве думали, кем бы заменить Черкасского и Лыкова; наконец, в августе 1632 г. назначили боярина Михаила Борисовича Шеина и окольничего Артемия Измайлова.

На момент прибытия в армию Шеина там было 32 082 человек при 158 орудиях (151 пушка и 7 мортир). Русским воеводам был дан наказ: «Неправды польскому и литовскому королю отмстить, и города, которые отданы Польше и Литве за саблю, поворотить по-прежнему к Московскому государству». Воеводы должны были сначала отправить

мобильные отряды к Дорогобужу, чтобы захватить его врасплох. Если же эта операция сорвётся, то тогда следовало идти к Дорогобужу всеми полками, но под городом долго не стоять, а действовать иными методами — посылать грамоты к русским жителям города, чтобы они, помня православную веру и крестное целование, послужили своему государю, литовское население побили и город бы сдали. Если же Дорогобуж взять не удастся, то воеводам Шеину и Измайлову велено было оставить под городом младших воевод с несколькими полками, а самим с основными силами идти на Смоленск и действовать там так же, как и под Дорогобужем.

Поход этот был предпринят с целью вернуть Смоленск и Дорогобуж с уездами Московскому государству. Поэтому воеводам было крепко наказано «не грабить». Специально для этого ратным людям выдали большое жалованье, а полковникам, ротмистрам и пехоте кормовые деньги должны были выдавать помесечно.

Несмотря на задержку с началом наступления, военное счастье улыбнулось русским. 12 сентября стрелецкий голова князь Гагарин взял Серпейск, а 18 октября полковник Лесли взял Дорогобуж. Михаил и Филарет велели Шеину идти из Дорогобужа под Смоленск и приказали всем воеводам, головам и дворянам быть без мест до окончания войны, так как при последующих случаях разряды этой войны не будут иметь значения.

Крепость Белая сдалась князю Прозоровскому. Сдались русским войскам Рославль, Невель, Себеж, Красный, Почеп, Трубчевск, Новгород-Северский, Стародуб, Овсей, Друя, Сураж, Батурин, Ромен, Иван-Городище, Мена, Миргородок, Борзна, Пропойск, Ясеничи и Носеничи.

Русские отряды подошли к Полоцку. Цитадель взять не удалось, зато был разграблен и сожжён посад, причём московским ратным людям активно помогало местное православное население. То же самое произошло и с посадами Велижа, Усвята, Озерища, Лужей, Мстиславля и Кричева.

Главные воеводы Шеин и Измайлов осадили Смоленск. Польский губернатор Смоленска с трудом держался 8 месяцев и к началу августа 1633 г. в связи с нехваткой продовольствия в городе был готов сдаться.

До конца избирательного сейма польские шляхтичи и слышать не хотели о помощи Смоленску. Однако радные пань отправили изрядную сумму запорожцам и крымцам, натравив их таким образом на московитов.

Литовский канцлер Родзивилл отмечал в своих записках: «Не спорю, как это по-богословски, хорошо ли поганцев напускать на христиан, но по

земной политике вышло это очень хорошо».

Несколько тысяч запорожских казаков во главе с атаманом Гиреем Каневцом вторглись в русские пределы. Но 17 июня 1633 г. отряд московских ратников под началом Наума Пушкина нагнал запорожцев в Новгородском уезде. Атаман Каневец и большинство казаков были убиты, а остальные бежали.

Крымцы же принесли России куда больший ущерб. В начале лета 1633 г. поход тридцатитысячного войска возглавил сам хан Джанибек Гирей. Татары опустошили окрестности Тулы, Серпухова, Каширы, Венева и Рязани и даже попытались штурмом взять Пронск, но были отбиты.

Узнав о татарском набеге, многие дворяне дезертировали из-под Смоленска. Как писали московские бояре: «Дворяне и дети боярские украинских городов, видя татарскую войну, что у многих поместья и вотчины повоевали, и матери и жёны и дети в плен взяты, из-под Смоленска разъехались, а остались под Смоленском с боярином и воеводою немногие люди».

А тем временем польский сейм избрал королём сына Сигизмунда Владислава, ставшего Владиславом IV (годы правления 1632–1648). Король собрал 23-тысячное войско, 25 августа 1633 г. подошёл к Смоленску и встал на речке Боровой в семи верстах от города.

Первым делом Владислав решил выбить русских с Покровской горы, где укрепился полковник русской службы Юрий Маттисон, а рядом в острожке стояли князя Семён Прозоровский и Михаил Белосельский. 28 августа коронный гетман по Зарецкой стороне нижней дорогой двинулся к этому острогу, но был отбит и отошёл с большими потерями. В тот же день король по Покровской горе пробрался в Смоленск, откуда осаждённые сделали вылазку и заняли шанцы Маттисона, но были вытеснены оттуда стрельцами, присланными Прозоровским и Белосельским.

Утром 11 сентября поляки вновь напали на укреплённый городок Маттисона и на острог Прозоровского. Бой шёл почти двое суток. Наконец русские воеводы, посоветовавшись с Маттисоном, решили, что городка на Покровской горе им не удержать. Гарнизон городка вместе с полковником отошёл к большому острогу русских. При этом много наёмников из отряда Маттисона перебежало к ляхам.

Позже поляки — участники похода говорили, что огромные валы, насыпанные москвитями, равнялись высотой стенам Смоленска, и «если бы их добывать приступом, то много бы пролилось крови».

Михаил писал Шеину и Прозоровскому: «Вы сделали хорошо, что теперь со всеми нашими людьми стали вместе. Мы указали идти на недруга

нашего из Москвы боярам и воеводам, князю Дмитрию Мамстрюковичу Черкасскому и князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому со многими людьми. К вам же под Смоленск из Северной страны пойдёт стольник Фёдор Бутурлин, и уже послан к вам стольник князь Василий Ахамашуков Черкасский с князем Ефимом Мышецким. Придут к вам ратные люди из Новгорода, Пскова, Торопца и Лук Великих. И вы бы всем ратным людям сказали, чтоб они были надёжны, ожидали себе помощи вскоре, против врагов стояли крепко и мужественно».

Но в это время поляки в тылу армии Шеина взяли и сожгли Дорогобуж, где были складированы запасы для русского войска. Шеин доносил, что 6 октября король со своими отрядами с Покровской горы перешёл на Богданову околицу вверх по Днепру и стал обозом позади их острога по Московской дороге в версте от острога, а пехоту и туры поставил напротив большого острога русских на горе.

9 октября Шеин вывел свои войска против поляков. Польская конница обратила в бегство часть русской пехоты, но другие русские полки пошли в контрнаступление и отогнали поляков, и только наступившая ночь помешала им завершить дело. По польским данным, русские в этот день потеряли около двух тысяч человек убитыми, а у поляков было очень много раненых, а убитых немного, зато погибло много лошадей.

Шеин доносил в Москву, что все дороги из Смоленска в Россию перерезаны ляхами, и «проезду неоткуда нет». К концу октября в русском войске стала ощущаться нехватка продовольствия и фуража.

Периодически происходили перестрелки между обоими укрепленными лагерями. Поляки стреляли по русским со Сковронковой горы, а русские стреляли снизу, и потому нерезультативно. И только когда русские начали бить крупной картечью, ядра^[39] стали долетать до королевских наметов. Шеин созвал военный совет и спросил воевод, можно ли попытаться ударить на королевский обоз, и с какой стороны. Полковник Лесли, главный среди иноземцев, говорил, что можно, а англичанин полковник Сандерсон сомневался в успехе. Тогда Лесли, разгорячившись, назвал Сандерсона изменником, и Шеину едва удалось их разнять.

Окончательно военный совет принял мнение Лесли, но 2 декабря случилось несчастье. Большой русский отряд отправился в лес за дровами, где был застигнут поляками. Пятьсот человек ляхи положили на месте. Когда в русском стане узнали о произошедшем, Лесли уговорил Шеина поехать на место стычки и самим посчитать, сколько погибло русских ратников. С ними поехал и Сандерсон. Подъехав к месту, Лесли вдруг, указав рукой на кучу трупов, сказал англичанину: «Это твоя работа, ты дал

знать королю, что наши пойдут в лес». «Лжёшь!» — закричал Сандерсон. Тогда Лесли выхватил пистолет и застрелил его на глазах у Шеина.

К концу года голод, холод и дизентерия привели к большим санитарным потерям в русском стане. Король Владислав, узнав об этом, послал Шеину и иноземным офицерам грамоту, где убеждал их сдаться, вместо того чтобы погибать от меча и болезней. Шеин долго не хотел давать эту грамоту иноземным офицерам, говоря, что иноземцы — это наёмные слуги и не могут принимать участия ни в каких переговорах, что сами же поляки не разрешают своим наёмникам сноситься с неприятелем. На это поляки отвечали, что у них иноземцы находятся в полном подчинении у гетмана, а у русских этого нет, и привели в пример Лесли, который за убийство Сандерсона не был наказан Шеиным.

После долгих споров русские уступили, и полковник Розверман взял лист королевской грамоты от имени иноземцев, а стрелецкий голова Сухотин — от имени Шеина. Прочитав грамоту, Шеин велел отослать её назад без всякого ответа, а когда поляки не захотели брать грамоту назад, то посланцы просто бросили её на землю и уехали.

Но в середине января 1634 г. Шеин под видом переговоров о размене пленных начал проявлять готовность заключить перемирие с королём. К этому его принуждали иностранные наёмники, не привыкшие, в отличие от русских, терпеть голод и холод. Но поляки ответили, что у русского воеводы есть единственный путь к этому — через литовского гетмана и других сановников просить короля о милосердии, согласившись на все его условия. А условия эти были следующие: Шеин должен был выдать всех польских перебежчиков; освободить всех пленных; иноземным наёмникам дать право самим решать, возвратиться ли им на родину или поступить на службу в королевское войско; русским ратникам также позволить идти на королевскую службу. Все иноземцы должны присягнуть, что никогда более не будут воевать против короля и Польского королевства или каким-либо другим способом вредить ему. Русские также должны присягнуть, что в течение четырёх месяцев не будут занимать никаких крепостей и острогов, не соединяться ни с каким московским войском и не предпримут ничего плохого против короля. Русские должны передать полякам весь наряд (то есть пушки) и оружие, оставшееся после убитых ратников. Оставшимся же в живых ратникам разрешалось выйти только с личным оружием, а торговым людям — с саблей или с рогатиной. Также русские должны были оставить королевскому войску все припасы.

Шеин согласился на эти условия, и 19 февраля 1634 г. русские тихо, без музыки и барабанного боя, вышли из острога со свёрнутыми знамёнами

и погашенными фитилями. Проходя мимо короля, русские бросили к его ногам все знамёна, а затем ждали, пока гетман именем королевским не разрешил знаменосцам их поднять. Шеин и другие воеводы, проходя мимо короля, сошли с лошадей и низко поклонились ему. После этого в русском войске ударили в барабаны, запалили фитили, и полки двинулись по Московской дороге, взяв с собой с позволения Владислава только 12 полковых пушек.

Замечу, что во время агонии русского войска под Смоленском довольно большая армия князей Черкасского и Пожарского застряла под Москвой у Можайска. Почему Черкасский и Пожарский за пять месяцев не сумели пройти от Москвы до Смоленска, я объяснить не могу. Это ещё одна загадка нашей истории. Ясно, что здесь могло быть или традиционное российское разгильдяйство — «хотели, как лучше, а вышло, как всегда», — или предательство. Существует довольно обоснованная версия, что московские бояре ненавидели Михаила Борисовича Шеина и решили его погубить, умышленно затягивая движение войска. Кроме того, в Москве в это время была большая замятня. 1 октября 1633 г. умер патриарх Филарет. Михаил, за которого первоначально правила мать, а потом отец, был в полной растерянности.

Чтобы избежать упреков ретивых патриотов — «Вот, мол, самого Пожарского в предатели записал», я расставляю точки над «i». Пожарский был вторым воеводой, то есть командовал войском в Можайске не он, а князь Черкасский, а главное, каждый шаг воевод контролировался из Москвы, благо, до неё было всего сто вёрст. Выступление же князя Пожарского против верховной власти в военное время могли расценить как мятеж. Пожарский молчал, когда войско остановилось в Можайске, молчал и в Москве, когда судили и казнили героя обороны Смоленска.

Участие Пожарского в войне 1633 г. большинство наших историков замалчивает. Некоторые же пытаются объяснить недостатком сил. Так, Валерий Шамшурин пишет: «Но Пожарский оказался без войска. Сбор дворянского ополчения задержался надолго, вместо тысяч собралось лишь три с половиной сотни ратников. С такими силами нечего было и думать пускаться в путь»^[40].

На самом деле у Черкасского и Пожарского сил было вполне достаточно, одних только иностранных наёмников под командованием полковника Александра Гордона насчитывалось 1729 человек. Вообще говоря, ещё в 1631 г. в войске царя Михаила служило 66 690 человек, а сколько ещё было мобилизовано в 1632–1633 гг.? Риторический вопрос, а где они были?

Польских войск под Смоленском стояло немного. Резервов в Польше у короля Владислава практически не было. Даже небольшой отряд в три-пять тысяч хорошо обученных ратников мог перерезать коммуникации противника между Смоленском и Польшей. И тогда капитулировать пришлось бы не Шеину, а войску Владислава и гарнизону Смоленска.

В Москве известие о почётной капитуляции Шеина получили 4 марта 1634 г. На следующий день к Шеину был отправлен придворный Моисей Глебов с требованием отчёта о происшедшем. Шеин прислал статьи договора с Владиславом и список погибших и перешедших к королю ратных людей, причём последних было очень мало — всего 8 человек, из них 6 донских казаков. Кроме того, под Смоленском было оставлено 2004 больных русских ратников. Всего же из-под Смоленска с Шеиным вышли 8056 человек, многие из которых были больны и некоторые умерли в дороге, а других оставили в Дорогобуже, Вязьме и Можайске. Большая часть наёмников пошла на службу к Владиславу, многие из них умерли по дороге, но сколько именно умерло и сколько перешло в королевское войско, неизвестно, так как иноземные полковники отказались дать роспись своих людей.

По приезде в Москву воевода Шеин и все начальники смоленской армии были арестованы и предстали перед судом бояр. Шеин был приговорён к смерти. Перед плахой дьяк прочитал ему следующее объявление: «Ты, Михайла Шеин, из Москвы ещё на государеву службу не пошед, как был у государя на отпуске у руки, вычитал ему прежние свои службы с большою гордостью, говорил, будто твои и прежние многие службы были к нему государю перед всею твоею братьею боярами, будто твоя братья бояре, в то время как ты служил, многие за печью сидели и сыскать их было нельзя, и поносил всю свою братью перед государем с большою укоризною, по службе и по отечеству никого себе сверстников не поставил. Государь, жалуя и щадя тебя для своего государева и земского дела, не хотя тебя на путь оскорбить, во всём этом тебе смолчал. Бояре, которые были в то время перед государем, слыша себе от тебя такие многие грубые и поносные слова, чего иному от тебя и слышать не годилось, для государской к тебе милости, не хотя государя тем раскручинить, также тебе смолчали».

Я умышленно привёл длинную и нудную цитату из С. М. Соловьёва. Но она прекрасно характеризует ненависть московских бояр к герою смоленской обороны 1609–1611 гг. — людей, получивших боярство в Тушине и сидевших с поляками в осаждённой Москве в 1611–1612 гг.

Далее следовали обвинения Шеина в неправильных действиях при

осаде Смоленска и в капитуляции перед поляками. И, наконец, любопытное обвинение: «Будучи в Литве в плену, целовал ты крест прежнему литовскому королю Сигизмунду и сыну его королевичу Владиславу на всей их воле. А как ты приехал к государю в Москву, тому уже пятнадцать лет, то не объявил, что прежде литовскому королю крест целовал, содержал это крестное целование в тайне. А теперь, будучи под Смоленском, изменою своею к государю и ко всему Московскому государству, а литовскому королю исполняя своё крестное целование, во всём ему радел и добра хотел, а государю изменял».

Вот уж, как говорится, с больной головы на здоровую. Достоверных сведений о присяге Шеина королевичу Владиславу нет, зато хорошо известно, что все московские бояре и их окружение, за исключением князя Д. М. Пожарского, в своё время целовали крест королевичу, включая царька Мишу.

Заодно с Шеиным отрубили голову и второму воеводе — Измайлову. Князей Семёна Прозоровского и Михаила Белосельского бояре приговорили сослать в Сибирь, жён их и детей разослать по городам, а имения отобрать в казну. В приговоре было сказано, что от смертной казни этих князей спасло то, что все ратные люди засвидетельствовали о радении Прозоровского и болезни Белосельского. Иван Шеин, виновный только в том, что он сын главного воеводы Михаила Шеина, избежал смертной казни по просьбе царицы, царевичей и царевен, и был сослан с матерью и женой в понизовые города.

Выпустив войско Шеина из-под Смоленска, Владислав двинулся к крепости Белой, расположенной в 130 верстах к северо-западу от Смоленска. Король надеялся с ходу овладеть крепостью, но вышло совсем иначе. По словам Соловьёва: «Польское войско подошло под Белую полумёртвое от голода и холода».

Король обосновался в Михайловском монастыре в трёх верстах от городка и послал местному воеводе предложение о капитуляции, ссылаясь на пример Шеина. Воевода же ответил, что шеинский пример внушает ему отвагу, а не боязнь. Тогда Владислав приказал окружить Белую шанцами и заложить мины. Но от этих мин пострадали только поляки — передовых ротмистров так завалило землёй, что их едва откопали. Стрельба также не причинила никакого вреда осаждённому.

Поляки, окрылённые победой под Смоленском, потеряли всякую осторожность. Этим воспользовались русские и пошли на вылазку. Им удалось захватить восемь польских знамён прежде, чем поляки успели взяться за оружие.

Тяжело далась эта осада королевскому войску. Канцлер Радзивилл^[41] даже предложил переименовать крепость из Белой в Красную из-за большого кровопролития под её стенами. Голод в войске усиливался. Как писал С. М. Соловьёв: «...сам король половину курицы съедал за обедом, а другую половину откладывал до ужина, другим же кусок хлеба с холодной водою был лакомством. От такой скудости начались болезни и смертность в войске».

А тем временем с юга на Речь Посполитую турецкий султан Мурад IV двинул большое войско под командованием Аббас-паши. Владислав IV оказался в отчаянном положении и вынужден был отправить в Москву гонцов с предложением вступить в переговоры.

Казалось, победа русских неизбежна. Большинство наших ратей ещё и не побывали в боях, а королевское почти небоеспособное войско стоит в трёхстах верстах от Москвы. Я уж не говорю о турецких войсках Аббас-паши. Но трусливые тушинские бояре с великой радостью приняли предложение короля.

В марте 1634 г. Михаил назначил Фёдора Ивановича Шереметева и князя Алексея Михайловича Львова великими послами и отправил на съезд с польскими комиссарами, бискупом халминским Якубом Жадником с товарищами. Место съезда определялось на речке Поляновке у села Поляново в 21 км юго-западнее Вязьмы. По другим данным, переговоры шли фактически в селе Семлёво на реке Поляновке в 7 км юго-западнее села Поляново, по Дорогобужско-Вяземскому тракту. В нескольких километрах от места встречи скрытно была развёрнута ставка Владислава.

Переговоры начались с перепалки о давних спорах. Поляки утверждали, что их король имеет право на московский престол и что русские нарушили Деулинское перемирие, послав войско Шеина под Смоленск до истечения перемирного срока. Поляки, между прочим, говорили: «Знаем мы подлинно, что война началась от патриарха Филарета Никитича, он её начал и вас всех благословил». Русские же послы настаивали, чтобы Владислав отказался от титула московского государя, а в противном случае они будут вынуждены прервать переговоры. «У нас, — говорили они, — у всех людей великих российских государств начальное и главное дело государское честь оберегать, и за государя все мы до одного человека умереть готовы».

Тогда поляки, уступив в этом требовании московским послам, предложили заключить вечный мир на условиях мира, заключённого королём Казимиром с великим князем московским Василием Тёмным. А королю Владиславу за отказ от московского престола и титула царь должен

давать ежегодно по сто тысяч рублей и выплатить контрибуцию за понесённые за последнюю войну издержки.

Московские послы отвечали: «Мы вам отказываем, чтоб нам о таких запросах с вами вперёд не говорить. Несбыточное то дело, что нам такие запросы вам давать, чего никогда не бывало и вперёд не будет, за то нам, всем людям Московского государства, стоять и головы свои положить». Поляки на это резонно заметили, что царь Михаил дал Густаву Адольфу города и деньги неизвестно за что, а королю Владиславу даст за отречение от московского престола.

После долгих споров поляки сказали: «Когда учиним мирное постановление на вечное dokonчанье, то королю будем быть челом, чтоб он крестное целованье с вас снял и титул свой государю вашему уступил, а вы объявите, чем вы за то государя нашего станете дарить».

С этого и начались настоящие переговоры. Поляком нужны были лишь деньги и земли. Отмечу любопытный момент: польские комиссары потребовали, чтобы царь платил запорожским казакам жалованье ежегодно, как им на то грамота была дана и как то раньше бывало. Московские послы ответили: «Казакам запорожским какое жалованье, и за какую службу давалось и какая у них грамота есть, — того не упомним. Думаем, что то могло быть, когда запорожские казаки великим государям служили, и теперь если начнут служить, то им государево жалованье будет по службе».

В конце переговоров для проформы поспорили и о титуле Михаила. Комиссары согласились называть его царём потому, что польское правительство признало этот титул, называя Владислава царём. Но слова «всёя Руси» в титуле московского государя их не устраивали. Комиссары говорили: «Великий государь ваш пишется *всёя Руси*, а Русь и в Московском, и в Польском государстве есть: так написать бы в польскую dokonчальную запись великого государя вашего царём *своея Руси*, чтоб титулом *всёя Руси* к польской Руси причитанья не иметь, а в московской dokonчательной записи и вперёд в грамотах царских к королям польским писать по-прежнему *всёя Руси*». Московские послы на это возразили: «Этого начинать непригоже: ваша Малая Русь, которая принадлежит к Польше и Литве, к тому царского величества именованью *всёя Руси* нейдёт, применять вам этой своей Руси ко *всёя Руси* нечего». Закончив спор о титуле, послы сошлись на *вечном dokonчании*. Это произошло 17 (27) мая 1634 г.

Договор, получивший название Поляновского, содержал 11 статей.

1. Устанавливались «вечный мир» и забвение всего происшедшего (с 1604 по 1634 г.).

2. Польский король отрекался от прав на российский престол и обещал вернуть присланный ему в 1610 г. избирательный акт московских бояр (в том числе подписанный и отцом царя Филаретом).

3. Владислав IV отказывался от титула «царь Московский».

4. Царь Михаил Фёдорович исключал из своего титула слова «князь Смоленский и Черниговский» и обязался не подписываться «государь всея Руси», чтобы не намекать тем самым на распространение своего суверенитета на русские земли, находящиеся в Польше и Литве.

5. Царь отказывался от всяких прав и покушений на возвращение Лифляндии, Эстляндии и Курляндии.

6. Царь (Россия) уступал Польше Смоленск и Чернигов с их областями, а также города: Дорогобуж, Белую, Рославль, Стародуб, Трубчевск, Красный, Невель, Себеж, Новгород-Северский с артиллерией, боеприпасами и архивами, а также со всеми жителями, которым запрещалось переходить в Россию, кроме лиц духовного и купеческого звания.

7. Русским, в том числе и купцам, запрещено было приезжать в Краков и Вильно, а полякам — в Москву, в остальных же городах купечество обеих стран могло торговать свободно.

8. Пленными обоюдно производился обмен без всякого выкупа.

9. Царь уплачивал Польше 20 тысяч рублей за город Серпейск, который оставался за Россией.

Статьи 10 и 11 касались ратификации условий договора и демаркации границ.

Кроме того, стороны заключили и секретный протокол к договору, который был лично подписан королём Владиславом и царём Михаилом. В протоколе говорилось, что русская казна выплачивает лично Владиславу 20 тысяч золотых рублей (венецианскими дукатами или голландскими гульденами). Это обстоятельство обе стороны обязались держать в секрете и скрыть в тексте мирного договора, где сумма в 20 тысяч рублей без уточнения, в какой валюте, была отнесена на другой счёт (якобы в уплату за возвращение России Серпейска).

Польский оригинал договора я, увы, не видел. Но, судя по всему, в 9-й статье 20 тысяч рублей фигурировали только в русском варианте, а в польском — Серпейск просто отдавался России.

Так тихо, по-семейному, Миша и Владя уладили свои дела, надув и бояр, и радных панов и оба государства на целых 20 тысяч золотых.

Грамоту русских бояр об избрании Владислава поляки так и не вернули России. В марте 1636 г. сейм Речи Посполитой принял акт об

утрате Грамоты и об обязательстве возвратить её России, как только она будет обнаружена в архивах Польши. Замечу, что обещание вернуть Грамоту бояр сохраняет свою юридическую силу до настоящего времени, так как эта статья Поляновского мира и Второго протокола к нему никогда не отменялась и не пересматривалась за всю историю русско-польских отношений.

Глава 11

Первая русско-польская война 1653–1655 гг.

Всю первую половину XVII в. в Малороссии бушевали казацкие войны, вызванные беспределом польских панов. Так, в 1645 г. шляхтич Даниель Чаплинский напал на хутор Субботово, принадлежавший его соседу Чигиринскому сотнику Богдану Хмельницкому. Чаплинский захватил гумно, где находились 400 копён хлеба, и вывез их. Но хуже всего было то, что пан умыкнул любовницу сотника. К тому же Чаплинский велел высечь плетью десятилетнего сына Богдана, после чего мальчик расхворался и вскоре умер. Богдан, не найдя защиты в местном суде, в январе 1646 г. отправился в Варшаву жаловаться королю Владиславу. Престарелый король объяснил сотнику, что сделать он ничего не может, а под конец спросил: «У тебя что, сабли нет?» По другой версии, король велел выдать Богдану саблю. Богдан отправился в Сечь, и пошло-поехало...

У казаков явно не хватало сил, чтобы справиться с Речью Посполитой. Богдан оказался перед альтернативой: стать вассалом Турции или России. Малороссийская старшина и духовенство с 20-х гг. XVII в. неоднократно обращались в Москву с просьбой взять их в подданство. Цари Михаил, а позже Алексей вежливо отказывались, в лучшем случае намекая, что время не пришло. Но осенью 1653 г. Алексей решился и удовлетворил просьбу Богдана Хмельницкого. 7 января 1654 г. состоялась знаменитая Переяславская рада, присоединившая Малую Россию в лице Запорожского войска к России.

В Москве прекрасно понимали, что присоединение к России малороссийских земель неизбежно вызовет войну с Польшей. Стремление избежать войны было основной причиной отказов царей Михаила и Алексея от принятия в подданство казаков и от любого вмешательства в события на территории Речи Посполитой.

Принимая решение о начале войны с Польшей, царь Алексей приказал произвести большие закупки вооружения за границей. Так, в октябре 1653 г. в Голландию был отправлен подьячий Головин с целью закупки 20 тысяч мушкетов и 20–30 тысяч пудов пороху. Генеральные штаты немедленно исполнили просьбу царя. В Россию были направлены и два десятка голландских наёмников. В Швеции также было закуплено 20 тысяч

мушкетов.

Поскольку в прошлых войнах местнические споры воевод неоднократно приводили к поражению, 23 октября 1653 г. царь торжественно объявил в Успенском соборе Кремля: «Воеводам и всяких чинов ратным людям быть на нынешней службе без мест, и этот наш указ мы велели записать в разрядную книгу и закрепили своею государскою рукою».

Первыми в поход выступила осадная артиллерия («наряд») под началом боярина Долматова-Карпова. 27 февраля 1654 г. пушки и мортиры двинулись по «зимнему пути». 26 апреля двинулись из Москвы и основные силы под началом князя Алексея Никитича Трубецкого. Наконец, 18 мая с арьергардом выехал и сам царь. Не будем забывать, царю Алексею было только 25 лет, и он не мог не мечтать о ратной славе.

26 мая царь прибыл в Можайск и оттуда писал сёстрам: «Из Можайска пойдём 28 числа: спешу, государыни мои, для того, что, сказывают, людей в Смоленске и около Смоленска нет никого, чтоб поскорей захватить».

Первую приятную весть царь Алексей получил по дороге из Царёва Займища в Вязьме 4 июня. Ему дали знать, что едва отряд вяземских охочих людей показался перед Дорогобужем, как поляки побежали оттуда в Смоленск, а посадские люди сдали Дорогобуж без боя. 11 июня на дороге из Вязьмы в Дорогобуж царь получил весть о сдаче его войскам Невеля. 14 июня в Дорогобуж пришла весть о сдаче Белой. 26 июня передовой полк имел первую стычку с поляками на реке Колодне под Смоленском, а уже 28 июня царь сам прибыл под Смоленск и встал в Богдановой околице. На следующий день пришла весть о сдаче Полоцка, 2 июля — о сдаче Рославля. 5 июля царь расположился станом на Девичьей горе в двух верстах от Смоленска. 20 июля Алексею доложили о сдаче Мстиславля.

Среди этих радостных вестей одна была печальная. Под Оршей русский отряд был перебит литовцами. Но эта частная неудача не остановила общее наступление русских.

Царь Алексей желал присоединить к Москве не только потерянный в Смутное время Смоленск, но и все русские земли, захваченные в XIV–XV вв. Литвой, и требовал от воевод не обижать своих новых подданных. Так, православной шляхте из Полоцка и других земель был предложен выбор: поступать на русскую службу и ехать к царю под Смоленск за жалованьем, а тем, кто по-прежнему считал себя королевским подданным, было разрешено беспрепятственно ехать в этническую Польшу^[42].

Как сказано в летописи: «22 июля выехал на государево имя Могилёвский шляхтич Поклонский и жалован в полковники; ему поручено

было уговаривать земляков, чтоб поддавались государю и служили ему против поляков, для чего велено было тому же Поклонскому всяких служивых людей прибирать к себе в полк и обнадёживать их государским жалованьем. Уговаривать могилевцев к сдаче отправлен был вместе с Поклонским московский дворянин Воейков с отрядом ратных людей. На дороге прислали к ним чаусовцы с просьбою принять их под государеву руку, и Поклонский набрал из них 800 человек пехоты».

24 июля русские войска овладели малыми крепостями Дисной и Друей, которые поляки сдали без боя. Войско литовского гетмана Януша Радзивилла оставило Оршу и отошло на запад. 2 августа город был занят русскими. 20 августа князь Трубецкой настиг войско Радзивилла на речке Шкловке в 15 верстах от города Борисова. Поляки и литовцы были вдребезги разбиты, 282 человека взяты в плен, среди них оказались двенадцать полковников. Трофеями русских стали гетманские знамя и бунчук, а также другие знамёна и литавры. Сам Радзивилл, раненый, едва ушёл с несколькими своими людьми.

Конный отряд московских дворян под началом Воейкова и казацкий отряд Ивана Золотаренко 20 августа взяли Гомель. А ещё через четыре дня без боя сдался Могилёв. Воейков отписал Алексею Михайловичу, что православных могилевцев он привёл к присяге, а католиков, которые хотят служить царю, приводить к присяге не смеет, потому что они не христиане.

«Жи́ды были побиты в Могилёве, но мещане сложили эту вину на казаков Поклонского. Государь исполнил челобитье могилевцев, чтоб жить им под магдебургским правом, носить одежду по прежнему обычаю, не ходить на войну, чтоб не выселять их в другие города; дворы их были освобождены от военного постоя, позволено было выбирать из черни шаферов для заведывания приходами и расходами городскими; обещано не допускать ляхов ни в какие должности в городе; казаки не могли жить в Могилёве, разве по делам службы; жи́ды также не допускались в город на житьё; школе быть по образцу киевских училищ»^[43].

Подобные же грамоты были даны и другим покоровшимся городам.

29 августа пришла весть от Золотаренко о взятии им Чечерска, Нового Быхова и Пропойска.

Между тем осаждённый Смоленск по-прежнему держался. В ночь на 16 августа русские воеводы, желая выслужиться перед царём, устроили штурм, не проведя должной подготовки. Штурм был отбит с большими потерями. Поляки утверждали, что русских убито 7 тысяч и ранено 15 тысяч. Сам же Алексей Михайлович писал сёстрам: «Наши ратные люди зело храбро приступали и на башню и на стену взошли, и бой был великий;

и по грехам под башню польские люди подкатили порох и наши ратные люди сошли со стены многие, а иных порохом опалило; литовских людей убито больше двухсот человек, а наших ратных людей убито с триста человек да ранено с тысячу».

Однако эта победа не вдохновила поляков на новые подвиги. Наоборот, они решили, что повоевали достаточно. Позже, уже в Польше, их комиссары оправдывались: мол, защитников Смоленска не набиралось и двух тысяч, а защищать надо было стены, растянутые на таком огромном пространстве, и тридцать четыре башни, да и порох был уже на исходе. Шляхта, отчаявшись, отказывалась повиноваться, не шли на стены, отказывались работать на восстановлении укреплений. А казаки чуть не убили королевского инженера, когда тот попытался выгнать их на работы, да и толпами перебегали к неприятелю, и т. д., и т. п.

К огромной радости царя, через три недели после отбития штурма руководители обороны города воевода Обухович и полковник Корф сами предложили начать переговоры о капитуляции. 10 сентября у стен Смоленска начались переговоры. Но население не захотело ждать. Народ отворил городские ворота и толпой пошёл кланяться царю. Обуховичу и Корфу царь позволил уехать в Литву, а остальной шляхте и мещанам предоставил выбор: ехать в Литву или присягать русскому царю.

По случаю сдачи Смоленска царь-батюшка 24 сентября закатил грандиозный пир на четыре дня. Но когда у юного Алексея перестала болеть голова, ближние бояре посоветовали ему отправляться восвояси. Мол, жена молодая Марья ждёт не дожждётся, военная фортуна изменчива, да и вообще, брать города — дело не царское, на то воеводы с большими боярами есть. В итоге 5 октября Алексей уже ехал в карете по направлению к Вязьме.

Тем временем царские войска продолжали наступление в Белоруссии. 20 ноября боярин Василий Петрович Шереметев взял штурмом Витебск. Зато в тылу наступавших войск начали бесчинства запорожские казаки Золотаренко. Они не только грабили крестьян, но обнаглели до того, что стали устанавливать налоги и оброки, в свою, разумеется, пользу.

Вот пример, хорошо иллюстрирующий ситуацию на занятых русскими войсками землях. 14 октября 1654 г. жители Могилёва — бурмистры, райцы, лавники и мещане — пришли к командиру русского отряда Воейкову со словами: «Из Смоленска государь изволил пойти к столице и своих ратных людей отпустил. А к нам в Могилёв ратных людей зимовать не прислано, пороху нет и пушек мало. Мы видим и знаем, что государь хочет нас выдать ляхам в руки, а на казаков Золотаренковых нечего

надеяться: запустошив Могилёвский уезд, все разбегутся, и теперь уже больше половины разбежалось. Мы на своей присяге стоим, но одним нам против ляхов стоять не уметь».

Войков тотчас сообщил об этом царю и вскоре получил ответ: «Собери всех мещан к съезжему двору и скажи всем вслух, что государь их пожаловал, велел к ним в Могилёв послать из Дубровны окольного и воеводу Алферьева, да солдатского строю полковника с полком, да двух стрелецких голов с приказами; из Смоленска пришлется к ним 300 пуд зелья и 300 пуд свинцу».

Новый 1655 год принёс русским ряд тактических неудач. Жители Орши перешли на сторону короля. Жители городка Озерище взбунтовались, убили 36 русских ратников, а остальных вместе с воеводой взяли в плен и отправили к гетману Радзивиллу. Удалось уйти только четверым русским.

Гетман Радзивилл собрал новое войско и 2 января 1655 г. подошёл к Новому Быхову, где заперся с запорожцами Золотаренко. Но тут Радзивилл получил грамоту от шляхтича Поклонского, которого, как мы уже знаем, царь в июле 1654 г. произвёл в полковники. Теперь Поклонский предлагал полякам сдать Могилёв. Могилёв был куда богаче Быхова, и литовский гетман немедленно снял осаду и двинулся к Могилёву. Поклонский и его люди впустили поляков в город, но в цитадели^[44] заперся русский дворянин Воейков с русскими ратниками и могилёвскими мещанами.

Поляки сделали три приступа и четыре подкопа, но Воейков храбро держал оборону. Золотаренко стоял под Старым Быховым, откуда в марте писал царю, что глубокие снега мешают ему прийти на помощь к Могилёву. Но «глубокие снега» не помешали казаком Золотаренко взять Бобруйск, Глуск, Королевскую Слободу и ограбить их жителей. В апреле, когда дороги просохли, казаки вместе с московским воеводой Михайлом Дмитриевым двинулись на помощь Могилёву.

В ночь на 9 апреля Радзивилл устроил генеральный штурм Могилёвской цитадели. Поляки взорвали три подкопа, а четвёртый завалился сам и «подавил литовских ратных людей». Русские пошли на вылазку и «побили много неприятеля». Радзивилл не стал ждать Михайлу Дмитриева, 1 мая снял осаду и двинулся на запад, к Березине.

Зиму 1654/55 г. царь Алексей провёл в Вязьме. В Москве свирепствовала моровая язва, и царь решил отсидеться за кордонами. Но в апреле 1655 г. он уже был в Смоленске, где готовился к новой кампании. 24 мая царь с войском выступил из Смоленска и в первых числах июня остановился в Шклове. Тем временем черниговский полковник Попович с

отрядом запорожцев взял Свислоч, «неприятелей в нём всех под меч пустили, а самое место и замок огнём сожгли». Потом казаки взяли Кайданы. Московский воевода Матвей Васильевич Шереметев взял Велиж, боярин князь Фёдор Юрьевич Хворостинин занял Минск.

29 июля боярин князь Яков Куденетович Черкасский, соединившись с Золотаренко в полумиле от литовской столицы Вильно, напал на обоз гетманов Радзивилла и Гонсевского. Бой длился с шестого часа дня до ночи, гетманы потерпели поражение и бежали за реку Вилию, а русские подошли к Вильно и заняли город. Царь с основными силами стоял в деревне Крапивне в 50 верстах от Вильно, когда прискакал к нему гонец с этим радостным известием.

9 августа Алексей Михайлович получил известие о взятии Ковно, а 29 августа — о взятии Гродно.

Весной 1655 г. на Украину с московским войском был направлен боярин Андрей Васильевич Бутурлин, причём вторым воеводой у него был Василий Васильевич Бутурлин. Русские войска объединились с казаками Богдана Хмельницкого и вместе двинулись в Галицию.

Бутурлин и Хмельницкий разгромили польское войско коронного гетмана Потоцкого у Гродка. Затем объединённое войско осадило Львов. Но Хмельницкий не захотел брать город, а взял с осаждённых 60 тысяч злотых (по другим источникам, 50 тысяч) и отступил на восток. Войсковой же писарь Ивана Выговский отправил горожанам Львова грамоту, где призывал их не сдаваться «на царское имя».

Другая часть русско-украинского войска под началом Данилы Выговского — брата войскового писаря, и русского воеводы Петра Потёмкина осадила Люблин и добилась сдачи города «на царское имя», то есть люблинцы присягнули на верность Алексею Михайловичу.

В начале сентября 1655 г. на речных судах из Киева вверх по Днепру отправилось русское войско князя Дмитрия Волконского. Затем эта флотилия вошла в Припять и 15 сентября подошла к городу Турову. Туровцы вышли навстречу русским и присягнули царю. Не задерживаясь в Турове, Волконский двинулся сухим путём к городу Давыдову. 16 сентября в версте от Давыдова его встретило литовское войско. После непродолжительного боя литовцы бежали в город, но русские ратники на плечах неприятеля ворвались следом. Городок почти весь выгорел, жители и уцелевшие литовские ратники бежали из него через противоположные ворота. А победители вернулись к своим судам и поплыли вниз по реке Горыне к Припяти, а по ней вверх — до реки Вятлицы. Оттуда войско Волконского шло сухим путём и 20 сентября подошло к городу Столину.

Там повторились события у Давыдова: литва вышла навстречу, затем бежала в город, русские захватили и сожгли Столин.

От Столина Волконский вернулся к Припяти, ратники сели на свои суда и поплыли до реки Пины. 25 сентября флотилия подошла к Пинску, но пристать к берегу у города не позволил ружейный и артиллерийский огонь литовцев, поэтому суда русских вернулись назад и высадили десант в нескольких верстах ниже города у села Пенковичи. При подходе русских к Пинску произошло сражение с литовцами. Уже по традиции русские на плечах неприятеля ворвались в город.

В Пинске Волконский дал два дня отдохнуть войску, а 27 сентября сжёг город и окрестные слободы и отправился на судах вниз по Припяти. По пути у села Стахова русские разбили ещё один литовский отряд, привели к присяге царю жителей городов Кажана и Латвы. Тем же путём по Днепру русская флотилия вернулась в Киев.

Любопытно, что в донесении в Москву Волконский говорил, что в ходе этого рейда у него было лишь трое раненых: «...только у одного солдата под Пинском руку оторвало из пушки да двух человек из пищали ранили». Тут, видимо, или воевода приврал, или все вышеуказанные города сдавались без боя.

Другое русское войско под началом князей Семёна Урусова и Юрия Борятинского двинулось от Ковно к Бресту. 23 октября 1655 г. в 150 верстах от Бреста у местечка Белые Пески русские разбили польский отряд.

13 ноября у самого Бреста русское войско встретило войско нового литовского гетмана Павла Сапеги. Русские были разбиты и заняли оборону в обозе за Бугом, но Сапега выбил их и оттуда. Урусов отступил и занял оборону в деревне Верховичи в 25 верстах от Бреста. Литовцы окружили русских и двое суток держали в осаде. Сапега прислал парламентёров и потребовал полной капитуляции. Урусов сдаваться не пожелал и внезапно атаковал литву. По-видимому, ему удалось застать врага врасплох. Русские гнали литву шесть вёрст. В качестве трофеев Урусову досталось четыре пушки и двадцать восемь знамён. После боя Урусов приказал войску идти на Вильно.

Стоит заметить, что боевые действия князь Урусов вёл уже после начала русско-польских переговоров о перемирии. Причём поляки пошли на переговоры не столько из-за успехов царских войск и казаков Хмельницкого, сколько из-за вмешательства в войну третьей силы — армии шведского короля.

Несколько слов надо сказать о предыстории шведско-польской войны. После окончания шведско-польской войны 1621–1629 гг. шведский король

Густав II Адольф в 1630 г. ввязался в Тридцатилетнюю войну. Шведская армия под командованием короля Густава-Адольфа высадилась в Померании и одержала ряд побед над войсками германского императора. В ходе войны Густав-Адольф провёл кардинальные реформы в вооружении и тактике войск. Шведская армия без преувеличения стала сильнейшей в мире.

16 ноября 1632 г. в сражении при Люцене Густав-Адольф лично возглавил атаку шведской кавалерии и был смертельно ранен. На шведском престоле оказалась дочь Густава-Адольфа королева Кристина.

В 1648 г. был подписан Вестфальский мир, положивший конец тридцатилетней войне. По этому миру Швеция получила Западную Померанию и город Штеттин с частью Восточной Померании, а также остров Рюген, город Сисмар, архиепископство Бремен и епископство Форден. Таким образом, почти все устья судоходных рек в Северной Германии оказались под её контролем. Балтийское море фактически превратилось в шведское озеро.

Королева Кристина осталась незамужней, и в 1654 г. шведские аристократы заставили её отречься от престола в пользу 32-летнего Карла Густава — пфальцграфа Цвейбрюкского. Новый король получил имя Карл X Густав. Он был племянником Густава-Адольфа и под командованием дяди участвовал во многих сражениях, а к концу Тридцатилетней войны стал главнокомандующим шведскими войсками в Померании.

В ходе отречения королевы Кристины польский король Ян Казимир вдруг вспомнил о правах своего отца Сигизмунда III на шведский престол, хотя и его отец, и брат Владислав давно отреклись от него.

Итак, на престол взойшёл молодой король, успевший проявить себя способным полководцем. Шведская казна была пуста, а лучшая армия Европы уже семь лет тосковала без войны. И тут такой хороший повод сходить «за зипунами» в Польшу! Естественно, Карл X двинул туда войска.

В июле 1655 г. семнадцатитысячная шведская армия вышла из Померании на Познань и Калиш. Король Ян Казимир бросил Варшаву и отошёл к Кракову. 6 сентября шведы настигли королевскую армию и разбили её при Чернове. Варшава и Краков были заняты шведскими войсками.

Литовский гетман Януш Радзивилл перешёл на сторону шведского короля Карла X Густава. Кстати, Радзивилл был протестант. На севере Польши держался только город Данциг, да и то из-за поддержки голландской эскадры. В пику Голландии Англия и Франция заявили о

поддержке Швеции. (Как видим, хулиганский поступок господина Чаплинского, уведшего бабу у Хмельницкого, привёл к большой европейской войне.)

Ещё до начала боевых действия Карл X отправил к царю посла Розенлинда с грамотой, где объяснялись причины, побудившие Швецию начать войну, и предлагался военный союз против Речи Посполитой. В июле 1655 г. Розенлинд был принят Алексеем Михайловичем в Смоленске.

Вступление Швеции в войну с точки зрения здравого смысла было большой удачей для Русского государства. Спору нет, русская армия заняла значительные территории Речи Посполитой, но её военную мощь сокрушить не удалось. Неужели в Москве надеялись, что соседние государства одобряют захват Россией большей части Речи Посполитой? Шведы должны были радоваться выходу русской армии к Риге, а турки — появлению русских на Волыни вблизи вассальной Молдавии? Единственным союзником царя против Польши, Швеции, турецкого султана и крымского хана был Богдан Хмельницкий, преследовавший совсем другие цели, нежели царь, да ещё к 1655 г. ставший хроническим алкоголиком.

Поэтому раздел Речи Посполитой, предложенный Карлом X, был идеальным вариантом для России, даже если бы большая часть бывших польских земель досталась шведам. В любом случае России потребовалось не менее 20–40 лет, чтобы переварить даже небольшие территории, побывавшие под властью Речи Посполитой. А вот шведы бы гарантированно подавились польским пирогом, благо, польское панство — ещё та публика!

Но молодого Алексея занесло. Он уже считал себя не меньше Александра Македонского. При этом царя жёстко опекал пятидесятилетний патриарх Никон. Он-то должен был помнить, как поляки накостыляли Шеину под Смоленском. Но переполненный гордыней патриарх уже видел себя духовным владыкой всей Польши, а вместо того, чтобы одёрнуть зарвавшегося «Тишайшего», буквально подзуживал его на новые захваты.

17 мая 1656 г. под звон московских колоколов царь Алексей Михайлович объявил войну шведскому королю Карлу X Густаву. Русский корпус под началом Петра Потёмкина двинулся для занятия берегов Финского залива. На помощь Потёмкину был направлен большой отряд донских казаков. При отправке казаков патриарха Никона занесло — он благословил казаков не более не менее, как идти морем к Стокгольму и захватить его.

Теперь Алексею Михайловичу ничего не оставалось делать, как

мириться с Яном Казимиром. К началу июля 1656 г. боевые действия против поляков и литовцев, сохранивших верность Яну Казимиру, были прекращены, а 30 июля в Вильно начались мирные переговоры.

Однако переговоры сразу же зашли в тупик из-за статуса Малороссии — ни одна сторона не хотела её уступать, но ни Польша, ни Россия не желали и прерывать переговоры. Бесполезная дискуссия затянулась на много месяцев. Польша была очень слаба, а царь не хотел начинать новую войну, не закончив кампанию со шведами. Кроме того, Речь Посполитую и окрестные страны будоражили вести о тяжёлой болезни короля Яна Казимира. Ряд польских магнатов, объединившихся вокруг Винцента Гонсевского (сына гетмана Александра Гонсевского, умершего в 1636 г.), предлагали возвести на польский трон царя Алексея Михайловича или его сына царевича Алексея Алексеевича. Царь был явно не против такого варианта.

Параллельно с русско-польскими переговорами в Вильно Богдан Хмельницкий в Чигирине в 1656–1657 гг. открыто вёл переговоры с польскими и шведскими представителями. 3 июня 1657 г. в Чигирин прибыли из Москвы окольный Фёдор Васильевич Бутурлин и дьяк Василий Михайлов. Бутурлин при личном свидании довольно резко спросил у гетмана, на каком основании он ссылается со шведским королём, с которым Россия находится в состоянии войны. Богдан в сердцах ответил: «От шведского короля я никогда отлучён не буду, потому что у нас дружба давняя, больше шести лет. Шведы люди правдивые, всякую дружбу и приязнь додерживают, слово своё держат, а царское величество надо мною и надо всем войском учинил было немилосердие своё: помирясь с поляками, хотел было нас отдать им в руки». Хмельницкому было очень обидно, что его представителей даже не допустили на русско-польские переговоры в Вильно, где решалась судьба Украины.

Затем гетман перешёл в наступление: «Великому государю во всём воля. Только мне диво, что бояре ему ничего доброго не посоветуют: Коронаю Польскую ещё не овладели и мира в совершение ещё не привели, а уже с другим государством, со шведами, войну начали». Это было, как говорится, «не в бровь, а в глаз», и Бутурлину ничего не оставалось делать, как бормотать о каких-то «неправдах шведского короля» и т. д.

Гетман был тяжело болен, и Бутурлин предложил ему: «В дороге мы слышали от всяких людей, что была у тебя рада, и на той раде сдал ты гетманство сыну своему Юрию^[45]: и тебе бы велеть сыну своему в церкви божией, пред святым Евангелием, при нас присягнуть на подданство великому государю». Богдан ответил: «Видите сами, что я сильно болен и в

старости, и я поговорил с полковниками, чтоб попомнили свою службу, промысл и радение, по смерти моей выбрали на запорожское гетманство сына моего Юрия. А ныне, пока жив буду, гетманство и всякое старшинство держу при себе, а когда по моей смерти сделается гетманом сын мой Юрий, то он царскому величеству присягу учинит».

Так закончились последние переговоры московских послов с гетманом. 27 июля 1657 г. Богдан Хмельницкий скончался.

26 августа в Чигирине состоялась рада, и казаки выбрали гетманом генерального писаря Ивана Выговского^[46]. При вручении булавы казаки дали наказ новому гетману верно служить великому государю и над Войском Запорожским добрую управу чинить.

Но хотя и был выбран Выговский гетманом Войска Запорожского, сами запорожцы в Сечи в выборах не участвовали и признавать его не пожелали. В ноябре 1657 г. в Москву пробрались, избежав всех застав Выговского, посланцы от кошевого атамана Якова Фёдоровича Барабаша. Они заявили, что Выговский был избран незаконно, что он ведёт переговоры с ляхами и шведами, обижает запорожских казаков. На вопрос бояр, чего же они хотят, запорожцы ответили: «Хотим, чтоб послан был в войско ближний [государю. — А. III.] человек и собрал раду; на этой раде выбрать в гетманы, кого всем Войском излюбят».

Новый 1658 год гетман Выговский начал с казней казацких старшин, недовольных его властью, а против полтавского полковника Мартына Пушкаря отправил полторы тысячи казаков и сербов (из своей личной охраны). 25 января 1658 г. близ знаменитой деревни Диканьки полтавские казаки Пушкаря вместе с отрядом запорожцев разгромили отряд Выговского. Пушкарь занял Миргород и выгнал оттуда сторонников гетмана Лесницкого, вместо которого миргородские казаки выбрали полковником Степана Довгаля.

8 февраля Пушкарь прислал в Москву первый донос на Выговского. Он писал, что гетман — изменник государю, помирился с ляхами и Ордою, и что он, Пушкарь, слышал об этом от Юрия Хмельницкого.

17 мая 1658 г. войско Выговского и призванные им татары подошли к Полтаве, где стояли Пушкарь и Барабаш. Московские послы тщетно пытались помирить противников. В ночь на 1 июня Пушкарь и Барабаш внезапно атаковали гетманское войско и захватили его обоз. Но утром сторонники Выговского оправились и контратаковали противника. Пушкарь был убит, а Барабаш с «немногими людьми» ушёл в Полтаву. Выговский утверждал, что его войско потеряло тысячу человек, а мятежники — восемь тысяч.

Итак, переговоры с поляками, длившиеся почти два года, зашли в тупик, а на Украине фактически началась гражданская война между гетманом и его противниками. Новая русско-польская война была неизбежна.

Глава 12

Вторая русско-польская война 1658–1667 гг.

В августе 1658 г. гетман Выговский в городке Гадяче вступил в переговоры с представителями польского короля. 6 сентября был подписан так называемый Гадячский договор. Согласно ему Выговский получал титул: «Гетман русский и первый воеводств Киевского, Брацлавского и Черниговского сенатор». Гетман становился вассалом польской короны. Число реестровых казаков увеличивалось до 60 тысяч.

Выговский и верные ему старшины получили массу льгот и привилегий. Чтобы не раздражать казаков, в договоре в 15-й статье было сказано: «В войне короля с Москвою казаки могут держать нейтралитет, но в случае нападения московских войск на Украину король обязан защищать её».

Но ни в одной из 22-х статей ничего не говорилось, будут ли польские паны владеть своими поместьями на Украине или нет. А это был основной вопрос, волновавший население Украины, и без его кардинального разрешения любой договор становился «филькиной грамотой».

Ведя переговоры с ляхами, Выговский в августе 1658 г. клялся перед московским посланником дьяком Василием Михайловым в своей верности царю, а в это время гетманское войско шло на Киев, где находился русский гарнизон. 23 августа киевский воевода боярин Василий Борисович Шереметев вдребезги разгромил запорожских казаков под Киевом. Особо отличились полки «иноземного строя» под командованием полковника фон Стадена. Трофеями русских стали 12 пушек, 48 знамён и три бочки с порохом.

В сентябре 1658 г. царь разослал грамоты, где подробно и обстоятельно рассказывалось об изменах гетмана, а Выговский всё ещё продолжал притворяться. 8 октября он писал царю, что и не думает наступать на московские города и нарушать присягу: «Бога ради усмотри, ваше царское величество, чтоб неприятели веры православной не тешились и сил не восприняли, пошли указ свой к боярину Василию Борисовичу Шереметеву, чтоб он больше разорения не чинил и крови не проливал».

На левом (восточном) берегу Днепра большая часть старшины была за Выговского, но зато подавляющее большинство простых казаков стояли за

Москву. В последних числах ноября в местечке Верва была созвана рада из верных царю казаков и выбран в гетманы полковник Иван Беспалый, «чтоб дела войсковые не гуляли».

Поляки не приходили к Выговскому на помощь, и чтобы остановить присылку новых московских войск, Выговский отправил к царю белоцерковского полковника Кравченко с повинной.

13 декабря 1658 г. Беспалый писал царю, что враги наступают со всех сторон, а царские воеводы помощи им, верным малороссиянам, не дают. Царь ответил, что вследствие приезда Кравченко с повинной он назначил раду в Переяславле на 1 февраля, а между тем пусть он, Беспалый, соединившись с князем Ромодановским, промышляет над неприятелем.

Неприятель не заставил себя ждать: 16 декабря наказной гетман Выговского Скоробогатенко подошёл к Ромнам, где находился Беспалый, но был разгромлен последним. Беспалый доносил царю: «Если ваша пресветлая царская милость с престола своего не подвигнитесь в свою отчину, то между нами, Войском Запорожским, и всем народом христианским, покою не будет. Выговский Кравченка на обман послал и ему бы ни в чём не верить».

В сентябре 1658 г. оба польских гетмана, Сапега и Гонсевский, двинулись с войсками к городу Вильно, занятому русскими. 1 октября поляки осадили Минск. Князь Юрий Алексеевич Долгоруков контратаковал поляков и 8 октября у села Верки разбил войско Гонсевского, а самого гетмана взял в плен.

Павлу Сапеге удалось уцелеть только благодаря местничеству: двинувшись против неприятелей, Долгоруков послал к уполномоченным Одоевскому с товарищами, чтобы направили ему на помощь своих ратных людей, но сотенные головы князь Фёдор Барятинский и двое Плещеевых заявили, что им идти на помощь к князю Долгорукову «невместно».

В феврале 1659 г. «параллельный гетман» Беспалый сообщил в Москву, что из Новой Чернухи под Лохвицу приходило тридцатитысячное польско-татарское войско Скоробогатенко и Немирича, три раза пытались взять город приступом, но были отбиты. Сам же Выговский под Лухвицу не приходил, а стоял в Чернухах, а к 4 февраля подошёл к Миргороду и стал там. Находившиеся в Миргороде московские драгуны укрепили осаду в малом городе, а все миргородцы присягнули служить царю и ратных людей не выдавать. Но 7 февраля полковник Степан Довгаль, прельстившись обещаниями Выговского, выехал из Миргорода, после чего горожане решили сдаться. Казаки Выговского отослали московских драгун в Лохвицу, предварительно, естественно, ограбив, после чего Выговский

двинулся в Полтавский полк. На просьбы Беспалова о помощи из Москвы отвечали, что идёт в Малороссию боярин князь Алексей Никитич Трубецкой.

15 января 1659 г. Трубецкой действительно выступил из Москвы с большим войском (в летописи говорится о ста тысячах человек) и 10 марта пришёл в Путивль. 26 марта московское войско выступило из Путивля и направилось к местечку Константинов на реке Суле, позвав к себе московских воевод из Лохвиц и казаков Беспалого из Ромен.

10 апреля Трубецкой вышел из Константинова к Конотопу, где засел сторонник Выговского полковник Гуляницкий. 19 апреля войско было под стенами города, но осада безуспешно длилась до 27 июня, пока к Конотопу не подошли казаки Выговского вместе с татарами. Оставив всех татар и половину своих казаков в засаде за речкой Сосновкой, Выговский с остальными казаками ночью скрытно подошёл к Конотопу, а на рассвете атаковал осаждающих, перебил много людей, отогнал лошадей и начал отступление. Московские воеводы решили, что их атаковало всё войско Выговского, и отрядили для его преследования князей Семёна Романовича Пожарского и Семёна Петровича Львова. 28 июня Пожарский нагнал черкес, многих перебил и погнался дальше за отступавшими, всё более и более удаляясь от Конотопа. Взятые в плен казаки Выговского предупреждали, что впереди поджидает большое войско — целая ханская орда и половина казаков, но всё было тщетно, Пожарский ничего не хотел слышать и шёл вперёд. «Давайте мне ханишку! — кричал он, — давайте калгу! — всех их с войском... таких сяких... вырубим и выпленим».

Но только князь перебрался через болотную речку Сосновку, как навстречу ему выступили многочисленные толпы татар и казаков. Русские были окружены и разбиты. Оба воеводы попали в плен. Пожарского привели к хану, который начал выговаривать ему за дерзость и презрение к татарским силам. Но воевода и на поле битвы, и в плену был одинаков. В ответ он, как дипломатично писал С. М. Соловьёв, «выбрал хана по московскому обычаю», то есть высказался о нравственности ханской матушки и плюнул в глаза Камиль-Мухаммеду. Взбешённый хан приказал немедленно отрубить голову князю.

Современные украинские историки утверждают, что под Конотопом русская армия потерпела одно из крупнейших поражений за всю свою историю. На самом же деле гибель войска Пожарского под Конотопом была лишь тактической неудачей. Когда Камиль-Мухаммед Гирей и Выговский двинулись к Путивлю, основные силы русских уже начали отступление. Хан и гетман попытались догнать Трубецкого, но лихая конная атака татар

и казаков была встречена картечью многочисленных русских пушек. Понеся большие потери, союзники отступили к Ромнам. В свою очередь, Трубецкой с войском без помех 19 июля прибыл в Путивль.

Выговский осадил Ромны, где находился небольшой московский отряд. Выговский поклялся выпустить гарнизон с оружием на все четыре стороны, но нарушил клятву: разоружил москалей и отправил их к полякам. Из-под Ромен гетман и хан пошли к городу Гадячу. Местные жители отказались открыть им ворота. Тогда казаки пошли на приступ, а хан отказался участвовать в штурме. Потеряв свыше тысячи человек, гетманские казаки были вынуждены отступить от стен Гадяча.

Уже давно у запорожских и донских казаков стало традицией нападать на татарские улусы, когда хан отправлялся с войском в поход. Дело в том, что крымские татары были профессиональными разбойниками. Я говорю так не для того, чтобы оскорбить их, а просто указываю их главный способ производства. Сельским хозяйством и животноводством татарские мужчины стали заниматься лишь после покорения их Екатериной II. До этого основной статьёй дохода татар была военная добыча. Соответственно, в поход с ханом^[47] уходило подавляющее большинство мужского населения.

Так было и на этот раз. Атаман Иван Дмитриевич Серко собрал несколько тысяч запорожцев и на лодках начал действовать на Южном Буге, громя казаков Выговского и татар. Молодой Юрий Хмельницкий тоже собрал несколько тысяч запорожцев и двинулся в Керчь, где разорил несколько улусов.

Пока Шереметев и Выговский воевали под Конотопом, флотилии стругов донских казаков ходили у крымских берегов. Донцы высаживались под Кафой, Балаклавой, Керчью, углублялись в глубь полуострова вёрст на 50, взяли пленных около двух тысяч татар, освободили полтораста русских пленников.

Затем донцы пересекли Чёрное море и пограбили Анатолийское побережье от Синопа до города Кондра, который находился всего в одном дневном переходе от Стамбула.

Узнав о казацких «шалостях», хан Камиль-Мухаммед Гирей с основными силами форсированным маршем двинулся в Крым, оставив Выговскому лишь 15 тысяч татар.

Иван Выговский из Чигирина отправил под Киев казацко-татарское войско под началом своего брата Данилы Выговского. Но 22 августа 1659 г. русский отряд, вышедший из Киева, наголову разбил это войско.

После ухода Выговского с татарами из Чигирина переяславский

полковник Тимофей Цецура объявил себя подданным царя и перебил в городе немногих сторонников Выговского.

30 августа киевский воевода Василий Борисович Шереметев писал в Москву, что переяславский, нежинский, черниговский, киевский и лубенский полковники «добили челом и присягнули» царю.

В середине сентября 1659 г. казаки выбрали (судя по всему, без рады) гетманом Юрия Хмельницкого. Тому уже исполнилось 18 лет, и он хорошо проявил себя во время крымского похода. Иван Выговский переслал молодому Хмельницкому бунчук и булаву (символы гетманской власти) вместе с Данилой Выговским. Замечу, что Данила не только приходился Выговскому братом, но и был шурином Юрию Хмельницкому, так как был женат на родной его сестре Елене Богдановне. Сам же Иван Выговский в октябре 1659 г. бежал в Польшу.

5 сентября Трубецкой выступил из Путивля в левобережные города. Там везде встречали московское войско с радостью, полковники и старшины под пушечную стрельбу присягали на верность русскому царю.

27 сентября Трубецкой подошёл к Переяславу. Полковник Цецура со своим войском выехал ему навстречу за пять вёрст. Протопоп Григорий, священники с крестами, мещане, бурмистры, лавочники и вся чернь вышли за стены города встречать московское войско. Въехав в Переяслав, Трубецкой отстоял молебен в церкви и затем объявил переяславцам царскую милость, что велел им государь «быть под своею высокою рукою по-прежнему, прав и вольностей их нарушать не велел, а что были они он него отступны, и он вины им отдал». Так было и в других городах.

9 сентября в Переяслав прибыл Юрий Хмельницкий. На следующий день Юрий со своей старшиной явился к Трубецкому, который встретил его словами: «Известно великому государю, что ты ему служишь и ни к каким прелестям не приставаешь. За твою службу великий государь тебя жалует, милостиво похваляет, и тебе бы и вперёд служить верно, как служил отец твой гетман Богдан Хмельницкий». Юрий и его старшины били челом, чтобы царь простил им их вины, поскольку отлучились они от него не по своей воле, а принудил их к этому Ивашка Выговский. Трубецкой ответил, что царь их простил, велел созвать в Переяславе раду и выбрать себе гетмана, кого захотят.

17 октября 1659 г. за городом была созвана большая рада с участием как левобережных, так и правобережных казаков. Почти единогласно гетманом избрали Юрия Хмельницкого.

Между тем 21 июля 1658 г. в Москве было подписано предварительное перемирие со Швецией. Война не нужна была ни Карлу X, ни Алексею

Михайловичу. Шведы увязли в войне с Данией, а русские — в Малороссии. Окончательный мир со Швецией был подписан 21 июня 1661 г. на мызе Кардис уже после смерти Карла X (в феврале 1660 г.).

В Белоруссии в 1660 г. боевые действия шли с переменным успехом. В январе 1660 г. боярин князь Иван Андреевич Хованский взял штурмом крепость Брест и разрушил её. В трёх сражениях Хованский разгромил три польских отряда, которыми командовали Полубенский, Обухович и Огинский.

18 июня 1660 г. у местечка Полонка в 30 верстах от города Ляховичи русское войско И. А. Хованского было разбито поляками под командованием Чарнецкого, Полубенского и Кмитица. Воевода князь Семён Щербатый попался в плен, двое сыновей Хованского и воевода Змеев были ранены, сам И. А. Хованский с оставшимся войском отошёл к Полоцку. Осаду с Ляховичей пришлось снять, а русская осадная артиллерия досталась ляхам.

С 24 по 26 сентября 1660 г. у села Губарево в 30 верстах от Могилёва шло трёхдневное сражение русских под началом князя Юрия Алексеевича Долгорукова с войском гетмана Павла Сапеги. В первый день поляки заставили русских отступить и занять оборону в своём лагере. На следующий день, 25 сентября, русские упорно оборонялись в окружении и, наконец, на третий день атаковали и заставили поляков бежать.

На юге киевский воевода В. Б. Шереметев с Юрием Хмельницким в августе 1660 г. двинулись на Львов. Русское и казацкое войска шли разными дорогами: Шереметев пошёл на Котельню, а Хмельницкий — на Гончаризу. По пути к русскому войску присоединился отряд казаков под началом Цецуры.

Полякам удалось тайно сосредоточить у Любара своё тридцатитысячное войско гетмана Потоцкого и маршалка Любомирского и 60 тысяч татар. 5 сентября ляхи и татары внезапно атаковали войско Шереметева. Русские были отброшены, но засели в обозе. В ходе боёв 5 и 6 сентября было потеряно около полутора тысяч русских и двести казаков. Затем противник отошёл, но в стане Шереметева начался голод. 9 сентября воевода выслал за фуражом трёхтысячный отряд, который перехватили татары, 500 человек было убито, 300 взято в плен, остальные вернулись в русский лагерь.

На рассвете 17 сентября Шереметев повёл своё войско на прорыв. В ходе боя русские и казаки потеряли несколько сотен человек убитыми. Полякам достались 400 телег и 9 пушек. Если верить летописи, отступление шло непрерывно весь день и всю ночь. Лишь в 7 часов утра 18

сентября войска достигли города Чуднова. Однако уже через 3 часа явились поляки и заняли возвышенность, господствующую над городом. Поэтому оставаться в Чуднове стало невозможно.

Шереметев приказал взять в городе как можно больше съестных припасов, сжечь город, отступить от него на несколько вёрст и укрепиться. Русское укрепление (табор) имело вид треугольника. Вскоре появились ляхи и начали артиллерийский обстрел русского табора.

Между тем к месту сражения двигалось войско Юрия Хмельницкого. Поэтому поляки разделили свои силы. Потоцкий остался держать Шереметева, а Любомирский двинулся наперерез Хмельницкому и напал на него под Слободищами. В ходе встречного боя обе стороны понесли большие потери, но в целом результат был ничейный. Ночью после битвы Хмельницкий получил грамоту от Выговского с уговорами отлучиться от Москвы, «которой силы уже сокрушены, которая более не светит, а чадит, как погасающая лампада».

В ту же ночь войско Любомирского отправилось на соединение с Потоцким. Хмельницкий же вместо преследования Любомирского остался под Слободищами и послал к полякам гонца с предложением начать переговоры о мире.

4 октября войско Шереметева пошло на прорыв, но, встретив войска Потоцкого и Любомирского, повернуло обратно. По польским данным, было убито около трёх тысяч русских и казаков.

5 октября Хмельницкий прислал полякам свои новые предложения, в ответ его пригласили лично явиться в польский стан и принести присягу королю. 8 октября гетман приехал в польский стан. Поляки удивились, увидев сына человека, одним имя которого наводило на них ужас. Это был скромный темноволосый мальчик, молчаливый и неловкий, более похожий на монастырского послушника, чем на казацкого гетмана и знаменитого Хмеля.

На следующий день Юрий присягнул королю, а вечером того же дня отправил письмо в русский стан к Цецура с объявлением, что мир с Польшей заключён, и чтобы полковник следовал его примеру и перешёл на сторону поляков. 11 октября Цецура прислал ответ. Он писал, что отделится от москалей, как только убедится, что гетман действительно находится у поляков. Юрий выехал на холм под гетманским бунчуком. Тут Цецура с двумя тысячами казаков (остальные остались в обозе) рванулся из табора. Татары, решив, что это вылазка, бросились на них, поляки кинулись защищать перебежчиков, около двухсот казаков было перебито татарами, а остальные, цепляясь за польских всадников, достигли польского стана.

Уход казаков Цецуры серьёзно ухудшил положение Шереметева. Помощи ждать было неоткуда, а между тем «от пушечной и гранатной стрельбы теснота была великая. С голоду ратные люди ели палых лошадей и мёрли. Пороху и свинцу у них не стало». В таком положении Шереметев продержался ещё 11 дней и 23 октября начал переговоры с поляками. В результате были подписаны следующие условия:

«1) царские войска должны очистить малороссийские города: Киев, Переяслав, Нежин, Чернигов, оставя в них пушки и всякие пушечные запасы, после чего беспрепятственно отступят к Путивлю, взявши с собою имение своё и казну царскую.

2) Войско Шереметева, сдавши оружие, все военные запасы и хоругви, остаётся в обозе три дня, а на четвёртый выступает в города Кодно, Котельню, Паволоч и ближние места.

3) Шереметев с начальными людьми остаётся у гетманов коронных и у султана крымского, пока царские войска не выйдут из Киева, Переяслава, Нежина и Чернигова; им позволяется оставить при себе только сабли и иметь сто топоров в войске для рубки дров; когда упомянутые города будут очищены, то войско, под защиту королевских полков, отпустится к Путивлю, где будет ему возвращено всё ручное оружие; дорогою русских ратных людей не будут ни грабить, ни побивать, ни в плен брать; пищу себе и лошадям вольно им будет покупать.

4) Казаки, оставшиеся в таборе Шереметева по уходе Цецуры, выйдут наперёд из обоза, оружие и знамёна повергнут под ноги гетманов коронных, и Москве нет до них никакого дела.

5) Шереметев с товарищами ручаются, что воевода князь Юрий Никитич Барятинский на все эти статьи согласится, приедет к гетманам и останется в них до очищения Киева, Переяслава, Нежина и Чернигова». Если же он этого не сделает, то уговорные статьи войска Барятинского не касаются.

Шереметев немедленно отправил грамоты Барятинскому, стоявшему под Киевом, и воеводе Чаадаеву, находившемуся в самом Киеве, и просил их согласиться на Чудновский договор.

Князь Барятинский и не подумал капитулировать перед ляхами и написал Шереметеvu: «Я повинуюсь указам царского величества, а не Шереметева; много в Москве Шереметевых!» Получив этот ответ, поляки решили задержать русское войско и воевод, поскольку главное условие — очистка малороссийских городов — не было выполнено.

В качестве награды за ратные труды поляки передали В. Б. Шереметева татарам. Те отвели боярина в Крым, где посадили в

кандалах в ханском дворце. Через три месяца по ходатайству Сефергазыаги кандалы с него сняли и послали в «жидовский город» (видимо, имелся в виду Чуфут-Кале).

Видя, что московские воеводы и не думают сдавать Киев, поляки тайно отправили туда пана Чаплинского поднимать жителей против Москвы. Чаплинского в Киеве схватили и посадили под стражу, но тот сбежал и скрылся в монастыре, где игумен Сафонович сбрил у него усы и бороду, передел монахиной и велел выпустить из города, когда монахини будут выгонять коров.

По наущению поляков Юрий Хмельницкий собрал в городе Корсун ради для утверждения его гетманства. На раду прибыл и представитель польского короля знатный пан Беневский. На сей раз раду устроили не на майдане, как положено, а в большом доме. Там Беневский объявил, что ни одно из царских распоряжений не имеет больше силы, и при всеобщем восторге от имени короля вручил булаву Хмельницкому.

Но к вечеру Беневскому испортили настроение известием, что «чернь» бунтует: почему рада прошла в избе, а не на майдане, как всегда было, и нет ли в том какого злого умысла против Войска. Беневский велел Хмельницкому наутро созвать «чёрную» раду, чтобы тот при всех снова принял булаву. Но гетман не хотел созывать «чернь» и отвечал: «Если пан воевода хочет чёрной рады, да ещё во время ярмарки, то пусть знает, что погубит и себя, и меня, и полковников, и учинит смуту большую».

Поэтому Беневскому пришлось самому собрать ещё одну раду на площади у церкви Святого Спаса. Собралось около 20 тысяч казаков. На раде Беневского поддержал языкастый казак Павло Тетеря. Он в своё время ездил в Москву, где, приветствуя царя Алексея, ставил его выше святого князя Владимира. Теперь же он вещал о страшных замыслах царя против казаков. Якобы он всё это проведаль, будучи в Москве. Оратор произвёл сильное впечатление на слушателей. «Не дай нам, Боже, мыслить о цари, ни о бунтах!» — говорили казаки. Через несколько минут Тетеря был избран войсковым писарем и ему передали войсковую печать. «Пан писарь! — кричали казаки, — будь милостив, учи гетмана уму-разуму, ведь он молоденький ещё! Поручаем его тебе, поручаем тебе жён, детей, имение наше!»

В то время как в Корсуне происходили эти события, в то время как казаки в здешней соборной церкви присягали королю, на другой стороне Днепра, в Переяславе, также в соборной церкви толпился народ. Там дядя Юрия Хмельницкого полковник Яким Самко вместе с казаками, горожанами и духовенством клялся умереть за царя, за церкви божии, за

веру православную, а городов малороссийских врагам не сдавать, против неприятелей стоять и отпор давать.

Запорожье также было за царя. Вскоре после чудновского поражения в Москву прискакал запорожский кошевой атаман Иван Брюховецкий и объявил: «Мир с поляками Хмельницкий заключил по наговору тех, которым от короля дана честь: Носача, Лесницкого, Гуляницкого. У гетмана наперёд была ли о том мысль или нет — не знаю, только гетман шёл в сход к Шереметеву не на то место».

1661 год начался наступлением поляков на Украину. 2 января поляки с казаками Хмельницкого штурмовали Козелец, но были отбиты с большим уроном. 6 января поляки и татары появились под Нежиным, ворвались в посад, но город взять так и не сумели. 10 января поляки опять приступили к Козельцу и опять были отбиты. Верные царю казаки начали наступательные действия и бились с поляками под Остром.

30 января, 2, 4 и 6 февраля поляки и татары снова приходили под Нежин, бились с его жителями, но город так и не взяли.

В начале февраля в Белоруссии под Друей князь Иван Андреевич Хованский разбил польский отряд полковника Лисовского. Замечу, сей пан Лисовский несколько раз переходил с польской службы на царскую.

Но вернёмся на Украину. В Москве боялись, что казаки, воспользовавшись чудновской победой, немедленно перейдут со всеми силами на левый берег Днепра, займут всю Малороссию и двинутся с юго-запада на Москву. А между тем лазутчики доносили, что поляки очистили Левобережную Украину и двинулись на запад, в Польшу. Уж не шведы ли нарушили Оливский мир с поляками, заключённый 3 мая 1660 г.? Или турецкий султан с огромным войском идёт на Подолию? Увы, всё оказалось гораздо проще — польское воинство потребовало жалованье и, не получив его, вышло из повиновения командиров и двинулось обратно в Польшу, чтобы пограбить тамошних хлопов. А почему бы им не пограбить Малороссию? Так она уже и так была основательно разграблена за пятнадцать лет войны, да и казаки не очень-то давали грабить. А вот в Польше казаков не было, и грабить забитых польских хлопов было куда проще.

Однако верные царю малороссийские казаки не воспользовались уходом поляков, а затеяли тяжбу, кому быть гетманом. В апреле 1661 г. у Нежина собралась рада, но выбрать гетмана не смогли. Часть казаков была за Якима Самко, часть — за нежинского полковника Василия Золотаренко. В итоге положили «отдать гетманское избрание на волю царскую, кого государь пожалует в гетманы».

В Москве бояре плохо разбирались в ситуации в Малороссии и не знали, кому отдать гетманскую булаву. Ситуацию сильно усложнил и Юрий Хмельницкий, приславший царю покаянное письмо, где утверждал, что его принудили к союзу с ляхами изменники-полковники, а он, Юрий, по-прежнему желает «быть в подданстве в Вашего царского величества».

Однако с подходом в начале июня 1661 г. польского войска и татар любовь к царю у Юрия Богдановича как-то пропала. 12 июля шеститысячное войско, состоявшее из казаков, поляков и татар, внезапно напало на казаков Якима Самко, стоявших табором в трёх верстах от Переяслава. Битва длилась с полудня до ночи. А на следующий день к Самко подошёл отряд московских ратных людей, что позволило казакам в полном порядке отойти к Переяславу. Хмельницкий осадил Переяслав, но Самко внезапно пошёл на вылазку и поразил неприятеля. Хмельницкий отступил к Каневу.

Кременчугские казаки изменили царю и 23 июня впустили в город две тысячи казаков Хмельницкого, но пятьсот человек московского гарнизона вместе с мещанами засели в малом городе и отбили осаждавших. Узнав об этом, князь Ромодановский немедленно выслал в Кременчуг десяти тысячное московское войско. 1 июля войско уже было под стенами города и атаковало осаждавших. Осаждённые, со своей стороны, пошли на вылазку, в результате казаки Хмельницкого потерпели полное поражение, и Кременчуг был спасён.

В Каневе и Черкасах стояли московские войска. Но вскоре ситуация изменилась. Хмельницкий с татарами под Бужином разбил московский отряд под началом стольника Приклонского и 3 августа прогнал его за Днепр. Хмельницкий доносил королю, что 1 августа под Каневым было истреблено более трёх тысяч царского войска, под Бужином погибло десять тысяч, казаки и татары взяли семь царских пушек, множество знамён, барабанов и других военных трофеев.

Ромодановский приказал отходить, но крымский хан Камиль-Мухаммед Гирей, переправившись со своими татарами через Сулу, нагнал Ромодановского, разбил его, взял 18 пушек и весь лагерь. Сам князь с остатками войска ушёл в Лубны.

Вторая половина 1662 г. и первая половина 1663 г. прошли на Украине бурно, но крайне бестолково. У поляков и русских было мало сил, татары предпочитали заниматься грабежом, а на Левобережье промосковски настроенные полковники устроили между собой настоящую грызню.

Наконец 18 июня 1663 г. близ Нежина состоялась генеральная рада в присутствии специального посланника царя князя Данилы Великого-

Гагина. С. М. Соловьёв описывал эту раду следующим образом: «Не дали ещё Гагину дочитать царского указа о гетманском избрании, как с одной стороны раздались крики: „Брюховецкого!“, а с другой: „Самка!“, но за криками следовала драка: запорожцы Брюховецкого кинулись на приверженцев Самка; бунчук наказного гетмана был сломан, он сам едва мог выдраться из толпы и скрыться в шатёр царского воеводы; несколько человек было убито; победители запорожцы столкнули Гагина с его места и выкрикнули своего кошевого гетманом. Гагин, однако, не дал Брюховецкому утверждения от имени царского: Самко объявил ему, что гетманство Брюховецкого, приобретённое насилием, не есть законное, что ни он, ни Войско не признаёт его гетманом и что необходимо собрать новую раду. Рада была созвана, но Самко не получил от неё никакой выгоды, потому что приверженцы его перешли на сторону Брюховецкого, провозгласили его гетманом и стали грабить возы своей старшины... После этого нового избрания, против которого нельзя было ничего сказать, Гагин дал булаву Брюховецкому. Запорожцы праздновали своё торжество трёхдневным убийством: гибли неприязненные Брюховецкому полковники, и их место заступали запорожцы. Новый гетман отправил в Москву благодарственное посольство и, вместе с Мефодием^[48] по-прежнему твердил об измене Самка и Золотаренко; обвинённые отданы были на войсковой суд по древнему обычаю казацкому: судьями были враги-победители, которые и приговорили побеждённых к смертной казни; приговор был исполнен в Борзне 18 сентября»^[49].

Большой ошибкой царя Алексея стал его приказ выдавать жалованье войску медными деньгами. Купцы и мещане Малой и Белой Руси отказывались их брать. Так, в Киеве за 20 медных рублей давали один серебряный.

Польский же король ухитрился собрать деньги и заплатил золотом войску Жеромского, дислоцированному в Белоруссии. Результаты не заставили себя ждать. К началу 1662 г. русские потеряли Гродно, Могилёв и Вильно.

Разумеется, дело решили не только деньги, но и умение воевод. Так, в мае 1662 г. из города Корбина вышел полковник Статкеевич с отрядом конницы и пятнадцатью хоругвями^[50] старой королевской пехоты. Ему была поставлена задача не допустить подкреплений русским гарнизонам Быхова и Борисова, осаждённым поляками. Узнав, что из Смоленска к Быхову идёт московское войско с казной и запасами, Статкеевич послал своё войско наперехват. В пяти верстах от Чаус, между реками Проней и

Басей, поляки Статкеевича атаковали русских. Но вместо стрельцов или конницы из дворянского ополчения ляхи нарвались на русских солдат «иноземного стоя» под командованием генерал-майора Вильяма Друмонта. В ходе упорного боя все пятнадцать пехотных хоругвей были уничтожены «до единого человека, конницу победители топтали на 15 верстах и взяли в плен 70 человек».

Однако успех этот был частным и не мог переменить ситуации в пользу Москвы. Поляки знали, что пехота из-за скудного жалования, да ещё медными деньгами, начала перебегать из московских полков, что солдаты бегут из самой Москвы и из украинских полков, бегут в степи и в Сибирь.

В 1662 г. царь Алексей попытался заключить перемирие с Польшей. Начались многомесячные переговоры, но единственным результатом их в 1662 г. стал частичный размен пленных.

Замечу, что польские паны устроили самосуд и зверски убили освобождённых русскими гетмана Гонсевского и маршалка Жеромского. Им были предъявлены обвинения, будто они присягнули царю и хотели подвести Польшу под его власть.

Боевые действия во второй половине 1662 г. шли вяло. В осаждённом Борисове кончилось продовольствие, и воевода Хлопов с разрешения царя оставил город. При этом отступление русских прошло в полном порядке. Из Борисова были вывезены все пушки и обоз.

16 декабря 1662 г. королевские войска под начальством полковника Черновского взяли штурмом город Усвят. При этом шляхетский ротмистр Глиновецкий, шляхтич Сестинский и мещанский войт были повешены за то, что не сдали города полякам.

Несколько слов скажу о ситуации в 1663 г. на Украине. Летом 1663 г. князь Ромодановский послал в Сечь 500 драгун и донских казаков под начальством стряпчего Григория Касогова. Между тем кременчугские казаки опять переметнулись на сторону поляков. В город прибыл казачий атаман Правобережной Украины Пётр Дорошенко. Узнав, что в Запорожье пробирается московский отряд, Дорошенко в июле 1663 г. послал «проведать об нем» 200 казаков и сотню татар, которые столкнулись с отрядом Касогова под Кишенкой и были разбиты.

Касогов благополучно добрался до Сечи и, объединившись с запорожцами, двинулся в сентябре за Днестр. И, как сказано в донесении в Москву, «выжгли они ханские сёла, много в них побили армян и волохов и 20 сентября возвратились в Сечь все в целости».

2 октября Касогов и кошевой атаман Иван Серко выступили из Сечи и направились к Перекопу. Крепость («большой каменный город») Перекоп

была взята, но цитадель («малый город») осталась за янычарами. Касогов потерял в этом деле из своего отряда убитыми десять человек.

Пленных, взятых в Перекопе, в Сечь не повели, а порубили на месте, не пощадив ни женщин, ни детей. Как доносил в Москву Касогов, сделали это на том основании, что в Крыму и Перекопе было моровое поветрие. Однако посланцы от запорожских казаков, прибывшие в Москву с тем же известием о победе, говорили: «В Перекопи при нас морового поветрия не было, слышали мы, что было поветрие, но задолго до нашего прихода. Пленных мы всех порубили, будучи между собою в ссоре, а кошевой атаман Иван Серко писал про моровое поветрие к гетману Брюховецкому, думаем, от стыда, что языков к нему послать было некого, потому что войском всех побили».

8 октября 1663 г. король Ян Казимир взял город Белая Церковь, который находился всего в 60 верстах к юго-западу от Киева. Но король пошёл не на Киев, а на запад, и вышел к Днепру у городка Ржищева, где начал переправу через Днепр.

Само королевское войско было невелико: три конных полка общей численностью около полутора тысяч человек и триста человек пехоты. У гетмана Потоцкого было три казацких полка, две роты польских гусар и четыре тысячи пехотинцев; у пана Чарнецкого — 240 гусар, 400 драгун и три казацких полка общей численностью около 2500 человек; у пана Песочинского — 9 рот немецких наёмников и 950 поляков. Кроме того, имелось пять тысяч конных татар. Резервом королевского войска могло стать 14-тысячное литовское войско под началом Сапеги, которое стояло в Досугове.

Чтобы привлечь к себе малороссиян, король выкупил у татар русских пленников и отпустил их по домам. Ратным людям король запретил брать что-либо силой у местных жителей, и даже велел повесить в назидание трёх шляхтичей за грабежи.

Переправившись через Днепр, король двинулся по Левобережной Украине. Тринадцать небольших городков без боя сдались полякам. Однако город Лохвицу пришлось брать штурмом с большими потерями для ляхов. Город Гадяч вообще не удалось взять. От Гадяча Ян Казимир двинулся вдоль старой (1618 г.) русской границы. Он форсировал реку Сейм, но под Глуховым встретился с царскими воеводами и отступил за Десну. Однако под Новгородом-Северским князь Ромодановский и гетман Брюховецкий настигли короля и нанесли ему поражение.

Между тем 6 декабря 1663 г. Косогов и Серко, взяв с собой калмыцкого мурзу Эркет Артукая, вновь отправились под Перекоп. В районе Перекопа

союзники разгромили несколько татарских селений и освободили свыше ста русских и украинских пленников. Против них вышло с тысячу всадников под предводительством перекопского хана Карач-бея, которых союзники вдребезги разбили, а калмыки перекололи всех пленных.

Вскоре казаки захватили важного турка, который сообщил Серко, что польский король постоянно шлёт к крымскому хану посланцев с просьбой послать ему орду на помощь. Хан же отвечает ему, что из-за казаков, калмыков и московских войск орде из Крыма выйти невозможно. В действительности же хан был напуган успехом запорожских казаков под Перекопом и гибелью Карач-бея.

Вернувшийся из татарского плена в Запорожье, князь Василий Борисович Шереметев с рейтаром Иваном Кулагиным подтвердили, что хан действительно так напуган запорожцами, что даже отправил к королю своего посланца с отказом тому в помощи. То же сообщали и другие беглецы и пойманные татары.

В январе 1664 г. Серко двинулся крекам Буг и Днестр, где побил много турок. После взятия турецкого города Тягина Серко повернул на север на украинские города, лежащие на Буге. Как доносил сам Серко царю: «Услыша же о моем, Ивана Серка, приходе, когда я ещё с войском к городу и не подошёл, горожане сами начали сечь и рубить жидов и поляков, а все полки и посполитые, претерпевшие столько бед, неволю и мучения, начали сдаваться. Через нас, Ивана Серка, обращена вновь к вашему царскому величеству вся Малая Россия, города над Бугом и за Бугом, а именно: Брацлавский и Калницкий полки, Могилёв, Рашков, Уманский повет, до самого Днепра и Днестра. Безвинные люди (этих мест) обещались своими душами держаться под крепкою рукою вашего царского пресветлого величества до тех пор, пока души их будут в телах, и врагам креста Господня не поддаваться и не служить»^[51].

Действительно, Серку не сдался только один город — Чигирин, но и тот был осаждён. Успехи Серка вдохновили на мятеж и бывшего гетмана Ивана Выговского. Поляки сделали его сенатором, но тот всё равно считал себя обойдённым. Однако вскоре Выговский был захвачен польским полковником Махоцким и расстрелян.

После разгрома королевских войск у Новгорода-Северского гетман Брюховецкий отправился на Правобережную Украину и сжёг Черкассы, после чего пошёл к Каневу.

Отряд Серко двинулся к Бужину. Там 7 апреля 1664 г. на него напал Стефан Чарнецкий с двухтысячной польской и татарской конницей. После почти двухнедельных боёв поляки и татары были разбиты запорожцами и

русскими из отряда Касогова.

Между тем Брюховецкий с московским воеводой Петром Скуратовым стояли обозом под Каневым. 21 мая на них напали поляки и татары, но были отбиты. В тот же день Брюховецкий и Скуратов вошли в Канев, на следующий день под город явился сам Чарнецкий с хорунжим коронным Собеским, полковником Маховским, Тетерей и татарами. Бой под Каневым продолжался целый день, и только к вечеру неприятель отступил и стал в версте от города. Шесть дней всё было тихо, а 29 мая Чарнецкий, отпустив свои обозы к Ржищеву, двинулся опять под Канев и всеми силами атаковал гетманскую пехоту. Та дрогнула и опрокинулась на московский солдатский полк Юрия Пальта, но солдаты выдержали натиск. В тот же день Чарнецкий отошёл от Канева и встал в десяти верстах на Днепре выше города. 2 июня он пошёл к Корсуню, оставив под Каневым небольшой отряд конницы, чтобы прикрыть его отступление. От Корсуни Чарнецкий пошёл за Белую Церковь к местечку Ставищи, попытался взять его штурмом, но потерпел неудачу, потеряв при этом, как доносили в Москву, три тысячи человек. Чарнецкий сам был ранен и вскоре умер.

Весной 1665 г. военные действия начались удачно для русских: Брюховецкий и Протасьев отправили из Канева любенского полковника Григория Гамалею, который 4 апреля вошёл в Корсунь. Поляки, обороняясь, сожгли город, и Гамалея привёл в Канев всех его жителей с жёнами и детьми.

Преемник Чарнецкого Яблоновский 21 мая под Белой Церковью был разбит высланными из Канева русскими и калмыками.

Гетман Брюховецкий выступил из Канева под Белую Церковь, но, узнав, что татарская орда собирается в Цыбульнике и хочет напасть на русский лагерь, что казачий полковник Опара «отводит города от царской руки», отступил к Каневу, под Мотовиловку. Здешние жители присягнули царю и перебили стоявших у них польских гайдуков. Но слухи о наступлении орды оказались ложными. Орда не приходила, отряды Яблоновского и Тетери ушли в Польшу, польские гарнизоны оставались только в Белой Церкви, Чигирине, Корсуню (в малом городке) и Умани, да ещё Опара с небольшим отрядом стоял под Корсунью. Брюховецкий, расквартировав войска по правобережным городкам, перешёл на левый берег Днепра, остановился в Гадяче и отправил царю гонца и известием, что едет в столицу «видеть его пресветлые очи».

13 сентября 1665 г. гетман со своими спутниками предстал перед государем. Приём был обычный, посольский, все целовали царю руку и были спрошены о здоровье. 15 сентября гости били челом, «чтоб великий

государь пожаловал их, велел малороссийские города со всеми принадлежащими к ним местами принять и с них денежные и всякие доходы собирать в свою государеву казну, и послать в города своих воевод и ратных людей».

Царь велел сказать Брюховецкому, чтобы тот представил свои просьбы в письменном виде; тот подал царю в письме следующее: «1) Для умирения частой шатости и для доказательства верности к государю всякие денежные и неденежные поборы от мещан и поселян погодно в казну государеву собираются; по всем городам малороссийским кабаки будут только на одну горелку, и приходы кабацкие отдаются в государеву казну; туда же идут сборы с мельниц, дань медовая и доходы с купцов чужеземных. 2) Стародавние права и вольности казацкие подтверждаются. 3) После избрания каждый гетман обязан ехать в Москву и здесь от самого царя будет принимать булаву и знамя большое. 4) Киевским митрополитом должен быть святитель русский из Москвы». 5-я статья определяла численность царского войска и в каких городах ему стоять. «6) На войсковую армату (артиллерию) назначаются города Лохвицы и Ромен. 7) Московские ратные люди не должны сбывать по рынкам воровских денег. 8) Не должны называть казаков изменниками».

Статьи эти были приняты царём, кроме одной, 4-й, о митрополите. Царь сказал, что прежде об этом он должен посоветоваться с константинопольским патриархом.

Брюховецкий загостился в Москве до конца декабря 1665 г., а между тем ещё в сентябре стали приходить из Малороссии дурные вести и требования скорейшего возвращения гетмана.

Правобережный гетман Дорошенко в сентябре 1665 г. начал военные действия, напав на браславского полковника Дрозда, верного Москве. Браславцы оказались в окружении и не могли добыть даже воды. Но 22 сентября Дрозд сделал вылазку на неприятельские шанцы, перебил всех находившихся там ратных людей Дорошенко, взял восемь знамён и дал возможность браславцам добыть воду. Овруцкий полковник Демьян Васильевич Децик разбил сторонников Дорошенко между Мотовиловкой и Паволочью. Западные казаки появились на левой стороне, но были перебиты.

В ноябре 1665 г. Дорошенко удалось всё-таки взять Браславль (Брянск). Полковник Децик покинул Мотовиловку и отступил к Каневу, а оттуда поехал в Переяслав к наказному гетману. В войске его начались болезни, часть его казаков перешла на Левобережье, а на западной стороне из верных казаков не осталось никого, кроме тех, которые были в Каневе.

Казаки Дорошенко и поляки заняли Мотовиловку, которая находилась всего в 35 верстах от Киева. Чтобы защитить столицу, киевский воевода князь Никита Львов послал под Мотовиловку рейтарского майора Сипягина. В полночь Сипягин подошёл к городу, велел своим ратным людям перелезть через стену и отбить ворота. Поляки и казаки начали стрелять, но рейтары всех их перебили и выжгли город.

И Москва, и Варшава давно устали от войны. В феврале 1664 г. в ставку короля Яна Казимира под Севском прибыл из Москвы посланник стряпчий Кирилл Пущин с царской грамотой с предложением нового съезда уполномоченных. Литовский канцлер Христофор Пац объявил посланнику, что с королевской стороны комиссары готовы, и что съезду быть в Белёве или в Калуге.

1 июня 1664 г. под Смоленском в селе Дуровичи состоялся первый съезд русских и польских послов. Но, как и следовало ожидать, мирный процесс увяз в бесконечных спорах. Послы разъехались в сентябре 1664 г., договорившись начать новые переговоры не ранее июня 1665 г., после окончания польского сейма.

Между тем в 1664 г. маршалок Юрий Любомирский поссорился с королём и королевой. Сейм приговорил его «к потере достоинства, имущества и жизни». Любомирский бежал в Силезию, но шляхта Великой Польши поднялась на его защиту, и Любомирский в результате стал во главе «рокоша» и начал боевые действия против королевских войск.

В начале марта 1665 г. в Москву к царю прибыл польский полковник с грамотой от Юрия Любомирского. В грамоте были две просьбы: «1) чтоб сыну Любомирскому служить царскому величеству и держать на Украине два города, заступая Московскую землю от татар и поляков; 2) самому Любомирскому помочь деньгами, чтоб ему людну и сильну быть против короля». Любомирский предлагал также царю заключить союз с цесарем, курфюрстом бранденбургским и со Швецией, и не допустить на польский престол принца Конде.

Однако царь Алексей по совету Богдана Нащокина отказал Любомирскому во всём, кроме приезда сына Любомирского в Москву.

На Правобережной Украине гетман Дорошенко 20 февраля 1666 г. предложил старшине выслать всех ляхов из Украины в Польшу и вместе со всеми правобережными городами перейти в подданство крымскому хану, а весной идти с ордой на левобережцев. Тут старшина Серденева полка закричал на Дорошенко: «Ты татарский гетман, татарами поставлен, а не Войском выбран. Мы все поедem к королю». «Хоть сейчас поезжайте к королю, — отвечал Дорошенко, — вы мне не угрожите, я вас не боюсь».

Дорошенко сообщил в Крым и в Константинополь, что Украина теперь в воле султана и хана. И вот из Константинополя пришёл приказ новому крымскому хану Адиль Гирею, сменившему Камиль-Мухаммед Гирея весной 1666 г., чтобы тот с ордой шёл войной на польского короля. В сентябре 1666 г. толпы татар под начальством нурадина Девлет Гирея напали на Украину. Царевич остановился под Крыловым и оттуда разослал загоны за Днепр под Переяслав, Нежин и другие черкасские города и увёл пленных около пяти тысяч.

Захватив эту добычу в Левобережье, Девлет Гирей отошёл на Умань, там два месяца кормил лошадей, потом соединился с казачьим войском и двинулся на короля. Под Межибожьем союзное войско встретилось с отрядами польских полковников Маховского и Красовского, насчитывавшими около двух тысяч гусар, рейтар, шляхты и драгун. Поляки были наголову разбиты, а Маховского в кандалах привезли в Крым.

После этой победы татары и казаки кинулись за добычей под Львов, Люблин и Каменец, «побрали в плен шляхты, жён и детей, подданных их и жидов до 100 000, а по рассказам польских пленников — 40 000. Татары брали пленных, но казаки этим не довольствовались: они вырезывали груди у женщин, били до смерти младенцев»^[52].

Теперь у Дорошенко не было дороги назад, и он отправил двух полковников в Крым уговаривать Адиль Гирея помириться с Москвой.

А между тем 20 апреля 1666 г. в деревне Андрусово Мстиславского уезда, на границе между Россией и Польшей^[53], начались съезды русских и польских уполномоченных. Россию представляли Шацкий наместник окольныйчий Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин, Кадомский наместник Богдан Иванович Ордин-Нащокин и дьяк Григорий Богданов, а Польшу — генеральный Жемайтский староста Юрий Карол Глебович, великий надворный Литовский маршалок Кршиштоф Завиша, референдарий и великий писарь Великого княжества Литовского Киприан Павел Брестовский и подкоморий Кременецкий Стефан Ледоховский.

28 мая (8 июня) 1666 г. в Андрусово было подписано перемирие. Что же касается мирного договора, то по этому поводу у сторон шли жаркие дебаты. Царь Алексей приказал Нащокину пообещать наиболее неуступчивым польским комиссарам по 20 тысяч рублей. Забавно, что взятка самому польскому королю была в два раза меньше — 10 тысяч рублей.

Далее я, дабы избежать обвинений в предвзятости, процитирую С. М. Соловьёва. «Нащокин объявил комиссарам государево жалованье, по

десяти тысяч золотых польских: референдарю Брестовскому объявлено, что сверх товарищей своих получит ещё 10 000 золотых, а если приедет с подтверждением договора в Москву, то будет большая ему государская милость. „Королевскому величеству, — писал Нащокин комиссарам, — мы не можем назначить, но когда будут у него царские послы с мирным подтверждением, то привезут достойные дары, также и канцлеру Пацу прислано будет необидно“. 6 января приехал от комиссаров Иероним Комар и бил челом, чтоб сверх обещанных денег в тайную дачу пожаловал им государь явно соболями, чтобы им можно было хвалиться перед людьми; сам Комар бил челом, чтоб вместо обещанных ему ефимков дали золотыми червонными, потому что червонцы легче скрыть, так что и домашние не узнают; Комар объявил, что как скоро комиссары получают государево жалованье, сейчас же станут писать договорные статьи. Деньги были высланы из Москвы немедленно^[54], и 20 (30) января 1667 г. было подписано перемирие сроком на 13 лет и 6 месяцев. В историю это перемирие вошло как Андрусовский мир.

Согласно условиям мира Польша получала Витебск и Полоцк с уездами, Динабург, Лютин, Резицы, Мариенбург и всю Ливонию, а также всю Правобережную Украину. К России отходили воеводство Смоленское со всеми уездами и городами, повет Стародубский, воеводство Черниговское и вся Украина с путивльской стороны по Днепр. Причём остававшимся там католикам разрешалось беспрепятственно отправлять своё богослужение у себя в домах, а шляхта, мещане, татары и жидаы имели право продать свои имения и уйти на польскую сторону.

Киев с окрестностью в одну милю до 5 апреля 1669 г. оставался у русских, а затем передавался полякам.

Южная граница России и Польши должна была идти по линии от Днепра (у Киева) на восток до южных границ Путивльского округа, то есть по линии Киев — Прилуки — Ромны — Недригайлов — Белополье и до стыка с нынешней границей России.

Левобережье к югу от этой линии и до современного Запорожья было объявлено территорией запорожских казаков. Сами же запорожские казаки должны были находиться «под послушанием обоих государей» и быть готовыми служить против неприятелей «и королевских, и польских». Но оба государя должны были запретить запорожцам, как и вообще всем черкесам, выходить в Чёрное море и нарушать мир с турками.

При подписании Андрусовского мира договорились, что оба монарха будут подписываться короткими титулами. Король будет писаться «польским, шведским, литовским, русским, белорусским и иных», а царь

— «великим государем царём и великим князем и прочих». На царской печати не будет титулов литовского, киевского, волынского и подольского.

Особо была оговорена необходимость подтверждения договора в случае смерти одного из монахов его наследником. Этот пункт был исполнен довольно быстро — 6 (16) сентября 1668 г. король Ян Казимир отрёкся от престола, и сейм 31 мая (9 июня) 1669 г. избрал королём князя Михаила Корибута Вишневецкого, который 28 августа 1672 г. ратифицировал Андрусовский договор. Но царствовать Михаилу пришлось недолго — 30 октября (10 ноября) 1673 г. он умер, и 11 (21) мая 1674 г. сейм избрал королём Яна Собеского-Жолкевского, правившего под именем Яна III.

30 января 1676 г. умер Алексей Михайлович, и на престол вступил царь Фёдор Алексеевич. Оба новых монарха также подписали Андрусовский мир.

Несколько слов стоит сказать и об исполнении Андрусовского мира. На переговорах в Москве 30 марта (9 апреля) 1672 г. русские и польские уполномоченные согласились отложить вывод русских войск из Киева до 1674 г. Потом решение этого вопроса отложилось ещё на десять лет. В ходе встречи в деревне Андрусово 3 (13) марта 1684 г. поляки вновь подняли вопрос о Киеве, но, судя по всему, им опять «дали на лапу», и вопрос опять отложили.

Замечу, что всё это время действовало периодически продляемое перемирие. Русско-польский договор о «вечном мире» был подписан в Москве 26 апреля (6 мая) 1686 г. Россия передала Польше небольшие пограничные территории: районы Невеля, Себежа, Велижа и Посожья. Зато за Россией уже окончательно был закреплён маленький, но очень ценный правобережный анклав — Киев и Печерский монастырь с окружавшей его территорией, ограниченной речушками Ирпенью с севера и Стугной с юга и оканчивающийся на западной окраине окрестностей Киева у местечка Васильково (крайний западный пограничный пункт России до конца XVIII в.).

Южнее устья реки Тясмины и до Запорожья территория по левую сторону Днепра принадлежала фактически и формально Войску Запорожскому, которое, согласно мирному договору, ставилось в вассальную зависимость с этих пор только от России, и в отношении которого с Россией польский король обязался не вмешиваться.

Более того, в отношении Малороссии и Запорожья польский король должен был категорически отказаться от какого-либо упоминания их в своих титулах, а также от употребления их гербов в своём государственном

гербе.

Отдельно был решён вопрос о принадлежности разорённых многолетней войной XVII в. украинских городов на правой стороне Днепра, но прилегающих к его течению, откуда бежало население. Поскольку поляки не захотели уступать их России, то было постановлено, что города Ржищев, Трактемиров, Канев, Мошны, Сокольня, Черкассы, Боровица, Бужин, Воронков, Крылов и Чигирин, а также вся прилегающая к ним территория от местечка Стайки до устья реки Тясмин не будут ни заселяться, ни восстанавливаться, и останутся пустынными до тех пор, пока сейм и король не дадут полномочия на окончательное решение их судьбы, и потому дело об этой территории откладывалось обеими сторонами до лучших и благоприятных времён.

Для закрепления «дружбы и братства» с польским королём Россия обязалась уплатить 146 тысяч рублей двумя взносами: первый сразу же по подписании мирного договора вручался польской делегации послов в размере 100 тысяч, а второй взнос в размере 46 тысяч рублей Россия должна была передать в Смоленске польскому уполномоченному в январе 1687 г., то есть спустя 9 месяцев после подписания договора.

11 (21) декабря 1686 г. во Львове король Ян III ратифицировал «вечный мир». В Москве же его ратифицировали ещё раньше, 18 июня 1686 г., сразу два царя — слишком глупый Иван (1666–1696 гг.) и чересчур умный Пётр (1672–1725 гг.).

Андрусовский мир был благоприятен для Московского государства, и официальные русские и советские историки давали восторженные его оценки. На самом же деле из-за грубой ошибки царя Алексея, ввязавшегося в войну со Швецией, был упущен шанс подлинного воссоединения с Украиной. Фактически царь Алексей вернул России то, что отдал его отец Михаил. Севернее Киева, по Андрусовскому миру, граница пролегла по старой русской границе, существовавшей ещё со времён Ивана III и Василия III. Разница была максимум в 20 вёрст по ширине. Лишь на юге Левобережной Украины были присоединены небольшие куски территории в районах Переяслава, Лубны и Полтавы. Замечу, что район Харькова никогда не был под владычеством Польши и никогда не считался ни Малороссией, ни Украиной. До 1922 г., разумеется, когда большевистское космополитическое правительство Троцкого, Каменева, Зиновьева и К^о решило усилить пролетариат Украины рабочим классом Донбасса и Харькова.

Андрусовский мир вызвал недовольство Москвой у большинства населения Украины. Так, например, возмущённые запорожцы убили в Сечи

царского посла стольника Ефима Лодыжевского и его свиту. Гетман же Дорошенко попытался объединить Левобережную и Правобережную Украину, но был разбит русскими войсками.

Глава 13

Саксонские курфюрсты и русские штыки

После заключения Андрусовского мира официально Россия и Польское государство не воевали до 1918 г. Многочисленные же конфликты русских и поляков в XVIII–XIX вв. можно считать в первом приближении участием России в гражданских войнах и смутах на территориях Речи Посполитой.

В ходе Северной войны 1700–1725 гг. русские войска почти постоянно находились на землях Речи Посполитой. Однако они пришли туда не как противники, а как союзники польского короля Августа II.

В 1696 г. умер польский король Ян III Собеский. Сразу же объявилось несколько кандидатов на вакантный престол. Среди них были Яков Собеский (сын покойного короля), пфальцграф Карл, герцог Лютарингский и манграф Баденский Людовик.

Однако основными кандидатами стали двое: саксонский курфюрст Фридрих Август I (Альбертинская линия династии Веттинов) и французский принц Людовик Конти (двоюродный брат французского короля Людовика XIV).

Большинство польских панов предпочитали принца Конти, к тому же он был католик, а Фридрих Август — протестант. Но усиление французской власти в Речи Посполитой оказалось невыгодно австрийскому императору, русскому царю и римскому папе.

Пётр I, находившийся в составе «русского великого посольства» в Кёнигсберге, отправил радным панам грамоту, где утверждал, что до сих пор он не вмешивался в выборы, но теперь объявляет, что если французская фракция возьмёт верх, то не только союз на общего неприятеля, но и вечный мир «зело крепко будет повреждён».

17 июня 1697 г. в Польше две враждебные группировки устроили параллельно два сейма; один избрал королём принца Людовика, а другой — саксонского курфюрста.

Петру I «петуховский»^[55] король явно не понравился, и он послал в Польшу «избирателей» — князя Ромодановского с сильным войском. Одновременно в Польшу с запада вошло саксонское войско. Франция была далеко, и на польском престоле утвердился 27-летний Фридрих Август. Он хорошо помнил фразу великого французского короля Анри IV — «Париж

стоит мессы», и немедленно перешёл в католичество. Замечу, что конституция Речи Посполитой обязывала короля быть католиком. При этом жена его могла не принимать католичество, но тогда она не могла короноваться вместе с мужем.

Между прочим, Фридрих Август был удивительно похож на Анри IV. Фридрих Август родился 22 мая 1870 г., он был вторым сыном саксонского курфюрста Иоанна Георга III из Албертинской ветви династии Веттинов. Основоположниками династии были Фридрих II (1412–1464) и Маргарита Габсбург (1416–1486).

К Августу вполне подходит французская песенка про Анри IV: «... войну любил он страшно и дрался как петух, и в схватке рукопашной один он стоил двух...» В 1686 г., то есть в 16 лет, Август отличился, осаждая вместе с датчанами Гамбург. Под началом отца, а затем курфюрста баварского воевал на Рейне с французами в 1689–1691 гг. Затем воевал с турками, командуя армией римского (австрийского) императора Леопольда. Что делать, в те годы было много командующих армиями, не достигших 25-летнего возраста.

Фридрих Август был высок, красив и физически силен. Он легко гнул подковы и серебряные кубки, поднимал 450-фунтовое (184-килограммовое) чугунное ядро. «Ещё любил он женщин, имел среди них успех, победами увенчан, он жил счастливей всех». Современники насчитали у Фридриха Августа 700 любовниц и 354 внебрачных ребёнка.

В 1694 г., после смерти своего старшего брата Иоганна Георга IV, наш герой становится курфюрстом Саксонии Фридрихом Августом I, а на польский престол он вступает под именем Августа II. В историю же он вошёл как Август Сильный.

Воинственный и честолюбивый Август II решил вернуть Речи Посполитой захваченную шведами Лифляндию, а при удачном стечении обстоятельств — и Эстляндию. В 1698 г. к Августу приехал лидер оппозиционного шведам лифляндского дворянства Рейнгольд фон Паткуль и предложил план организации союза для борьбы со Швецией. Он писал: «Легче и выгодней склонить к тому два кабинета — московский и датский, равно готовые исторгнуть у Швеции силою оружия то, что она отняла у них при прежних благоприятных обстоятельствах и чем до сих пор незаконно владеет».

В своих мемориалах Паткуль отводил России роль пушечного мяса и заранее предполагал ограничить её территориальные приобретения.

«Надобно опасаться, — писал Паткуль, — чтоб этот могущественный союзник не выхватил у нас из-под носа жаркое, которое мы воткнём на

вертел; надобно ему доказать историей и географией, что он должен ограничиться одной Ингерманландией и Карелией. Надобно договориться с царём, чтоб он не шёл дальше Наровы и Пейпуса; если он захватит Нарву, то ему легко будет потом овладеть Эстляндией и Лифляндией».

Август II в конце июля 1699 г. поручил польскому Тайному совету рассмотреть предложения Паткуля и выработать конкретные меры по их реализации. Совет постановил отправить в Москву генерал-майора Карловича для заключения наступательного союза против Швеции, с тем чтобы царь в конце 1699 г. вторгся в Ижорскую землю и Карелию. Вместе с Карловичем Тайный совет решил отправить в Москву сведущего в военном деле лифляндца. Таковым, разумеется, оказался Паткуль, поехавший в Россию под именем Киндлера.

Молодого русского царя особенно уговаривать не пришлось. Пётр лишь решил ждать заключения мира с Турцией. 8 августа 1700 г. в Москве было получено известие о том, что русский посол Е. И. Украинцев подписал в Константинополе перемирие сроком на 30 лет. На следующий же день, 9 августа, Россия объявила войну Швеции.

Первым же двадцатидесятилетней Северной войной начал Август II. В феврале 1700 г. семитысячная польско-саксонская армия вошла в Лифляндию и с ходу овладела крепостью Динамюнде^[56]. Однако с ходу взять Ригу саксонцам не удалось, и пришлось перейти к правильной осаде.

История Северной войны выходит за рамки нашего повествования. Тех же, кто интересуется действиями русских войск в Польше в этот период, я отсылаю к книге этой серии «Швеция». Здесь же я отмечу лишь ряд эпизодов этой войны.

После поражения русских войск под Нарвой шведский король Карл XII овладел всей Курляндией и Северной Польшей. 14 мая 1702 г. Карл XII вошёл в Варшаву, а король Август II бежал в Краков. Глава (примас) Польской католической церкви Михаил Радзеевский обратился к Августу с предложением о посредничестве в поисках мира. Август разрешил примасу отправиться в Варшаву. Аудиенция примаса у Карла XII длилась всего 15 минут. В заключение её король громко произнёс: «Я не заключаю мира с поляками, пока они не выберут другого короля!»

В декабре 1703 г. Карл XII обратился с письмом к польскому сейму, в котором предлагал возвести на польский престол принца Якова Собеского и обещал поддержать его всеми силами.

В январе 1704 г. примас Радзеевский созвал сейм в Варшаве под предлогом заключения мира со шведским королём, который объявил, что хочет договориться только с республикой, а не с польским королём

Августом. Этот предлог нужен был для того, чтобы сейм происходил в отсутствие короля. Уполномоченным от Карла XII на сейме был генерал Горн, а отряд шведского войска разместился около здания, где происходил сейм.

2 февраля Горн передал сейму письменное объявление, что король его не может войти ни в какие переговоры с республикой, пока она не будет свободна, то есть чтобы переговоры и решения настоящего сейма не могли ни от кого зависеть, а для этого необходимо, чтобы король Август II был свергнут с престола.

Шведы представили сейму несколько перехваченных писем Августа, где говорилось о скандальности, вероломстве и пьянстве поляков. Раздражение панов ещё более усилилось, когда они узнали, что Август арестовал Якова Собеского и его брата Константина. Братья охотились в Силезии, где на них внезапно напали тридцать саксонских драгун. Братья были отведены в Кенигсштейн и заключены под стражу.

В итоге Варшавский сейм объявил, что «Август, саксонский курфюрст, не способен носить польскую корону». Польский престол был единогласно признан свободным.

Когда Карлу доложили об аресте Якова Собеского, он бодро заявил: «Ничего, мы состряпаем другого короля полякам». Он предложил корону младшему из Собеских — Александру, но тот проявил благоразумие и отказался. Тогда Карл предложил корону познаньскому воеводе Станиславу Лещинскому. Тот был молод, приятной наружности, честен, отлично образован, но у него не хватало главного, чтобы быть королём в такое бурное время — силы характера и выдержки. Выбор человека, не отличавшегося ни блестящими способностями, ни знатностью происхождения, ни богатством, разумеется, был принципиальной ошибкой Карла XII.

Когда паны узнали о выборе короля, поднялся страшный ропот, поскольку десятки фамилий считали себя выше Лещинского. Примас Радзеевский обратился к королю с предложением снять кандидатуру Лещинского и заменить кем-либо из родственников коронного гетмана Любомирского. «Но что вы можете возразить против Станислава Лещинского?» — спросил король. «Ваше величество, он слишком молод», — опрометчиво ответил примас. Карл сухо заметил: «Он приблизительно одного со мной возраста». И, повернувшись к примасу спиной, король тотчас послал графа Горна объявить сейму, что в течение пяти дней следует выбрать Станислава Лещинского польским королём.

7 июля 1704 г. Горн прибыл в Варшаву и назначил выборы на 12 июля.

В воспитательных целях шведы жгли без пощады имения магнатов, стоявших за Августа II. Тем не менее на избирательный сейм не явилось ни одного воеводы, кроме Лещинского. Из епископов был только один познаньский, из важных чиновников — один Сапега^[57].

12 июля, в субботу, в три часа пополудни, состоялось избрание. Вместо примаса председательствовал епископ познаньский. На заседании открыто присутствовали Горн и два шведских генерала как чрезвычайные послы Карла XII при Речи Посполитой. Рядом с местом, где проходил сейм, выстроилось 300 шведских конных драгун и 500 пехотинцев. Сам Карл с войском находился в пяти верстах от Варшавы.

На сейме паны горлопанили шесть часов, пока не был избран король Станислав. На следующий день Карл выделил для личной охраны короля Стася шведский отряд.

4 октября 1705 г. в Варшаве состоялась коронация Станислава Лещинского. Архиепископ Львовский торжественно надел корону польских королей на ставленника Карла XII. Сам же шведский король наблюдал церемонию инкогнито.

1 сентября 1706 г. шведы вступили в Саксонию и заняли её без сопротивления в течение пары недель. Август II был вынужден подписать 20 октября 1706 г. в городе Альтранштадте мир с Карлом XII. Первая статья договора гласила: «Король Август навсегда отказывается от польской короны: он признаёт Станислава Лещинского законным королём и обещает никогда не думать о возвращении на престол, даже после смерти Станислава».

Лишь после полтавской виктории Август II решил вновь начать войну со шведами и двинул из Саксонии в Польшу четырнадцатитысячное войско. 26 сентября 1709 г. в Торунь царь Пётр встретился с Августом II. Переговоры завершились 9 октября подписанием договора, провозгласившего восстановление русско-саксонского оборонительного и наступательного союза. Станислав Лещинский бежал в Померанию вместе со шведским генералом Крассау. Королём Польши был провозглашён Август II.

В 1719 г. Август II прекратил войну со шведами. С этого времени он постоянно жил в Дрездене, навещая Варшаву лишь на время сеймов. Лещинскому же пришлось бежать в Париж. Там беглому королю Стасю в 1725 г. удалось выдать свою дочь Марию за 15-летнего французского короля Людовика XV. Этот брак был дважды оскорбительным для России. Во-первых, французы взяли в невесты дочь давнего врага России. Во-вторых, Пётр I давно хлопотал о браке Людовика со своей дочерью

Елизаветой, которая была ровесницей королю. Получив отказ, Пётр предложил Елизавету герцогу Шартрскому, намекнув, что в перспективе их сын может стать королём Польши. Но и тут русская дипломатия потерпела фиаско. Мало того, французы оскорбительно намекнули на «сомнительное происхождение» матери невесты.

В январе 1733 г. король Август II приехал на сейм в Варшаву, где и скончался 1 (11) февраля. По смерти короля первым лицом в Речи Посполитой становился примас архиепископ Гнезненский Фёдор Потоцкий, сторонник бывшего короля Станислава Лещинского. Примас распустил сейм, распустил гвардию покойного короля и велел 1200 саксонцам, находившимся на службе при дворе Августа, немедленно выехать из Польши.

Франция уже давно плела интриги, чтобы вновь возвести на престол Станислава Лещинского, и немедленно отправила в Варшаву миллион ливров золотом.

Покойный король Август II и власти Саксонии надеялись, что польская корона перейдёт к его сыну Августу, который после смерти отца стал новым саксонским курфюрстом. Август (сын) был женат на племяннице австрийского императора Карла VI. Но прусский король Фридрих Вильгельм был категорически против. Тогда австрийский император предложил компромиссную фигуру португальского инфанта дона Эммануила. По сему поводу из Вены на подкуп радных панов было отправлено сто тысяч золотых.

В то время как в Варшаве шла эта бойкая торговля, из Петербурга к примасу была отправлена грозная грамота, в которой императрица Анна Иоанновна требовала исключения Станислава Лещинского из числа кандидатов на польский престол: «Понеже вам и всем чинам Речи Посполитой давно известно, что ни мы, ни другие соседние державы избрание оного Станислава или другого такого кандидата, который бы в той же депенденции и интересах быть имел, в который оный Станислав находится, по верному нашему доброжелательству к Речи Посполитой и к содержанию оной покоя и благополучия и к собственному в том имеющемуся натуральному великому интересу никогда допустить не можем и было бы к чувствительному нашему прискорбию, ежели бы мы для препятствования такого намерения противу воли своей иногда принуждены были иные действительные способы и меры предвоспринять».

14 августа 1733 г. русский посланник обер-шталмейстер Лёвенвольде заключил в Варшаве с саксонскими комиссарами следующий договор: «императрица и курфюрст заключают на 18 лет оборонительный союз,

гарантируя друг другу все их европейские владения и выставя вспомогательное войско: Россия — 2000 кавалерии и 4000 пехоты, а Саксония — 1000 пехоты и 2000 кавалерии; курфюрст признаёт за русской государыней императорский титул, а по достижении польской короны будет стараться, чтоб и Речь Посполитая сделал то же самое; обе стороны пригласят к союзу Пруссию, Англию и Данию; по вступлении на польский престол курфюрст употребит всевозможное старание, чтоб Речь Посполитая удовлетворила всем требованиям России, основанным на договоре вечного мира (относительно земель приднепровских и прав православного народонаселения), чтоб отказалась от притязаний на Лифляндию».

25 августа 1733 г. в Варшаве начался избирательный съезд. На подкуп «избирателей» Людовик XV отправил 3 миллиона ливров. Большинство панов было за Станислава Лещинского, но оппозиция тоже была достаточно сильна. 9 сентября в Варшаву тайно приехал сам Станислав Лещинский. Он проехал через германские государства под видом купеческого приказчика и остановился инкогнито в доме французского посла. К вечеру 11 сентября подавляющее большинство панов на сейме высказалось за Лещинского, а несогласные переехали на другой берег Вислы в предместье Прагу.

Колоритная деталь — помимо денег Людовик XV отправил к польским берегам французскую эскадру в составе девяти кораблей^[58], трёх фрегатов и корвета под командованием графа Сезара Антуана де ля Люзерна. Официально считалось, что эскадра будет конвоировать корабль «Le Fleuron», на котором в Польшу прибудет Станислав Лещинский. Однако в ночь с 27 на 28 августа 1733 г. в Бресте на борт «Le Fleuron» поднялся граф де Трианж в костюме короля Стася, а сам король, как мы уже знаем, отправился сушей инкогнито.

В плохую погоду суда эскадры разделились, но в сентябре они постепенно собрались в Копенгагене. Узнав о том, что Станислав избран королём в Варшаве, Людовик XV приказал Ля Люзерену возвращаться назад, а де Трианжу кончать маскарад. 22 октября французская эскадра подняла якоря и отправилась из Копенгагена в Брест.

Увы, французский король слишком плохо знал и поляков, и русских. Судьба польского короля была решена не в Варшаве 11 сентября, а в Петербурге 22 февраля 1733 г. на секретном совещании, собранном по приказу императрицы Анны Иоанновны.

Совещание приняло решение об интервенции в Польшу, то есть о введении туда «ограниченного контингента» войск в составе 18 полков

пехоты и 10 полков кавалерии. К этому регулярному корпусу предполагалось отрядить нерегулярные войска: «донских казаков — 2000, украинских гусар — сколько есть, слободских полков — 1000, из Малороссии — 10 тысяч, чугуевских калмыков — 150 и волжских калмыков тысячи три».

30 июня 1733 г. императрица отдала приказ лифляндскому губернатору генерал-аншефу П. П. Ласси^[59] отправиться к полкам Рижского корпуса, дислоцированным на польской границе, и готовиться к походу. Такое же повеление было отправлено и генерал-поручику Загряжскому, командовавшему Смоленским корпусом. Оба корпуса, Рижский и Смоленский, должны были соединиться и идти к Гродно под общим командованием Ласси, которому было предписано по дороге не грабить местное население, а покупать всё необходимое за настоящую цену «и платить деньги без удержания». Для этого всем штаб-, обер- и унтер-офицерам было выплачено полуторное жалованье, а рядовым — из расчёта по три копейки на день.

31 июля Ласси перешёл русскую границу в Лифляндии и через Курляндию двинулся в Литву. Оттуда Ласси доносил, что в Литве всё тихо, нет никаких войсковых собраний или других съездов, гусарские и панцирные хоругви стоят по квартирам, но не укомплектованы, знатного шляхетства в своих домах нет, говорят, что все уехали в Варшаву. Некоторые паны приезжали к Ласси и высказывали поддержку действиям русской императрицы.

Полная индифферентность населения к вторжению иноземных войск, возможно, вызывает удивление у современного читателя, однако польские паны давным-давно привыкли призывать иноземные войска для решения своих внутренних распрей, да и передвижение армий других государств по территории Польши было тогда скорее нормой, чем исключением. Не будем забывать, что почти двадцать лет в ходе Северной войны шведы, русские и немцы (саксонцы) постоянно находились в Польше.

Между тем оппоненты Лещинского покинули Варшаву и образовали конфедерацию против нового короля. 27 августа 1733 г. Ласси занял Гродно, а 13 сентября у местечка Нура к нему прибыли представители конфедератов. Они поздравили генерал-аншефа со счастливым прибытием в Польшу, «всенижайше поблагодарили императрицу за высокую милость и защиту и просили не оставить их при нынешних их крайних нуждах».

В ночь на 20 сентября Ласси прибыл со своим Рижским корпусом в предместье Варшавы Прагу, а наутро на берегу Вислы, напротив самой Варшавы, устроил пятипушечную батарею. Польская конница и пехота

занимали противоположный берег и остров на Висле между Варшавой и Прагой.

Между обоими войсками началась перестрелка. Однако русские вскоре прекратили огонь, поскольку их ядра не доставали до другого берега.

У поляков пушки имели лучшую баллистику, но огонь их был неэффективен — за несколько часов русские потеряли только двоих убитыми и пятерых ранеными.

22 сентября поляки продолжали обстрел Праги, но Ласси приказал своим войскам выйти из зоны поражения, благодаря чему русские потерь не имели. К тому времени в Прагу съехалось несколько десятков панов — противников Станислава Лещинского. 22 сентября они составили новую конфедерацию, маршалом которой был избран Понинский. В тот же день король Станислав в сопровождении нескольких знатных панов, а также французского и шведского послов, выехал из Варшавы в Данциг.

24 сентября, в пятом часу пополудни, в полумиле от Праги в урочище Грохове пятнадцать сенаторов и около шестисот шляхтичей и их челяди выбрали в короли Фридриха-Августа, курфюрста саксонского, сына покойного короля Августа II. Новый король стал именоваться Августом III.

Сразу по прибытии в Прагу Ласси приказал собрать лодки для переправы на другой берег Вислы. Однако все лодки в этом районе были либо угнаны поляками на левый берег, либо изрублены. Поэтому 26 сентября Ласси оставил у Праги генерал-майора Любераса с несколькими полками, а сам с двумя драгунскими и четырьмя пехотными полками отправился вниз по Висле и в трёх милях, у деревни Сухотино, начал переправу на другой берег. Польские отряды отступили без малейшего сопротивления, а 28 сентября Люберас дал знать Ласси, что отступило и неприятельское войско около Варшавы.

Вскоре Ласси получил известие от русского посла в Варшаве Лёвенвольде, что польские войска покинули Варшаву и отступают к Кракову.

После этого Ласси разделил своё войско на две части, одну поставил в Скерневичах, другую — в Ловиче (оба места в десяти верстах от Варшавы). В Варшаве он оставил четыре пехотных полка, один драгунский и несколько иррегулярных. Кроме того, отряд из одного драгунского и трёх пехотных полков был поставлен в Плоцке под начальством генерал-майора Густава Бирона.

В районе Варшавы Ласси решил дожидаться вступления в Польшу саксонских войск с королём Августом III. Собственно, после занятия Варшавы Ласси фактически перестал командовать войском. Всем стал

распоряжаться граф Лёвенвольде — человек очень импульсивный и глупый.

К концу 1733 г. в разных частях Польши паны организовали конфедерацию сторонников короля Станислава. Среди них были сандомирская конфедерация, составленная в Опатовне люблинским воеводой Тарло; волынская конфедерация, составленная в Луцке белзским воеводой Михаилом Потоцким, подольская конфедерация, составленная в Каменце Стадницким, киевская конфедерация в Житомире, составленная Вороничем. Поляки думали найти сочувствие в русских, недовольных немецким засильем в Петербурге, и поэтому в манифесте сандомирской конфедерации говорилось: «Яснее солнца для каждого, который исследует причины вещей и откуда встала буря на нашу вольность, что не русская монархия сама по себе была виновницею настоящей революции в Польше и в Европе, ибо эта революция в основании противна интересам России, которая сама находится под гнётом немецкой власти, стремящейся ко всемирной империи и ненавидящей нашу вольность, как соль в глазу. Видя, что насилие, учинённое нашему королевству московскими войсками, сделано не по совету доблестных вельмож, правдивых наследников российского имени, обязали мы нашего маршала объявить войскам российским и чинам панств московских, что с ними враждовать не желали бы».

Король Станислав был тёртым калачом и прекрасно понимал, что отряды конфедератов не способны противостоять русской армии, поэтому все свои планы он строил на помощи Франции. Простейшим решением проблемы он считал вторжение французских войск в Саксонию. Он хотел, чтобы его зять сделал с Августом III то, что сделал Карл XII с Августом II. Как мы помним, Август II куда больше дорожил саксонской короной, чем польской. Он был готов десятилетиями воевать со шведами на польской земле, но сразу же после вторжения Карла XII оказался от польской короны в пользу Станислава Лещинского. Станислав прямо писал своей дочери Марии: «Если король Людовик XV не овладеет Саксонией, то буду принуждён покинуть Польшу и возвратиться во Францию». Но если для утверждения Лещинского в Польше французам было необходимо напасть на Августа в Саксонии, то для утверждения Августа в Польше русским необходимо было выгнать Станислава из Данцига, куда к нему на помощь запросто могли прийти морем французы, а возможно, и другие союзники.

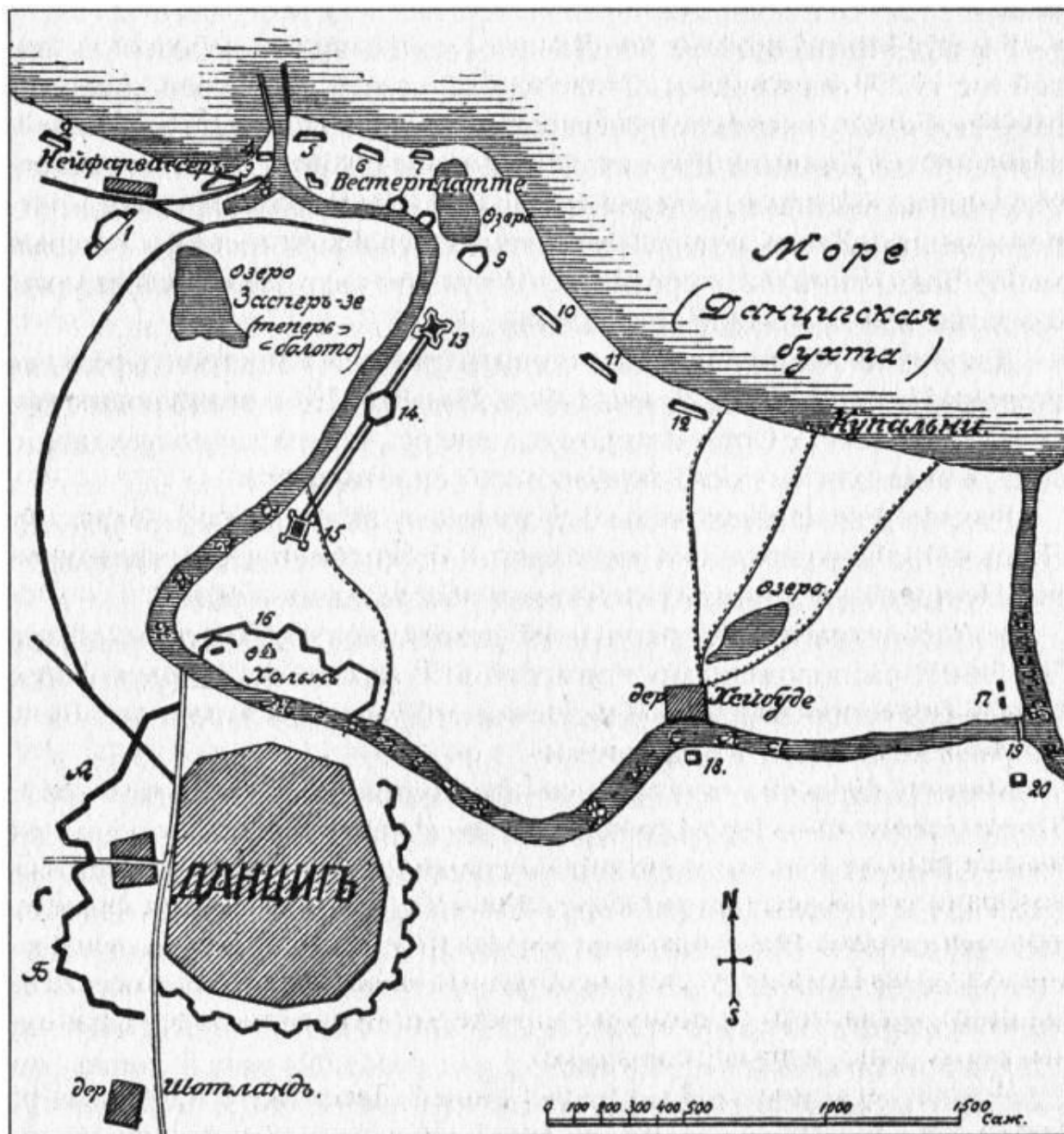
Поэтому в конце 1733 г. генерал-аншеф Ласси получил приказ из Петербурга двинуться на Данциг. Хоть в Польше в это время и находилось пятьдесят тысяч русских солдат, большая часть их была необходима здесь

для сдерживания конфедератов. Поэтому Ласси смог взять с собой к Данцигу не более двенадцати тысяч человек. 16 января 1734 г. Ласси занял Торн, жители которого присягнули Августу III и приняли русский гарнизон.

11 февраля 1734 г. войска Ласси подошли к Данцигу и заняли окрестные деревни. Генерал-аншеф остановился в местечке Пруст в полумиле от Данцига. Он отправил в город трубача пригласить сенат отступить от короля Станислава и его приверженцев и покориться законному королю Августу III, впустив русский гарнизон. В случае же отказа ожидать «дурных последствий». Однако горожане отказались впустить русских в Данциг.

К началу осады гарнизон Данцига состоял из 8 тысяч «данцигских» войск, 4 тысяч поляков, прибывших с Лещинским, и 8 тысяч вооружённых горожан. Некоторые дореволюционные русские историки прибавляют к этим силам ещё 20 тысяч крестьянских жителей, укрывшихся в городе, но если следовать такой логике, то надо приплюсовать сюда ещё и женщин и детей Данцига. Комендантом города был генерал Фитингоф. В городе находилось несколько французских инженеров и около ста шведских офицеров.

Укрепления Данцига к 1734 г.

Взятие Данцига в Петербурге считали важнейшей целью кампании и, не очень доверяя способностям Ласси, отправили туда лучшего полководца империи графа Бурхарда Христофора Миниха^[60]. Другой причиной удаления Миниха из Петербурга стали интриги его политических противников Бирона и Остермана.

Миних отправился под Данциг под именем артиллерийского полковника Беренса, но инкогнито долго не могло сохраняться: в Мемеле за

несколько дней до его приезда уже знали, что едет Миних, а не Беренс.

5 марта Миних приехал под Данциг с канцелярией, небольшой свитой и с 13 300 червонцами. Сразу же был созван войсковой совет, где Миних объявил повеление императрицы немедленно начать боевые действия против Данцига. Для начала Миних предложил овладеть господствующими высотами. Генерал-майор Бернс поддержал Миниха, но генерал-аншеф Ласси, генерал-лейтенант князь Барятинский и генерал-майор Волынский были против и считали, что надо оставаться на месте и ждать подхода осадной артиллерии.

Для начала Миних приказал строить траншеи и построить редут со стороны Циганкенберга. В ночь с 19 на 20 марта 1734 г. осаждающие атаковали укрепление Ору, в котором находилось четыреста человек гарнизона, и овладели им после двухчасового сопротивления.

Русские войска имели только полковые пушки калибра 3–6 фунтов. Лишь в Оре было захвачено двенадцать 8-фунтовых пушек и две мортиры. По приказу Миниха из них начали обстреливать город.

Миних направил 500 драгун и 400 пехотинцев к небольшому городу Эльбингу, расположенному примерно в 50 верстах от Данцига. Город сдался без сопротивления, а найденные там орудия и припасы были отправлены в лагерь под Данцигом.

Миничу донесли, что корпус конфедератов под начальством графа Тарло и каштеляна Черского перешёл Вислу и направляется на помощь городу. Миних сразу же направил ему навстречу генерал-поручика Загряжского и генерал-майора Карла Бирона с двумя тысячами драгун и тысячей казаков. Отряд этот под городом Швецом встретил корпус Черского, состоявший из 33 рот (около трёх тысяч человек конной польской шляхты и до двух тысяч пехотинцев регулярного войска), который занял позицию за рекой Бредой, предварительно разрушив мост. Генерал Загряжский прежде всего послал людей восстановить мост и двести драгун для их защиты. Поляки первыми открыли огонь, русские ответили им выстрелами из полевых пушек, и это так напугало ляхов, что они начали отступать. Как только мост был восстановлен, русские войска перешли через него и стали преследовать отступавших.

Через несколько дней пришло известие, что граф Тарло приближается со 130 ротами поляков, двумя пехотными полками и остатками разбитого корпуса, всего около 10 тысяч человек. Корпус этот должен был напасть на генерала Загряжского, пробиться к Данцигу и заставить снять осаду. Тогда 17 апреля Миних отрядил Ласси с 1500 драгунами в помощь Загряжскому, поручив ему прогнать неприятеля из окрестностей. Ласси сделал

усиленный переход, в тот же день соединился с Загряжским и принял командование над всем войском. 18 и 19 апреля корпус был в походе, а 20 апреля наконец нагнал неприятеля вблизи деревни Вичезины, находившейся у моря недалеко от границы Померании.

Первыми поляков атаковали казаки, но были отбиты. За ними двинулись драгуны, при этом два драгунских полка пошли в атаку в пешем строю. Увидев русских, польская кавалерия бросилась наутёк, а за ней последовала и пехота.

В начале апреля 1734 г. из Саксонии через недружественную Пруссию удалось провести в Данциг четыре 1-пудовые мортиры. При этом мортиры везли отдельно со станками, спрятав под всяким барахлом на больших телегах. Официально обоз считался собственностью герцога Вейсенфельского.

30 апреля была начата уже серьёзная бомбардировка Данцига, вызвавшая ряд пожаров в городе. Однако с боеприпасами у русских были проблемы. По приказу Миниха наши солдаты начали сбор польских ядер и мортирных бомб (за каждое ядро или бомбу солдат получал 3 копейки). По непонятным причинам (единственное разумное объяснение — ляхи были сильно пьяны) бомбы противника не разрывались, а когда русские начали вынимать из них порох, то он оказался отменного качества. Кроме того, Миних приказал всем солдатам, находившимся в траншеях, ежедневно дополнительно выдавать «по чарке водки и по алтыну денег».

В ночь с 26 на 28 апреля русские войска овладели фортом Замерманд. Офицер и 70 солдат, оборонявших форт, успели отступить.

Миних понимал, что у него недостаточно сил для штурма Данцига, и приказал генерал-майору Луберасу, командовавшему русскими войсками в районе Варшавы, отправить полки к Данцигу, оставив в Варшаве 400 человек. Как писал приближённый Миниха Кристофер Манштейн: «Но Луберас находил, что квартиры в Варшаве лучше, чем под Данцигом, и под каким-то предлогом отказался идти. Миних послал ему вторичное приказание, которого Луберас также не послушался, как и первого. Тогда Миних приказал его арестовать, передав начальство старшему из офицеров; войска были посажены на суда, на которых по реке Висле и прибыли в лагерь под Данцигом. Тем не менее Луберас благодаря поддержке обер-шталмейстера графа Лёвенвольде предоставил двору свои извинения и был освобождён. Лёвенвольде не было бы неприятно, если бы Миних не успел в своих предприятиях»^[61].

На самом же деле Луберас был абсолютно прав, и обстановка в Варшаве была более чем тревожная.

27 апреля в ходе объезда укреплений Данцига Миних обратил внимание на слабость первой линии укреплений города в западном предместье Гагельсберг, примыкающем к Висле. Поэтому Миних решил немедленно атаковать поляков в этом месте. Для штурма был назначен трёхтысячный отряд под начальством генералов князей Барятинского и Бирона и пятитысячный отряд в резерв. Для отвлечения сил и внимания противника в то же время произвели три демонстрации: на фронте, примыкающем к Висле, напротив Бишофсберга, и напротив правой стороны Гагельсберга.

28 апреля, около полуночи, войска пошли на приступ, спустились в ров, взобрались на вал и взяли семиорудийную батарею противника. Но дальше штурмовые колонны, потеряв убитыми или ранеными начальников и почти всех офицеров, остановились и в течение более двух часов находились под сильным огнём крепостной артиллерии.

Штурм не удался, и прибывший генерал Ласси приказал отступить в траншеи. Потери составили 120 офицеров и около двух тысяч солдат.

Однако людские потери в лагере осаждающих были быстро восполнены. С 3 по 9 мая к Миниху прибыли на речных судах русские полки из-под Варшавы. А 13 мая наконец объявились и саксонцы в составе восьми батальонов пехоты и 22 эскадронов конницы. Командовал саксонцами герцог Вейсенфельский. Замечу, что места в осадных траншеях саксонская пехота заняла лишь в ночь с 17 на 18 мая. После прибытия саксонцев численность осаждающих дошла до 16 337 человек.

Людовик XV, узнав о вводе русских войск в Польшу, решил помочь полякам и велел послать туда Перигорский полк, а немножко подумав, добавил ещё два. В апреле 1734 г. к Данцигу отправились 5 военных кораблей^[62] под командованием адмирала Барайя (Barailh).

11 мая обе стороны согласились на двухдневное перемирие. А 12 мая к Данцигу подошла французская эскадра. Французы высадили на Вестерплатте три пехотных полка — Блезуа, Перигорский и Ламарш — под командованием бригадира Ламмот де Лаперуза, всего 2400 человек. Русские не противодействовали десанту. Говорят, что Миних, узнав о высадке французов, изрёк: «Благодарю Бога. Россия нуждается в руках для извлечения руд».

Французы расположились лагерем в устье Вислы на острове Лаплатта (Плат). 16 мая французы атаковали русские укрепления на правом берегу Вислы. Вот как описывает этот бой Кристоф Манштейн: «Расположившись вдоль берега между каналом и морем, французские войска вышли из лагеря и тремя колоннами двинулись прямо на русские позиции. Они подавали

сигналы городу, приглашая осаждённых вылазкой помочь им в предприятии. Действительно, из города вышел большой отряд пехоты и направился с необычайной отважностью к левому крылу русских, пока французы атаковывали их с другой стороны. Перейдя через засеки, прикрывавшие позиции, французы подошли к нему на расстояние 15 шагов, прежде чем русские сделали один выстрел, но потом, открыв огонь как раз кстати, продолжали его с большой силой. Французы несколько раз пытались овладеть позициями, но так как это им не удавалось, то они удалились, оставив на месте 160 человек убитыми, в числе которых был и граф де Плело, посланник французского короля в Копенгагене. Городские, увидев, что французы отбиты, ушли за свои стены; их преследовали вплоть до ворот»^[63].

В мае 1734 г. французская эскадра по непонятным причинам ушла от Данцига.

Под прикрытием французского флота с моря и тяжёлых пушек польского форта Вейхсельмюнде французская пехота на острове Лаплатта была недосыгаема как для русской пехоты, так и для русских пушек. С уходом французской эскадры ситуация кардинально изменилась.

1 июня 1734 г. к острову Лаплатта подошёл русский флот и уже на следующий день открыл огонь по французам. Русские корабли подвезли осадные орудия, которые уже 3 июня открыли огонь по Вейхсельмюнде. На следующий день в форт взлетел на воздух пороховой склад.

Из Петербурга под Данциг русские корабли доставили осадную артиллерию в составе двух 10-пудовых и двенадцати 5-пудовых мортир, сорока 24-фунтовых и двадцати 18-фунтовых пушек.

12 июня французские войска на острове Лаплатта были вынуждены капитулировать, а на следующий день сдался гарнизон Вейхсельмюнде, состоявший из 468 человек. Все они немедленно присягнули королю Августу III. Любопытно, что французы на переговорах о капитуляции требовали, чтобы их отвезли в Копенгаген. Миних же их надул, сказав, что их отвезут в один из балтийских портов, по согласованию с русским морским начальством, — мол, куда ветер подует. Французы, плохо знакомые с географией Балтийского моря, согласились, и их отправили в... Кронштадт.

Вместе с французской пехотой сдались: 30-пушечный фрегат «Брильянт», 14-пушечный гукор, купленный французами у шведов, и 8-пушечный прам, принадлежавший городу. Фрегат «Брильянт» включили в состав русского флота, а разобран он был после 1746 г.

Капитуляция французов потрясла горожан, и уже 17 июня данцигский

магистрат прислал к русскому главнокомандующему парламентёров для ведения переговоров о сдаче города. Но Миних поставил им предварительным условием выдачу короля Станислава Лещинского, примаса Потоцкого, знатных польских вельмож и французского посла маркиза де Монти. На следующий день магистрат сообщил Миниху, что король покинул город. Действительно, Станислав Лещинский бежал, переодевшись в крестьянское платье. Замечу, что позже Петербургские недоброжелатели Миниха утверждали, что король дал графу большую взятку за пропуск через позиции русских войск.

Узнав о бегстве короля, Миних страшно разгневался (или сделал вид) и велел возобновить обстрел города. Но через несколько часов сей спектакль был графом закончен, и он согласился на капитуляцию.

Термин «спектакль» я употребил не для красного словца. На 18 июня 1734 г. русские потеряли под Данцигом не менее двухсот офицеров и восемь тысяч солдат. Данные о числе раненых и больных в русском войске отсутствуют, известно лишь, что половина генералов были больны. Ясно, что число раненых и больных исчислялось тысячами.

К 18 июня траншеи осаждающих находились в 350 метрах от передовых польских укреплений и в 725 метрах (340 сажений) от крепостных стен. Надо ли говорить, что осаждённые при желании могли держаться ещё долго, и нанести урон русским и немцам (саксонцам). Наконец, французы могли отправить к Данцигу эскадру и десант во много раз больший, чем в мае 1734 г. Понятно, что у Людовика XV вопрос упирался лишь в целесообразность выделения столь больших сумм ради польских дел.

Наконец, прусский король Фридрих Вильгельм I требовал, чтобы за его благожелательный нейтралитет в войне польский король Август III передал Пруссии Курляндию и Померанию. Лишь падение Данцига положило конец его претензиям. Затянувшаяся осада могла, наоборот, привести к втягиванию в войну Пруссии.

Поэтому Миних и его генералы были до смерти рады, узнав о намерении магистрата капитулировать. Официальная сдача города прошла 19 июня. Все поляки, находившиеся в городе, согласились принять присягу Августу III.

По приказу Миниха солдаты арестовали королевского примаса графа Понятовского и маркиза де Монти. Оба были отправлены в Торн.

Данциг должен был отправить в Петербург торжественную депутацию из самых знатных граждан по выбору императрицы с просьбой о всемилостивейшем прощении. Город обязался не принимать никогда в свои

стены неприятелей императрицы и заплатить ей за военные издержки миллион ефимков. За то, что во время осады против военного обычая звонили в колокола, город должен был заплатить 30 тысяч червонных. За уход Станислава Лещинского город должен был выплатить миллион ефимками, если не представит беглеца в четыре недели.

Пока основные силы русской армии осаждали Данциг, небольшие отряды русских вели бои почти по всей Польше со сторонниками короля Станислава. Успех полностью был на стороне русских.

Кристоф Манштейн так описал ситуацию: «Я уже выше говорил, что почти все паны королевства и большая часть мелкой шляхты пристали к партии этого государя [т. е. Станислава Лещинского. — А. III.]. Они набрали много войска, которым наводнили весь край; но главным их делом было грабить и жечь имущество своих противников, принадлежавших к партии Августа, а не воевать с русскими. Все их действия клонились к тому, чтобы беспокоить войска бесполезными походами, к которым они их время от времени принуждали. Они собирались большими отрядами в нескольких милях от русских квартир, жгли поместья своих соотечественников и распространяли слух, что намерены дать сражение, как скоро завидят неприятеля; но как только неприятель показывался вдали, не успевал он сделать по ним два выстрела из пушки, как поляки обращались в бегство. Ни разу в этой войне 300 русских человек не сворачивали ни шагу с дороги, чтобы избежать встречи с 3000 поляков; они их били каждый раз.

Не так везло саксонцам: поляки частенько их побивали и потому презирали, тогда как к русским они питали сильный страх»^[64].

Эту оценку можно было бы считать субъективной и конъюнктурной, пока Манштейн находился на русской службе. Но свои воспоминания Манштейн писал в Германии после бегства из России, где он был приговорён к смертной казни через повешение. Так что исказить факты в пользу русских явно не имело смысла.

Несколько месяцев о короле Стасе не было слышно, по Польше ходили слухи, что он сбежал в Турцию. Объявился же он в Кёнигсберге, где прусский король предоставил ему для пребывания свой дворец. Отсюда в августе 1734 г. Станислав Лещинский отправил манифест, призывавший к генеральной конфедерации, которая и сформировалась в Данциге под предводительством Адама Тарло. Но эта конфедерация не надеялась на собственные силы и отправила Ожаровского великим послом во Францию просить там сорокатысячное войско и денег на его содержание, а также о привлечении Турции и Швеции к войне с Россией и о нападении на

Саксонию, чему конфедераты обещались содействовать со стороны Силезии.

Люблинский воевода Тарло начал было весной 1735 г. боевые действия в Великой Польше, но ни французы, ни шведы, ни пруссаки на помощь к нему не пришли. В результате ополчение Тарло разбежалось при приближении русских войск.

Зато в Европе из-за Польши началась большая война. Людовик XV объявил войну австрийскому императору Карлу VI. Францию поддерживали Испания и Сардинское королевство. Союзники захватили районы Неаполя и Милана, Сицилию и Ломбардию.

Две французские армии двинулись в Германию. Ряд германских государств (Бавария, Майну, Кёльн, Пфальц и др.) приняли сторону Людовика XV. Французы заняли Лотарингию, овладели Келем и Филипсбургом.

Австрия срочно попросила Россию о помощи. 8 июня 1735 г. двенадцатитысячная русская армия под командованием Ласси двинулась из Польши в Силезию и далее к Рейну на соединение с австрийской армией принца Евгения Савойского. 15 августа русские войска соединились с австрийскими и были дислоцированы между Гейдельбергом и Ладебургом. Из 25 тысяч солдат Ласси довёл лишь 10 тысяч, остальные 15 тысяч заболели, а большинство дезертировали. Однако само по себе появление на Рейне русской армии вызвало шок во Франции. Русские так далеко никогда не заходили, и вновь во второй и последний раз они появятся там в 1814 г. В итоге участвовать в боевых действиях армии Ласси не пришлось, поскольку в ноябре 1735 г. французы попросили перемирия. За этот поход Ласси получил от Анны Иоанновны звание фельдмаршала.

25 декабря 1734 г. в Кракове состоялась коронация Августа III, а Станислав Лещинский уехал из Кёнигсберга во Францию и больше не возвращался в Польшу. В Нанси он основал школу для польских юношей и занялся литературной деятельностью. В 1766 г. неудачливый король Стась скончался.

Глава 14

Екатерина дарует полякам «короля Стася»

Значение королевской власти при Августе II и Августе III ещё больше упало. И отцу, и сыну куда милей была тихая Саксония, чем буйные паны. Оттуда и «правили» Речью Посполитой оба короля.

Роль сеймов в управлении страной тоже была невелика. Во-первых, не было сильной исполнительной власти, способной реализовывать решения сеймов. Во-вторых, принцип единогласия при принятии решений — *liberum veto* — приводил к блокированию большинства предложений и прекращению деятельности сеймов. Так, с 1652 по 1764 г. из 55 сеймов было сорвано 48, причём одна треть из них — голосом всего одного депутата. Финансовое положение королевства хорошо характеризует факт прекращения в 1688 г. чеканки польской монеты.

Единство страны сильно подрывало фанатичное католическое духовенство, требовавшее всё новых ограничений в правах православных и протестантов. В монографическом исследовании разделов Польши П. В. Стегний говорит, что к 1760 г. среди 14-миллионного населения Речи Посполитой было 600 тысяч православных и 200 тысяч протестантов^[65]. Из этого следует, что в Речи Посполитой православные составляли 4,2 % населения, а протестанты — 1,4 %. Увы, Стегний просто невнимательно читал источники. 14 миллионов — это всё население Польши, включая женщин и детей, а 600 тысяч православных и 200 тысяч протестантов — это число мужчин (глав семей), активно верующих. А если добавить сюда членов их семей, а также людей, вынужденных скрывать свои религиозные убеждения, то процент православных и протестантов будет не менее сорока. В раннем детстве от деда я слышал анекдот: «Москаль спрашивает хохла: „У вас в бога веруют?“ „Дома вируем, а на работе — ни!“» Так и в Польше, миллионы людей не верили в непогрешимость папы римского.

Панский гнёт и религиозные преследования по-прежнему приводили к восстаниям на Украине.

В начале XVII в. резко ослабла военная мощь Польши по сравнению с Россией и германскими государствами. Существенно возросли эффективность ружейного и артиллерийского огня, коренным образом изменив тактику боя. Решающую роль в сражении стала играть пехота, оснащённая ружьями со штыками, и полевая артиллерия. Польская

конница, несмотря на отличную индивидуальную подготовку каждого кавалериста, его храбрость и лихость, оказалась неспособной противодействовать регулярным войскам Пруссии и России.

Политическая и военная слабость Речи Посполитой привела к тому, что её территория в XVIII в. стала буквально «проходным двором» для армий соседних государств. Я уж не говорю, что в течение двадцати лет Северной войны на территории Польши действовали армии России и Швеции. В ходе русско-турецкой войны 1735–1739 гг. русские, турецкие и татарские войска воевали в южных районах Речи Посполитой, а в ходе Семилетней войны с 1757 по 1761 г. русские и прусские войска действовали в Северной Польше. В промежутках же между войнами крымские татары регулярно проходили по территории Южной Польши и зачастую оттуда переходили на русскую территорию.

Надо ли говорить, что не только в XVIII, но и в XXI в. ни одно государство не захочет терпеть такого соседа и будет пытаться как-то изменить ситуацию.

Помимо вышесказанного у России накопилось и много мелких претензий к Речи Посполитой. Так, к примеру, в 1753 г. по результатам рекогносцировки местности, проведённой инженер-полковником де Боскетом, выяснилось, что вопреки Вечному миру 1686 г. 988 квадратных вёрст российских земель незаконно оставались в польском владении, в том числе территории, приписанные к Стародубскому, Черниговскому и Киевскому украинским полкам. Вследствие непрерывных междоусобных споров русско-польская граница была укреплена только от «Смоленской губернии до Киева», на всем же остальном протяжении она оставалась практически открытой. Пользуясь этим, поляки самовольно населили десять городов Правобережной Украины, признанных по договору 1686 г. спорными и поэтому не подлежащими заселению.

Кстати, польский сейм до 1764 г. отказывался ратифицировать Вечный мир 1686 г. Речь Посполитая была последней из европейских стран, не признававшей за Россией императорского титула.

Серьёзной проблемой, омрачавшей отношения между обоими государствами, было бегство сотен тысяч русских людей из России в пределы Речи Посполитой. Так, только в районах западнее Смоленска находилось около 120 тысяч (считались только мужчины) беглых русских крестьян. В Польшу бежали и тысячи дезертиров из русской армии.

Некоторые читатели могут попытаться поймать автора на противоречии: только что он писал о панском гнёте, а сейчас — о массовом бегстве крестьян в Речь Посполитую. На самом деле тут нет никакого

противоречия. Во-первых, я никогда не говорил, что русские помещики — ангелы (вспомним ту же Салтычиху). А во-вторых, польские магнаты дифференцированно относились к своим старым хлопам и к беглым москалям. Был ли смысл богатому пану отправлять пахать беглых русских драгун? Куда выгоднее зачислить их в свою частную армию. Были и случаи, когда паны выдавали своих дочерей за беглых москалей и делали им «липовые» дворянские грамоты. В приграничных с Россией землях поселились тысячи разбойников, совершавшие рейды через кордон, а потом делившиеся награбленным с панями. «Из тех беглых людей воры, которым поляки у себя пристани дают, собираясь партиями, приходят из-за границы в Россию и делают разбои, грабительства и смертные убийства, а потом обратно за границу уходят и с разграбленными пожитками дорываются тамо»^[66].

Оценивая в целом политику московских правителей на Западе, можно выделить две основные тенденции. Начиная с Ивана III и до Бориса Годунова господствовала тенденция объединения под властью Москвы всех русских земель, входивших в состав Киевского государства. Смута 1603–1618 гг. прервала этот процесс. Царь Михаил решил только вернуть земли, отнятые поляками во время Смуты, и то потерпел позорное поражение под Смоленском. Царь Алексей Михайлович очень долго заставлял себя просить вмешаться в малороссийские дела.

А вот Пётр I забыл о русских землях в Речи Посполитой. В ходе Северной войны Польша находилась в таком плачевном состоянии, что для возвращения Правобережной Украины не потребовалось бы ни одного русского солдата, дело бы за несколько недель сделали казаки Левобережной Украины.

Петра обуяла мечта «ногою твёрдой встать»... в Германии. Ради этого он покровительствовал немецким баронам в Эстляндии. Ради этого он организовал серию династических браков с правителями германских государств. Замечу, что все последующие цари, кроме Александра III, женились на немках.

Анну Иоанновну и Елизавету Петровну тоже германские дела занимали куда больше, чем дела Малой и Белой Руси. Не зря же Елизавета зимой 1758 г. приказала привести в русское подданство население Восточной Пруссии.

И лишь Екатерина II (1729–1796 гг., годы правления 1762–1796) поняла бесперспективность русского вмешательства в германские дела и обратила свои взоры к Польше. Екатерина отказалась за своего сына Павла от наследственных прав в Голштинии. Мудрая царица, будучи этнической

немкой, постепенно стала очищать государственный аппарат от засилья немцев, заменяя их русскими, в крайнем случае, англичанами, французами и представителями иных наций. Ни один из многочисленных германских родственников Екатерины не получил ответственной должности в России. Среди нескольких десятков любовников Екатерины нет ни одного немца.

В конце 50-х гг. король Август III стал хворать, и польские магнаты загодя начали думать о его преемнике. Естественно, что сам король мечтал передать свой трон сыну — курфюрсту Саксонскому, так сказать, сохранить традицию. Во главе саксонской партии были премьер-министр Бриль и его зять великий маршал коронный граф Мнишек, а также могущественный клан магнатов Потоцких.

Против них выступал клан князей Чарторыхских^[67]. Этот многочисленный клан в Польше стали называть Фамилией ещё в 20–30-х гг. XVIII в. Чарторыхские по польской версии происходили от сына великого князя Ольгерда Любарта, а по русской — от другого сына Ольгерда — черниговского князя Константина. Прозвище своё они получили от имени Чарторыхск на реке Стырь на Волыни. Первые пять поколений Чарторыхских были православными, но князь Юрий Иванович по одним данным в 1622 г., а по другим — в 1638 г., перешёл в католичество.

Чарторыхские предлагали осуществить ряд реформ в Польше, причём главной из них должен был стать переход всей полноты власти к Фамилии. Они утверждали, что новым королём должен быть только Пяст. Утверждение это было сплошной демагогией. Законные потомки королевской династии Пястов вымерли несколько столетий назад, а те же члены Фамилии никакого отношения к Пястам не имели. Однако в Петербурге делали вид, что не разбираются в польской генеалогии, и называли Пястом любого лояльного к России магната. Между прочим, и матушка Екатерина II по женской линии происходила от Пястов. Её дальний предок германский князь Бернхард III был женат на Юдите, дочери краковского князя Мешко III Старого, умершего в 1202 г.

К Чарторыхским примкнул и Станислав Понятовский (1676–1762 гг.) — воевода Мазовецкий и каштелян Краковский.

Стась Понятовский, как и подавляющее большинство польских магнатов, не имел ни моральных принципов, ни политических убеждений, а действовал исключительно по соображениям собственной выгоды. Ради корысти он в начале века примкнул к королю Лещинскому и даже участвовал в Полтавском сражении, естественно, на стороне шведов. Затем Понятовский бежал вместе со шведским королём в Турцию, где они оба подстрекали султана к войне с Россией. Убедившись, что дело Лещинского

проиграно, Понятовский поехал мириться с королём Августом II.

Последующей удачной карьере хорошо способствовала женитьба Станислава Понятовского на дочери Казимира Чарторыского — литовского подканцлера и каштеляна Виленского. Сразу после смерти короля Августа II Стась попытался было пролезть в короли. По сему поводу русский посол в Варшаве Лёвенвольде отписал в Петербург: «...избрание королём Станислава Понятовского опаснее для России, чем избрание Лещинского».

Вскоре Понятовский сообразил, что королём ему не бывать, но удержаться от активной политической игры не смог, да и в придачу «поставил не на ту лошадь». В итоге Понятовский оказался в осаждённом русскими Данциге вместе со своим давним приятелем Лещинским.

После утверждения Августа III на престоле Станислав Понятовский примкнул к «русской партии», возглавляемой Фамилией. В 1732 г. у Станислава Понятовского родился сын, также названный Станиславом. Станислав Младший, будучи наполовину Понятовским, а наполовину Чарторыским, быстро делал карьеру и ещё подростком получил чин «литовского стольника».

Большую часть времени Станислав Младший проводил не в Польше, а в столице Саксонии Дрездене при дворе короля Августа III. Там юный плейбой приглянулся сэру Генбюри Вильямсу — английскому послу при саксонском дворе. В 1755 г. Вильямса назначают английским послом в Петербурге, и он берёт с собой двадцатитрёхлетнего Станислава.

Зная характер Елизаветы Петровны, Генбюри Вильямс не пропускал ни одного бала и ни одного маскарада. Однако все его попытки получить какое-либо влияние на императрицу были бесплодны. Как писал тот же Валишевский: «Его искательство перед Елизаветой было ей, по-видимому, очень приятно, но политически оказалось совершенно бесплодным. Когда он пытался стать на твёрдую почву переговоров, государыня уклонилась. Он тщетно искал императрицу, но находил лишь очаровательную танцовщицу менуэта, а иногда и вакханку. Через несколько месяцев он пришёл к убеждению, то с Елизаветой нельзя говорить серьёзно, и стал оглядываться кругом. Разочаровавшись в настоящем, он подумал о будущем. Будущее — это молодой двор.

Но опять-таки он наткнулся на фигуру будущего императора и, обладая ясным взглядом людей своей расы, с первого же раза решил, что он и тут лишь потеряет время. Его взоры остановились наконец на Екатерине... Вильямс подметил знаменательные шаги в сторону великой княгини, подземные ходы, приводившие к ней. Он быстро решил.

Осведомлённый придворными слухами о любовных приключениях, в которых фигурировали красавец Салтыков и красавец Чернышёв, сам довольно предприимчивый, Вильямс попытался было пойти по этим романическим следам.

Екатерина приняла его очень любезно, говорила с ним обо всем, даже о серьёзных предметах, которые Елизавета отказывалась обсуждать, но она смотрела в другую сторону»^[68]. И тут-то Вильямс вспомнил о Понятовском.

Супруга наследника престола Екатерина была почти на три года старше Понятовского и уже родила сына Павла (согласно наиболее распространённой версии, от Сергея Салтыкова). И она первая проявила инициативу в отношениях со Стасем. Причём великой княгине удалось, как говорится, и рыбку съесть, и на... колени к Понятовскому сесть. А вот «рыбку» поставлял сэр Генбюри Вильямс. Общая стоимость всех «рыбок» неизвестна. Сохранились лишь две расписки, подписанные великой княгиней на общую сумму в 50 тысяч рублей, помеченные 21 июля и 11 ноября 1756 г. И заём 21 июля был, очевидно, не первый, так как, испрашивая его, Екатерина писала банкиру Вильямса: «Мне тяжело опять обращаться к вам».

Позже Понятовский напишет о предмете своей любви: «...она недавно лишь оправилась после первых родов и находилась в том фазисе красоты, который является наивысшей точкой её для женщин, вообще наделённых ею. Брюнетка, она была ослепительной белизны; брови у неё были чёрные и очень длинные; нос греческий, рот, как бы зовущий поцелуй, удивительной красоты руки и ноги, тонкая талия, рост скорее высокий, походка чрезвычайно лёгкая и в то же время благородная, приятные тембр голоса и смех такой же весёлый, как и характер, позволявший ей с одинаковой лёгкостью переходить от самых шаловливых игр к таблице цифр, не пугавших её ни своим содержанием, ни требуемым ими физическим трудом».

Надо полагать, что в антрактах между «шаловливыми играми» Стась и Като не переходили к игре в «крестики-нолики» или «морской бой». Таблица цифр — это цифровые коды, и цесаревна, как видим, совмещала функции Штирлица и Кэт, то есть сама собирала информацию и сама шифровала.

Сложные политические интриги заставили Вильямса в октябре 1757 г. покинуть Петербург, но Понятовский остался, — и в Петербурге, и в постели цесаревны. Вскоре любовник потерял всякое чувство меры. В июле 1758 г. Понятовский стал посещать по ночам Екатерину в

Ораниенбаумском дворце, несмотря на то, что в соседних покоях находился её муж. Речь, разумеется, идёт не о дворце Петра III, который тогда ещё строился, а о старом Большом дворце, построенном ещё А. Д. Меншиковым. Великий князь Пётр Фёдорович в то время был всецело поглощён страстью к Елизавете Воронцовой и был безразличен к делам Екатерины. Однако он был слишком озабочен собственной безопасностью и приказал расставить вокруг дворца конный караул.

Рано утром Понятовский при выходе из дворца был схвачен конным пикетом и доставлен к наследнику престола. Понятовский был переодет и отказался назвать себя. Пётр Фёдорович подумал, что на него готовилось покушение, и решил допросить с пристрастием незнакомца. В конце концов Станиславу пришлось во всём признаться. Если верить позднейшим «Запискам» Понятовского, Пётр расхохотался и сказал: «Не безумец ли ты, что ты до сих пор не доверился мне!» Он, смеясь, объяснил, что и не думает ревновать; меры предусмотрительности, принимаемые вокруг ораниенбаумского дворца, были лишь в видах обеспечения безопасности его особы. Тут Понятовский вспомнил, что он дипломат, и стал рассыпаться в комплиментах по адресу военных диспозиций его высочества, искусство которых он испытал на своей же шкуре. Хорошее настроение великого князя усилилось. «А теперь, — сказал он, — если мы друзья, здесь не хватает ещё кого-то». «С этими словами, — рассказывает Понятовский в своих „Записках“, — он идёт в комнату своей жены, вытаскивает её из постели, не даёт ей времени одеть чулки и ботинки, позволяет только накинуть капот (*robe de Batavia*), без юбки, в этом виде приводит её к нам и говорить ей, указывая на меня: „Вот он; надеюсь, что теперь мною довольны“».

Весёлая компания пропьянствовала до 4-х часов утра. «Пирушка возобновилась на следующий день, и в течение нескольких недель это изумительное супружество вчетвером было бесконечно счастливо»^[69].

Понятовский писал в своих «Записках»: «Я часто бывал в Ораниенбауме, я приезжал вечером, поднимался по потайной лестнице, ведущей в комнату великой княгини; там были великий князь и его любовница; мы ужинали вместе, затем великий князь уводил свою любовницу и говорил нам: „Теперь, дети мои, я вам больше не нужен“. — Я оставался, сколько хотел».

Однако вскоре разговоры об этих забавах поползли по столице. Елизавета сама была «шалуньей» и смотрела сквозь пальцы на проказы Екатерины, но это было слишком. Французский посол в Петербурге маркиз де Лопиталь начал открыто издеваться над Понятовским. Естественно, дело

кончилось высылкой Стася из России.

После отъезда фаворита Екатерина вступила с ним в любовную переписку, но постель её не пустовала. Теперь главным фаворитом становится двадцатисемилетний артиллерийский офицер Григорий Орлов. В декабре 1761 г. умирает императрица Елизавета, и на престол всходит Пётр III (1728–1762 гг.). Однако новый император не справляется со своими обязанностями, и 28 июня 1762 г. гвардия устраивает в Петербурге переворот в пользу Екатерины. Значительную роль в перевороте играют братья Орловы, приобретшие затем большую власть при дворе. Свергнутый император был под арестом доставлен в местечко Ропшу под Петербургом, где вскоре скончался от «геморроидальных колик».

Получив известие о перевороте в Петербурге, Понятовский засобирался к любимой. Но уже 2 июля 1762 г. Екатерина II пишет ему: «Убедительно прошу вас не спешить приездом сюда, потому что ваше пребывание при настоящих обстоятельствах было бы опасно для вас и очень вредно для меня».

Ровно через месяц Екатерина отправляет второе письмо: «Я отправляю немедленно графа Кейзерлинга послом в Польшу, чтобы сделать вас королём, по кончине настоящего [короля] и в случае, если ему не удастся это по отношению к вам, я желаю, чтоб [королём] был князь Адам^[70]. Все умы ещё в брожении. Я вас прошу воздержаться от поездки сюда, из страха усилить его».

Наконец 27 апреля 1763 г. откровенность императрицы доходит до предела, и она пишет Понятовскому: «Итак, раз нужно говорить вполне откровенно и раз вы решили не понимать того, что я повторяю вам уже шесть месяцев, это то, что если вы явитесь сюда, вы рискуете, что убьют обоих нас».

Власть Екатерины действительно очень непрочна. Она боится и ревности Орловых, а ещё больше — негативной реакции русского дворянства, не желающего видеть поляка, да и вообще иностранца, ни временщиком типа Бирона, ни тем более русским царём.

Тем временем Фамилия в Польше перешла в наступление, даже не дождавшись смерти короля Августа III. Была развёрнута широкая кампания против злоупотреблений «саксонских» министров и чиновников. Придворная партия в ответ пригрозила Чарторыским арестом. Узнав об этом, Екатерина 1 апреля 1763 г. послала приказание своему послу при польском дворе Кейзерлингу: «Разгласите, что если осмелятся схватить и отвези в Кёнигсштейн кого-нибудь из друзей России, то я населю Сибирь моими врагами и спущу Запорожских казаков, которые хотят прислать ко

мне депутацию с просьбою позволить им отомстить за оскорбления, которые наносит им король Польский».

В то же время Екатерина требовала от Кейзерлинга, чтобы он сдерживал рьяность партии Чарторьских. Так, 4 июля она писала: «Я вижу, что наши друзья очень разгорячились и готовы на конфедерацию; но я не вижу, к чему приведёт конфедерация при жизни короля Польского? Говорю вам сущую правду: мои сундуки пусты и останутся пусты до тех пор, пока я не приведу в порядок финансов, чего в одну минуту сделать нельзя; моя армия не может выступить в поход в этом году; и потому я вам рекомендую сдерживать наших друзей, а главное, чтобы они не вооружались, не спросясь со мною; я не хочу быть увлечена далее того, сколько требует польза моих дел».

Французское правительство во времена Людовика XV смотрело на Польшу чуть ли не как на свою провинцию и считало своим долгом постоянно вмешиваться в её дела. Однако сейчас французские дипломаты оказались в замешательстве и не знали, что им делать. Дело дошло до того, что «секретный» посланник Людовика XV Энненом несколько раз тайно встречался в Варшаве со Станиславом Понятовским. Энненом предложил Станиславу сделку: в случае, если на конвокационном (избирательном) сейме получит перевес кандидат от Чарторьских, то «французская партия» поддержит его, если же перевес получит французский кандидат, то Чарторьские обязывались сделать то же самое.

1 февраля 1763 г. в Петербург поступили сведения об ухудшении здоровья Августа III. Через два дня по указанию царицы был созван совете участием канцлера М. И. Воронцова, вице-канцлера А. М. Голицына, Н. И. Панина, А. П. Бестужева-Рюмина и М. Н. Волконского. Престарелый граф Бестужев-Рюмин попытался агитировать за сына Августа III Карла, но большинство членов совета, а главное, сама Екатерина, были за избрание в короли Пяста. Совет постановил сосредоточить тридцать тысяч солдат на границе с Речью Посполитой, а ещё пятьдесят тысяч держать наготове.

5 октября 1763 г. наконец-то умер король Август III. «Не смейтесь мне, что я со стула вскочила, как получила известие о смерти короля Польского; король Прусский из-за стола вскочил, как услышал», — писала Екатерина Панину.

Гетман Браницкий привёл в боевую готовность коронное (польское) войско, к которому присоединились саксонские отряды. В ответ Чарторьские обратились прямо к императрице с просьбой прислать им на помощь две тысячи человек конницы и два полка пехоты.

К тому времени в Польше имелись лишь небольшие отряды русских

(полторы-две тысячи человек), охранявшие магазины (склады), оставшиеся после Семилетней войны. Эти силы было решено собрать и двинуть к резиденции коронного гетмана в Белостоке. Русский посол в Польше князь Н. В. Репнин писал графу Н. И. Панину: «Правда, что этого войска мало, но для Польши довольно; я уверен, что пять или шесть тысяч поляков не только не могут осилить отряд Хомутова, но и подумать о том не осмелятся».

В начале апреля 1763 г. в Польшу были введены новые части. Первая колонна под командованием князя М. Н. Волконского двигалась через Минск, а вторая, под командованием князя М. И. Дашкова (мужа знаменитой Екатерины Дашковой), шла через Гродно.

10 (21) апреля 26 польских магнатов подписали письмо Екатерине II, в котором говорилось: «Мы, не уступающие никому на наших сограждан в пламенном патриотизме, с горестию узнали, что есть люди, которые хотят отличаться неудовольствием по поводу вступление войск вашего императорского величества в нашу страну и даже сочли приличным обратиться с жалобой на это к вашему величеству. Мы видим с горестию, что законы нашего отечества недостаточны для удержания этих мнимых патриотов в должных пределах. С опасностью для нас мы испытали с их стороны притеснение нашей свободы, именно на последних сеймиках, где военная сила стесняла подачу голосов во многих местах. Нам грозило такое же злоупотребление силы и на будущих сеймах, конвокационном и избирательном, на которых у нас не было бы войска, чтоб противопоставить его войску государственному, вместо защиты угнетающему государство, когда мы узнали о вступлении русского войска, посланного вашим величеством для защиты наших постановлений и нашей свободы. Цель вступления этого войска в наши границы и его поведение возбуждают живейшую признательность в каждом благонамеренном поляке, и эту признательность мы сочли своим долгом выразить вашему императорскому величеству».

В числе подписей были имена епископа Куявского Островского, епископа Плоцкого Шептицкого, Замойского, пятерых Чарторыжских (Августа, Михаила, Станислава, Адама и Иосифа), Станислава Понятовского, Потоцкого, Лобомирского, Сулковского, Соллогуба, Велепольского.

Комментарии к этому призыву, я думаю, совершенно излишни.

В конце апреля 1763 г. в Варшаву на конвокационный сейм^[71] начали съезжаться сенаторы, депутаты и паны. Так, князь Карл Радзивилл^[72],

воевода виленский, привёл с собой трёхтысячную частную армию. Привели частную армию и Чарторыские, недалеко от неё расположились и русские войска (в Уязове и на Солце).

Сейм открылся 26 апреля (7 мая) 1763 г. Варшава в этот день представляла собой город, занятый двумя враждебными войсками, готовыми к бою. Партия Чарторыхских явилась на сейм, но их противников не было: они с раннего утра совещались у гетмана, и наконец подписали протест против нарушения народного права появлением русских войск. Хотели сорвать сейм — не удалось, требовали составить немедленно тут же в Варшаве конфедерацию, но Браницкий струсил. Он заявил, что не чувствует себя в безопасности в Варшаве, и выступил из города, чтобы составить конфедерацию в более удобном месте, но время тратилось без толку, а между тем следом за гетманом шёл русский отряд Дашкова, перешедший из Литвы в Польшу. В 30 верстах от Варшавы произошла стычка между отрядом Дашкова и гетманским арьергардом.

31 марта (11 апреля) 1764 г. в Петербурге были подписаны русско-прусский оборонительный трактат и секретная конвенция относительно Польши. В соответствии с третьим артикулом трактата Пруссия обязывалась выплачивать России ежегодные субсидии в 400 тысяч рублей в случае её войны с Турцией или Крымом. Екатерина и Фридрих договорились избрать королём Станислава Понятовского, что и было зафиксировано в конвенции. Стороны договорились сохранять «вплоть до применения оружия» действующие «конституцию и фундаментальные законы» Польши, совместно выступили за возвращение диссидентам «привилегий, вольностей и преимуществ, которыми они ранее владели и пользовались как в делах религиозных, так и гражданских».

Замыслом Екатерины и Фридриха способствовала и смерть 6 декабря 1763 г. сына короля Августа III Карла Августа. Младшему же сыну покойного короля Фридриху Августу исполнилось только 13 лет, и избрание королём его было маловероятно. Главным противником Станислава Понятовского мог стать только гетман Браницкий.

В июне 1764 г. закончился конвокационный сейм. На нём была создана польская генеральная конфедерация, которая соединилась с литовской. Маршалком коронной конфедерации избрали князя Чарторыхского, воеводу русского. Сейм постановил при королевских выборах не допускать иностранных кандидатов, избран мог быть только польский шляхтич по отцу и матери, исповедующий римско-католическую веру.

Чарторыские достигали своей цели русскими деньгами и русскими войсками, а в благодарность за это сейм признал императорский титул

русской государыни. В акт конфедерации была внесена публичная благодарность русской императрице, и с выражением этой благодарности в Петербург должен был отправиться писарь коронный граф Ржевуский. А между тем русские солдаты должны были окончательно очистить Польшу от врагов Фамилии.

Радзивилл, вышедший из Варшавы вместе с Браницким, отделился от него по дороге и направился к себе в Литву, но под Слонимом столкнулся с русским отрядом и потерпел поражение. Вместе со своей конницей (1200 сабель) Радзивилл переправился у Могилёва через Днепр и ушёл в Молдавию. Но пехота и артиллерия из его частной армии были окружены князем Дашковым у деревни Гавриловка и вынуждены капитулировать.

Из Молдавии Радзивилл перебрался в Венгрию, а оттуда — в Дрезден. Браницкий, преследуемый русскими, также не мог больше оставаться в Польше и ушёл в Венгрию.

Между тем русский посол в Польше Репнин заподозрил князя Августа Чарторыского в желании самому стать королём. Поэтому Репнин просил у императрицы санкции на открытую поддержку кандидатуры Станислава Понятовского. Екатерина вяло сопротивлялась и написала на донесении Репнина: «Мне кажется, что нам не годится называть кандидата, дабы до конца сказать можно было, что республика вольно действовала».

Сейчас трудно сказать, получил ли князь Репнин санкцию императрицы или действовал в инициативном порядке, но 27 июля Кейзерлинг и Репнин поехали к примасу Польши, где уже нашли прусского посла, князей Чарторыских и других панов. Кейзерлинг при всех заявил примасу, что императрица желает видеть на польском престоле графа Понятовского, которого он, посол, именем её величества будет рекомендовать всей нации на избирательном сейме. Прусский посол сказал то же от имени своего государя, князья Чарторыские также порекомендовали племянника и поблагодарили оба двора за расположение к их Фамилии.

С 5 (16) по 15 (26) августа 1764 г. тихо прошёл избирательный (элекционный) сейм. Граф Понятовский был единогласно избран королём под именем Станислав Август IV. Паны этим были крайне удивлены и говорили, что такого спокойного избрания никогда не бывало. В Петербурге тоже сильно обрадовались, Екатерина писала Панину: «Поздравляю вас с королём, которого мы сделали».

В сентябре Репнин приступил к выплате гонораров. Королю Стасю он выдал 1200 червонцев, но тут вмешалась Екатерина и прислала ещё 100 тысяч червонцев. Август-Александр Чаторыжский получил от Репнина 3

тысячи червонцев. Примасу Польши обещали 80 тысяч, но пока выдали лишь 17 тысяч. Персонам помельче и давали соответственно. Так, шляхтич Огинский получил на содержание своей частной армии всего только 300 червонцев.

Глава 15

Конфедераты и гайдамаки

Чтобы иметь повод для постоянного вмешательства в польские дела, Екатерина II и Фридрих II решили взять под защиту польских диссидентов. Их решительно поддержали английский, шведский и датский короли. Через 200 лет этот приём используют США и страны Западной Европы для вмешательства во внутренние дела СССР. Но если в СССР шла речь о политических диссидентах, то в Польше имелись лишь религиозные диссиденты — православные и протестанты. Причём православными были белорусы и украинцы, а протестантами — в основном немцы.

Я уже писал о зверствах поляков по отношению к православным. Но от католических фанатиков страдали не только православные русские люди, но и протестанты. Так, например, в 1724 г. в городе Торунь (германский город Торн, захваченный поляками) молодые польские паны буквально терроризировали местных протестантов. В ответ протестантская молодёжь устроила погром в иезуитском колледже. Подобные инциденты нередки и в XXI в. в Западной Европе — вражда студентов двух университетов перерастает в погром учебного здания. Финал — краткосрочные административные аресты и денежные штрафы.

А вот польский суд приговорил бургомистра Резнера и девятирех мещан к смертной казни, несколько десятков участников погрома были приговорены к тюремному заключению или денежным штрафам. Суд распорядился отдать протестантский молитвенный дом монахам-бернардинцам и закрыть в округе Торуня лютеранские школы.

В чём-то знаменательно, что в 1653 г. посол царя Алексея Михайловича князь Борис Александрович Репнин потребовал от польского правительства, чтобы «православным русским людям впредь в вере неволи не было, и жить им в прежних вольностях». Польское правительство не согласилось на это требование, и следствием этого стало отделение Малороссии. Через сто с небольшим лет посол императрицы, его праправнук Николай Васильевич Репнин предъявил те же требования, получил отказ, и следствием этого стал первый раздел Польши.

Для начала Репнин решил действовать в диссидентском вопросе чисто польским методом — создать диссидентскую конфедерацию. Но вскоре выяснилось, что православной шляхты в Речи Посполитой «кот наплакал»

(мы помним, что русские дворяне в большинстве своём приняли католицизм ещё в XVII в.). В результате православную конфедерацию, созданную 20 марта 1767 г. в Слуцке, возглавил кальвинист генерал-майор Я. Грабовский. В тот же день в Торне была создана протестантская конфедерация под руководством маршала Генриха фон Гольца.

23 сентября 1767 г. в Варшаве начался внеочередной сейм, который должен был хотя бы частично уравнивать в правах католиков и диссидентов. Репнину удалось склонить короля Станислава к позитивному решению вопроса. Русские войска, не покидавшие Польшу со времени избрания Станислава, были стянуты к Варшаве.

Тем не менее предложение Репнина о диссидентах натолкнулось в сейме на жёсткую оппозицию. Наиболее рьяно выступали краковский епископ К. Солтык и шведский епископ Ю. Залусский, а также краковский воевода В. Ржевусский. Солтык утверждал, что «религиозная разность вредна для государства, и потому он ни за что не даст своего согласия на такое нечестивое дело, как расширение диссидентских прав. „Если бы я увидел отворённые для диссидентов двери в сенат, избу посольскую, в трибуналы, то заслонил бы я им эти двери собственным телом, пусть бы стоптали меня. Если бы я увидел место, приготовленное для постройки иноверного храма, то лёг бы на это место, пусть бы на моей голове заложили краеугольный камень здания“»^[73].

Репнин решил вопрос весьма радикально: в ночь на 3 октября все три фанатика были арестованы русским полковником Игельстреном и отправлены в... Калугу. В имения других оппозиционеров были направлены русские отряды. В итоге 21 февраля 1768 г. сейм утвердил предоставление православным и протестантам свободы совести и богослужения, избавление их от юрисдикции католических судов, частичное уравнивание в гражданских правах представителей всех конфессий. Разумеется, о полном равенстве конфессий речи не было. Католицизм по-прежнему считался государственной религией. Переход из католичества в другую веру считался уголовным преступлением и т. д.

Чтобы понять дальнейшее, следует сказать несколько слов о положении православных и их духовных вождях. Одним из таких вождей стал игумен Мелхиседек, в миру Михаил Значко-Яворский. Михаил писал о себе: «Родился я, смиренный, в Малороссии, в полку Лубенского, в самом полковом городе Лубна, от родителей благочестивых, из рода древних Косташи-Яворских, а именно из названного полка есаула Карла Ильича, прозванного Значком»^[74].

После домашнего образования Михаил учился в Киевской академии, где прошёл курс всех наук, включая философию. Он был усердным и одарённым студентом. Занявшись иностранными языками, к концу обучения в академии Михаил уже свободно владел латинским, греческим, немецким, еврейским и польским. Кроме того, он интересовался медициной. В 1738 г. Михаил окончил академию и поступил послушником в Матронинский Свято-Троицкий монастырь. В тот момент этот монастырь считался одной из самых нищих обителей Правобережья, которых там было пятнадцать. Во время обороны Чигирина (1677–1678 гг.) Матронинский монастырь был сожжён дотла. Когда в обитель пришёл Михаил, монастырь имел лишь деревянную церковь и убогие монашеские кельи. Монашеский постриг он принял в 1745 г. — семь лет Михаил готовился к этому ответственному шагу.

В 1753 г. монахи Матронинского монастыря избрали себе нового игумена, которым и стал Мелхиседек, не достигший ещё и сорока лет. В 1761 г. Переславский епископ Гervasий назначил Мелхиседека правителем всей Церкви на Правобережной Украине, оставив его при этом и игуменом монастыря. После долгого периода бесправия и разлада впервые появляется официальная церковная власть. Под управлением Мелхиседека оказалось 530 храмов.

Поляки всячески пытались дискредитировать игумена Мелхиседека. Беглый матронинский монах Аминадав со своим свояком поляком Болецким написал донос, что Яворский имеет связь с запорожцами. После этого в Матронинскую обитель вошёл польский отряд и игумена арестовали. Его возили по нескольким городам, пытали, но, ничего не добившись, отпустили.

Чтобы защитить паству от бесчинства поляков, Мелхиседек в качестве последнего средства обратился за помощью к Екатерине II. 5 марта 1765 г. он отправился в Петербург. Там игумен пробыл два месяца и добился аудиенции у императрицы. Он упросил Екатерину II передать грамоту российскому послу в Польше князю Репнину с указанием вступить за православных. Также Мелхиседек получил охранный паспорт и существенную материальную помощь для восстановления православных храмов — пятнадцать тысяч рублей.

Когда Яворский возвращался домой, в город Паволоч, один униатский священник попытался отравить его, но игумен остался жив. В Белополье игумен был избит польскими солдатами (несмотря на охранный паспорт). Лишь в сентябре 1765 г. Мелхиседек вернулся в свой монастырь и почти сразу отправился в Варшаву. Зная это, польский пан Иосиф Добровлянский

со своим войском напал на Мошногорский монастырь и разграбил его.

В начале 1766 г. в Варшаве Мелхиседек встретился с князем Репниным и передал ему грамоту. После этого польскому королю были предоставлены документы, составленные лично игуменом. В них он перечислял все изуверства, какие происходили на Правобережной Украине. Под нажимом Репнина и при обилии конкретных фактов король приказал заместителю канцлера передать униатскому митрополиту Пилипу Володкевичу требование прекратить насилие и наказать виновных. Такие же требования были переданы польским вельможам, которые владели Украиной. Король Речи Посполитой Станислав-Август Понятовский также подтвердил все документы, которые были даны его предшественниками в пользу православной церкви.

Королевские указы вызвали обратную реакцию панов. (Что поделаешь? Польша!) Когда же в малороссийских церквях началось чтение королевского привилея, ограждавшего свободу православия, «это с одной стороны, привело к массовому возвращению униатов в православие, с другой — довело до исступления их врагов и вызвало этих последних на новые жесточайшие преследования исповедников православия.

Польша находилась тогда в периоде полного разложения; то была пора полного бессилия закона и всякой власти, не исключая и королевской. Распущенная шляхта цинично глумилась над выданным королевским привилеем, указывая для него самое непристойное назначение; шляхтич Хайновский азартно кричал: „и королю отрубят голову за то, что схизматикам выдал привилей“.

Возвращение к православию только что приневоленных „боем нещадным“ к унии сочтено было бунтом, ходатайство Мелхиседека перед императрицею и королём — тяжким преступлением, сам он объявлен бунтовщиком, достойным самой тяжкой кары. Такой декрет выдан был на него и на всех не покоряющихся унии от радомысльской униатской консистории. Видно, упомянутые письма вице-канцлера ценились ещё менее, чем королевский привилей. Этим декретом отпавшие от унии священники объявлялись лишёнными своих мест и подлежащими строгому телесному наказанию и изгнанию, на непокорные громады налагались огромные денежные штрафы, с обращением их на постройку миссионерского дома и содержание миссионеров унии. И всё это должны были привести в исполнение агенты помещичьей власти, под опасением суда латинской консистории...

Сам Мелхиседек потребован был к суду униатского официала [митрополита. — А. III.] Мокрицкого. Командам пограничных форпостов на

Днепре отдан был строжайший приказ не пропускать никого в Переяслав, сношения внутри в такой степени были стеснены, что, по выражению Мелхиседека, никуда не пускали „а ни человека, а ни жида“. Всякая попытка пробраться к епископу для рукоположения, получения антимины или иной надобности наказывалась самым жестоким, кiev в триста, боем.

На одном из таких форпостов схвачен был и Мелхиседек, возвращавшийся из Переяслава, и, после всевозможных личных над ним насилий и издевательств, завезён был в кандалах на Воынь и там, в м. Грудке, замурован в каменной тюрьме, где едва не лишился жизни. [Лишь указы Екатерины II заставили освободить его. — А. III.].

Вступившее пред тем в Украину польское войско, так называемая украинская партия, под командою Воронича, навела ужас на всё живущее. Начались страшные поборы на войско, народ массами сгоняли на работы в обоз под м. Ольшаной. Воронич рассылал летучие отряды для усмирения бунтующихся, т. е. не желающих принять унии, и карал жестоко. Сопровождавшему Мелхиседека в Переяслав сотнику жаботинскому Харьку отрублена голова в конюшне, млиевский ктитор Даниил Кушнир всенародно сожжён в обозе под местечком Ольшаной. В то же время униатской официал Мокрицкий, утвердивши свою резиденцию в Корсуне, с толпою инструкторов и инстигаторов, с отрядами вооружённых козаков, разъезжал по Украйне, брал с бою церкви, ловил монахов и священников, бил их смертно, заковывал в железа, забивал в кандалы и под караулом отправлял в Радомысль, где им снова давали по 600 и 800 ударов, бросали в смрадные ямы, заставляли тачками возить землю.

Не лучше было и положение мирян: над ними производили неизобразимые и неисчислимыя насилия, иных до смерти забивали, другим рты разрывали, руки и ноги выворачивали. Шляхта и духовенство униатское щеголяли друг перед другом в изобретении мук и казней; буйство, распущенность, необузданное своеволие спорили с фанатизмом и непримиримою злобою. Так называемые „похвалки“, или угрозы безумствовавшей шляхты, довершали смятение и ужас народа. Нередко целым громадам объявлялся смертный приговор, назначался день и час казни, или же без означения срока грозили всех истребить поголовно. „Людам смертным страх мечтался, и все лишения имущества и живота ожидали“. По местам действительно готовились к смерти, надевали чистые рубахи, исповедовались, приобщались, на веки прощались; в других местах поголовно оставляли жилища, уходили в леса, горы и дебри.

В глумлениях, издеательствах шляхты и причитаниях при совершении истязаний ясно слышалось, против кого и чего и за что

направлялась эта адская, непримиримая злоба и неистовство: „ото тебе бьёт благочестие твоё“; „о то тоби за государыню, за короля, за св. правительствующий синод, за архиерея и за вся православные христиане“; „а нуте-ж, нуте лучше того грека“. Били „смертно розками, дисциплинами, барбарами“, били нагаями и киеми, списками и ружейными присошками, руками и ногами, били, пока прочитывалось: Помилуй мя, Боже и Блажени непорочнии, били „духу послухаючи“, т. е. пока душа в теле держалась. А со стороны народа один был ответ: „отнимите у нас жизнь, но мы не хотим быть в унии“. „Пристань, ксиенже, на едність, то велю сейчас из пушек палить“, — говорил комиссар Каменский Мелхиседеку, попавшему в руки униатов и не раз бывшему уже на волос от смерти; но тот отвечал: „хотя и безвременно пропаду, но за веру пострадаю; на унию-ж не пристану“»^[75].

Однако магнаты не ограничились расправами над православными на местном уровне, а решили начать полномасштабную гражданскую войну (большой рокош). В начале 1768 г. недовольные паны собрались в городке Баре в 60 верстах к западу от Винницы и создали там конфедерацию. Они выступали против решения сейма и самого короля Станислава-Августа Понятовского. Во главе конфедерации стали подкормий Рязанский Каменский и известный адвокат Иосиф Пулавский.

Конфедераты начали боевые действия против русских войск и частных армий магнатов — сторонников короля Стася. Поначалу король пытался договориться с конфедератами, но когда те объявили «бескорольеве», обратился за помощью к Екатерине II.

В ходе одной из операций конфедераты посадили на кол нескольких казаков в местечке Смилянщина. Среди казнённых оказался и племянник игумена Мелхиседека — по одной из версий, эконо́м переяславского архиерея. Разгневанный игумен решил отомстить, но вместо сабли взялся за перо и очень ловко подделал указ Екатерины II: полный титул императрицы был написан золотыми буквами, имелась государственная печать и т. д. В указе содержался призыв защищать веру православную и бить нещадно польских панов.

Этот указ Мелхиседек показал нескольким запорожским казакам, прибывшим на богомолье в Переяслав^[76]. Старший среди запорожцев Максим Железняк отвечал игумену, что с несколькими десятками запорожцев он не может начать этого дела. Тогда игумен сказал ему: «А вот недалеко, при рогатках, много беглых казаков, которые убежали от войск конфедерации, потому что поляки хотели их всех истребить. Уговорись с этими казаками, и ступайте в Польшу, режьте ляхов и жидов; все крестьяне

и казаки будут за вас».

Любопытно, что поддельный указ Екатерины был очень похож на настоящий, а главное, полностью соответствовал интересам как правительства, так и русских войск, воевавших с конфедератами. Поэтому, когда Румянцеву доложили об «указе», то он поначалу обиделся, почему указ отправлен казакам в обход его, главы Малороссийской коллегии, и сделал соответствующий запрос в Санкт-Петербург.

На следующее утро по обретению «указа» восемьдесят запорожцев во главе с Железняком форсировали Днепр и пошли гулять по Правобережью. Как писал С. М. Соловьёв, они «поднимали крестьян и казаков, истребляя ляхов и жидов. На деревьях висели вместе: поляк, жид и собака — с надписью: „Лях, жид, собака — вера однака“»^[77].

Далее Соловьёв писал: «Пришло требование Барской конфедерации, чтобы выслали в Бар всю милицию и казаков воеводы киевского. Но воевода распорядился иначе: он велел Цесельскому забрать всех казаков и поставить их на степи, над рекою Синюхою, составлявшею границу с Россиею, а к Пулавскому написать, что вместо казаков, которые будут охотно биться с русскими, он приказал сформировать из шляхты конную и пешую милицию и отослать с трёхмесячным жалованьем и провиантом в Бар. Цесельский, Младанович и Рогашевский, чтобы не истощать казны воеводской сформированием милиции, назначили на этот предмет чрезвычайный подбор с казаков — и всё это когда казацкий бунт кипел по соседству и уманьские казаки стояли в степи, на Синюхе, под начальством сотников — Дуски, Гонты и Яремы, готовые союзники для Железняка.

Одни жида чуяли беду и явились к Цесельскому с представлениями, что надобно остерегаться Гонты, тем более что он теперь главный: Дуска умер в степи. Жиды говорили, что Гонта наверное сносится с Железняком; что есть слух, будто Гонта предлагал Дуске соединиться с Железняком, но будто тот отвечал: „Семь недель будете пановать, а семь лет будут вас вешать и четвертовать“.

Напуганный жидами, Цесельский послал приказ Гонте немедленно явиться в Умань. Тот прискакал и был сейчас же закован в кандалы, а на другой день уже вели его на площадь, под виселицу. Но со счастливой руки Хмельницкого казацких богатырей всё спасали женщины. И тут взмолилась за Гонту жена полковника Обуха: „Оставьте в живых, я за него ручаюсь“. Тронутся Цесельский просьбами пани Обуховой и отпустил Гонту — опять в стан на Синюху начальствовать казаками! Жиды увидали, что судьба их в руках того, кого они подвели было под виселицу: они наклали брыки с сукнами и разными материями, собрали денег и отвезли Гонте с поклоном:

„Батюшка! Защити нас!“ Гонта сказал жидам: „Выхлопочите у пана Цесельского мне приказание выступать против Железняка“. Жиды выхлопотали приказ; но Цесельский велел троим полковникам принять начальство над казаками. Эта мера не помогла; на дороге Гонта объявил полковникам: „Можете, ваша милость, ехать теперь себе прочь, мы в вас уже не нуждаемся“. Полковники убрались поскорее в Умань, а Гонта соединился с Железником. Скоро вся толпа явилась под Уманью; в ближнем лесу разостлали ковёр, на котором уселись Железняк с Гонтой, казаки составили круг, и какой-то подьячий читал фальшивый манифест русской императрицы. Потом началась попойка и шла всю ночь»^[78].

На следующий день Умань капитулировала перед казаками. Паны Младанович и Рогашевский договорились с казаками, что «1) казаки не будут резать католиков, шляхту и поляков вообще, имения их не тронут; 2) в жидах и их имении казаки вольны»^[79].

После заключения капитуляции все поляки пошли в костёл, а казаки ворвались в город и начали убивать евреев, но затем вошли в раж и перебили шляхту.

Окрестные крестьяне, не дожидаясь гайдамаков, резали поляков и евреев, вооружались и шли к Умани. Железняк объявил себя воеводой киевским, а Гонта — брацлавским.

Любопытна и оценка восстания гайдамаков, данная польским королём Станиславом-Августом в письме к Марии Жоффрэн: «Восстание этих людей не шутка! Их много, они вооружены и свирепы, когда возмутятся. Они теперь побивают своих господ с жёнами и детьми, католических священников и жидов. Уже тысячи человек побито. Бунт распространяется быстро, потому что фанатизм религиозный соединяется у них с жаждою воли. Фанатизм греческий и рабский борется огнём и мечом против фанатизма католического и шляхетского. Верно одно, что без Барской конфедерации этого нового несчастья не было бы»^[80].

Независимо от гайдамаков войну с конфедератами вели и русские регулярные войска. Формально они выполняли просьбу польского сената, который 27 марта 1768 г. просил Екатерину 11 «обратить войска, находившиеся в Польше, на укрощение мятежников».

Подполковник Ливен с одним батальоном пехоты занял Люблин, конфедераты бежали без боя. Полковник Бурман взял Гнезно. Главным начальником войск, действовавших против Барской конфедерации, был назначен генерал-майор М. Н. Кречетников. Вскоре он взял Бердичев, генерал-майор Подгоричани разбил сильный отряд конфедератов, шедший

на помощь Бердичеву, генерал-майор граф Пётр Апраксин взял Барштурмом, генерал-майор князь Прозоровский побил конфедератов у Брод.

Честно говоря, ратные подвиги не мешали нашим отцам-командирам грабить. Посол Репнин отправил в Петербург полковника Кара, чтобы тот рассказал «о мерзком поведении» Кречетникова. В письме Репнина говорилось: «Корыстолюбие и нажиток его так явны, что несколько обозов с награбленным в Россию, сказывают, отправил и ещё готовыми имеет к отправлению. Все поляки и русские даже в его передней незатворенным ртом его вором называют».

Вот этому генералу Кречетникову императрица и поручила подавить бунт гайдамаков, поскольку конфедераты в панике бежали от казаков. Повстанцы получили от русского командования предложение о совместном нападении на Могилёв. Гайдамаки расположились поблизости от русского лагеря. Вечером 6 июня 1768 г. Кречетников пригласил к себе на ужин ни о чём не подозревавших Железняка, Гонту и других атаманов и тут же арестовал их. Русские солдаты напали на оставшихся гайдамаков и перехватили большинство из них.

Железняка как русского подданного «варвары московиты» отправили в Сибирь, а Гонту и 800 гайдамаков, родившихся на Правобережье, передали полякам. Просвещённые паны подвергли Гонту квалифицированной казни, которая длилась несколько дней. Там было и снятие кожи, и четвертование, и т. д., что представляет больший интерес для психиатров, занимающихся проблемами садизма, нежели для историков.

Восстание гайдамаков было подавлено, но оно имело неожиданные последствия. Отряд гайдамаков под началом сотника Шило захватил местечко Балта на турецко-польской границе. Границей была мелкая речка Кодыма, которая отделяла Балту от турецкой деревни Галта. Шило погостил 4 дня в Балте, вырезал всех поляков и евреев и отправился восвояси. Однако евреи и турки из Галты ворвались в Балту и в отместку начали громить православное население. Услышав об этом, Шило вернулся и начал громить Галту. После двухдневной разборки турки и гайдамаки помирились и даже договорились вернуть всё, что казаки награбили в Галте, а турки — в Балте. И самое интересное, что большую часть вернули. Всё это могло остаться забавным историческим анекдотом, если бы турецкое правительство не объявило бы гайдамаков регулярными русскими войсками и не потребовало бы очистить от русских войск Подолию, где они воевали с конфедератами.

Любопытно, что саму грамоту Екатерины II после подавления восстания поляки искали четыре года, но найти так и не смогли. Так что

участие игумена Мелхиседека в составлении подложной грамоты является лишь не подтверждённой документально версией.

Русское правительство обвинило Мелхиседека в организации бунта, но наказание было необычайно лёгким — его просто перевели в Переяславский монастырь и сделали служащим консистории, то есть церковным чиновником. Понятно, что на Правобережье Мелхиседеку путь был заказан, и он благополучно прожил в России, где и умер в 1809 г. в возрасте 93 лет.

Русские власти, которые в обязательном порядке проводили следствия по бунтам Разина, Пугачёва и т. д., на сей раз отстранились от расследования событий на Правобережье. Так, к примеру, Румянцев велел попросту распустить по домам всех рядовых гайдамаков. Это не может не навести на мысль, что «гайдаматчина» («колиевщина») была провокацией императрицы.

Любопытно, что монах Матронинского монастыря Филостер Самбек ещё в самом начале 1767 г. отправился в Запорожскую Сечь с письмом о помощи, «щоб голота прибула». Но «голота» и пальцем не пошевелила ни в 1767 г., ни в начале 1768 г. А поднялись гайдамаки сразу же после создания Барской конфедерации. Понятно, что в Малороссии ни хлопы, ни казаки толком и не знали, что такое конфедерация.

Но, увы, версия о провокации Екатерины II очень убедительна в смысле выгод, полученных императрицей, но не имеет никаких документальных подтверждений, равно как и «шлиссельбургская нелепа» поручика Мировича.

В ходе восстания несколько сот польских шляхтичей, большинство из которых были сторонниками конфедерации, бежали на Левобережье под защиту русских. Публика была ещё та! 20 августа 1768 г. Румянцев доложил в Петербург: «Староста трехтемировский Щенявский, от давних времён злодей нашим граничным жителям, его отвага не в том только была, что безвинно непрестанные делал грабления, но в одно время захватив двух драгун с форпоста с капралом, и усилюясь завладеть одним островом, нашей стороне надлежащим, поставил в страх на оном виселицы»^[81]. То есть Щенявский вёл малую пограничную войну с Россией, но, услышав о гайдамаках, шкодливый пан прибежал просить защиты. Когда русские войска разогнали повстанцев, Щенявский бежал на Левобережье и в рядах конфедератов стал воевать с русскими. По сему поводу Румянцев запросил императрицу, нельзя ли конфисковать пограничные имения Щенявского.

На мой взгляд, императрица слишком рано отправила генерал-майора Кречетникова ловить Гонту и Железняка. В этом случае история России

могла пойти по другому, более благоприятному сценарию.

Кстати, о самом Михаиле Никитиче Кречетникове: он не только поймал вождей гайдамаков, но и захватил под Уманью большой казацкий табор с многочисленным добром, реквизированным казаками у панов и евреев. Однако наш мудрый генерал сего добра не вернул законным владельцам, а отправил за Днепр несколько обозов с ценными трофеями. Надо отдать должное Кречетникову: он не присвоил всё себе, а щедро поделился с вышестоящим начальством, после чего карьера сорокалетнего командира полка резко пошла в гору. Он участвовал в нескольких сражениях, но ни в одном не был командующим, однако к 1790 г. дослужился до звания генерал-аншефа. В основном Кречетников служил губернатором и сколотил огромное состояние. 6 мая 1793 г. Екатерина пожаловала ему графский титул, на радостях Кречетников и помер через три дня.

Глава 16

Первый раздел Польши

С началом Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. для защиты от вторжения турок со стороны Молдавии русское командование решило занять две южные польские крепости — Замостье и Каменец-Подольский. Замостье находилось в частном владении у графа А. Замойского, который был женат на сестре короля. Поэтому Репнин частным образом обратился к брату короля обер-камергеру Понятовскому, не может ли король написать партикулярно своему родственнику, чтобы тот не препятствовал русским войскам в занятии Замостья. Но король, вместо того, чтобы ответить частным же образом, собрал министров и объявил им, что русские хотят занять Замостье. В результате Репнину была послана нота, что министерство его величества и республики постановило просить не занимать Замостья.

Репнин эту ноту не принял, заявив, что он не требовал ничего относительно этой крепости, а великому канцлеру коронному Млодзеевскому заметил, что русские войска призваны польским правительством для успокоения страны, так на каком же основании тогда они не получают тех же выгод, что и польские войска? Когда же Репнин попенял королю, зачем тот не сделал различия между поступком «конфедентной откровенности» и «министерияльным», то Станислав-Август сказал прямо: «Не сделай я так, ведь вы бы заняли Замостье». Репнин ответил так же прямо, что занятие Замостья необходимо для безопасности Варшавы в случае татарского набега и что таким поступком король не удержит его от занятия крепости: «Я её займу, хотя бы и с огнём».

Многие знатные паны, не вошедшие в Барскую конфедерацию и формально лояльные королю и России, заняли выжидательную позицию по отношению к русско-турецкой войне. Нравится кому или не нравится, но назовём кошку кошкой: польские вельможные паны уже 300 лет в отношениях с Россией надеются не на свои возможности, а на «чужого дядю». В 1768 г. они надеялись на Людовика XV, султана и крымского хана, позже — на Людовика XVI, в 1812 г. — на Наполеона I, в 1863 г. — на Пальмерстона и Наполеона III, в 1920 г. — на тётушку Антанту, в 1939 г. — на Англию и Францию, и, наконец, с начала третьего тысячелетия — на

НАТО.

В декабре 1768 г. в королевском Совете враждебные России голоса взяли верх: коронный маршал князь Любомирский и граф Замойский от своего имени и от имени Чарторыских предложили, что коронное войско, назначенное под командованием Браницкого действовать против конфедератов, необходимо немедленно распустить по квартирам. В противном случае русские используют его против турок, из чего султан может заключить, что Польша заодно с Россией против Турции.

Любомирский с товарищами решительно выступили против последнего сенатского Совета, на котором решено было просить у России помощи против конфедератов. Браницкий был против роспуска коронного войска, говорил, что это вызовет недовольство в народе и возбудит подозрения у Екатерины II. Но Замойский продолжал настаивать на роспуске войска и требовал, чтобы отныне «не давать России явных отказов, но постоянно находить невозможности в исполнении её требований, льстить, но ничего не делать. Королю нисколько не вмешиваться в настоящие волнения, нейти против нации, не вооружаться и против турок, но выжидать, какой оборот примут дела».

Король во время этих споров молчал и лишь в конце Совета согласился с мнением Браницкого.

Королевский Совет решил не распускать коронное войско. Позволено было требовать русской помощи и согласовывать свои действия с русскими войсками только в операциях против бунтующих крестьян и казаков, «но вместе с русскими нигде не быть, не показывать, что польское правительство заодно с русскими».

Попытки князя Репнина договориться со Станиславом-Августом и Фамилией оказались бесплодными, и в июне 1769 г. Екатерина II отзывает Репнина из Варшавы. На его место был назначен князь Михаил Никитич Волконский. По общему мнению историков, смена посла была крупной политической ошибкой. Репнин хорошо изучил Польшу, был лично знаком с семьями вельмож. Враги ненавидели Репнина, но не могли его не уважать.

Тем временем гражданская война в Польше усилилась. Русские контролировали только крупные города и военные лагеря. Польские паны, и в мирное время игнорировавшие закон, теперь открыто грабили население. Единого командования над отрядами конфедератов фактически не было. Потоцкий оклеветал своего врага перед турецким султаном, и Пулавский умер в константинопольской тюрьме. Сыновья Пулавского Казимир и Франц^[82] ворвались со своими отрядами в Литву, но были

окружены русскими войсками под Ломазами и разбиты. Франц погиб, а Казимир бежал в Австрию. Австрия давала убежище конфедератам, и их главная квартира там была сначала в Тешене в Силезии, а потом в Епериесе в Венгрии. Генеральным маршалом конфедерации был провозглашён зёловский староста Михаил Пац. С большими деньгами прибыл к конфедератам из-за рубежа князь Карл Радзивилл, снова отставший от русских и вынужденный бежать от них из Литвы в Польшу.

Австрия довольствовалась тем, что давала убежище конфедератам, Франция же хотела оказать им более деятельную помощь. В 1768 г. первый министр Людовика XV герцог Шуазель отправил к конфедератам на границу Молдавии драгунского капитана Толеса. Тот прибыл со значительной суммой денег, но, познакомившись с конфедератами поближе и оценив обстановку, решил, что для Польши уже ничего сделать нельзя и не стоит тратить французских денег, а потому собрался вернуться во Францию. Опасаясь, что письмо его к герцогу Шуазёлю о принятом решении попадёт в руки полякам, Толес писал: «Так как я не нашёл в этой стране ни одной лошади, достойной занять место в конюшнях королевских, то возвращаюсь во Францию с деньгами, которых я не хотел употребить на покупку кляч».

В 1770 г. Шуазель отправляет в Польшу знаменитого искателя приключений полковника Шарля Дюмурье. Но и на Дюмурье конфедераты произвели то же впечатление, что и на Толеса. Приведу выдержки из его записок в пересказе С. М. Соловьёва: «Нравы вождей конфедерации азиатские. Изумительная роскошь, безумные издержки, длинные обеды, игра и пляска — вот их занятия! Они думали, что Дюмулье привёз им сокровища, и пришли в отчаяние, когда он им объявил, что приехал без денег и что, судя по их образу жизни, они ни в чём не нуждаются. Он дал знать герцогу Шуазёлю, чтобы тот прекратил пенсии вождям конфедерации, и герцог исполнил это немедленно. Войско конфедератов простиралось от 16 до 17 000 человек; но войско это было под начальством осьми или десяти независимых вождей, несогласных между собою, подозревающих друг друга, иногда дерущихся друг с другом и переманивающих друг у друга солдат. Всё это была одна кавалерия, состоявшая из шляхтичей, равных между собою, без дисциплины, дурно вооружённых, на худых лошадях. Шляхта эта не могла сопротивляться не только линейным русским войскам, но даже и казакам. Ни одной крепости, ни одной пушки, ни одного пехотинца. Конфедераты грабили своих поляков, тиранили знатных землевладельцев, били крестьян, завербованных в войско. Вожди ссорились друг с другом. Вместо того

чтобы поручить управление соляными копиями двоим членам совета финансов, вожди разделили по себе соль и продали её дешёвою ценою силезским жидам, чтобы поскорее взять себе деньги. Товарищи [шляхта] не соглашались стоять на часах — они посылали для этого крестьян, а сами играли и пили в домах; офицеры в это время играли и плясали в соседних замках.

Что касается до характера отдельных вождей, то генеральный маршал Пац, по отзыву Дюмурье, был человек, преданный удовольствиям, очень любезный и очень ветренный; у него было больше честолубия, чем способностей, больше смелости, чем мужества. Он был красноречив — качество, распространённое между поляками благодаря сеймам. Единственный человек с головою был литвин Богуш, генеральный секретарь конфедерации, деспотически управлявший делами её. Князь Радзивилл — совершенное животное, но это самый знатный господин в Польше. Пулавский очень храбр, очень предприимчив, но любит независимость, ветрен, не умеет ни на чём остановиться, невежда в военном деле, гордый своими небольшими успехами, которые поляки по своей склонности к преувеличениям ставят выше подвигов Собеского.

Поляки храбры, великодушны, учтивы, общительны. Они страстно любят свободу; они охотно жертвуют этой страсти имуществом и жизнью; но их социальная система, их конституция противятся их усилиям. Польская конституция есть чистая аристократия, но в которой у благородных нет народа для управления, потому что нельзя назвать народом 8 или 10 миллионов рабов, которых продают, покупают, меняют, как домашних животных. Польское социально тело — это чудовище, составленное из голов и желудков, без рук и ног. Польское управление похоже на управление сахарных плантаций, которые не могут быть независимы.

Умственные способности, таланты, энергия в Польше от мужчин перешли к женщинам. Женщины ведут дела, а мужчины ведут чувственную жизнь»^[83].

О русских Дюмурье писал: «Это превосходные солдаты, но у них мало хороших офицеров, исключая вождей. Лучших не послали против поляков, которых презирают»^[84].

А между тем в Польше приобрёл свою первую славу бригадир Александр Суворов (1729 или 1730–1800 гг.). 15 ноября 1768 г. он вместе с Суздальским полком выступил из Новой Ладogi и уже 15 декабря прибыл в Смоленск. За месяц полк прошёл 927 километров. 15 мая 1769 г. Суворов

вступает в командование бригадой в составе Суздальского, Смоленского и Нижегородского пехотных полков. В июле войска Суворова вступают на территорию Речи Посполитой, а в середине августа он уже вступает в предместье Варшавы Прагу.

В конце августа Суворов получает приказ приступить к поиску крупного отряда конфедератов, которым командовали Казимир и Франц Пулавские. 31 августа (12 сентября) Суворов с войском прибыл в Брест. Лазутчики доносили, что отряд Пулавских движется на Карбин. С юго-запада, от Замостья, его преследовал отряд полковника К. И. Рена. Суворов, не теряя времени, пустился вдогонку за противником. Он взял с собой только гренадерскую роту, нескольких егерей, 36 драгун и две пушки. Остальные войска остались в Бресте.

По дороге отряд Суворова встретил полсотни карабинеров Каргопольского полка и около тридцати казаков во главе с ротмистром Кастели. Это был авангард отряда Рена, который шёл по пятам конфедератов. Присоединив эту группу к своему отряду, Суворов продолжил погоню.

Около полудня 2 сентября в нескольких километрах от Бреста, у деревни Орехово, Суворов настиг Пулавских. Их отряд занимал выгодную позицию, подступы к которой прикрывало болото, через которое пролегла дорога с тремя мостами. Оценив обстановку, Суворов повёл своих солдат в атаку. Преодолев болото, они развернулись в боевой порядок. Гренадеры под командованием поручика Михаила Сахарова построились колонной. На её флангах встали егеря и карабинеры. Пехота нанесла штыковой удар. Карабинеры действовали палашами. «Скорость нашей атаки, — доносил Суворов, — была чрезвычайная».

Не умаляя полководческий дар Суворова, справедливости ради скажу, что он был крайне тщеславен и не забывал прихвастнуть в реляциях. Так и тут Суворов писал: «Пулавских ядры брали у меня целые ряды...»

Как писал И. И. Ростунов: «Конфедератов охватила паника, и они побежали. Суворов с группой всадников стал их преследовать»^[85].

Свидетельствами очевидцев о бое у Орехово я не располагаю, но на языке у меня вертится пошлый вопрос: а куда делись польские пушки? Неужто они «в панике» все их увезли? А потери отряда Суворова — всего пятеро убитых?

Видимо, поляки отступили в порядке, но на следующий день наткнулись на Каргопольский карабинный полк Рена и были окончательно разбиты. В этом бою погиб Франц Пулавский.

Новый посол в Польше князь Волконский приказал отправить

Суворова в Люблин. Ему была поставлена задача обезопасить этот район от нападений отрядов конфедератов. Это было очень важно, поскольку через Люблин проходила коммуникационная линия, связывавшая Варшаву с армией, действовавшей на Балканах.

Партизанская война шла с переменным успехом. Польские конные отряды в большинстве случаев не могли противостоять регулярной пехоте русских. Но и русские, не имея достаточных сил (не стоит забывать, что шла война с Турцией), не могли проводить широкомасштабных операций по очищению больших районов путём их окружения и тщательного прочёсывания. Фактические боевые действия превратились в частные небольшие стычки.

Наиболее серьёзной операцией можно считать, и то с натяжкой, осаду города Сандомира отрядом конфедератов под командованием Иосифа Миончинского. Под его началом находилось около 1700 человек (1400 конницы и 300 пехоты) и шесть пушек. Гарнизон Сандомира во главе с капитаном В. П. Дитмарном насчитывал всего около двухсот человек.

15 (26) ноября 1770 г. Миончинский начал штурм Сандомира. После двадцати часов боя поляки были вынуждены отступить.

В январе 1771 г. Миончинский попытался взять Краков, но был отбит. Тогда он двинулся на восток и подошёл к местечку Мелец. Узнав об этом, Суворов 3 (14) февраля выступил ему навстречу и на вторые сутки был в Мелеце. Выяснилось, что там тремя днями ранее действительно находилось около полутора тысяч конфедератов, но они ушли в сторону Поланца. Суворов начал преследование противника.

Несколько сотен конфедератов под командованием французского подполковника Левена укрылись в замке Ландскрона. Суворов решил овладеть этим важным опорным пунктом конфедератов. Его отряд насчитывал до 650 человек конницы и пехоты при четырёх орудиях. Кроме того, к участию в штурме привлекались сто пехотинцев и пятьдесят казаков из гарнизона Кракова. Диспозиция предусматривала вести наступление в одном направлении — в сторону ворот замка. Войска были разделены на четыре части: авангард, две колонны и резерв.

Атака началась 9 (20) февраля в час пополудни. Однако метким огнём поляков были выведены из строя почти все русские офицеры (прапорщик Александр Подладчиков, капитан Дитмарн, подпоручик Арцыбашев, поручик Сахаров и поручик Николай Суворов — племянник Александра Васильевича). Лёгкое ранение получил командир резерва поручик Семён Мордвинов. «Офицеров у меня почти не осталось, — доносил Суворов, — лошадь ранена, сам оцараплен».

Оставшись без офицеров, пехота побежала назад. Потери русских составили девятнадцать человек убитыми, семь — ранеными и ещё двое пропали без вести.

Анализируя причины неудачи, Суворов отметил то, что все офицеры шли на штурм в дорогих польских одеждах и представляли собой хорошую мишень для польских стрелков. С учётом малой эффективности и дальности стрельбы гладкоствольных русских ружей на дистанции от 10 до 50 метров тип одежды особого значения не имеет — это не 1914 год! Но каковы нравы: офицеры не только грабят и хвалятся награбленным, но и настолько игнорируют воинскую дисциплину, что идут в награбленном в бой!

Однако при описании этой войны, как и любой другой, надо знать меру. Да, были систематические грабежи населения, и особенно панских усадеб^[86], но были и категорические запреты начальства. Тот же Суворов в наставлении постовым командирам 1770 г. писал: «На постах и в проходах через деревни и местечки обывателям ни малейших обид не чинить и безденежно ничего не брать». А в ноябре 1771 г. командиру отряда, следовавшему из Кракова в Сандомир, предписывалось: «Будучи в пути, иметь крайнюю предосторожность, обывателям обид, разорения не чинить, так и безденежно ничего не брать, опасаясь строго по силе законов взыскания».

В случае нарушения этих указаний Суворов применял строгие меры.

24 июня 1771 г. он издал приказ: «Доходят до меня жалобы, что казаки новоприбывшие чинят обывателям обиды... и для чего сим строго запрещается, чтоб отнюдь никто обывателям обид не чинил, что им на всех постах постовым командирам подтвердить. Ежели впредь услышаны будут какие жалобы, то виновные жестоко будут штрафованы шпицрутенном».

Суворов гуманно относился к тем конфедератам, которые отказывались от дальнейшего участия в военных действиях и добровольно приходили в расположение русских войск. 10 марта 1771 г. Суворов отдал приказ, чтобы таких конфедератов, «отобрав от них всякое оружие и военную амуницию, кроме саблей и лошадей, по взятии с них подписки, что впредь противу российских войск служить, в земле грабительствы, насилие делать не станут и дома спокойно сидеть будут, отпустить на волю, а отобранные ружья, пистолеты и прочее тому подобное складя в одно место, под нашим караулом сохранить, объявя им, что при будущем спокойствии им отдано будет».

Тем не менее русские часто убивали пленных или отправляли их в Сибирь. Давным-давно пора и нашим, и польским авторам перестать

изображать «своих» рыцарями без страха и упрёка, а врага — жестоким грабителем. История, как говорил один классик, не тротуар Невского проспекта.

Пока русские и польские отряды гонялись друг за другом по всей Речи Посполитой и Литве, австрийские войска тихо перешли польско-венгерскую границу и заняли два староства, причём вместе с пятьюстами деревнями захватили богатые соляные копи Велички и Бохни. Целью этой акции было не умиротворение конфедератов, а отчуждение земли в пользу Австрийской империи. Новая администрация этих староств применяла печать с надписью: «Печать управления возвращённых земель». Земли эти объявлялись «возвращёнными» на том основании, что в 1412 г. они отошли к Польше от Венгрии.

А ещё в 1769 г. Фридрих II отправил в Петербург своему послу графу Сольмсу план раздела Речи Посполитой, так называемый «проект Линара». Сольмс начал обсуждение этого проекта с графом Н. И. Паниным, но тогда Екатерина ещё и слышать не хотела о разделе. Тогда Фридрих решил действовать самостоятельно и под предлогом защиты своих владений от морового поветрия, свирепствовавшего в Южной Польше, занял пограничные польские земли.

Обратим внимание, с 1700 по 1772 г. Россия не присоединила к себе ни вершка территории Речи Посполитой. Это к вопросу об ответственности за раздел Польши.

Огинский Михаил Казимир, литовский гетман

Но мы забыли неугомимого авантюриста Дюмурье. А он к началу 1771 г. собрал в Польше почти шеститысячное войско, причём наибольшую помощь в сборе войск ему оказала графиня Мнишек. Дюмурье оказался неплохим стратегом и предложил панам внезапно «поджечь Польшу одновременно с нескольких концов». По его плану, маршалок великопольский Заремба и маршалок вышеградский Савва Цалинский с десяти тысячным отрядом должны были наступать в направлении Варшавы. Казимиру Пулавскому вменялось угрожать русским магазинам в Подолии. Великого гетмана литовского князя Михаила-Казимира Огинского [\[87\]](#) просили двинуться с восемью тысячами регулярных войск к Смоленску. Сам же Дюмурье, собрав двадцать тысяч пехоты и восемь тысяч конницы, собирался захватить Краков, а оттуда идти на Сандомир, развивая

наступление на Варшаву или Подолию, в зависимости от того, где конфедераты добьются большего успеха.

План Дюмурье был бы идеален, если бы у него в подчинении были не польские, а французские дворяне, и если бы его противником был не Суворов, а какой-нибудь прусский или австрийский генерал.

В ночь на 19 апреля 1771 г. Дюмурье внезапно напал на Краков и захватил его. Вскоре ему удалось очистить от русских войск весь Краковский округ. Тогда командовавший войсками в Польше генерал Веймарн послал в Краков генерал-майора Суворова с отрядом из двух батальонов и пяти эскадронов при восьми орудиях, общей численностью до 1600 человек. По пути к Суворову присоединилось ещё две тысячи человек.

Следуя форсированным маршем вдоль правого берега Вислы, Суворов 9 мая появился под Краковом и атаковал замок Тынец, но неудачно. Тогда, оставив находившихся в Тынце конфедератов, Суворов двинулся к Ландскроне, где Дюмурье сосредоточил все бывшие поблизости отряды конфедератов (около четырёх тысяч человек).

10 мая Суворов с трёхтысячным отрядом атаковал Дюмурье. Позиция, занятая конфедератами на гребне высоты, была очень выгодной и хорошо укрепленной. Левый фланг позиции упирался в город Ландскрону, в котором был оставлен гарнизон в 600 человек. Такой же гарнизон занимал замок на высоте, примыкавшей к городу. В городе и в замке имелось тридцать орудий. Перед центром позиции находились густые сосновые рощи, и в каждой роще укрылось по сотне французских стрелков. Перед правым флангом было поставлено двадцать орудий.

Однако сила позиции не остановила Суворова, и он приказал 150 казакам авангарда атаковать центр, намереваясь поддержать их пехотой. Казаки понеслись в атаку врассыпную.

Между тем Дюмурье, совершенно уверенный в успехе, побоялся, что русские откажутся от боя, и поэтому приказал своим стрелкам не открывать огня, пока русские не покажутся на высоте. Но ожидания его не оправдались: казаки, взойдя на высоту, быстро сомкнулись и сами атаковали центр и фронт, где стояли войска молодого Сапеги и литовцы Оржевского.

Конфедераты были опрокинуты. В это время Суворов ввёл в дело пехоту Астраханского и Петербургского полков. Выбив стрелков, защищавших центральную рощу, пехота взобралась на высоту и построилась в боевом порядке. Стоявшие в центре конфедераты, желая предупредить атаку, двинулись вперёд и врубались в ряды русских войск,

но были отражены и обратились в бегство.

Части левого фланга в порядке отошли к Ландскроне, куда отступили и стрелки, занимавшие рощи и почти не принимавшие участие в бою. Казаки несколько вёрст преследовали разбитого неприятеля. Конфедераты потеряли около пятисот человек убитыми и двести пленными. Бой длился всего около получаса и был выигран, по меткому выражению Суворова, благодаря «хитрых манёвров французскою запутанностью и потому, что польские войска не разумели своего предводителя».

11 мая Суворов намеревался штурмовать Ландскрону, но, имея при себе всего восемь орудий и не рискуя атаковать прочные укрепления, выступил к Замостью, тем более что конфедераты начали действовать на его коммуникациях.

Дюмуре был крайне возмущён бездарностью поляков и уехал в Венгрию, а оттуда во Францию. Как иронически заметил Суворов, он «отклонялся по-французски и сделал антрешат в Бялу, на границу».

Перед отъездом Дюмуре отправил Казимиру Пулавскому письмо, где высказал всё, что думал о поляках. Как писал Суворов, «он его [Пулавского. — А. III.] ладно отпел».

Однако сам Казимир Пулавский не считал своё дело проигранным и попытался штурмом овладеть крепостью Замостье. Однако ему удалось захватить только передовые укрепления и предместье.

22 мая к Замостью подошёл Суворов и выбил из его предместья Пулавского. Поляки начали отход, но затем Пулавский совершил смелый манёвр и ушёл к Ландскроне. По одной из версий восхищённый Суворов послал к Пулавскому пленного польского ротмистра с подарком — любимой фарфоровой табакеркой.

Пока Суворов громил Дюмуре, великий литовский гетман Михаил Клеофас Огинский^[88] колебался. У него была четырёхтысячная частная армия, способная причинить русским немало неприятностей. Но, будучи талантливым композитором, музыкантом, писателем и инженером, Огинский был никудышным полководцем и политиком.

Наконец Огинский сделал выбор, и в ночь на 30 августа его войска напали на отряд полковника А. Албычева («легионную команду»). Сам полковник был убит, а его отряд сдался литовцам. По приказу Огинского часть пленных была отпущена восвояси. Далее гетман издал манифест о своём присоединении к конфедерации и отправился в Пинск.

Получив известие о движении Огинского в южном направлении, Суворов решил немедленно выступить ему навстречу. Из Люблина Суворов прибыл в Бялу. Там в короткий срок сформировали из подразделений

бригады «полевой деташемент», при этом на каждом посту Люблинского района оставив необходимое число войск для их обороны. В отряд включили до тридцати солдат легионной команды, отпущенных Огинским, а общая численность «полевого деташемента» составила 902 человека при пяти орудиях.

Рано утром 12 сентября Суворов атаковал войска литовского гетмана у местечка Столовичи, расположенного на полпути между Брестом и Минском. Русским удалось достичь тактической внезапности. Сам гетман ещё мирно спал с какой-то француженкой. К 11 часам утра всё было кончено. По одному источнику^[89], было убито свыше 300 поляков и 400 взято в плен, по другому^[90] — убитых поляков было свыше 400 и 300 пленных. Перечисление титулов авторов этих монографий займёт полстраницы, но данные явно взяты ими с потолка. Польские же данные отсутствуют. Но, так или иначе, победа Суворова была полная. Русские захватили гетманскую булаву Огинского, а сам гетман едва успел спастись. «Гетман, — доносил Суворов, — ретировался на чужой лошади в жупане, без сапогов, сказывают так! Лучшие люди убиты или взяты в полон». Русские же потеряли убитыми восемь нижних чинов, ранеными трёх офицеров и трёх нижних чинов.

В Польше Суворов быстро делал карьеру. 1 января 1770 г. он был произведён в генерал-майоры. В том же году он получил орден Святой Анны, 19 августа 1771 г. был награждён орденом Георгия 3-й степени. А 20 декабря 1771 г. последовал новый указ: «За совершённое разбитие литовского гетмана графа Огинского» Суворов награждался орденом Александра Невского.

В 1771 г. взамен полковника Дюмурье французское правительство направило в Польшу генерала барона де Виомениля. Вместе с ним прибыло пятьдесят французских офицеров и несколько десятков унтер-офицеров. Все французы ехали в партикулярном платье.

В отличие от своего предшественника Виомениль не стал составлять амбициозные планы военной кампании, а решил воздействовать на панов эмоционально. «В отчаянном положении, в котором находится конфедерация, — считал он, — потребен блистательный подвиг для того, чтобы снова поддержать её и вдохнуть в неё мужество».

В конце 1771 г. такую попытку по поручению Казимира Пулавского предприняли несколько шляхтичей, выкравших из Варшавы польского короля. Однако один из заговорщиков в последний момент переметнулся на сторону монарха и помог Понятовскому вернуться в столицу.

Тогда Виомениль решился на другую отчаянную демонстрацию — захват Краковского замка. В составе краковского гарнизона находились Суздальский пехотный полк, несколько сотен казаков и другие подразделения. Командовал гарнизоном полковник В. В. Штакельберг.

В Кракове имелся сильно укрепленный замок. Высота его стен составляла 9, 2 м, а толщина их достигала 2, 2 м. Вокруг замка был вырыт глубокий ров. В замке русские хранили полковой обоз, четыре пушки и содержали несколько десятков пленных конфедератов.

В ночь с 21 на 22 января 1772 г. из крепости Тынец, занятой конфедератами, вышел отряд из шестисот человек под командованием французского бригадира Шуази. А в это время в Кракове шёл костюмированный бал. Конфедераты сели в лодки и с помощью шестов переправились через Вислу. Перед этим выпал глубокий снег, и поляки, надев поверх мундиров белые одежды ксёндзов, беспрепятственно отыскивали отверстия под стенами, где местные жители заблаговременно выломали решётки. Шуази, разделив свой отряд на три части, должен был со своей группой пробраться через трубу для стока нечистот, но она оказалась заложена камнем. Тогда он вернулся к Тынцу, оставив на произвол судьбы остальных своих людей. А те благополучно проникли в замок и кинулись на часовых у ворот, затем захватили главный караул и завалили изнутри ворота замка, оставив свободной лишь низкую калитку (фортку).

Штакельберг танцевал на балу, когда в крепости раздались выстрелы. Несколько поляков вбежали в залу и потребовали, чтобы полковник сдал шпагу. Он едва успел спастись и, собрав находившиеся в городе отряды, кинулся к замку. Суздальцы попытались взломать ворота, но, обстрелянные с башен и из окон, отошли. Через полчаса секунд-майор Сомов вторично подступил к воротам, а капитан Арцыбашев бросился на вал к фортке. Вскоре Сомов и Арцыбашев были ранены, а Суздальский полк потерял в эту ночь убитыми и ранеными 41 человека и около 60 пленными.

В ночь на 24 января к Шуази подошло подкрепление. Отряд конфедератов с боем прорвался в замок. А утром в Краков прибыл Суворов с отрядом русских войск и с пятью польскими коронными конными полками, которыми командовал граф Ксаверий Браницкий.

Отряд Суворова вместе с остатками гарнизона (всего около 3500 человек) занялись осадой замка, а кавалерия Браницкого охраняла правый берег Вислы. По приказу Суворова русские солдаты втащили несколько полевых пушек на верхние этажи высоких домов Кракова и оттуда открыли огонь по замку. Однако огонь их был малоэффективен, а осадных орудий у

русских тогда не было.

Бригадир Шуази предложил выпустить из замка 100 пленных русских и 30 польских ксёндзов, а также снабдить осаждённых лекарствами, но получил категорический отказ.

2 февраля осаждённые пошли на вылазку. Им удалось разгромить роту Суздальского полка и поджечь предместье Кракова, но Суворов лично повёл свою пехоту в штыки и загнал неприятеля в замок.

В 2 часа ночи 18 февраля русские войска пошли на штурм замка. Суворов разделил штурмующих на три колонны под началом полковников Эбшельвица, Гейсмана и Елагина. Первая колонна добралась до ворот, заваленных камнями и брусьями. Солдаты топорами прорубили отверстие и через него завязали перестрелку, но дальше продвинуться не могли. Вторая колонна под командованием Гейсмана подошла к самым воротам, но тут Гейсман был убит, и его отряд остановился. Колонна Елагина приставила к амбразурам лестницы и полезла на стены, но была отбита. В 6 часов утра штурм был отбит. Русские потеряли убитыми и ранеными 150 человек, из них убитыми 10 офицеров и 40 нижних чинов.

Несколько раз отряды конфедератов безуспешно пытались деблокировать краковский замок. 4 марта Краков атаковал отряд Валевского, но был отбит кавалерией Браницкого. В следующий раз Краков был атакован тысячей всадников Симона Косаковского. Причём на этот раз в отражении атаки участвовали и русские во главе с Суворовым, который сам едва не был убит.

В начале апреля в Краков прибыла русская осадная артиллерия. Под стены замка начали подводить минные галереи. Однако Суворов понимал, что осада замка может затянуться на долгие месяцы, а штурм, вне зависимости от результатов, приведёт к большим потерям. Поэтому он сам предложил Шуази довольно почётные условия капитуляции. 15 апреля гарнизон капитулировал. Всего сдалось два бригадира (Шуази и Голибер), 43 офицера и 739 солдат. Из них 87 человек было больных и раненых.

Шуази с поклоном подал свою шпагу Суворову, который вернул её, сказав, что не может лишить шпаги столь храброго человека. «Вы служите французскому королю. А он состоит в союзе с моей монархиней», — сказал Суворов, потом обнял и поцеловал бригадира. Шпаги были возвращены и остальным офицерам-французам. Французов отправили во Львов и в Гояну, а конфедератов — в Смоленск.

В сентябре 1770 г. — январе 1771 г. состоялась поездка брата прусского короля принца Генриха в Петербург. В ходе бесед с Генрихом в конце декабря 1770 г. Екатерина II впервые согласилась на обсуждение

вопроса о разделе Речи Посполитой. К этому времени Пруссия и Австрия уже «де факто» захватили часть польских земель. Россия была связана тяжёлой войной с турками и не могла и думать о конфликте с Пруссией и Австрией из-за Польши.

В конце марта 1771 г. прусский кабинет-министр К. В. Финк фон Финкенштейн заявил австрийскому послу ван Свиттену, что, «по мнению короля, венский двор мог бы изложить свои права и претензии на другие [кроме Ципса] части Польши, поскольку другие соседи этого королевства поступят именно так». После того как ван Свиттен, связавшись с Веной, заявил об отсутствии у Австрии территориальных претензий к Польше, Фридрих, на этот раз лично, сказал ему: «Поройтесь в своих архивах, и Вы найдёте там предлог приобрести в Польше ещё что-нибудь, помимо того, что Вы уже оккупировали... Поверьте мне, надо пользоваться случаем, я возьму свою долю, Россия — свою, это не приведёт к значительному увеличению наших территорий, но это будет полезно всем нам. Кроме того, поскольку наши дворы хотели бы способствовать умиротворению Польши и поддержанию в ней спокойствия, наши новые приобретения могут помочь нам выполнить эту задачу более эффективно».

После долгих согласований вопроса о территориях, отходящих к участникам раздела, 6 (17) февраля 1772 г. в Петербурге была подписана секретная конвенция с Пруссией, а 25 июля (5 августа) — с Австрией.

С русской стороны конвенция была подписана главой Коллегии иностранных дел графом Н. И. Паниным и вице-канцлером князем Александром Михайловичем Голицыным, за Пруссию подписался граф Виктор Сольме, а за Австрию — князь Иосиф Лобкович.

Любопытно, что обе конвенции начинались одинаково: «Во имя Пресвятой Троицы...»

По этим конвенциям Пруссия получала: всю Померанию, исключая город Данциг с округом. Часть Великой Польши между Вислой на востоке и рекой Ницей (Нитце) на юге, так что она составляла границу между Пруссией и Польшей. Юго-западную часть Восточной Пруссии, включая Мариенбург и Эльбинг. Епископство Вармское и воеводство Кульмское, но без города Торна (Торунь), который остался за Польшей.

Австрия получала: правобережье реки Вислы от Силезии до Сандомира и до впадения реки Сан, откуда граница шла по прямой линии на Фрамполь до Замостья, а оттуда на город Грубешов и до реки Западный Буг, западнее города Владимира-Волынского. От Западного Буга граница Австрии с Польшей теперь проходила по исторической границе Червонной Руси, которая ныне является границей Польши с Подолией, до

окрестностей города Збараж, а оттуда на юг по прямой линии до реки Днестр вдоль небольшой речки Подгорче, которая отделяет незначительную часть Подолии до своего впадения в Днестр. Отсюда граница шла по старой австрийской границе с Молдавией.

Россия получала часть Литвы, то есть Литовского княжества, состоящую из воеводств Полоцкого и Витебского с границей по реке Западная Двина, а оттуда на юг по прямой линии до Орши, и затем граница России с Польшей шла по естественным рубежам по реке Друти до впадения её в Днепр, а затем по течению Днепра, так что всё Левобережье Днепра осталось за Россией и в пределах Белоруссии, и в пределах Малороссии, где сохранялась старая граница — от Лоева по Днепру. Киев (на Правобережье) как анклав сохранялся, как и по миру 1686 г., за Россией.

6 (17) августа 1772 г. Екатерина II в Царском Селе подписала «Указ о включении в состав Российской империи отошедших от Польши территорий по первому разделу Польши». Указ предписывал графу З. Г. Чернышёву:

1. В период с 1 (12) сентября по 7 (18) сентября 1772 г. занять войсками и установить русскую администрацию на отходящей от Польше территории (Белорусское наместничество).

2. Обнести столбами с императорским гербом всё пространство новых границ.

3. Назначить сроки торжественной присяги населения на подданство Российской империи.

4. Приняться за организацию двух губерний (Полоцкой и Могилёвской) из отошедших от Польши территорий.

5. Начиная с 13 сентября (день окончательного занятия русской администрацией Белоруссии) взимать в государственную казну все налоги и иные поступления на указанной территории.

Пруссия, Австрия и Россия договорились держать в тайне конвенции о разделе Польши до сентября 1772 г. В сентябре Пруссия и Австрия ввели свои войска в установленные конвенцией области Польши, а русские войска уже были на местах. Внезапность акции, а также значительное неравенство сил привели к тому, что раздел прошёл без войны с поляками.

Тем не менее, поскольку Речь Посполитая продолжала и после раздела существовать как государство, требовалось хоть какое-то формальное согласие поляков. Чрезвычайный Польский сейм удалось созвать лишь 8 (19) апреля 1773 г., и он заседал в Варшаве до сентября 1773 г., когда союзные государства заставили подписать его три отдельных договора с

Пруссией, Австрией и Россией, закреплявших отчуждение польских земель. 8 сентября 1773 г. король Станислав-Август ратифицировал эти договоры.

Глава 17

Второй раздел Польши

2 января 1787 г. Екатерина II под гром салюта покинула Петербург и отправилась в своё знаменитое путешествие в Тавриду. Её кортеж состоял из 14 карет и 164 саней. На каждой почтовой станции поезд ожидали 560 свежих лошадей. На лошадях императрица ехала до Киева. А там в апреле, когда сошёл лёд на Днепре, пересела на галеру «Днепр». Специально для её путешествия у Смоленска в 1785–1786 гг. было построено семь галер.

Днепр по-прежнему служил границей между Россией и Речью Посполитой. В Каневе на правом берегу Днепра Екатерину торжественно встретил король Станислав-Август. Это была их первая встреча за тридцать лет.

Ряд историков утверждает, что Понятовский был холодно принят Екатериной и уехал обескураженный. Действительно, Станислав надеялся на большее, тем не менее эта встреча прошла не зря. Екатерина в Каневе наградила Станислава высшим российским орденом Андрея Первозванного, а тот по возвращении в Варшаву послал Екатерине польский орден Белого орла. Но это лишь внешняя сторона встречи. Куда важнее было предложение короля о заключении русско-польского военного союза. Это не могло не понравиться Екатерине, но, увы, заключение союза Станислав-Август связывал с согласием императрицы на проведение ряда реформ в Польше, усиливающих королевскую власть. Екатерина же была настроена против реформ, чем и расстроила короля.

Русско-польский военный союз оба монарха рассматривали в контексте предстоявшей войны с Турцией, и Станислав-Август по возвращении в Варшаву велел там установить конную статую короля Яна Собеского, разгромившего в 1683 г. турецкую армию.

11 июля 1787 г. уже в Херсоне Екатерина II милостиво приняла племянника короля Станислава-Августа Станислава Понятовского. Вернувшись домой, молодой Станислав объявил дяде, что Екатерина II и австрийский император Иосиф II одобрили назначение его наследником польского престола.

Через две недели после объявления Турцией войны России Екатерина сама вернулась к предложению Станислава-Августа о подписании русско-польского оборонительного договора. В депеше от 1 сентября 1787 г. вице-

канцлер И. А. Остерман проинформировал русского посла в Варшаве графа Штакельберга о том, что «Её императорское величество убеждена, что в условиях нынешнего кризиса проявляется благоприятная возможность реализовать этот проект».

Однако инициатива Петербурга была парализована действиями Берлина. Новый прусский король Фридрих-Вильгельм II велел передать гетману литовскому Михаилу Огинскому: «Я желаю Польше добра, но не потерплю, чтоб она вступила с союз с каким-нибудь другим государством. Если республика нуждается в союзе, то я предлагаю свой с обязательством выставить 40 ООО войска на её защиту, не требуя для себя ничего за это». Министр Герцберг прибавил, что король может помочь Польше в возвращении Галиции, отторгнутой Австрией, лишь бы поляки не трогали турок.

В октябре 1788 г. в Варшаве собрался сейм, которому был предложен союз с Россией при решении Восточного вопроса. Россия обязывалась вооружить за свой счёт и содержать в продолжение всей войны двенадцатитысячный корпус польского войска, а после заключения мира в течение шести лет выплачивать на его содержание ежегодно по миллиону польских злотых. Также предложены были большие торговые выводы и дано обязательство вытребовать такие же выгоды от Турции при заключении мира.

Кроме того, Екатерина тайно предложила Станиславу-Августу турецкие земли в Подолии и Молдавии, разумеется, в случае успешного окончания войны.

Король Станислав-Август был всей душой за этот союз. Но прусский посол Бухгольц подал сейму ноту, в которой говорилось, что прусский король не видит для Польши ни пользы, ни необходимости в союзе с Россией, что не только Польша, но и пограничные с ней прусские владения могут пострадать, если республика заключит союз, который даст туркам право вторгнуться в Польшу. Если Польша нуждается в союзе, то прусский король предлагает ей свой, и прусский король постарается сделать всё, чтобы избавить поляков от чужестранного притеснения и от нашествия турок, обещает всякую помощь для охранения независимости, свободы и безопасности Польши.

На самом же деле Фридрих-Вильгельм II смертельно боялся усиления Австрии и России в ходе турецкой войны. Пруссия ничего не могла получить при разгроме Оттоманской империи. Но если дядя (Фридрих Великий) воспользовался первой турецкой войной и получил часть Польши, то почему его племянник (Фридрих-Вильгельм) не может

получить ещё больший кусок, не сделав ни одного пушечного выстрела?

Присоединение Польши к России и Австрии в ходе войны с Турцией давало ей последний шанс остаться на карте Европы, независимо от исхода кампании. Даже в случае поражения России, что представляется весьма маловероятным, Польша выигрывала. России было бы не до захвата польской земли, но при этом Екатерина вряд ли допустила бы раздел Польши между Австрией и Пруссией, я уж не говорю о победителе — турецком султани, который стал бы диктовать свои условия. В случае же успеха России Польша уже в ходе войны смогла бы создать мощную, хорошо обученную и дисциплинированную армию, а после заключения мира получить обширные территории на юге, присоединение которых, с одной стороны, поддержало бы материально польское государство, а с другой, стимулировало бы взрыв патриотизма среди поляков. Предположим на секунду, что Россия в ходе второй турецкой войны овладела бы Проливной зоной. Тогда даже на мирное «переваривание» причерноморских земель ей потребовалось бы не менее полувека. Но 50 лет мира в этой ситуации — чистая утопия. России пришлось бы постоянно воевать за Проливную зону как с остальными частями Османской империи, так и с европейскими государствами. Риторический вопрос: было бы дело России до Польши?

Однако радные паны предпочли поверить Фридриху-Вильгельму, а не Екатерине. Уже три столетия правящие круги Польши не покидают иллюзия, что существуют сильные государства, главной целью которых является совершенно бескорыстная поддержка поляков, и которые готовы сражаться до последнего своего солдата за Великую Польшу «от можа до можа». Увы, ни уроки конца XVII в., ни 1807 год, ни 1812-й, ни 1831-й, ни 1863-й, ни даже 1939 г. ничему поляков не научили.

Итак, позиция прусского короля вызвала в ноябре — декабре 1788 г. бурную поддержку среди шляхты, а точнее, среди подавляющего его большинства.

14 июля 1789 г. восставшие парижане взяли Бастилию. По этому поводу французский посол в Петербурге Сегюр писал: «...в городе было такое ликование, как будто пушки Бастилии угрожали непосредственно петербуржцам».

В Польше же Французская революция произвела ещё большее впечатление. Польская шляхта, совершенно не разбираясь в событиях во Франции, решила подражать якобинцам. Между ситуацией во Франции и в Польше в начале 90-х гг. XVIII в. не было ничего общего. Я приведу лишь принципиальные различия. Франция имела одну из сильнейших в Европе

армию и второй по величине в мире флот, а также мощную военную промышленность. В каком состоянии была польская армия, мы уже знаем. Во Франции главной движущей силой был народ. От революции в той или иной степени выиграли все слои общества — купцы, ремесленники, крестьяне, интеллигенты, разночинцы и т. д. В выигрыше оказались даже наиболее активные дворяне и представители духовенства, ведь именно они встали во главе республики, а затем и империи. Имущество кучки аристократов было поделено между миллионами французов, пусть несправедливо и неравномерно, но тем не менее король Людовик XVIII не посмел в 1815 г. начать реституцию.

Наконец, революция способствовала не дезинтеграции, а сплочению нации. Все без исключения французские партии от якобинцев до жирондистов и брюмерианцев были едины в лозунге — Французская республика едина и неделима. До 1789 г. французские провинции обладали достаточно большим суверенитетом и были связаны с Парижем лишь властью короля. Они имели свои парламенты, свои законы, собирали свои налоги, имели даже свои меры весов и длины. Мало того, для большинства французов французский язык... не был родным! Коренные бретонцы говорили на кельтском языке, в Провансе — на провансальском, у господ д'Артаньяна и де Тревилья родным языком был гасконский, в Эльзасе и Лотарингии говорили по-немецки, на Корсике языком всего населения был корсиканский диалект итальянского языка, и Наполеон до конца жизни так и не научился говорить по-французски без акцента.

Однако никто ни в 1789-м, ни в 1794-м, ни в 1799 гг. не сказал провинциям: «Берите суверенитета, сколько хотите». Наоборот, революция упразднила провинции, а вместо них создала маленькие департаменты, зависевшие от Парижа. В итоге за 25 лет революции и империи Франция превратилась в унитарное государство. За 25 лет миграция населения в провинциях и уменьшение роли местных языков было во много раз больше, чем за 500 лет королевства с 1289 по 1789 гг.

В Польше же с 1789 по 1815 г. главным и единственным действующим лицом на политической сцене была многочисленная шляхта^[91]. Простые крестьяне ничего не выигрывали ни от смены королей, ни от создания конфедерации, ни от разделов Польши. Все польские магнаты хотели иметь сильное унитарное государство, но только в том случае, если они сами окажутся у власти в этом государстве. В такой ситуации все «реформы» в Польше были заведомо обречены на провал, но, увы, об этом никто не думал.

В конце 1790 — начале 1791 гг. польский высший свет охватила идея

введения новой конституции. В её создании приняли участие Чарторыские, Игнатий Потоцкий, Станислав Малаховский, братья Чацкие, Станислав Солтык — племянник известного епископа, Немцевич, Вейссергоф, Мостовский, Матушевич, Выбицкий, Забелло и др.

О введении новой конституции было торжественно объявлено в Варшаве 22 апреля (3 мая) 1791 г. Фактически произошёл государственный переворот. 24 апреля (н. с.) праздновалась католическая Пасха. В эти дни депутаты съезда традиционно разъехались на несколько дней по домам. Однако сторонники новой конституции договорились не разъезжаться, а их противники, ничего не подозревая, уехали. Накануне на улицы Варшавы была выведена королевская конная гвардия и артиллерия. Сейм, на котором присутствовало не более 157 депутатов из 327-ми, принял новую конституцию. На сейме Станислав-Август трагическим голом заявил: «Не только дипломаты, все поляки, находящиеся за границею, пишут согласно, что иностранные дворы готовят новый раздел Польши. Медлить нельзя, мы должны воспользоваться настоящею минутою для спасения отечества». Игнатий Потоцкий обратился к королю, чтобы тот указал средства спасти отечество. «Мы погибли, — ответил король, — если долее будем медлить с новою конституциею. Проект готов, и надеюсь, что его нынче же примут: промедлим ещё две недели — и тогда, быть может, уже будет поздно».

Затем председательствующий зачитал проект конституции: «Господствующею признаётся католическая вера; все прочие терпимы. Все привилегии шляхты сохраняются. Все города вместе имеют право присылать на сейм 24 депутата, которые представляют желания своих доверителей; право же голоса имеют только при рассуждении о тех делах, которые непосредственно касаются городского сословия... Исполнительная власть принадлежит королю и его Совету, который состоит из шести министров, ответственных перед нациею; король может их назначать и увольнять; он должен их сменить, если две трети сейма того потребуют. Устанавливается наследственное правление; по смерти царствующего короля престол принадлежит ныне царствующему курфюрсту Саксонскому, а по нем — его дочери; король и нация изберут для неё супруга. Конфедерация и *liberum veto* уничтожаются».

После прочтения проекта конституции король провозгласил, что всякий, кто любит отечество, должен быть за проект, и спросил: «Кто за проект, пусть отзовется!» В ответ послышались крики: «Все! Все!» Присутствующие не хотели даже вторичного чтения проекта. Арбитры кричали: «Да здравствует новая конституция!», и заглушали крики: «Не согласны!» Королю поднесли Евангелие, и он присягнул. Заседание

кончилось, король встал, чтобы идти в костёл Святого Яна. Большинство последовало за ним. Познаньский депутат Мелжынский — противник новой конституции, упал наземь перед дверями, чтобы воспрепятствовать выходу, но напрасно: через него перешагнули и затоптали.

Около пятидесяти депутатов остались в сеймовом зале и решили подать протест против принятия новой конституции. Но городской суд не принял протеста. Вся Варшава была охвачена восторгом. В костёле Святого Яна сенаторы и депутаты присягнули на новой конституции, после чего был отслужен благодарственный молебен. Воздух потряслся от грома пушек и криков многочисленной толпы.

В Петербурге к майскому перевороту отнеслись достаточно спокойно. «Мы как прежде, так и теперь остаёмся спокойными зрителями до тех пор, пока сами поляки не потребуют от нас помощи для восстановления прежних законов республики», — отвечала Екатерина на донесение Булгакова о перевороте. Но позже тон стал несколько меняться. Так, летом 1791 г. Екатерина писала Григорию Потёмкину: «Мы не желаем разрыва с поляками, хотя после столь наглого с их стороны нарушения дружбы, после ниспровержения гарантированных нами учреждений, после многих нанесённых нам оскорблений, имели бы на то полное право».

Нетрудно догадаться, что польские реформы не понравились императрице, но турецкая война связывала ей руки.

Но вот ситуация кардинально меняется. 29 декабря 1791 г. Россия и Турция заключили мир. А 7 февраля 1792 г. Австрия и Пруссия заключили военный союз против революционной Франции.

Между тем Польша бурлила. Но дело было не в реформах, о которых столько говорили, но ничего не делали. Паны сводили счёты между собой. Заодно усилились преследования диссидентов. Многие обиженные магнаты стали просить помощи у соседних государств. Так, Феликс Потоцкий и С. Ржевуский прибыли в начале 1792 г. в Петербург и обратились с просьбой к русскому правительству о помощи для восстановления старой конституции.

В конце мая — начале июня 1792 г. генерал граф М. В. Каховский ввёл 65-тысячную русскую армию в пределы Польши. Сразу после ввода войск в маленьком украинском городке Тарговице образовалась конфедерация для восстановления старой конституции. Феликс Потоцкий был провозглашён её генеральным маршалом, а Браницкий и Ржевуский — советниками. К ним присоединились Антон Четвертинский, Юрий Виельгорский, Мошинский, Сухоржевский, Злотницкий, Загорский, Кабылецкий, Швейковски и Гулевич.

Каховскому противостояла 45-тысячная армия под командованием племянника короля князя Иосифа Понятовского. Узнав о походе русских, Понятовский отступил сначала за реку Случь (она же Десна), а затем и за Буг.

В Литву русские войска вступили под командованием генерала М. Н. Кречетникова и не встретили там сопротивления. 31 мая 1792 г. русские заняли Вильно, где с торжеством провозгласили литовскую конфедерацию для восстановления старой конституции. 25 июня был взят Гродно.

Армия Каховского форсировала Буг 5 июля и разгромила поляков у деревни Дубенки. 14 июля русские войска заняли Люблин.

Предчувствуя очередной раздел Польши, её вельможи начинали строить самые химерические проекты. Так, король Станислав-Август предложил сделать своим наследником внука Екатерины II великого князя Константина. При этом королевский титул должен был стать наследственным для потомков Константина. А Игнатий Потоцкий предложил в Берлине сделать наследником польского короля Людовика — второго сына прусского короля.

12 (23) января 1793 г. в Петербурге вице-канцлер граф Иван Андреевич Остерман и посланник Пруссии граф Генрих-Леопольд фон дер Гольц подписали секретную конвенцию о втором разделе Польши. Конвенция начиналась традиционно: «Во имя Пресвятой и нераздельной Троицы...» Ради Троицы Россия получала Левобережную Украину и значительную часть Белоруссии. Соответственно, Пруссия получала западную часть Польши, в том числе Данциг и Данцигский округ, а также территорию по линии Ченстохов — Рава — Солдау.

Австрия во втором разделе Польши не участвовала.

Манифест о присоединении к России новых земель был подписан 27 марта 1793 г. командующим русскими войсками в Польше генерал-аншефом М. Н. Кречетниковым. Согласно манифесту, новая русская граница начиналась от селения Друя на левом берегу Западной Двины, у стыка границ Польши, Семигалии (Курляндия) и России, и шла отсюда на реки Нарочь и Дуброву, а затем по границе Виленского воеводства на Столпеж — Несвиж — Пинск — Кунев (между Вышгородом и Новогроблей), смыкалась за Куневым с границей австрийской Галиции, и затем шла вдоль этой границы до Днестра прямо на юг и далее вдоль течения Днестра до местечка Ягорлык (в 72 км к юго-западу от города Балта).

11 (22) июля 1793 г. в Гродно был подписан русско-польский договор

об отказе Речи Посполитой на вечные времена от земель, указанных манифестом от 27 марта 1793 г. От России договор подписал посол Яков фон Сиверс, а от Польши — члены сената во главе с князем Игнацием Масальским и члены правительства во главе с Людовиком Тышкевичем.

Глава 18

Третий раздел Польши

Екатерина II и русское правительство были удовлетворены вторым разделом Польши и желали лишь спокойствия и стабильности в остальной части Речи Посполитой. Разумеется, дело не в том, что Екатерина к старости стала кроткой и миролюбивой. Просто у императрицы была совсем иная цель, и малейшая нестабильность в Польше могла ей только навредить.

Ещё 4 декабря 1791 г. Екатерина сказала своему секретарю Храповицкому: «Я ломаю себе голову, чтобы подвинуть венский и берлинский дворы в дела французские... ввести их в дела, чтобы самой иметь свободные руки. У меня много предприятий неоконченных, и надобно, чтобы эти дворы были заняты, и мне не мешали».

В августе 1792 г. прусские и австрийские войска вторгаются на территорию Франции. Европа вступает в период «революционных войн». А вот в России происходят странные события. Лучшие силы армии и флота стягиваются не на запад против злодеев-якобинцев, а на юг. В 1793 г. из Балтики на Чёрное море было переведено 145 офицеров и 2000 матросов. В Херсоне и Николаеве было заложено 50 канонерских лодок и 72 гребных судна разных классов. К навигации 1793 г. в составе Черноморского флота было 19 кораблей, 6 фрегатов и 105 гребных судов. В указе о приготовлении Черноморского флота было сказано, что он «Чесменским пламенем Царьградские объять может стены».

В январе 1793 г. в Херсон прибывает новый главнокомандующий граф Александр Васильевич Суворов. Пока Екатерина сколачивала коалицию для борьбы с якобинцами и устраивала публичные истерики по поводу казни короля и королевы, на Санкт-Петербургском монетном дворе мастер Тимофей Иванов тайно чеканил медали, на одной стороне которых была изображена Екатерина II, а на другой — горящий Константинополь, падающий минарет с полумесяцем и сияющий в облаках крест.

Операция по захвату Проливов была намечена на начало навигации 1793 г.

Никогда, ни раньше, ни потом, Россия не будет так близка к овладению Константинополем. Вся Западная Европа была связана войной с Францией. В 1791 г. умер Г. А. Потёмкин, который в последние годы связывал руки

Суворову. Теперь же Суворов и Ушаков с нетерпением ждали приказа императрицы — вперёд!

Но в Речи Посполитой мира не было и не могло быть по определению. Ах! — стенают польские историки, — какой может быть покой в стране, которую так дважды обобрали?! Ну, начнём с того, что Россия не взяла ни одного города или деревни, где этнические поляки составляли большинство. А главное, что в пору «бедствий отчизны» ни один богатый шляхтич не отказался от балов, маскарадов, псовой охоты и т. д.

Вот, к примеру, как «страдал» после двух разделов один из главных патриотов Речи Посполитой князь Карл Радзивилл в своём замке в городе Несвиже: «Кроме служивших в замке было множество женщин, даже девиц, весьма хороших фамилий, которые назывались резидентками (т. е. поживальницами), и находились или в свите сестёр и родственниц князя, или в ведении особых гувернанток. Это были одалиски (или одалыки) князя Карла Радзивилла, составлявшие его сераль, только без названия. Их выдавали замуж, с хорошим приданным, и заменяли другими. При этом всегда была одна султанша или главная любовница, *maitresse en titre*. Каждый Божий день, круглый год, был публичный стол человек на шестьдесят, иногда на сто, а вечером — или театральное представление, или концерт, а потом бал. Если дамы не хотели танцевать, то заставляли плясать украинских казачков, с бандурами и песнями, или танцовщиков и танцовщиц балетной группы. Князь Карл Радзивилл весьма любил пушечную пальбу, стрельбу из ружей и фейерверки, и весьма часто тревожил, по ночам, свой Несвижский гарнизон, выводя его в поле, для примерных атак и сражений, с пальбою»^[92].

От большой любви к отчизне Радзивилл даже решил чеканить свою собственную монету, и действительно выпустил несколько сотен полновесных золотых монет. На них был изображён анфас король Станислав-Август и написано: «*Król Poniatowski, kier z łaski Boskiej*» («Король Понятовский, дурак по Божьей милости»).

Король тоже очень страдал и поэтому ещё чаще стал менять любовниц, искал утешения то у ксёндзов, то у Вольтера, то в мартинизме. Станислав писал легкомысленные стихи и вполне серьёзную монографию об истории наиболее известных в мире алмазах и других драгоценных камнях.

Увы, слишком многие паны считали, что «Польша сильна разборами», и мечтали именно на «разборе» сделать свою карьеру. Среди этих панов был генерал Дзялынский, бригадир Мадалинский, шляхтич Ельский и др. К ним примкнули довольно тёмные личности, как, например, купец Копотас.

Происхождение его неизвестно, родился в Венгрии, в Варшаву прибыл в 1780 г., в 1785 г. вместе с евреем Мазингом основал крупную банкирскую контору и, наконец, в 1790 г. купил себе «шляхетство». Ну как такому шляхтичу не порадеть за отчизну? В том же 1780 г. приехал в Варшаву башмачник Ян Килинский. Как писал С. М. Соловьёв: «Молодой, ловкий, красивый, краснбай, Килинский в короткое время приобрёл большую известность у варшавских дам, сделался модным башмачником, купил два каменных дома, стал членом магистрата. Будучи самым видным человеком в цехе сапожников, многочисленном из варшавских цехов, Килинский мог оказать восстанию самую деятельную помощь; ксёндз Мейер свёл его с офицерами-заговорщиками»^[93].

Заговорщикам нужно было знамя, и им стал 47-летний генерал Тадеуш Костюшко (1746–1817). Он принадлежал к небогатому старинному дворянскому роду^[94]. В 1769 г. он окончил Варшавскую военную школу и был отправлен во Францию «для повышения квалификации». В течение пяти лет он учился в парижской «École militaire» (нечто типа современной военной академии). В 1774 г. он вернулся на родину, но, будучи человеком бедным, не сумел сделать карьеру и в 1776 г. уехал во Францию, а оттуда в Америку, которая в то время вела войну за независимость. За боевые заслуги он в 1783 г. получил чин генерала и орден Цинцината. В 1784 г. он вернулся в Польшу. Летом 1792 г. Костюшко вступает в армию Иосифа Понятовского. 17 июня 1792 г. отряд Костюшко был разбит русским генералом Каховским у деревни Дубенки. За неимением других способных генералов Костюшко стал национальным героем уже в 1792 г.

В октябре 1792 г. Костюшко уезжает за границу. Приехав в Париж, он обратился к военному министру Лебрену с просьбой о помощи. Лебрен пообещал деньги и участие Турции в случае польского восстания. Обратим внимание: якобинцы пытаются помочь польской шляхте!

Посланцы варшавских заговорщиков находят Костюшко в декабре 1793 г. в Риме. Долго Костюшко уговаривать не пришлось.

В начале 1794 г. командовать русским войском в Варшаве был назначен 56-летний генерал-поручик барон Иосиф Игельстром. Он был выходцем из немецкой дворянской семьи, жившей в Курляндии. Игельстром был исправный служака, всегда старательно выполнявший чужие приказы, но не способный к самостоятельным действиям. Он долго служил в Польше под началом князя Репнина, но, увы, так и не научился разбираться в польских делах.

В довершение всего барон влюбился в одну из первых красавиц

Варшавы графиню Залусскую, урождённую Пиотровичеву. В итоге русский генерал-поручик стал игрушкой в руках польской графини. Сразу замечу, что пани Залуская не страдала избытком польского патриотизма, а пользовалась Игельстромом для решения своих личных дел. Дошло до того, что Игельстром заставил короля Станислава выполнять прихоти графини. Пани не была лишена здравого смысла и вовремя предостерегла Игельстрёма о готовящемся заговоре. Но, увы, тот ей не поверил. Да и как мог генерал-поручик, да ещё и немец, верить бабоньке-сплетнице! На всякий случай он удвоил караулы и велел арестовать несколько заговорщиков. Но взять удалось лишь Венгерского и Серпинского, остальные были предупреждены и успели скрыться.

На всякий случай Игельстром решил подстраховаться и отправил в Петербург депешу с просьбой послать в Польшу дополнительные силы. Екатерина отправила ему длинное и довольно нудное письмо, суть которого легко передана в словах Суворова: «Бьют не числом, а умением». Екатерина писала: «Вы из опытов знаете, что мы почти всегда не столько числом, сколько мужеством и храбростию войск наших побеждали и покоряли наших врагов, почему и почитаем, что найдёте достаточным числом войск наших ныне до 10 000 в окрестностях Варшавы... к удержанию тишины и повиновения...»

Ещё раньше на Гродненском сейме было решено распустить часть польских коронных войск. Некоторые полки были совсем расформированы, а другие уменьшены в своём числе. Офицеры и солдаты, оставшиеся вне службы, стали источником возмущения на местах.

Сигнал к началу восстания подала бригада Мадалинского, стоявшая в Остроленке и подлежащая расформированию. Получив приказ об этом, Мадалинский отказался его выполнять. Когда генерал Игельстром выслал против него отряд генерала Багреева, Мадалинский выступил с бригадой из Остроленки, перешёл прусскую границу и захватил город Солдау. Там хранилось денежное довольствие прусских войск («прусская военная казна»). Прихватив денежки, Мадалинский бросился бежать в Польшу. Перейдя границу, он двинулся к Кракову.

Находившийся в это время в Италии Костюшко, узнав о действиях Мадалинского и об арестах заговорщиков в Варшаве, решил начать восстание, хотя считал его ещё не подготовленным, и поспешил в Краков. Весть о приближении Костюшко заставила полковника Лыкошина, командовавшего русскими войсками в Кракове, вывести из города свой отряд.

По прибытии в Краков Костюшко инициаторы восстания собрались в

костёле капуцинов и в присутствии большого количества народа торжественно освятили свои сабли. Был составлен акт восстания, а Костюшко провозгласили «наивысшим начальником всех сил народной обороны». Ему были даны неограниченные полномочия диктатора.

Став открыто во главе восстания, Костюшко издал манифест ко всему польскому народу, призывая всех «спешить с оружием под знамёна отчизны» и жертвовать на общее благо деньги, припасы, лошадей и другое имущество.

Для подавления мятежа Мадалинского Игельстром выслал отряд генерала Тормасова (5 тысяч человек при 18 пушках). Стремительным маршем Костюшко с отрядом повстанцев, сформированным в Кракове, двинулся на соединение с бригадой Мадалинского. После соединения обоих отрядов Мадалинский признал главенство Костюшко. Поляки заняли сильную позицию близ деревни Рацлавицы и хорошо окопались. У Костюшко было до четырёх тысяч бойцов и 12 пушек.

Утром 4 апреля 1794 г. генерал Тормасов атаковал поляков. Однако все атаки русских были отбиты, а затем Костюшко сам перешёл в наступление и заставил русских отступить, а трофеем повстанцев стали все восемнадцать русских пушек.

Эта победа вызвала всеобщее ликование в Польше. Под знамёна Костюшко начала толпами стекаться польская молодёжь. Окрылённый успехом, Костюшко решил идти на Варшаву.

Между тем польские заговорщики в Варшаве и Вильно назначили день восстания на 6 (17) апреля. Ночью с 5 на 6 апреля заговорщики раздавали деньги деклассированным элементам («черни»). Один только Кишинский раздал 6 тысяч злотых. Частям коронных войск, дислоцированных в Варшаве, их офицеры объявили, что русские войска ночью нападут на польский арсенал и пороховые склады.

В Варшаве в 4 часа утра 6 апреля отряд королевской конной гвардии внезапно вылетел из казарм и атаковал русский пикет, который стоял с двумя пушками между казармами и железными воротами Саксонского сада. Пикет выстрелил два раза из пушек и отступил перед более сильным противником. Отряд, подрубив колёса у пушек, возвратился в казармы. Затем выехала вся конная гвардия: два эскадрона направились к арсеналу, два — к пороховому складу.

В арсенале восставшие раздавали ружья и палаши всем желающим. В городе началось избиение русских. В живых оставляли лишь офицеров, да и то не всегда.

Король Станислав попытался остановить восстание, или по крайней

мере сделал вид, что попытался. Он послал приказ своей конной гвардии и уланскому полку немедленно прибыть в королевский дворец. Однако в казармах уже никого не было. Как писал С. М. Соловьёв: «Король сошёл вниз, на дворцовый двор, чтобы увериться, тут ли по крайней мере обычные караулы, и запретил им двигаться с места; потом вышел в сопровождении пяти или шести человек посмотреть, что делается на улице, и видит, что вооружённые толпы куда-то бегут. Минут десять спустя раздаётся шум сзади, король оборачивается: гвардейцы, которые сейчас дали ему слово не трогаться с места, бегут. Король идёт к ним навстречу, кричит, машет рукою; солдаты останавливаются; молодой офицер подходит к королю и с клятвами в верности к его величеству объявляет, что они должны идти туда, куда зовёт их честь. „Честь и обязанность повелевают вам быть подле меня“, — отвечает король. Но в это самое время слышится выстрел в той стороне, где живёт Игельстром, и гвардия бросается туда, так как король едва не был сбит с ног; во дворце не остаётся ни одного караульного. Час спустя является магистрат с объявлением, что он потерял всякую власть над мещанами, которые разломали оружейные лавки, вооружились и бегут на соединение с войсками. Тут король посылает своего брата к генералу Игельstromу с предложением выйти из города с русскими войсками, чтобы ему, королю, можно было успокоить город, ибо народ и солдаты кричат, что без этого они не перестанут драться. Игельstrom отвечает, что принимает предложение. Подождавши час и видя, что Игельstrom не трогается и стрельба не перестаёт, король посылает к Игельstromу старого генерала Бышевского с прежним предложением. Игельstrom хотел сначала сам ехать к королю, но когда Бышевский представил ему, что он рискует подвергнуться большим опасностям со стороны народа, то Игельstrom посылает племянника своего для переговоров с королём.

Вместе с молодым Игельstromом едут Бышевский и Мокрановский с целью защищать его от народа, но разъярённые толпы кидаются на Игельstromа и умерщвляют его; Бышевский, хотевший защитить его, сам тяжело ранен в голову; Мокрановский, как видно, не употреблял больших усилий к защите и потому остался цел и невредим. Станислав-Август затеял все эти переговоры и приказывал известить Игельstromа о расположении войска и народа, вовсе не зная этого расположения. Только когда убили молодого Игельstromа, король вышел на балкон и стал говорить народу, что надобно выпустить Игельstromа с войском из города. Народ закричал, что русские могут выйти, положивши оружие. Король отвечал, что русские никогда на это не согласятся; тогда в толпе раздалась

оскорбительные для короля крики, и он должен был прекратить разговор»^[95].

Большая часть русского войска под командованием генерала Новицкого потеряла связь с Игельстромом и днём 6 апреля ушла из Варшавы. Сам же Игельстром с самого начала потерял управление войсками и с несколькими сотнями солдат из разных частей отбивался от восставших у своего особняка на Медовой улице. На рассвете 7 апреля Игельстром вступил в переговоры с повстанцами, послав парламентёром бригадира Бауера. Командовавший повстанческими войсками в этом районе генерал Мокрановский потребовал, чтобы Игельстром «сдался на милость победителя».

Однако Игельstromу удалось ускользнуть из Варшавы. По официальным данным (С. М. Соловьёв, «Военная энциклопедия» и др.), он «с небольшим отрядом» пробился из города и убежал в Повонзки на дачу княгини Чарторыской. Фаддей Булгарин пишет, что «генерала Игельstromа спасла графиня Залусская и переодетого вывезла из Варшавы»^[96]. На даче княгини Чарторыской Игельstrom был найден прусским войском.

Восставшие ворвались в дом Игельstromа и начали рыться в его бумагах, которые тот не догадался сжечь. Восставшие захватили несколько польских магнатов, которые состояли в переписке с Игельstromом. После того как вожди восстания отказались их казнить без суда, толпа ворвалась в тюрьму и линчевала двенадцать знатных панов.

Замечу, что Екатерина не хотела слушать оправданий Игельstromа, и его заставили подать в отставку и отправиться на жительство в Ригу. Придурок Павел, которому доставляло удовольствие делать всё наперекор матери, вызвал Игельstromа из ссылки и произвёл его в генералы от инфантерии, потом подумал-подумал, да и отправил Игельstromа в Оренбург генерал-губернатором.

Как уже говорилось, заговорщики выступили в Вильно синхронно с восстанием в Варшаве. В Вильно находился русский гарнизон численностью до трёх тысяч человек под командованием генерала Н. Д. Арсеньева. Польские (литовские) войска внезапно ночью 6 апреля напали на русских. Генерал Арсеньев был убит (по другим источникам, сначала взят в плен, а потом убит). В плен было взято 50 офицеров и 600 нижних чинов. Русские в беспорядке, отдельными группами покидали город.

В ночь на 6 апреля отличился майор Н. А. Тучков (будущий герой Бородин). Он сумел вывести из Вильно артиллерийский парк. Тучков

сразу же начал собирать бегущих нижних чинов и к 8 часам утра вывел за город до семисот человек при двенадцати пушках. И вот с семью сотнями деморализованных солдат храбрый майор... повернул обратно. По его приказу солдаты подожгли предместье Вильно, а артиллеристы установили пушки на Боуфоловскую высоту и открыли огонь по центру города. Против Тучкова восставшие отправили тысячу пехотинцев при четырёх пушках. Казаки завлекли поляков к замаскированным пушкам, затем последовали залпы картечи. Уцелевшие поляки бежали в Вильно. К полудню 6 апреля у Тучкова собралось уже до 2200 человек.

Но в ночь на 7 апреля Тучков получил сведения о подходе подкреплений к восставшим и отступил. На рассвете 11 апреля отряд Тучкова был атакован шестью тысячами поляков под командованием генералов Гедройца и Мея. Тучков отбил нападение и 13 апреля подошёл к Гродно.

А теперь вновь вернёмся в Варшаву, которую мы оставили 7 апреля 1794 г. Чтобы избежать обвинений в субъективности, предоставлю слово С. М. Соловьёву: «1 мая [в Варшаву. — А. III.] приехал курьер от Костюшки: генералиссимус одобрял всё сделанное в Варшаве; назначил Мокрановского своим наместником. Вместе с этим озабочился и насчёт своего соперника — короля: предлагал взять предосторожности, чтобы Станислав-Август не уехал из Варшавы, ни с кем не переписывался; чтобы все особы, близкие к королю, были арестованы. Вследствие этого члены нового правления явились во дворец с требованием, чтобы один из самых сильных приверженцев России, Виленский епископ князь Масальский, отдал им драгоценный крест, полученный от русской императрицы после подписания Гродненского трактата.

В тот же день в 9 часов вечера явился к королю Мокрановский с требованием, чтобы велел арестовать Виленского епископа и выдать его правлению; король отказался, тогда правление само распорядилось — арестовало Масальского, Скорчевского, епископа Хельмского, и Мошинского, великого маршала: все трое помещены были в Брюльский дворец. Король решился завести сношения с генералиссимусом, 6 мая послал объявить Костюшко, что тесно соединил своё дело с народным и не сделает ни одного шага для собственного спасения. Но в Варшаве не верили этим заявлениям. 8 мая король выехал погулять из Варшавы в Прагу: народ взволновался, думая, что он хочет бежать, и правление прислало просить его, чтобы он не выезжал больше из Варшавы в предместье. Между тем народ волновался и по другой причине: он требовал казни лиц, известных своею приверженностью к России, — и

поспешили удовлетворить требования народа: 9 мая были повешены гетман коронный Ожаровский, гетман Литовский Забелло, Анквич; народ требовал казни Масальского — и епископа повесили, несмотря на протест папского нунция Литты»^[97].

Я специально дал длинную цитату, чтобы читатель сам мог провести аналогию Варшавы 1794 г. с Парижем 1792 г.

28 мая по распоряжению генералиссимуса Костюшко образовался Верховный правительственный совет, членами которого стали Сулистровский, Вавржецкий, Мышковский, Коллонтай, Закржевский, Веловеский, Игнатий Потоцкий и Яскевич.

Ещё 30 апреля генералиссимус Костюшко объявил «посполитное рушение», по которому всё мужское население Польши и Литвы в возрасте от 15 до 50 лет призывалось в ряды польской армии. Для вооружения народа были открыты все арсеналы, а также велено было изготавливать пики и косы. В Варшаве начались спешные работы по возведению укреплений.

7 мая Костюшко выпустил манифест, в котором призывал всех объединиться для борьбы с общим врагом. Манифест этот, несмотря на свою пространность и на обещания различных прав хлопам, успеха не имел. Помещики встретили его с недовольством, видя в нём нарушение их вековых привилегий, а хлопы отнеслись к нему с недоверием, поскольку в нём заявлялось, что обещанные льготы и свободы подлежат пересмотру на будущем сейме.

Денег в казне повстанцев не было, налоги не платились, пожертвования поступали туго, рекруты не являлись, и немногочисленная армия Костюшко терпела во всём лишения. Попытка Костюшко сформировать войско из добровольцев потерпела неудачу: удалось организовать всего один отряд в две тысячи человек. Чтобы привлечь к восстанию хлопов, из которых Костюшко думал организовать отряды «косиньеров» (вооружённых косами), он стал носить мужицкую сермягу и сам ездил по деревням, стараясь во всём подражать образу жизни хлопов, и пользовался каждым случаем, чтобы убеждать их присоединиться к восстанию, обещая за это свободу и землю. Однако и такая агитация заметного успеха не имела. Вместо предполагавшихся по плану восстания 400 тысяч человек «посполитное рушение» набрало для Костюшко к осени 1794 г. едва лишь 40 тысяч.

Как уже говорилось, беднягу Игельстрома спас на даче княгини Чарторыйской отряд пруссаков. Вскоре в пределы Польши вступили и главные силы Пруссии во главе с Фридрихом Вильгельмом II. Пруссаки

спешили не столько разбить повстанческую армию, сколько затем, чтобы занять большую территорию, чтобы иметь хороший козырь при новом разделе Польши. А в том, что он неминуем, «толстый король» не сомневался ни секунды.

Чтобы предупредить соединение отдельных русских отрядов (Денисова, Хрущёва и Рахманинова), Костюшко решил атаковать Денисова при деревне Шековичи. Но Денисов, на помощь к которому подоспели прусские войска, сам начал атаку и наголову разбил поляков.

15 июня Краков сдался пруссакам. Костюшко приказал казнить коменданта краковского гарнизона. Прусские войска подошли к Варшаве, но Костюшко удалось стянуть к столице значительные силы, и немцы, постояв пару месяцев под Варшавой, ушли.

10 сентября Костюшко распорядился взять в казну для нужд армии все ценности в серебре и золоте, не только хранившиеся в казённых и общественных местах, но и в монастырях, церквях и у частных лиц. Всё полученное таким образом имущество должно было служить обеспечением 5-процентных бумаг, которые выпускались временным правительством.

18 сентября 1794 г. ввиду явной своей неудачи «посполитное рушение» было объявлено распущенным, а вместо него велено было усилить рекрутский набор.

Между тем русские действовали куда успешнее, чем пруссаки. В июле к Вильно подошёл русский отряд генерал-майора Кноринга. К тому времени полякам удалось сильно укрепить Вильно и свезти туда мощную артиллерию. Командовал поляками генерал Иосиф Заиончек^[98].

8 июля русские взяли приступом часть ретраншемента, но попытка овладеть самим городом не удалась.

30 августа 1794 г. к Вильно подошёл отряд генерал-майора Германа, а на рассвете 31 августа была предпринята вторичная атака Вильно, закончившаяся занятием города.

Главное командование русскими войсками Екатерина II поручила графу Петру Александровичу Румянцеву-Задунайскому (1725–1796), что стало большим утешением для престарелого и больного полководца, сознавшего, впрочем, что командование это может быть теперь чисто фиктивным.

Румянцев немедленно принял первое и последнее своё собственное решение, вызвав в Польшу Суворова без санкции императрицы. Лишь задним числом Екатерина писала: «Я послала две армии в Польшу — одну действительную, другую Суворова».

С десяти тысячным отрядом Суворов прошёл от Днестра на Буг, сделав

560 вёрст за 20 дней. Ни Румянцев, ни сама императрица больше не вмешивались в дела Суворова.

4 сентября Суворов атаковал и разбил под Кобриным передовой отряд поляков под командованием генерал-майора Ружича.

Любопытно, что когда генерал Сераковский донёс Костюшко о появлении на театре военных действий Суворова, тот ответил, что бояться нечего: «Это не тот Суворов, а другой, казачий атаман». Генералиссимус всё ещё думал, что Суворов на юге Украины.

6 сентября у монастыря при Крупчице, в 15 верстах от Кобрина, произошла встреча с корпусом генерала Сераковского, насчитывавшим 16 тысяч человек при 28 орудиях. «Сей мятежнический корпус, — писал Суворов, — состоял из лучших их войск, знатной части старых коронной гвардии и иных полков, исправно выэкзерцированных».

Сражение началось в 10 часов утра и закончилось в 6 часов вечера поражением поляков. Понеся большие потери, корпус Сераковского отступил в сторону Бреста. Победа русских войск во многом объяснялась решительностью их штыковых атак. Суворов отмечал, что нигде так не блистало холодное оружие, как при Крупчице.

Войска Суворова, преследуя корпус Сераковского, 8 сентября под Брестом полностью разгромили его. Корпус перестал существовать. «В первый раз по всеподданнейшей моей её императорскому величеству более 50-ти лет службе, — писал Суворов, — сподобился я видеть сокрушение знатного, у неприятеля лучшего, исправного, обученного и отчаянно бьющегося корпуса — в поле! на затруднительном местоположении».

Узнав о поражении Сераковского, Костюшко поехал к нему и щедро роздал награды остаткам его корпуса. Впечатление в войсках от победы Суворова было так сильно, что Костюшко издал приказ, в котором объявлял, что «если кто будет говорить, что против москалей нельзя удержаться, или во время битвы станет кричать, что москали зашли в тыл, тот будет расстрелян. Приказываю пехотные части держать позади линии с пушками, из которых будут стрелять по бегущим. Пусть всякий знает, что идя вперёд, получит победу и славу, а покидая поле сражения, встречает срам и смерть».

Чувствуя, что почва уходит из-под ног, и понимая, что исход всей кампании зависит от решительного столкновения с противником, Костюшко решил атаковать генерала И. Е. Ферзена и не дать ему соединиться с Суворовым. Никому не сообщив о своём намерении, он тайно, ночью, в сопровождении одного Немцевича, выехал верхом из Варшавы к месту расположения отряда Сераковского. Прибыв на 3-й день в

лагерь польских войск в Корытницу, Костюшко узнал, что все силы поляков не превышают 9 тысяч человек, тогда как у Ферзена было около 18 тысяч.

Несмотря на несоответствие в силах, Костюшко не изменил решения. 28 сентября он выбрал позицию у деревни Мациовицы. Утром 29 сентября поляки атаковали русских, но были отбиты артиллерийским огнём. Затем русские перешли в наступление, и поляки были окружены. Разгромом Костюшко руководил майор Фёдор Петрович Денисов^[99]. Командир корпуса И. Е. Ферзен прибыл лишь к концу сражения.

В ходе боя под Костюшко было убито две лошади. Когда польская кавалерия побежала, он бросился её останавливать, но был настигнут русскими корнетами Лисенко и Смородским, которых сопровождали два казака. Конь Костюшко споткнулся и упал. Казаки ударили Костюшко пиками, а Лисенко нанёс ему удар саблей по голове. В этот момент Смородский узнал Костюшко и закричал: «Это Костюшко!» Тяжело раненный в голову и в ногу, в бессознательном состоянии, Костюшко на носилках из пик был вынесен с поля сражения.

В Варшаве долго не хотели верить плену Костюшко. Распространился слух, что его израненного нашли в болоте и везут в Варшаву. Народ толпами бежал к мосту, ожидая прибытия Костюшко. Когда на другой день было официально объявлено «о постигшем отечество несчастье», раздались крики: «Нет Костюшко! Пропала отчизна!» Временное правительство отправило Костюшко письмо, в котором заявляло, что готово поменять на него «всех неприятельских пленников. Это — голос всего народа. Каждый из нас готов пожертвовать своей свободой за твою».

Чтобы более не возвращаться к Костюшко, скажу, что он был доставлен в Петербург, где находился под арестом до смерти Екатерины II. 15 ноября 1796 г. во дворец графа Орлова, где содержался Костюшко, приехал император Павел I и лично возвестил ему личную свободу. Одновременно с Костюшко, по его просьбе, были объявлены свободными и остальные двенадцать тысяч пленных поляков. Все освобождённые поляки, не исключая и Костюшко, были приведены к присяге на верность России и императору Павлу. Спустя месяц Костюшко через Финляндию и Швецию выехал в Лондон, получив от Павла щедрые подарки: деревню, 12 тысяч рублей деньгами, карету, соболью шубу и шапку, меховые сапоги и столовое серебро.

Затем Костюшко путешествовал по Европе и даже побывал в Америке. Летом 1798 г. Костюшко выехал обратно в Европу, так как до него дошли слухи, что генерал Домбровский собирает польские легионы, рассчитывая с помощью Бонапарта добиться восстановления независимости Польши.

Прибыв в Париж, Костюшко 4 августа 1798 г. послал Павлу 112 тысяч рублей при письме, в котором в довольно резких выражениях заявлял о своём отказе от полученного дара. Когда это письмо было доставлено Павлу, он велел отослать деньги обратно Костюшко и объявить ему, что «от изменников он принимать их не желает».

В эмиграции «генералиссимус» Костюшко явно преувеличивал своё значение. В 1807 г. Костюшко заявил министру Фуше, что если Наполеону нужна его помощь, то он готов её оказать, но при условии, что Наполеон даст письменное обещание, опубликованное в газетах, что форма правления Польши будет установлена такая же, как в Англии, что крестьяне будут освобождены с землёй, и границы Польши будут от Риги до Одессы и от Гданьска до Венгрии, включая Галицию. В ответ на это Наполеон написал Фуше: «Я не придаю никакого значения Костюшко. Он не пользуется в своей стране тем влиянием, в которое сам верит. Впрочем, всё поведение его убеждает, что он просто дурак. Надо предоставить делать ему, что он хочет, не обращая на него никакого внимания».

В апреле 1814 г. Костюшко обратился с письмом к Александру I с советами по переустройству Польши. Вначале он был встречен русским императором благосклонно, но потом попросту надоел. Обиженный Костюшко отправился в Швейцарию, где и умер 15 октября 1817 г. от «нервной горячки».

6 октября 1794 г. Суворов созвал военный совет, на котором было решено идти на Варшаву. При этом Суворов приказал идти туда же корпусам И. Е. Ферзена и В. Х. Дерфельдена, которые ему формально подчинены не были. Князь Н. В. Репнин, которому был подчинён Дерфельден, послал по сему поводу донос на старика, но там ему только посочувствовали.

14 октября Суворов получил от разведки сообщение, что отряд поляков находится у местечек Кобылка и Окунево. Он немедленно направил генерала Ферзена к Окуневу, а сам с десяти тысячным отрядом направился к Кобылке. В авангарде шёл бригадир Исаев с несколькими сотнями казаков и десятью эскадронами переяславских конных егерей. Путь лежал по труднопроходимой местности, через болотистые леса, и Исаев, с трудом совершив ночной марш, только в 6 часов утра 15 октября появился перед отрядом генерала Майена (около 4, 5 тысяч человек).

Поляки занимали позицию на поляне шириной около двух вёрст. В центре стояла пехота, а кавалерия — на флангах, бывших под огнём егерей и нескольких орудий, укрытых в кустах. Исаев, хотя и имел только полторы тысячи человек, утомлённых ночным переходом, атаковал, но был отбит

артиллерийским и ружейным огнём. Тут прискакал Суворов. Один из офицеров доложил, что в русском авангарде нет орудий, а у неприятеля — есть. «У него есть орудия? — переспросил полководец. — Да возьмите их у него и бейте его ими же».

Тем временем стали подходить и главные силы. Генерал Исленьев врубился в левое крыло поляков, а генерал Шевич заставил их правый фланг броситься в лес. Тогда Майен стал отступать двумя колоннами. Одна из них (около тысячи человек) шла по лесной дороге. Исленьев, усиленный из главных сил драгунами и батальоном егерей, бросился к ней и после дружной атаки заставил поляков сложить оружие. Другая колонна двинулась по большой дороге на Варшаву. Суворов направил в обход её почти всю свою конницу и два казачьих полка, прибывших от Ферзена.

Когда поляки вышли из леса на открытую высоту, то были встречены огнём нашей артиллерии. Польская артиллерия начала отвечать. Поляки пытались пробиться, но Мариупольский конно-лёгкий полк и два эскадрона глуховских карабинеров из-за пересечённой местности спешили и вместе с егерями атаковали в палаши и сабли. Упорный бой длился более часа: поляки дорого продавали свои жизни. Потери русских составили 153 человека, а поляков — почти весь отряд (одних пленных взято более тысячи человек). Вся артиллерия (9 орудий), знамя и обоз поляков достались русским.

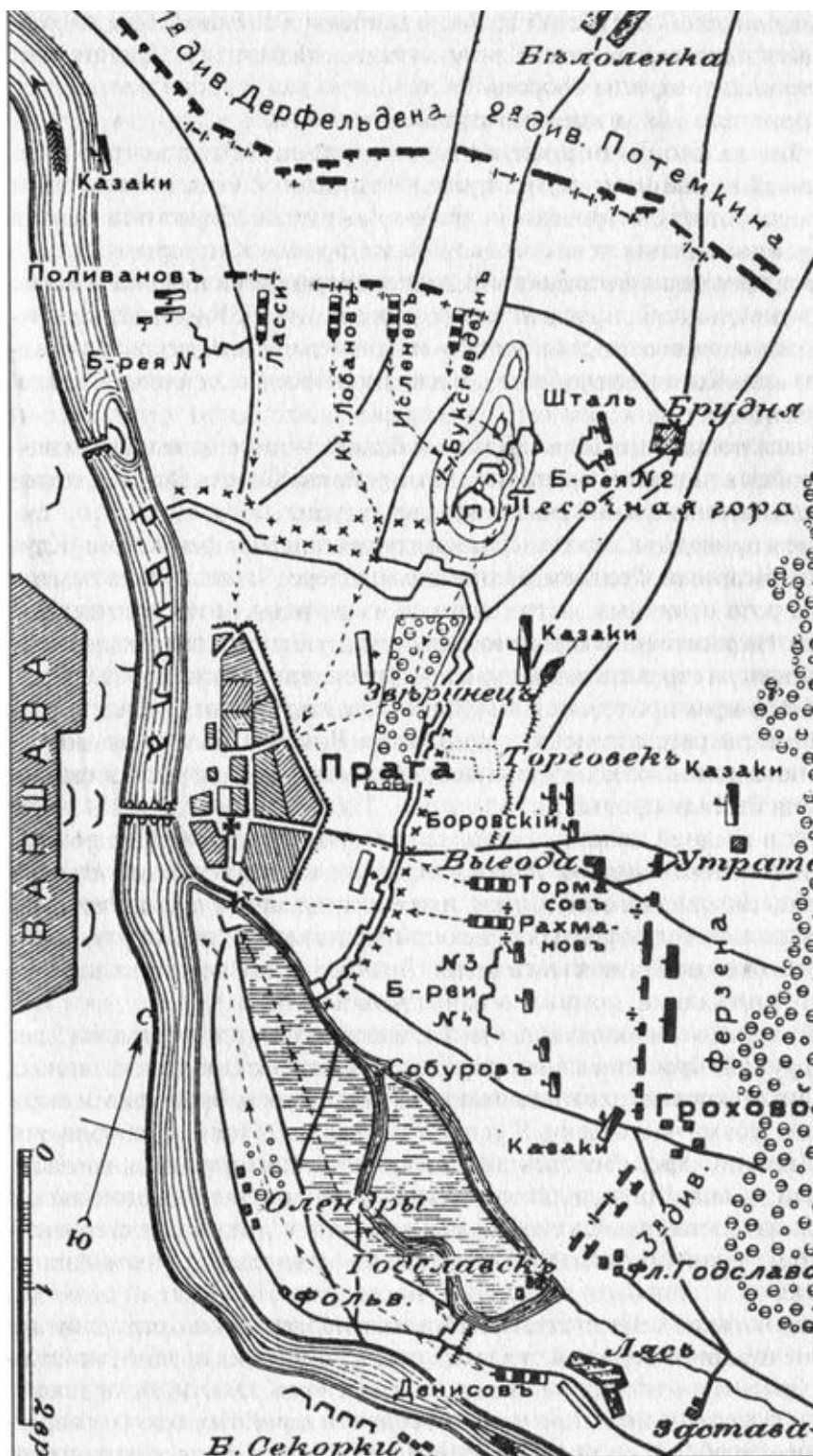
Этот бой интересен тем, что был выигран почти одной кавалерией (из пехоты принял участие только один егерский батальон), и притом на пересечённой лесистой местности.

После сражения Суворов несколько дней отдыхал в Кобылке. 19 октября туда прибыл корпус Дерфельдена. Теперь под командованием Суворова находилось тридцать тысяч человек, в том числе двенадцать тысяч кавалерии. (По другим источникам, у Суворова было только 22 тысячи человек.)

22 октября Суворов вышел из Кобылки и двинулся к Праге — предместьем Варшавы, расположенному на правом берегу Вислы. Фортификационную оборону Праги в это время составляли: предмостное укрепление, построенное ещё во времена шведских войн, и непрерывная земляная ограда в виде исходящего угла, вершина которого находилась на Песчаной горе, а стороны упирались: северная — в Вислу, а восточная — в болотистый, непроходимый даже вброд приток Вислы. Ограда состояла из трёх параллельных линий препятствий: засеки и волчьей ямы; земляного вала со рвом, приспособленным для пехоты, а местами и для артиллерии; внутренний редут для 43-х батарей.

Количество польских войск, защищавших Прагу, точно не установлено, в разных источниках говорится от 20 до 32 тысяч человек. По одним данным, у поляков в Праге было 104 орудия, по другим — 200.

Русские войска в тот же день (22 октября) подошли к Праге на расстояние несколько далее пушечного выстрела и расположились вокруг предместья в назначенных Суворовым лагерных местах. Передвижения русских войск производились с музыкой и барабанным боем. В ночь на 23 октября были сооружены три батареи, на которых разместили 86 орудий. На рассвете поляки открыли сильный артиллерийский огонь из ретраншемента. Со стороны русских производилась лишь «изредка канонада».

Штурм Праги русскими войсками

Вечером в ротах читалась диспозиция, в которой излагался порядок штурма. Диспозиция эта представляет большой интерес, поскольку

заключает в себе данные для характеристики взглядов Суворова на овладение укрепленными позициями методом ускоренной атаки. Каждый полк должен был выстроиться в колонну поротно. Впереди колонн со своими начальниками становились охотники (стрелки); с ними — рабочие, которым предстояло нести плетни для закрытия волчьих ям перед ретраншементом, фашинник для закидки рва и лестницы, чтобы подниматься из рва на вал, а затем переходить через него. Солдаты с шанцевым инструментом, возглавляемые офицером, располагались на правом фланге колонны.

После перехода в наступление солдатам надлежало двигаться «в тишине, не говорить ни слова, не стрелять». Подойдя к укреплению, требовалось быстро кинуться вперёд и по приказу кричать «Ура!». О последующих действиях давались такие указания: «Подошли ко рву, — ни секунды не медля, бросай в него фашинник, опускайся в него и ставь к валу лестницы; охотники, стреляй врага по головам. Шибко, скоро, пара за парой лезь! Коротка лестница? штык в вал, — лезь по нем, другой, третий. Товарищ товарища обороняй! Ставши на вал, опрокидывай штыком неприятеля — и мгновенно стройся за валом».

Крайне важно было поступать решительно. Суворов требовал: «Стрельбой не заниматься; без нужды не стрелять; бить и гнать врага штыком; работать быстро, скоро, храбро, по-русски! Держаться своих в средину; от начальников не отставать! Везде фронт». Категорически запрещалось проявлять жестокость. В диспозиции говорилось: «В дома не забегать; неприятеля, просящего пощады, щадить; безоружных не убивать; с бабами не воевать; малолетков не трогать». Документ оканчивался словами: «Кого из нас убьют, — царство небесное, живым — слава! слава! слава!»

В 3 часа пополудни 24 октября в глубокой тишине началось выдвижение войск в назначенные им исходные районы. Спустя два часа, перед рассветом, по сигнальной ракете начался штурм.

Далее я приведу рассказ участника штурма генерала фон Клюге (Клугина), записанный Фаддеем Булгариным. «Перед каждым detachementом шла рота отличных застрельщиков и две роты несли лестницы и фашины. На расстоянии картечного выстрела наша артиллерия дала залп и потом начала стрелять через пушку. С укреплений также отвечали ядрами. Когда мрак прояснился, мы увидели, что пражские укрепления во многих местах рассыпались от наших ядер. Вокруг Праги грунт песчаный, и невзирая на то что укрепления обложены были дёрном и фашинами, они были непрочны.

Вдруг в средней колонне раздался крик: „Вперёд! ура!“ Всё войско повторило это восклицание и бросилось в ров и на укрепления. Ружейный огонь запылал на всей линии, и свист пуль слился в один вой. Мы пробирались по телам убитых и, не останавливаясь ни на минуту, взобрались на окопы. Тут началась резня. Дрались штыками, прикладами, саблями, кинжалами, ножами — даже грызлись!

Лишь только мы взлезли на окопы, бывшие против нас поляки, дав залп из ружей, бросились в наши ряды. Один польский дюжий монах, весь облитый кровью, схватил в охапку капитана моего батальона, и вырвал у него зубами часть щеки. Я успел в пору свалить монаха, вонзив ему в бок шпагу по эфес. Человек двадцать охотников бросились на нас с топорами, и пока их подняли на штыки, они изрубили много наших. Мало сказать, что дрались с ожесточением, нет — дрались с остервенением и без всякой пощады. Нам невозможно было сохранить порядок, и мы держались плотными толпами. В некоторых бастионах поляки заперлись, окружив себя пушками. Мне велено было атаковать один из этих бастионов. Выдержав картечный огонь из четырёх орудий, мой батальон бросился в штыки на пушки и на засевших в бастионе поляков. Горестное зрелище поразило меня при первом шаге! Польский генерал Ясинский, храбрый и умный, поэт и мечтатель, которого я встречал в варшавских обществах и любил, — лежал окровавленный на пушке. Он не хотел просить пощады, и выстрелил из пистолета в моих гренадеров, которым я велел поднять его... Его закололи на пушке. Ни одна живая душа не осталась в бастионе — всех поляков перекололи...

Та же участь постигла всех, оставшихся в укреплениях, и мы, построившись, пошли за бегущими на главную площадь. В нас стреляли из окон домов и с крыш, и наши солдаты, врываясь в дома, умерщвляли всех, кто им ни попадался... Ожесточение и жажда мести дошли до высочайшей степени... офицеры были уже не в силах прекратить кровопролитие... Жители Праги, старики, женщины, дети, бежали толпами перед нами к мосту, куда стремились также и спасшиеся от наших штыков защитники укреплений — и вдруг раздались страшные вопли в бегущих толпах, потом взвился дым и показалось пламя... Один из наших отрядов, посланный по берегу Вислы, ворвался в окопы, зажёг мост на Висле, и отразил бегущим отступление... В ту же самую минуту раздался ужасный треск, земля поколебалась, и дневной свет померк от дыма и пыли... пороховой магазин взлетел на воздух... Прагу подожгли с четырёх концов, и пламя быстро разлилось по деревянным строениям. Вокруг нас были трупы, кровь и огонь....

У моста настала снова резня. Наши солдаты стреляли в толпы, не разбирая никого, — и пронзительный крик женщин, вопли детей наводили ужас на душу. Справедливо говорят, что пролитая человеческая кровь возбуждает род опьянения. Ожесточённые наши солдаты в каждом живом существе видели губителя наших во время восстания в Варшаве. „Нет никому пардона!“ — кричали наши солдаты и умерщвляли всех, не различая ни лет, ни пола...

Несколько сот поляков успели спастись по мосту. Тысячи две утонуло, бросившись в Вислу, чтоб переплыть. Взято в плен до полутора тысяч человек, между которыми было множество офицеров, несколько генералов и полковников. Большого труда стоило русским офицерам спасти этих несчастных от мщения наших солдат.

В пять часов утра мы пошли на штурм, а в девять часов уже не было ни польского войска, защищавшего Прагу, ни самой Праги, ни её жителей... В четыре часа времени совершилась ужасная месть за избиение наших в Варшаве»^[100].

Замечу, что советские историки избегали деталей штурма Праги, а польские, наоборот, расписывали зверства русских. И те и другие нагло ввали. Одни потому, что отрицали очевидные факты, другие потому, что делали их сенсацией. А ведь Суворов ещё задолго до Праги писал в своей «Тактике»: «Взял город, взял лагерь — всё твоё». Риторический вопрос: а что, при взятии Измаила жертв среди мирного населения было меньше? А сами поляки что делали, когда брали штурмом города — русские, турецкие и др.?

По мнению, автора действия всех армий мира против мирного населения следует судить по одним законам и правилам войны. Введение же двойного стандарта, то есть одним можно убивать мирное население потому, что они-де хороший народ и воюют де за справедливые цели, а другим нельзя, — это одна из форм расизма и фашизма, недостойная порядочного историка.

Любопытно, что никто из историков не даёт ответа на очевидный вопрос, почему польское командование, которое много месяцев готовило Прагу к обороне, не догадалось эвакуировать из неё женщин и детей? Причём не в чистое поле, а в тёплые дома варшавских обывателей на другом берегу Вислы.

По данным Дм. Бантыш-Каменского^[101], при штурме Праги было убито четыре польских генерала — Ясинский, Корсак, Квашневский и Грабовский — и 13 540 солдат. В числе пленных были три генерала, 29

штаб-офицеров, 413 офицеров и 14 000 рядовых. До двух тысяч человек потонуло в Висле, и не более тысячи человек перебрались в Варшаву. 104 пушки, множество знамён и орудий разного рода досталось победителям. У русских убито 580 человек, ранено 960. В приступе участвовало 22 тысячи человек, в том числе 7 тысяч конницы.

На следующий день к Суворову явились депутаты из Варшавы. Суворов ждал их и специально запретил хоронить убитых. Депутаты шли среди сгоревших домов мимо груд тел солдат и мирных жителей. «Суворов вышел к ним в куртке, без орденов, в каске, с саблею; сбросил последнюю, произнес: „Мир, тишина и спокойствие!“ — и с этими словами обнял польских представителей, целовавших его колена. Граф Потоцкий, присланный от короля, желал вступить в переговоры о мире; Суворов отвечал: „С Польшею у нас нет войны; я не министр, а военачальник: сокрушаю толпы мятежников и желаю мира и покоя благонамеренным“»^[102].

Король Станислав-Август прислал Суворову письмо: «Господин генерал и главнокомандующий войсками императрицы всероссийской! Магистрат города Варшавы просил моего посредства между ним и Вами, дабы узнать намерения Ваши в рассуждении сей столицы. Я должен уведомить Вас, что все жители готовы защищаться до последней капли крови, если Вы не обнадёжите их в рассуждении их жизни и имущества. Я ожидаю Вашего ответа и молю бога, чтобы он принял Вас в святое своё покровительство».

На это русский полководец ответил: «Государь! Я получил письмо от 4 ноября, которым Ваше Величество меня почтили. Именем её императорского величества... я обещаю Вам сохранить имущества и личности всех граждан, также как забвение всего прошлого, и при входе войск её императорского величества не допустить ни малейших эксцессов».

Перед вступлением русских войск в Варшаву несколько польских офицеров попытались силой вывезти из города короля Стася и русских пленных с тем, чтобы продолжить войну, однако горожане воспротивились этому.

При вступлении в Варшаву Суворов отдал необычный приказ: если раздадутся выстрелы из домов, на них не отвечать. Однако всё обошлось, вооружённых выступлений не было. Приняв от магистрата ключи от города, Суворов выразил радость, что приобрёл их не такой дорогой ценой, как ключи Праги.

На следующий день Суворов в полной парадной форме, со всеми орденами и в сопровождении кавалерийского эскорта прибыл во дворец к

королю Станиславу-Августу. Встреча эта носила дружественный характер, Суворов продолжал свою тактику уступок и снисхождений. Когда король попросил его освободить пленного офицера, служившего раньше в его свите, Суворов ответил: «Если угодно, я освобожу вам их сотню, — и, подумав, добавил: — Две сотни, триста, четыреста, так и быть — пятьсот».

И тотчас Суворов отправил курьера отобрать из пленных триста офицеров и двести унтер-офицеров. Жест этот произвёл сильное впечатление на поляков и многих из них расположил к Суворову.

Из десяти тысяч повстанцев^[103], взятых при штурме Праги, свыше шести тысяч по приказу Суворова было немедленно освобождено. С участниками восстания Суворов предписывал «поступать весьма ласково и дружелюбно». Русский полководец взял на себя смелость от имени императрицы обещать всем сложившим оружие «вольность и забвение всего происшедшего». По его словам, именно это обстоятельство более всего «к окончанию замешательства споспешествовало». Многие участники восстания являлись к русским военачальникам за паспортами, а затем возвращались к своим мирным занятиям. К 30 ноября 1794 г. таких уволенных по домам насчитывалось 25 469 человек.

Суворов не знал о готовящемся разделе Польши и на свой страх и риск позволил королю Станиславу содержать тысячу личных гвардейцев.

Король отправил Екатерине письмо с просьбой о помощи: «Судьба Польши в ваших руках; ваше могущество и мудрость решат её; какова бы ни была судьба, которую вы назначаете мне лично, я не могу забыть своего долга к моему народу, умоляя за него великодушие вашего императорского величества. Польское войско уничтожено, но народ существует; но и народ скоро станет погибать, если ваши распоряжения и ваше великодушие не поспешат к нему на помощь».

Екатерина отвечала: «Судьба Польши, которой картину вы мне начертали, есть следствие начал разрушительных для всякого порядка и общества, почерпнутых в примере народа, который сделался добычей всех возможных крайностей и заблуждений. Не в моих силах было предупредить гибельные последствия и засыпать под ногами Польского народа бездну, выкопанную его развратителями, и в которую он наконец увлечён. Все мои заботы в этом отношении были заплачены неблагодарностью, ненавистью и вероломством. Конечно, надобно ждать теперь ужаснейшего из бедствий, голода; я дам приказания на этот счёт сколько возможно; это обстоятельство вместе с известиями об опасностях, которым ваше величество подвергались среди разнузданного народа Варшавского, заставляет меня желать, чтоб ваше величество как можно

скорее переехали из этого виновного города в Гродно. Ваше величество должны знать мой характер: я не могу употребить во зло моих успехов, дарованных мне благостью Провидения и правдою моего дела. Следовательно, вы можете покойно ожидать, что государственные интересы и общий интерес спокойствия решат насчёт дальнейшей участи Польши».

Это письмо было смертным приговором независимости Польского государства. Другой вопрос, что независимость правления польских монархов в течение всего XVIII века можно считать лишь условной.

Пленение Костюшко и штурм Праги парализовали волю большинства повстанцев. Лишь несколько отрядов продолжали сопротивление до конца ноября 1794 г. Король Станислав-Август 14 (25) ноября 1794 г. отрёкся от престола и 29 декабря по указанию Екатерины II выехал из Варшавы в Гродно. Екатерина велела оплатить все личные долги короля и назначить ему пенсию — 200 тысяч червонцев в год. Пожив некоторое время в Гродно, экс-король перебрался в Петербург.

Сразу после падения Варшавы начались переговоры между Россией, Пруссией и Австрией о разделе Польши. Надо сказать, что они шли весьма сложно, и стороны спорили буквально за каждый клочок земли. Детали этих споров представляют интерес лишь для узкого круга историков дипломатии. Поэтому я скажу только о документе, ставшем результатом длительного закулисного торга.

23 декабря 1794 г. (3 января 1795 г.) австрийский посол граф Людвиг Кобенцль и графы И. А. Остерман и А. А. Безбородко подписали в Петербурге Акт о присоединении Австрии к русско-прусской конвенции о втором разделе Польши и русско-австрийскую декларацию по сему вопросу. Согласно декларации, Австрии было разрешено ввести свои войска в Польшу. Новая граница Австрии должна была идти от линии южнее Ченстохова, а далее на восток до пересечения с Западным Бугом.

13 (24) октября 1795 г. в Петербурге была подписана трёхсторонняя русско-прусско-австрийская конвенция о третьем разделе Речи Посполитой. От России её подписали те же — Остерман и Безбородко, от Австрии — Кобенцль, а от Пруссии — прусский посол в Петербурге граф Фридрих фон Тауенциен.

Стороны взаимно гарантировали друг другу новые владения, полученные ими при разделе Польши, вплоть до оказания военной поддержки в случае покушения на эти владения любых третьих сторон или попыток их возвращения Польше.

Договор резервировал и гарантировал за Пруссией получение

Варшавы, включая Правобережье Вислы по линии река Свидра — слияние реки Нарев с рекой Западный Буг, а за Австрией закреплял Краков с округом.

Что же касается разграничения между прусскими и австрийскими зонами в Польше, то демаркация их откладывалась до работ погранично-согласительных комиссий, в которых Россия брала на себя роль посредника и примирителя.

14 декабря 1795 г. Екатерина Великая издала «Указ о присоединении к России Литвы и Чёрной Руси». Согласно указу, новая русская граница шла от границы Волыни (верховье реки Припять, севернее польского города Хелм) до Брест-Литовска, а оттуда по течению реки Западный Буг до границы Подляшья (село Янув-Подляски) и отсюда поворачивала в северо-восточном направлении вдоль Подляшской границы до верховьев реки Нарев (Беловежье), и оттуда на север до пересечения реки Неман у Гродно, а затем по течению Немана до пересечения Неманом прусской границы, а далее вдоль старой литовско-прусской границы к Балтийскому морю до города Поланген (Паланга). Все земли к востоку от очерченной линии входили в состав Российской империи и подчинялись генерал-губернатору Литовского края — генерал-фельдмаршалу князю Репнину.

Отходящая к России территория Великого княжества Литовского разделялась на две губернии с центрами в городах Вильно и Слоним. Виленской губернией назначался управлять генерал-майор Александр Тормасов, Слонимской — генерал-майор Иван Новицкий.

Таким образом, приобретённые Россией территории подразделялись на собственно Литву (Виленская губерния) с литовским населением и на Чёрную Русь (Западная Белоруссия) — Слонимская губерния с преимущественно белорусским населением.

Подавляющее большинство русских, польских и западноевропейских историков оценивали третий раздел Польши прежде всего с эмоциональной (нравственной) и правовой точек зрения. Такие оценки неверны хотя бы из-за отсутствия всеми признанных критериев морали и права. Нам ли из XXI века судить XVIII век? По сравнению с действиями палестинцев и израильтян, американцев и афганцев, русских и чеченцев, все войны XVIII в. являются образцом ведения боевых операций. Никто так не уничтожал мирных жителей, никто так не зверствовал с пленными, как вышеперечисленные стороны в XXI в.

Екатерина-матушка при всех её грехах не призывала публично «мочить противников в сортире» и не стреляла по своему сенату из тяжёлых пушек, и не травила людей газом в театрах.

На мой взгляд, говорить о нравственности поступков любого полководца можно лишь в сравнении с поведением других сторон в данном отрезке времени. Между прочим, в конце XIX в. и начале XX в. в международном праве существовало положение, согласно которому любая сторона, обвиняемая в военном преступлении, могла требовать рассмотрения всех нарушений международного права за определённый промежуток времени и при отказе других сторон предать инцидент забвению.

Вернёмся ещё раз к совместной декларации России и Австрии от 23 декабря 1794 г. (3 января 1795 г.). Там говорилось: «Два монарха, убеждённые опытом прошедшего времени в решительной неспособности Польской республики устроить у себя подобное [твёрдое и сильное. — А. Ш.] правление или же жить мирно под покровительством законов, находясь в состоянии какой-либо независимости, признали за благо в видах сохранения мира и счастья своих подданных, что предпринять и выполнить совершённый раздел этой республики между тремя соседними державами представляется крайней необходимостью».

Что могут возразить критики этой декларации? То, что Речь Посполитая могла жить мирно? То, что подданные России и Австрии не были заинтересованы в разделе?

Ах! — воскликнет душака-интеллигент. — Вот если бы соседние державы не вмешивались в польские дела, если бы у Стася был бы твёрдый характер, если бы католики возлюбили диссидентов, если бы все радные паны помирились и стали бы безоговорочно подчиняться королю, если бы все гайдамаки побросали бы сабли и мушкеты и стройными рядами пошли на барщину к панам и к евреям-арендаторам, то как бы расцвела Речь Посполитая!

Но у русских есть пословица: «Если бы да кабы, во рту выросли б грибы». Аналогичные пословицы есть у белорусов и у поляков.

Формально последняя точка в существовании Речи Посполитой была поставлена 15 (26) января 1797 г. в Петербурге. В этот день была подписана «Конвенция между Россией и Пруссией с участием Австрии о распределении финансовых и имущественных обязательств Польского государства между тремя договаривающимися сторонами». В этот же день у итальянского городка Риволи генерал Бонапарт наголову разбил австрийскую армию фельдмаршала Альвинци. Через две недели в Мантуе сдалась тридцатитысячная армия генерала Вурмзера. Разгромив новую австрийскую армию эрцгерцога Карла, 27-летний генерал шёл на Вену...

Глава 19

Паны опять ставят на Францию и опять проигрывают

Екатерина II активно участвовала в трёх разделах Речи Посполитой — государства, которое агонизировало уже почти 100 лет и находилось под властью опереточного короля Стася или саксонских курфюрстов. Но вот в разделе польского народа Екатерина II не участвовала. Россия получила, а точнее, вернула себе древние русские земли, которые ещё в IX–XIV вв. имели русское православное население. Не будем забывать, что в восточных землях Речи Посполитой кириллица была заменена на латиницу примерно за 100 лет до включения их в состав Российской империи. Недаром Екатерина по поводу третьего раздела Польши велела отчеканить медаль «Отторженная возвратих».

Однако дворянство там было исключительно польское — ляхи и полонизированные потомки русских князей и бояр. Административный аппарат также состоял из лиц, считавших себя поляками.

Сейчас как белорусские либералы, так и правительство Лукашенко чохом записали всех польских дворян, проживавших в границах современной Белоруссии, в белорусов. В их число даже попал Феликс Дзержинский. К величайшему сожалению для Лукашенко и его противников, следует признать, что в XIX в. местные дворяне и их холопы слыхом не слыхивали о «белорусской нации».

Екатерина II оставила крестьян во владении панов и в основном сохранила прежний административный аппарат. Между тем сами паны считали приход русских вселенской катастрофой. Адам Чарторыйский в своих записках откровенно признал, что польское дворянство считало русских «существами чудовищными, зловредными и кровожадными, с которыми нельзя было иметь дела без отвращения. Пришлось признать, что они нисколько не хуже других, что и среди них есть люди учтивые, приветливые и что иной раз нельзя не платить им дружбой и благодарностью»^[104].

Не хочу гадать, что было бы, если бы Екатерина прожила ещё десяток-другой лет. Но, увы, императрица в 1796 г. скончалась, а её преемники Павел I и Александр I плохо разбирались в польских делах. Они оба были

уверены, что если с поляками хорошо обращаться, то они станут примерными подданными императора и друзьями русского народа. В этом Павла уверяли иезуиты и рыцари Мальтийского ордена, а Александра — его друг детства князь Адам Чарторыйский, который с 1802 г. фактически определял внешнюю политику России.

Павел для начала переселил экс-короля Стася из Гродно в Петербург и подарил ему Мраморный дворец (рядом с Эрмитажем). Одним из любимых развлечением нового императора было унижение видных деятелей Екатерининской эпохи: Суворова, Орловых и др. В рамках этой политики Павел приставил к экс-королю камергером бывшего русского посла в Польше Штакельберга, который в своё время весьма «непочтительно» обращался со Станиславом-Августом. Умер экс-король в феврале 1798 г. и был похоронен по «царскому церемониалу». Император Павел присутствовал при его погребении^[105].

Павел в новоприсоединённых землях восстановил действие Литовского Статута и выборных судов, воскресил сеймики как органы самоуправления. В каждой губернии шляхта собиралась раз в три года на сеймик для выбора судей, административных чиновников, а также поветовых и губернских маршалков (предводителей), которые являлись посредниками между обывателями и правительством.

Павел освободил находившегося в заключении генерала Костюшко и большинство сосланных его матерью панов. Остальных в 1802 г. освободил Александр I. Замечу, что возвращались не болтуны-диссиденты, а люди, у которых руки были буквально по локоть в русской крови.

Итак, как уже говорилось, Россия в ходе трёх разделов Польши получила земли с православным и частично униатским простонародьем и тонкой прослойкой дворян — поляков и католиков. Но вместо того чтобы опираться на простой народ, имевший одну веру и почти один язык, Павел I и Александр I начали заигрывать с польской знатью. Видимо, одной из причин этого было желание когда-либо овладеть и остальными польскими землями. Но это вопрос спорный. Главной же причиной, на мой взгляд, была неуверенность обоих императоров в русском дворянстве и желание получить опору своей власти в виде польской шляхты.

Во времена Павла польский поэт Козьмян, один из идеологов польского дворянства, писал о жизни в западных губерниях России: «С известной точки зрения нам живётся лучше, чем во времена республики; мы в значительной степени сохранили то, что нам дала родина. Нам не приходится теперь бояться Уманской резни; хотя Польши нет, мы живём в

Польше, и мы — поляки»^[106].

При третьем разделе Польши Россия и Пруссия взяли на себя каждая по 43,3 % долгов Речи Посполитой и по 40 % личных долгов короля Стася, а Австрия, соответственно, 13,3 % и 20 %. Однако фактически России пришлось заплатить 52,1 % долга Речи Посполитой. Особо крупные суммы были выплачены голландским банкирам, много долгов пришлось уплатить частным лицам как в Польше, так и за её пределами.

В свою очередь, казна империи не получила ни копейки из налогов, собиравшихся в новоприобретённых землях — все средства уходили на местные нужды. Так что раздел Польши влетел в огромную «копеечку» русскому народу.

Вся польская система образования осталась почти без изменений. В 1803 г. в Вильно по указу Александра I на базе Литовской школы был открыт Императорский Виленский университет. Все дисциплины в университете преподавались только на польском языке. И вскоре Виленский университет стал рассадником польского национализма.

В целом жизнь поляков в западных губерниях России была существенно лучше как в экономическом, так и в правовом и культурном отношениях, чем в частях бывшей Речи Посполитой, отошедших к Пруссии и Австрии. Это вынуждены признавать даже современные русофобствующие польские историки.

Однако польская шляхта жаждала приключений, славы и богатства. Но достигать этого постепенно на военной или гражданской службе, торговлей, разумным управлением имением было скучно. Хотелось всего и сразу. Была и благородная идея — возрождение Великой Польши в границах 1792 г., а ещё лучше — в границах 1612 г.!

С 1792 г. поведение большинства поляков, от голозадых шляхтичей до мудрых политиков, всё более и более напоминало поведение стариков в белых пикейных жилетах и соломенных шляпах канотье. Вспомним Ильфа и Петрова: «Всё, что бы ни происходило на свете, старики рассматривали как прелюдию к объявлению Черноморска вольным городом»^[107].

Зачем 14 июля 1789 г. парижане взяли Бастилию? Конечно, чтобы восстановить Речь Посполитую! А переворот 18 брюмера был специально задуман для воссоздания Польши «от можа до можа», и т. д.

После взятия Суворовым Варшавы несколько тысяч поляков, в основном дворян, эмигрировали во Францию. В конце 1796 г. лидеры польских эмигрантов предложили Директории сформировать особый корпус из поляков. Директория согласилась и поручила Бонапарту,

находившемся в Италии, включить поляков в состав Цизальпинской армии. В 1797 г. было сформировано два польско-итальянских легиона общей численностью 15 тысяч человек. Легионы эти имели польское обмундирование с французскими кокардами. На знамёнах красовалась надпись «Gli uomini liberi sono fratelli» («Свободные люди — братья»).

В кампанию 1799 г. большая часть первого легиона погибла в боях при Кассано, Тидоне, Требии и Нови. Второй легион, находившийся в Мантуе, потерял во время осады более семисот человек и попал в плен к австрийцам. Поэтому Бонапарт в конце 1799 г. поручил генералу Домбровскому сформировать два новых польских легиона — Ломбардский и Дунайский, в составе семи батальонов пехоты, одного батальона артиллерии и отряда улан. Ломбардский легион был отправлен в Италию, а Дунайский поступил в число войск Нижне-Рейнского союза, где и отличился в боях при Борнгейме, Оффенбахе и Гогенлиндене. Оба легиона потеряли много людей, но остатки их, собранные в Милане и Мантуе, вновь были укомплектованы прибывшими из Польши добровольцами.

В 1802 г., согласно тайной статье Амьенского договора, польские легионы были упразднены, часть легионеров отправили на остров Сан-Доминго, где они погибли от жёлтой лихорадки и в боях с туземцами. Другая часть поступила в гвардию неаполитанского короля, а остальные были распределены по различным полкам.

14 июня 1807 г. русская армия была разбита Наполеоном при Фридланде, и император Александр I был вынужден вступить в переговоры с Бонапартом. Положение у русских было настолько критическим, что ещё до сражения у Фридланда великий князь Константин заявил Александру I: «Государь, если вы не хотите мира, тогда дайте лучше каждому русскому солдату заряженный пистолет и прикажите им всем застрелиться. Вы получите тот же результат, какой даст вам новая (и последняя!) битва, которая откроет неминуемо ворота в вашу империю французским войскам».

25 июня (7 июля) в Тильзите (ныне город Советск Калининградской области) был заключён «Русско-французский договор о мире и дружбе». Согласно этому договору, между двумя странами устанавливались мир и дружба, военные действия прекращались немедленно на суше и на море. Наполеон из уважения к России возвращал её союзнику, прусскому королю, завоёванные им прусские территории, за исключением тех частей Польши, которые были присоединены к Пруссии после 1772 г. по первому разделу Польши, и тех районов на границе Пруссии и Саксонии (округ Котбус в Лаузице — Лужицкой Сербии), которые отходили к Саксонии.

Из польских округов Пруссии создавалось герцогство Варшавское, которое теперь будет принадлежать королю Саксонии. Восстанавливался свободный город Данциг под двойным управлением — Пруссии и Саксонии.

Россия получала Белостокскую область, ранее принадлежавшую Пруссии.

Формально Тильзитский мир был выгоден России. Произошёл уникальный случай в истории войн: наголову разбитая страна не теряла, а приобретала новые земли. Однако в России известие о Тильзитском мире вызвало волну возмущения. «Боже мой! — восклицал Денис Давыдов, вспоминая позднее пережитое. — Какое чувство злобы и негодования разлилось по сердцам нашей братии, молодых офицеров». Позже тот же Денис Давыдов называл 1807–1812 г. «тяжёлой эпохой». Что же было «тяжёлого» в те годы для русского дворянства? Для «русских немцев», включая родню Александра I, это было действительно тяжёлое время — обдeldывать свои гешефты в Германии стало ужасно трудно. А вот империя в целом приобрела в 1807 г. Белостокский округ, а через два года, после очередного разгрома Австрии, Наполеон подарил Александру город Тернополь с областью. Наконец, с помощью Наполеона к России были присоединены Финляндия и Бессарабия.

Но, увы, по губерниям разъехались Николай Ростовы, драпанувшие при первых же выстрелах в 1805 г. Теперь на паркете в парадных ментиках с напомаженными усами и с большими саблями они выглядели античными героями и рассказывали «о том, как горел он весь в огне, сам себя не помня, как бурею налетал на каре; как врубался в него, рубил направо и налево; как сабля отведала мяса и как он падал в изнеможении, и тому подобное»^[108]. И, мол, если бы не чёртовы дипломаты, то они бы, гусары да кавалергарды, показали бы этим французишкам!

Надо ли говорить, что было раздражено и британское правительство, решившее драться с Наполеоном до последнего солдата, разумеется, русского или немецкого. Английские дипломаты и разведчики в Петербурге получили указания любой ценой добиться расторжения Тильзитского мира.

Всё русское общество, включая императорскую фамилию, усиленно подталкивает Александра I к войне. Наполеон же мог, но не захотел помочь Александру выйти победителем из конфликта со сторонниками войны. Белостокский и Тернопольский районы выглядели жалкими подачками для огромной России, а большего в Европе Наполеон дать не мог. Но оставалась ещё и огромная Османская империя. Как уже говорилось, если бы Россия получила Проливную зону, то ей минимум пятьдесят лет

пришлось бы переваривать присоединённые территории в причерноморских странах. Франция также могла выиграть от раздела Турции, взяв себе Алжир, Тунис, Ливию, Египет, Сирию и т. д. Но тут гениальный стратег оказался в плену старых предрассудков. При Бурбонах дипломаты пытались всеми силами добиться доминирования французского влияния в Стамбуле. И это было вполне оправданно: французская торговля много теряла от конкуренции итальянцев, испанцев, австрийцев и особенно англичан. К 1807 г. ситуация кардинально изменилась — вся континентальная Европа оказалась под контролем Наполеона. Теперь Константинополь мог быть нужен Франции только для того, чтобы угрожать России.

Во время переговоров в Тильзите Наполеон писал Талейрану: «Моя система относительно Турции колеблется и готова рухнуть — я ни на что не могу решиться».

Точно так же Наполеон колебался и в польском вопросе. Французские войска в землях, населённых поляками, встречались с ликованием, как освободители. В Варшаве и Познани воздвигались триумфальные арки в честь Наполеона. Снова появились польские национальные костюмы, запрещённые прусскими властями эмблемы и национальные флаги.

После тяжёлой битвы с русскими под Пултуском (14 (26) декабря 1806 г.), окончившейся вничью, обозлённый Наполеон возвращался в Варшаву. На одной из почтовых станций к нему подвели золотоволосую девушку, которая обратилась к императору на чистейшем французском языке: «Добро пожаловать! Тысячу раз добро пожаловать в нашу страну! Ничто не может выразить ни чувства восхищения, которое мы к вам питаем, ни радости, которую мы испытываем, видя вас вступившим на землю нашего отечества, ожидающего вас, чтобы подняться».

Надо ли говорить, что эта встреча была заранее срежиссирована, как и встреча Гришки Отрепьева с Мариной Мнишек 200 лет назад. В итоге девятнадцатилетняя жена престарелого графа Валевского стала на несколько лет любовницей французского императора. Как писал академик А. З. Манфред: «Вокруг императора кипели страсти; на него смотрели с надеждой. Все, начиная с любимой Марии и кончая старыми польскими вельможами, ждали его решений. Наполеон пришёл победителем в Варшаву, что же медлить? Разве польский народ, поднявшийся с оружием в руках против прусских угнетателей, не внёс свой вклад в победу над Пруссией? Разве польские полки не храбро сражались за освобождение Варшавы? И разве не пришла пора перечеркнуть все три раздела Польши, произведённые его противниками? Но Наполеон отвечал уклончиво. Он

охотно восхвалял доблести Яна Собеского, говорил о великой роли Польши в истории Европы, но о будущем Польши высказывался туманно и неопределённо»^[109].

В Тильзите Наполеон решился на полумеру и из земель, отобранных у Пруссии, создал Герцогство Варшавское, номинально подчинённое саксонскому королю, а фактически контролируемое императором Франции. Замечу, что самого саксонского курфюрста Наполеон в 1806 г. произвёл в короли. И Саксонское королевство тоже было подчинено Наполеону, и непосредственно, и через Рейнский союз.

По Шёнбруннскому миру между Австрией и Францией, заключённым 14 октября 1809 г. (н. с.), Герцогство Варшавское получало от Австрии Западную Галицию.

На карте герцогство выглядело треугольником, вклинившимся между Пруссией и Австрией и упиравшимся вершиной в Неман. Герцогство занимало площадь в 1850 кв. миль. Наполеон разделил его на шесть департаментов: Бугдоць, Познань, Калиш, Варшава, Плоцк и Ломжа. Население составляло 2 319 360 жителей — сплошь поляков, за исключением евреев и незначительного числа немцев.

В том же 1807 г. Наполеон присваивает титул короля Саксонии саксонскому курфюрсту Фридриху Августу III и одновременно назначает его великим герцогом Варшавским. Поляков император спросить так и не удосужился, но они и без того были в восторге. Во-первых, шляхта была рада хоть какому-то польскому государственному образованию, во-вторых, именно представители династии саксонских курфюрстов должны быть польскими королями по проекту конституции от 3 мая 1781 г., и, в-третьих, курфюрст Фридрих Август III был внуком курфюрста Саксонии Фридриха Августа II, который по совместительству был и предпоследним польским королём Августом III. Вдобавок Фридрих Август бегло говорил по-польски.

Как великий герцог Варшавский, Фридрих Август II получил имя Августа III. В 1807 г. в Варшаве был опубликован Конституционный статус герцогства, написанный тем же Наполеоном. Согласно статусу, все исповедания объявлялись свободными. Герцогская корона наследственна в Саксонской королевской семье. Пять министров (юстиции, внутренних дел и исповеданий, военный, финансов и полиции) вместе с государственным секретарём составляют государственный совет под председательством короля или назначенного королём лица. Сейм состоит из двух палат: сената и палаты депутатов. Он собирается через каждые два года в Варшаве по призыву короля-герцога, но не имеет законодательной инициативы. Сенат состоит из 18 членов: 6 епископов, 6 воевод, 6 кастелянов. Все они

назначаются королём; полномочия их пожизненны. Сенат и король могут отменять постановления палаты депутатов; король может распускать её. Она состоит из 60 членов, назначаемых сеймиками, то есть уездными собраниями знати, и из 40 депутатов от общин. Полномочия депутатов продолжаются 9 лет, и состав их возобновляется по третям каждые 3 года. Право участвовать в прениях принадлежит лишь членам государственного совета и комиссии депутатов, остальные только подают голоса. Земельные собственники, дворяне, священники, лица с образовательным цензом, офицеры — также обладают избирательным правом. Департаменты, числом шесть, управляются префектами и супрефектами. Польское гражданское право заменяется Кодексом Наполеона.

Создав Герцогство Варшавское, Наполеон создал метастабильное состояние в регионе. Герцогство своим существованием раздражало и Россию, и Пруссию.

Радость шляхты была недолгой, а затем пошли разговоры о новых границах образца 1772 г., а то и начала XVII в. Польские же крестьяне были разорены донельзя русскими, французскими и прусскими войсками. У крестьян уже нечего было брать, и русские части в 1806–1807 гг. силой друг у друга отбивали обозы с продовольствием вспомним проделки Васьки Денисова в «Войне и Мире». Крестьянству нужно было только выжить, а панству подавай Речь Посполитую «от можа до можа». В результате Польша и поляки стали одной из причин обострения отношений между двумя императорами и начала войны 1812 года.

В 1807–1808 гг. Наполеон создал национальную польскую армию общей численностью около пятидесяти тысяч человек. Среди них было 35 тысяч пехоты, 12, 5 тысяч кавалерии, 3, 5 тысячи артиллеристов и 800 человек сапёров. Пехота состояла из семнадцати полков трехбатальонного состава. Каждый батальон включал в себя шесть рот (одна гренадерская, одна егерская и четыре фузилерские). Кавалерия состояла из шестнадцати полков (один кирасирский, два гусарских, три конно-егерских и десять уланских), все полки были четырехэскадронного состава. Артиллерия состояла из пешего полка в двенадцать рот и конного полка в две батареи. Инженерные войска составляли шестиротный батальон сапёров и понтонёров.

Польская армия содержалась за счёт Герцогства Варшавского. Кроме того, несколько частей, укомплектованных поляками, Наполеон включил в состав французской армии. Эти части финансировались исключительно французским правительством. К числу этих частей принадлежал Вислянский легион в составе четырёх полков пехоты и одного полка

кавалерии. В 1811 г. войска эти были усилены ещё двумя легкоконными полками. Кроме того, в составе старой гвардии Наполеона находился ещё гренадерский легкоконный полк, сформированный в 1807 г. из родовитых польских панов. Польские войска приняли участие в войне с Испанией и зарекомендовали себя с самой лучшей стороны.

В 1809 г. в ходе войны Наполеона с Австрией армия эрцгерцога Фердинанда вторглась в Герцогство, но была вытеснена польской армией Понятовского.

По приказу Наполеона в 1811 г. в Герцогстве Варшавском было сформировано ещё 14 тысяч запасных войск, в числе которых было семнадцать батальонов (по одному на пехотный полк), шестнадцать эскадронов (по одному на кавалерийский полк) и батальон артиллерии. Затем была создана милиция численностью 18 тысяч человек, и к началу войны 1812 года Наполеон располагал 85 тысячами польских войск (по другим сведениями, 100 тысячами).

К июню 1812 г. в Великой армии Наполеона находились следующие польские войска:

Войска герцогства Варшавского: V польский корпус князя И. Понятовского: 1-я пехотная дивизия Залончека (3-й, 15-й и 16-й пехотные полки), 2-я пехотная дивизия Домбровского (1-й, 6-й, 14-й и 17-й пехотные полки), 3-я пехотная дивизия Княжевича (2-й, 8-й и 12-й пехотные полки) и кавалерийская дивизия Каминского (5-й конный егерский, 7-й, 8-й и 11-й уланские, 13-й гусарский и 14-й кирасирный полки).

При каждой пехотной дивизии находилась бригада кавалерии в составе двух полков (4-й конно-егерский и 12-й уланский, 1-й конно-егерский и 15-й уланский, 9-й уланский и 10-й гусарский полки, две пеших и конная роты). К корпусу была придана ещё сапёрная рота.

Остальные войска находились в составе французских корпусов и образовали две пехотные бригады Радзивилла^[110] (5-й, 10-й и 11-й пехотные полки), бригаду Жолтовского (4-й, 7-й и 9-й пехотные полки) и кавалерийскую бригаду Рожницкого (2-й, 3-й и 16-й уланские полки). Бригады Радзивилла вошли в состав дивизии Гранжана X корпуса Макдональда, бригада Жолтовского — в дивизию Жерара XI корпуса Виктора. Кавалерийская бригада Рожницкого находилась в IV кавалерийском корпусе Латур-Мобура. Кроме того, 13-й пехотный полк был оставлен гарнизоном в Замостье.

Польское панство давно мечтало о войне с Россией и было несказанно радо походу Великой армии. К примеру, польский поэт и мелкий шляхтич

Адам Мицкевич, увидев французские войска, входящие в город Ковно, на радостях написал целую поэму «Пан Тадеуш». Там, в частности, говорилось:

Идёт сражение...
Где? — не знают.
«Где ж битва?» — молодёжь кричит
И брать оружие спешит.
А группы женщин простирают
В молитвах руки к небесам,
В надеждах, волю дав слезам;
«За нас, — все хором восклицают, —
Сам Бог: с Наполеоном — Он,
А с нами — сам Наполеон!»^[111]

После начала вторжения Наполеон призвал поляков, живших на территории Российской империи, вступать в его армию. В июле 1812 г. он приказал сформировать в Литве национальную гвардию, жандармов, гвардейский уланский полк, четыре пехотных и пять кавалерийских полков. В общем в армии Наполеона собралось не менее 120 тысяч поляков.

Справедливости ради надо сказать, что в 550-тысячной Великой армии Наполеона этнические французы составляли меньшинство. А большая часть армии состояла из немцев, итальянцев, жителей Австрийской империи, поляков и др. Причём они состояли как в национальных частях, так и включались в состав французской армии.

Действовали национальные части (в том числе и польские) в подавляющем большинстве случаев совместно с французскими войсками, и выделять их действия под Смоленском, Бородином, Тарутином и др. было бы искусственно и непонятно широкому читателю. Поэтому я ограничусь рассказом о двух операциях, где участвовали только польские войска.

В октябре 1812 г. Наполеон, неся большие потери от голода, холода и партизан, отступает на запад. Естественно, что и царя, и многих генералов охватил охотничий азарт — «как бы словить Бонапартия».

С юго-запада на перехват Наполеону шла армия адмирала П. В. Чичагова. 5 ноября Чичагов занял Минск и таким образом оказался в глубоком тылу французской армии. Было очевидно, что единственным и кратчайшим направлением для отступления Наполеона к Вильно был город Борисов и его окрестности, где имелась возможность переправиться через

реку Березину.

7 ноября Чичагов приказал графу Ламберту с 4,5-тысячным отрядом занять Борисов и связаться с армией Витгенштейна, наступавшей с севера. Затем в Борисов должны были вступить основные силы Чичагова.

На рассвете 9 ноября отряд Ламберта подошёл к Борисову. Город защищали четыре тысячи поляков при 12 пушках под командованием генералов Бронниковского и Домбровского. Город был укреплён двумя редутами, соединёнными ретраншементом. Обширные леса окружали предмостные укрепления, оставляя вокруг открытую полосу шириной около версты.

Ламберт, имея подробные сведения о расположении борисовских укреплений, приказал 14-му егерскому полку атаковать правый редут, а 38-му — левый. 7-й егерский полк должен был наступать на центр и поддерживать 14-й и 38-й полки. 34-я батареинная и 11-я конная роты артиллерийским огнём поддерживали наступавших. Около 10 часов утра оба редута были взяты.

В это время по дороге из Гуры-Ушковицы было замечено приближение неприятельской колонны из пехоты и кавалерии. В эту критическую минуту Ламберт решился ввести в дело последний резерв. Один батальон Витебского пехотного полка с арзамасскими драгунами был направлен против пехоты, занявшей опушку леса. Все остальные войска обратились против колонны, неожиданно появившейся с юга и составлявшей арьергард дивизии Домбровского под началом Пакоша (один батальон и два эскадрона).

Лихо действовала и конная артиллерия. Картечь 12-й конной артиллерийской роты расстроила колонну Пакоша. Отражены были и попытки поляков перейти в наступление вдоль Зембинской дороги. Опрокинутые, они в беспорядке бежали в лес.

Обеспечив свои фланги, Ламберт повёл атаку на ретраншемент. 7-й и 38-й егерские полки двинулись на штурм, но были с потерями отбиты, а сам Ламберт тяжело ранен. Однако в 3 часа дня русские вновь пошли в атаку, которая увенчалась успехом. Овладев предмостным укреплением, войска устремились через мост в город. Там царил страшный беспорядок. Большая дорога на Оршу была загромождена обозами и бегущими. Потери защитников предмостного укрепления только одними пленными составляли более двух тысяч. Кроме того, русским достались 7 пушек. Потери авангарда Ламберта составили около 900 человек.

К вечеру 10 ноября армия Чичагова заняла линию Березины от Зембина до Уши, а основные силы сосредоточились у Борисова. Чичагову

удалось своевременно занять выгодную оборонную линию на пути отступления Наполеона.

В итоге Наполеон был окружён армиями Чичагова, Витгенштейна и Кутузова, и французам оставалось только сдаться. Тем не менее Наполеону удачным манёвром удалось обмануть русских, отбить Борисов и относительно удачно переправиться через Березину. В России всех собак повесили на бездарного адмирала, хотя остальные полководцы действовали не менее бестолково. В итоге Чичагов стал героем басни И. А. Крылова, в которой мыши отъели хвост у щуки.

Вторым достаточно интересным эпизодом является защита польскими войсками в 1813 г. крепости Замостье (по-польски Замосц), расположенной в 70 верстах к юго-востоку от Люблина. Польский гарнизон Замостья состоял из 2500 пехотинцев, 500 артиллеристов и 360 кавалеристов. В крепости имелось 75 крепостных и 20 полевых орудий. Комендантом крепости был дивизионный генерал Гауке. В крепости имелись запасы продовольствия, рассчитанные на 2,5 месяца осады.

В конце февраля 1813 г. 4,5-тысячный отряд русских войск при 12 полевых орудиях под командованием генерал-лейтенанта Рата подошёл к Замостью, но был встречен небольшим отрядом поляков в трёх верстах от городских стен. Рат предложил Гауке сдаться. В ответ польский передовой отряд открыл стрельбу, и Рат быстро ретировался в Люблин.

15 марта Рат вновь подошёл к Замостью, но теперь у него имелось 10 тысяч солдат и осадная артиллерия. Оттеснив передовые отряды поляков, русские приступили 20 марта к постройке редутов, где установили 52 осадных орудия. Бомбардировка крепости продолжалась до 27 апреля. В городе возникали пожары.

27 апреля поляки пошли на вылазку и овладели редутом № 10 (севернее деревни Яновицы). Однако польские командиры поняли, что удержать редут будет трудно, и в ночь на 28 апреля редут был покинут.

После этого Рат, вместо того чтобы усилить пехотное прикрытие редутов, велел бросить их совсем и отвёл войска за пределы действия польских крепостных орудий.

Рат решил взять ляхов измором. Однако 23 мая (4 июня) 1813 г. в местечке Плесвич (Силезия) между союзниками и французами было заключено перемирие на полтора месяца, до 8 (20) июля 1813 г. (Позже его продлили.)

Поэтому с 12 июня военные действия у Замостья были прекращены. Поляки воспользовались перемирием для пополнения запасов крепости. 21 августа перемирие закончилось, но русские и в дальнейшем ограничились

той же блокадой, тем более что регулярные войска из отряда Рата были отозваны, а под крепостью остались только казаки и милиция.

Совершенное истощение гарнизона и жителей Замостья от голода, холода (из-за недостатка топлива), цинги и других болезней (при полном отсутствии медикаментов) вынудили коменданта принять предложенные ему Ратом 23 ноября условия капитуляции, по которым остатки гарнизона (107 офицеров и 1271 нижних чинов), из которых половина едва могла двигаться, вышли из крепости с воинскими почестями и были отправлены в Варшаву в качестве военнопленных. По моему мнению, у поляков есть все основания гордиться мужеством защитников Замостья.

Последней 25 декабря 1813 г. сдалась польская крепость Модлин.

От дел ратных перейдём к политике. Ещё в декабре 1812 г. Александр I, прибывший в занятый русскими войсками город Вильно, объявил всеобщую амнистию всем полякам — подданным России, которые служили Наполеону. 16 (18) февраля 1813 г. русские войска вступили в Варшаву. Саксонская администрация бежала, а в столице Александр I передал власть временному правительству в составе двух русских и трёх поляков.

15 (27) июня 1813 г. в городе Рейхенбахе в Силезии была подписана секретная русско-прусско-австрийская конвенция, согласно которой Герцогство Варшавское подлежало разделу между Россией, Пруссией и Австрией. Вместе с пакетом других секретных рейхенбахских соглашений эта конвенция была предложена Наполеону австрийскими дипломатами, которые играли роль посредников. Однако император отказался, и война была продолжена.

После отречения Наполеона 18 (30) мая 1814 г. в Париже был подписан мирный договор, по которому Франция возвращалась к границам на 1 января 1792 г. с небольшим приращением, династия Бурбонов восстанавливалась на престоле и т. д. Однако окончательный раздел Европы союзники решили провести на конгрессе в Вене, который был открыт 1 ноября 1814 г.

На Венском конгрессе было решено, что все союзники — Англия, Австрия и Пруссия — получают большие приращения в Европе, а Англия — ещё и в колониях, а вот Россия, которая-то и вынесла основную тяжесть войны с Наполеоном, должна получить «кукиш с маслом». Австрия и особенно Англия были категорически против передачи России района Варшавы, а Пруссия — части Саксонии. Спору нет, Александр I требовал земли, которые никогда не принадлежали Русскому государству и были заселены этническими поляками. Но ведь и оппоненты предлагали не

независимость этим районам, а их присоединение к Австрии. Почему же Россия должна была отдавать плацдарм, с которого началось вторжение в 1812 г.?

Сравним, к примеру, Варшавскую область и Мальту. Англия не имела никаких прав на Мальту, и с Мальты никак нельзя было угрожать Британским островам. Единственным аргументом «за» было наличие британских солдат на острове^[112]. Так, пардон, в 1814 г. русские войска были в Париже! Почему бы не восстановить независимость Мальты, которая была там несколько столетий, или, на худой конец, не передать остров Королевству обеих Сицилий, которое находилось всего в 90 верстах от Мальты? Но, увы, на Венском конгрессе господствовал двойной стандарт: один — для просвещённой Англии, и совсем другой — для русских варваров.

3 января 1815 г. был заключён секретный союз между Австрией, Англией и Францией, которые «сочли необходимым, — как сказано в договоре, — по причине претензий, недавно обнаруженных, искать средств к отражению всякого нападения на свои владения». Договаривающиеся стороны обязались: если вследствие предложений, которые они будут делать и поддерживать вместе, владения одной из них подвергнутся нападению, то все три державы будут считать себя подвергнувшимися нападению и станут защищаться сообща. Каждая держава выставит для этого 150-тысячное войско, которое выступит в поход не позднее шести недель по востребованию. Англия имеет право при этом выставить наёмное иностранное войско или платить по 20 фунтов стерлингов за каждого пехотного солдата и по 30 фунтов стерлингов за кавалериста. Договаривающиеся державы могут приглашать другие государства присоединиться к договору и приглашают к тому немедленно королей Баварского, Ганноверского и Нидерландского.

Надо ли говорить, что союз этот был направлен против России. Риторический вопрос: за что отдали жизни миллионы русских людей?

Спас Россию от новой войны «враг рода человеческого». Вечером 7 марта 1815 г. в Вене в императорском дворце был бал, данный австрийским двором в честь собравшихся государей и представителей европейских держав. Вдруг в разгар празднества гости заметили какое-то смятение вокруг императора Франца: бледные, перепуганные царедворцы поспешно спускались с парадной лестницы, и вообще создавалось впечатление, будто во дворце внезапно вспыхнул пожар. В одно мгновение все залы дворца облетела весть, заставившая всех собравшихся в панике покинуть бал: только что примчавшийся курьер привёз известие, что Наполеон покинул

Эльбу, высадившись во Франции и, безоружный, идёт прямой дорогой на Париж.

Движение Наполеона к Парижу хорошо иллюстрируют заголовки парижских газет. Первое известие: «Корсиканское чудовище высадилось в бухте Жуан». Второе известие: «Людоед идёт к Грассу». Третье известие: «Узурпатор вошёл в Гренобль». Четвёртое известие: «Бонапарт занял Лион». Пятое известие: «Наполеон приближается к Фонтенебло». Шестое известие: «Его императорское величество ожидается сегодня в своём верном Париже».

Людовик XVIII драпанул так быстро, что забыл на туалетном столике оригинал секретного договора от 3 января 1815 г. Наполеон переслал этот договор Александру I. Тот показал договор австрийскому канцлеру Меттерниху и демонстративно бросил его в камин.

18 июня 1815 г. войска Наполеона были разбиты англо-прусскими силами Веллингтона и Блюхера. Через три десятка лет молодой Герцен, рассматривая картину, запечатлевшую встречу и взаимные поздравления Веллингтона и Блюхера ночью на поле битвы у Ватерлоо, сказал: «Как им не радоваться. Они только что своротили историю с большой дороги по ступицу в грязь, и в такую грязь, из которой её в полвека не вытащат...»

Наполеон напугал союзников, и 21 апреля (3 мая) 1815 г. в Вене были подписаны русско-прусский и русско-австрийский договоры о разделе Герцогства Варшавского. (Многие историки называют эти договоры четвёртым разделом Польши.) В итоге Россия уступила Австрии четыре уезда Восточной Галиции: Злочувский, Бржезанский, Тарнопольский и Залешчикский. К Австрии отошёл весь Величковский соляной бассейн (включая его подземную часть, заходящую на территорию Российской империи). А король саксонский Фридрих-Август I уступил России большую часть Герцогства Варшавского.

Глава 20

Царство Польское

20 июля 1815 г. в Варшаве русские и польские сановники торжественно объявили о восстановлении Царства Польского.

Все государственные должности в Царстве Польском могли занимать только поляки. Конституция вернула многие польские исторические традиции: деление на воеводства, коллегиальность министерств (их функции выполняли правительственные комиссии) и воеводских властей. Согласно конституции, формировалось польское войско, административное и судебное делопроизводство должно было осуществляться на польском языке. Провозглашались неприкосновенность личности, свобода слова и печати. Военную службу следовало отбывать в пределах Царства Польского, то же положение распространялось и на тюремное заключение.

Некоторые авторы козыряют тем, что в Царстве Польском правом голоса обладали около ста тысяч человек, то есть больше, чем было избирателей во Франции времён Реставрации. На самом деле это связано не с демократичностью царя, а с большим процентом дворян в Польше, чем во Франции. Таким образом, даже голозадый шляхтич был избирателем, а богатый крестьянин — нет.

Тем не менее на 1816 год польскую конституцию можно считать самой либеральной в Европе, после британской. Русское либеральное офицерство и дворянство тщетно надеялось на введение аналогичной конституции в остальных частях империи.

Кодекс Наполеона, введённый в Герцогстве Варшавском, продолжал действовать и в Царстве Польском. Царское правительство вместе с католической церковью и консервативными польскими аристократами несколько раз пытались изменить кодекс в части брачных отношений и т. д., но каждый раз сейм отклонял эти изменения.

В области экономики Царство Польское было фактически независимо от России. Ещё в 1816–1819 гг. имел место свободный обмен товарами, но в 1822 г. была установлена таможенная граница. Другой вопрос, что пошлины на русско-польской границе были ниже, чем на границах с Австрией и Пруссией.

19 ноября (1 декабря) 1815 г. Александр I издал указ о монетной системе в Царстве Польском. Указ сохранял существовавшую в Польше

основную денежную единицу — злотый, а также основные принципы польской денежной системы. Вместе с тем он связал монетную систему Царства Польского с монетной системой империи, установив постоянный курс злотого к рублю: польский злотый составлял 15 копеек серебром.

Польские деньги довольно быстро распространялись и за пределами Царства Польского, получив особенно большое хождение в бывших польских губерниях, а также в Курляндской и Лифляндской губерниях. Министерство финансов империи предпринимало вялые меры с целью ограничить оборот польских денег внутри империи.

Промышленность в Царстве Польском процветала. Интенсивно шла урбанизация, укрепление финансовой системы, строительство дорог. Население Царства Польского с 1815 г. по 1830 г. возросло с 2, 7 млн до 4 млн человек, а население Варшавы — с 80 тыс. до 150 тыс. человек.

А между тем та же Смоленская губерния до конца царствования Александра I лежала в руинах, Москву же удалось восстановить только к 1830-м гг. При этом в России все прекрасно понимали, что каждый четвёртый солдат Великой армии Наполеона был поляком. И что старая гвардия Наполеона не была замечена в грабежах и насилии по отношению к мирным жителям, а грабили и насиловали в основном поляки и немцы, о чём писали десятки авторов от А. С. Пушкина до академика Е. В. Тарле.

По поводу финансовых вливаний царского правительства в Польшу И. А. Крылов написал едкую, разумеется, в пределах цензуры, басню «Туча»:

Над изнурённою от зноя стороною
Большая Туча пронеслась;
Ни каплею её не освежа одною,
Она большим дождём над морем пролилась
И щедростью своей хвалилась пред Горою,
«Что сделала добра
Ты щедростью такою? —
Сказала ей Гора.
— И как смотреть на то не больно!
Когда бы на поля свой дождь ты пролила,
Ты б область целую от голоду спасла:
А в море без тебя, мой друг, воды довольно».

Среди русского дворянства распространялись слухи, что все льготы,

предоставленные полякам, связаны с личной жизнью императора и его брата. Дело в том, что фактической женой Александра I стала законная жена его гофмейстера Д. Л. Нарышкина Марья Антоновна, урождённая Четвертинская, полька по национальности. Император даже имел детей от Марьи Антоновны.

Брат императора великий князь Константин, подобно многим другим начальникам, оказавшимся в Варшаве, завёл роман с красивой полькой. Дело кончилось тем, что 12 мая 1820 г. (н. с.) великий князь Константин Павлович женился на панне Жаннетте Грудзинской. По такому случаю Александр I присвоил панне титул «светлейшей княгини» Лович. Детей у них не было, но с ними жил внебрачный сын Константина Павел Александров, рождённый в 1802 г. Жозефиной Фредерис.

Один из воспитателей Павла Александрова — граф Мориоль — писал, что после женитьбы на Жаннетте Грудзинской Константин полюбил тихую, уединённую семейную жизнь. Он не устраивал ни балов, ни вечеров, ни званых ужинов, а предпочитал всему этому чай в очень узком кругу, чтение вслух и обсуждение газетных новостей. Любимыми темами застольных бесед были мистика и метафизика. Константин много спал, принимал только нескольких генералов и чиновников, без которых не могла действовать администрация, и совершенно отстранился от жизни варшавского общества.

Константин выучил польский язык, хотя нужды особой в этом не было — языком повседневного общения в Царстве Польском был французский. Польским офицерам он говорил: «Я более поляк, чем все вы. Я женат на польке. Я так долго говорил на вашем языке, что с трудом изъясняюсь теперь по-русски»^[113].

Тем не менее один из деятелей восстания 1830 года А. Млоцкий считал, что Константин представлял собой «тип настоящего монгола»^[114].

Между прочим, Константин Павлович на 94 % был чистокровный немец. Ну, правили Речью Посполитой почти сто лет саксонские курфюрсты, не знавшие польского языка, и никто их в «монголы» не записывал. И такие речи не исключение, а норма для панов. Та же пани Кицкая называет начальника штаба русской армии полковника Муханова «типичный москаль татарского происхождения, с острыми скулами лица и хитростью дикого сына пустыни»^[115].

Поневоле вспомнишь сцену из «Семнадцати мгновений весны», где германский генерал в поезде рассказывает Штирлицу о «пархатых казаках».

Да и чья бы коровушка мычала!? Десятки польских родов кичились своим происхождением от татар, вспомним тех же Глинских. Но обезумевшие от злобы к русским паны ни о чём не думали. В XIX в. русских обзывали монголами, в 1920-м г. — евреями (используя более оскорбительное название). Православная вера у них была «мужицкой верой» и т. п.

Несколько слов стоит сказать и о польской армии. 11 апреля 1814 г., сразу после первого отречения Наполеона, Александр I разрешил всем польским войскам вернуться на родину вместе с войсковым имуществом. Только из охотников (добровольцев) гвардейского легкоконного полка был сформирован эскадрон для сопровождения Наполеона на Эльбу. Эскадрон этот принял участие в событиях 1815 г. и погиб целиком под Ватерлоо.

14 апреля 1814 г. император Александр I выразил своё согласие на возвращение всех польских войск на родину и передал командование над ними цесаревичу Константину Павловичу. В течение 1814 г. со всех концов Европы и России начали стекаться в Польшу бывшие солдаты, и к 1 ноября 1814 г. в рядах новой армии числилось уже 30 тысяч человек. Согласно конституции, армия эта, состоявшая исключительно из польских уроженцев, содержалась на средства Царства Польского и могла быть употреблена для защиты своей родины только в пределах Польши.

На самом деле в 1815–1816 гг. польская армия финансировалась исключительно из имперского бюджета, да и потом значительная часть средств на армию шла из России.

Действующие польские войска состояли из 13 пехотных и 9 кавалерийских полков, 10 артиллерийских рот и батарей и одного сапёрного батальона, и делились на гвардию и полевые войска. Гвардия состояла из одного пехотного и одного конно-егерского полков и двух полубатарей.

Польские войска сохранили бывшее у них при Наполеоне I обмундирование с незначительными изменениями в соответствии с русскими образцами. Вооружение и снаряжение были русского образца. В армии были оставлены польские ордена Св. Станислава, Белого орла и орден «*Virtuti militari*», жалуемый исключительно за боевые отличия. Официальным языком в армии был признан польский, но цесаревич рекомендовал генералам и начальникам частей ознакомиться с русскими командами на случай совместных манёвров. Польским войскам были назначены оклады жалованья, значительно превышавшие оклады русских войск. Срок службы для нижних чинов полагался 8 лет.

20 июля 1815 г., в день торжественного объявления в Варшаве о

восстановлении Царства Польского, войска польской армии присягнули императору Александру I как Царю польскому.

Первым наместником царя в Польше был назначен 63-летний генерал Юзеф Зайонек. Он был участником польских восстаний 1793 г. и 1794 г., воевал с Бонапартом в Италии, Египте и т. д. В 1812 г. Зайонек был взят в плен русскими войсками.

Во время Русско-турецкой войны 1828 г. император Николай I выразил желание двинуть польские войска в Турцию, но из-за сильного противодействия великого князя Константина отказался от этого намерения.

Таким образом, Царство Польское казалось недостижимым идеалом для всех образованных русских людей — помещиков, чиновников, офицеров, студентов и др. Всех, кроме крестьян, — тем жилось несладко и на Висле, и на Волге. Но, может, автор идеализирует картину в Царстве Польском? Не пора ли рассказать о претензиях польских националистов к царю-батюшке?

Один из лидеров повстанцев граф Езерский 16 (28) декабря 1830 г. в письме графу Бенкендорфу перечислил «преступления царизма»: «Список всех злоупотреблений, которые привели к столь печальному заключению, был бы чересчур длинным. Свобода личности, так ясно гарантированная, фактически уже не существует. Процесс Бирнбаума выявил множество ужасающих фактов: агенты тайной полиции запятнали себя воровством, насилием, казнокрадством. Свобода прессы, гарантированная конституцией, не только была подавлена, но цензура дошла даже до запрещения российских газет. Тайна переписки была нарушена. Агенты-provокаторы, доносительство, шпионство, поощрение людей, скомпрометированных в глазах общества, и, напротив, преследование тех, которые дают поводы подозревать себя в любви к родине и т. п., всё это довершает описание наших несчастий»^[116].

Обратим внимание: текст — сплошное словоблудие, много эмоций и никаких фактов.

Действительно, за 15 лет польские власти, возможно с подачи Константина, запретили за революционную пропаганду целых две газеты — «Ежедневную газету» и «Белый орёл».

Известная русофобка и участница восстания 1830 г. Наталья Кицкая пишет в своих мемуарах, что в ходе восстания «в ночь на 29 ноября были захвачены секретные документы тайной канцелярии»^[117]. И что? Ни Кицкая, ни другие современники не дают нам никакого компромата на

русских. Из всех руководителей русской полиции Кицкая обличает лишь Рожнецкого (кстати, поляка!): «Он без усталости шпионил за всем и вся и извлёк немалую выгоду из питаемого к нему доверия. Живя на широкую ногу, он наделал много долгов. Многие порядочные люди, в минуты опасности пытаясь избежать преследования, выручали Рожнецкого, одалживая ему различные суммы — большие и не очень, а он — как оказалось из его документов — обычно включал своих кредиторов в список ежегодно оплачиваемых правительством шпионов и таким образом выплачивал свои долги за счёт государственной казны и доброго имени многих достойных людей»^[118].

Вот Кицкая узнаёт, что при допросах арестованных в специальном шкафу сидел писарь и скрытно вёл стенограмму допроса. «С негодованием я воскликнула: „Как же это возможно?“ — „Да это частенько случалось“, — ответил сторож, как оказалось, хорошо знающий нравы Новосильцева. Я поспешно покинула эти комнаты, не оглядываясь, как если бы меня преследовала тень Новосильцева и его лицо — кровожадное и одновременно с хитрым выражением и глазами навывкат»^[119].

А где же орудия пыток, смертные приговоры и т. п.? Нету! Ну, воровали чины тайной полиции, почту перлюстрировали, но ведь на кол не сажали и кожу с живых людей не сдирали, как это делали просвещённые пань до 1792 г. А если сравнить русскую тайную канцелярию в Варшаве в 1815–1830 гг. с контрразведкой Пилсудского в 20-х — 30-х гг. XX в. или с польскими спецслужбами XXI в.?

В 20-х гг. XIX в. было открыто несколько организаций заговорщиков, планировавших отторжение Царства Польского от России. И они были строго наказаны, получив по 2–3 года тюрьмы. Да за аналогичные преступления во Франции все бы они пошли на гильотину!

Современные польские историки сквозь зубы констатируют: «С позиции сегодняшнего дня, полтора века спустя, можно констатировать, что по большому счёту пятнадцатилетие „после Венского конгресса“ было самым благоприятным с точки зрения польских национальных интересов временем за весь период между 1795 и 1918 гг. (так как Княжество Варшавское было всего лишь эпизодом, стоившим огромных человеческих жертв и материальных затрат, связанных с постоянными войнами)»^[120].

Глава 21

Восстание 1830–1831 гг.

Итак, польские историки, всюю обличающие «четвёртый раздел Польши», не могут привести пример столь спокойного существования Польши за 15 лет, как в 1815–1830 гг.? Без рокошей, конфедераций, вторжений иностранных войск, «междусобойчиков» магнатов с применением артиллерии и т. п., не проходило ни одного десятилетия с 1700 г. Риторический вопрос, жилось ли в 1815–1830 гг. этническим полякам в Пруссии и Австрии лучше, чем в Царстве Польском?

Но беспокойные паны над столь глупыми вопросами не задумывались, а продолжали болтать о великой отчизне «от можа до можа». Появились и тайные общества. Наиболее известными были Общества филоматов и филаретов в Виленском университете (1817 г.), членом одного из которых являлся польский поэт Адам Мицкевич. В 1821 г. среди офицеров возникает Патриотическое общество, ставившее своей задачей борьбу за восстановление независимой Польши на основе Конституции 3 мая 1791 г. В 1829 г. в Варшаве возникает тайное офицерское общество «Заговор подхорунжих». Что поделаешь, в Европе мода была такая: в Италии — карбонарии, в России — декабристы, во Франции — бонапартисты и т. д.

1830 год ознаменовался революционными выступлениями по всей Европе. 27 июля восстал Париж. Два дня баррикадных боёв, и над королевским дворцом был поднят трёхцветный флаг революции 1789 г. 2 августа король Карл X отрёкся от престола и бежал в Англию. Началась революция в Бельгии, поднялись волнения в германских государствах, активизировались карбонарии в Италии.

Польские заговорщики решили, что их час настал. Подавляющее большинство панов и часть мещан были настроены революционно. Но вот определённых планов ни у кого не было. Одни требовали строгого соблюдения царём конституции 1815 г., другие — независимости Польши в полном объёме. Тут возник вопрос о границах новой Польши, и началась полная бестолковщина. Несколько упрощая ситуацию, можно сравнить панов-заговорщиков с Василием Алибабаевичем из кинофильма «Джентльмены удачи»: «А ты зачем побежал? — Все бежали, и я побежал».

Поводом к восстанию стало распоряжение Николая I о подготовке сбора денежных средств и размещении на постой русских войск,

намеченных для прохода через Польшу с целью подавления революции в Бельгии.

В ночь с 17 на 18 (29 на 30) ноября часть польских войск подняла мятеж. Повстанцы захватили арсенал и дворец Бельведер, где проживал Константин Павлович. Тем не менее великий князь сумел бежать из Варшавы. Замечу, что несколько десятков польских генералов и старших офицеров отказались от участия в бунте и были перебиты заговорщиками. Позже по приказу Николая I в Варшаве на Саксонской площади убитым польским военачальникам будет поставлен большой обелиск с восемью львами, сидящими у его подножия.

Русский гарнизон Варшавы состоял из двух гвардейских пехотных полков, трёх гвардейских кавалерийских полков и двух батальонов гвардейской артиллерии. Из-за бездарности и либерализма великого князя Константина русский гарнизон не оказал должного сопротивления полякам и днём 18 ноября покинул Варшаву.

Великий князь Константин заявил: «Всякая пролитая капля крови только испортит дело» — и отпустил верные ему польские части, находившиеся в Варшаве, на соединение с мятежниками. Крепости Модлин и Замостье были переданы полякам, и великий князь с русскими войсками бежал в русские пределы.

В Варшаве образовалось временное правительство во главе с генералом Ю. Хлопицким.

10 декабря 1830 г. (н. с.) самозванный «диктатор» отправил Николаю I условия мира, в случае принятия которых Царство Польское осталось бы под властью царя. Документ буквально потрясающий:

«1. Свободное и полное действие в Королевстве Польском Конституционной хартии, дарованной в 1815 году Его Величеством императором Александром I на основе трактатов.

2. Распространение на основании этих трактатов той же Конституционной хартии на Литву, Волынь, Подолию и Украину.

3. Созыв 1 мая 1831 года генерального сейма, в котором примут участие послы и депутаты не только Королевства Польского, но и вышеназванных провинций.

4. Обязательство императорской армии не вторгаться на территорию Королевства Польского.

5. Полная амнистия всем, кто участвовал в событиях и допускал те или иные высказывания»^[121].

В популярном изложении это означало: мы, мол, согласны быть вашими верноподданными, но за это гоните нам земли и побольше

православных хлопов.

Николай ужаснулся подобной наглости, но предложил Хлопицкому решить дело миром, пообещав амнистию всем восставшим. Увы, вполне миролюбивое предложение царя встретило бурю возмущения в Царстве Польском.

В январе 1831 г. Хлопицкий ушёл в отставку, а вместо него стал шестидесятилетний Адам-Ежи Чарторыйский, тот самый, который был другом Александра I и министром иностранных дел России с 1803 по 1807 г. Между прочим, этому Адаму было мало поста главы национального правительства и президента сената, он явно метил в короли. После поражения восстания Адам Чарторыйский эмигрировал в Париж, где считался до самой своей смерти в 1861 г. первым кандидатом на польский трон.

21 января 1831 г. (н. с.) сейм официально низложил Николая I с польского престола. Сейм провозгласил лозунг «За вашу и нашу свободу!» как девиз солидарности польского и русского революционного движения. Но позже сейм «наступил на грабли» — отклонил предложение об отмене крепостного права, чем лишил себя поддержки крестьянства.

Таким образом, историк при желании может считать с этого момента (21 января 1831 г.) Польшу независимой, а польское восстание 1830–1831 гг. — польско-русской войной. Разумеется, русские гражданские и военные власти считали поляков мятежниками.

Сразу после ноябрьского восстания 1830 г. польская армия состояла из 23 800 пехотинцев, 6800 кавалеристов при 108 артиллерийских орудиях.

К марту 1831 г. численность войск за счёт рекрутских наборов и притока добровольцев существенно увеличилась. В армии было 57 924 пехотинца, 18 272 человек регулярной кавалерии, 3000 волонтёров — всего 79 тысяч человек при 158 орудиях.

Однако боеспособность всех этих войск была невелика. Так, в число орудий поляки включили 12 трофейных турецких мортир, присланных в 1828 г. Николаем I для установки у памятника королю Владиславу.

Участник восстания прелат Буткевич, будучи в Париже в эмиграции, в своих мемуарах едко высмеял «амазонку» Эмилию Плятер, которая, имея громадное состояние, сформировала за свой счёт уланский полк. Юная красотка назначила себя командиром полка, «надев полковничий мундир, окружила себя адъютантами, набранными из девиц, принадлежавших к знатнейшим семействам Ковенской и Виленской шляхты. Сначала этот странный полковник пользовался большим авторитетом, но впоследствии, когда замечены были интимные отношения графини-полковника с

подчинёнными офицерами, имя m-lle Плятер сделалось предметом насмешки»^[122].

Польские генералы Прондзыньский и Крыжановский предлагали наступательную тактику. Они хотели собрать всю польскую армию в единый кулак и последовательно бить русских по частям, не давая им объединиться. В Варшаве же должен был остаться лишь небольшой гарнизон численностью в 4–5 тысяч человек. Кроме того, они надеялись при вступлении польских войск в Литву и Белоруссию на восстание местной шляхты и присоединение её к польским войскам.

Однако генерал Хлопицкий отверг этот план и 20 декабря 1830 г. (н. с.) приказал расположить всю польскую армию двумя колоннами по дорогам Брест — Варшава и Белосток — Варшава так, чтобы по каждой дороге находилось в глубину по несколько эшелонов, которые могли бы, отступая перед русскими частями, концентрироваться у одного сборного пункта — Грохова (в 5 км юго-восточнее Варшавы), где и предполагалось дать бой.

Узнав о восстании в Варшаве, Николай I собрал во дворе Инженерного замка гвардейские части и сообщил им, что в Варшаве восстание. В ответ на негодующие возгласы молодых офицеров Николай сказал: «Прошу вас, господа, поляков не ненавидеть. Они наши братья. В мятеже виновны немногие злонамеренные люди. Надеюсь, что с Божьей помощью всё кончится к лучшему».

12 (24) декабря царь издал манифест, где говорилось, что русские должны проявить по отношению к полякам «правосудие без мщения, непоколебимость в борьбе за честь и пользу государства без ненависти к ослеплённым противникам». Тем не менее, как в правящих придворных кругах, так и в русском обществе (разумеется, дворянском), были очень сильны опасения иностранной интервенции, то есть вмешательства Франции и Англии в польский вопрос. В феврале 1831 г. в Париже был образован польский комитет при участии генерала Лафайета. Но сей славный генерал последние 40 лет занимался исключительно болтовнёй, и до интервенции дело не дошло.

Стоит заметить, что русское либеральное дворянство, систематически критиковавшее внутреннюю политику русского правительства, заняло резкую антипольскую позицию. Так, разжалованный в солдаты декабрист Александр Бестужев писал 5 января 1831 г. из Дербента матери: «Третьего дня получил Тифлиссские газеты и был чрезвычайно огорчён и раздосадован известием об измене Варшавской. Как жаль, что мне не придётся променять пуль с панами добродетелями... Одно только замечу, что поляки никогда не будут искренними друзьями русских... Как волка не

корми...»

А. С. Пушкин по поводу польского восстания написал несколько стихотворений, из которых наиболее известны «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина». Замечу, что оба стихотворения обращены не к полякам, а к тем, кто их подстрекал, сидя в уютных кабинетах в Лондоне и Париже.

Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.
Так высылайте ж нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.

«Клеветникам России»

* * *

Ступайте ж к нам: вас Русь зовёт!
Но знайте, прощенные гости!
Уж Польша вас не поведёт:
Через её шагните кости!..

«Бородинская годовщина»^{[\[123\]](#)}

Думаю, слова Александра Сергеевича и актуальны и сейчас, спустя 170 с лишним лет. Риторический вопрос. Зачем вступать Польше в НАТО? Кто ей угрожал?

Но вернёмся в 1830 год. Силы, которыми располагал Николай I для умирения Польши, могли быть доведены до 183 тысяч человек (гвардия из Петербурга, Гренадерский корпус из Новгородских поселений, I и II корпуса из состава 1-й армии, VI корпус — бывший Литовский, III и V резервные кавалерийские корпуса). Однако для сбора всех этих войск

требовалось свыше четырёх месяцев. Корпуса Гвардейский великого князя Михаила Павловича и II графа Палена 2-го могли прибыть лишь к весне.

К декабрю 1830 г. на месте — у Бреста и Белостока — находился один лишь VI корпус барона Розена в количестве около 45 тысяч сабель и штыков. На марше находились Гренадерский корпус князя Шаховского и I корпус графа Палена 1-го с резервной кавалерией южных поселений.

Главкомандующим был назначен фельдмаршал граф Дибич-Забалканский^[124], начальником штаба — граф Толь. Дибичу были подчинены губернии: Гродненская, Виленская, Минская, Подольская, Вольшская и Белостокская область, объявленные на военном положении.

К 20 января 1831 г. русские силы у границы Царства Польского насчитывали 114 тысяч человек. Надеясь быстро разгромить мятежников, Дибич не предал большого значения снабжению своих войск и решил не утяжелять свою армию обозами и артиллерийскими парками. Провианта было взято всего на пятнадцать дней, а фуража — на двенадцать. В артиллерии были оставлены третьи дивизионы батарей, выступивших, таким образом, в составе восьми орудий вместо двенадцати. Пехотные полки выступили в составе двух батальонов.

24 и 25 января русские войска перешли границу Царства Польского одиннадцатую колоннами, но с таким расчётом, чтобы иметь возможность за двадцать часов сосредоточить главные силы в количестве 80 тысяч человек.

По сему поводу уже упомянутая пани Кицкая написала в мемуарах: «Армия москалей растекалась по всей стране. Не очень уверенная в своей силе, потрепанная в сражениях, она усилилась за счёт временного включения в свои ряды прусских офицеров и большого количества солдат прусско-познанского ополчения, переодетых в русские мундиры»^[125]. Таким образом, монголообразных москалей не хватило, и подавили бедных ляхов пруссаки.

Главные силы (I, VI пехотный и III резервный кавалерийский корпуса) Дибич двинул в район между реками Буг и Нарев, поручив V резервному кавалерийскому корпусу барона Крейца демонстрацию на Люблин. Гренадерскому корпусу, шедшему на правом фланге общего расположения уступом позади и на значительном удалении от главных сил, была предоставлена свобода действий.

Дожди и оттепель, сделавшие непроходимыми лесистый и болотистый Буго-Наревский район, побудили Дибича сосредоточить войска у Венгрова, а затем свернуть на Брестское шоссе. Фельдмаршал решил нанести удар в

правый фланг расположения поляков, отрезав их от Варшавы. Этот фланговый марш был совершён 31 января.

В первых числах февраля быстро продвигавшиеся русские колонны вошли в соприкосновение с польскими войсками, отступавшими к Висле в Варшавский район. 2 февраля произошёл неудачный для русских бой под Сточеком, где конно-егерская дивизия генерала Гейсмара была разбита польской конницей генерала Дверницкого. Два русских конных полка бежали, не выдержав сабельной атаки поляков. Русские потеряли 280 человек и 8 пушек, а поляки — 87 человек.

5 февраля русская армия под командованием фельдмаршала Дибича выступила из Венгрова двумя колоннами. В правой колонне, по дороге на Станиславов, шёл VI корпус генерала Розена, а в левой, по шоссе через Калушин, — I пехотный корпус графа Палена 1-го, и за ним — резерв. Оттеснив польские дивизии Скжинецкого и Жимирского, авангард корпуса Палена 6 февраля достиг Яновека, а авангард корпуса Розена был в Окуневе. На следующий день, 7 февраля, было решено продолжить движение к Варшаве, причём авангард графа Палена должен был занять Выгодские высоты, а основные силы его корпуса — Милосну. Авангард корпуса барона Розена также должен был дойти до Выгоды, а его корпус — расположиться впереди Гржибовской Воли.

Польская армия была собрана у Грохова под началом Хлопицкого и состояла из трёх пехотных и трёх кавалерийских дивизий. Кроме того, дивизия Жимирского находилась в авангарде, в Милосненском лесу. Всего в польской армии было около 54 тысяч человек при 140 орудиях.

От Яновека до Варва Варшавское шоссе пролегалo лесом, который под самым Варвом оставался лишь с правой стороны дороги и продолжался по направлению к Кавенчину. Впереди этого леса на протяжении 7 вёрст до Праги простиралась равнина, покрытая песчаными холмами, кустами, болотами и отдельными усадьбами. В двух верстах за Варвом находились деревни Малый и Большой Грохов, а в трёх верстах за ними — Прага. Перед Гроховым была небольшая ольховая роща.

Отступив со своей дивизией к Варву, Жимирский оценил важное значение этого пункта и расположился здесь, чтобы препятствовать дебушированию^[126] русских войск из леса. Он расставил свои 9 батальонов по сторонам шоссе, а имевшиеся у него 28 орудий направил на выходы из леса. К этому времени из главных сил поляков к Жимирскому направлялась дивизия Шембека. Ко времени прибытия этой дивизии к Варву из леса начали показываться передовые части I корпуса Палена. Шембек расположил свою дивизию правее Жимирского, а на правом фланге

расположил три полка кавалерийской дивизии Лубенского.

Авангард графа Палена (1-й и 2-й егерский и 3-й кавалерийский полки с шестнадцатью орудиями, под командованием генерал-лейтенанта князя Лопухина) при выходе из леса были обстреляны из сорока орудий, но всё-таки выстроились в порядке по обеим сторонам шоссе. Подтягивались свежие войска, и завязался горячий бой.

На выстрелы к Вавру прибыл главнокомандующий Хлопицкий и, убедившись в необходимости помешать дебушированию русских войск из леса, приказал Шембеку оттеснить в лес вышедшие уже из него русские войска. А чтобы прикрыть свои войска от обхода их с левого фланга колонной VI корпуса, двигавшейся по Окуневской дороге на Выгоду, и помешать соединению русских колонн, Хлопицкий направил туда дивизию Круковецкого (13 батальонов и 24 орудия). Остальные войска были оставлены в резерве у Глухова.

1-й и 2-й егерские полки под натиском превосходящих сил поляков были оттеснены к лесу, но прибывший бегом 5-й егерский полк с 1-й конной батареей полковника Паскевича упорно защищал свою позицию на шоссе. Бросившийся в атаку Черноморский полк был опрокинут. К авангарду прибыли граф Пален и начальник главного штаба армии граф Толь. Великолуцкий полк был направлен Паленом вправо от шоссе, где поляки сильно продвинулись вперёд. Ему удалось удерживать натиск поляков до 10 часов утра.

Жимирский, продвигаясь лесом вперёд, теснил слабый русский правый фланг с двух сторон. Прибывший сюда на помощь Новоингерманландский полк был не в силах задержать наступление поляков, и русская пехота отступила. Граф Толь, опасаясь, что поляки получат возможность разрезать русскую армию пополам, выдвинул на правый фланг Староингерманландский полк и батальон 4-го морского полка, артиллерию же 3-й дивизии расположил уступом за конной батареей, левее шоссе. 3-й морской полк был двинут влево. Благодаря этим мероприятиям инициатива в бою перешла к русским.

В 11 часов утра на поле сражения прибыл фельдмаршал Дибич с девятью батальонами 2-й пехотной дивизии. В это время поляки усилили свои войска, расположенные в лесу, и повели атаку на фланг батарей, расположенных на шоссе, стремясь охватить их. Густой лес скрывал эти движения поляков, но князь Горчаков всё же заметил их и повернул орудия 1-й конной батареи направо, фронтом параллельно шоссе, а затем открыл через шоссе картечный огонь. Поляки, поражённые внезапностью этого огня, отступили в глубь леса, но часть их застрельщиков бросилась на

батарею, поставленную Толем. Дибич послал для их отражения свой конвой и полуэскадрон Лубенских гусар, и поляки были опрокинуты.

Было уже около полудня, а правая русская колонна ещё не дебушировала из леса. Поляки, понимая всю важность русского правого фланга, направили против него все свои усилия. Между тем Дибич послал на подкрепление правого фланга Эстляндский полк, потребовал на поле сражения 2-ю гренадерскую дивизию и послал Розену приказание ускорить движение. Авангард Розена под командованием Влодека должен был двигаться на одной высоте с авангардом I корпуса, но из-за большого расстояния и плохой дороги он прибыл к Гржибовской Воле только в 2 часа дня.

Чтобы задержать движение колонны Розена, Круковецкий, имея пехотную дивизию и конно-егерский полк, выслал одну полубатарею со стрелками в лес. Выходы из леса были заняты бригадой Гелгуда с полубатареей, а остальные войска стали в резерве у Выгоды, правее дороги. Влодек, слыша слева от себя сильную пальбу, выдвинул в лес влево от дороги 50-й егерский полк и 1-й батальон 49-го егерского полка, вошёл в связь с Эстляндским полком корпуса Палена, вытеснил поляков из леса и стал постепенно развёртывать свои колонны у опушки.

Дибич, услышав выстрелы на правом фланге, что указывало на вступление в бой корпуса Розена, приказал начать общее наступление в центре и на левом фланге. Вся линия русских войск, выйдя из леса, стала продвигаться вперёд. Толь опрокинул Жимирского, Пален оттеснил Шембека. На нашем левом фланге сумцы и новоархангельцы при содействии огня пехоты и артиллерии отбросили назад кавалерию Лубенского, который поспешил укрыться за свою пехоту.

Русская пехота двинулась по шоссе вперёд и заняла Вавр. На нашем правом фланге упорно держался Круковецкий. После ожесточённого боя русские опрокинули 5-й польский пехотный полк, занимавший высоту. Русские перешли в общее наступление, и левый фланг поляков был оттеснён к Грохову. Крчма и Выгода тоже были ими оставлены. Круковецкий отошёл к ольховой роще.

Для овладения Кавенчином Розен послал Польский и Волынский уланские полки и Житомирский пехотный полк, которые опрокинули калишских улан, защищавших это селение. К 4 часам дня все выходы из леса были в руках русских. Наши войска расположились биваком на тех местах, где их застало приказание. Поляки отошли за Малый Грохов без преследования со стороны русских, остановились перед Большим Гроховым и заняли позицию.

В этом бою потери русских составили до 3700 человек, из них до 100 офицеров. Потери поляков были не меньше, только в плен русские захватили 600 человек.

После сражения при Варве войска генерала Хлопицкого расположились следующим образом: 1-я пехотная дивизия Круковецкого — в Брудно, имея один батальон с одним эскадроном в Зомбках; 2-я и 3-я пехотные дивизии Жимирского и Скржинецкого — у ольховой рощи; 4-я пехотная дивизия Шембека — между Брестским шоссе и болотами острова Сасска-Кемпа, занимая здесь двумя полками егерей лесок. По сторонам ольховой рощи была расположена артиллерия: вправо до шоссе — четыре батареи, влево по дороге в Кавенчин — две батареи. Пространство между главными силами и дивизией Круковецкого занимала кавалерия: дивизия Лубенского — поперёк дороги в Зомбки; корпус Уминского (две дивизии и две батареи) — у колонии Элснер, наблюдая Зомбки — Кавенчин; вблизи Праги — косиньеры, артиллерийские резервы и парки. Всего 56 тысяч (36 тысяч пехоты, 12 тысяч кавалерии, 8 тысяч косиньеров), а без Круковецкого — 44 тысячи человек.

Русская армия расположилась следующим образом: I пехотный корпус графа Палена 1-го (1-я, 2-я и 3-я пехотные дивизии и 1-я гусарская дивизия) — по обеим сторонам Брестского шоссе; литовский (VI) пехотный корпус барона Розена (24-я и 25-я пехотные дивизии, литовская гренадерская бригада и литовская уланская дивизия) — на опушке большого леса, примыкая к правому флангу Палена и имея часть артиллерии на позиции у корчмы Выгода и конницу у Кавенчина; 2-я гренадерская дивизия — на Брестском шоссе за корчмой Вавр; III резервный кавалерийский корпус графа Витта, гвардейский отряд и артиллерийский резерв — в Милосне. Отряд командира гренадерского корпуса князя Шаховского подходил с севера и 12 февраля занял Белоленку. Русских войск всего было 72 тысячи человек (56, 5 тысяч пехоты и 16, 5 тысяч кавалерии) при 252 орудиях, а без Шаховского — 59, 5 тысяч человек при 196 орудиях.

Главнокомандующий фельдмаршал Дибич намеревался дать бой 14 февраля, причём главный удар нанести на левый, наиболее открытый, фланг противника отрядом Шаховского, усиленным III резервным кавалерийским корпусом, через Белоленку на Брудно и далее, отрезая поляков от Праги. Розен должен был развернуться по обе стороны Кавенчина; Пален — примкнуть к его левому флангу, имея 1-ю дивизию левее шоссе; резерв — собраться за Кавенчиным.

В 9 часов 30 минут утра 13 февраля русская артиллерия открыла

огонь, и правый фланг медленно начал наступать к ольховой роще. Опушку рощи занимала польская бригада Голанда, за ней расположилась бригада Чидевского, за рощей стояла дивизия Скржинецкого. Около 10 часов утра Розен двинул в атаку пять батальонов 24-й дивизии, которые ворвались в переднюю часть рощи, но, дойдя до рва, были отброшены. Розен ввёл в дело шесть батальонов 25-й дивизии, но дивизия Жимирского принудила эти части к постепенному отступлению. В подкрепление были двинуты справа два полка 25-й дивизии, а слева — два полка I корпуса. Вторая атака была проведена восемнадцатью батальонами, которые к 11 часам выбили дивизию Жимирского из рощи, при этом сам Жимирский был смертельно ранен. Русские, заняв противоположную опушку, оказались под картечным огнём. Хлопицкий выдвинул дивизию Скржинецкого, за которой устремилась и дивизия Жимирского. Этими двадцатью тремя батальонами восемнадцать русских батальонов были выбиты из рощи.

Тем временем литовская гренадерская бригада и литовская уланская дивизия продвинулись вперёд между Кавенчиным и Зомбками. Несвижские карабинеры с Волынским уланским полком выбили поляков из Зомбок и колонии Мациас, два уланских полка прикрывали фланг правее Кавенчина.

Канонада со стороны Белоленки продолжалась, и Дибич в 12 часов дня направил на рощу третью атаку: справа — корпус Розена, слева — всю 3-ю дивизию. Начальник главного штаба армии граф Толь, присоединив на правом фланге к двум батареям VI корпуса батарею литовской гренадерской артиллерийской бригады и взяв в прикрытие Житомирский полк, стал обходить рощу справа, а Нейдград, двинув шесть батальонов 3-й дивизии в рощу, с остальными начал обходить её слева. Кроме артиллерии I корпуса, по сторонам шоссе была выдвинута 20-я конноартиллерийская рота и четыре орудийных гвардейских отряда под прикрытием Ольвиопольских гусар.

Захватив опушку, части VI корпуса снова были остановлены огнём из-за большого рва. Обходившая рощу артиллерия графа Толя тоже была остановлена рвом. На левом фланге свежие части 3-й дивизии, опрокинув неприятеля и частью обогнув рощу, попали снова под картечь. Хлопицкий ввёл в дело всю дивизию Жимирского, перед этим поддерживавшую лишь Скржинецкого, а сам во главе четырёх батальонов гвардейских grenадер повёл атаку на правом фланге.

Наши утомлённые полки были вынуждены отступить, и постепенно поляки снова заняли всю рощу. Но это был последний их успех в этом бою. Фельдмаршал усилил войска 3-й бригадой 2-й гренадерской дивизии, развернул часть III резервного кавалерийского корпуса и лично повёл

войска в наступление. Гренадерская бригада пошла между VI корпусом и 3-й дивизией. Узнав в это время об отходе князя Шаховского от Белоленки, — причём поляки легко могли отступить к Праге, — Дибич решил поддержать 3-ю бригаду grenадер 2-й бригадой той же дивизии (всего в последовавшей четвёртой атаке участвовало 38 батальонов), а правее рощи пустить 3-ю кирасирскую дивизию с лейб-гвардейским уланским полком, под общим руководством Толя, дабы обходом конницы облегчить овладение рощей и ударом кирасир разорвать фронт отступающих поляков, и хоть правый их фланг отбросить к болотам у Брестского шоссе.

Гренадеры первыми ворвались в рощу, за ними — остальные. Поляки пытались остановиться за рвом, но, не имея более резервов, были опрокинуты, и роща окончательно осталась за русскими. Артиллерия (всего до 90 пушек) действовала по польской артиллерии за рощей.

Конница Толя вынуждена была колонной по шесть преодолевать препятствия и выстраиваться под огнём польской батареи, причём поляки выигрывали время на построение каре. Вперёд выдвинулись наши 24 конные пушки Герштенцвейга и 8 пеших пушек, под прикрытием которых конница развёртывалась в боевой порядок. Для обеспечения кавалерийского манёвра 1-я бригада 2-й кавалерийской дивизии, составлявшая правый фланг боевого порядка пехоты, продвинулась к северной опушке рощи.

В то же время литовская гренадерская бригада с двумя уланскими полками заняла колонии Мациас и Эльснер, а Литовским уланским полком связывалась с кавалерией Толя.

Генерал Хлопицкий приказал дивизии Круковецкого и кавалерии Лубенского перейти к роще, но в это время он был ранен и унесён с поля сражения. С этого момента управление боем у поляков исчезло.

Кавалерия Толя выстроилась в три линии. Решено было повести наступление одновременно по сигналу, и, чтобы отрезать поляков от Праги, каждый последующий полк должен был принимать вправо и подавать вперёд правый фланг. Однако Толь, а с ним и начальник кирасирской дивизии, увлеклись частной атакой улан против вышедшего из рощи польского батальона. Уланы были остановлены глубокой канавой под огнём противника. Толь вызвал конную батарею, которая очистила путь уланам.

Одновременно двинулись в атаку кирасиры Альберта, атака продолжалась 20 минут. Кирасиры потеряли около половины своего состава, зато у поляков началась паника, и сам главнокомандующий Михаил-Гедеон Радзивилл ускакал в Варшаву. Толь, находясь с уланами, не

успел поддержать этой атаки всей дивизией, а затем уже ничего решительного не предпринял.

При виде успеха кирасир, барон Гейсмар с кавалерией левого фланга поторопился с атакой и двинул вперёд сумских и ольвиопольских гусар и украинских улан с конной батареей, а за ними бригаду егерей. Гусары сбили егерей Шембека и опрокинули его дивизию. В это время Пален двинул и пехоту левого фланга: 1-ю дивизию — левее шоссе, а 2-ю — правее. Польские начальники потеряли голову, лишь Скржинецкий восстановил порядок и занял позицию на холмах у монумента. Слева к нему пристроилась кавалерия Уминского и бригада дивизии Круковецкого, позади стала кавалерия Лубенского.

Лишь в 4 часа дня Дибич был наконец обрадован прибытием Шаховского и, объявив гренадерам, что предоставляет им довершение победы, повёл их вперёд во главе с Литовской гренадерской бригадой и уланами, наступавшими от колонии Эльснер.

Когда гренадеры подошли к польским позициям, было около 5 часов вечера. Деморализация у поляков была полная: Радзивилл приказал даже очистить Прагу и предмостное укрепление. Потом уже Скржинецкий был назначен прикрывать переправу, которая была произведена в беспорядке с 6 часов вечера до полуночи. Защита предмостного укрепления была поручена Малаховскому (дивизии Круковецкого).

Потери поляков в этом сражении составили более 12 тысяч человек и три пушки, потери русских — 9500 человек.

Сражение под Гроховым было успехом русских войск, но успехом тактическим. Дибичу не удалось уничтожить большую часть польского войска. Поляки по-прежнему располагали двумя крепостями на правом берегу Вислы — Модлиным и Прагой. Русские войска дошли до Праги, но овладеть ею не сумели.

В это время в польской армии произошёл ряд кадровых изменений. Генерал Жимирский умер от ран, полученных под Гроховым, а Радзивилл отказался командовать, на его место был назначен генерал Скржинецкий.

В городе Пулаве на Висле, в ста верстах выше Варшавы, горожане вырезали эскадрон Казанского драгунского полка. По приказу генерала Скржинецкого корпус генерала Дверницкого общей численностью до 15 тысяч человек переправился через Вислу и, опрокинув передовой отряд генерал-лейтенанта барона Крейца, пошёл к Люблину. Люблин был взят поляками, однако 27 февраля русские отбили его.

Тем не менее рейд генерала Дверницкого научил Дибича, и тот отправил на юг своего начальника штаба графа Толя с 3-м резервным

кавалерийским корпусом, частью 3-й гренадерской дивизии и Литовской гренадерской бригадой, поручив ему отрезать корпус поляков от Вислы.

Сам же Дибич с главными силами отступил от Праги на восток. Пополнив запасы снаряжения, фельдмаршал решил овладеть Варшавой и в первых числах марта 1831 г. стал сосредотачивать армию у Тырчина, где собирался переправиться через Вислу. Прикрывать операцию с тыла на Брестском шоссе был оставлен VI корпус барона Розена.

Скржинецкий, которому удалось поднять дух своей армии, упавший было после Грохова, сознавал всю опасность форсирования русскими Вислы и решил во что бы то ни стало воспрепятствовать этой операции, отвлечь Дибича от переправы. Сосредоточив скрытно у Праги до 40 тысяч человек, он 20 марта нанёс VI корпусу жёсткое поражение при Дембе-Вильке. В этом бою у Скржинецкого было большое численное превосходство: 33 тысячи поляков против 18 тысяч русских. Русские потеряли убитыми и ранеными 2500 человек, пленными 3000 человек, пять знамён и десять пушек. Поляки потеряли убитыми и ранеными до 2000 человек.

В результате сражения у Дембе-Вильке Дибич приостановил наступление к Висле, отложил переправу и, двинувшись на выручку Розена, соединился с ним 31 марта у Седлеца.

Важную роль в обороне поляков играла крепость Замостье. 21 февраля 1831 г. комендант Крысинский выслал к Устилугу, расположенному в 60 верстах восточнее Замостья, четыре линейные роты с четырьмя пушками, усиленные косиньерами и кракусами (пешими и конными добровольцами). Этот отряд напал на Устилуге врасплох на передовой отряд Житомирского полка и захватил в плен командира батальона полковника Богомольца, а также 5 офицеров и 370 нижних чинов.

С 5 по 28 марта в Замостье находился корпус генерала Дверницкого. Затем Дверницкий выступил из крепости на Вольту. 7 апреля у местечка Боремле Дверницкий имел сражение с русским IV кавалерийским корпусом генерал-лейтенанта Ридигера. У Ридигера было 9000 человек и 36 пушек, а у Дверницкого — 6000 человек и 12 пушек. Русские потеряли 700 человек и 5 пушек, но Дверницкий был вынужден отказаться от похода в Подолию.

В новом сражении с русскими 15 апреля у Людинской корчмы Дверницкий потерял до тысячи человек, в том числе 250 пленными. После этого сражения Дверницкий с четырьмя тысячами поляков перешёл австрийскую границу и был интернирован австрийцами.

Фельдмаршал Дибич рассчитывал перейти в наступление от Седлеца 12 апреля, но был остановлен распоряжением Николая I, повелевавшего

выждать прибытия гвардии. Один лишь Крейц разбил 27 апреля отряд Хршановского у Любартова. Во время стоянки у Седлеца в армии началась холера, в марте было всего двести заболевших, а к концу апреля их число достигло уже пяти тысяч.

Узнав от лазутчиков, что Скржинецкий намерен атаковать 1 мая, Дибич решил упредить его и оттеснил польские авангарды от Янова. Однако Скржинецкий, сосредоточив 1 мая у Сероцка 45-тысячное войско, двинулся в ломжинском направлении против Гвардейского корпуса, в котором с отрядом Сакена было около 27 тысяч человек.

После ряда упорных арьергардных боёв великий князь Михаил Павлович отвёл свой корпус к Снядову. Скржинецкий, несмотря на своё превосходство в силах, не посмел атаковать русскую гвардию, а напал для начала на отряд Сакена, занимавший Остроленку. Но Сакен своевременно отступил в Ломжу. Во время этой операции две польские дивизии (Хлаповецкого и Гелгуда) вышли в тыл Гвардейскому корпусу, отошедшему за Нарев в район Белостока. Попытки поляков перейти Нарев успехом не увенчались.

Дибич упорно не хотел верить в то, что поляки наступают против гвардии, но когда польская кавалерия Лубенского оказалась у Нура-на-Нареве, фельдмаршалу пришлось всё же поверить. Быстро двинувшись вместе с гренадерами, I пехотным и III конным корпусами, он 10 мая отбросил Лубенского и пошёл на польскую армию. Скржинецкий начал отступать, но Дибич 14 мая настиг его и разгромил при Остроленке. В этом сражении с русской стороны приняли участие всего 3-я гренадерская и 1-я пехотная дивизии (15 тысяч человек), которые перед этим прошли чуть больше суток 70 вёрст по сыпучему песку. У поляков было 24 тысячи. Честь победы в первую очередь принадлежит суворовцам-фанагорийцам и астраханцам, форсировавшим Нарев и долгое время дравшимся со всей польской армией. Тщётно Скржинецкий носился перед фронтом своих войск, посылая их вперёд: «Напшуд Малаховски! Рыбиньски напшуд! Вшистки напшуд!»

Русские потеряли свыше трети войска, а поляки — 7100 человек убитыми и ранеными, 2100 пленными и три пушки.

Отведя своё разбитое войско к Варшаве, Скржинецкий решил спасти положение диверсией на Литву и двинул туда дивизию Гелгуда в составе 12 тысяч человек. Но уже менее чем через две недели поляки имели в Литве 24 тысячи человек, столько же там к этому времени было и русских войск. 7 июня Гелгуд атаковал Вильно, но был разбит Сакеном и отступил в Пруссию, где был интернирован.

Между тем на поле боя появился самый страшный противник — холера. В госпиталях русской действующей армии в 1831 г. умерло от болезней 27 393 человека^[127], в подавляющем большинстве от холеры. 30 мая умер от холеры в Пултуске фельдмаршал Дибич, а 17 июня в Витебске холера скосила великого князя Константина Павловича.

Надо сказать, что Дибич скончался вовремя — император был им очень недоволен и уже в начале апреля 1831 г. вызвал в Петербург с Кавказа фельдмаршала И. Ф. Паскевича (графа Эриванского)^[128], которым он хотел заменить Дибича. 8 мая Паскевич прибыл в Петербург, а 4 июня получил должность командующего армией в Польше. Чтобы Паскевич мог быстрее добраться до армии, царь специально отправил его на пароходе «Ижора» из Кронштадта в прусский порт Мемель. Оттуда сухим путём Паскевич добрался до главной штаб-квартиры в Пултуске.

Царь потребовал от Паскевича быстро покончить с восстанием, так как Франция уже собиралась официально признать польское правительство. Николай I лично утвердил план кампании, согласно которому Паскевич должен был переправиться через Вислу близ прусской границы, у Осека, и оттуда двинуться на Лович — Варшаву, обеспечив себе тыл границей, а левый фланг — Вислой. 1 июня были наведены мосты, а с 4 по 7 июня состоялась переправа.

Скржинецкий пытался отвлечь Паскевича от переправы, двинувшись на стоявший в Калушине слабый отряд генерала Головина. Но Головин сам перешёл в наступление на поляков и этим смелым движением сковал их, обеспечив развёртывание переправившейся русской армии на левом берегу Вислы.

У Головина было 5500 человек и 14 пушек, а у Скржинецкого — 22 000 человек и 42 пушки.

Головин развернул свой отряд на очень широком фронте, введя таким образом поляков в заблуждение относительно своей численности. Потери русских составили 250 убитых, 165 раненых, 700 пленных (все были ранены) и одна пушка. Потери поляков неизвестны: убыло около 1000 человек, в плен взято 160 человек. Потерпев неудачу, Скржинецкий возвратился в Варшаву.

20 июля русские войска заняли город Лович в 75 верстах к западу от Варшавы. Опасаясь, что Паскевич двинется оттуда прямо на Варшаву, Скржинецкий занял было позицию у Болимова, но уже 25 июля был вынужден отступить за Равку.

Варшаву охватили паника, Скржинецкого заменили Дембинским.

3 августа произошёл переворот, президентом Речи Посполитой был назначен Круковецкий, а сейм подчинил главнокомандующего правительству. Но Дембинский был против этого подчинения и подал в отставку, тогда вместо него назначили Малазовского.

А тем временем генерал Ридигер с отрядом в 11 тысяч человек 25 и 26 июля переправился через Вислу и взял Радом, а затем большую часть своего отряда двинул на усиление главной русской армии под Варшавой.

Малаховский, сосредоточив свыше трети своих сил (20 тысяч человек генерала Ромарино) в Праге, решил повторить мартовский манёвр Скржинецкого на Дембе-Вельке^[129] и разбить VI корпус на Брестском шоссе. Этим он намеревался отвлечь главные силы Паскевича на правый берег Вислы. Ромарино потеснил было Розена, но получил приказание не зарываться ввиду критического положения Варшавы и не удаляться от столицы. Демонстрация конницы Лубенского на русские переправы у Осека успеха не имела.

6 августа армия Паскевича, численность которой была доведена до 85 тысяч человек, обложила Варшаву, защищаемую 35 тысячами поляков, не считая корпуса Ромарино, действовавшего самостоятельно.

С весны 1831 г. поляки быстрыми темпами укрепляли свою столицу. Варшава была окружена тремя линиями укреплений, и, кроме того, поляки устроили отдельные укреплённые пункты у селений Круликарня, Раковец, Воля и Париж, вынесенные вперёд на одну-две версты от первой линии. Отдельных укреплений (редутов и люнетов) в двух передних линиях насчитывалось до ста, из них на левом берегу 81. Роль третьей оборонительной линии исполнял сплошной городской вал, возведённый значительно раньше с таможенными целями и теперь только усиленный реданами и флешами. Внутри Варшавы на Мотоковской площади и так называемом «Плаце Брони» были построены два редута, как опорные пункты для борьбы внутри города. Для того же служили и Мировские казармы, соединённые баррикадами и приспособленные для упорной обороны.

Для обороны Праги поляки воспользовались также уже существовавшим городским валом и построили впереди несколько отдельных укреплений. Самым сильным на левом берегу был редут «Воля» с фасадами бастионного и полигонного начертания и с редюитом в юго-западном углу. Брустверы были высотой 12 футов (3,66 м), редут окружал глубокий ров с палисадом. Внутри укрепления имелся сад и каменный костёл, окружённый каменной стеной высотой 8 футов (2,44 м) с бойницами в ней.

Император Николай I повелел Паскевичу предложить гарнизону Варшавы капитулировать, при этом пообещав амнистировать всех сдавшихся. Однако Круковецкий заявил, что условия капитуляции унижительны, и отказался.

На рассвете 25 августа состоялся первый штурм Варшавы. Основной удар был направлен на редут «Воля» и смежные с ним укрепления № 54 и № 55. По приказу Паскевича 100 русских полевых пушек подъехали на 300 сажень (640 м)^[130] к польским укреплениям и в течение двух часов вели интенсивный огонь. Затем укрепления № 54 и № 55 были взяты штурмом. Однако «Воля», где имелось 12 пушек и 5 батальонов пехоты, продолжала держаться. Тогда Паскевич приказал подвезти ещё 70 пушек и атаковал «Волю» с трёх сторон. К 11 часам утра «Воля» была взята. Поляки бросили в контратаку 12 батальонов, чтобы отбить «Волю», но потерпели неудачу.

К вечеру 25 августа русские заняли ещё один редут и укреплённую деревню Раковеч близ Ерусалимской заставы.

На следующее утро, 26 августа, штурм Варшавы возобновился. Под прикрытием огня 120 орудий русская пехота атаковала предместья Вольское и Чисте и овладела двумя редутами. Затем русские овладели заставами Вольская и Ерусалимская и прорвались за городской вал. К полуночи (с 26 на 27 августа) русские войска овладели валом на протяжении 12 вёрст.

Поляки загородили улицы баррикадами и установили в наиболее опасных местах фугасы. Однако сейм уполномочил генерала Круковецкого капитулировать. Круковецкий направил Паскевичу письменный акт, в котором говорилось, что Варшава и весь польский народ «покоряются безусловно воле законного правительства».

Согласно условиям капитуляции, польские войска должны были очистить Варшаву и Прагу к 5 часам утра 27 августа и следовать к Плоцку. В 8 часов утра русские войска вошли в Варшаву под командованием великого князя Михаила Павловича, сам же Паскевич накануне был контужен близко пролетевшим ядром.

В ходе двухдневного штурма Варшавы русские потеряли 10 тысяч человек, а поляки — до 11 тысяч. Русские взяли в плен 3 тысячи человек и 132 орудия. Вечером 27 августа Паскевич прибыл в Варшаву и занял Бельведерский дворец. Граф решил «закосить» под Суворова. Он послал Николаю I в Петербург курьером внука Суворова с кратким донесением: «Варшава у ног Вашего Императорского Величества». Николаю сия комедия понравилась, и он наградил этот подвиг с царской милостью. Граф Паскевич-Эриванский был возведён в княжеское достоинство с

«проименованием» Варшавский и с титулом Светлейшего.

Замечу от себя, что Суворов взял Варшаву совсем при другом соотношении сил, а княжеский титул получил за итальянский поход, и, между прочим, генерал Моро не ровня генералу Круковецкому.

Польский корпус генерала Розмарино (15 тысяч человек и 42 орудия), на который так надеялись варшавяне, был оттеснён русскими войсками к австрийской границе. Войска Розмарино перешли границу и были интернированы австрийцами.

Польские же войска, ушедшие из Варшавы, через три дня отказались подчиниться условиям капитуляции. Офицеры стали утверждать, что Круковецкий не имел достаточных полномочий для подписания капитуляции. Главнокомандующий Малаховский был заменён генералом Рыбанским. Однако войска Паскевича преследовали Рыбанского и вынудили его 23 сентября уйти в Пруссию. Там 20 тысяч поляков при 96 орудиях были интернированы.

Через два дня, 25 сентября (7 октября), сдался польский гарнизон крепости Модлин. Последней капитулировала крепость Замостье — 9 (21) октября 1831 г.

Глава 22

«Режим Паскевича»

После подавления восстания Николай I кардинально изменил политику в отношении Царства Польского. В ноябре 1831 г. император Николай I учредил Временное правительство Польши во главе с И. Ф. Паскевичем. Русский император уничтожил польскую конституцию. В феврале 1832 г. был опубликован Органический статут, согласно которому Царство Польское объявлялось неотъемлемой частью Российской империи, а польская корона — наследственной в Русском императорском доме: отдельной коронации императора теперь не требовалось. Управление Польшей возлагалось на Административный совет с наместником императора во главе. Сейм был упразднён. Польскую конституционную хартию Николай приказал хранить в Оружейной палате как историческую реликвию.

В конце 1831 г. вышел императорский указ, объявлявший амнистию участникам восстания 1830 г. Однако амнистия коснулась не всех. Так, не были амнистированы участники событий в Варшаве 29 ноября 1830 г., члены сейма, голосовавшие за детронизацию Николая I, члены «Народного правительства», и офицеры польских частей, бежавших за границу.

Польские национальные войска были распущены, а в Царстве Польском введена система рекрутских наборов в русскую армию. В Польше было увеличено число войск. С середины 30-х гг. XIX в. в Царстве Польском резко возросли объёмы строительства гужевых дорог. В 1845 г. была введена в строй первая железная дорога в русской Польше Варшава — Скерневице протяжённостью 55 вёрст, а в 1848 г. — железная дорога Лович — Ченстохова — австрийская граница (протяжённостью 262 версты).

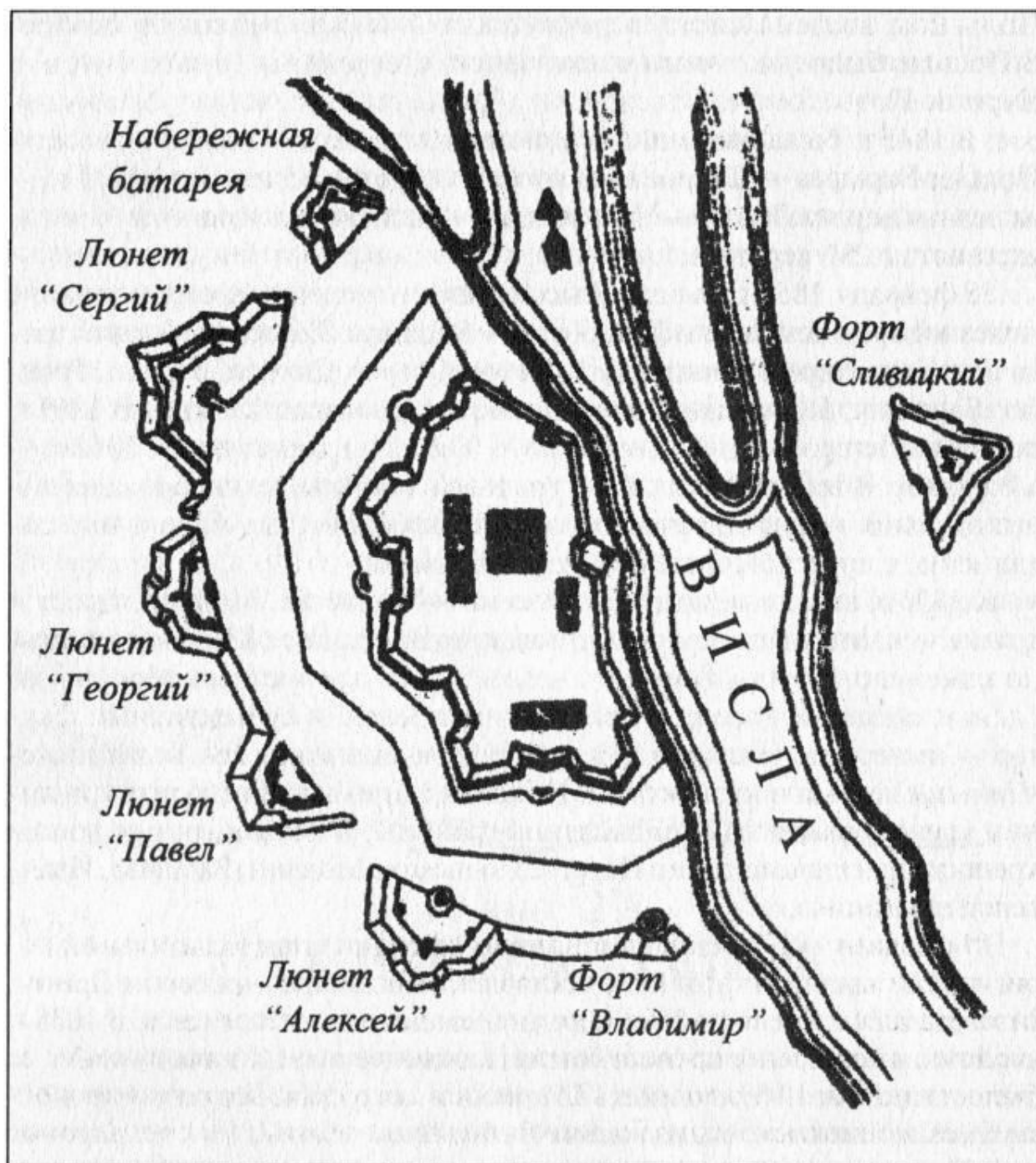
15 февраля 1851 г. вышло Высочайшее повеление о строительстве железнодорожной линии Петербург — Варшава. Трасса этой магистрали проходила через Гатчину, Лугу, Псков, Остров, Двинск, Вильно, Гродно, Белосток. Проектная протяжённость составляла 1280 км. В 1859 г. поезда из Петербурга пошли в Псков, в 1860 г. — в Динабург, а в 1862 г. — в Варшаву. В том же 1862 г. была введена в строй железнодорожная линия Вильно — пограничная станция Вержболово, где произошло соединение с прусской системой железных дорог.

К 1831 г. западные крепости России — Замостье, Модлин, Брест и другие — владели жалкое существование. Восстание 1831 г. кардинально изменило взгляды Военного ведомства на крепостную оборону западных областей России. При этом имел место и субъективный фактор — император Николай I, будучи ещё великим князем, ведал инженерными делами и крепостями. Николай I приказал построить три линии крепостей для защиты западной границы. В первую линию вошли крепости, расположенные в Царстве Польском: Модлин, Варшава, Иван-город и Замостье.

19 февраля 1832 г. Николай I лично утвердил план капитальной перестройки крепости Модлин, составленный генерал-майором Деном. 14 марта 1834 г. крепость была переименована в Новогеоргиевск. В 1836 г. строительство крепости было близко к окончанию, и на вооружение её было назначено 495 орудий и 122 крепостных ружья. Гарнизон крепости должен был состоять из восьми батальонов пехоты, двух эскадронов конницы, семи рот крепостной артиллерии и одной роты сапёров. В 1841 г. строительство Новогеоргиевска было закончено.

В начале 1863 г. в крепости по штату должно было иметься 709 орудий, а фактически было 683. Самыми мощными орудиями Новогеоргиевской крепости были 79 однопудовых (196-мм) единорогов, сорок девять 96-фунтовых (229-мм) карронад, пятнадцать 5-пудовых (334-мм) мортир и двадцать две 2-пудовые (245-мм) мортиры. Все эти орудия были чугунными.

Специально для укрепления столицы Польши почти в черте города на левом берегу Вислы генерал-майор Ден спроектировал Александровскую цитадель. На правом берегу реки было расположено предмостное укрепление — форт Сливичский, названный так в память полковника генерального штаба Сливичского, который в 1831 г. при взятии Варшавы зажёл Пражский мост. Крепость была заложена 19 мая 1832 г.

План Александровской цитадели и её передовых фортов

В 1835 г. Николай I посетил Варшаву. Принимая в Лазенковском дворце депутацию жителей Варшавы, царь заявил: «Я знаю, что вы хотели говорить со мной. Я не допустил этого, желая избавить Вас от произнесения лжи. Да! Я хотел избавить вас от лжи, так как хорошо знаю, что ваши чувства не таковы, как вы хотели бы представить мне их, и что

большинство из вас было бы готово повторить революцию, если бы обстоятельства благоприятствовали этому. Мне нужны дела, а не слова... Если вы будете упорствовать в мечтах о народной самостоятельности, о независимой Польше и других тому подобных фантазиях, то навлечёте на себя величайшие несчастья. Я выстроил здесь цитадель. Предупреждаю вас, что в минуту малейшего беспорядка я прикажу стрелять в город, превращу Варшаву в развалины и уже не отстрою её. Верьте мне, что настоящее счастье — принадлежать России и пользоваться благодеяниями её покровительства. Я буду делать вам добро помимо вашей воли... Моё правительство всегда будет думать о вашем счастье...»^[131]

В начале 1863 г. в Александровской цитадели было положено иметь 341 орудия, а фактически состояло 335. Самыми мощными орудиями были 40 однопудовых единорогов, двенадцать 96-фунтовых карронад, шестнадцать 5-пудовых и шестнадцать 3-пудовых мортир. Причём, согласно приказу Военного ведомства, восемь однопудовых коротких единорогов были специально поставлены не в казематах, а открыто на валу на элевационных станках (то есть с большим углом возвышения) для «бомбардировки города». Замечу, что сие было предусмотрено ещё в мирное время.

В 1837 г. у впадения реки Вепрж в Вислу была заложена крепость Ивангород^[132]. Строил крепость генерал-майор Ден. К началу 1863 г. в крепости по штату было положено иметь 328 орудий, а фактически состояло 326. Самыми мощными орудиями Ивангорода были 43 однопудовых единорога, четыре 96-фунтовые карронады, три 5-пудовые и двадцать две 3-пудовые мортиры.

Самой слабой крепостью Царства Польского было Замостье. Её в 30-х гг. почти не перестраивали. В 1833 г. на её вооружении состояло 257 орудий и 50 крепостных ружей. В гарнизоне было три батальона пехоты, один эскадрон конницы, четыре артиллерийские роты и одна сапёрная рота. После восстания 1863 г. крепость Замостье была упразднена, а укрепления скрыты.

Вторая линия крепостей была за пределами Царства Польского. Главной в ней была крепость Брест-Литовск. Постройка крепости Брест-Литовск началась в июне 1833 г. под руководством того же генерал-майора Дена, и через 5 лет крепость была введена в строй. К началу 1863 г. в крепости положено было иметь 442 орудия, а фактически состояло 423. Самыми мощными орудиями Брест-Литовска были 112 однопудовых единорогов, девять 96-фунтовых карронад, две 5-пудовые и двадцать пять

3-пудовых мортир.

В тылу располагалась третья линия крепостей, главными из которых были Киев, Бобруйск и Динабург.

Система русских крепостей непрерывно совершенствовалась с 1830 по 1894 г. На Западе довольно высоко оценивали состояние инженерной обороны русской границы. Основываясь на данных немецких специалистов, Фридрих Энгельс писал: «Русские, в особенности после 1831 г., сделали то, что упустили сделать их предшественники. Модлин (Новогеоргиевск), Варшава, Ивангород, Брест-Литовск образуют целую систему крепостей, которая, по сочетанию своих стратегических возможностей, является единственной в мире».

По мнению автора, тут классику можно верить: во-первых, он хорошо разбирался в военном деле, а во-вторых, очень ненавидел царскую Россию, и обвинить его в приукрашивании трудно.

В 1837 г. в русской Польше воеводства были переименованы в губернии, воеводские комиссии стали называться губернскими правлениями, а их председатели — гражданскими губернаторами. Вообще, местные власти получили русские названия, чем выражалась их зависимость от центральных органов империи. Чтобы стереть все признаки обособленности царства, в 1851 г. была уничтожена таможенная граница, отделявшая его от Российской империи.

В 1846 г. Николай I издал указ, запрещавший панам выселять крестьян-земледельцев и уменьшать их поля, отменявший барщину (помочи) и принудительный наём. Император обещал также помощь при заключении оброчных (чиншевых) договоров.

Польский историк Владислав Грабеньский зло прокомментировал этот указ: «Комиссия внутренних дел, проводя в жизнь этот указ, руководствовалась тенденцией пробуждения в крестьянстве ненависти к шляхте и рассевала в крестьянском населении семена общественной борьбы. Взяв в свои руки право разрешать споры между помещиками и крестьянами, комиссия сознательно создавала разные осложнения, которые углубляли пропасть между крестьянской хатой и усадьбой помещика»^[133].

Сразу после восстания 1830 г. Николай I решил ограничить права униатской церкви, клир которой открыто поддерживал повстанцев. Кроме того, униатская церковь в течение веков служила орудием полонизации русского населения.

Царское правительство пыталось ограничить польское влияние в Малой и Белой Руси. Так, в Вильно был закрыт польский университет, а вместо него в 1834 г. открылся Киевский университет Святого Владимира с

преподаванием на русском языке. Тем не менее ни преподавателей, ни чиновников русских там не хватало, и по-прежнему наблюдалось засилье поляков.

Однако Николай I, а затем Александр II широко открыли двери для поляков, желавших сделать карьеру внутри России. Так, в середине 1850-х годов доля поляков среди петербургского чиновничества составляла 6 %. Ещё больше поляков служило в русской армии. К 1862 г. в армии служило православных — 69,37 %, католиков — 20,06 % и протестантов — 9,33 %. Статистика по национальностям в нашей армии не велась, но католики были почти исключительно поляки, а протестанты — немцы. Таким образом, каждый пятый офицер императорской армии был поляком, хотя поляки не составляли и 6 % населения России.

В начале мая 1856 г. император Александр II через Москву и Брест-Литовск прибыл в Варшаву. Туда же стеклись в большом числе со всех концов Царства Польского губернские и уездные предводители дворянства, дворяне-помещики, придворные, кавалерственные и знатные дамы. Принимая 11 мая дворянских предводителей, сенаторов и высшее католическое духовенство, царь произнёс по-французски знаменательную речь: «Господа, я прибыл к вам с забвением прошлого, одушевлённый наилучшими намерениями для края. От вас зависит помочь мне в их осуществлении. Но прежде всего я должен вам сказать, что взаимное наше положение необходимо выяснить. Я заключаю вас в сердце своём, как финляндцев и как прочих моих русских подданных, но хочу, чтобы сохранён был порядок, установленный моим отцом. Итак, господа, прежде всего оставьте мечтания! („Point de rêveries!“ — эти слова Александр II произнёс дважды). Тех, кто хотел бы оставаться при них, я сумею сдержать, сумею воспрепятствовать их мечтам выступить из пределов их воображения. Счастье Польши зависит от полного слияния её с народами моей империи... Финляндия и Польша одинаково мне дороги, как и все прочие части моей империи. Но вам нужно знать, для блага самих поляков, что Польша должна пребывать навсегда в соединении с великой семьёй русских императоров. Верьте, господа, что меня одушевляют лучшие намерения. Но ваше дело — облегчить мне мою задачу, и я снова повторяю: господа, оставьте мечтания! Оставьте мечтания! Что же касается до вас, господа сенаторы, следуйте указаниям находящегося здесь наместника моего князя Горчакова; а вы, господа епископы, не теряйте никогда из виду, что основание доброй нравственности есть религия и что на вашей обязанности лежит внушить поселянам, что счастье их зависит единственно от полного их слияния со святою Русью».

15 мая царь вновь заявил польским панам: «Оставьте всякие мечты о независимости, которые нельзя ни осуществить, ни удержать». В тот же день Александр II подписал акт об амнистии полякам — участникам восстания 1831 г. Император заявил, что «все возвратившиеся эмигранты могут даже, по истечении трёх лет раскаяния и доброго поведения, стать полезными, возвратясь на государственную службу».

Проведя в Варшаве шесть дней, император Александр II отправился в Берлин на встречу с прусским королём Фридрихом-Вильгельмом IV. Замечу, что в первый день своего царствования Александр II написал Фридриху-Вильгельму: «Я глубоко убеждён, что, пока оба наши государства останутся в дружбе, вся Европа может ещё быть спасена от всеобщего разрушения; если же нет, то горе ей». Можно лишь сожалеть, что наследники обоих монархов забыли эти пророческие слова.

В январе 1856 г. после смерти фельдмаршала Паскевича наместником в Царстве Польском был назначен генерал от артиллерии князь Михаил Дмитриевич Горчаков. Одновременно он был назначен и главнокомандующим вновь сформированной в Польше I армии. Горчаков был стар (родился в 1783 г.) и отличался от своего предшественника крайней мягкостью в обращении с поляками, выступая и в Петербурге усердным и постоянным ходатаем за них. Именно его покровительству поляки обязаны в самом начале царствования Александра II полученными льготами и преимуществами.

Возникает вопрос: почему же поляки взбунтовались, если новый наместник был так хорош? Франция и Англия нахально ввали на весь мир, что в Польше происходит демократическая революция, направленная против тирании русского царя. Причём самое интересное в том, что и русское правительство Александра II, и позже советские историки придерживались той же точки зрения.

На самом деле всё было наоборот. Напомню, что начало 60-х гг. XIX в. — это разгар реформ в Российской империи, проводимых императором Александром II: освобождение крестьян (в самый разгар восстания царь подписал закон о запрещении телесных наказаний), идёт подготовка к созданию земств, судебной реформы и др. Другой вопрос, что довольно узкий круг русских революционеров из дворян и разночинцев требовал более радикальных реформ — ликвидации помещичьего землевладения и др. Советские историки в своих трудах даже пытались объединить польских повстанцев и русских революционеров: мол, они вместе боролись с «проклятым царизмом». Увы, цели у них были совсем разные. Восстание 1863 г. было инспирировано исключительно сверху

панам и ксёндзами.

Повстанцы не ставили своей целью провести какие-либо демократические или экономические реформы. Наоборот, большинство «образованных поляков» с негодованием встретили освобождение крестьян от крепостной зависимости, согласно манифесту Александра II 1861 г. Главным лозунгом панов была полная независимость Польши в границах 1772 г. «от можа до можа», то есть от Балтийского до Чёрного моря, с включение в её состав территорий, населённых русскими или немцами. Диссиденты, то есть православные и протестанты, должны были кормить оголодавшую шляхту. Любопытно, что ряд польских магнатов «умеренных взглядов» предлагали русским сановникам компромиссное решение — Польша останется в составе Российской империи под властью царя, но её административные границы следует расширить до территориальных границ Речи Посполитой образца 1772 г., то есть попросту панам нужны хлопы, и бог с ними, с «тиранией» и самодержавием.

Первые признаки брожения, охватившего польское общество, стали появляться с лета 1860 г., когда в Варшаве прошёл ряд политических манифестаций, устраиваемых в память деятелей или событий предыдущих мятежей. В процессиях, выходивших из костёлов, принимали участие лица всех сословий, много было среди них воспитанников учебных заведений, женщин и детей. Они проходили по городу, неся польские национальные значки и эмблемы, распевая полурелигиозные, полуполитические гимны, попадавшиеся им по пути русские полицию и войска встречали руганью и насмешками. При этом народу раздавались листовки и портреты борцов «за независимость» — Килинского, Костюшко и др.

До самого конца 1860 г. власти терпели эти нарушения порядка, не привлекая виновных к ответственности и не принимая никаких мер к предупреждению беспорядков. Дошло до того, что во время пребывания в Варшаве Александра II и его августейших гостей — австрийского императора и прусского принца-регента, в день, назначенный для парадного спектакля, императорская ложа в Большом театре была облита купоросом, а уличные мальчишки отрезали шлейфы у дам, ехавших на бал к наместнику. По пути следования царя на улицах и площадях раздавались свистки.

В начале февраля 1861 г. члены Земледельческого общества съехались в Варшаву на общее собрание для обсуждения важного вопроса, переданного им на рассмотрение варшавским правительством: «О способах наилучшего разрешения в Царстве Польском вопроса о поземельных отношениях крестьян к землевладельцам». Этим не преминули

воспользоваться паны заговорщики. 13 февраля, в годовщину сражения при Грохове, печатные воззвания приглашали народ собраться на площади Старого Моста и оттуда шествовать к дворцу наместника, где заседало Земледельческое общество. Князь М. Д. Горчаков решил не допускать этой заранее подготовленной манифестации. По его распоряжению обер-полицмейстер полковник Трепов во главе полицейских солдат и конных жандармов разогнал толпу, вышедшую из монастыря Паулинов с факелами, хоругвями и пением.

Порядок был восстановлен, но ненадолго. Два дня спустя, 15 февраля, толпы поляков собрались в различных частях города и двинулись к Замковой площади. Встретившись с солдатами, стоявшими вдоль Краковского предместья и на площади перед Замком, они забросали их камнями. Тогда по команде генерала Заблоцкого одна рота дала залп из переднего взвода, в результате в толпе было убито шесть человек и столько же ранено. Толпа немедленно рассеялась.

Этого-то и нужно было заговорщикам. Председатель общества граф Андрей Замойский в ту же ночь собрал представителей всех сословий для составления и подписания на имя императора адреса. На следующее утро этот документ депутация, состоящая из архиепископа Фиалковского, графов Замойского и Малаховского и панов Кронеберга и Шленкера, отвезла к наместнику в Замок для дальнейшей пересылки в Петербург. В этом адресе, составленном от имени «всей страны», выражались требования возвратить Польше национальные церковь, законодательство, воспитание и всю общественную организацию, как необходимые условия народного существования.

Наместник Горчаков совершенно растерялся. Он не только принял из рук депутатов адрес, но и пообещал доставить его императору, а также согласился на все предъявленные ему требования.

Александр II получил известие о варшавских беспорядках за три дня до подписания манифеста об освобождении крестьян. Император был опечален, но настроен решительно. Он телеграфировал в Варшаву Горчакову: «Во всяком случае, теперь не время на уступки, и я их не допущу».

21 февраля 1861 г. царь приказал отправить в Польшу подкрепление войскам в составе гусарской бригады 1-й кавалерийской дивизии и всей 2-й пехотной дивизии, а также четырёх казачьих полков с Дона.

Престарелый и тяжело больной князь Горчаков был не в состоянии справиться с волнениями в Варшаве. Так, к примеру, 27 марта рядом с резиденцией наместника произошёл настоящий бой, в ходе которого

поляки потеряли десять человек убитыми, а русские войска — пятерых. 45 поляков было задержано.

В связи с болезнью Горчакова царь поручил временно исполнять эту должность военному министру И. О. Сухозанету. Прибывший 27 мая в Варшаву генерал-адъютант Сухозанет уже не застал в живых князя Горчакова, скончавшегося 18 мая. Задачей военного министра было поддержание порядка и спокойствия в крае до прибытия нового наместника, на должность которого Александр II назначил близкое к себе и доверенное лицо, к тому же католика по вероисповеданию, генерал-адъютанта графа К. К. Ламберта.

Сухозанет, невзирая на распоряжения своего предшественника, в силу военного положения, объявленного Паскевичем в 1833 г. и с тех пор формально не отменённого, стал одних из задержанных участников демонстраций предавать полемому суду, а других высылать административным порядком за пределы Царства Польского во внутренние губернии Российской империи. Такие энергичные действия были одобрены Александром II и не замедлили принести плоды. Листовки с призывами выйти на демонстрации по-прежнему распространялись, но на улицы никто не выходил. Замечу, что среди арестованных было очень много ксёндзов.

12 августа 1861 г. в Варшаву прибыл новый наместник граф Ламберт, а Сухозанет убыл в Петербург. Генерал-адъютант Карл Карлович Ламберт, подобно большей части русского генералитета, был из гвардии. Он служил в лейб-гвардейских кирасирах, затем в кавалергардах, несколько месяцев воевал с горцами на Кавказе, а затем длительное время служил в штабах. Ни военных знаний, ни достаточного политического опыта Ламберт не имел. Почти сразу после его приезда в Варшаве вновь возобновились волнения.

На похоронах варшавского архиепископа Фиалковского произошла новая провокация. Перед погребальной колесницей несли в числе прочих национальных эмблем короны короля и королевы польских и старый герб Речи Посполитой — Белого орла с гербами Литвы и Руси. Как видим, речь шла не о «свободе», а о территориальных приобретениях.

1 октября 1861 г. Ламберт объявил всё Царство Польское на осадном положении. Первый день после этого объявления прошёл спокойно. На следующий день, 3 октября, возвещённые ранее панихиды по Костюшко были отслужены в трёх варшавских церквях при обычном пении революционных гимнов. Войска, которыми командовал генерал-лейтенант А. Д. Герштенцвейг, оцепили храмы. Но из одного из них народ вышел потайным ходом, а в двух других остался на всю ночь. На заре русские

войска приступили к задержанию всех мужчин. Войска вошли в собор Святого Яна и в костёл бернардинеров и там, среди большого смятения, арестовали 1600 человек. Уличные толпы рассеивались патрулями и кавалерийскими разъездами.

События эти послужили предлогом к распоряжению временно заведовавшего варшавской Римско-католической епархией прелата Бялобржеского, который в письме на имя наместника протестовал против вторжения войск в храмы, называя эту меру «возвращением к временам Атиллы», и объявил о закрытии всех костёлов Варшавы с воспреещением совершать в них богослужение. Городское духовенство поспешило повсеместно привести эту меру в исполнение.

В это время Ламберт проявил малодушие и, ничего не сообщив генерал-лейтенанту Герштенцвейгу, приказал освободить 1660 поляков. Узнав об этом, Герштенцвейг немедленно поехал к наместнику и в резком объяснении с ним назвал Ламберта «изменником». Результатом этого стала американская дуэль: жребий застрелиться пал на Герштенцвейга. Утром 5 октября Герштенцвейг привёл этот приговор в исполнение, смертельно ранив себя в голову из револьвера.

Граф Ламберт послал отчаянную телеграмму царю: «Ради бога, пришлите кого-нибудь на наши места».

Находившийся в Ливадии Александр II тотчас вызвал туда из Одессы генерал-адъютанта А. Н. Лидерса и предложил ему должность наместника в Царстве Польском, а до прибытия его в Варшаву исполнять обязанности наместника должен был возвращавшийся через Царство Польское из заграничной поездки военный министр Сухозанет.

10 октября 1861 г. Сухозанет прибыл в Варшаву, а на следующий день наш brave кавалергард выехал в Австрию «на лечение». 28 октября Сухозанета сменил генерал-адъютант Лидерс^[134]. Свою главную задачу новый наместник видел в соблюдении общественного порядка. Войска стояли лагерем на варшавских улицах и площадях, на зиму для офицеров были построены тёплые деревянные домики, патрули днём и ночью разъезжали по городу, началось разоружение обывателей, у которых отобрали более семи тысяч ружей, а кроме того, пистолеты, сабли, кинжалы и другое оружие.

Следственная комиссия и военные суды продолжали действовать. Ксёндзов, виновных в участии в политических демонстрациях или в произнесении возмутительских проповедей, высылали на жительство во внутренние губернии империи. Из прочих участников манифестаций наиболее виновных присуждали к каторжным работам, к отдаче в рекруты

или в арестантские роты, а других — к заключению в крепостях или к аресту на гауптвахте. Уличённые в соучастии в беспорядках чиновники увольнялись с должностей, равно как и те, чьи жёны и дети носили траур и участвовали в уличных процессиях. Прелат Бялобржеский, виновник закрытия богослужения в костёлах, был приговорён к смертной казни, но помилован и заключён в Бобруйскую крепость на один год.

17 апреля 1862 г., в годовщину восшествия на престол и в день рождения Александра II, было объявлено помилование многим политическим преступникам, а участь прочих значительно смягчена. Многим из них разрешили вернуться в Царство Польское из ссылки, крепостей и арестантских рот. Среди прощённых было немало ксёндзов, в том числе и прелат Бялобржеский. Его возвращение из Бобруйска в Варшаву представляло собой настоящее триумфальное шествие. Мужчины выпрягали лошадей из экипажа, а женщины осыпали прелата цветами. Огромная толпа набилась в храм, где Бялобржеский впервые отправлял богослужение, и приветствовала его восторженными криками.

В начале 1862 г. Лидерс разрешил в ряде городов приступить к работе городским советам (органам самоуправления), а 15 мая 1862 г. прошли выборы в городской совет и в самой Варшаве. Однако избранными оказались исключительно бунтовщики, в том числе четыре человека, недавно возвращённые по амнистии из заключения.

В конце мая 1862 г. вышел высочайший указ: «Его императорскому величеству любезнейшему брату нашему, государю великому князю Константину Николаевичу повелеваем быть наместником нашим в Царстве Польском с подчинением ему на правах главнокомандующего всех войск, в Царстве расположенных».

Следует заметить, что среди петербургских сановников великий князь Константин слыл «красным» за активную поддержку самых либеральных реформ.

Узнав об отставке Лидерса, заговорщики всё же решили расправиться с ним. Наместник из принципа ездил и гулял по Варшаве без всякой охраны. 15 июня 1862 г. во время прогулки Лидерса по Саксонскому саду какой-то неизвестный выстрелил в него сзади из пистолета. Пуля пробила шею и раздробила челюсть, однако Лидерсу удалось самому добраться до дворца.

20 июня в Варшаву прибыли великий князь Константин Николаевич с супругой. Великая княгиня Александра Иосифовна была беременна, но, несмотря на все предостережения, решила сопровождать мужа.

Вице-канцлер князь А. М. Горчаков разослал циркуляр по Европе, в

котором говорилось: «Приезд в Варшаву государя великого князя Константина Николаевича, отправившегося туда тотчас по получении известия о покушении, будет живым символом решимости правительства не покидать системы примирения и твёрдости. Он докажет, что одинокие преступления не столкнут власть с пути, почитаемого ею соответствующим потребностям края».

Однако покушение на Лидерса недолго оставалось единственным. На другой же день по приезде, 21 июня, при выходе великого князя из театра в него в упор был сделан выстрел из пистолета. Пуля, пройдя через эполет, легко ранила его в плечо. Великий князь Константин телеграфировал императору: «Спал хорошо, лихорадки нет, жена не испугана, осторожно ей сказали. Убийцу зовут Ярошинский, портной подмастерье».

Новый наместник обратился к полякам с воззванием, где он увещевал их «отречься от всякой солидарности с виновниками совершённых преступлений, зачинщиками беспорядков, сеятелями смуты, терроризирующими и позорящими страну», обещал немедленное приведение в исполнение новых законов об организации Государственного совета Царства, об учреждении учебных заведений, о переводе крестьян с барщины на оброк, о даровании прав евреям, об образовании городских и уездных советов.

В ответ триста знатных панов, съехавшихся в Варшаву, подали адрес графу Андрею Замойскому с просьбой довести содержание этого адреса до сведения великого князя. Там говорилось: «Как поляки, мы можем поддерживать правительство лишь тогда, когда оно станет правительством польским, и когда все области, составляющие нашу родину, будут соединены воедино и будут пользоваться конституцией и свободными учреждениями. В своём воззвании великий князь сам уважил и понял нашу привязанность к родине; но эта привязанность не может быть раздроблена, и если мы любим нашу родину, то всю в совокупности, в пределах, начертанный ей богом и освящённых историей».

В популярном переводе сие означает: пусть нами правит царь, если он заставит работать на нас белорусов и украинцев.

Великий князь Константин широко пользовался предоставленным ему правом помилования. К концу сентября 1862 г. из 499 осуждённых им были прощены 289 человек. В день празднования тысячелетия России Александр II в Новгороде подписал указ, которым прекращались все иски казны по имениям, конфискованным за государственные преступления.

Однако все примирительные меры русских властей вызывали лишь обратный эффект. Сторонники восстания образовали так называемый

Центральный комитет. В декабре 1862 г. в Варшаве собрался съезд польских революционеров. На съезде были назначены руководители восстанием: на левом берегу Вислы — Лангевич; на правом — Левандовский и Чапский; в Литве — Сераковский, приехавший из Парижа, куда он был командирован за счёт Военного ведомства с научной целью; в Юго-Западном крае — Ружицкий, штаб-офицер русской службы.

В первых числах января 1863 г. Центральный комитет переименовал себя во Временное народное правительство (Narodowy Rząd). 10 января ржонд издал воззвание с призывом поднять оружие.

Революционное правительство разделило царство на восемь воеводств, которые делились на уезды и далее на округа, сотни и десятки. В Париже была образована концессия для вербовки офицеров и закупки оружия.

Глава 23

Восстание 1863 года

Предлогом к началу восстания послужил рекрутский набор, проведённый в Варшаве в ночь со 2 на 3 января 1863 г. В результате было решено забрать многих известных участников уличных беспорядков. Но, предупреждённые чиновниками — своими сообщниками, эти молодые люди успели бежать из Варшавы и, собравшись в окрестных лесах, образовали первые революционные отряды.

13 января, по окончании развода лейб-гвардейского Измайловского полка в Михайловском манеже, Александр II, собрав вокруг себя офицеров, сам сообщил им о вспыхнувшем в Польше мятеже. «Так как многим из вас, господа, — сказал император, — вероятно, неизвестны последние происшествия в Царстве Польском, то я хочу, чтобы вы узнали о них от меня самого. После столь благополучно совершившегося набора, со 2-го на 3-е января, стали появляться мятежнические шайки на обоих берегах Вислы, для рассеяния которых были немедленно посланы отряды. Наконец, в ночь с 10-го на 11-е число по всему Царству, за исключением Варшавы, было сделано внезапное нападение на войска наши, стоящие по квартирам, причём совершены неслыханные злодейства. Так, например, около Седлеца атакованные солдаты оборонялись отчаянно в одном доме, который мятежники подожгли, не видя средств им завладеть. Несмотря на то, храбрые войска наши отбили повсюду мятежников. По первым сведениям, потеря наша заключена в тридцати человеках убитыми, в том числе старый наш измайловский товарищ, командир Муромского пехотного полка Козлянинов. Раненых до четырёхсот и между ними генерал Каннабих. Подобная же попытка была сделана около Белостока, в пределах даже Империи. Но и после сих новых злодейств я не хочу обвинять в том весь народ польский, но вижу во всех этих трудных событиях работу революционной партии, стремящейся повсюду к ниспровержению законного порядка».

Для подавления мятежа в зародыше были приняты соответствующие меры. По распоряжению наместника Константина Николаевича во всём Царстве Польском вновь вводилось военное положение, отменённое в предыдущие годы во многих местностях частными распоряжениями. Было объявлено высочайшее повеление о том, чтобы мятежников, взятых в плен

с оружием в руках, судить на месте преступления сокращённым военно-полевым судом, а приговоры немедленно приводить в исполнение, по конфирмациям начальников военных отделов, соответствующих пяти губерниям Царства Польского. Были восстановлены военно-ссудные комиссии, изданы правила о наложении секвестра на имущество всех лиц, причастных к восстанию.

К началу восстания в Варшавском военном округе^[135] находилось шесть пехотных дивизий (3-я, 4-я, 5-я, 6-я, 7-я и 3-я гвардейская, в 1862 г. переведённая в Варшаву из-под Петербурга) и три кавалерийские дивизии (2-я, 3-я и 7-я).

Пешая артиллерия Варшавского округа состояла из 32-х полупудовых единорогов, 32-х 12-фунтовых пушек и 32-х 12-фунтовых облегчённых пушек, и также 32-х 4-фунтовых нарезных с дула заряжаемых пушек. Конная артиллерия состояла из восьми полупудовых единорогов, восьми 12-фунтовых облегчённых пушек, четырёх четвертьпудовых единорогов и четырёх 6-фунтовых пушек. Всего в Царстве Польском имелось 90-тысячная армия и 3 тысячи солдат пограничной стражи.

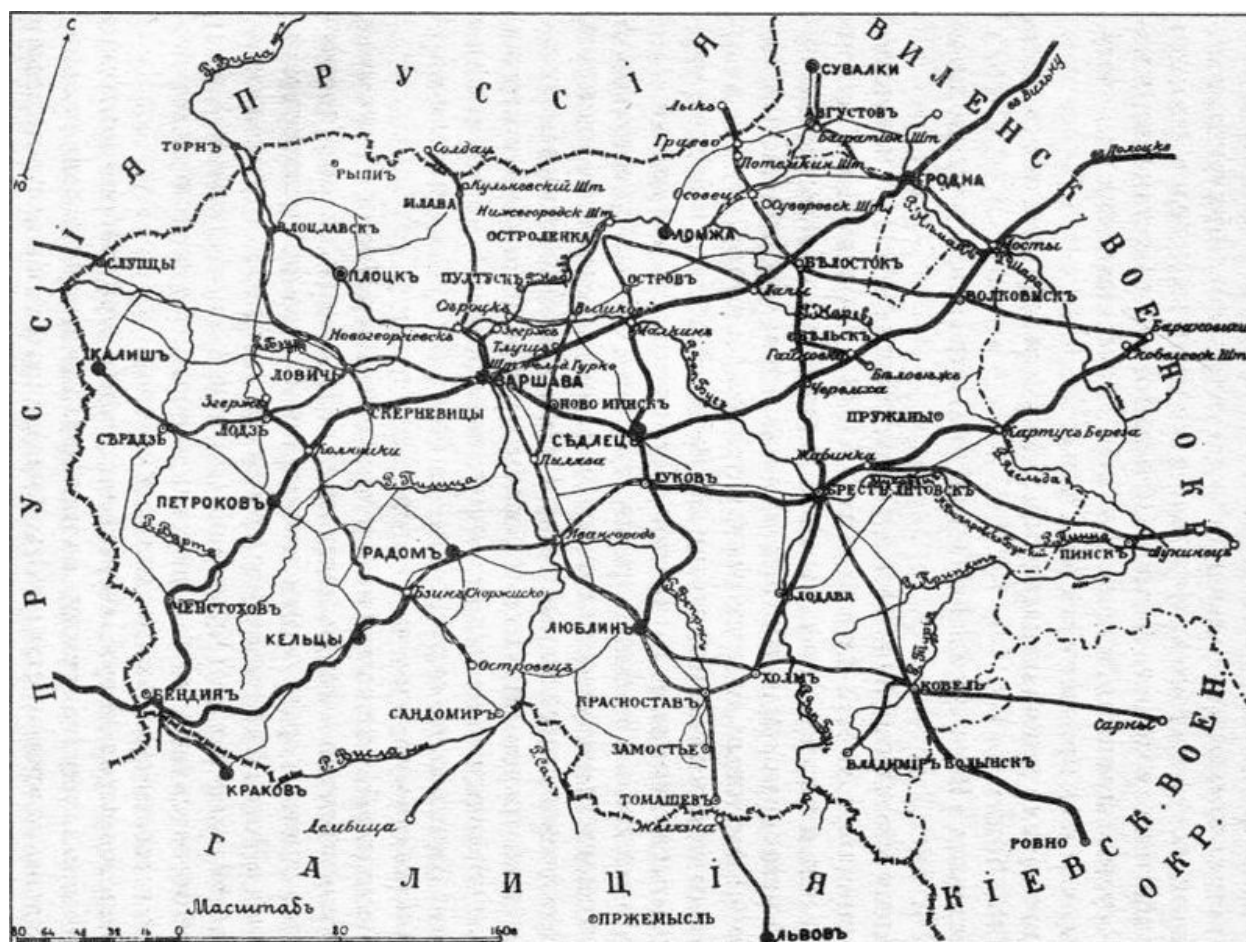
Великий князь Константин поначалу действовал очень бестолково и вместо решительных ударов по мятежникам приказал войскам очистить целый ряд важных населённых пунктов, стянув все свои силы в несколько больших отрядов. Вся тяжесть борьбы легла на пограничную стражу, вначале совершенно не поддержанную войсками. Южная и западная границы Варшавского округа были благодаря этому открыты для ввоза повстанцам оружия, в том числе льежских штуцеров^[136].

Ещё до начал восстания заговорщики послали в Париж к одному из видных эмигрантов — Мирославскому^[137] — депутацию, которая провозгласила его диктатором. Мирославский принял звание диктатора и отправился в Познань (Пруссия). У Крживосоиза он перешёл русскую границу со своим секретарём Куржиной и двенадцатью офицерами. К нему присоединилось более сотни учащейся молодёжи из Варшавы и окрестностей, всего набралось около пятисот человек.

7 февраля отряд Мирославского на опушке Крживосоизского леса столкнулся с русским отрядом полковника Шильдер-Шульднера в составе трёх с половиной рот пехоты, шестидесяти казаков и пятидесяти пограничников. Поляки были рассеяны. Мирославский с остатками своего отряда бежал к деревне Троячек, где соединился с повстанческим отрядом Меленицкого. Оба отряда заняли позицию на опушке леса у Троячека, где были вновь атакованы и наголову разбиты Шильдер-Шульднером. После

этого великий диктатор бежал в Париж, где благополучно почил 22 ноября 1878 г.

Варшавский военный округ

После бегства Мирославского руководство восстанием формально переходило к Мариану-Мельхиору Лангевичу^[138]. В начале восстания Лангевич появился в городке Вонхоцке близ Суходнева. У него имелась походная типография, и весь край был наводнён прокламациями. У Лангевича в Вонхоцке собралось более трёх тысяч человек при пяти пушках.

Для разгрома отряда Лангевича в городе Радом был создан сводный отряд генерал-майора Марка в составе одного батальона и одной роты Могилёвского пехотного полка, сапёрной роты, двадцати казаков и двух 4-фунтовых нарезных с дула заряжаемых пушек. Уже на походе к Марку присоединились два эскадрона (дивизион) новороссийских драгун майора Красинского, следовавшие из Стопницы через Кельцы в Радом.

20 января 1863 г. генерал-майор Марк выступил в Шидловец, где, узнав от проезжего еврея, что тот видел драгун верстах в десяти за Суходневым, послал в час дня поручика Лускино к дивизиону с предписанием быть на следующее утро в деревне Милицы для присоединения к отряду. Приехав в Суходнев, Лускино был схвачен повстанцами и отвезён в лагерь Лангевича в Вонхоцке, а бывшее при нем предписание отобрано, чем обнаружилось движение отрядов.

Между тем дивизион, прибыв вечером 20 января к реке Лосенице, застал мост разрушенным, а на противоположном берегу обнаружился передвижения мятежников. К рассвету 21 января из Кельц были высланы в подкрепление драгунам три роты Смоленского полка и шестьдесят казаков. В 6 часов утра Красинский, починив мост, двинулся к Суходневу, который оказался не занятым мятежниками. По словам местных жителей, отряд инсургентов в тысячу человек накануне, 20 января, оставил Суходнев и отошёл к Вонхоцку.

При входе в Суходнев майор Красинский получил через еврея записку от генерала Марка с уведомлением, что его драгуны назначены в состав экспедиционного отряда, и с приказанием присоединиться к нему в Бзине. Поэтому драгуны без остановки прошли Суходнев, а три смоленские роты и казаки, не имея приказа сопровождать их дальше, остались в местечке.

Между тем Лангевич, собирая свой отряд в Вонхоцке, отлично знал обо всех передвижениях русских войск. Распустив слух, что Суходнев оставлен и зная маршрут дальнейшего следования драгун, Чаховский подготовил засаду (из трёхсот человек с ружьями без штыков) на лесистом перевале в трёх верстах от Суходнева, на дороге к Бзину. Остальная часть отряда скрытно заняла Суходнев.

Когда оба эскадрона втянулись в лес, засада, пропустив голову колонны, дала залп, и инсургенты бросились на 4-й эскадрон. Драгуны частью открыли огонь, а частью бросились в штыки и вскоре опрокинули нападавших, прогнав их к выходу из дефиле. В это время на выстрелы прискакали казаки из Суходнева и помогли в дальнейшем преследовании.

Между тем майор Смоленского пехотного полка Бентковский, который оставался с тремя ротами в Суходневе, также двинулся на выстрелы, оставив обоз под прикрытием полувзвода поручика Крупского. Как только роты отошли на достаточное расстояние, мятежники, засевшие в местечке, атаковали обоз. Крупский решил оставить Суходнев и, заняв на опушке каменную кузницу, начал отстреливаться. Между тем Бентковский с двумя ротами немедленно вернулся к Суходневу; повстанцы быстро разбежались,

и обозу удалось присоединиться к отряду у Милицы.

Стычка драгун и эпизод с обозом задержали генерала Марка до двух часов дня. Не решаясь атаковать Вонхоцк, он стал у Милицы на ночлег. Рассеянные остатки отряда Чаховского отступили к Вонхоцку, разрушив после себя мост через речку Тарновку в селе Парашове.

Вечером к отряду генерала Марка подошли ещё две роты Галицкого полка, направленные из Кельц.

На следующий день с рассветом, присоединив к себе три роты Смоленского полка и казаков и оставив две роты для прикрытия обоза, построенного вагенбургом у Милицы, генерал Марк выступил к Вонхоцку, который и занял без боя, так как Лангевич успел отступить. Заняв Вонхоцк, Марк посчитал экспедицию оконченной и отошёл к Милице, а 23 января выступил обратно в Радом, куда прибыл на следующий день.

Части отряда Лангевича удалось уйти. 31 января 1863 г. Лангевича атаковал русский отряд полковника Ченгери, Лангович опять бежал. На месте его лагеря русские обнаружили три самодельные деревянные пушки.

Лангевич же у Радкова соединился с отрядом Езеранского, но 12 февраля был снова настигнут и разбит полковником Ченгери у местечка Влощово. Лангевич опять уцелел и отправился вначале в Олькумский уезд, а затем в Меховецкий уезд и расположился в селе Гоща в 16 верстах от Кракова. После всех поражений он сумел сохранить походную типографию. В своих прокламациях Лангевич превращал поражения в блестящие победы. Люди охотно верят тому, чему хотят верить, и популярность Лангевича постоянно росла. Его называли вторым Костюшко, а его бегство в Гощу сравнивали с походом Бонапарта в 1796–1797 гг. в Италии.

Отряд Лангевича в Гоще вскоре вырос до шести тысяч человек. Здесь 26 февраля, после совещания с главарями восстания, Лангевич провозгласил себя диктатором и выпустил манифест с призывом «объединения народов Европы, Литвы и Руси» к общему восстанию против «московского народа».

27 февраля Лангевич покинул гощинский лагерь и 6 марта остановился в местечке Хробрж в 15 верстах от Буска. Здесь он в тот же день был атакован отрядом полковника Ченгери и майора Бентковского и разбит наголову. Лангевич отступил к Гроховиску, но был настигнут и снова разбит. Остатки его отряда бежали к городу Опатову и здесь были уничтожены окончательно. Сам Лангевич едва избежал плена, перешёл в Австрию, был арестован австрийскими властями и посажен в крепость Иозефштадт. Здесь он содержался два года и, получив свободу, уехал в

Швейцарию, а оттуда переехал в Турцию, где его сын поступил на военную службу и в 1877–1878 гг. сражался против России.

В отличие от кампании 1831 г. больших сражений в 1863 г. не было, и приходится рассказывать о действиях отдельных отрядов повстанцев.

В январе 1863 г. в городе Венгрове на правом берегу реки Ливец сформировался трёхтысячный отряд повстанцев под командованием Мытлинского. Для уничтожения его был отправлен русский отряд подполковника Папаафанасопуло. В его составе было три пехотные роты, три эскадрона конницы и шесть полевых пушек.

22 января в 6 ч. 30 мин. утра Папаафанасопуло выступил из местечка Мокободы, около 8 часов подошёл к Венгрову и сразу же открыл артиллерийский огонь, который вызвал в Венгрове большую панику. С усилением артогня Мытлинский решил отступить, выделив для прикрытия отступления 400 косиньеров. Заметив отступление к Соколовской дороге, Папаафанасопуло послал на рысях четыре эскадрона Смоленского уланского полка. Уланам удалось задержать часть отступавших, которые не рискнули выйти из местечка и залегли на кладбище и за сараями в восточной его части. Одновременно с этим подполковник Папаафанасопуло выдвинул весь отряд вперёд на картечный выстрел от Венгрова и открыл огонь.

Тем временем стоявшие у заставы косиньеры вышли из-за строений и, осыпаясь картечью, рассыпались и атаковали наш левый фланг — 2-й эскадрон, стоявший в прикрытии у конного дивизиона. Из-за вязкого грунта и поперечных борозд эскадрон не атаковал нападавших и отступил, открыв левый фланг конного дивизиона, на который и повернули косиньеры. Дав несколько картечных выстрелов почти в упор, дивизион отступил. Пехота же, зайдя правым плечом, открыла по атакующим штуцерный огонь во фланг. Это остановило наступление косиньеров, которые почти поголовно погибли.

Во время атаки косиньеров повстанцы продолжали отступать из местечка к северу, но значительная часть их задержалась на кладбище и за сараями. Отбив атаку, Папаафанасопуло приказал артиллерии зажечь сарай. Повстанцы бросились в северную часть местечка, а оттуда — в лес. Засевшие на кладбище также были выбиты и отступили по направлению к Медзне.

Заняв Венгров, Папаафанасопуло отправил по окрестным деревням конные части для разведки, так как противник за это время успел бесследно скрыться, увезя убитых и раненых из местечка на заранее приготовленных подводах.

По мнению русского командования, войск в Царстве Польском не хватало для подавления восстания. В связи с этим в Варшавский военный округ из других округов были направлены два гвардейских кавалерийских полка с конной батареей (прибыли в феврале 1863 г.), 2-я гвардейская пехотная дивизия со стрелковым батальоном (прибыли в марте), 10-я пехотная стрелковая дивизия со стрелковым батальоном и семью Донскими казачьими полками (начали прибывать с марта). Кроме того, по мере умирения восстания в край были двинуты 2-я и 8-я пехотные и 3-я кавалерийская дивизии.

Наряду с военными мерами русское правительство действовало и политическими методами. Объективно говоря, в ходе восстания 1863 г. в роли революционеров выступили не паны и ксёндзы, а Александр II и его сановники. Так, 1 марта 1863 г. Александр II объявил указ Сенату, которым в губерниях Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской и в четырёх уездах губернии Витебской прекращались обязательные отношения крестьян к землевладельцам и начинался немедленный выкуп их угодий при содействии правительства. Вскоре это распространилось и на другие уезды Витебской губернии, а также на губернии Могилёвскую, Киевскую, Волынскую и Подольскую. Таким образом, царь резко ускорил ход реформ в губерниях, охваченных восстанием. Подавляющее большинство польских крестьян оставались в стороне от восстания, а многие помогали русским войскам.

Повстанцы отбирали у польского населения под «квитанцию» лошадей, подводы, одежду и продовольствие. Деньги приобретались сбором податей за два года вперёд, вымогательством у состоятельных лиц, грабежом касс и другими подобными способами. Сначала повстанцы набрали 400 тысяч злотых (1 злот. = 15 коп.), потом, в июне 1863 г., в Варшаве из главной кассы Царства было похищено три миллиона рублей, и в других местах ещё около миллиона.

По данным историка А. А. Керсновского, в 1859–1863 гг. повстанцы убили около 5 тысяч мирных жителей, в подавляющем большинстве этнических поляков^[139].

После бегства Мирославского Меленцкий не перешёл прусскую границу, а ушёл к востоку на русскую территорию и усилил свой отряд до тысячи человек, присоединив шайки Гарчинского, прибывшие из Познани. Однако 18 февраля 1863 г. отряды майоров Дыммана и Москвина погнали его к северо-западу от Казимержа и припёрли к прусской границе, где отряд был захвачен прусскими войсками.

Самому Меленцкому удалось бежать от пруссаков, и вскоре он вновь

появился в Казимержских лесах. В конце февраля Меленцкий со своим помощником Кальером быстро сколотил остатки разбитых отрядов в отлично организованный отряд в 500 человек. Против Меленцкого из Калиша был выслан флигель-адъютант полковник князь Витгенштейн. Ночь на 10 марта противники провели всего в четырёх верстах друг от друга, но Витгенштейн узнал об этом лишь от перебежчика. В 4 часа утра произошло столкновение на плотине Ольшанских мельниц близ Гословицкого озера. В 11 часов утра к деревне Слесину, куда отошёл Меленцкий, подошёл отряд майора Нелидова, высланный накануне на усиление Витгенштейна из Влоцлавска. Нелидов атаковал, преследовал и рассеял отряд Меленцкого.

В Полоцком воеводстве действовал Подлевский — бывший русский офицер из кружка Сераковского. После неудачных нападений 10 января его повстанцы разошлись по домам, но затем ему удалось вновь собрать значительный отряд. 16 января полковник Сержпутовский нанёс отряду Подлевского сильный удар при Упецке. Подлевский упал духом, но благодаря энергичным помощникам (Ходзынскому, Кольбе, Цихорскому и др.) численность отряда возросла до 2500 человек.

27 января подполковник Горлов (из Прасныша) разбил отряд Подлевского, сам главарь спасся бегством и вскоре собрал новый отряд. Горлов 3 марта опять разбил его у деревни Жомбок. Подполковник Жевахов 9 марта под Родзановом нанёс новый удар отряду Подлевского. 10 марта Подлевский, уже окончательно упавший духом, объявил в деревне Горжень частным начальникам, что надо расходиться по домам. С 250 всадниками он бежал в Млавский уезд, где встретил на пути русский летучий отряд из Лепно и был арестован.

После исчезновения Лангевича у одного из его помощников, Чаховского, осталось не более 270 человек, составивших ядро отряда, с которым он держался в Радомском отделе почти три месяца. 24 марта к Чаховскому присоединился отряд Кононовича (546 человек). 25 марта Чаховский заставил присоединиться к нему Грелинского (450 человек), 3 апреля подошёл Лопатский (250 человек), потом отряд ещё усилился до двух тысяч человек.

Между тем 4 апреля майор Редигер из Илжи начал преследование Чаховского. Вечером Грелинский под прикрытием темноты ушёл от Чаховского и попал между отрядами генерала Ченгери и подполковника Эрнрота. 6 апреля он был разбит у деревни Брод. 10 апреля в лесу у деревни Стефанково на Чаховского напал отряд майора Донец-Хмельницкого. Майор Клевцов с двумя ротами и одним эскадроном

выступил из Опатова 20 апреля, а 22-го около деревни Бория имел стычку с Чаховским, но в густом лесу попал в засаду и был убит. 24 апреля Чаховского настиг подполковник Несекин и начал у деревни Ржечнев теснить его арьергард. Когда несколько пуль попало в главные силы повстанцев, возникла паника и все бросились врассыпную, скрывшись в Илжецком лесу.

Однако к 1 мая Чаховскому удалось вновь собрать и организовать большой отряд. Подчинённые ему паны Янковский и Кононович, не желая быть под его началом, после боя 2 мая с отрядом полковника Эрнрота в Рознишевских лесах ушли со своими людьми: Янковский — за Вислу, а Кононович — за Пилицу в Варшавском отделе.

Сам Чаховский 14 мая имел стычку в Хрусцеховском лесу с отрядом полковника Булатовича из Радома, после чего ушёл в Козеницкие леса. Его начал преследовать отряд полковника Суханина (три с половиной роты пехоты и один эскадрон конницы) и 30 мая настиг в лесах у деревни Ратай близ Вонхоцка. Но отряд Чаховского рассосался по лесу, а сам предводитель, раненый пулей в руку, уехал в Краков.

После этого в Радомском отделе целый месяц не было ни одного повстанческого отряда, но летом они вновь появились. 27 июля Крук со своим отрядом напал на русский отряд в Жиржинском лесу. Пушечную пальбу из леса слышали в Казимерже, откуда немедленно выступил полковник Цвецинский. Но в Жиржинский лес он прибыл только после полудня, когда повстанцы уже ушли к Баранову и сожгли за собой мост на реке Вепрж. На следующий день Цвецинский сумел переправиться через реку и преследовал поляков Крука до деревни Радорицы, где повстанческий отряд разделился на группы, которые разошлись частью в Седлецкий уезд, частью в Любартовские леса.

Зато полковники Еманов и Соллогуб в Файславицком лесу 12 августа нанесли полякам сильное поражение. Повстанцы, попавшие между двух огней, после боя, продолжавшегося несколько часов, потеряли более двух третей убитыми и ранеными и 680 человек пленными.

В Юго-Западном крае в конце апреля появились шайки в Волынской губернии, перешедшие из Галиции, а затем — в Киевской губернии, особенно в Васильковском уезде, в имении графов Браницких. В Подольской губернии восстания не было, главным образом из-за её безлесья. В Киевском военном округе насчитывалось около 45 тысяч русских войск, и этого оказалось достаточно не только для подавления восстания в пределах округа, но и для помощи в сопредельных частях Люблинской и Гродненской губерний (отряды генерал-лейтенанта

Рудановского и генерал-адъютанта графа Ржевусского на Волыни).

Местное население приняло самое активное участие в истреблении шаек. Главным и наиболее многочисленным скоплением мятежников был отряд Ружицкого, сосредоточившийся близ местечка Полонного в Волынской губернии. После поражения у сёл Мирополь (5 мая) и Миньковцы (10 мая) остатки отряда Ружицкого в ночь на 17 мая перешли в Галицию, где сдались австрийцам.

Последующие попытки крупных галицких отрядов вторгнуться в Волынскую губернию у местечка Радзивиллов (19 июня) и сёла Ждзар (20 октября) закончились неудачно для мятежников. Вообще, восстание было подавлено здесь быстро. Со времени первого появления шаек (26 и 27 апреля) в Киевской губернии через 8 дней, а в Волынской — через 20 дней не осталось ни одного вооружённого повстанца.

Одновременно с появлением вооружённых отрядов в Привисленском крае начали формироваться отряды и в соседней Гродненской губернии. У местечка Семятичи Бельского уезда образовался отряд Рогинского численностью до 5 тысяч человек. После боёв 25 и 26 января с отрядом генерал-лейтенанта Манюкина (7 рот, 1 сотня, 4 пушки) отряд ушёл, и отдельные его группы вернулись в Люблинский отдел.

В феврале появились повстанцы в Виленской губернии, а в первой половине марта — и в Ковенской. В Вильно из Петербурга приехал Сераковский, назвал себя Доленгом и сам себя провозгласил литовским и киевским воеводой. Он сформировал отряд, насчитывавший около трёх тысяч человек, и направился встречать высадку на берегах Курляндии, которую затеял Центральный комитет, чтобы придать значение восстанию, как воюющей стороне. Однако пароход, вышедший с польскими эмигрантами из Лондона, добрался только до порта Мальмё в Швеции, где на него наложили секвестр. Сераковский так и не дождался высадки. Его отряд стоял в форте Кнебе, среди большого густого леса, к северу от местечка Оникшты Вилькомирского уезда.

Узнав о движении русских со стороны Вилькомира, повстанцы 21 апреля двинулись к местечку Биржи, на пути присоединив к себе отряды Поневежского и Новоалександрійского уездов.

22 апреля в Оникшты прибыл генерал-майор Гонецкий (пять с половиной рот, один эскадрон, 120 казаков). Чтобы отрезать повстанцев от Поневежских лесов, он направил майора Мерлина (полторы роты, 70 казаков) на деревню Шиманцы, а майора Гильцбаха (две роты, один взвод улан) — в местечко Собоч. Остальные части Гонецкого 23 апреля перешли в Шиманцы. 25 апреля Мерлин настиг Сераковского (800 человек) у

местечка Медейки, опрокинул его и начал преследование. Гонецкий соединился с Мерлиным у Медеек. 26 апреля русский отряд обнаружил повстанцев у деревни Гудишки на хорошей лесной позиции, Гонецкий атаковал и быстро рассеял поляков. Однако около трёхсот человек успели присоединиться к находившейся невдалеке шайке ксёндза Мацкевича. 27 апреля у деревни Ворсконишки шайка Мацкевича была разбита, и остатки её разбежались. Гонецкий возвратился в Медейки и в тот же вечер выслал конницу в Попель и Понедели. Кавалеристы захватили до 150 поляков пленными и ранеными, в их числе и самого Сераковского с его помощником Кольшко.

Между тем Гильцбах 25 апреля настиг отряд в 500 человек у местечка Говенишки и рассеял его. 28 апреля Гонецкий двинулся обратно в Оникшты. На своём пути по Вилькомирскому уезду он очистил все окрестности от повстанцев.

В Ковенской губернии в апреле и мае 1863 г. восстание, поддержанное католическим духовенством и польскими помещиками, приняло большой размах.

В первой половине апреля показали первые небольшие отряды в Минской губернии (Траугута и Свенторжецкого), а затем в Витебской и Могилёвской. 13 апреля у местечка Креславка близ Двинска шайка из местных помещиков под командованием графов Плятера и Миля напала на русский транспорт с оружием, но была отбита. В конце апреля повстанцы напали на местечко Горки Могилёвской губернии, часть местечка была сожжена.

В Виленском военном округе находилось около 60 тысяч русских войск, но с февраля 1863 г. начали подходить подкрепления: восемь пехотных полков, два стрелковых батальона, восемь казачьих полков. Основная масса подошла в апреле и мае, а в августе были сформированы из резервных батальонов шесть пехотных дивизий (26-я — 31-я). Назначенный в Вильно генерал-губернатором вместо Назимова М. Н. Муравьёв прибыл 14 мая, а 24 мая вышла его «Инструкция для устройства военно-гражданского управления». Войска стали преследовать шайки до полного их истребления и до водворения в данной местности спокойствия и порядка. Ряд энергичных, последовательных и хорошо продуманных мер быстро смирив восстание. В конце июня действия войск Виленского округа ограничились поисками незначительных партий мятежников, скрывавшихся от преследования.

Из Галиции в разное время прибывали отряды мятежников общей численностью до 10 тысяч человек. Ржонд выделил на эти цели за три

месяца до миллиона рублей. 3 марта перешёл границу у Люхова и двинулся на Наклин отряд Чеховского (800 человек). Начальник Яновского уезда полковник Медников выслал две колонны: майора Штернберга (две роты пехоты и 37 казаков) и капитана Завадского (полурота и взвод улан). После нескольких стычек русские войска 9 марта около города Гута-Кржешовского нанесли Чаховскому поражение. Часть отряда ушла обратно в Галицию, а остальные разбежались. Медников вернулся в Янов.

В Люблинскую губернию из Галиции перешёл 14 апреля отряд Езиоранского (до 800 человек) и 16 апреля на границе, в Кобелянске, укрепил позицию. 19 апреля Штернберг, вышедший из Янова с отрядом в 800 человек при двух пушках, атаковал Езиоранского в болотистом лесу. Мятежники контратаковали и охватили оба фланга русских. Бой длился с 11 часов утра до 3 часов дня. Теснимый с флангов и поражаемый с тыла, Штернберг, отбиваясь, отступил к Боровым Млынам. Туда же перешёл из Томашева и отряд майора Оголина. 24 апреля Медников (5 рот, 1 сотня, 2 пушки), принявший начальство над обоими отрядами, двинулся на Езиоранского, через деревню Глухе вступил в лес и в 8 часов утра 17 апреля начал бой в болотистой чаще. Скоро русские части овладели первой линией завалов, но Езиоранский перешёл по всей линии в наступление, русские начали отступать, повстанцы наседали со всех сторон. К 11 часам подошло подкрепление под командованием майора Чернявского. Медников направил их на свой левый фланг. При возобновлении боя русские овладели лагерем повстанцев, которые толпами побежали в Галицию. Медников отошёл к Боровым Млынам.

Эта неудача, а также неудачные действия других более мелких повстанческих отрядов, парализовали их организацию в Восточной Галиции.

Повстанческие отряды в Западной Галиции формировались с большим трудом, с трудом подыскивались желающие даже на командирские должности. Первый отряд Грековича (600 человек) 24 марта 1863 г. перешёл границу, а на следующий день у местечка Шкляры был рассеян отрядом майора Гермалинского, а потом разоружён австрийцами.

Другой отряд под начальством Мусаковского (300 человек) появился 9 апреля около Олькуша. Сначала мятежники у деревни Гольчовицы имели некоторый успех в стычке с русской ротой, но, когда на помощь подошёл отряд князя Шаховского, повстанцы стали уходить. Их нагнали у деревни Мышков и уничтожили.

22 апреля майор Гаврилов у деревни Иголомия на Висле рассеял отряд Румоцкого (560 человек при двух пушках). Ещё два отряда, Маневского

(600 человек) и Иордана (1200 человек), были рассеяны в то же самое время.

С открытием бродов на верхней Висле оборонять границу стало труднее. Начальник Стопнинского и Сандомирского уездов полковник Зверев разделил свой стовёрстный участок на четыре части. На местах, удобных для переправы, он выставил посты пограничной стражи, усиленные преданными крестьянами, позади стояли резервы. Несмотря на принятые меры, 7 апреля Вислу перешли два отряда: Иордана (427 человек) у Слунец и Жанковского (300 человек) у Жабеп. Отряд Жанковского был сразу же атакован пограничниками и быстро ретировался в Галицию, причём при переправе многие утонули, в том числе и сам предводитель.

А Иордан у деревни Комаров атаковал 9-ю роту Галицкого полка. Бой длился более трёх часов; русские солдаты, расстреляв почти все патроны, оказались на грани полного истребления. В это время к ним на помощь подошли три взвода новороссийских драгун и заставили поляков отступить. Тогда рота перешла в наступление и отбросила мятежников к Висле, а у реки Струг они были окончательно разбиты.

В июне и в июле 1863 г. границу перешли несколько мелких конных отрядов, но они быстро были рассеяны и оттеснены обратно. Вообще же отряды повстанцев, формируемые в Галиции, действовали без всякого общего плана, без связи между собой и с руководством восстания.

Войскам Калишского отдела, как пограничного с Познанью, приходилось кроме борьбы с внутренними повстанческими отрядами охранять границу от познаньских выходцев и от военной контрабанды. Между тем генерал-лейтенант Бруннер, собрав войска в крупные отряды, на кордоне оставил всего одну роту пограничной стражи. Познань дала повстанцам три тысячи настоящих солдат, прошедших военную службу в прусских войсках.

В конце марта 1863 г. около самой границы сформировались отряды Оборского (до 1000 человек) и Зейфрида. 28 марта князь Вингенштейн атаковал повстанцев у деревни Садльно, опрокинул их, но утомление отряда и разрушенный мост помешали преследованию.

В это время в Познани сформировались ещё три отряда молодого деятельного французского офицера Юнка фон Бланкештейна, служившего ранее у Гарибальди. В этих отрядах имелось много хорошо обученных офицеров, вооружение и снабжение повстанцев было отличное.

13 апреля отряд майора Нелидова (две роты, 40 казаков) был выслан из Влоцлавска на разведку окрестностей города Петрокова. На следующий

день, пройдя Новавес, Нелидов наткнулся на отряд Юнка, объединившийся с другими мелкими шайками. Окружённый превосходящими силами, Нелидов успел пробиться к прусской границе и, сохранив весь обоз, раненых и пленных, вступил близ Марианова в пределы Пруссии. Пробыв в Пруссии три дня, отряд вернулся в Влоцлавск.

А в это время отряд Юнка, объединившийся с отрядами Зейфрида, Сальницкого и Оборского и насчитывавший около трёх тысяч человек, сосредотачивался в окрестностях Брдува. Против Юнка из города Коло 17 апреля выступил генерал-майор Костанда (5 рот, 40 гусар, 35 казаков, две конные пушки). У деревни Вржонцы-Вельки две роты и пятнадцать казаков, составив правую колонну майора Дыммана, двинулись к деревне Оссове. Остальные разделились на две части: одна (средняя, полковника Гагемейстера) направилась в лес правее деревни Кейше, другая (левая, полковника Рейнталя) двинулась влево, для обхода правого фланга. Отряды Сальницкого и Оборского стояли в лесу ближе к Оссове, а отряд Юнка и Зейфрида — правее и сзади них, около деревни Бугай. Когда наша правая колонна завязала перестрелку, средняя и левая вошли в лес без выстрелов. Артиллерия карьером заняла позицию в 200 саженьях (427 м) от опушки и открыла пальбу. Повстанцы, теснимые с фронта и слева пехотой и осыпаемые картечью, дрались отчаянно, но, не выдержав натиска, были выбиты из леса. Сначала они бросились к Брдуву, но, встреченные там гусарами и казаками, бежали в деревню Модзерово, разрушив за собой мост, что и спасло их от преследования. Бой этот закончился около полудня. Русский отряд, сильно уставший, растянулся и только к 8 часам вечера вернулся в Коло.

Против отряда Точановского (2500 человек), направлявшегося к Слесинскому лесу, 26 апреля из Коло выступил генерал-майор Краснокутский (3 роты, 60 сапёров, дивизион гусар, 27 казаков, 2 пушки). Разведка показала, что окопы вдоль деревни Иганацево и опушка леса заняты густой цепью повстанцев, а на правом их фланге замечена конница. Отряд Точановского открыл огонь и пошёл в атаку. Часть деревни уже была взята, но скрытая в лесу колонна косиньеров стремительно атаковала и вынудила наши войска оставить деревню. Другая же колонна косиньеров начала обходить наш правый фланг. Дивизион гродненских гусар выскочил из-за правого фланга и бросился на косиньеров. Те побежали, подавая пример остальным к беспорядочному отступлению. В это время к Сампольно прибыл генерал-лейтенант Бруннер и подкрепил отряд Краснокутского тремя ротами. После этого деревня, окопы и опушка леса были очищены от повстанцев. В деревне Петроковицы двести повстанцев

пытались удержаться в домах, но вскоре были выбиты. Затем весь русский отряд собрался в местечке Слесин, где и остановился на ночлег. В этом бою повстанцы понесли большие потери и были совершенно рассеяны.

Изданный Александром 31 марта 1863 г., под давлением европейских государств, манифест об амнистии всем повстанцам, которые вернутся домой до 1 мая, пользы не принёс. Повстанческие отряды в июне, июле и августе 1863 г. заполонили весь Привисленский край. За эти три месяца русские войска в Люблинской губернии имели 31 стычку с повстанцами, в Радомской губернии за то же время произошло 30 стычек, в Варшавской — 39, в Плоцкой — 24, в Августовской — 24. Террор усиливался. Ржонд требовал, чтобы командиры повстанческих отрядов не только оборонялись, но и нападали на русских.

Быстрое подавление восстания в Северо-Западном крае указывало на необходимость применения энергичных мер и в Варшавском округе. В начале августа для скорейшего раскрытия революционных организаций была преобразована полиция. Новые полицмейстеры и приставы назначались только из русских офицеров, полицейская стража была усилена нижними чинами, городская и земская полиция подчинялась теперь военным властям.

29 марта 1864 г. полиции удалось арестовать весь «ржонд народовой» с его председателем Траунутом (бывшим русским подполковником). Официально признано считать военные действия оконченными 1 мая 1864 г.

В ходе боёв русские войска потеряли около 4500 человек, из них собственно в Польше 3343 человека (826 убито, 2169 ранено, 348 пропало без вести). Потери польских повстанцев русские генералы оценивали в 30 тысяч человек. Сотни поляков были приговорены военно-полевым судом к смерти, тысячи — сосланы в отдалённые губернии Российской империи. Среди последних был и мой прадед — дворянин Сильвестр Антонович Домброва, сосланный на Кавказ.

Действия царских властей современные интеллигенты могут считать жестокими. Но Александр II не менее жестоко обращался и с русскими нигилистами. А сравнение его с карательной политикой британских властей в ходе подавления восстания сипаев в 1857 г. в Индии делает Александра II чуть ли не либералом.

А мог ли Александр II действовать иначе? Ведь повстанцем не нужны были какие-либо реформы, с ними нельзя было пойти на компромисс, даже предоставить независимость на территориях в пределах Царства Польского. Паном нужно было или всё, или ничего! Создание же Польши в

границах 1772 г. было бы катастрофой для России.

Глава 24

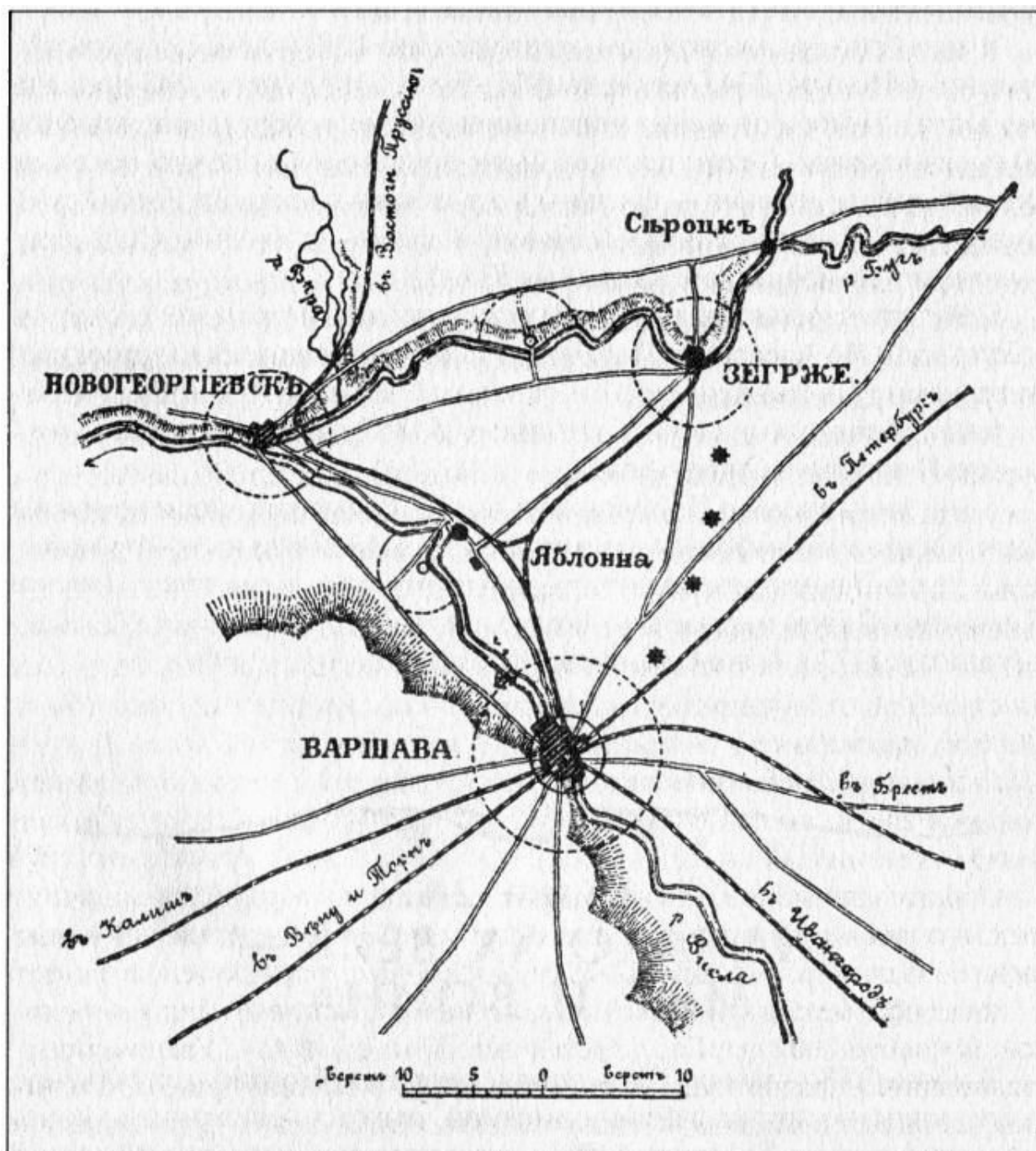
Начало XX века — мир и война

В конце XIX — начале XX в. привисленские губернии, как, впрочем, и большинство других районов империи, охватил невиданный экономический подъём. К 1 января 1914 г. в девяти привисленских губерниях проживало 12, 24 млн человек, то есть 6, 9 % населения империи, однако в 1908 г. там производилось 11 % промышленной продукции, а через четыре года — уже 12, 1 %.

Так, к примеру, крупным промышленным центром стал город Лодзь, где к 1890 г. проживало уже более 300 тыс. человек. Недаром Лодзь называли польским Манчестером.

По производству угля и стали Польша стояла на втором месте после Донецкого района. В Польше производились 42 % полотна, в производстве сукна её доля составляла 29, 6 %, шерстопрядении — 77 %, вязальном производстве — 76 %.

Больше половины производимых в Польше товаров сбывалось в Россию. Основу вывоза составляли хлопчатобумажные и шерстяные ткани, пряжа, машины, уголь. Торговля с Россией и немецкие капиталы, инвестированные в польскую промышленность, являлись источниками, из которых питалась польская экономика.

Висло-Наревский укреплённый плацдарм

Экономику привисленских губерний существенно поддерживало и... Военное ведомство. Оно строило там железные дороги, крепости, содержало крупные гарнизоны.

Работая в военно-историческом архиве, я наглядно убедился в высокой степени коррумпированности русского генералитета. К примеру, лафеты тяжёлых орудий, крепостные узкоколейные железные дороги и другое

оборудование для крепостей производились Пермским и другими казёнными заводами Горного ведомства по ценам как минимум в половину меньшим, чем на частных заводах Варшавы и других польских городов. Но заказы почему-то получали поляки, а точнее, жители привисленских губерний, поскольку владельцами заводов в основном были евреи и немцы.

В ходе обсуждения Государственной думой III созыва экономического состояния империи выяснилось, что привисленские губернии являются, как сейчас говорится, дотируемым регионом, то есть сидят на шее центра. Депутат П. В. Березовский при этом заявил: «У нас центр не только не пользуется ничем от окраин, а, напротив, он оскудевает, он беднеет, а окраины наживаются, окраины богатеют». Грустно сознавать, что подобная ситуация перейдёт по наследству от «проклятого царизма» к СССР, а затем — к Российской Федерации.

Таким образом, в экономическом плане скорее Россия была колонией Польши, а не наоборот.

Никто в России не мешал развиваться польской культуре. Вместе с русскими в 1906 г. поляки получили возможность выбирать депутатов в Государственную думу. В империи отсутствовали какие-либо ограничения в занятии государственных постов по национальному или религиозному принципу. Например, к 1 января 1862 г. в русской армии среди генералов было: православных — 62,7 %, католиков (в основном поляки) — 8,72 %, протестантов (финны, немцы, шведы) — 27,8 %. Всего же на службе было офицеров: православных — 69,37 %, католиков — 20,06 %, протестантов — 9,33 %^[140].

Любой эрудированный человек без труда вспомнит имена десятков поляков среди знаменитых сановников, учёных и путешественников империи в конце XIX — начале XX вв.

Обратим внимание, что данные по национальному составу и в военных, и в любых других источниках отсутствуют. В империи никого не интересовала национальность человека, а только его вероисповедание.

Даже правые партии России с уважением относились к правам поляков. В ноябре 1907 г. в Государственной думе граф А. А. Уваров, представлявший Саратовскую губернию, заявил: «Мы, октябристы, с великим удовольствием дадим Польше всё то, что мы сами будем иметь в центре, мы с удовольствием дадим Польше земское самоуправление, широкое городское управление, но, конечно, господа, с таким уговором, чтобы окраины отнюдь не требовали того, что не имеют центральные части России».

Вставьте вместо слова «Польша» «Чечня» или «Татарстан», и слова

Уварова будут более чем актуальны в наши дни.

Единственной попыткой правительства несколько изменить статус-кво было выделение в 1912 г. Холмской губернии из состава привисленских губерний. Законопроект о Холмской области был предоставлен 18 мая 1912 г. в думу III созыва и поддержан депутатами. Дело в том, что принадлежность Холмской губернии Польше была довольно спорной. С одной стороны, католиков там было чуть больше, чем православных^[141], зато этнические русские, включая малороссов и белорусов, составляли большинство. С учётом этого депутат В. А. Бобринский на заседании думы заявил, что Холмщина должна быть «в бесспорном национальном владении не России, — здесь всё Россия, — но Руси, чтобы это поле было не только частью Российского государства, но чтобы оно было всеми признано национальным народным достоянием, искони русской землёй, то есть Русью».

В ответ польский депутат Я. Гарусевич заявил: «Конец этой законодательной трагедии есть вместе с тем начало нашей защиты этой польской губернии. Она есть и будет польская губерния. Хотя станет называться Холмской».

В июне 1912 г. проект был одобрен думой, а затем Госсоветом и утверждён Николаем II. В сентябре 1913 г. началось нормальное функционирование Холмской губернии.

Подавляющее большинство поляков в конце XIX — начале XX в. не принимали участия в играх националистов. Замечу, что жизненный уровень населения в привисленских губерниях был куда выше, чем в центральных губерниях империи.

Однако ни ксёндзы, ни гонористые паны по-прежнему не унимались. Ещё раз замечу, что они никогда не ставили вопрос о воссоздании Польши в её этнических границах, то есть, чтобы во всех её районах этнические поляки составляли большинство. Но в сложившейся ситуации говорить о Речи Посполитой «от можа до можа» было неуместно. Поэтому в конце XIX в. хитрые паны придумали идею создания Федерации, в которую должны были войти привисленские губернии, Литва, Белая Русь, Малая Русь и Курляндия. И тут они впервые столкнулись с литовскими националистами. Уточню, что ранее под Литвой мы понимали территорию, заселённую русскими (белорусами), которые с середины XVI в. имели польское или ополяченное дворянство. Но теперь на политическую сцену вышли этнические литовцы, мечтавшие о создании Великой Литвы, в которую должна была войти и Белая Русь, население которой они называли «ославяненными литовцами». Естественно, что литовские националисты не

хотели даже слышать о федерации с ляхами.

Первая мировая война стала манной небесной для националистов всех мастей. С началом войны правительства Германии, Австрии, Венгрии и России начали заигрывать с польскими националистами, при этом ограничиваясь лишь декларациями, но не давая конкретных обещаний. Так, австрийцы предложили создать государственное образование в составе Австро-Венгерской империи. Ему должны были присвоить название Королевство Польское или Герцогство Краковское. Столицей должен был стать Краков. В состав образования должны были войти земли, принадлежавшие Австрии и России.

Германские официальные лица в первые дни войны по польскому вопросу публично высказывались весьма путано. Однако 6 августа 1914 г. канцлер Бетман-Гольвег сформулировал лозунг: «Освобождение угнетённых народов России, оттеснение русского деспотизма к Москве», а 11 августа органы печати получили указание направить пропагандистскую деятельность «в пользу Польского и Украинского буферных государств».

В свою очередь, главнокомандующий русской армией великий князь Николай Николаевич в воззвании к полякам 1 августа 1914 г. заявил: «Пусть сотрутся границы, растерзавшие на части русский народ. Да воссоединится он воедино под скипетром русского царя. Под скипетром этим возродится Польша, свободная в своей вере, языке и самоуправлении».

Позже главнокомандующий пытался присоединить к привисленским губерниям часть захваченной русскими войсками Галиции. Забавно, что это вызвало гнев императрицы Александры Фёдоровны, которая с подачи Григория Ефимовича стала доказывать мужу, что великий князь Николай Николаевич хочет стать «польским царём».

В 1915 г. большая часть Царства Польского была занята войсками Германии и Австро-Венгрии. К началу 1916 г. в Берлине и Вене окончательно осознали невозможность военной победы и начали поиск политических комбинаций с целью заключения почётно мира или по крайней мере изменения военно-политической ситуации в свою пользу. В качестве одной из этих мер, причём второстепенной, было провозглашение 5 ноября 1916 г. самостоятельного Царства Польского. При этом был обойдён главный вопрос, интересовавший польскую верхушку, — границы. В качестве органа управления оккупированными польскими территориями в декабре 1916 г. был создан Временный Государственный совет.

В ответ российское Министерство иностранных дел 12 декабря 1916 г. вяло заявило, что Россия стремится к созданию «свободной Польши» из

всех её трёх частей. Однако о границе её тоже ничего не было сказано. В декабре 1916 г. — январе 1917 г. русским властям было не до Польши. Так, в дневнике Николая II за этот период много говорится о Распутине и ни слова о Польше.

Февральская революция кардинально изменила ситуацию. Уже 14 (27) марта 1917 г. Петроградский совет декларировал право наций на самоопределение. Это решение спровоцировало взрыв сепаратистских настроений по всей империи. В мае 1917 г. в Киеве была образована Центральная рада во главе с президентом М. С. Грушевским. В июле 1917 г. была образована Центральная рада белорусских организаций, которая с октября 1917 г. стала называться Большой радой.

17 (30) марта Временное правительство заявило о необходимости создания независимого польского государства, находящегося в военном союзе с Россией, но планировало сделать это не ранее окончания войны и по решению Учредительного собрания.

6 апреля 1917 г. польский Временный Государственный совет заявил, что одобряет декларацию русского Временного правительства, но принадлежность территорий между Польшей и Россией должна решаться совместно в Варшаве и Петрограде, а не односторонне Учредительным собранием.

12 сентября 1917 г. в Варшаве вместо Временного Государственного совета был создан Регентский совет, он также подтвердил позицию своего предшественника, хотя на тот момент все эти заявления были лишь простой деклараций, так как территория Польши была занята германскими и австро-венгерскими войсками.

Англия и Франция не хотели отдать формирование польской государственности на откуп Германии и Австро-Венгрии, и в августе 1917 г. в Париже был создан Польский национальный комитет. В комитете преобладающим влиянием пользовалась основная партия польской буржуазии — «национальные демократы» (эндеки) и её лидеры — Р. Дмовский, Ст. Грабский и близкий к ним И. Падеревский. Правительства Франции, Англии, Италии и США признали комитет «официальной политической организацией». Во Франции из поляков, проживавших за границей, была создана «польская армия», командующим которой в 1918 г. стал генерал Ю. Галлер.

29 августа 1918 г. Совет народных комиссаров, действуя в развитие Декрета о мире и Декларации прав народов России, принял декрет об отказе от договоров, заключённых бывшей Российской империей о разделах Польши. «Все договоры и акты, заключённые правительством

бывшей Российской империи с правительствами Королевства Прусского и Австро-Венгерской империи, касающиеся раздела Польши, — говорилось в декрете, — ввиду их противоречия принципу самоопределения наций и революционному правосознанию русского народа, признающим за польским народом неотъемлемое право на самостоятельность и единство, — отменяются настоящим бесповоротно».

В феврале 1918 г. в Брест-Литовске Советская Россия и Германия подписали сепаратный мир. Условия этого «похабного» мира достаточно хорошо известны, поэтому я лишь уточню некоторые нюансы. В договоре упомянута Украинская народная республика, но нет ни слова ни о Польше, ни о Белоруссии.

Куда менее известен советско-германский добавочный договор к Брест-Литовскому миру, подписанный 17 августа 1918 г. в Берлине советским представителем Адольфом Абрамовичем Йоффе и статс-секретарём МИДа Германии Паулем фон Гинце. Там сказано:

«Германия очистит оккупированную территорию к востоку от р. Березины по мере того, как Россия будет уплачивать взносы, указанные в ст. 2 русско-германского финансового соглашения от 27 августа 1918 г.

Германия не будет вмешиваться в отношения Русского государства с национальными областями и не будет побуждать их к отложению от России или к образованию самостоятельных государственных организмов.

Россия предпримет немедленные действия, чтобы удалить из своих северорусских областей боевые силы Антанты».

Как видим, ситуация того времени была крайне запутанной и менялась как в калейдоскопе. Заключённые договора переставали соответствовать реальности ранее, чем высыхали чернила на подписях сторон. История этих месяцев ещё ждёт своих исследователей, причём очень многих.

Революция в Германии и выход её из войны в очередной раз резко изменили обстановку в России и Польше.

13 ноября 1918 г. Постановлением ВЦИК РСФСР Брестский мир был аннулирован. Германские войска начали эвакуацию из оккупированных территорий бывшей Российской империи. Сразу же на этих территориях началась конфронтация левых и правых, то есть социалистически настроенных «советов» и буржуазных националистов^[142].

Так, в начале ноября во многих польских городах создаются Советы рабочих депутатов и отряды Красной гвардии. 5 ноября начал свою деятельность Совет в Люблине, 11 ноября — в Варшаве. За короткое время образовались Советы в Радоме, Лодзи, Ченстохове и многих других центрах страны — всего свыше 120 Советов. Однако в большинстве

Советов преобладали социалисты меньшевистского толка.

7 ноября 1918 г. в Люблине в противовес Советам образовалось «народное правительство» во главе с лидером СДПГиС^[143] И. Дашиньским. Правительство Дашиньского провозгласило создание Польской народной республики. Оно пообещало внести на рассмотрение будущего сейма предложения о национализации ряда отраслей промышленности, проведении аграрной реформы и других прогрессивных преобразований. Но Люблинское правительство просуществовало недолго.

14 ноября 1918 г. находившийся в Варшаве Регентский совет передал власть возвратившемуся из Германии в Варшаву Юзефу Пилсудскому.

Юзеф Клемент Пилсудский родился 5 декабря 1867 г. в городке Зулуве в Литве. Отец его Юзеф Винцент был нищим шляхтичем, сумевшим поправить свои дела женитьбой на богатой паненке Марии Билевич. Пилсудские происходили из древнего литовского боярского рода, полонизированного ещё в XVII в. (По крайней мере так утверждал сам Пилсудский, а его оппоненты оспаривали знатность его рода.)

В 1885 г. Юзеф-младший окончил гимназию и под влиянием своего брата Бронислава связался с подпольными кружками. Оба брата оказались по меньшей мере причастными к боевой эсеровской организации. Их арестовали в Вильно 22 марта 1887 г. по делу «вторых мартистов», то есть участников покушения на Александра III 1 (13) марта 1887 г. в Петербурге. Любопытно, что братья Пилсудские проходили по одному делу с Александром Ульяновым. Ульянов и Бронислав Пилсудский были приговорены к повешению, но позже царь заменил Брониславу смертную казнь на 15 лет сибирской каторги, а Юзефу в административном порядке вкатили 5 лет ссылки в Восточную Сибирь.

В июне 1892 г. Юзеф Пилсудский возвратился в Вильно и решил «пойти другим путём», то есть связался с националистами. С началом русско-японской войны он предложил своё сотрудничество японской разведке и даже ездил в Токио. В 1910 г. под эгидой австрийской разведки в Кракове и Львове были созданы польские военизированные отряды, куда немедленно устремился и Пилсудский. В декабре 1912 г. он становится «Главным комендантом всех польских военных сил» в Австро-Венгрии.

В 1914–1917 гг. Пилсудский воюет против России на стороне Австро-Венгрии, командуя 1-й бригадой Польских легионов.

Теперь Пилсудскому был присвоен титул «начальника государства». Надо ли говорить, что при отсутствии сейма, да и вообще конституции, он стал ничем не ограниченным диктатором. Сразу же возник традиционный вопрос о польских границах. Границы на западе в значительной мере

определялись в Париже, а вот на востоке царил хаос, и все новые государственные образования были не прочь половить рыбку в мутной воде. Причём, обратим внимание, ни одна из сторон не только не желала проведения на спорных территориях референдума, но даже не пыталась ограничить свои претензии областями, где преобладали её этнические представители — русские, поляки, украинцы и др.

Так, к примеру, 31 октября 1918 г. украинские националисты захватили город Львов. Утром 1 ноября горожане, проснувшись, обнаружили реюющий над ратушей «жёлто-блакитный» флаг и узнали, что теперь все главные городские учреждения в руках украинцев. Они прочитали на расклеенных на всех углах плакатах, что теперь они являются гражданами Украинского государства. Нечто подобное произошло и в других местах Восточной Галиции.

Украинское население восторженно встретило события 1 ноября 1918 г. Евреи признали украинский суверенитет или же оставались нейтральными. Зато поляки, оправившись от потрясения, начали во Львове активное сопротивление. В городе развернулись жестокие бои между украинскими войсками и отрядами польской военной организации буквально за каждый дом. На северо-западе, на границе между Восточной Галицией и собственно польской территорией, поляки захватили главный железнодорожный узел — Перемышль. Тем временем румынские войска овладели большей частью Буковины; Закарпатье оставалось в руках венгров. И всё же большая часть Восточной Галиции ещё принадлежала украинцам, настойчиво продолжавшим создавать своё государство.

22 ноября поляки выбили украинцев из Львова. Так началась польско-украинская война. Замечу, что большевики в ней не участвовали. Зато французы перебросили в Польшу 60-тысячную армию Йозефа Галлера. Солдатами в этой армии были поляки, а офицерами — в основном французы, армия была оснащена французским оружием. Франция отправила её для борьбы с большевиками, а Пилсудский послал её к Львову. В итоге в апреле — мае 1919 г. польские войска прорвали фронт украинцев у Львова и отбросили их за реку Збруч. 16 июля украинцы («Галицкая армия») перешли через Збруч в Восточную Украину. Вооружённая борьба за Восточную Галицию, стоившая около 15 тысяч жизней украинцам и 10 тысяч полякам, завершилась.

На западе польские националисты неминуемо должны были столкнуться с большевиками. На момент заключения Брестского мира Советская республика не имела регулярных войск, способных противостоять немцам, поскольку царская армия к тому времени

окончательно развалилась. Однако уже в марте 1918 г. для объединения управления всеми отрядами был создан штаб Западного участка отрядов завесы. Задача этого штаба в боевом отношении заключалась в охране и обороне западной границы Советской республики, а в организационном отношении предстояло перестроить все эти партизанские отряды и свести их в однотипные, регулярные войсковые соединения, согласно декрету о формировании Красной армии. В результате проведённых мероприятий Западный участок завесы преобразовался в Западный район обороны со штабом в Смоленске.

Осенью 1918 г. в состав Западного района обороны уже входили находившиеся в стадии формирования дивизии: Псковская, 2-я Смоленская и 1-я Витебская, объединённые затем в 17-ю стрелковую дивизию.

Диктатор Пилсудский был слишком умён, чтобы открыто объявить о создании Речи Посполитой «от можа до можа». Ту же идею он решил подать под другим соусом и выдвинул план создания федерации из ряда государств, созданных на территории бывшей Российской империи («от Гельсингфорса до Тифлиса»). Доминировать в этой федерации, естественно, следовало Польше.

В Москве понимали неизбежность столкновения с Польшей, и сразу после революции в Германии (15 ноября 1918 г.) Западный район обороны был преобразован в Западную армию.

В состав Западной армии к моменту начала её наступления входили: 2-й округ пограничной охраны (3156 штыков, 61 сабля); Псковская дивизия общей численностью 783 штыка при восьми орудиях; 17-я стрелковая дивизия (5513 штыков, 200 сабель). Всего 10 тысяч штыков и несколько сотен сабель с десятком орудий.

Наступление советской Западной армии в декабре 1918 г. надо скорее назвать продвижением, поскольку она не встречала никакого сопротивления. Поначалу с поляками не было ни мира, ни войны. Из-за отсутствия дипломатических отношений советское правительство попыталось договориться с Пилсудским по линии русского Красного Креста. Предполагалось вначале достигнуть соглашения об обмене военнопленными^[144], а затем — о перемирии. Однако по приказу польского правительства 2 января 1919 г. делегация Красного Креста во главе с Брониславом Весоловским (псевдоним Smutny — Печальный)^[145] в составе четырёх человек была арестована в Варшаве и расстреляна в Бельском лесу.

А тем временем части Красной армии 9 января 1919 г. заняли

Вилькомир, а 13 января вступили в Слоним. Лишь в конце января на фронте передовых частей Западной армии появились небольшие конные и пешие части польских легионеров. Но они не могли задержать Западную армию и лишь немного замедляли её продвижение. К 13 февраля части Западной армии вышли на фронт Поневеж — Слоним — Картузская Берёза — железнодорожная станция Иваново (западнее Пинска) — Сарны — Овруч.

По мере продвижения красных частей на запад отряды польских легионеров становились все многочисленнее, а сопротивление их — всё упорнее.

В январе 1919 г. В. И. Ленин предложил ЦК РКП(б) создать Литовско-Белорусскую советскую социалистическую республику, или «Литбел», как её позже стали называть. 27 февраля 1919 г. в Вильно (с 1939 г. Вильнюс) на совместном заседании ЦИК Советов Белорусской и Литовской республик был избран Совет народных комиссаров во главе с В. С. Мицкявичюсом-Капсукасом. В марте 1919 г. была образована Коммунистическая партия Литвы и Белоруссии (КПЛиБ) и объединены комсомольские организации обеих республик. В «Литбеле» началась национализация промышленности, банков, железных дорог, было введено всеобщее обучение, всеобщая трудовая повинность, равноправие национальностей, церковь отделена от государства, уничтожены сословия и титулы и др.

В решении аграрного вопроса правительство и ЦК КПЛиБ допустили ряд ошибок, таких как отказ от передачи крестьянам конфискованных помещичьих земель, ускоренные темпы создания коллективных хозяйств.

18 февраля 1919 г. правительство «Литбела» предложило Польше вступить в переговоры об установлении общей границы. Пилсудский проигнорировал это предложение.

18 февраля 1918 г. под нажимом Франции в Познани было подписано польско-германское перемирие, это позволило полякам перебросить войска на восток. 2 марта 1919 г. польские части генерала С. Шептицкого заняли Слоним, а 5 марта части генерала А. Листовского заняли Пинск.

15 марта 1919 г. командование РККА установило для армий Западного фронта в качестве основной линии фронта линию Рига — Якобштадт — Двинск — Молодечно — Минск — Бобруйск — Жлобин — Гомель. В качестве передового рубежа следовало закрепить за собой линию Туккум — Либава — Поневеж — Вилькомир — Вильно — Ландварово — Лидп — Барановичи — Лунинец.

15 апреля 1919 г. Пилсудский предложил буржуазным националистам

Литвы восстановить польско-литовскую унию, но получил фактический отказ. Поэтому, когда 19–21 апреля польские войска под командованием генерала Рыдз-Смиглы выбили из Вильно большевиков, литовские земли попали под юрисдикцию польских оккупационных властей.

После занятия Вильно на советско-польском фронте наступило длительное затишье. Вообще говоря, вопреки мнению некоторых авторов, сплошного фронта в 1919 г. между большевиками и поляками попросту не было, те есть никакого сравнения с линией фронта в 1915–1917 гг. между русскими и немцами быть не может. А в 1919 г. были кое-где локальные линии укреплений, а в основном части противников располагались в населённых пунктах и рядом с ними.

Что же касается Литовско-Белорусской ССР, то она приказала долго жить. 1 июня 1919 г. вооружённые силы «Литбела» вошли в состав Красной армии. 8-я стрелковая дивизия, 2-я пограничная дивизия и 52-я стрелковая дивизия «Литбела» 9 июня были преобразованы в XVI армию.

Затишье 1919 г. было выгодно обеим сторонам. Советская Россия воевала в кольце фронтов с Деникиным, Колчаком, Юденичем и Миллером. Поляки на западе воевали с немцами, а в Галиции — с украинцами. К этому прибавился и сильный неурожай 1919 г. в Польше. В августе 1919 г. в Силезии восстали шахтёры. Регулярные польские войска подавили восстание, но напряжение там не ослабло. В известной мере Пилсудского напугал и марш Деникина к Москве. А Деникин, в отличие от ряда белых генералов, не только на словах, но и на деле стоял «за единую и неделимую»^[146]. Поэтому Пилсудский в 1919 г. предпочитал видеть в Москве Ленина и Троцкого, но никак не Деникина.

8 декабря 1919 г. Верховный совет Антанты огласил Декларацию о временных восточных границах Польши, согласно которой границей стала линия преобладания этнического польского населения от Восточной Пруссии до бывшей русско-австрийской границы на Буге.

22 декабря 1919 г. советское правительство направило в Варшаву очередную ноту, в которой снова предложило «немедленно начать переговоры, имеющие целью заключение прочного и длительного мира». Не дождавшись ответа, советское правительство 28 января 1920 г. обратилось к польскому правительству и народу с заявлением о том, что политика Советской России в отношении Польши исходит не из случайных военных или дипломатических комбинаций, а из незыблемого принципа национального самоопределения, и что советское правительство безоговорочно признаёт независимость и суверенность Польской республики. Правительство РСФСР от своего имени и от имени

правительства Советской Украины заявило, то в случае начала переговоров и во время их проведения Красная армия не переступит занимаемой ею линии фронта: Дрисса — Дисна — Полоцк — Борисов — местечко Паричи — железнодорожные станции Птичь и Белокоровичи — местечко Чуднов — местечко Пилявы — местечко Деражня — Бар. В своём заявлении советское правительство выразило надежду, что все спорные вопросы будут урегулированы мирным путём.

В ответ на это заявление польское правительство заявило о необходимости обсудить его с правительствами Англии и Франции. Замечу, что ещё 26 января 1920 г. Англия заявила Пилсудскому, что не может рекомендовать Польше продолжать политику войны, поскольку РСФСР не представляет военной угрозы для Европы.

2 февраля 1920 г. ВЦИК РСФСР принял обращение к польскому народу, снова повторив предложения о заключении мира с Польшей. 22 февраля Советская Украина также предложила Польше заключить мир, и ещё раз повторила своё предложение 6 марта. Поэтому Верховный совет Антанты заявил 24 февраля, что если польское правительство на переговорах с советским правительством выставит чрезмерные требования, то Антанта не будет ей помогать в случае, если Москва откажется от мира.

Тем временем Красная армия наголову разбила войска Колчака и Деникина. Колчак был расстрелян, а Деникин сдал командование и отправился в эмиграцию. Остатки деникинских войск под командованием барона Врангеля укрепились в Крыму. 2 февраля 1920 г. буржуазное правительство Эстонии подписало мир с РСФСР. Почти одновременно было заключено и перемирие с Латвией.

Глава 25

Даёшь границы Сигизмунда III!

Затишье на Юго-Западном фронте продолжалось недолго. 6 марта 1920 г. поляки перешли в наступление на речицком направлении. Это наступление началось в тот самый день, когда, согласно приказу Главкома С. С. Каменева, лунинецкое (речицкое) направление с двумя бригадами 57-й стрелковой дивизии и Гомельским укреплённым районом должно было перейти в подчинение Западного фронта.

Поляки наступали довольно быстро, и 6–7 марта заняли Калинковичи и Овруч. 6 марта командующий Юго-Западным фронтом снял с XII армии запрещение переходить линию фронта и приказал этой армии перейти в решительное наступление, имея в виду как ближайшую цель восстановление в кратчайшие сроки положения в Мозырском и Овручском районах и выход на линию рек Птич — Уборь и далее по линии Новоград-Волынский — Шепетовка — Проскуров — Солодковцы. Для выполнения этих задач в состав XII армии вошли ещё части, ранее находившиеся в подчинении командующего Юго-Западным фронтом: 171-я стрелковая бригада 57-й стрелковой дивизии, 7-я стрелковая дивизия без 21-й стрелковой бригады и сосредоточивающаяся в районе Гайсин — Брацлав 45-я стрелковая дивизия. Той же директивой на XIV армию возлагалась задача по ускорению продвижения правого фланга этой армии на линию Солодковцы — Каменец-Подольский, причём боевые действия на стыках XII и XIV армий должны были быть согласованы между собой распоряжением командармов обеих армий.

Выполнение этой директивы привело обе армии Юго-Западного фронта к ряду встречных боёв с поляками, которые продолжались до начала общего решительного наступления поляков в конце апреля на Украине.

А тем временем Пилсудский готовился к большому наступлению. Все ресурсы страны были направлены на усиление армии. Если в 1918 г. польская армия формировалась из добровольцев, то уже 15 января 1919 г. был объявлен первый принудительный призыв в армию юношей, родившихся в 1899 г. В марте 1919 г. сейм утвердил положение о всеобщей воинской повинности и объявил призыв пяти возрастов (1896–1901 гг. рождения).

В июне 1919 г. в Польшу начали прибывать из Франции части армии генерала Галлера в составе 1-й, 2-й, 3-й, 6-й и 7-й дивизий. После разгрома Деникина в Польшу с Кубани прибыла 4-я дивизия генерала Желиговского. Полковник царской армии Желиговский собрал эту дивизию из поляков и служил под началом Деникина.

Дивизии Галлера были реорганизованы в пехотные и получили порядковые номера 11-я, 12-я и 13-я, а из 4-й дивизии Желиговского, добавив к ней несколько полков, образовали 10-ю пехотную дивизию.

Весной 1920 г. польская армия состояла:

Пехота: 21 дивизия и 2 отдельные бригады (1-я и 7-я резервные) — всего 88 пехотных полков.

Кавалерия: 6 кавалерийских бригад и 3 отдельных кавалерийских полка — всего 21 кавалерийский полк и 21 дивизион конных стрелков, придаваемых по 2 эскадрона пехотным дивизиям.

Артиллерия: 21 полевой артиллерийский полк и столько же дивизионов тяжёлой артиллерии — всего 189 полевых и 63 тяжёлых батарей.

К ним следует прибавить соответствующее количество вспомогательных и технических войск.

В апреле 1920 г. общая численность польской армии достигла 738 тысяч человек. К этому времени все полки, бригады и дивизии уже имели общую порядковую нумерацию.

В начале лета 1920 г., когда Красная армия развернула широкую наступательную операцию, в Польше был объявлен призыв в армию юношей 1895–1902 гг. рождения. 15 июля сейм постановил призвать лиц, родившихся в 1890–1894 гг., а 4 сентября — родившихся в 1885–1889 гг.

В сентябре 1920 г. генерал Галлер приступил к организации добровольческой армии. Из запасных частей формировались новые полки, эскадроны и батареи, собранные в 22-ю добровольческую дивизию.

По данным польского военного министерства, всего на фронт было отправлено: в период с 1 декабря 1919 г. по 1 июня 1920 г. (за 6 месяцев) — 4080 офицеров, 260 000 солдат; с 24 июля по 15 сентября 1920 г. (за 7 недель) на фронт было отправлено 1986 офицеров и 163 889 солдат. Таким образом, в момент наивысшего напряжения Польша имела в своей армии 16 возрастных категорий и, кроме того, около 30 тысяч добровольцев, а общая численность армии достигала 1 200 000 человек.

Вооружение польской армии было крайне разнообразным. В большинстве своём было русское, германское и австрийское вооружение, оставшееся в Польше после Первой мировой войны. Кроме того, в конце

1919 г. — начале 1920 г. США, Англия, а главным образом Франция, поставили в Польшу 1494 орудия, 2800 пулемётов, 385, 5 тысяч винтовок, 42 тысячи револьверов, около 700 самолётов, 200 бронемашин, 800 грузовиков, 576 млн патронов, 10 млн. снарядов, 4,5 тысячи повозок, 3 млн. комплектов обмундирования, 4 млн. пар обуви, средства связи и медикаменты.

В начале 1919 г. в армии генерала Галлера во Франции был сформирован первый польский танковый полк. В июне 1919 г., когда полк прибыл в Польшу, в его составе имелось 120 лёгких французских танков «Рено» FT. Кроме того, в польской армии было четыре бронедивизиона, вооружённых бронемашинами.

К апрелю 1920 г. польская авиация насчитывало 60 исправных аэропланов.

К 1 января 1920 г. польские силы, действовавшие против Западного фронта Красной армии, согласно данным нашей разведки, насчитывали (вместе с глубокими резервами) 55 800 штыков, 4000 сабель, 488 лёгких и 158 тяжёлых орудий. К 1 марта 1920 г. на нашем Западном фронте поляки имели 56 500 штыков и 6500 сабель, а на Юго-Западном фронте — 33 600 штыков и 4900 сабель.

Польским войскам противостояли Западный и Юго-Западный фронты Красной армии.

К 1 апреля 1920 г. в составе Западного фронта находилось 58 791 пехотинцев, 4020 кавалеристов при 394 орудиях и 1567 пулемётах. В составе Юго-Западного фронта имелось 24 251 пехотинцев, 4317 кавалеристов при 321 орудии и 1585 пулемётах. Замечу, что из 321 орудия 281, то есть 88 %, составляли 76-мм полевые пушки. Кроме того, имелось двенадцать 107-мм пушек обр. 1910 г., девятнадцать 122-мм и девять 152-мм гаубиц обр. 1909 г. и 1910 г.

В середине февраля 1920 г. начальник оперативного управления штаба Республики Б. М. Шапошников в своём докладе наметил предпосылки будущего плана военных операций против Польши. Вероятными противниками РСФСР определялись Польша и, возможно, Латвия и даже Литва, если Польша согласится на уступку Вильно Литве. В отношении Румынии предполагалось, «что отсутствие территориальных интересов за пределами Бессарабии едва ли поставит её в число наших открытых врагов».

В своём докладе Шапошников уделил главное внимание театру военных действий севернее Полесья, который назвал главным, а Украинскому театру он отвёл второстепенное значение. Имелось в виду,

что Полесье также должно стать и театром вспомогательных действий. Как вывод Шапошников признавал, что «главная операция с обеих сторон может развиваться в северной части района к северу от линии Волковыск — Барановичи — Могилёв».

С точки зрения военной стратегии Шапошников был абсолютно прав — во все времена решающим был Западный фронт. В случае разгрома советских войск поляки могли бы идти на Смоленск и Москву, а в случае неудачи поляков, соответственно, Красной армии был бы свободен путь на Варшаву.

Однако Пилсудский решил наступать на Украину. Его целью был не быстрейший разгром Красной армии, а захват Украины и создание Речи Посполитой «от можа до можа». Замечу, что в конце 1919 г. и весной 1920 г. по Варшаве ходили упорные слухи, что Пилсудский хочет стать польским королём. В феврале — марте военный министр генерал Лесневский даже создал специальную комиссию во главе с полковником Брониславом Гелидажевским для поиска польских королевских регалий. Так или иначе, но Пилсудский желал славы, а Польша — украинский хлеб (вспомним о неурожае 1919 г.).

Уже после войны польские военные историки задним числом доказывали, что вдруг украинское направление по каким-то причинам приобрело важное стратегическое значение, и именно со стороны Украины злодеи-большевики хотели напасть на Польшу.

На самом же деле председатель Реввоенсовета Л. Д. Троцкий и главком С. С. Каменев собирались вначале разбить Врангеля и лишь затем заняться поляками. Телеграммой № 2101/оп./250/ш. от 12 апреля 1920 г. Каменев указал командующему Юго-Западным фронтом, что «операция по овладению Крымом в настоящее время для фронта является первостепенной, почему на неё должны быть брошены все силы фронта, даже не останавливаясь перед временным ослаблением польского участка».

В распоряжение командующего Юго-Западным фронтом передавались 52-я стрелковая дивизия, 85-я бригада, 29-я стрелковая дивизия, 63-я бригада 21-й стрелковой дивизии, которые можно было использовать для наступления на Крым, после чего 63-я и 85-я стрелковые бригады должны были быть направлены на Западный фронт для присоединения к своим дивизиям.

Результатом этой телеграммы, а также первой неудачной атаки Перекопского перешейка была директива командующего Юго-Западным фронтом № 010/оп./2337/оп. от 15 апреля, в которой говорилось: «Все свободные силы фронта бросить для завершения начатой Крымской

операции...»

Положение в тылу у красных было нестабильным. Особенно это касалось Юго-Западного фронта, в тылу которого поднялась волна бандитизма. Большевистские вожди утверждали, что бандитами руководил Петлюра, или даже Антанта. На самом же деле Приднепровье было перенасыщено оружием, брошенным царской, немецкой, австрийской, петлюровской, добровольческой и Красной армиями. Десятки тысяч человек отучились работать и жили грабежом. Вспомним Красильщикова из романа Алексея Толстого «Хождение по мукам».

К концу дня 24 апреля 1920 г. все польские части заняли исходное положение для наступления, которое должно было начаться на рассвете 25 апреля.

Наступлению поляков предшествовал мятеж Галицийских бригад. Время начала мятежа исключает его стихийность. Там хорошо поработала польская разведка. Галицийская армия, переформированная в три отдельные бригады, была придана побригадно 41-й, 44-й и 45-й стрелковым дивизиям и занимала участки фронта на правых флангах этих дивизий. Антисоветская агитация среди личного состава 2-й и 3-й Галицийских стрелковых бригад, приданных 45-й и 41-й стрелковым дивизиям, вылилась в открытый мятеж этих бригад. Утром 23 апреля части 2-й Галицийской бригады покинули фронт и начали враждебные действия против полков 134-й стрелковой бригады 45-й стрелковой дивизии, расположенной в дивизионном резерве. Мятежники напали на 402-й стрелковый полк, однако ему удалось пробиться из окружения. Затем 2-я Галицийская бригада начала выдвигаться в двух направлениях: часть её направились на юг и на фронте Луки-Барские — Куриловцы вступила в бой с другими полками 134-й стрелковой бригады; другая же часть бригады двинулась на Литин, овладела им, а затем направились на Винницу.

В это время части 60-й стрелковой дивизии на фронте Елтушково — Новая Ушица были заменены 3-й Галицийской бригадой и оттянулись в армейский резерв в район Поток — Станиславчик — Дзялов — Тарасовка. Однако уже 24 апреля мятеж перекинулся и в 3-ю Галицийскую бригаду; она покинула фронт и двинулась в район станции Мытки, где и окопалась.

Мятеж двух Галицийских бригад совершенно нарушил группировку XIV армии, все её резервы были направлены на ликвидацию мятежа. 178-я стрелковая бригада была двинута сначала на фронт Винница — Литин, но, очевидно, получив известия о мятеже 3-й Галицийской бригады, свернула на город Бар и у села Степанки вступила в бой с мятежниками. 180-я стрелковая бригада двинулась на станцию Мытки и атаковала мятежников,

успевших к этому времени соединиться с украинскими петлюровскими частями под командой Удовиченко. Лишь 179-я стрелковая бригада 60-й стрелковой дивизии оставалась свободой от подавления мятежа. 41-й стрелковой дивизии было приказано своими резервами заполнить промежуток фронта, покинутый 3-й Галицийской бригадой.

Мятеж двух Галицийских бригад отвлёк армейские и дивизионные резервы XIV и отчасти XII армий для выполнения задач, ничего общего не имевших с их первоначальным предназначением.

На рассвете 25 апреля польские войска начали решительное наступление на всем фронте от Припяти до Днестра. На крайнем левом Польском фронте группа полковника Рыбака двигалась на город Овруч, тесня слабые части 47-й стрелковой дивизии, и к вечеру того же дня заняла его. 7-я кавалерийская бригада, входившая в состав этой группы, продвигалась лесами через местечко Базар на станции Малин и Тетерев. Сводная кавалерийская дивизия генерала Ромера, двигаясь на станцию Казатин, 25 апреля имела лишь одну небольшую стычку с дивизионом нашей 17-й кавалерийской дивизии и остановилась на ночлег в селе Верняя Рудня. Пехота 3-й польской армии следовала за дивизией Ромера. Под её натиском части 47-й стрелковой дивизии (140-я и 141-я стрелковые бригады) отошли в район Овруча. 7-я стрелковая дивизия тоже начала испытывать давление польских частей: на её фронте поляки заняли уже несколько селений. Командование 17-й кавалерийской дивизии в этот день не передало особо тревожных донесений, так что можно предположить, что прохождение через её участок сводной кавалерийской дивизии поляков под командованием генерала Ромеля осталось незамеченным.

26 апреля 7-я польская кавалерийская бригада из группы полковника Рыбака овладела селом Олизаровка, расположенным в 25 км к северо-востоку от станций Малин и Тетерев, и теперь готовилась перехватить железную дорогу Коростень — Киев. Сводная кавалерийская дивизия генерала Ромера пересекла у станции Рея железную дорогу Житомир — Бердичев, имея лишь небольшую перестрелку с бронепоездом, подходившим от Житомира к станции Рея. К вечеру 26 апреля дивизия Ромера подходила к станции Казатин. 47-я стрелковая дивизия под натиском польских частей покинула район Овруча и утратила связь со штабом армии. 7-я стрелковая дивизия отходила в район станции Коростень. 1-я кавалерийская бригада 17-й кавалерийской дивизии после боя с польской пехотой у местечка Пулин отходила в район местечка Чернихов.

В ночь с 26 на 27 апреля 7-я польская кавалерийская бригада,

разделившись на три колонны, заняла местечко и железнодорожную станцию Малин, станции Ирша и Тетерев, захватив на последней эшелон в 44 вагона и один бронепоезд^[147].

Части сводной кавалерийской дивизии генерала Ромера 27 апреля атаковали станцию Казарин, где застали в эшелонах части 44-й стрелковой дивизии. Завязался упорный бой, в результате которого поляки окончательно заняли Казарин.

Большинство частей XII армии уже 26 апреля потеряли связь со штабом армии. Известно было лишь, что 140-я стрелковая бригада 47-й стрелковой дивизии поддерживает соприкосновение с противником в 10 км к востоку от Чернихова, и что 1-я Галицийская бригада отходит к реке Гнил опять. 44-й стрелковой дивизии не удалось выполнить указанные ей перегруппировки, так как её 130-я бригада уже ввязалась в бои с поляками в районе местечка Янушполь, а 131-я бригада двигалась для занятия рубежа Пиков — Янов.

Правофланговые части XII армии, 7-й стрелковой и остатки 47-й стрелковой дивизий с боями отходили вдоль железной дороги Коростень — Киев, преследуемые группой полковника Рыбака, и к вечеру 27 апреля достигли района станции Малин, где вступили в бой с преграждавшими им путь частями 7-й польской кавалерийской бригады. На рассвете 28 апреля эта бригада под натиском наших частей была вынуждена отступить и, покинув станции Малин и Тетерев, оттянулась в леса к северо-востоку от железной дороги.

Днём 27 апреля командование XII армией окончательно потеряло связь почти со всеми своими частями. 2 мая части XII армии под натиском поляков продолжали отход за реку Ирпень, причём 7-я стрелковая дивизия перебрасывалась на фастовское направление.

На фронте XIV армии было относительно спокойно, но в тылу её в районе Ананьев — Балта активизировалась банда Тютюника, борьбу с которой вели отряды, выделенные распоряжением штаба XIV армии, и сводные отряды из частей Одесского гарнизона.

В ночь с 5 на 6 мая польские войска перешли в наступление на части XII армии, оборонявшие подступы к Киеву. Первый удар был направлен на участок 7-й стрелковой дивизии. Слабые части 1-й бригады 17-й кавалерийской дивизии не выдержали натиска поляков и сразу же начали отходить на переправы через Днепр, бросив часть артиллерии и пулемётов. Развивая свой успех, поляки продолжали теснить 7-ю стрелковую дивизию, которая откинула свой правый фланг на местечко Приорка. В это же время 58-я стрелковая дивизия отходила на фронт Жудяны — Мышеловка.

Создавшееся положение вынудило командование XII армии в полдень 6 мая отдать приказ об оставлении Киева и об отходе частей XII армии на левый берег Днепра. 7-й стрелковой дивизии с остатками 17-й кавалерийской дивизии было приказано занять участок на левом берегу Днепра от села Пуховка включительно до железнодорожного моста включительно. 58-я стрелковая дивизия должна была занять позиции к югу по реке до села Вишенки включительно, имея свой резерв в Борисполе. Группе Дегтерева было приказано удерживать Триполье. Прибывшей только что в Нежин Башкирской кавалерийской дивизии (300 коней и 809 бойцов) было приказано временно остаться в Нежине.

Одновременно с наступлением на Киев поляки продолжали наступление на фронте XIV армии. Польская разведка на фронте 44-й стрелковой дивизии была уже обнаружена у станции Ольшаница. 520-й и 521-й стрелковые полки 58-й дивизии, двинутые 5 мая на село Телешовка для занятия рубежа по реке Гороховатка, не выполнили приказаний и самовольно направились на восток, причём их местопребывание не было известно штабу XIV армии. Гайсинский гарнизон после боя с бандами был вынужден оставить город Гайсин.

Отходя на юго-восток, XIV армия 6 мая занимала фронт примерно по линии Богуслав — Гайсин исключительно — Марковка — Ольшанка. 45-я стрелковая дивизия продолжала движение на Тростянец, а 179-я бригада 60-й стрелковой дивизии для борьбы с бандами отошла к югу в район Городище — Песчанка. Переброшенная из резерва фронта 63-я стрелковая бригада 21-й стрелковой дивизии расположилась в районе Звенигородка.

8–9 мая польские войска захватили плацдарм на левом берегу Днепра в районе Киева, а попытки XII армии отбросить поляков за реку не удались.

7 мая поляки продолжали наступление на 44-ю дивизию и к концу дня 8 мая оттеснили её на фронт Козин — Мироновка — Богуслав. Не менее сильное давление испытывала и 60-я стрелковая дивизия в районе железной дороги Жмеринка — Одесса. На фронте Куниче — Шарапановка — Марковка эта дивизия вела упорные бои с противником, причём последнему удалось овладеть Шарапановкой. 45-я стрелковая дивизия после упорных пятидневных боёв с бандами к концу дня 7 мая прибыла в район местечка Терновка.

15–16 мая происходили интенсивные встречные бои, которые можно считать поворотным пунктом битвы за Киев. С этого времени инициатива постепенно переходит на сторону Красной армии.

До сих пор речь шла о действиях поляков против Юго-Западного фронта. На Западном же фронте у поляков особенных успехов не было.

Линия фронта осталась без изменений. 29 апреля в командование Западным фронтом вступил М. Н. Тухачевский, заменивший В. М. Гиттиса.

Советское командование решило контратаковать поляков силами Западного фронта. С Северного фронта туда была направлена 18-я стрелковая дивизия, но она могла быть введена в дело не ранее 18 мая.

14 мая Северной группе удалось неожиданно для поляков перебросить свою ударную группу на левый берег Западной Двины, но её наступление было остановлено резервами польских полков, занимавших участок реки Западная Двина напротив станции Боровухи. Но отбросить назад за Западную Двину эту группу полякам всё же не удалось. Прижавшись к реке у села Горяне, небольшой отряд красных отбил все контратаки поляков и дождался подхода на уровень Горян правого фланга XV армии, после чего отряд получил возможность двинуться вперёд.

Наступление нашей XV армии сразу же начало развиваться успешно. Лишь на её левом фланге поляки упорно держались перед фронтом 29-й стрелковой дивизии и даже несколько раз пытались контратаковать. Тем не менее только за 14 мая правый фланг XV армии продвинулся вперёд на 6–8 км, а левый — более чем на 20 км. 15 мая армия, продолжая теснить противника, вышла примерно на фронт станция Фариново — Кубличи — Пышко — Стайск. Левый фланг XV армии продвигался значительно медленнее, что, скорее всего, было связано с трудными условиями местности.

19 мая части XV армии продолжали продвигаться вперёд, выравнивая свой фронт. Южная группа этой армии форсировала Березину, овладев местечком Березино Северное. В предвидении предстоящего захождения армии правым флангом в направлении на Молодечно командующий XV армией отдал приказ армейскому резерву (6-й стрелковой дивизии) следовать в район местечка Плиса. В тот же день части 17-й и 8-й стрелковых дивизий XVI армии успешно форсировали Березину на указанных участках и к концу дня захватили на её западном берегу плацдарм глубиной около 6 км.

К вечеру 23 мая фронт проходил примерно по линии Слободка — Володута — Домовицкое — Дряхча — Дерюцкая — Игумен, сохраняя при этом сильно изломанное очертание. Кавалерийская бригада 21-й стрелковой дивизии переправилась на правый берег Березины, но ещё не вступила в дело. Её полки расположились: один у села Старый Прудок, другой у села Неганичи. В то время как южная группа польских войск довольно глубоко вклинилась в позиции советских войск на правом берегу Березины, заняв села Ганута, Богушевичи и Осмолевичи. Подошедшая в

распоряжение командующего XVI армии головная (62-я) бригада 21-й стрелковой дивизии была направлена им на село Лавница в распоряжение начдива 17-й стрелковой дивизии.

24 мая на фронте XV армии поляки перешли в наступление на участке 53-й стрелковой дивизии, части которой были потеснены на восток. Упорные бои в этот день шли на фронте 4-й и 11-й стрелковых дивизий, все попытки 11-й дивизии продвинуться вперед успеха не имели.

25 мая поляки оставили Борисов, лежащий на левом берегу Березины, но с утра при поддержке артиллерии начали теснить части 17-й стрелковой дивизии, которые вскоре были вынуждены отойти к Березине, переменив свой фронт прямо на запад. Поляки активно теснили и правофланговую (22-ю) бригаду 8-й стрелковой дивизии, угрожая сомкнуть кольцо вокруг частей этой дивизии в районе Игумена, так как операция частей 8-й дивизии против местечка Богушевичи не удалась, и местечко по-прежнему оставалось в руках поляков.

К 22 июня обе стороны временно отказались от наступательных действий. Польское контрнаступление в конце мая — начале июня 1920 г. привело к существенному сокращению территории, занятой Западным фронтом. Советские войска понесли большие потери. Только 15 апреля было потеряно убитыми, ранеными и пропавшими без вести 914 человек комсостава и 11 218 красноармейцев.

Одной из причин успехов польских войск в апреле — мае 1920 г. было наличие многочисленных банд в тылу советских войск. О политической ориентации этих бандформирований говорить не приходится, там были и украинские националисты, и монархисты, и эсеры, и анархисты и т. д. и т. п. А большинство же как атаманов, так и рядовых членов банд занимались попросту грабежами. Для наведения порядка в тылу решением ЦК РКП(б) на Украину был направлен Ф. Э. Дзержинский.

5 мая он прибыл в Харьков вместе с 1400 чекистами и бойцами внутренних войск. 29 мая решением ЦК Дзержинский был назначен начальником тыла Юго-Западного фронта. Ряд местностей в тылу фронта были объявлены на военном положении, а чрезвычайные комиссии были наделены правами «революционных военных трибуналов». То есть, попросту говоря, лица, заподозренные в бандитизме, пускались в расход без всяких церемоний. Естественно, что наряду с бандитами пострадало и много невинных.

Наряду с репрессиями Дзержинский развернул в тылу Юго-Западного фронта идейно-воспитательную работу. По его приказу при тыловых штабах были созданы политические и агитационные ячейки. Широко

проводились собеседования, лекции, митинги, так называемые «деревенские недели», распространялись листовки, плакаты, газеты, местное население информировалось об итогах борьбы с бандитами. Любопытный момент: впервые за Гражданскую войну большевики отступили от своей патологической (для того времени) страсти к «интернационализму», и на агитационных плакатах стали вырисовывать национальные черты и внешность поляков.

Следует заметить, что Дзержинскому удалось существенно укрепить тыл Юго-Западного фронта, хотя бандитизм там продолжался ещё более двух лет.

Глава 26

Контрнаступление Красной армии

В мае 1920 г. на Юго-Западный фронт прибыло пополнение в количестве более 41 тысячи человек. Одновременно туда же с Северного Кавказа перебрасывалась I Конная армия под командованием С. М. Будённого, которой предстояло совершить тысячекилометровый переход по маршруту Майкоп — Ростов-на-Дону — Екатеринослав — Умань. Во время этого перехода части I Конной армии разгромили множество банд, действовавших в тылу Юго-Западного фронта. Так, 4-я кавалерийская дивизия в районе местечка Пятигоры была вынуждена развернуться против Запорожского повстанческого полка и атакой в конном строю уничтожить этот полк, при этом советские кавалеристы захватили много пленных, пулемётов и патронов.

25 мая I Конная армия сосредоточилась в районе Умани. К этому времени в I Конной насчитывалось более 16 тысяч бойцов при 304 пулемётах и 48 орудиях и 22 броневых автомобилях, в состав армии входили четыре кавалерийские дивизии и один полк особого назначения.

29 мая на Украину началась переброска 25-й Чапаевской дивизии под командованием И. С. Кутякова. Это была одна из сильнейших дивизий в Красной армии, в ней насчитывалось более 10 тысяч штыков и 3 тысячи сабель, 364 станковых и 175 ручных пулемётов и 52 орудия. На конец мая 1920 г. численность Чапаевской дивизии была сопоставима с численностью XII и XIV армий Юго-Западного фронта.

Ещё в апреле 1920 г. на Юго-Западный фронт прибыла с Урала Башкирская кавалерийская бригада под командованием М. Муртазина и другие части.

С 15 апреля по 3 августа в распоряжение командования Юго-Западного фронта отправили более 23 тысяч винтовок, 586 пулемётов, 59 орудий, более 10, 5 тысяч шашек, 46 самолётов, около 36 млн винтовочных патронов и более 110 тысяч комплектов обмундирования. В итоге к началу наступления командование Юго-Западного фронта располагало 245 орудиями.

План командования Юго-Западного фронта заключался в окружении и уничтожении главных сил поляков под Киевом. С этой целью были созданы три оперативные группировки: Северная группа XII армии с задачей

форсировать Днепр севернее Киева и перерезать железную дорогу Киев — Коростень; Фастовская группа с задачей наступать на Белую Церковь и Фастов; I Конная армия — для нанесения главного удара из района Умани в направлении Казатин — Бердичев, последующего выхода в тыл киевской группировки противника и завершения её окружения и разгрома.

28 мая, ещё до подхода конницы, в бой вступила группа бронепоездов, приданная I Конной армии (№ 13, № 63 «Гибель контрреволюции», № 72 «Имени Николая Руднева», № 82 «Смерть Директории» и № 203).

В полдень красные бронепоезда ворвались на станцию Липовец и расстреляли польские батареи. Польский бронепоезд был повреждён и едва ушёл.

На 29 мая дивизиям Конной армии была поставлена задача выйти на рубеж Татаринówka — Борщагówka — Дзионьков — Плисков — Андрусово. 14-я кавалерийская дивизия, продолжая следовать во втором эшелоне, должна была к концу дня 29 мая сосредоточиться в районе Скибьянцы Лесные — Кашпировка — Бурковцы. К концу дня 29 мая 4-я кавалерийская дивизия достигла указанного ей района, при этом её правофланговые части первыми вошли в соприкосновение с регулярной польской кавалерией, и наш 20-й кавалерийский полк вступил в бой со 2-м драгунским, 5-м и 16-м уланскими Познаньскими полками.

4-я кавалерийская дивизия выбила поляков из местечка Ново-Хвастов, а затем атаковала местечко Дзионьков, занятое 1 — м батальоном 43-го полка стрелков кресовых. Бой затянулся до поздней ночи. В этом деле приняли участие две бригады 11-й кавалерийской дивизии, которым к вечеру 29 мая удалось овладеть заречной окраиной Дзионькова, отбросив поляков за реку.

В этот же день 6-я кавалерийская дивизия между местечком Животовом и селом Вербовкой атаковала 2-й батальон 50-го полка стрелков кресовых с батареей 13-го артиллерийского полка. Эти польские части продвигались вдоль реки Роске без должных мер охранения вследствие ошибочно данного им приказа, впоследствии не отменённого. В результате кавалерийской атаки польский батальон был полностью разгромлен, конники захватили полевую батарею и два траншейных орудия. По польским данным, в этом бою поляки потеряли только одну полевую батарею и 700 человек своего состава.

В это время в тот же район следовал 1-й батальон того же 50-го полка. Прибыв в село Медовку, он начал выдвижение в район Животова и в районе села Соллогобовка тоже был атакован частями 6-й кавалерийской дивизии. С большими потерями остатки батальона отошли в район

местечка Спичинцы. Преследуя бежавших поляков, конница 6-й дивизии заняла село Антовку и местечко Плисково, уничтожив там 2-ю роту 43-го полка стрелков кресовых.

Этот день, 29 мая, ознаменовался для I Конной армии удачной завязкой боя на всем её фронте, причём 2-я и 6-я кавалерийские дивизии в этот день ввели в дело большую часть своих сил.

На фронте XIV армии правый фланг её 60-й стрелковой дивизии (178-я стрелковая бригада) 29 апреля значительно продвинулся, заняв местечко Тростянец. Левый фланг 41-й стрелковой дивизии также успешно продвигался вперёд, хотя и намного медленней.

5 июня I Конная армия перешла в решительное наступление. Главный удар пришёлся на польскую 13-ю пехотную дивизию и 3-ю кавалерийскую бригаду генерала Савицкого. 3-я бригада контратаковала красных, но была окончательно разбита. Кавалеристы Будённого прорвались к местечку Ружино. Командование 13-й пехотной дивизии сформировало в районе села Зарудинцы ударную группу для противодействия прорыву в составе одного пехотного полка, одной батареи и отряда из пяти танков, только что прибывших в Погребище. Но Конная армия обошла Зарудницы с севера. 1-й кавалерийской дивизии Корницкого было приказано следовать по пятам за Конной армией и ударить ей в тыл под Казатином. Но всё это не привело к цели.

Польский фронт на Украине к концу дня 5 июня был фактически прорван I Конной армией на стыке 6-й и 3-й польских армий. 6 июня части Конной армии приступили к порче железнодорожного полотна на указанных им участках и к снятию небольших гарнизонов по линиям этих дорог.

К вечеру 6 июня Конная армия расположилась на ночлег в районе Белополье — Нижгурцы — Лебединцы по обе стороны железной дороги Киев — Ровно. Посчитав отход поляков на Бердичев паническим бегством, получив от пленных сведения, что в Житомире находится штаб армии (а на самом деле там находился штаб фронта) и имея сведения о первых признаках эвакуации Киева, Будённый решил 7 и 8 июня захватить важные железнодорожные узлы и административные центры Житомир и Бердичев. Выполнение этой задачи возлагалось на 4-ю и 11-ю кавалерийские дивизии.

На рассвете 7 июня 4-я и 11-я кавалерийские дивизии стремительно атаковали неприятеля. Житомир был захвачен после небольшого сопротивления местного гарнизона в тот же день в 18 часов. В Житомире части Конной армии освободили около пяти тысяч советских

военнопленных и около двух тысяч комиссаров, находившихся в местной тюрьме.

Бердичев взять оказалось труднее. На улицах города завязались упорные бои, в результате поляки были выбиты из Бердичева, железнодорожная станция захвачена и разрушена и взорван польский склад боеприпасов, на котором находилось около миллиона артиллерийских снарядов.

3 июня была создана переправа через Днепр у села Печки, к югу от устья Припяти. 4 июня там началась переправа 73-й стрелковой бригады и Башкирской кавалерийской бригады. В течение дня 5 июня на правый берег Днепра переправилась 75-я стрелковая бригада, и 6 июня на Правобережье действовали уже две бригады 25-й дивизии — 73-я и 75-я, и Башкирская кавалерийская бригада, а 20-я стрелковая бригада 7-й стрелковой дивизии дожидалась своей очереди для переправы в районе села Окуниново. Одновременно 58-я стрелковая дивизия на Киевском плацдарме перешла в наступление своим центром и правым флангом и к вечеру 5 июня заняла рубеж Димирка — Красиловка — Требухово — Дударково.

7 и 8 июня советский десант форсировал Днепр у Печек (ударная группа Голикова), продолжая расширять свой плацдарм на правом берегу Днепра и выдвинувшись примерно на рубеж сёл Степановка — Оранное — Богданы — Сухолучье. На остальном фронте XII армии противники вели себя пассивно.

В ночь с 8 на 9 июня поляки начали очищать свой левобережный Днепровский плацдарм. Перешедшие в наступление красные части встречали лишь небольшие польские арьергарды и после непродолжительного сопротивления разгоняли их. То же наблюдалось и на участке группы Якира.

8 июня кавалерийская бригада Котовского заняла город Сквир. 44-я стрелковая дивизия направлялась на Васильков, и ей было приказано к 10 июня занять рубеж Рославичи — Каплица — Мотовиловка — Слобода. 45-я стрелковая дивизия направлялась на Фастов. Поляки, отступая, оставили и станцию Оратово.

10 июня фронт ударной группы Голикова проходил по правому берегу Днепра через Иванков — Рудню — Шпилевскую — Финевичи — Дымер. Башкирская кавалерийская бригада этой группы направлялась на станцию Тетерев. Группа Якира была сильно разбросана: 130-я стрелковая бригада 44-й стрелковой дивизии заняла район Мотовиловок и село Слободу, но две другие бригады этой дивизии к 10 июня достигли лишь района Василев — Германовка — Ольшанка. 45-я стрелковая дивизия находилась на марше к

Фастову, а кавалерийская бригада Котовского в этот день заняла местечко Романовку.

На всем остальном фронте армий Юго-Западного фронта, за исключением XIV армии, поляки или бездействовали, или отступали. К вечеру 10 июня поляки окончательно очистили свой плацдарм на левом берегу Днепра напротив Киева, уничтожив постоянные переправы. 71-я и 72-я стрелковые бригады 24-й стрелковой дивизии в это время сосредоточились уже в районе села Окуниново и готовились к переходу в местечко Горностайполь.

В ночь с 10 на 11 июня польские войска оставили Киев, сгруппировались в районе Лютеж — Новые Петровцы и Пуца-Водица и стали наводить переправы через реку Ирпень. Однако поляки продолжали упорно держаться на подступах к Киеву в районе железнодорожного узла. 141-я стрелковая бригада, переправившаяся на правый берег Днепра в районе села Осокорки, была отброшена поляками назад, на левый берег. Преследуя польские части на левом берегу Днепра, 68-я стрелковая дивизия 9 и 10 июня захватила около 350 пленных, 150 лошадей, много оружия и снарядов, а на станции Дарница — вагонный парк в двести вагонов.

К 11 июня наступление XII армии развернулось на широком фронте. Отряд Черниговского губвоенкома и мелкие экспедиционные отряды переправились через Припять и заняли Чернобыль. Ударная группа Голикова к вечеру 11 июня оседлала железную дорогу Киев — Коростень.

К концу дня 18 июня армии Юго-Западного фронта достигли: XII армия рубежа Копачи — Народици — Новаки; Конная армия заняла район местечко Горошки — Михайловка — Буда Бобрицкая — Яблонное — Соколов — Тетюрка и готовилась с утра 19 июня действовать во фланг и тыл Коростеньской группировки противника. Но к вечеру 18 июня командарму I Конной стало ясно, что под влиянием ударов XII армии Коростень не удержится. Командующий Юго-Западным фронтом приказал Будённому оставить в районе Коростеньского узла одну бригаду, а остальными силами двинуться на Новоград-Волынский, «каковой и должен быть взят безотлагательно». Фронт XIV армии проходил на 15 км северо-западнее Винницы, подходил к Жмеринке и далее захватывал местечки Старую и Новую Мурафу.

В тот же день 57-я стрелковая дивизия Мозырской группировки несколько раз пыталась переправиться на правый берег Днепра в районе Речицы, но попытки эти всякий раз отбивались.

К вечеру 19 июня части XII армии вышли на фронт Бениковка (на

Припяти) — Лубянка — Хабное — Купечь — Холостпо. Продвижение XIV армии успешно продолжалось. На участке Мозырской группировки Западного фронта в этот день бригада 57-й стрелковой дивизии переправилась через Днепр и вела наступление от села Оверцизны на Речицу, всё ещё занятую поляками.

27 июня главные силы Конной армии переправились через реку Случь и овладели городом Новгород-Волынский, после чего начали преследовать поляков в направлении на Корец. В это время 45-я стрелковая дивизия форсировала Случь на участке Урля — Новый Мирополь, направив кавалерийскую бригаду Котовского на местечко Любар. В районе села Синявы в этот день с переменным успехом шёл бой 8-й кавалерийской и сводной стрелковой дивизий с польскими частями.

В ночь с 28 на 29 июня 72-я стрелковая бригада 24-й стрелковой дивизии заняла Мозырь. Преследуя польские части, отходившие вдоль железной дороги на запад и на местечко Скригалов, части Мозырской группировки 29 июня подошли к станции Мозырь. На олевском направлении поляки держались крепко, и части 25-й и 7-й стрелковых дивизий продвигались вперёд крайне медленно. К вечеру их фронт проходил через села Пергу и Носака на Кишин и Зубковичи.

Преследуя поляков, части Конной армии 29 июня вышли на рубеж Сторожев — Корчма, что в 8 км к западу от местечка Корец — местечка Киликиев — Берездово — Краснотав. 45-я стрелковая дивизия вышла на рубеж сёл Дубровка — Ничиалы, направив в местечко Лабунь кавалерийскую бригаду Котовского, которая заняла это местечко, изрубив в нём батальон 19-го польского пехотного полка.

3 июля главные силы Конной армии переправились на левый берег Горыни и с утра 4 июля начали продвижение к Ровно. Вскоре они встретили польские части и вступили с ними в бой.

В «Описании боевых действий 1-й Конной армии» этот бой описывается так: «Части армии весь день 4 июля вели упорный бой. Противник засыпал наши части снарядами всех калибров как полевой артиллерии, так и с броневигов и автоброневых машин, развивавших в этот день особо интенсивную деятельность. Нашим частям из-за пересечённой лесистой местности зачастую приходилось действовать в пешем строю... Благодаря искусному маневрированию частей, ведущих демонстративное наступление, противник был введён в заблуждение, что в сильной степени помогло 14-й дивизии совершить обходное движение и появиться в тылу у противника. Движение наше было столь стремительно, что противник почти ничего не успел вывезти со ст. Ровно. В результате лихих атак в

конном строю и удачного обхода с юго-востока наши доблестные части 6-й, 11-й и 14-й дивизий в 23 часа 4 июля заняли город Ровно и ночью преследовали противника, бегущего в панике».

При занятии Ровно трофеями Красной армии стали: один бронепоезд, одна радиостанция, 1500 лошадей, два 150-мм орудия и многое другое. Пленных было взято 1000 человек.

В полосе наступления 33-й Кубанской стрелковой дивизии XV армии решено было применить танки. Огневую поддержку 33-й дивизии осуществляли артиллерийские группы 97-й и 98-й бригад, каждая из которых состояла из двух батарей 76-мм пушек обр. 1902 г. и одной 122-мм гаубичной батареи. Кроме того, в районе села Душки была размещена батарея 107-мм пушек обр. 1910 г., в задачу которой входила борьба с бронепоездами противника.

Артиллерийская подготовка в полосе наступления 33-й стрелковой дивизии началась 4 июля не в 4 ч. 30 мин., как планировалось, а в 6 часов, и продолжалась 15 минут. Это было вызвано тем, что в 3 ч. 30 мин. противник открыл сильный артиллерийский огонь по расположению 11-й стрелковой дивизии, в полосе обороны которой должна была перейти в наступление 33-я дивизия, и предпринял ограниченными силами разведку боем.

После короткой артподготовки в 6 ч. 15 мин. три советских танка Mk. V «Рикардо» в кильватерной колонне двинулись в сторону неприятельских позиций. Идти по-другому танки не могли из-за болотистой местности. Один «Рикардо» всё-таки съехал с дороги и застрял. У второго танка заглух двигатель. Только третий танк благополучно достиг линии проволочных заграждений и, прорвав их, дошёл до первой линии окопов. Однако и одного танка оказалось достаточно, чтобы польский 159-й резервный полк дружно кинулся бежать.

Атаку танков должен был поддержать 14-й автоброневой отряд (три броневика) и бронепоезд № 8 «Имени Раскольников»^[148]. Однако броневики прибыли слишком поздно. Зато орудия бронепоезда № 8 действовали эффективно в течение всего боя.

В ночь с 6 на 7 июля части советской XVI армии успешно форсировали Березину и захватили большой плацдарм на западном берегу. Главные силы XV и III армий к концу дня 11 июля овладели районом Молодечно. В тот же день XVI армия заняла Минск.

19 июля армии Западного фронта вышли на линию река Неман — станция Барановичи — станция Лунинец. III конный корпус занял Гродно, защищаемый слабым гарнизоном, так как бывшие впереди его польские

дивизии 7-й и 1-й армий, отступая под натиском частей Красной армии, ещё не достигли линии реки Неман.

Этот решительный успех армий Западного фронта тут же сказался на тоне дипломатов стран Антанты. 12 июля, воспользовавшись пребыванием в Лондоне наркома внешней торговли Л. Б. Красина, бывшего одновременно полпредом и торгпредом в Англии, английское правительство в лице лорда Керзона^[149] предъявило советскому правительству ноту о заключении в недельный срок перемирия с Польшей. Лорд Керзон при этом предлагал советским войскам отойти от естественных этнографических границ Польши на линию Гродно — Воловка — Немиров — Брест-Литовск — Дорогуск — Устилуг — восточнее Грубешова — Крылов — западнее Равы-Русской — восточнее Перемышля до Карпат. Затем лорд Керзон предложил на конференции в Лондоне обсудить условия мира РСФСР и Польши, при этом граница между Россией и Польшей намечалась согласно плану Верховного Союзного Совета, принятого в 1919 г., то есть по линии реки Западный Буг. В случае отказа нашего правительства от принятия этого предложения английское правительство объявляло, что страны Антанты будут помогать Польше всеми доступными для них средствами.

К концу июня 1920 г. в Варшаве наконец-то осознали масштабы поражения как в Белоруссии, так и на Украине. 1 июля был создан Совет обороны государства в составе Пилсудского, маршала сейма, премьер-министра, трёх членов правительства, десяти депутатов от различных парламентских партий и трёх представителей военного командования.

5 июля Совет постановил обратиться к странам Антанты с просьбой о содействии в мирных переговорах.

На переговорах с представителями Антанты 9–10 июля было решено, что содействие Антанты будет осуществлено при выполнении следующих условий: поляки отойдут на «линию Керзона», откажутся от претензий на литовские земли и согласятся на проведение в Лондоне мирной конференции представителей РСФСР, Польши, Финляндии, Литвы, Латвии и Восточной Галиции. Польша также должна была принять решения Антанты по вопросам её границ с Литвой, Чехословакией и Германией и о будущем Восточной Галиции.

В Москве обсуждение ноты английское правительство состоялось 13–16 июля. Мнения в советском руководстве разделились. Большевики не доверяли англичанам, справедливо считая, что главной целью Керзона была остановка наступления Красной армии. Всерьёз заставить Польшу принять «линию Керзона», а главное, гарантировать её, английское

правительство не желало. В результате никаких реальных последствий британская инициатива не имела.

Между тем боевые действия на Польском фронте продолжались без перерывов. 20 июля красная 15-я кавалерийская дивизия прорвалась на левый берег Немана в районе Гродно. К вечеру туда же вышла вся IV армия, а к вечеру следующего дня начали выходить и правофланговые части XV армии.

В это же время части III и XVI армий форсировали реку Шара и продолжали выдвигаться к городу Волковыску. К вечеру 22 июля на 70-километровом фронте от Гродно до Зельева развернулись три армии Западного фронта.

Но поляки не только держались на линии Немана, но и предпринимали попытки овладеть Гродно.

24 июля, после трёх дней напряжённых боёв, советские войска Западного фронта прорвали линию Гродно — река Неман — река Шара — Слоним. Форсировав Неман и Шару, 24 июля советские войска вступили в город Волковыск, 27 июля — в Осовец и Пружаны, а 30 июля был занят Кобрин.

Войска Юго-Западного фронта, развивая наступление на Львов, к 28 июля на широком фронте с боями форсировали реку Стырь.

Польское командование совместно с французским генералом Вейганом предприняло отчаянные усилия, чтобы задержать дальнейшее продвижение Красной армии и создать прочную оборону на реке Западный Буг.

Под руководством генерала Вейгана, взявшего в свои руки фактическое командование польской армией, был разработан и 6 августа утверждён план военных действий. Основная идея этого плана заключалась в следующем: 1) сковать советские войска на юге, прикрывая Львов и нефтяной бассейн; 2) на севере не допустить обхода вдоль германской границы, а также ослабить удар частей Красной армии путём отражения их атак предмостных укреплений на восточном берегу Вислы; 3) в центре — наступательная задача: быстрое сосредоточение на нижнем Вепже манёвренной армии, которая затем ударила бы во фланг и тыл войскам Западного фронта, атакующим Варшаву, и разбила бы их.

Таким образом, Вейган и польское командование, планируя укрепление и защиту Варшавы, одновременно готовили удар южнее — на люблинском участке, в тыл и фланг главным силам Западного фронта, которые наступали в обход Варшавы с северо-востока. Южный участок фронта в период боёв за Варшаву стал рассматриваться противником как второстепенный, имевший задачей главным образом прикрытие Львова и

нефтяного бассейна Галиции.

В соответствии с этим планом польские войска были разделены на три фронта: Северный, Средний и Южный.

Северным фронтом командовал генерал Галлер. В его составе находились три армии, из которых 5-я армия должна была обороняться на Нареве, 1-я армия — на подступах к Варшаве, 2-я армия получила задачу обороняться на левом берегу Вислы на рубеже Гура-Кальвария — Конвенице.

Средний фронт под командованием генерала Рыдз-Смиглы составлял манёвренную группу войск. Главной ударной силой этого фронта была 4-я армия, сосредоточенная в районе Демблин — Люблин. Основным направлением её действий был Минск Мазовецкий (Ново-Минск). От Люблина на юг должна была действовать 3-я армия. Перед ней стояла задача прежде всего обеспечить фланги и тылы района сосредоточения ударной 4-й армии, а затем, оставив конницу для прикрытия, наступать в северо-восточном направлении.

Южный фронт под командованием генерала Довбор-Мусницкого в составе 6-й армии и петлюровских частей должен был прикрыть Восточную Галицию.

Согласно плану, из 23-х польских дивизий 20 предназначались для Варшавской операции. На этом участке сосредоточивалась большая часть кавалерии. Боевой состав польских войск, выделенных для сражения на Висле, насчитывал 107,9 тысяч штыков и сабель. На вооружении войск находилось 1834 пулемёта, 108 тяжёлых и 526 лёгких орудий. Кроме того, они имели свыше 70 танков.

Три польские дивизии (6-я армия) и так называемая «Украинская армия» предназначались для обороны в районе Львова.

11 августа части Красной армии заняли Вышков и Пултук. Отступающие части поляков, усилившись 7-й резервной бригадой, 136-м пехотным полком и прибывшими запасными батальонами, под прикрытием бронемашин с упорными боями отходили по шоссе Пултук — Насельск и далее в район Новогеоргиевска. Противник, не считая достаточной на фланге 8-ю кавалерийскую бригаду, выдвинул в район Крюкова части 3-й кавалерийской дивизии, 16-й, 17-й, 18-й уланский и 2-й шволежерский полки.

Части Красной армии с упорными боями вышли на линию Сихоцин — река Вкра — Радимин — Окунев — река Висла — Гарволин и далее на Радин, а на подступах к Варшаве и на севере были встречены активными контратаками свежих войск противника. В боях под Сихоцином были

обнаружены части 18-й польской пехотной дивизии, переброшенной с Юго-Западного фронта, а в районе Баркова — 1-я Сибирская бригада, 211-й и 131-й пехотные полки, прибывшие из тыла.

Глава 27

Варшавская катастрофа и Рижский мир

6 августа Главком С. С. Каменев, разумеется, с санкции ЦК ВКП(б), приказал объединить все армии Польского фронта под началом командующего Юго-Западным фронтом М. Н. Тухачевского. В той же директиве говорилось: «...для объединения операций на всем Западном фронте против белополяков вместе с XII и I Конной армиями в состав Западного фронта будет включена и XIV армия, а поэтому необходимо подготовить и эту передачу, а командующему Западным фронтом подготовить и установить надёжную связь со штабом XIV армии. Разграничительная линия между Юго-Западным и Западным фронтами намечается г. Черкассы — Могилёв — р. Днестр до жел. дороги (с.-з. Залещик) и далее на м. Снятын — Куты — станция Ворохта — и далее по Карпатскому хребту до р. Ославы (всё для Западного фронта включительно). Эта разграничительная линия в достаточной мере говорит, что на новый участок Юго-Западного фронта также ложится ответственная задача по охране линии р. Днестр со стороны возможного нападения Румынии и наблюдение за побережьем Чёрного моря».

К середине августа главные силы Западного фронта на варшавском направлении вышли на линию Пултуск — Радимин — Седлец. Передовые части подошли к Варшаве. Часть сил фронта начала обходить Варшаву с северо-запада.

К этому же времени I Конная армия Юго-Западного фронта вела бои в 10 км от Львова. Её разведывательные части достигли предместий города. В этой обстановке войскам Западного фронта предстояло овладеть Варшавой. Но события развернулись не в пользу Красной армии.

По вине командования Западного фронта наступление на Варшаву проходило неорганизованно. Советские войска в результате длительного наступления были сильно утомлены, не получали пополнения, тылы оторвались от войск на 200–450 км. В результате этого артиллерия, пройдя с непрерывными боями 500–600 км, подошла к Висле измотанной и не в полном составе, имея весьма ограниченное количество боеприпасов.

Между тем противник пополнил свои силы, в изобилии получил боеприпасы и отошёл в сильно укреплённый Варшавский район.

Подступы к Варшаве с восточной стороны представляли собой

разветвлённый укреплённый район с двумя линиями укреплений и проволочными заграждениями на севере. В укреплённом районе, кроме полевых войск с их артиллерией, были расположены 43 батареи позиционного типа. Вся эта артиллерия была разделена на два участка и управлялась централизованно. Кроме того, укреплённый район усиливала разветвлённая сеть железных дорог, на которых курсировало большое количество бронепоездов.

Армиям Западного фронта, изнурённым в предыдущих боях, без тяжёлой артиллерии, с мизерным количеством боеприпасов для лёгкой артиллерии предстояло прорвать Варшавский укреплённый район.

Попытку такого прорыва можно проследить на примере действий 2-й стрелковой дивизии III армии.

Следуя за отходящим противником, 2-я стрелковая дивизия 12 августа подходила к Варшаве. 13 августа она получила задачу: к исходу 14 августа овладеть районом Радимин — Геленов и выйти на рубеж Королевский канал — Новый канал, выслав разведывательные подразделения к Висле.

Справа наступала 37-я стрелковая дивизия, которая, сбившись с разграничительных линий, завязала бой на рубеже Мокре — Радимин — Цемке.

Слева наступала 17-я стрелковая дивизия, которая, развернувшись к югу от железной дороги, наступала на Оссов.

При этом начальники 27-й и 17-й стрелковых дивизий, игнорируя директивы, ими полученные, имели лишь одну мысль — первыми войти в Варшаву, совершенно не учитывая возможности защиты города со стороны поляков.

Польские войска укрепились на рубеже Радимин — Геленов — Стара Чарна — станция Воломин — Лесняковизна.

14 августа перешла в наступление 5-я польская армия. Завязался встречный бой. Кое-где Красная армия продолжала наступление. Советская III армия во взаимодействии с левым флангом XV армии в этот день овладела двумя фортами крепости Новогеоргиевск. Однако в 10 часов утра 15 августа конница 5-й польской армии ворвалась в город Цеханув, где располагался штаб советской IV армии. Штабисты в беспорядке побежали, что привело к полной потере связи штаба армии как со своими частями, так и со штабом фронта. В результате весь правый фланг остался без управления.

Получив сведения о действии польских войск севернее Варшавы, командование Западного фронта приказало частям IV и XV армий разбить вклинившегося между ними противника, но, хотя части IV армии и имели

возможность выйти в тыл польским войскам севернее Варшавы, задача ими не была выполнена.

16 августа на рассвете польские войска перешли в активное наступление, сильно нажимая на правый фланг XV армии и на стык между XV и III армиями. В этот день 33-я стрелковая дивизия ворвалась в Цеханув и, захватив 1200 пленных и семь орудий, к 7 часам вечера очистила район от польских войск. Приданная начальнику 33-й дивизии кавалерийская группа из соединённых 85-го и 90-го кавалерийских полков начала преследование в панике бежавших в юго-западном направлении остатков польских частей.

В результате упорных боёв в течение 16 августа дивизии XV и III армий отошли на линию железной дороги Цеханув — Насельск и далее к станции Насельск — Пуна — Сероцк — Мокро, где продолжали с трудом сдерживать наступавшие польские части.

Все попытки Красной армии 14 и 15 августа прорваться через Варшавский укреплённый район и в районе южнее Окунева (Вионновка) были безрезультатны. Огонь польских бронепоездов и бронеавтомобилей, непрерывно курсировавших по разветвлённым железнодорожным линиям и шоссе, которые окаймляли фронт укреплённых позиций, беспощадно пресекал каждый шаг вперёд наших утомлённых и материально ослабленных дивизий.

К 16 августа польские войска отбросили части нашей 27-й стрелковой дивизии за реку Стругу, в то время как остальные дивизии XVI армии продолжали вести бои на линии, занятой ещё 14–15 августа.

16 августа началось наступление польских войск на фронте Цеханув — Люблин. С рассветом с реки Вепжа перешла в наступление ударная группа Пилсудского, которая без особых усилий прорвала слабый фронт Мозырской группы и стала быстро продвигаться на северо-восток.

Советские войска, утомлённые в результате 500-километрового безостановочного наступления, к тому же оставленные без боеприпасов, под натиском численно превосходящих польских войск с боями начали отход на восток.

И вот 20 августа, когда советские войска Западного фронта уже отступали от Вислы, была выведена из-под Львова I Конная армия и направлена в район Замостья. Это была запоздалая помощь Западному фронту. Вряд ли она теперь могла что-либо изменить на варшавском направлении.

Утром 19 августа польские войска выбили слабые части Мозырской группы из Брест-Литовска. Перегруппировать войска XVI армии не

удавалось, так как противник опережал советские части при выходе на любые пригодные для обороны рубежи.

20 августа польские войска вышли на линию Брест-Литовск — Высоко-Литовск — реки Нарев и Западный Буг, охватив с юга основные силы Западного фронта. К тому же всё это время польское командование имело возможность перехватывать все радиогаммы советского командования, что, естественно, облегчало действия польских армий.

В этих условиях 17 августа командование Западного фронта отдало приказ о перегруппировке войск к востоку (слово «отступление» так и не было произнесено), что фактически означало отступление советских войск с целью выхода из-под удара. Хотя ещё 18 августа Главком не терял надежды всё-таки взять Варшаву и создать у Брест-Литовска тыловую группу из 48-й и 55-й стрелковых дивизий, но расстройство тыла и железнодорожного сообщения рушило все эти планы. Фронту требовалось всего 67 паровозов (37 на линии Орша — Барановичи и 30 на линии Полоцк — Лида), но, увы, их не оказалось.

19 августа 1-я польская армия вышла на линию реки Ливец от Руда до устья, имея направление на город Остров. Но, не доходя до Острова и передав 8-ю пехотную дивизию в распоряжение 4-й армии, она круто свернула на север в направлении Остроленки. В это время 5-я польская армия, стремясь окончательно отрезать путь отхода советской IV армии, заняла 18-й пехотной дивизией Цеханув.

20 августа 5-я и 1-я польские армии нанесли удары с юга на север во фланг нашим IV, XV и III армиям в направлении Млава — Остроленка — Ломжа. Польские войска стремились как можно скорее сократить промежуток между реками Бобр и Нарев и границей Восточной Пруссии с целью покончить не только с IV армией, но и отрезать путь отхода частям XV и III армий, которые в это время находились на линии Остроленка — станция Малкин.

К 22 августа части советской XV армии сосредоточились в районе Ломжи, но из-за нажимавшего с юга противника были вынуждены свернуть на Граево и продолжать отход через Август и Гродно.

III армия под ударами с юга отходила от устья Бобра в полосе между Осовцом и Белостоком. К вечеру 20 августа части XVI армии, ведя упорные бои и отбиваясь от непрерывных атак противника, не удержали линию реки Нурец в районе Бельска и продолжили отход на Белосток.

Поляки напрягали все усилия, чтобы выиграть как можно больше на отходе красных. Наступление поляков с 22 по 24 августа стало наиболее интенсивным, после чего оно резко оборвалось, и наступило временное

затишье.

Части 2-й польской армии, преследуя отходящие дивизии XVI армии, к вечеру 22 августа вышли к Нареву и заняли район Страбля (1-я дивизия легионеров) — Заблудово (4-я кавалерийская дивизия) — Сураж (21-я пехотная дивизия). Польская 19-я пехотная дивизия (бывшая Литовско-Белорусская), выгрузившись 21 августа на станции Плятерово, к вечеру того же дня одной бригадой сосредоточилась в районе Семятичи, а другой к 22 августа прибыла в Бельск.

Ведя концентрическое наступление на Белосток, 2-я польская армия к утру 23 августа своей 1-й дивизией легионеров при поддержке 4-й кавалерийской бригады и частей 21-й пехотной дивизии после ожесточённого уличного боя захватила город Белосток.

24 августа части 4-й польской армии совместно с частями 2-й польской армии ударили от Едвабно и Тыкоцин и отбросили задержавшиеся дивизии III армии в северо-восточном направлении, захватив район Кольно.

К 25 августа дивизии красных XV, III и XVI армий вышли из-под непосредственных ударов поляков и стали устраиваться на новых позициях по линии Лииск — Кузница — Свислочь — Беловеж — 15 км восточнее Брест-Литовска. Материальные потери наших войск были огромны. Из состава XV армии только 1-я стрелковая дивизия отошла в порядке, ничего не потеряв. 11-я стрелковая дивизия потеряла часть артиллерии, части 4-й и 33-й стрелковых дивизий перешли границу Восточной Пруссии, где были интернированы.

Самые большие потери были в XVI армии. На протяжении всей Варшавской операции она была связующим звеном между ударной группой армий и левым флангом Западного фронта и после отхода Мозырской группы больше всего пострадала от наступления группы Пилсудского. Из пятнадцати бригад XVI армии в организационном и боевом отношении ей удалось сохранить по одной бригаде от 8-й и 17-й стрелковых дивизий и две бригады из 27-й стрелковой дивизии. Большая часть артиллерии была потеряна. Под Мгленчицами под натиском польской 4-й кавалерийской бригады и 15-го уланского полка была полностью уничтожена ударная артиллерийская группа XVI армии. В этом бою артиллерийская группа потеряла убитыми и пленными 49 командиров, 1613 красноармейцев, 37 орудий и 1441 лошадь.

Некоторые дивизии за время отступления почти полностью лишились своей артиллерии. Так, например, в 21-й стрелковой дивизии эти потери составили 85 %, а в 8-й стрелковой дивизии — все 100 %. За полтора месяца отступления Западный фронт потерял 35 % всего состава

артиллерии, которую он имел в начале польского наступления.

Теперь войска IV армии должны были прорываться с боями через «барьеры» 1-й, 4-й и 5-й польских армий, выходивших к границе Восточной Пруссии. К 22 августа войска IV армии подошли к Млаве, в район которой уже вошла 18-я польская пехотная дивизия. Надо было прорываться, так как на фланги и Тыл нажимали польские отряды Нижней Вислы и Поморья. После нескольких часов боя прорыв удался.

Далее IV армия двинулась вдоль прусской границы на Хоржеле — Мышинец — Кольно — Граево. Но на этой приграничной дороге скопилось огромное количество тыловых учреждений, что сильно затрудняло движение частей IV армии. Начальник штаба 12-й стрелковой дивизии докладывал начальнику полевого штаба реввоенсовета: «Начиная с местечка Хоржеле, на единственную дорогу IV армии стали выходить с юга обозы XV и III армий, которая и оказалась забитой учреждениями трёх армий на десятки километров, что повело к постоянным задержкам и медлительности движения. Прикрытие этой массы обозов с юга возложено было на 18-ю стрелковую дивизию, но ввиду неосведомлённости частей и самих обозов, при появлении на флангах даже своих частей вело к панике и уходу отступающих войск и обозов за границу. При движении от Мышинца к Кольно никакого прикрытия дороги с юга не было, хотя это было возложено на 18-ю стрелковую дивизию, чем и воспользовался противник, захвативший гор. Ломжу.

Отсутствие прикрытия и оставление целыми мостовых сооружений на железной дороге и шоссе Ломжа — Кольно позволили противнику провести к Кольно бронепоезд с пехотой и обстрелять ружейным и артиллерийским огнём те многочисленные обозы, которые бесконечно тянулись ещё далеко к западу от Кольно. Поднявшаяся паника в уставших и издёрганных частях была настолько велика, что большая часть обозов и артиллерии была оставлена тут же на шоссе, другая же часть повернула на север и перешла границу Восточной Пруссии.

О судьбе отступающих дивизий IV армии в это время до штаба Западного фронта доходили очень смутные сведения. Так, например, командующий Западным фронтом 25 августа получил радиотелеграмму следующего содержания: „С громадными трудами и упорными боями 25 августа подошёл к Кольно. Вся пехота...“ радио на этом прерывалось^[150]. Командующий Западным фронтом полагал, что если части корпуса пробьются ещё километров на 20, примерно до Щучица, то будут спасены.

24 августа сильно перемешанные колонны IV армии и отдельные части XV армии вели весь день упорные бои в районе Мышинец — Кольно.

25 августа, не выдержав сильного огня и ожесточённых атак 15-й и 8-й пехотных дивизий и резервной бригады поляков, части IV армии (18-я, 53-я, 54-я, 12-я стрелковые дивизии) и XV армии (33-я и 4-я стрелковые дивизии) переходят границу Восточной Пруссии».

17 августа 3-я и 4-я польские армии вышли на линию Колбель — Седлец — Бела — Словатиче, левый фланг Мозырской группы был отодвинут на правый берег Западного Буга на линию Нища — Словатичи. Командующий Западный фронт директивой от 17 августа приказал XII армии главными силами овладеть районом Холм — Любартов, а для более успешного выполнения этой задачи 58-я стрелковая дивизия была возвращена в XII армию.

Ещё 19 августа Брест-Литовск был занят 3-й польской дивизией легионеров, которая оставалась там до 22 августа. В это время дивизия вела разведку в кобринском направлении, нависая над правым флангом XII армии.

До подхода в район Сокаля 25 августа I Конной армии польские войска на фронте XII армии, прикрываясь слабыми заслонами в районе Влодава — Холм, постоянно производили небольшими партиями налёты на наши части. Так, например, переправившись через Западный Буг у деревни Болчино, поляки захватили в плен батальон 225-го полка. И так было до 25 августа, когда польские армии оттеснили наши части по линии Гродно — Белонеж — восточнее Брест-Литовска и заставили войска IV армии интернироваться в Восточной Пруссии, части 3-й польской армии вполне справлялись с поставленной им задачей и не допустили диверсии со стороны красной XII армии.

К моменту выхода I Конной армии с Львовского направления на север расположение XII армии было следующим: 58-я стрелковая дивизия занимала линию Каменка — Голендры; 25-я стрелковая дивизия и группа Голикова — по правому берегу Западного Буга от Забужья — Опалин — Гусынне — Уханька — Быстраки. 44-я и 24-я стрелковые дивизии занимали фронт по левому берегу Западного Буга от Быстраки — на Грубешов — Тышовцы — Телятин — Каменка — Баратынь — Кристынополь — Волевин. На правом фланге XII армии части Мозырской группы в это время вели наступление на Клецели и находились в 35 км южнее Каменец-Литовска и в 8 км восточнее Брест-Литовска (Задворны — Вычулки). 2-я кавалерийская бригада занимала Черновцы, Сводный отряд находился в 10 км юго-восточнее Брест-Литовска.

Боевые действия I Конной армии в составе Западного фронта фактически начались только с 25 августа.

Несмотря на сильные дожди, которые сильно затрудняли движение I Конной армии, к вечеру 28 августа, преодолев сопротивление противника, её дивизии заняли следующие районы: 14-я кавалерийская — Конюхи; 4-я кавалерийская — Снятыче; 6-я кавалерийская — Крынине — Лабуне — Комаров; 11-я кавалерийская — Рахане — Чартовец.

29 августа в час ночи Будённый приказал продолжать выполнение рейда с задачей к вечеру 29 августа овладеть районом Замостья, причём 14-я кавалерийская дивизия должна была занять район Ситно; 4-я кавалерийская дивизия — район Вербы — Ситанце; 6-я кавалерийская дивизия — район Злоец, и 11-я кавалерийская дивизия — район Рушев — Лабуне. В 12 часов дня 29 августа дивизии приступили к выполнению поставленных задач.

30 августа 6-я и 11-я кавалерийские дивизии перешли в наступление и к вечеру достигли района Лубане — Замостье — Ситно, заняв железнодорожную станцию Занады.

В это же время поляки с юга перешли в энергичное контрнаступление. Имея численное превосходство, они заняли Лабунскую — Комаров — Тышовцы — Новоселки и теперь совершенно отрезали I Конную армию от её тыла. Желая окончательно захватить части Конной армии в кольцо и уничтожить, польские части, действуя с севера, вышли на линию Завады — Ситанец — Грабовец — Гдешин.

Эти успешные действия польских частей показывали, что задуманный красными рейд на Люблинском направлении обречён на неудачу. Чтобы выйти из создавшегося положения, части Конной армии, под проливным дождём, передвигаясь по совершенно размытым дорогам, вели в течение всего дня и ночи 31 августа упорные бои с окружившим их противником.

К 25 августа установилась новая линия фронта: местечки Липск — Кузница — западнее Волковыска — Беловеж — восточнее Брест-Литовска и далее по Западному Бугу и западнее города Грубешов.

Следует отметить, что советское командование принимало все меры для подвода резервов для Западного фронта. При этом нельзя забывать, что в июне 1920 г. Врангель развернул большое наступление на юге Украины. Рассказ о борьбе с «чёрным бароном» выходит за рамки работы. Поэтому я лишь замечу, что Врангель, вопреки эмигрантским байкам, не только не брезговал вступить в союз с поляками, а наоборот, направил в Варшаву миссию генерала Махрова. Другой вопрос, что Пилсудский не захотел всерьёз вступать в переговоры с Врангелем, а использовал Махровскую миссию для шантажа большевиков.

4 сентября в XV армию прибыли 1000 питерских коммунистов, 450

человек из них были отправлены в III армию.

К этому времени 55-я стрелковая дивизия сосредоточилась в районе Барановичей, туда же подтягивалась и сводная дивизия ВОХР. На фронте IV армии из отдельных кавалерийских частей сводилась 17-я кавалерийская дивизия. Командование Западного фронта рассчитывало к 15 сентября довести боевой состав своих армий до 6000 штыков каждую, и к этому времени, по его мнению, фронт должен был стать вполне боеспособным.

Для приведения в порядок нашей железнодорожной сети были приняты энергичные меры, которые не замедлили дать свои положительные результаты. Прежде всего, началась перешивка головных железнодорожных участков на широкую колею. Для развития магистральных военных дорог приступили к перешивке железной дороги Минск — Бобруйск с веткой на Осиповичи — Слуцк и к срочной постройке железнодорожного моста через Березину у Бобруйска. Кроме того, началось строительство железнодорожного моста на Днепре у Речицы и моста для второй колеи у Борисова.

Поляки продолжали наступление, но уже с меньшей настойчивостью. 12 сентября они захватили Кобрин, а оттуда броневики вместе с посаженной на автомобили пехотой стремительно продвинулись по Ковельскому шоссе, овладели Ковелем, при этом временно нарушив управление частями XII армии. Захватив Ковель, польские войска начали расширять прорыв между внутренними флангами IV и XII армий, особенно надавливая на те её части, которые были расположены к югу от Ковеля в районе Владимира-Волынского.

Пользуясь выходом из боя значительной части I Конной армии, поляки развили энергичные действия не только на её фронте, но и в её тылу. Так, воспользовавшись содействием партизанских отрядов в тылу, польские части 16 сентября заняли Луцк, и 44-я стрелковая дивизия XII армии начала отход за реку Стирь, причём ей было приказано задержаться на реке Стубель у местечка Деражня. Следующий оборонительный рубеж для XII армии намечался от Чарторыска до местечка Деражня.

18 сентября части Красной армии оставили Ровно, а 19 сентября на участке XVI армии поляки овладели городом Пружаны и вытеснили красных из Беловежской пущи, не ослабляя при этом нажима на 48-я стрелковую дивизию по шоссе Белосток — Волковыск.

21 сентября Главком принял решение организовать новый Южный фронт в составе VI, XIII и II Конной армии под командованием М. В. Фрунзе. В состав же Юго-Западного фронта вновь включались XII и I Конная армии. Полевой штаб Юго-Западного фронта переносился в Киев, а

Южного фронта — в Полтаву.

24 сентября началось наступление 2-й польской армии, действовавшей на участке советской III армии. В состав 2-й польской армии входили: 1-я горная дивизия, 3-я пехотная дивизия легионеров, 1-я Литовско-Белорусская дивизия, 17-я пехотная дивизия, Сибирская бригада, 2-я и 4-я кавалерийские бригады и 1-я пехотная дивизия легионеров.

В ночь с 24 на 25 сентября части советской III армии, находившиеся ещё на левом берегу Немана, покинули его и отошли на правый берег реки, где заняли следующий боевой порядок: 6-я стрелковая дивизия заняла восточный берег Немана от села Грандичи включительно до Понемунь исключительно. Южнее, от Понемунь включительно до местечка Лунно исключительно, располагалась 5-я стрелковая дивизия. 56-я стрелковая дивизия занимала Гродно и восточные форты крепости. Части 21-й стрелковой дивизии, достигшие накануне вечером местечка Острино, уже в 6 часов утра 25 сентября двинулись в район Новой Руды. Части 2-й стрелковой дивизии подходили к району местечка Озёры, которого они должны были достичь к 12 часам 25 сентября.

Литовские войска начали вступать в районы, из которых уходила Красная армия, в ряде мест завязывая бои с поляками.

26–27 сентября начался планомерный отход III советской армии. Поляки пытались помешать этому. Красные отходили с боями. Так, 56-я стрелковая дивизия 27 сентября, встретив на пути поляков, энергично контратаковала их. При этом был разгромлен 4-й Подхолянский полк. В руки красным попали 220 пленных, 6 пушек Гочкиса и 12 пулемётов.

К вечеру 27 сентября части 1-й добровольческой дивизии поляков и кавалерийские части выбили из белорусского местечка Жирмуны у города Лида 33-ю стрелковую дивизию.

23 сентября поляки прорвались на стыке XV и XVI армий, захватили Волковыск и начали развивать свой успех, отжимая правый фланг 48-й стрелковой дивизии (правофланговой дивизии XVI армии) к юго-востоку. Но контрудар армейского резерва XV армии (27-я стрелковая дивизия) не только вернул обратно Волковыск, но разгромил 15-ю Великопольскую пехотную дивизию, взяв при этом много пленных и орудий.

Эта частная победа дала Красной армии несколько дней спокойствия, но 26 сентября советские части вновь были вынуждены оставить Волковыск в связи со сложным положением красных на гродненском направлении.

В связи с отходом III армии XV и XVI армии также отошли сначала на линию реки Шара, а затем — на линию старых русско-германских позиций.

Одновременно с отходом главных сил Западного фронта к востоку продолжался отход на восток и XII армии, причём лесисто-болотистый район долины Припяти заставлял её тяготеть более к Юго-Западному фронту, и потому эта армия 26 сентября была вновь подчинена командованию Юго-Западного фронта с возвращением в её состав 24-й и 44-й дивизий.

26 сентября банды Булак-Балаховича^[151] прорвались через южный фас расположения советской IV армии, сбив её заставу у Невельской переправы и разрушив железнодорожный путь у станции Молотковичи.

2 октября отряды Булак-Балаховича ворвались в Пинск, где в это время находился штаб IV армии. Гарнизон Пинска состоял из запасного полка и наскоро собранных отрядов, которые не оказали противнику достаточного сопротивления. Часть штаба армии успела прорваться на поезде в Луинец, командуя же армией с начальником штаба и членами реввоенсовета отправились верхом к главным силам армии, которые находились ещё намного западнее Пинска.

Таким образом, налёт банды Булак-Балаховича на Пинск разрезал управление IV армии и её саму на две части. Одна часть армии оказалась к востоку от реки Ясельда и начала управляться непосредственно распоряжениям командующего Западным фронтом.

К 25 сентября Главком Каменев вернул обратно Юго-Западному фронту XII армию.

С 26 по 30 сентября XII армия отходила и устраивалась на намеченном её командующим рубеже. Её отход осложнялся прорывом противника по Новоград-Волынскому шоссе от Ровно в направлении Корец. В то же время поляки не оставляли в покое и XIV армию, которая под их нажимом отходила на фронт Юзефполь (25 км южнее местечка Любар) — Летичев — Деражня — Зиньковцы — река Калюс.

К 20 октября линия Юго-Западного фронта проходила по рекам Уборть и Случ, через местечко Сальница, Литин, Межиров, Носовецкая и далее по реке Мурафе.

Следует заметить, что 18 октября закончились боевые действия с польскими частями, но отряды Петлюры и Булак-Балаховича продолжали боевые действия при поддержке поляков. К этому времени отряды Булак-Балаховича насчитывали 7–8 тысяч штыков, 3 тысячи сабель, 36 орудий и 150 пулемётов.

9 ноября отряды Булак-Балаховича перешли в наступление вдоль Припяти по обоим её берегам, тесня слабые и разбросанные на большом протяжении части 10-я стрелковой дивизии, на которую обрушился их

первый удар. 10 ноября Булак-Балахович занял Мозырь, а 11 ноября — важную железнодорожную станцию Калинковичи. В течение 13 и 14 ноября 10-я стрелковая дивизия вела упорные бои с отрядами Булак-Балаховича и даже овладела станцией Калинковичи, но вскоре была оттуда выбита.

16 ноября против Булак-Балаховича начали наступать 17-я и 48-я стрелковые дивизии, и к вечеру 17 ноября 48-я дивизия заняла станцию Калинковичи. В ночь на 20 ноября у Булак-Балаховича 17-й дивизией был отбит Мозырь. 22 ноября отряды Булак-Балаховича в районе станции Житкевичи перешли на территорию, занятую польскими войсками.

Прежде чем перейти к мирным переговорам, стоит рассмотреть некоторые политические аспекты войны. Ещё в конце 1918 г. на Украине, в Белоруссии и Литве под личным контролем Пилсудского была создана агентурная сеть «Польская военная организация», вербовавшая в свои ряды этнических поляков, проживавших на этих территориях. В конце апреля 1920 г. «Польская военная организация» приступила к сбору сведений о состоянии РККА, к проведению диверсий и созданию бандформирований. Летом 1920 г. ЧК удалось разгромить наиболее крупные отделения «Польской военной организации» в Киеве, Одессе, Харькове, Житомире, Минске, Бобруйске, Гомеле, Орше, Москве и Петрограде. Ряд ячеек «Польской военной организации» был уничтожен в 1921 г. в Харькове, Киеве, Белой Церкви, Одессе и Умани.

В свою очередь, по указанию Ленина 19 июля 1920 г. было создано «Польское бюро ЦК РКП(б)». Оно считалось специальным органом ЦК РКП(б) на Западном фронте. В состав «Польбюро» вошли Ф. Э. Дзержинский (председатель), Ф. Я. Кон, Ю. Ю. Мархлевский, Э. Я. Прухняк, Ю. (И. С.) Уншлихт, Ф. Я. Прухняк (технический секретарь).

«Польбюро» мобилизовало на Польский фронт 5700 коммунистов-поляков из 18 тысяч состоявших в РКП(б). 28 июля 1920 г. частями XV армии был занят крупный промышленный город Белосток. Через два дня, 30 июля, там Дзержинским был создан верховный орган власти в Польше — «Польский революционные комитет» («Польревком»). Вообще-то говоря, 30 июля Дзержинский был ещё в Вильно, но обстоятельства заставили его спешить, и Манифест, и извещение об образовании Польревкома были отпечатаны с датой 30 июля. Польревком в Манифесте к рабочим объявил себя революционной властью и приступил к осуществлению советской власти на территории Польши. Председателем стал Ю. Ю. Мархлевский, членами Ф. Э. Дзержинский, Ф. Я. Кон,

Э. Я. Прухняк, И. С. Уншлихт. 2 августа в Белостоке состоялся массовый митинг рабочих, на котором выступили Мархлевский и командующий Западным фронтом М. Н. Тухачевский.

Дзержинскому удалось организовать снабжение рабочих Белостока продовольствием. На его запрос был получен из Центра ответ: «В Минск отправлено 15 вагонов, в Вильно отправлено 15 вагонов, в Белосток отправлено 10 вагонов... Достигнуто соглашение удовлетворить гражданское население временно из запасов IV армии».

Польревком намеревался установить торговые отношения с соседней Германией. В телеграмме Герсону Дзержинский давал указания связаться с Высшим советом народного хозяйства (ВСНХ) и с Внешторгом и сообщить о широких возможностях приобретения в Германии предметов военного и иного потребления, просил прислать уполномоченных для организации этого дела. В другом письме Герсону, от 19 августа, он просил доложить о возможностях крупного товарообмена с Германией и покупки на иностранную валюту необходимых товаров.

Следует отметить, что Германия в советско-польском конфликте держала строгий нейтралитет, но была более благоприятно настроена к РСФСР, чем к Польше.

С 6 августа Дзержинский приступил к формированию Польской Красной армии, командовать которой был назначен Роман Войцехович Лонгва — бывший штабс-капитан царской армии, к 6 августа 1920 г. командир 2-й стрелковой дивизии. Дзержинский советовал Лонгве связаться с Москвой для вербовки военнопленных «из лагерей внутренней России — в Костроме, Ярославле и других городах. Там очень много рабочих». В сентябре 1920 г. в Бобруйске были созданы даже курсы польских красных командиров (свыше тысячи курсантов).

Серьёзным изъяном в деятельности Польревкома стало отсутствие устойчивой связи с польскими коммунистами по ту сторону фронта.

В связи с поражением Красной армии под Варшавой Польревком был упразднён, а Польшбюро переехало в Минск, а затем — в Смоленск. Через несколько месяцев после подписания мирного договора Польшбюро прекратило своё существование.

12 октября 1920 г. в Риге было подписано Советско-Польское соглашение о перемирии. По его условиям, военные действия должны были прерваться немедленно.

Постоянный мирный договор между Россией и Польшей был подписан 18 марта 1921 г., и тоже в Риге. По этому договору государственная граница между Польшей, с одной стороны, и РСФСР, УССР и БССР, с другой,

устанавливалась по линии г. Дрисса — г. Дисна — 30 км западнее Полоцка — ст. Загатье, откуда граница шла в юго-западном направлении до Радошковичей и Ракова (западнее Минска 30 км), а оттуда поворачивала на юг до истоков реки Морочь и по ней до впадения её в реку Случ, откуда почти прямо на юг до г. Корец в 30 км западнее Новоград-Волынского, затем в юго-западном направлении шла через г. Острог, Кунев на Ямполь, откуда в южном направлении проходила через Щасновку — Волочиск — Сатанов — Гусятин до Хотина.

Стороны взаимно отказывались от возмещения своих военных расходов.

Россия освобождала Польшу от ответственности по долгам и иным финансовым обязательствам Российской империи.

Россия и Украина обязались уплатить Польше 30 млн рублей золотом в качестве польской части золотого запаса бывшей Российской империи и как признание отделения Польши от России.

Россия и Украина возвращали Польше 300 паровозов, 260 пассажирских и 8100 товарных вагонов. Кроме того, Россия оставляла на территории Польши тот подвижный состав, который принадлежал РСФСР и УССР, приспособленный для широкой («русской») колеи и ранее принадлежавший Российской империи. Этот состав насчитывал 255 паровозов, 435 пассажирских и 8859 товарных вагонов. Таким образом, Россия передала Польше в общей сложности 555 паровозов, 695 пассажирских и 16 959 товарных вагонов. Общая сумма стоимости возвращаемого или передаваемого в виде дара подвижного состава от России для Польши оценивалась в 13 млн 149 тыс. золотых рублей в ценах 1913 г., а общая сумма всего другого железнодорожного имущества, передаваемого вместе с вокзалами, оценивалась в 5 млн 96 тыс. золотых рублей, то есть объединённая сумма железнодорожного имущества, поступившего от России в Польшу, составила 18 млн. 245 тыс. рублей золотом в ценах 1913 г.

Любопытно, что даже в капитальных трудах польские историки дипломатично не упоминают о требовании Польши передать ей все ценности, когда-либо вывезенные за время, прошедшее после первого раздела Польши. Поляками были предъявлены требования на многие памятники, хранившиеся в Артиллерийском историческом^[152] и Суворовском музеях. Им отдали 57 пушек XVI–XVIII в., 67 знамён и штандартов. При тщательном сличении гербов, девизов и других геральдических символов на знамёнах и штандартах историк П. И. Белавенец установил, что все они не польские, а шведские, и

представил польской стороне такие убедительные доказательства, что поляки от претензий отказались. Но в 1932 г. требование возобновили, и русская сторона, «чтобы не портить отношений», всё же несправедливо требуемое отдала.

Из собрания Суворовского музея, хранившегося в это время в Артиллерийском историческом музее, поляки забрали ключи от Варшавы и серебряные литавры, поднесённые А. В. Суворову варшавским магистратом в 1794 г., много польских знамён, оружия и других предметов тех времён. Кстати, пицаль «Инрог», взятую поляками у нас под Смоленском, русские купцы выкупали потом золотом.

К слову, все эти ценности, силой вытщенные из русских музеев, впрок ляхам не пошли. В 1939 г. они стали трофеями немцев, и в основном были приватизированы германским командованием. Так что ключи и литавры Суворова попали к новым победителям Варшавы.

Глава 28

Санация или маразматизация всей страны?

Итак, Польша вышла победительницей из войны. Теперь в её границах этнических поляков было менее 66 %, остальное население составляли немцы, русские, украинцы, белорусы и евреи. Точные цифры установить невозможно, поскольку польские власти считали поляками всех католиков и униатов. Вновь начались преследования «диссидентов», то есть не католиков. По данным польских историков Дарьи и Томаша Наленча, настроенных, кстати, весьма патриотично, «...некогда униатские, а более ста лет православные церкви на Волыни были превращены в католические костёлы и целые деревни стали польскими. Только на Волыни к 1938 г. были превращены в костёлы 139 церквей и уничтожено 189, осталось лишь 151»^[153].

В качестве примера стоит упомянуть о судьбе кафедрального собора Александра Невского в Варшаве. Он был построен в конце XIX в. на добровольные пожертвования. Стены и своды украшали мозаики, выполненные под руководством В. М. Васнецова. Самая большая мозаика «О Тебе радуется» имела площадь 1000 кв. м. Интерьер украшали 16 яшмовых колонн, подаренных Николаем II. Собор вмещал до 3000 молящихся. Колокольня, напоминавшая московскую Ивана Великого, возвышалась над городом на 73 м. На верху её была устроена популярная у туристов смотровая площадка. И вот с 1920 по 1926 г. поляки с большим трудом разломали этот величественный храм. Украшения собора были разворованы. Позже несколько мозаичных фрагментов украсили костёл Марии Магдалины в предместье Праге, а яшмовые колонны собора в конце концов установили над могилой маршала Пилсудского в Кракове.

Замечу, что собор Александра Невского, в отличие от храма Христа Спасителя, никому не мешал. И в 1926 г. противником польских панов была не царская Россия, а атеистический Советский Союз. Разумные политики могли сделать этот собор символом борьбы против «безбожного большевизма», местом общения белогвардейских элементов и т. д. Но ненависть ясновельможных панов к православию и всему русскому затмила политическую целесообразность.

Я ни здесь, ни в других местах не собираюсь судить власти любой страны с точки зрения международного права, а тем более с точки зрения так называемых «общечеловеческих ценностей». Я пытаюсь оценивать действия правителей лишь с точки зрения выгоды страны, ими управляемой. Диктатор Пилсудский и прочие ясновельможные паны потеряли всякий рассудок в 1918–1920 гг., смертельно рассорившись с двумя сильнейшими государствами мира — Германией и Россией, воспользовавшись их временной слабостью.

А был ли иной выход? Да, был. Но для этого панам националистам пришлось бы делать только то, к чему они громогласно призывали. Хотели независимого национального государства, ну и собрали бы все земли, где большинство составляют этнические поляки, и провели бы по ним границу. А затем можно было бы провести обмен неполяков из Польши на поляков из России и Германии. Хороший пример дали Турция и Греция, которые по окончании войны в 1922 г. отправили полтора миллиона греков в Грецию и полмиллиона турок в Турцию. Окончательно территориальных претензий это не исключило, но войны между ними в грозные 30–40-е г. не произошло^[154].

С начала 20-х гг. польские дипломаты стали создавать на Западе имидж Польши, выставляя её в качестве барьера против большевизма. Именно для этого был подписан 21 февраля 1921 г. договор о союзе с Францией. Увы, поляки напрочь забыли собственную историю и не помнили, что Франция традиционно была союзницей Речи Посполитой, но ни разу, за исключением 1807–1812 гг., не сумела оказать действенную помощь Польше.

К началу 1926 г. экономическое положение Польши существенно ухудшилось. Этим воспользовался маршал Пилсудский^[155], устроивший 12 мая военный переворот. После трёхдневных боёв путчисты заняли Варшаву. Законное правительство В. Витоса было свергнуто. Президентом Польши стал ставленник Пилсудского И. Мосницкий, фактическим же правителем вновь стал «первый маршал».

В своё время Наполеон бросил крылатую фразу: «Можно прийти к власти на штыках, но сидеть на них нельзя». Престарелому маршалу нужны были какие-то идеи. И вот его советники подсунули идею «санации», то есть оздоровления нации. Но, увы, «санация» оказалась пустой болтовнёй, она не могла решить ни экономических, ни социальных проблем и тем более сплотить население Польши в единую нацию.

Маршал Пилсудский разговаривает с депутатами Сейма. «Я очень люблю беседовать с панями».

Рисунок из журнала «Муха». 1927 г.

В 1931 г. Пилсудский официально ввёл в стране военно-полевые суды. За один только 1931 год по политическим мотивам польские власти арестовали 16 тысяч человек, а 1932 г. по тем же мотивам было арестовано уже 48 тысяч человек.

После 1926 г. заметно усилилось «осадничество». Осадниками в Польше назывались поляки-переселенцы, направленные на Украину. Большинство осадников были ветеранами польской армии. Несмотря на то

что украинские земли и так были густо заселены, польские колонисты именно здесь получали большие наделы лучших земель и щедрые денежные субсидии. Польские власти единовременно давали осаднику от 15 до 40 гектаров земли. Так, в Белоруссии осело 300 тысяч осадников, в Восточной Галиции и Волыни — около 200 тысяч.

С лета 1930 г. участились нападения украинцев на дома польских помещиков и осадников. Только летом 1930 г. в Восточной Галиции было сожжено 2200 домов поляков. Армейские части заняли там около 800 сёл и разграбили их. Было арестовано свыше двух тысяч украинцев, из которых почти треть получили большие тюремные сроки^[156].

Польская верхушка не могла дать стране ни экономических, ни социальных реформ, в результате самым действенным продолжал оставаться старый лозунг: «От можа до можа».

Этим и объясняется двойственность внешней политики Польши в 20–30-х гг. XX в. С одной стороны, дипломаты делали попытки нормализовать отношения с великими соседними державами. Так, 25 июля 1932 г. заместитель наркома иностранных дел Николай Крестинский и заместитель министра иностранных дел Стефан Патек подписали в Москве пакт о ненападении. А 26 января 1934 г. в Берлине министр иностранных дел Иосиф Липский и Фрейхер фон Нейтрат подписали «Германо-польскую декларацию о необращении к силе». Замечу, что ни в пакте, ни в декларации не было ни слова о польских границах.

А между тем никто в Польше не снимал лозунга о возвращении границ 1772 г. В сентябре 1930 г. польский министр иностранных дел Залесский сказал президенту данцигского сената: «Данцигский вопрос может разрешить лишь польский армейский корпус». И это говорилось о Данциге, который был населён немцами и несколько столетий принадлежал Пруссии, но волею Антанты был сделан «вольным городом». Поляки неоднократно устраивали провокации, и военные, и экономические, чтобы спровоцировать захват «вольного города». Польские политики открыто требовали присоединения к Польше «Восточной Пруссии и Силезии». Несколько раз министр и даже президент страны называли Балтийское море Польским морем.

Германский разведчик и историк Оскар Райле писал о польском министре иностранных дел Беке^[157]: «Всё больше и больше Бек склонялся к тезисам историка Адольфа Боженского, который провозглашал политику кровопролития как единственно верную для Польши. Он задумал с помощью держав Запада снова ввергнуть Европу в большую войну.

Поскольку Первая мировая война дала Польше самостоятельность и вернула часть исконных польских земель, следовало надеяться, что другая большая война подарит Польше остальные территории, на которые она могла притязать»^[158].

Замечу, что после смерти Пилсудского (12 мая 1935 г.) Бек в Польше, будучи министром иностранных дел, значил куда больше, чем быстро сменявшиеся премьеры и президенты с труднопроизносимыми фамилиями. Поэтому западная пресса до сентября 1939 г. польское правительство именovalo правительством Бека.

Я не собираюсь представлять Польшу в роли главного агрессора в Европе, но Пилсудский был не хуже и не лучше, чем тот же Муссолини или Маннергейм. Один желал сделать Средиземное море Итальянским, а другой мечтал о Великой Финляндии с Карелией, Ленинградской, Вологодской, Мурманской и Архангельской губерниями. Другой вопрос, что если немцам, итальянцам и японцам вначале удалось кое-что захватить, то полякам не везло с самого начала, и они решили из захватчиков записаться в жертвы. Увы, и Польша, и Финляндия по своим территориальным претензиям и свирепым диктаторским режимам куда ближе к агрессорам — Германии, Италии и Японии, нежели к жертвам — Бельгии, Голландии, Дании и др.

Первые годы после Рижского мира на польско-советской границе постоянно происходили стычки и перестрелки. На территории Польши формировались различные белогвардейские и петлюровские банды, которые при пособничестве польского командования периодически вторгались на территорию РСФСР и СССР. Это заставляло советское правительство держать крупные силы, польской границе. Так, на территории Подолии в 1921 г. были размещены 1-й конный корпус Красной армии, 24-я Самарская железная дивизия, 29-я бригада погранохраны и 112-й батальон войск ВЧК.

Вот, к примеру, в ночь на 26 октября 1921 г. границу в Подолии перешли сразу две банды: Паляя (350 человек при четырёх пулемётах)^[159] и Шляпока (150 человек). По данным советских пограничников, переход обеих банд обеспечивали регулярные польские войска. К середине ноября потрепанный отряд Паляя ушёл в Польшу, а Шляпок был взят в плен красноармейцами.

Советские пограничники в 20–30-х гг. имели очень строгие указания по ограничению применения оружия на границе. В свою очередь, поляки вели себя, как завоеватели. Из отчёта Ямпольского погранотряда за 1-ю

половину 1925 г.: «5 января 1925 года перешла границу группа польских солдат около 40 чел. пехоты и три всадника, которая, обстреляв наш сторожевой наряд, прорвалась в здание заставы и управление комендатуры, обстреляла их и забросала гранатами. Ворвавшись в канцелярию заставы, захватила дела и переписку. Пограничники, приняв меры к обороне, вынудили поляков отойти в прилегающий сад.

Во время обороны был ранен в ногу начальник заставы Дикерман, пытавшийся установить на крыльце пулемёт. При нападении поляков помощником начальника заставы Бахлиным был убит руководивший нападением капрал, что внесло расстройство в ряды поляков и они, захватив убитого капрала, поспешно отошли на свою территорию...

25 июня 1925 г. добровольно перешёл на сторону СССР поручик польской пограничной охраны. 28 июня на рассвете польский офицер вызвал на границу помощника начальника заставы Бахлина и заявил, чтобы немедленно возвратили, якобы, захваченного поручика.

Спустя некоторое время к границе подошла группа польских солдат в 120 чел. и 100 чел. конницы, перешла границу и начала организованное наступление на заставу.

Застава была приведена в боевую готовность; в то время на заставе было 20 пограничников, и под давлением численно превосходящего противника застава отступила в лес. Поляки захватили переписку, зажгли заставу и продолжали перестрелку с заставой»^[160].

Надо ли говорить, что в 20-х и в 30-х гг. руководство СССР считало Польшу наиболее вероятным противником. Правительства могут сколько угодно врать в пропагандистских целях, но генштабисты в своих секретных планах никогда не врут, а если уж заблуждаются, то по своей глупости или неосведомлённости. Поэтому я процитирую «Записку начальника Генштаба Красной Армии наркому обороны СССР маршалу Советского Союза К. Е. Ворошилову о наиболее вероятных противниках СССР» от 24 марта 1938 г.:

«Складывающаяся политическая обстановка в Европе и на Дальнем Востоке как наиболее вероятных противников выдвигает фашистский блок — Германию, Италию, поддержанных Японией и Польшей...

...Советскому союзу нужно быть готовым к борьбе на два фронта: на Западе против Германии и Польши и частично против Италии с возможным присоединением к ним лимитрофов [государства Прибалтики. — А. Ш.] и на Востоке против Японии.

Италия, весьма вероятно, в войне будет участвовать своим флотом, посылку же экспедиционного корпуса к нашим границам вряд ли можно

ожидать...

Наиболее вероятные противники на Западе — Германия и Польша в военное время развёртывают в 1-ю очередь:

Германия — 96 пд [пехотные дивизий. — А. Ш.], 5 кд [кавалерийских дивизий. — А. Ш.], 5 мотодивизий, 30 танк. бригад и 3000 самолётов.

Польша — 65 пд, 16 кав. бригад, 1450 танков и танкеток, 1650 самолётов.

Итого — 161 пд, 13 кав. див., 7250 танков и танкеток, 4650 самолётов.

Из этих сил Германия и Польша вынуждены будут часть сил оставить на своих западных границах, а возможно, часть из них введут в дело для борьбы с чехословацкой армией.

Предположительно можно считать, что против чехословацкой армии Германией будет направлено до 26 пд, 1 кд, 1 мотодивизия и не менее 800 самолётов. На французской границе немцами будет оставлено от 10 до 20 пехотных дивизий.

Таким образом, Германией из 96 пд до 26–46 пд будет оставлено на западных и южных границах и до 60–65 пд, 4 кд, 4 мотодивизии, до 20 танковых батальонов и до 2100 самолётов будет направлено против наших границ.

Что касается Польши, то она из своих 65 пд до 5 пд, по-видимому, оставит против Чехословакии, а остальные силы, т. е. до 60 пехотных дивизий, 16 кав. бригад, до 1300 танков и танкеток и до 1600 самолётов развернутся на наших границах.

Таким образом, на последних нужно ожидать появление 120–125 пехотных дивизий, 12 кав. дивизий, 6400 танков и танкеток и 3700 самолётов.

Финляндия, Эстония и Латвия развёртывают 20 пехотных дивизий, 80 танков и 436 самолётов...

...Германия и Польша могут сосредоточить свои главные силы к северу или к югу от Полесья. Этот вопрос указанными государствами будет решён в зависимости от положения в Средней Европе и, наконец, от того, насколько договорятся оба этих государства в украинском вопросе....

Основной задачей РККА в предстоящем вооружённом столкновении должно быть нанесение решительного поражения противникам как на Западе, так и на Востоке.

Стратегическое развёртывание на два фронта необходимо считать основным.

Главные противники и главный театр военных действий на Западе, поэтому здесь должны быть сосредоточены и главные наши силы.

Однако на Востоке против Японии должны быть назначены такие силы, которые гарантировали бы нам превосходство и успех в Северной Маньчжурии.

Остальные наши границы должны быть прикрыты минимальными силами...

Для ведения операций на Западе назначаются: 124 стрелковых дивизии, из которых 5 со сроком готовности на 30 день мобилизации; 16 кавалерийских дивизий; 26 танковых бригад, всего танков 10 255; 5867 самолётов (вместе с морской авиацией).

Если мы уступаем в числе стрелковых дивизий, то превосходим в танках и авиации, причём оснащение материальным снабжением взято при частичном поступлении из планов заказа 38-го г., с его выполнением наше превосходство в материальном снабжении будет возрастать...

...в данное время трудно сказать, где произойдёт развёртывание главных сил германских и польских армий — к северу от Полесья или к югу от него.

Поэтому предлагается иметь два варианта стратегического развёртывания — к северу или к югу от Полесья...

1. Первый вариант — развёртывание к северу от Полесья

Основами этого развёртывания должны быть:

1. нанесение решительного поражения главным силам германо-польских армий, сосредоточивающихся к северу от Полесья;
2. активная оборона к югу от Полесья;
3. прочное прикрытие направлений на Москву и Ленинград;
4. образование сильного резерва Главного командования для развития удара или для контрудара против наступающего противника.

В соответствии с этими задачами предлагается следующее распределение сил:

а) для действий против лимитрофов развёртывается 17 стр. дивизий — подробно будет изложено ниже.

б) для действий к северу от Полесья назначается: стрелковых дивизий — 55; орудий — 5100; кавалерийских дивизий — 6; танковых бригад — 11, всего танков — 4233; самолётов 1763, из них бомбардировщиков 712, истребителей 638, разведчиков 413. Кроме того, авиационная армия — 695 самолётов, из них бомбардировщиков 500, истребителей 128, разведчиков 67.

Всего самолётов 2458.

Кроме того, часть бомбардировочной авиации Ленинградского военного округа — до 300 самолётов, может быть привлечена для действий

на этом фронте и столько же может быть использовано авиации, развёртывающейся южнее Полесья.

Всего, таким образом, предполагается сосредоточить до 3058 самолётов.

в) для действий к югу от Полесья развёртывается: стрелковых дивизий — 30; орудий — 3078; кавалерийских дивизий — 8; танковых бригад — 9, всего танков — 3312; самолётов 1718, из них бомбардировщиков — 794, истребителей — 438, разведчиков — 486.

Самолётов морской авиации — 275, из них: бомбардировщиков 139, истребителей 47, разведчиков 89.

г) в резерве Главного командования сосредоточиваются: стрелковых дивизий — 16, орудий — 928, танков — 512.

Кроме того, к 30-му дню мобилизации закончат отмобилизование ещё 5 стрелковых дивизий, которые будут переведены в резерв Главного командования...

2. Второй вариант стратегического развёртыванию к югу от Полесья

Выше было доложено, что к югу от Полесья возможно ожидать развёртывания до 79 пехотных дивизий германо-польских армий, 4700 танков и танкеток и 2800 самолётов.

Весьма вероятно, что это развёртывание своими главными силами будет в районе Ровно — Тернополь, Львов — Ковель, имея основной задачей удар на Киев через Бердичев или Казатин. Не исключена возможность, что часть сил будет направлена через Бессарабию, если Румыния не окажет этому сопротивления. Удар через Бессарабию можно ожидать на Жмеринку или Винницу, или ещё восточнее во фланг нашего стратегического развёртывания.

Основной задачей по второму варианту стратегического развёртывания наших сил будет нанесение решительного поражения германо-польским силам. Поэтому наши главные силы должны быть развёрнуты на фронте Новоград Волынский — Проскуров для удара на фронт Луцк — Львов, имея в виду главными силами выйти в район Ковель, Львов, Броды, Дубно с дальнейшим наступлением на Люблин.

При втором варианте для стратегического развёртывания к югу от Полесья назначается:

стрелковых дивизий — 57; кавалерийских дивизий — 8; всего орудий — 5032; танковых бригад — 13, а всего танков 5156; самолётов — 2182, из них бомбардировщиков — 978, истребителей — 488, разведчиков — 716.

Кроме того, авиационная армия — бомбардировщиков 500,

истребителей 128, разведчиков 67, всего 695.

Кроме того, до 300 бомбардировщиков может быть привлечено с фронта к северу от Полесья, что даёт всего для действий на юго-западе до 3177 самолётов, не считая 275 морских самолётов, а с ними будет 3452 самолёта.

В резерве Главного командования сосредоточиваются: стрелковых дивизий 12, орудий 720, танков 386.

Сравнение сил показывает, что мы будем иметь:

69 стрелковых дивизий, а с прибытием после 30 дня мобилизации 6 стрелковых дивизий, 75 стрелковых дивизий против 79 пехотных германопольских дивизий;

5752 орудий против 5332 орудий;

8 кавалерийских дивизий против 9 1/2 кавалерийских дивизий;

5156 танков против 4700 танков и танкеток;

3452 самолётов против 2800 самолётов.

При нейтралитете Финляндии. Эстонии и Латвии до 6 стрелковых дивизий и 2 танковых бригад может быть привлечено для действий к югу от Полесья»[\[161\]](#).

Как видим, Советский Союз активно готовился к войне, но к войне оборонительной. Ведь начиная с 1937 г. войну предполагалось вести на двух фронтах, так как на Дальнем Востоке Япония развёртывала огромную армию непосредственно у самых границ с СССР. (Подробнее см. А. Широкоград «Дальневосточные войны России».)

Сталин и большевики в целом могут кому-то нравиться, а кому-то нет, но пока нет никаких документов, свидетельствующих о том, что СССР хотел первым напасть на какое-либо государство. С 1922 г. до 1 августа 1939 г., наоборот, в СССР и политики, и военные чересчур преувеличивали «классовую солидарность капиталистических государств» и строили свои военные планы на том, что если начнётся даже локальная война, то «капиталистические акулы» разом все кинутся на «первую в мире страну социализма». Соответственно, Сталин всеми силами пытался оттянуть вступление СССР в любой военный конфликт и ради этого зачастую принимал унижительные для великой державы решения, как на Дальнем Востоке, так и в Европе. Другой вопрос, что правительство СССР было готово в случае агрессии какого-либо государства у границ Советского Союза восстановить статус-кво силой оружия, но обязательно в союзе с достаточно сильным государством.

В начале 1938 г. резко обострились польско-литовские отношения. Как

уже говорилось, польские правители и панство^[162] считали Литву частью Польши.

11 марта 1938 г. на литовско-польской демаркационной линии был обнаружен труп польского солдата. 13 марта Польша возложила ответственность за это на Литву и отклонила её предложение о создании смешанной комиссии для расследования инцидента. Польская сторона дала понять Каунасу, что ожидает восстановления дипломатических отношений, и потребовала признания литовским правительством существующей границы между государствами, то есть включая Вильно и область в состав Польши. В польской прессе началась кампания с призывами проучить Литву и организовать поход на её столицу Каунас.

Замечу, что «наезд» на Литву поляки сделали весьма своевременно. 14 февраля 1938 г. Гитлер поставил в известность польское правительство о подготовке аншлюса (захвата Австрии). 11 марта находят труп польского солдата на литовской границе, и в тот же день германские войска вошли в Австрию.

Поляки не возражали против аншлюса, а Гитлер — против оккупации поляками части Литвы, однако строго предупредил, что город Мемель (Клайпеда) с областью представляет зону интересов Германии. В ночь с 16 на 17 марта поляки предъявили Литве ультиматум с требованием восстановить дипломатические отношения. Литовское правительство должно было выразить своё согласие в течение 48 часов, а аккредитация дипломатов — состояться до 31 марта. В противном же случае поляки угрожали применить силу.

18 марта советское правительство посоветовало литовцам «уступить насилию», поскольку «международная общественность не поймёт литовского отказа». Советское правительство ещё раз указало Польше, что заинтересовано в сохранении независимости Литвы и выступает против развязывания войны. В условиях, когда Франция также просила Польшу не доводить дело до войны, польское правительство несколько смягчило условия своего ультиматума.

Как видим, советское правительство действовало крайне осторожно. Позиция СССР неоднозначно трактовалась позднейшими историками. Так, Сиполс считал, что от захвата Польшей Литву «спасло только энергичное вмешательство СССР»^[163], а Случ, наоборот, считал, что от СССР «никакой поддержки Литва в тот момент не получила»^[164].

Ещё перед вторжением германских войск в Австрию Гитлер 20 февраля 1938 г. выступил в Рейхстаге с программной речью, где обещал

объединить «10 миллионов немцев, живущих по ту сторону границы». В ответ начальник штаба чехословацкой армии генерал Крейчи опубликовал сообщение о принимаемых чехословацким правительством мерах обороны. «Мы знаем о возможности нападения на нашу республику без формального объявления войны, и наша армия вполне подготовлена к тому, чтобы такая война не захватила нас врасплох», — заявлял генерал. Чехословацкое правительство намеревалось перенести военные заводы «Шкода» в глубь страны, ввести круглосуточную работу на своих восьми авиационных заводах, завершить планы мобилизации промышленности и продовольственных ресурсов. Чехословакия была полна решимости сопротивляться до конца в борьбе за свою независимость.

Гитлер ещё в 1937 г. принял окончательное решение о расчленении Чехословакии. Сразу же после оккупации Австрии резко возросла активность судетских немцев в Чехословакии. На съезде профашистской судетской партии^[165] в апреле 1938 г. в Карловых Варах были выдвинуты требования об отторжении от Чехословакии ряда пограничных районов и присоединении их к рейху. Кроме того, судетские немцы потребовали расторжения Чехословакией договоров о взаимной помощи с Францией и СССР.

Так возник так называемый Судетский кризис. О нем и о последовавшем Мюнхенском соглашении часто и много говорили советские историки и политики. При этом постоянно замалчивалась роль Польши в этом кризисе.

Дело в том, что польское правительство имело территориальные претензии не только к СССР, Германии и Литве, но и к Чехословакии. Поляки претендовали на Тешинскую Силезию. Очередной всплеск античехословацких настроений в Польше произошёл в начале 1934 г., когда пресса развернула массированную кампанию по возвращению исконных польских земель. А осенью 1934 г. польская армия на границе с Чехословакией провела большие военные манёвры, в ходе которых отрабатывались действия в случае распада Чехословакии или её капитуляции перед Германией.

Во второй половине 1935 г. польско-чехословацкие отношения ещё больше охладели. Оба посла отправились «в отпуск»: чехословацкий в Варшаве — в мае, а польский в Праге — в октябре 1935 г. Польское правительство, копируя политику Гитлера, создало 26 марта 1938 г. в Тешине «союз поляков», целью которого было отделение этой области от Чехословакии.

12 мая СССР заявил о готовности поддержать Чехословакию при

условии прохода Красной армии через Польшу или Румынию. Надо ли говорить, что правительства Польши и Румынии категорически отвергли предложение СССР.

В сентябре 1938 г. Судетский кризис достиг своего апогея. 3 сентября во Франции было призвано 300 тысяч резервистов, 4 сентября отменены отпуска в гарнизонах на восточной границе, 5 сентября линия Мажино была полностью укомплектована техническими средствами. 22 сентября шесть французских дивизий были выдвинуты на границу Германии. В ночь на 24 сентября были призваны ещё 600 тысяч резервистов и переброшено к границе 14 дивизий. К 28 сентября было мобилизовано полтора миллиона человек, а на германской границе развёрнуто 37 пехотных дивизий, 13 кавалерийских бригад и 29 танковых полков. Всего во французской армии насчитывалось более 1275 танков.

В составе вооружённых сил Великобритании имелось 20 дивизий и 2 бригады, всего около 400 тысяч человек, а также 375 танков и 1759 самолётов первой линии.

В СССР в середине лета 1938 г. готовились к помощи Чехословакии. 26 июня советское правительство приняло решение о реорганизации военно-территориальных структур Красной армии и формировании шести армейских групп в Белорусском и Киевском военных округах.

Согласно приказу наркома обороны № 0151 от 26 июля 1938 г., Белорусский военный округ был переименован в Белорусский особый военный округ. В его составе были сформированы: на базе управления IV стрелкового корпуса — Витебская армейская группа, в которую вошли войска, расположенные на территории Витебской и Минской областей; а на базе управления V стрелкового корпуса — Бобруйская армейская группа, в которую вошли войска, расположенные на территории Могилёвской, Гомельской и Полесской областей.

Согласно приказу наркома обороны № 0152 от 26 июля 1938 г., Киевский военный округ был переименован в Киевский особый военный округ, а в его составе были сформированы: Житомирская армейская группа (на базе управления VIII стрелкового корпуса), войска которой дислоцировались на территории Черниговской, Киевской и Житомирской областей; Винницкая армейская группа (на базе управления XVII армейского корпуса), в которую вошли войска, расположенные на территории Винницкой и Каменец-Подольской областей, а также Одесская армейская группа (на базе управления VI стрелкового корпуса), в которую вошли войска, расположенные на территории Николаевской области и Молдавской АССР. Также в состав Киевского особого военного округа

вошла кавалерийская армейская группа в составе II и IV кавалерийских корпусов.

Польша же готовилась к нападению на Чехословакию в союзе с Германией. В сентябре 1938 г. на Волыни прошли крупные манёвры польской армии, в которых участвовали пять пехотных дивизий, одна кавалерийская дивизия, одна мотобригада и одна бригада лёгких бомбардировщиков. Под прикрытием этих манёвров польские войска стягивались к Тешину. На чехословацкой границе поляки развернули отдельную оперативную группу «Шлёнск» в составе 4-й, 21-й и 23-й пехотных дивизий, Великопольской и 10-й моторизованных кавалерийских бригад под командованием генерала В. Бортновского. К 1 октября 1938 г. эта группировка насчитывала 35 966 человек, 270 орудий, 103 танка, 9 бронемашин и 103 самолёта.

К началу кризиса в Красной армии насчитывалось 18 664 танка и 2741 бронемашина, из которых 3609 танков и 294 бронемашины находились в войсках Белорусского особого военного округа, а 3644 танка и 249 бронемашин — в войсках Киевского особого военного округа.

28 сентября 1938 г. нарком обороны доложил советскому правительству о готовности направить в Чехословакию из Белорусского военного округа 16-ю авиационную бригаду в составе 56-го и 54-го среднебомбардировочных авиаполков и 58-ю авиационную бригаду в составе 21-го и 31-го истребительных авиаполков; из Киевского военного округа — 10-ю (33-й среднебомбардировочный авиаполк) и 69-ю (17-й и 43-й истребительные авиаполки); из Харьковского военного округа — 60-й среднебомбардировочный авиаполк. Всего 548 боевых самолётов.

Всего же на 1 октября 1938 г. авиационная группировка Калининского, Белорусского и Киевского особых военных округов насчитывала 2690 самолётов.

Для сравнения, к 1 апреля 1938 г. вермахт располагал 15 213 орудиями и миномётами и 1983 танками (из них Т-I — 1468 машин, Т-II — 443, Т-III — 43 и Т-IV — 30 машин). В вермахте имелись 51 дивизия и одна кавалерийская бригада, а летом 1938 г. были созданы восемь резервных дивизий.

Таким образом, Красная армия одна могла в сентябре 1938 г. разгромить объединённые армии Германии и Польши. Но советское правительство не желало действовать в одиночку, не зная заранее дальнейших намерений Франции и Англии. Кроме того, не следует забывать, что в июле — августе 1938 г. Красная армия вела тяжёлые бои на озере Хасан и была на грани большой войны с Японией.

Англия и Франция не пожелали идти на серьёзный конфликт с Гитлером. Ради этого семидесятилетний английский премьер Невилл Чемберлен рискнул впервые в жизни сесть на самолёт и отправился в Берлин. В тот же день, 15 сентября 1938 г., Чемберлен и его спутники Вильсон и Стрэнг были приняты Гитлером в Берхтесгадене. Здесь состоялась трёхчасовая беседа английских гостей с хозяином. Гитлер потребовал окончательного и полного «самоопределения» судетских немцев. Чемберлен попросил отсрочки для ответа на это требование: он сослался на необходимость вернуться в Лондон, чтобы принять решение, согласованное британским правительством с Францией и Чехословакией.

В тот же день состоялась беседа Геринга с английским послом Гендерсоном. Геринг не без наглости заявил, что «Германия подождёт ещё одной второй и окончательной встречи [с Чемберленом. — А, III.], но что она вообще тянуть больше не намерена... Если же Англия начнёт войну против Германии, то трудно представить исход войны. Одно только ясно, — угрожающе добавил Геринг, — что до конца войны не много чехов останется в живых и мало что уцелеет от Лондона».

По возвращении в Лондон Чемберлен пригласил туда на совещание главу французского кабинета Эдуарда Даладье и министра иностранных дел Франции Жоржа Боннэ.

Второй раз Чемберлен полетел к Гитлеру 22 сентября. В тот же день в Годесберге состоялась его встреча с Гитлером. Британский премьер сообщил фюреру, что вопрос о судетских немцах решён английским и французским правительством в точном соответствии с пожеланиями Германии.

Чемберлен ожидал, что Гитлер выразит ему своё удовлетворение, но совершенно неожиданно услышал совсем другое. «Очень сожалею, — заявил Гитлер, — но теперь это нас не устраивает». Тут же Гитлер пояснил, чего он хочет. Оказалось, он требует, чтобы заодно удовлетворены были территориальные притязания Венгрии и Польши, с которыми Германия связана дружественными отношениями. В большом замешательстве Чемберлен заявил, что новые требования Германии должны быть подвергнуты обсуждению. На этом его беседа с Гитлером прервалась. Ночью Чемберлен заявил осаждавшим его корреспондентам: «Я не могу сказать, что положение безнадежно».

29 сентября Чемберлен в третий раз сел в самолёт и отбыл в Германию. В 12 ч. 45 мин. в Мюнхене в Коричневом доме открылась конференция полномочных представителей Германии, Великобритании, Франции и Италии. Германия была представлена Гитлером, Англия —

Чемберленом, Франция — Даладье, Италия — Муссолини. Переговоры закончились около двух часов ночи. Условия Годесбергского меморандума были приняты полностью. Чехословакии предлагалось передать Германии все пограничные с ней районы. Таким образом, речь шла не только о Судетской области, но и о районах, пограничных с бывшей Австрией. Передаваемые районы Чехословакия должна была очистить в срок с 1 по 10 октября. Все военные сооружения, находившиеся в этих областях, передавались Германии. В соглашении указывалось также на необходимость «урегулировать» вопрос о польском и венгерском национальных меньшинствах в Чехословакии. Таким образом, имелось в виду отторжение от Чехословакии ещё некоторых частей её территории в пользу Польши и Венгрии. После «урегулирования» этого вопроса оставшейся части Чехословакии должны быть предоставлены гарантии Англии, Франции, Германии и Италии против неспровоцированной агрессии.

Судьба Чехословакии решалась в Мюнхене без всякого её участия. Чешский посланник и представитель министерства иностранных дел Чехословакии прибыли в Мюнхен лишь для того, чтобы «ожидать результатов конференции». Ни тот ни другой не были допущены в зал совещания.

Перед отъездом из Мюнхена Чемберлен посетил Гитлера и подписал с ним следующую декларацию: «Мы, германский фюрер, имперский канцлер и британский премьер-министр... согласились в том, что вопрос об англо-германских отношениях имеет первостепенную важность для обеих стран и для всей Европы. Мы считаем, что соглашение, подписанное вчера вечером, равно как и англо-германское морское соглашение, символизируют волю обоих наших народов никогда впредь не воевать друг с другом».

В ту же ночь британский посол в Германии Невиль Гендерсон в упоении успехом своей миротворческой деятельности в Берлине восторженно писал Чемберлену: «Миллионы матерей будут благословлять ваше имя за то, что вы спасли их сыновей от ужасов войны».

1 октября 1938 г. германские войска вступили в Чехословакию. Они беспрепятственно заняли не только Судето-немецкую область, но и ряд районов и городов, где почти не было немецкого населения.

По приказу своего правительства чехословацкие войска 1 октября начали отход с польской границы, а на следующий день польские войска оккупировали район Тешина, где на тот момент проживали 80 тысяч поляков и 120 тысяч чехов и словаков. Таким образом, Польша увеличила у

себя процент неполяков, но зато за счёт присоединения столь экономически развитого района увеличила производственные мощности своей тяжёлой промышленности почти на 50 процентов.

28 ноября 1938 г. окрылённые успехом Бек и К^о потребовали передачи им Чехословакией Моравской Остравы и Виткович. Но Гитлер сам «положил на них глаз» и сказал: «Цыц».

3 октября 1938 г. советский разведчик Рихард Зорге направил в Центр шифровку из Токио: «От военного атташе^[166] получил сведения о том, что после разрешения судетского вопроса следующей проблемой будет польская, но она будет разрешена между Германией и Польшей по-дружески в связи с их совместной войной против СССР».

Сообщение это крайне любопытно, но я не знаю, откуда полковник Матцкий получил эти сведения. Поэтому оставляю это без комментариев, как информацию к размышлению.

Однако, прежде чем заняться Польшей, Гитлер решил окончательно покончить с Чехословацкой республикой.

14 марта 1939 г. Словакия по наущению Гитлера объявила о своей независимости. На следующий день в Берлин был вызван новый президент Чехословакии Гаха и министр иностранных дел Хвалковский. При встрече Гитлер грубо заявил им, что сейчас не время для разговоров. Он вызвал их лишь для того, чтобы получить их подпись на документе, которым Богемия и Моравия включались в состав Германской империи. «Всякий пытающийся сопротивляться, — заявил Гитлер, — будет растоптан». После этого Гитлер поставил свою подпись на документе и вышел. В итоге чехи были вынуждены подписать документ.

В тот же день, 15 марта, германские войска вступили на неоккупированную часть Чехословакии. Чехословацкая армия сопротивления не оказывала. На территории Чехии немцы создали Протекторат Богемия и Моравия.

Польское правительство не протестовало против захвата Чехии, хотя и было обижено тем, что при разделе Чехословакии им достался слишком маленький кусок.

Ещё до захвата Праги, 5 января 1939 г., в Берхтесгадене состоялась встреча Гитлера с польским министром иностранных дел Бекем. Гитлер предложил ему отказаться от старых шаблонов и искать решения на совершенно новых путях. Так, например, в вопросе о Данциге можно подумать о том, чтобы в политическом отношении воссоединить этот город — в соответствии с волей его населения — с германской территорией, при

этом, разумеется, польские интересы, особенно в экономической области, должны быть полностью обеспечены. Это также в интересах Данцига, поскольку Данциг в экономическом отношении не может существовать без Польши. Поэтому он, фюрер, думает о формуле, в соответствии с которой Данциг в политическом отношении станет германским, а в экономическом — останется у Польши. Данциг остаётся и всегда будет немецким. Рано или поздно этот город отойдёт к Германии. Однако он, фюрер, может заверить, что в вопросе о Данциге польская сторона не будет поставлена перед свершившимся фактом.

Затем рейхсканцлер перешёл к вопросу о польском коридоре. Следует признать, заметил Гитлер, что связь с морем для Польши абсолютно необходима. Но в той же мере для Германии необходима связь с Восточной Пруссией, и в этом вопросе, используя совершенно новые методы урегулирования, можно, видимо, найти решение, отвечающее интересам обеих сторон.

Таким образом, Гитлер чётко сформулировал позицию Германии — вернуть Данциг рейху и пересмотреть статус «польского коридора», отделявшего Восточную Пруссию от остальной Германии. Бек в ответ не сказал ничего толкового ни за, ни против. Любопытна лишь одна его фраза, касающаяся Украины: «„Украина“ — это польское слово и означает „восточные пограничные земли“. Этим словом поляки вот уже на протяжении десятилетий обозначали земли, расположенные к востоку от их территории, вдоль Днепра».

В ночь с 17 на 18 марта 1939 г. нарком иностранных дел М. М. Литвинов вызвал польского посла Гжибовского и сообщил ему о намерении ответить на германские ноты непризнанием легальности аннексии Чехии, и спросил о позиции Польши по этому вопросу. Утром 18 марта Гжибовский сообщил Литвинову «ответ века»: «Польша ограничится подтверждением получения германских нот, не касаясь существа их».

Днём 18 марта Литвинов вызвал германского посла и вручил ему ноту, где говорилось: «Имею честь подтвердить получение Вашей ноты от 16-го и ноты от 17-го сего месяца, извещающих Советское правительство о включении Чехии в состав Германской империи и об установлении над ней германского протектората... Ввиду изложенного Советское правительство не может признать включение в состав Германской империи Чехии, а в той или иной форме также и Словакии правомерным и отвечающим общепризнанным нормам международного права и справедливости или принципу самоопределения народов».

21 марта 1939 г. Германия потребовала от Литвы передать ей город

Мемель с областью. Ни одно государство не поддержало Литву, и 23 марта в Мемель вступили германские войска.

Лишь теперь Невиль Чемберлен решился действовать. 31 марта он заявил в Палате общин, что в случае если Польша подвергнется нападению и сочтёт необходимым оказать сопротивление, Англия выступит ей на помощь. 3 апреля Чемберлен подтвердил и дополнил своё заявление парламенту. Он сообщил, что на помощь Польше против агрессора вместе с Англией выступит и Франция. В этот день в Лондоне уже находился польский министр иностранных дел Бек. В результате его переговоров с Чемберленом и заместителем министра иностранных дел лордом Галифаксом английский премьер выступил 6 апреля в парламенте с новым сообщением. Он заявил, что между Англией и Польшей достигнуто соглашение о взаимной помощи.

По сему поводу известный американский журналист, хорошо знавший Польшу, заявил: «Вполне можно застраховать пороховой завод, если на нём соблюдаются правила безопасности, однако страховать завод, полный сумасшедших, немного опасно»^[167].

17 апреля 1939 г. Литвинов вручил британскому послу официальное предложение советского правительства. В нём говорилось:

«Англия, Франция, СССР заключают между собой соглашение сроком на 5–10 лет о взаимном обязательстве оказывать друг другу немедленно всяческую помощь, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств.

Англия, Франция, СССР обязуются оказывать всяческую, в том числе и военную, помощь восточноевропейским государствам, расположенным между Балтийским и Чёрным морями и граничащим с СССР, в случае агрессии против этих государств...

Англия, Франция и СССР обязуются, после открытия военных действий, не вступать в какие бы то ни было переговоры и не заключать мира с агрессорами отдельно друг от друга и без общего всех трёх держав согласия».

По этому поводу Уинстон Черчилль писал: «Если бы, например, по получении русского предложения Чемберлен ответил: „Хорошо. Давайте втроём объединимся и сломаем Гитлеру шею“ — или что-нибудь в этом роде, парламент бы его одобрил... и история могла бы пойти по иному пути».

4 мая 1939 г. Черчилль опубликовал заявление: «Нет никакой возможности удержать Восточный фронт против нацистской агрессии без содействия со стороны России. Самое главное — нельзя терять времени».

В ходе дебатов в парламенте Черчилль сказал: «Я никак не могу понять, каковы возражения против заключения соглашения с Россией... в широкой и простой форме, предложенной русским Советским правительством? Единственная цель союза — оказать сопротивление дальнейшим актам агрессии и защитить жертвы агрессии. Что плохого в этом простом предложении? Почему вы не хотите стать союзниками России сейчас, когда этим самым вы, может быть, предотвратите войну!.. Если случится самое худшее, вы всё равно окажетесь вместе с ней по мере возможности...»

Однако большая часть британских и французских политиков предпочитала столкнуть лбами Германию и СССР и посмотреть, что из этого выйдет.

23 июля 1939 г. советское правительство предложило немедленно начать переговоры о заключении военной конвенции. Хотя Англия и Франция были вынуждены согласиться на посылку своих военных миссий, последние не торопились с приездом и прибыли в Москву только 11 августа. Английская миссия не имела полномочий от своего правительства для подписания соответствующих соглашений. Она состояла из второстепенных лиц и имела инструкции «свести военное соглашение к возможно более общим условиям».

Иную позицию занимала советская делегация, возглавляемая К. Е. Ворошиловым. Она заявила, что СССР готов выставить против агрессора 120 пехотных дивизий, 16 кавалерийских дивизий, 5000 тяжёлых орудий, 9–10 тысяч танков, 5–5,5 тысяч бомбардировщиков и истребителей. В ответ английская делегация указала, что Англия сможет выставить лишь пять пехотных и одну моторизованную дивизию. Советский план предусматривал, что в случае нападения Германии на Англию и Францию Советский Союз выставит 70 % от вооружённых сил, выставленных Англией и Францией против Германии.

В случае нападения Германии на Польшу и Румынию Советский Союз обязывался послать столько же войск, сколько Англия и Франция, а Польша и Румыния — все свои силы.

В случае нападения Германии на Советский Союз через Финляндию, Латвию или Эстонию Англия и Франция должны будут послать 70 % от количества сил, выставленных СССР, и немедленно выступят против агрессора; Польша также примет участие в боевых операциях.

Советская делегация подчеркнула, что Советский Союз, не имеющий общих границ с Германией, может оказать помощь Англии, Франции, Польше и Румынии только при условии прохода его войск через

территорию Польши и Румынии. Однако Англия и Франция не считали необходимым оказать воздействие на Польшу, чтобы преодолеть её упорный отказ в случае войны с Германией пропустить советские войска через свою территорию.

Нежелание Польши в столь ответственный момент пропустить советские войска объясняется двумя причинами. Во-первых, это боязнь восстания белорусов и украинцев, которые при виде советских танков пошлют помещиков и осадников к известной матери.

18 августа французский министр иностранных дел Боннэ запросил польского посла в Париже Ю. Лукасевича о причинах отказа в пропуске советских войск. Тот ответил, что «Бек никогда не позволит русским войскам занять те территории, которые мы у них забрали в 1921 г. Пустили бы вы, французы, немцев в Эльзас-Лотарингию?» На это Боннэ заметил, что угроза столкновения с Германией делает «для вас необходимой помощь Советов». В ответ Лукасевич заявил, что «не немцы, а поляки ворвутся в глубь Германии в первые же дни войны!» Тем не менее он пообещал передать запрос французского правительства в Варшаву. А на следующий день, 19 августа, Бек заявил французскому послу, что «у нас нет военного договора с СССР, мы не хотим его иметь».

Вот и вторая причина отказа — «польская кавалерия за неделю возьмёт Берлин!» Только этим можно объяснить одновременный отказ от помощи СССР и новый этап польского давления на Данциг.

Как писал Оскар Райле: «Ещё 29 июля вольный город направил Польше ноту протеста, в которой предъявил претензии польским таможенникам, увлекавшимся рукоприкладством. Одна данцигская газета воспользовалась случаем, чтобы потребовать применения репрессий против польских таможенников, при исполнении своих служебных обязанностей выходивших за предписанные им по договору рамки.

Ходацкий, дипломатический представитель Польши в Данциге, по согласованию с министром иностранных дел Беком, в ответ на это вручил 4 августа 1939 г. президенту сената вольного города ультиматум. В нём говорилось, что Польша перекроет импорт всех иностранных продуктов питания в Данциг, если правительство вольного города до 18 часов 5 августа не даст твёрдого согласия, что в будущем оно никогда не станет вмешиваться в дела польских таможенников. Впрочем, последние в дальнейшем при исполнении своих обязанностей в Данцигской области будут носить оружие.

Содержание ультиматума означало не более не менее как угрозу, что Польша намеревается взять измором население вольного города Данцига,

если его правительство не выполнит польских требований, поскольку в области вольного города производилось небольшое количество продуктов питания для населения.

По требованию Гитлера Грейзер, президент сената вольного города, следующим утром встретился с дипломатическим представителем Польши и заявил ему, что данцигское правительство подчиняется ультиматуму. Гитлер опасался, что ультиматумом Польша желает спровоцировать конфликт с Германией, и пока пытался сохранить мир...

6 августа, в День легионов Пилсудского, польский маршал Рыдз-Смиглы произнёс в Кракове большую праздничную речь. Он заверил, что Польша готова отвечать за все последствия в споре вокруг Данцига. Тогда толпа как по команде закричала: „Отдайте нам Данциг! Отдайте нам Данциг!“ Годами ведшаяся психологическая война против Германии переживала апогей...

14 августа польские власти начали массовые аресты немцев в Верхней Силезии. Тысячи арестованных в принудительном порядке отправлялись в глубь страны. Тысячи других пытались бежать в Германию. Немецкие предприятия и благотворительные организации закрывались, немецкие общества потребкооперации и торговые объединения распускались. Панический страх охватил всех немцев, пока ещё проживающих в Польше»^[168].

С какими же силами поляки собирались идти на Берлин?

В феврале 1939 г. польское командование приступило к разработке плана войны с Германией, получившего кодовое название «Захуд». По этому плану предусматривалось развернуть 39 пехотных дивизий, 3 горнопехотные, 11 кавалерийских, 10 пограничных и 2 бронемоторизованные бригады.

К 1 сентября 1939 г. численность польских войск составляла 840 тыс. человек. Поляки имели около 650 лёгких танков, а также 771 самолёт. На востоке довольно грозную силу представляла Пинская речная флотилия, созданная в начале 1920-х гг. специально для войны с СССР. Её главную ударную силу составляли шесть мониторов и три бронированных канонерские лодки.

В составе флотилии имелись два вооружённых парохода — «Генерал Шептинский» и «Гетман Ходкевич». Это были угнанные в 1920 г. русские колёсные грузопассажирские пароходы «Прыткий» и «Бужин». Оба парохода были вооружены двумя 75-мм полевыми пушками в щитовых установках и четырьмя 13,2-мм пулемётами, а также были приспособлены к постановке мин.

Важную роль во флотилии играли 27 бронекатеров. Все они были бронированы лишь частично, максимальная толщина брони составляла 6–10 мм. Часть из них была вооружена короткоствольными 37-мм пушками типа Пюто на башнях, а часть — 37-мм пушками на вертлюгах. Остальные были вооружены крупнокалиберными пулемётами.

Главной базой Пинской флотилии был город Пинск, а передовая база находилась в местечке Нирца (Nurca) у впадения реки Лань в Припять, это примерно в 15 км от советской границы.

Любопытно, что и наши и польские авторы, описывая войну 1939 г., все как один молчат о польском химическом оружии. Лишь в закрытом отчёте интенданта 1-го ранга П. Д. Фадеева о подъёме судов польской флотилии рассказывается о подъёме стальной баржи К-13, принадлежавшей Пинской флотилии и затопленной поляками на 71-м км Припяти. Там водолазы ЭПРОНа обнаружили большое количество химических снарядов. Ещё одна минно-химическая баржа с отравляющим веществом была поднята в октябре 1939 г. силами Днепровской военной флотилии. Это была самоходная баржа «Матва» (бывшая К-5) водоизмещением 61 т. Баржа была оснащена одним бензиновым двигателем мощностью 120 л. с. и имела скорость 13 км/ч. Вооружение её составлял один 13,2-мм пулемёт. На барже размещалось 160 речных мин типа «Рыбка» (ещё из запасов русского Военного ведомства), а также склад химических снарядов и другого химического вооружения. Так что есть все основания полагать, что к 1 сентября 1939 г. польская армия была готова применить химическое оружие против СССР.

Глава 29

Развал «уродливого детища Версальского пакта»

29 июня 1939 г. газета «Правда» опубликовала большую статью под названием «Английское и французское правительства не хотят равного договора с СССР». Там говорилось: «Англо-франко-советские переговоры о заключении эффективного пакта взаимопомощи против агрессии зашли в тупик. Несмотря на предельную ясность позиции Советского правительства, несмотря на все усилия Советского правительства, направленные на скорейшее заключение пакта взаимопомощи, в ходе переговоров не заметно сколько-нибудь существенного прогресса...

Англо-советские переговоры в непосредственном смысле этого слова, то есть с момента предъявления нам первых английских предложений 15 апреля, продолжаются уже 75 дней, из них Советскому правительству потребовалось на подготовку ответов на различные английские проекты и предложения 16 дней, а остальные 59 ушли на задержку и проволочки со стороны англичан и французов. Спрашивается: кто же в таком случае несёт ответственность за то, что переговоры продвигаются так медленно, как не англичане и французы?

Не так давно польский министр иностранных дел Бек в интервью, данном им одному французскому журналисту, между прочим совершенно недвусмысленно заявил, что Польша ничего не требовала и ни о чём не просила в смысле предоставления ей каких бы то ни было гарантий от СССР и что она вполне удовлетворена тем, что между Польшей и СССР имеется недавно заключённое торговое соглашение».

Под статьёй стояла подпись: «Депутат Верховного Совета СССР А. Жданов», то есть формально это была точка зрения отдельного депутата. Но Андрей Александрович Жданов был ещё и секретарём Ленинградского обкома ВКП(б), а также членом Политбюро. Ясно, что на публикацию статьи Жданов не мог не получить санкции Сталина. Как видим, и содержание, и тон статьи должны были служить серьёзным предупреждением правительствам Англии и Франции, но, увы, были ими проигнорированы.

В конце мая 1939 г. Япония начала наступление на реке Халхин-Гол. Советское правительство всеми силами старалось избежать тотальной

войны с Японией, поэтому и МИД, и контролируемая властями пресса именовали бои на Халхин-Голе провокациями, в крайнем случае, конфликтом. На самом деле это была война, вполне сравнимая по масштабам с германско-польской войной в сентябре 1939 г. На реке Халхин-Гол Красная армия использовала танков больше, чем их было во всей польской армии. Потери японцев в два раза превышали потери германской армии в сентябре 1939 г.

18 июля немцы в очередной раз вступили в секретные переговоры с англичанами. С германской стороны переговоры вёл «экономист в штатском» некий Вольтат, а с британской — сэр Горас Вильсон, сэр Джозефом Болл и другие. Прочитую служебную записку от 24 июля 1939 г. Сэр Горас представил проект Программы германо-английского сотрудничества, в которой говорилось, что к сотрудничеству можно привлечь и Россию, «в том случае, если политика Сталина будет развиваться соответствующим образом». Как должна была вести себя Россия, — нетрудно догадаться.

С весны 1939 г. по май 1941 г. правящие круги Англии готовили сговор с Гитлером за счёт Советского Союза. Недаром значительная часть британских правительственных документов до сих пор засекречена, хотя по закону их положено было открыть через 30 лет. Переговоры с нацистами вели не только лорды, но и члены королевской династии. Замечу, что в Англии правила и сейчас правит германская Ганноверская династия. Сам король Эдуард VIII заявил, что все его капли крови — немецкие. Другой вопрос, что из политических соображений Ганноверская династия переименовала себя в Виндзорскую по месту расположения королевского дворца. Переписку с правительством Германии члены династии вели через своих родственников принцев Волфганга и Филиппа Гессенских. Причём Филипп имел членский билет нацистской социалистической партии за № 53, то есть входил в руководство рейха.

Но, увы, все эти документы до сих пор секретны. О них упорно молчат и Лондон, и Москва. А при чём тут Москва? — недоумённо воскликнет читатель. Да дело в том, что в начале 1945 г. король Георг VI срочно вызвал одного из руководителей британской разведки МИ-5 Антони Бланта и поручил ему деликатную миссию — захватить ряд архивов в Германии, в том числе и архив герцогов Гессенских, и изъять все документы, компрометирующие Виндзорскую династию. Кстати, по соглашению США, Англии и СССР все германские политические документы должны были стать собственностью всех держав-победительниц.

Антони Блант с блеском выполнил поставленную задачу и изъяс все

компрометирующие документы. Он лично доложил Георгу VI о проделанной работе. В этот же день с донесением агента «Джонсона» с большим удовольствием ознакомился Лаврентий Павлович.

Лишь в 60-х гг. британская контрразведка получила сведения, что агентом «Джонсон», он же «Тони», он же «Янг» является советник королевы Елизаветы II и её троюродный брат Антони Блант. Но, увы, Блант обладал столь взрывоопасной информацией, что судить его не посмели, а лишь уговорили уйти в отставку. Умер Блант 26 марта 1983 г. в Лондоне. У гроба его было одиннадцать венков, и все без подписей. И теперь секретные «виндзорские протоколы» хранятся где-то в архивах Ясенева^[169].

Замечу, что из Лондона в Москву «стучал» не только Блант, но и целый ряд блестящих разведчиков, занимавших высокое положение в Великобритании. Так что Сталин был хорошо осведомлён о германо-британских контактах.

В 4 часа 45 минут утра 15 августа 1939 г. шифровальщик германского посольства в Москве разбудил посла графа фон Шуленбурга и вручил ему срочную телеграмму министра иностранных дел фон Риббентропа.

В телеграмме говорилось: «Прошу Вас лично связаться с господином Молотовым и передать ему следующее: ...интересы Германии и СССР нигде не сталкиваются. Жизненные пространства Германии и СССР прилегают друг к другу, но в столкновениях нет естественной потребности... У Германии нет агрессивных намерений в отношении СССР. Имперское правительство придерживается того мнения, что между Балтийским и Чёрным морями не существует вопросов, которые не могли бы быть урегулированы к полному удовлетворению обоих государств...

Имперское правительство и Советское правительство должны на основании всего своего опыта считаться с тем фактом, что капиталистические демократии Запада являются неумолимыми врагами как Национал-Социалистической Германии, так и Советского Союза. Сегодня, заключив военный союз, они снова пытаются втянуть СССР в войну против Германии. В 1914 г. эта политика имела для России катастрофические последствия. В общих интересах обеих стран избежать на все будущие времена разрушения Германии и СССР, что было бы выгодно лишь западным демократиям...

Имперский Министр иностранных дел фон Риббентроп готов прибыть в Москву с краткосрочным визитом, чтобы от имени Фюрера изложить взгляды Фюрера господину Сталину».

В сложившейся ситуации Сталин принял единственное решение,

соответствовавшее интересам СССР, и согласился принять в Москве Риббентропа.

19 августа 1939 г. посол Шуленбург направил в Берлин текст советского пакта о ненападении.

20 августа в 16 ч. 55 мин. Гитлер отправил Сталину телеграмму:

«Господину Сталину, Москва.

Заключение пакта о ненападении с Советским Союзом означает для меня определение долгосрочной политики Германии. Поэтому Германия возобновляет политическую линию, которая была выгодна обоим государствам в течение прошлых столетий. В этой ситуации Имперское правительство решило действовать в полном соответствии с такими далеко идущими изменениями.

Я принимаю проект пакта о ненападении, который передал мне Ваш Министр иностранных дел господин Молотов...

Я ещё раз предлагаю принять моего Министра иностранных дел во вторник, 22 августа, самое позднее в среду, 23 августа. Имперский Министр иностранных дел имеет полные полномочия на составление и подписание как пакта о ненападении, так и протокола».

Ровно через сутки Сталин отправляет ответ:

«21 августа 1939 г.

Канцлеру Германского государства господину А. Гитлеру.

Я благодарю Вас за письмо.

Я надеюсь, что германо-советский пакт о ненападении станет решающим поворотным пунктом в улучшении политических отношений между нашими странами...

Советское правительство уполномочило меня информировать Вас, что оно согласно на прибытие в Москву господина Риббентропа 23 августа. И. Сталин».

23 августа 1939 г. Молотов и Риббентроп в Москве подписали «Договор о ненападении между Германией и СССР». На следующий день газета «Правда» опубликовала текст договора. Наиболее интересными там были статья II: «В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу»; и статья IV: «Ни одна из Договаривающихся сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны».

Кроме того, стороны подписали и секретный дополнительный протокол к договору. Сей протокол является предметом длительных споров,

и я вынужден привести его текст полностью: «При подписании договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся уполномоченные обеих сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе. Это обсуждение привело к нижеследующему результату:

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Виленской области признаются обеими сторонами.

2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана.

Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского Государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития.

Во всяком случае, оба Правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия.

3. Касательно юго-восточной Европы с советской стороны подчёркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о её полной политической незаинтересованности в этих областях.

4. Этот протокол будет сохраняться обеими сторонами в строгом секрете».

Полностью этот протокол был опубликован в начале так называемой «перестройки» и сразу же вызвал дикие вопли «совков», перекусившихся в демократов и срочно попрятавших партбилеты^[170]. «Ах, какой ужасный протокол, да ещё секретный!» Увы, невдомёк нашим «совкам», что секретные приложения к договорам вечны как мир. Почему-то никто не предлагает рассекретить все статьи Тильзитского (1807 г.) мира, которые старательно прячут наши дипломаты.

Критики договора 1939 г. выступают исключительно с традиционными «совковыми» постулатами — «Правительство СССР действует в интересах народов всего мира» и «От тайги до британских морей Красная Армия всех сильнее». Но нельзя же быть таким идиотом, чтобы путать пропагандистские лозунги и реальность. Почему все правительства мира

заботятся о своих собственных интересах, а бедная Россия должна заботиться обо всем мире? Да, действительно, Сталин с начала 20-х гг. до августа 1939 г. боялся возникновения мировой войны и справедливо полагал, что она в любом случае коснётся СССР, и всячески противодействовал изменению статус-кво в мире.

Опять же, надо различать коммунистическую пропаганду о победе мировой революции и реальные планы советского правительства. Спору нет, СССР оказывал материальную поддержку коммунистам в различных странах. Но она не шла ни в какое сравнение с помощью СССР буржуазным правительствам Китая (Чан Кайши), Испании и Чехословакии, куда были посланы сотни самолётов, танков и артсистем. Наши бомбардировщики СБ громили врага в Китае и Испании, но, увы, чехи не захотели пустить их в ход. Зато звено СБ 29 мая 1937 г. тяжело повредило германский «карманный» линкор «Дойчланд», вошедший в порт, занятый сторонниками Франко.

В ходе войны в Испании в 1936–1939 гг. погибло и пропало без вести 158 советских советников. В 1937–1939 гг. в Китае погибло 195 советских советников. В 1938 г. у озера Хасан погибло и пропало без вести 792 бойца и командира Красной Армии, для Халхин-Гола эти цифры составили 7974 человека^[171].

А что делали Англия, Франция и США? Они фактически блокировали Испанскую республику, боровшуюся с фашизмом, и поставляли оружие Японии, воевавшей в Китае. СССР искренне хотел помочь Чехословакии, но западные державы пошли на сговор в Мюнхене. Риторический вопрос, а мог ли состояться новый Мюнхен в августе или даже в ноябре 1939 г.? Ведь Англия и Франция даже не собирались наступать на Германию в случае нападения её на Польшу.

О том, что ни Гитлер, ни Сталин не планировали мировой войны в 1939 г., свидетельствуют и их секретные военные программы. Так, строительство «большого» германского и «океанского» советского флотов должно было начаться в 1938–1940 гг., и все эти корабли должны были войти в строй в 1942–1943 гг. В 1943 г. должно было закончиться и перевооружение Красной армии, начатое в 1939–1940 гг.

Поневоле возникает риторический вопрос: почему Сталин не мог предположить, что война закончится в ноябре — декабре 1939 г. соглашением между Германией и западными союзниками? Кто в Париже и Лондоне мог предположить, что Польша будет вдребезги разбита за две-три недели, а Франция с Бельгией, Голландией да ещё с английской армией — за четыре-пять недель? А если бы такой эксперт и нашёлся, то его

немедленно упекли бы в психушку.

В 1939 г. в Англии не думали о Дюнкерке, а планировали вторжение в Норвегию и операцию «Катерин». В ходе последней английская эскадра в составе четырёх линкоров типа «Роял Соверен» и других кораблей должна была войти в Балтийское море и навести страх на проклятых «бошей». Надо ли приводить дальнейшие примеры уровня мышления западных военных теоретиков?

А почему Сталин не мог, подобно западным теоретикам, предположить, что война на Западе по образцу Первой мировой будет носить позиционный характер, благо, французы на весь мир раструбили о неприступности линии Мажино? Таким образом, через два-три года позиционной войны противники были бы измотаны, а Красная армия, не сделав ни одного выстрела, могла бы диктовать свои условия. Кому могло хоть в страшном сне привидеться, что армии Польши, Франции, Англии, Голландии, Бельгии, Норвегии, Греции и др. не только побегут перед немцами, но и галантно отдадут им в полной целости и сохранности всё вооружение, а заводы всей Европы, включая «нейтральную» Швецию, начнут работать на Третий рейх?

Подписав договор с Германией, Молотов одним росчерком пера покончил с боевыми действиями на Дальнем Востоке. В секретной телеграмме временного поверенного в делах СССР в Японии Н. И. Генералова, отправленной из Токио в Москву 24 сентября 1939 г., говорилось: «Известие о заключении пакта о ненападении между СССР и Германией произвело здесь ошеломляющее впечатление, приведя в явную растерянность особенно военщину и фашистский лагерь. Вчера и сегодня происходил непрерывный обмен визитами, и этот факт оживлённо обсуждался членами правительства, двора и тайного совета».

Спору нет, поражение японцев у реки Халхин-Гол оказало нужное действие. Но результат этого поражения стал бы катастрофой для, скажем, польской или финской армии, но для Японской империи это была просто неудачная операция, а попросту говоря, булавоочный укол. И именно договор с Германией положил конец необъявленной войне на Дальнем Востоке. Замечу, что кроме крупных сражений на озере Хасан и на реке Халхин-Гол на советско-маньчжурской границе с 1937-го по сентябрь 1939 г. периодически происходили боевые столкновения. А вот после подписания договора и вплоть до 8 августа 1945 г. на границе стало относительно тихо.

Подводя итоги, можно сказать, что договор 1939 г. был «похабный». Пусть даже менее похабный, чем Брестский мир 1918 г., и более похабный,

чем Тильзитский мир 1807 г. Договор 1939 г., как и договоры 1918 и 1807 гг., был вынужденным и, как все вынужденные договоры, носил временный характер. И пока ещё ни один из критиков договора не предложил разумной альтернативы действиям советского руководства. На кого работало время в 1939–1941 гг., вопрос спорный, и он ждёт исследования объективных историков, а не придурков, для которых Пилсудский, требовавший вернуть границы 1772 г., то есть 150-летней давности, герой, а Гитлер и Сталин, решившие восстановить границы двадцатилетней давности и вернуть земли, столетиями принадлежавшие Германии и России и отнятые у них силой, злодеи.

Многие мудрецы говорили: «Практика — критерий истины». Если Молотов и Риббентроп в 1939 г. злодейским договором установили столь несправедливые границы, то кто мешал в 1991–2002 гг. соответствующим странам не поменять свои границы до состояния на август 1939 г.? Ведь изменили же границы в Германии и Чехословакии, причём мирно и ко всеобщему удовлетворению. Странно, почему все хулители договора 1939 г. в Польше, Прибалтийских странах и т. д. «падают до ниц», как говорят поляки, перед границами, проведёнными такими «редисками», как Молотов и Риббентроп?

1 сентября 1939 г. германские войска вступили на польскую территорию. Британский премьер Невиль Чемберлен два дня колебался и лишь утром 3 сентября объявил в Палате общин, что Англия находится с 11 часов утра 3 сентября в состоянии войны с Германией. «Палата общин, — заметил английский историк Тэйлор, — силой навязала войну колебавшемуся английскому правительству». В тот же день, в 17 часов, объявила войну и Франция.

Замечу, что англичане и французы могли в первый же день войны начать с воздуха разрушение германских промышленных центров. К началу войны англичане имели в метрополии 1476 боевых самолётов и ещё 435 самолётов в колониях. И это не считая морской авиации сухопутного базирования. На шести английских авианосцах базировался 221 самолёт.

В английской бомбардировочной авиации были подготовлены к боевым действиям 55 эскадрилий (480 бомбардировщиков) и ещё 33 эскадрильи находились в резерве.

Франция располагала почти четырьмя тысячами самолётов. В 100-километровой зоне вдоль французской границы находились десятки германских крупных промышленных центров: Дуйсбург, Эссен, Вупперталь, Кёльн, Бонн, Дюссельдорф и др. По этим целям с приграничных фронтовых аэродромов могли действовать с полной боевой

нагрузкой даже лёгкие одномоторные бомбардировщики. А истребители союзников на всем маршруте могли прикрывать действия своих бомбардировщиков.

Англия и Франция к августу 1939 г. имели 57 дивизий и 21 бригаду против 51 дивизии и 3 бригад у немцев, при том, что большая часть германских дивизий была брошена против Польши.

Однако после формального объявления войны на француско-германской границе ничего не изменилось. Немцы продолжали возводить укрепления, а французские солдаты передовых частей, которым было запрещено заряжать оружие боевыми патронами, спокойно глазели на германскую территорию. У Саарбоюккена французы вывесили огромный плакат: «Мы не произведём первого выстрела в этой войне!» На многих участках границы французские и немецкие военнослужащие обменивались визитами, продовольствием и спиртными напитками.

Позже германский генерал А. Йодль писал: «Мы никогда, ни в 1938, ни в 1939 г., не были собственно в состоянии выдержать концентрированный удар всех этих стран. И если мы ещё в 1939 г. не потерпели поражения, то это только потому, что примерно 110 французских и английских дивизий, стоявших во время нашей войны с Польшей на Западе против 23 германских дивизий, оставались совершенно бездейственными». Это подтвердил и генерал Б. Мюллер-Гиллебранд: «Западные державы в результате своей крайней медлительности упустили лёгкую победу. Она досталась бы им легко, потому что наряду с прочими недостатками германской сухопутной армии военного времени и довольно слабым военным потенциалом... запасы боеприпасов в сентябре 1939 г. были столь незначительны, что через самое короткое время продолжение войны для Германии стало бы невозможным».

Замечу, что к августу 1939 г. политическое положение Гитлера не было столь прочно, как в августе 1940 г., после многочисленных побед германского оружия. Генералы вермахта были недовольны фюрером, и в случае решительного наступления союзников на западе и массированных бомбардировок германских городов генералы вполне могли устроить путч и уничтожить Гитлера.

Однако союзники и пальцем не пошевелили, чтобы помочь Польше. Ни одна дивизия союзников не перешла в наступление на западе, и ни одна бомба не упала на германские города. Позже эти действия английские и французские историки справедливо окрестят «странной войной». Вот на море, правда, английские моряки занялись любимым со времён сэра Фрэнсиса Дрейка делом — каперством. Они с удовольствием захватывали

во всех районах Мирового океана германские суда. Дело это, кстати, очень прибыльное — потерь никаких, а деньги большие.

Совковые и либеральные историки утаили от нас, что в сентябре 1939 г. на Польшу хотела напасть и Литва. Её буржуазное правительство стянуло к границе с Польшей все три свои дивизии, а польское командование, в свою очередь, выставило заслон из двух дивизий на литовской границе. Однако советское правительство не хотело, чтобы Литва дружила с Гитлером против Польши, и после соответствующего дипломатического демарша литовские войска остались на своих позициях.

Подробное описание действий вермахта в Польскую кампанию выходит за рамки монографии. Я лишь скажу, что в ходе всей кампании немцы потеряли убитыми всего 16 343 солдата и офицера и 320 человек пленными и пропавшими без вести. Для справки скажу, что летом 1940 г. в ходе разгрома французской, английской, голландской и бельгийской армий немцы потеряли около 45 тысяч убитыми и 630 человек пленными и пропавшими без вести. А вот за первые три месяца Восточной кампании в России немцы потеряли 149 тысяч человек убитыми и 8900 пленными и без вести пропавшими, не считая потерь германского флота, финнов, венгров, итальянцев и румын^[172].

Уже 5 сентября последовал приказ польского главного командования, предлагавший оставшимся частям армии «Поможе» «маршировать за армией „Познань“... на Варшаву». К 6 сентября польский фронт рухнул. Ещё 1 сентября из Варшавы бежал президент страны И. Мосницкий. 4 сентября началась эвакуация правительственных учреждений. 5 сентября бежало правительство, а в ночь на 7 сентября бежал и главнокомандующий армией Э. Рыдз-Смиглы. 8 сентября германские войска уже вели бои в предместьях Варшавы. 9–11 сентября польское правительство вело переговоры с французским правительством о предоставлении ему убежища. 16 сентября начались польско-румынские переговоры о транзите польского руководства во Францию.

Перед советским правительством встал вопрос: что делать в сложившейся обстановке? Теоретически были возможны три варианта: 1 — начать войну с Германией; 2 —занять часть территории Польши, населённой белорусами и украинцами; 3 — вообще ничего не делать.

О первом варианте, то есть о войне СССР с Германией и Японией в одиночку и при враждебном отношении Англии и Франции, уже говорилось. Третий вариант дал бы немцам возможность сэкономить несколько недель в 1941 г. и позволил бы взять Москву ещё в августе — сентябре 1941 г.

Министр иностранных дел Германии Риббентроп в 18 ч. 50 мин. 3 сентября 1939 г. телеграфировал германскому послу в Москве Шуленбургу (телеграмма получена 4 сентября в 0 ч. 30 мин.). Телеграмма гласила: «Главе посольства или его представителю лично. Секретно! Должно быть расшифровано лично им! Совершеннейше секретно!

Мы безусловно надеемся окончательно разбить польскую армию в течение нескольких недель. Затем мы удержим под военной оккупацией районы, которые, как было установлено в Москве, входят в германскую сферу влияния. Однако понятно, что по военным соображениям нам придётся затем действовать против тех польских военных сил, которые к тому времени будут находиться на польских территориях, входящих в русскую сферу влияния.

Пожалуйста, обсудите это с Молотовым немедленно и посмотрите, не посчитает ли Советский Союз желательным, чтобы русская армия выступила в подходящий момент против польских сил в русской сфере влияния и, со своей стороны, оккупировала эту территорию. По нашим соображениям, это не только помогло бы нам, но также, в соответствии с московскими соглашениями, было бы и в советских интересах».

Шуленбург ответил Риббентропу 5 сентября в 14 ч. 30 мин.: «Молотов попросил меня встретиться с ним сегодня в 12. 30 и передал мне следующий ответ советского правительства: „Мы согласны с вами, что в подходящее время нам будет совершенно необходимо начать конкретные действия. Мы считаем, однако, что это время ещё не наступило. Возможно, мы ошибаемся, но нам кажется, что чрезмерная поспешность может нанести нам ущерб и способствовать объединению наших врагов“».

В ночь с 8 на 9 сентября Риббентроп отправил Шуленбургу новую телеграмму с просьбой поторопить советское правительство. «Развитие военных действий, — говорилось в телеграмме, — даже превосходит наши ожидания. По всем показателям польская армия находится более или менее в состоянии разложения. Во всех случаях я считал бы неотложным возобновление Ваших бесед с Молотовым относительно советской военной интервенции [в Польшу]. Возможно, вызов русского военного атташе в Москву показывает, что там готовится решение».

9 сентября Шуленбург телеграфировал в Берлин: «Молотов заявил мне сегодня в 15 часов, что советские военные действия начнутся в течение ближайших нескольких дней. Вызов военного атташе в Москву был действительно с этим связан. Будут также призваны многочисленные резервисты».

Меры к укреплению обороноспособности страны советское

руководство начало принимать ещё в июле 1939 г. Так, 27 июля Комиссия по организационным мероприятиям Наркомата обороны под председательством заместителя наркома командарма 1-го ранга Г. И. Кулика приняла решение развернуть на базе стрелковых дивизий тройного развёртывания ординарные стрелковые дивизии со штатом 4100 человек. Комиссия сделала вывод, что все военные округа могут разместить новые дивизии, материальных запасов также хватало, поэтому к 1 ноября 1939 г. следовало перейти на новую организацию стрелковых войск и к 1 мая 1940 г. подготовить новые мобилизационные планы.

По постановлению Совнаркома СССР от 2 сентября с 5 сентября начался призыв на действительную военную службу для войск Дальнего Востока и по тысяче человек для каждой вновь формируемой дивизии, а с 15 сентября — и для всех остальных округов. Всего до 31 декабря 1939 г. в ряды Красной армии было призвано 1076 тысяч человек.

Кроме того, согласно Закону о всеобщей воинской повинности, принятому 1 сентября 1939 г., на один год продлевался срок службы призывников 1937 г. (190 тысяч человек).

В результате проведённых мероприятий списочная численность Красной армии на 20 сентября составила 5 289 400 человек, из которых 659 тысяч были новобранцами.

В 2 часа ночи 17 сентября Сталин вызвал в Кремль германского посла Шуленбурга и сообщил ему, что Красная армия в 6 часов утра перейдёт границу с Польшей. Сталин просил Шуленбурга передать в Берлин, чтобы немецкие самолёты не залетали восточнее линии Белосток — Брест — Львов, и зачитал ноту, подготовленную для передачи польскому послу в Москве. Шуленбург немного уточнил текст этой ноты, Сталин согласился с его поправками, после чего посол, вполне удовлетворённый, уехал из Кремля. А уже в 3 ч. 15 мин. утра польскому послу в Москве В. Гжибовскому была вручена нота советского правительства, в которой говорилось: «Польско-германская война выявила внутреннюю несостоятельность польского государства. В течение десяти дней военных операций Польша потеряла все свои промышленные районы и культурные центры. Варшава, как столица Польши, не существует больше. Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что польское государство и его правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили своё действие договора, заключённые между СССР и Польшей. Предоставленная самой себе и оставленная без руководства Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для

СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, советское правительство не может более нейтрально относиться к этим фактам.

Советское правительство не может также безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, остались беззащитными.

Ввиду такой обстановки советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии.

Одновременно советское правительство намерено принять все меры к тому, чтобы вызволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями, и дать ему возможность зажить мирной жизнью.

Примите, господин посол, уверения в совершенном к Вам почтении.

Народный Комиссар Иностранных дел СССР

В. Молотов».

В ответ посол Гжибовский гордо отказался принять ноту, заявив, что «это было бы несовместимо с достоинством польского правительства». Однако наши дипломаты предусмотрели и такой вариант событий. Пока посол был в здании Наркомата иностранных дел, наш курьер отвёз ноту в польское посольство и передал её сторожу.

В тот же день все послы и посланники иностранных государств, находившиеся в Москве, получили идентичные ноты советского правительства, где говорилось о вручении ноты польскому послу с приложением оной, и говорилось, что СССР будет проводить политику нейтралитета в отношении «Вашей страны». Таким образом, Сталин послал правительствам Англии и Франции ясное предупреждение, что он не намерен воевать с ними, и там его правильно поняли.

В Польше реакция на советскую ноту и вторжение советских войск была противоречивой. Так, командующий польской армией Рыдз-Смиглы отдал два взаимоисключающих приказа по армии. В первом предписывалось оказывать советским частям вооружённое сопротивление, а во втором, наоборот, — «с большевиками в бой не вступать»^[173]. Другой вопрос, что проку от его приказов было мало, поскольку он уже давно потерял управление войсками.

А вот командующий армией «Варшава» генерал Юлиуш Руммель дал указание рассматривать перешедшие границу советские части как «союзнические», о чём свидетельствует документ, адресованный

советскому послу:

«Инспектор армии генерал дивизии Юлиуш Руммель.

Варшава, 17 сентября 1939 г.

Господин посол!

Как командующий армией, защищающей столицу Польской республики, и будучи представителем командования польской армии в западном районе Польши, я обращаюсь к господину послу по следующему вопросу.

Запрошенный командирами частей польской армии на восточной границе, как они должны относиться к войскам Советской республики, вступающим в границы нашего государства, я ответил, что части армии СССР следует рассматривать как союзнические.

Имею честь просить господина посла дать разъяснение, как к моему приказу относится армия СССР.

Командующий армией „Варшава“ Руммель»^[174].

Сейчас в польской литературе можно встретить мнение, что польское правительство допустило серьёзную ошибку, не объявив формально войну СССР, что позволило бы интернационализировать конфликт в «четыре часа утра» («Жите Варшавы», 17 сентября 1993 г.).

Конечно, втянуть Англию и Францию в сентябре 1939 г. в войну с СССР польскому правительству не удалось бы. Правительства Англии и Франции заранее порекомендовали Польше не объявлять войну СССР. Однако статья в «Жите Варшавы» весьма симптоматична. Я лично слышал от одного компетентного человека, что в 1940–1941 гг. советское правительство имело разведданные о подготовке поляками провокации с целью вызвать советско-германскую войну.

В нашей прессе с хрущёвских времён высмеиваются призывы советского руководства в первой половине 1941 г. «не поддаваться на провокации». Мол, из-за этого многие командиры были серьёзно дезориентированы в первые часы войны. Всё верно. Но почему-то никто не заинтересовался, а каких провокаций так опасался Сталин? Кто мог в 1941 г. устроить провокацию на советско-германской границе? Гитлер? Зачем же ему нужно было лишать себя фактора внезапности и дать возможность СССР начать всеобщую мобилизацию и т. д.? Неужто и без провокаций Геббельс не сумел бы объяснить немцам причины нападения на СССР? Так, может быть, кучка германских офицеров без санкции руководства решила бы на провокацию, чтобы развязать войну с СССР? Увы, это исключено.

А между тем в оккупированной немцами Польше были созданы

многочисленные отряды Армии Крайовой, которые получили приказ из Лондона «держат оружие у ноги», то есть временно затаиться. Ну а немцы их не очень трогали. И вот они-то и могли устроить провокацию, причём любого масштаба. Вспомним Варшавское восстание 1944 г. Ведь если бы у Гитлера хватило ума не подавлять восстание, а наоборот, отвести войска от Варшавы, то эта акция Армии Крайовой могла привести к серьёзным конфликтам (вплоть до войны) между СССР и западными союзниками.

А в 1941 г. советское правительство имело сведения, что Армия Крайова готовит крупную провокацию на советско-германской границе. Представьте себе переход сотен, а то и тысяч вооружённых людей, одетых в германскую форму, через нашу границу. Мог начаться бой с применением артиллерии и авиации. Наши самолёты начали бы сбивать германские самолёты, направлявшиеся в район конфликта для выяснения обстановки, и, как говорится, «пошло-поехало».

Но вернёмся к событиям 17 сентября 1939 г. В 5 часов утра советские войска перешли польскую границу.

На правом фланге Белорусского фронта от латвийской границы до Бегомля была развёрнута 3-я армия. В её задачу входило к исходу первого дня наступления выйти на линию Шарковщина — Дуниловичи — озеро Бяда — Яблонцы, на следующий день выйти на фронт Свенцяны — Михалишки и далее двигаться на Вильно. Главный удар наносился правым крылом армии, где находились войска 4-го стрелкового корпуса и подвижной группы в составе 24-й кавалерийской дивизии и 22-й танковой бригады.

5-я стрелковая дивизия и 25-я танковая бригада, наступавшие от Ветрино, к вечеру 17 сентября подошли к северной окраине Глубокого. А наступавшие в направлении главного удара части подвижной группы в 8 часов утра заняли Докшицы, а к 6 часам вечера уже были в Дуниловичах. Но там танковые части из-за отсутствия горючего были вынуждены остановиться, так как командир дивизии не пропустил вперёд тыловую колонну бригады. Пехотные же соединения сильно отставали. 27-я стрелковая дивизия к 12 часам 17 сентября заняла Парафианово и подходила к реке Сервечь, а 50-я стрелковая дивизия заняла Крулевщизну.

В первый день наступления потери советских войск составили 3 человека убитыми и 24 ранеными, ещё 12 человек утонули.

На крайнем правом фланге 3-й армии 10-я стрелковая дивизия продвигалась южнее Западной Двины в направлении Дриссы.

Южнее 3-й армии, на фронте от Бегомля до Ивенец, развернулись части 11-й армии, которые должны были к вечеру 17 сентября занять

Молодечно и Воложин, а на следующий день овладеть Ошмянами, Ивьем и двигаться дальше на Гродно.

Колонны 3-й и 11-й армий должны были сойтись у Вильно.

К 18 сентября в Вильно находилось 16 батальонов пехоты (7 тысяч солдат и 14 тысяч ополченцев) при 14 полевых орудиях. В 9 часов утра командующий гарнизона полковник Я. Окулич-Козарин отдал приказ: «Мы не находимся с большевиками в состоянии войны, части по дополнительному приказу оставят Вильно и перейдут литовскую границу; небоевые части могут начать оставление города, боевые — остаются на позициях, но не могут стрелять без приказа». Но многие офицеры восприняли это приказ как измену, и по Вильно поползли слухи, будто бы в Германии произошёл переворот, и Румыния с Венгрией объявили Германии войну. Поэтому полковник Окулич-Козарин, планировавший отдать приказ об отступлении в 16 ч. 30 мин., отдал его только в 8 часов вечера.

В 19 ч. 10 мин. командир 2-го батальона, развёрнутого на южной и юго-западной окраине города, подполковник С. Шилейко доложил о появлении советских танков и запросил разрешение открыть огонь. Пока Окулич-Козарин отдал приказ об открытии огня, пока этот приказ передали войскам, восемь советских танков уже прошли первую линию обороны, и для борьбы с ними были направлены резервные части.

Около 20 часов Окулич-Козарин отдал приказ на отход войск из города и выслал подполковника Т. Подвысоцкого в распоряжение советских войск, чтобы уведомить командование, что польская сторона не хочет с ними сражаться, и потребовать их ухода из города. После этого Окулич-Козарин уехал из Вильно, а Подвысоцкий решил защищать город и около 21 ч. 45 мин. отдал приказ о приостановке отхода войск.

А в это время в Вильно шли уличные бои, в которых участвовала в основном виленская молодёжь. Учитель Г. Осиньский организовал из учащихся гимназий добровольные команды, занявшие позиции на возвышенностях. Стреляли только старшеклассники, а те, кто помладше, подносили боеприпасы и обеспечивали связь.

18 сентября около 19 ч. 30 мин. к Вильно подошли 8-й и 7-й танковые полки и завязали бой за южную часть города. 8-й танковый полк в 20 ч. 30 мин. ворвался в южную часть города, а 7-й танковый полк, натолкнувшись на активную оборону, только на рассвете 19 сентября вошёл в юго-западную часть Вильно.

Тем временем 6-я танковая бригада форсировала Березину, прошла Гольшаны и в 20 часов 18 сентября была уже на южных окраинах Вильно, где установила связь с 8-м танковым полком. Польские отряды молодёжи с

горы Трёх Крестов обстреляли из артиллерийских орудий наступающие советские танки. Также поляки широко использовали бутылки со смесью бензина и нефти и подожгли один советский танк.

19 сентября к 8 часам утра к Вильно подошли части 3-го кавалерийского корпуса. 102-й кавалерийский полк начал наступление на юго-восточную окраину города, 42-й кавалерийский полк обошёл город с востока и сосредоточился на его северо-восточной окраине, а 7-я кавалерийская дивизия начала обходить Вильно с запада. К 13 часам был занят железнодорожный вокзал. В 16 часов началась перестрелка у Зелёного моста, в ходе которой поляки подбили одну бронемашину и один танк. Ещё в 11 ч. 30 мин. подошла мотогруппа 3-й армии.

К 18 часам 19 сентября обстановка в Вильно нормализовалась, хотя вплоть до 2 часов ночи 20 сентября то тут то там возникали отдельные перестрелки.

В боях за Вильно 11-я армия потеряла 13 человек убитыми и 24 ранеными, было подбито 5 танков и 4 бронемашины.

20–23 сентября советские войска подтягивались к Вильно и занимались очисткой города и прилегающих районов от польских частей. Всего было взято в плен около 10 тысяч человек, трофеями советских войск стали 97 паровозов, 473 пассажирских и 960 товарных вагонов (из них 83 с продовольствием, 172 с овсом, 6 с боеприпасами, 9 цистерн с бензином и 2 цистерны со спиртом).

19 сентября в 3 ч. 30 мин. 3-я армия получила приказ организовать охрану латвийской и литовской границы.

Вечером 18 сентября войска 16-го стрелкового корпуса 11-й армии развернулись на северо-запад и двинулись к городу Лиде. 19 сентября Лида была взята почти одновременно частями 11-й армии и конно-моторизованной группы.

Южнее 11-й армии наступала конно-моторизованная группа, имевшая задачей в первый день наступления достичь Любча и Кирина, а на следующий день форсировать реку Молчадь и двигаться на Волковыск.

Вечером 17 сентября 6-й кавалерийский корпус форсировал реку Ушу. Передовой отряд 11-й кавалерийской дивизии в ночь на 18 сентября занял Новогрудок. 19 сентября в 3 часа ночи мотоотряд под командованием командира корпуса А. И. Ерёменко занял Волковыск.

Вечером 20 сентября части конно-моторизованной группы двинулись с юга на Гродно. В городе к тому времени находились два батальона и штурмовая рота 29-й пехотной дивизии, 31-й караульный батальон, 5 взводов позиционной артиллерии (5 орудий), 2 зенитно-пулемётные роты,

двухбатальонный отряд полковника Ж. Блюмского, батальон национальной обороны «Поставы» и спешенный 32-й дивизион Подляской кавалерийской бригады. В городе было много жандармерии и полиции. Командующий округом «Гродно» полковник Б. Адамович был настроен на эвакуацию частей в Литву.

Ещё 18 сентября в Гродно начались перестрелки между польскими войсками и прокоммунистически настроенными горожанами. Последним 18 сентября удалось освободить политзаключённых из местной тюрьмы.

20 сентября в 13 часов пятьдесят танков 27-й танковой бригады подошли к южной окраине Гродно, с ходу атаковали поляков и уже к вечеру заняли южную часть города и вышли на берег Немана. Несколько советских танков прорвались через мост в центр Гродно. Но танки, не поддержанные пехотой, были атакованы солдатами, полицейскими и польской молодёжью, которые использовали артиллерийские орудия и бутылки с зажигательной смесью. Часть советских танков им удалось уничтожить, а остальные вернулись обратно за Неман.

К 18 часам 20 сентября 27-я танковая бригада и 119-й стрелковый полк 13-й стрелковой дивизии находились в южной части Гродно. Группа младшего лейтенанта Шайхудинова переправилась на лодках на правый берег Немана в 2 км восточнее Гродно, где начала бой за кладбище, на котором были оборудованы пулемётные гнёзда. В ходе этого ночного боя 119-й полк закрепился на правом берегу Немана и вышел на подступы к восточной окраине города.

Утром 21 сентября к Гродно подошёл 101-й стрелковый полк, он также переправился на правый берег и развернулся севернее 119-го полка. В 6 часов утра оба полка, усиленные четырьмя орудиями и двумя танками, атаковали город и к полудню вышли на линию железной дороги, а к 14 часам находились уже в центре Гродно, но к вечеру были отведены на окраину.

С рассветом 22 сентября моторизованная группа 16-го стрелкового корпуса вошла в Гродно с востока. В ночь на 22 сентября польские войска бежали из города. Взятие Гродно обошлось РККА в 57 убитых и 159 раненых, было подбито 19 танков и 4 бронемашины. На поле боя захоронили 644 поляков, взяли в плен 1543 военнослужащих, советскими трофеями стали 514 винтовок, 50 револьверов, 146 пулемётов, одно зенитное орудие и один миномёт.

Обратим внимание: и вермахт, и РККА старательно повторяли одну и ту же ошибку — пытались штурмовать в лоб города, занятые польскими войсками, где их поддерживала наиболее фанатичная часть польского

населения. Мало того, многие польские города имели в своих предместьях укрепления и, таким образом, превратились в мощные крепости. Те же Гродно и Брест к 1914 г. были русскими крепостями. Кроме того, в 20–30-х гг. поляки построили у многих городов целые укрепрайоны с бетонными дотами, для поражения которых требовались мортиры или гаубицы калибра не менее 280 мм.

Во втором эшелоне за конно-моторизованной группой наступали войска 10-й армии. Они 19 сентября перешли границу с задачей выйти на фронт Новогрудок — Городище, а затем двигаться на Дворец. К исходу первого дня наступления части 10-й армии вышли к рекам Неман и Уша, а к вечеру 20 сентября вышли на рубеж Налибоки — Деревна — Мир, после чего получили задачу выдвигаться на фронт Сокулка — Большая Берестовица — Свислочь — Новый Двор — Пружаны.

Вечером 20 сентября приказом командующего Белорусским фронтом 10-й армии были подчинены войска 5-го стрелкового, 6-го кавалерийского и 15-го танкового корпусов. Однако на следующий день, после переговоров командующих 10-й армией, конно-моторизованной группой и Белорусского фронта, решено было оставить 6-й кавалерийский и 15-й танковый корпуса в составе конно-моторизованной группы.

17 сентября в 5 часов утра началось наступление на фронте 4-й армии, в задачу которой входило, двигаясь на Барановичи, к вечеру первого дня выйти на линию Снов — Жиличи. К 10 часам вечера 29-я танковая бригада овладела Барановичами и расположенным здесь же укрепрайоном, который не был занят польскими войсками. Первым в город вошёл танковый батальон под командованием И. Д. Черняховского.

В районе Барановичей советские войска взяли в плен около 5 тысяч польских солдат, четыре противотанковые пушки и два эшелона с продовольствием.

8-я стрелковая дивизия 4-й армии заняла Несвиж и продвинулась до Снува, а 143-я стрелковая дивизия заняла Клецк. К вечеру 18 сентября 29-я и 32-я танковые бригады, двигавшиеся по шоссе Барановичи — Кобрин, вышли на реку Шара, 8-я стрелковая дивизия прошла Барановичи, а 143-я стрелковая дивизия продвинулась до Синявки.

К исходу 19 сентября 29-я танковая бригада вошла в Пружаны, где оставалась до 22 сентября. 32-я танковая бригада заняла местечко Миньки, расположенное на шоссе Барановичи — Кобрин. 8-я стрелковая дивизия подошла к реке Шара, 143-я стрелковая дивизия заняла район Ольховка — Городище.

20 сентября к 21 часу 32-я танковая бригада вошла в Кобрин, а 8-я

стрелковая дивизия — в Ружаны, 143-я стрелковая дивизия заняла Ивацевичи.

29-я танковая бригада, оставшаяся в Пружанах, занималась осмотром и ремонтом танков и вела разведку в сторону Бреста. У Видомля был установлен контакт с германскими частями.

Войска Украинского фронта 17 сентября перешли польскую границу и стали продвигаться в глубь страны. На северном фланге на фронте от Олевска до Ямпола развернулась 5-я армия, в задачу которой входило «нанести мощный и молниеносный удар по польским войскам, решительно и быстро наступать в направлении Ровно». В районе Олевска сосредоточилась 60-я стрелковая дивизия, имевшая задачу наступать на Сарны. В районе Городища развернулся 15-й стрелковый корпус. Ближайшей его задачей был выход к реке Горыни, а к вечеру 17 сентября он должен был занять Ровно. В районе Острог — Славута развернулся 8-й стрелковый корпус, имевший своей задачей к исходу дня занять Дубно.

18 сентября 15-й и 8-й стрелковые корпуса должны были занять Луцк и двинуться в сторону Владимира-Волынского. В 5 часов утра 17 сентября части 5-й армии перешли границу, сломив незначительное сопротивление польских пограничных частей.

К утру 19 сентября 60-я стрелковая дивизия достигла Сарненского укрепрайона и завязала бои за овладение им. Советские части вели борьбу с дотами противника на правом берегу реки Случь. В ходе двухдневных боёв советские войска прорвали укрепрайон на фронте Тынке — Князь-Село и 21 сентября вступили в Сарны, откуда польские войска отступили в Полесье. До 25 сентября бойцы 60-й дивизии очищали Сарненский укрепрайон от вооружения и боеприпасов.

17 сентября в 18 часов передовой отряд 45-й стрелковой дивизии занял Ровно, разоружив там мелкие польские части. Наступавшая севернее 87-я стрелковая дивизия 15-го стрелкового корпуса 19 сентября в районе Костополя вступила в бой с двумя пехотными полками противника. После непродолжительной перестрелки полторы тысячи поляков при 25 полевых орудиях сдались, а остальные разбежались.

21 сентября в 4 часа утра разведбатальон 45-й стрелковой дивизии вошёл в Ковель. Польские части, находившиеся в городе, боя не приняли и бежали на запад.

21–22 сентября 87-я стрелковая дивизия на рубеже Навуз — Боровичи была остановлена хорошо укрепившейся группой 3-го польского пехотного полка и вступила в бой. «21 сентября разведбатальон и танковая рота при входе в деревню Навуз были обстреляны ружейно-пулемётным огнём и

огнём противотанковых орудий. Разведбатальон и танковая рота отступили с некоторыми потерями. В бой были брошены подразделения 16-го стрелкового полка, 43-го разведбатальона, 212 гаубичного артполка и 71-го противотанкового дивизиона. В бою 21–22 сентября на Безымянной высоте в Навуз противник был уничтожен. Остатки преследовались до Боровичи. В результате боя поляки имели 260 человек убитых и раненых и 120 пленных», было подбито одно 45-мм орудие и три станковых пулемёта.

Потери советских войск составили 99 человек убитыми и 137 ранеными.

В 14 часов 22 сентября остатки польских частей начали отход в сторону Колки и на север — в Полесье, а около 15 часов их бомбардировали девять советских самолётов СБ.

Наступавшая в первом эшелоне 8-го стрелкового корпуса 36-я танковая бригада двинулась в сторону Дубно, но в первый день наступления танкисты не отрывались от стрелковых частей, чтобы не создавать трудностей с подвозом горючего.

17 сентября в местечке Мирогоща две советские бронемашины под командованием старшего лейтенанта Аксёнова остановили четыре эшелона с польскими войсками. Пока одна бронемашина держала под прицелом головной паровоз, Аксёнов вступил в переговоры с польским начальником эшелонов и заявил ему, что в случае попытки увести эшелоны на запад он вызовет авиацию и скрывающиеся в засаде танки. Это был, конечно, блеф, но поляки поверили и не попытались увести эшелоны. Только к утру 18 сентября на помощь к Аксёнову подошли пять танков, и поляки сразу же сдались.

36-я танковая бригада в 7 часов утра 18 сентября заняла Дубно, где разоружила тыловые части 18-й и 26-й польских пехотных дивизий. Всего в плен было взято около 6 тысяч поляков, трофеями РККА стали 12 орудий, 70 пулемётов, 3 тысячи винтовок, 50 автомашин и 6 эшелонов с вооружением.

В тот же день в 11 часов советские войска после небольшой перестрелки заняли Рогачув, взяли там в плен 200 поляков и захватили 4 эшелона со снаряжением и боеприпасами.

К 17 часам 36-я танковая бригада и разведбатальон 45-й стрелковой дивизии вступили в Луцк, в районе которого было разоружено и взято в плен до 9 тысяч поляков, а трофеями советских войск стали 7 тысяч винтовок, 40 пулемётов, 1 танк и 4 эшелона военного имущества. Наутро 19 сентября 36-я танковая бригада двинулась к Торчину, а оттуда в тот же день в 17 ч. 30 мин. выступила на Владимир-Волынский и в 23 ч. 30 мин.

после небольшого боя с поляками в районе казарм школы хорунжих и 27-го артиллерийского полка вступила в город.

Утром 20 сентября командир 36-й танковой бригады Богомолов начал переговоры с начальником польского гарнизона генералом М. Сморовиньским об условиях сдачи города. В итоге в течение дня польский гарнизон был разоружён.

Танковая бригада находилась на окраине Владимира-Волынского до 23 сентября, разоружая подходившие к городу группы польских войск. А в это время соединения 8-го стрелкового корпуса подходили к Владимиру-Волынскому и 22 сентября вышли на фронт Владимир-Волынский — Сокаль. За это время в районе Верба советские части разоружили до 10 тысяч польских солдат.

К исходу 22 сентября войска 5-й армии вышли на рубеж Ковель — Рожице — Владимир-Волынский — Иваничи.

Ещё южнее, на линии Теофиполь — Войтовцы, наступали войска 6-й армии. 17 сентября 10-я танковая бригада вступила в Теофиполь. 24-я танковая бригада и 136-й стрелковый полк 97-й стрелковой дивизии к 12 часам прошли Доброводы и, обойдя Тарнополь с северо-запада, около 22 часов вышли на его западную окраину. А в 19 часов в Тарнополь с севера вошли 11 танков 5-й кавалерийской дивизии 2-го кавалерийского корпуса, но, не зная обстановки, танкисты отложили атаку до утра. В Тарнополе красноармейцы 5-й дивизии занимались очисткой города от разрозненных групп польских офицеров, жандармов и вооружённых местных жителей. 18 сентября в ходе перестрелок дивизия потеряла 3 человека убитыми и 37 ранеными. 18 сентября в 10 ч. 30 мин. в город вступили стрелковые дивизии 17-го стрелкового корпуса. В Тарнополе в плен было взято около 600 польских солдат.

Севернее наступали части 2-го кавалерийского корпуса. Утром 18 сентября они форсировали реку Серет и в 10 часов утра получили приказ командования Украинского фронта форсированным маршем двинуться к Львову и занять его. Так как конский состав нуждался в отдыхе, командир корпуса создал сводный мотоотряд из 600 спешенных кавалеристов, посаженных на танки 5-й кавалерийской дивизии и батальона 24-й танковой бригады под командованием командира 5-й кавалерийской дивизии комбрига И. Шарабурко. Этот отряд двинулся к Львову. По дороге красноармейцы взяли в плен до 6 тысяч польских солдат. Остальные войска 6-й армии также продвигались к Львову.

12–18 сентября 1-я и 2-я германские горнопехотные дивизии окружили Львов с севера, запада и юга. С востока к городу двигались части Красной

армии. В ходе этого марша 14-я кавалерийская дивизия у Сасува вступила в бой с местным гарнизоном и полицейскими, в результате в плен попало 1155 поляков, и трофеями красноармейцев стали 1200 винтовок. В ночь на 19 сентября от Бродок ко Львову подошла польская колонна, которая также была разоружена частями РККА. В плен было взято 12 096 польских солдат, трофеями Красной армии стали 12 тысяч винтовок, 26 орудий, 275 пулемётов, 32 автомашины и 1200 лошадей. К утру 19 сентября 2-й кавалерийский корпус занял Злочув, а к вечеру 20 сентября 14-я кавалерийская дивизия вышла на рубеж Ярычев — Барщевеце, а 3-я кавалерийская дивизия подошла к линии Калиновка — Бялка — Шляхецкая, то есть находилась в 8 км от Львова.

В этот день, 20 сентября, 38-я и 10-я танковая бригады и сводный отряд 97-й и 96-й стрелковых дивизий вошли в подчинение 2-му кавалерийскому корпусу, и началась подготовка к штурму. Штурм Львова был намечен на 9 утра 21 сентября.

19 сентября около 2 часов ночи к Львову подошёл сводный мотоотряд 2-го кавалерийского корпуса и 24-й танковой бригады (всего 35 танков). Польская артиллерия открыла огонь. Преодолевая уличные баррикады, разведрота (6 танков) дошла до центра города, где была встречена огнём батареи, расположенной у костёла. Поляки подбили головной танк. Тогда командир разведроты старший лейтенант Чуфаров, сбив орудие с костёла, поджёг выстрелом снаряды противника. Орудийная прислуга разбежалась, а офицеры закричали: «Не стрелять!» Но тут по танкам был открыт ружейно-пулемётный огонь из казарм и окрестных домов. Танкисты отвечали, обстреливая дома. К 4 ч. 30 мин. огонь с обеих сторон прекратился.

Капитан Шуренков связался с польским штабом и вызвал начальника гарнизона Львова для переговоров о сдаче города. 19 сентября в 6 часов утра части заняли свои места и приступили к обезоруживанию польских войск, подходивших к Львову, а разведбатальон обезоруживал казармы, расположенные в самом городе.

В 6 ч. 30 мин. к командиру танковой бригады прибыли два польских майора для переговоров, но командир вести с ними переговоры не захотел и велел прибыть лично начальнику гарнизона или начальнику штаба. В 7 часов утра прибыли полковник и два других майора, с ними командир бригады также не стал вести переговоры. В 7 ч. 40 мин. прибыл начальник штаба гарнизона полковник генерального штаба Б. Раковский, а с ним два полковника и три майора. Командир танковой бригады назвался командиром танкового корпуса, который окружил Львов, и предложил

сдать город. Начальник штаба гарнизона ответил, что он не уполномочен принимать такое решение и должен получить на это указание своего начальства. На это ему было дано два часа. Командир бригады потребовал от начальника штаба львовского гарнизона, чтобы все советские танки, находившиеся на тот момент в городе и на его окраинах, продолжали оставаться на своих местах, и чтобы начальник штаба разрешил занять командные пункты для наблюдения за немецкими позициями, прилегавшими полукольцом к городу. Согласие на это было получено.

В 8 ч. 30 мин. немцы неожиданно предприняли атаку на западную и южную окраины города. Советские танки и бронемашины оказались между двух огней — немцев и поляков. Тогда командир бригады послал к немцам бронемашину, на которой был укреплен белый флаг (кусок нижней рубахи на палке). Советские танки и бронемашины выбрасывали красные и белые флажки, но огонь по ним с обеих сторон не прекращался, тогда из танков и бронемашин был открыт ответный огонь. При этом у немцев было подбито три противотанковых орудия, убито три офицера и ранено девять солдат. Наши потери составили две бронемашины и один танк, убито три человека и ранено четыре.

Вскоре огонь был прекращен, с бронемашиной прибыл командир 137-го полка немецкой горнопехотной дивизии полковник фон Шляммер, с которым командир бригады в немецком штабе договорился по всем спорным вопросам. Красноармейцы подобрали своих раненых и убитых, а немцы — своих.

19 и 20 сентября неоднократно велись переговоры между командованием 24-й танковой бригады и представителями командования немецкой горнопехотной дивизии о прекращении боевых действий и ликвидации возникших конфликтов. В результате переговоров отношения были нормализованы, и впоследствии между частями советской 24-й танковой бригады и немецкой горнопехотной дивизии никаких недоразумений не возникало. В ходе переговоров командующего артиллерией Украинского фронта комбрига Н. Д. Яковлева с германским командованием стороны требовали друг от друга отвести войска от города и не мешать его штурму. К вечеру 20 сентября германские войска получили приказ отойти от Львова.

22 сентября в 14 часов польские войска стали складывать оружие, а в 15 часов части 2-го кавалерийского корпуса в пешем строю вместе с танками 24-й, 38-й и 10-й танковых бригад вступили в город. Гарнизон в целом выполнил соглашение о сдаче, но отдельные группы офицеров в нескольких местах открыли огонь с баррикад; эти очаги сопротивления

были быстро подавлены с помощью танков. К вечеру 23 сентября во Львове был наведён порядок, и основные силы советских войск отошли на окраины города.

На самом южном фланге Украинского фронта по линии Сатанов — река Днестр наступала 12-я армия. В 5 часов утра 17 сентября части 12-й армии форсировали реку Збруч. К 16 часам танки перешли вброд Днестр и захватили на аэродроме около Городенки шесть польских самолётов.

18 сентября 23-я танковая бригада заняла Коломыю, разоружив там до 10 тысяч поляков из состава 24-й и остатков 2-й и 5-й пехотных дивизий. В 2 часа ночи 19 сентября бригада двинулась к Станиславу и в тот же день в 14 часов подошла к нему. Дальше танки пошли на Галич, прибыв туда вечером того же дня. Наутро 23-я танковая бригада выступила из Галича и через Калуш, Долину и Болехов 21 сентября достигла Стрыя.

19 сентября части 25-го танкового корпуса заняли Галич, захватив мосты через Днестр, Завадку и Збору. В тот же день 4-й кавалерийский корпус вошёл в район Рогатин — Бурштын. 26-я танковая бригада вышла в район Галич — Больновцы.

Передовые отряды 13-го стрелкового корпуса продвигались к Станиславу. 19 сентября корпус был подчинён командующему погранвойсками НКВД комдиву Осокину, который получил приказ Военного совета Украинского фронта «немедленно закрыть границу», чтобы «не допустить ни в коем случае ухода польских солдат и офицеров из Польши в Румынию». С 21 сентября основные силы 13-го стрелкового корпуса были развёрнуты вдоль границы с Румынией и Венгрией от реки Збруч до Бескид.

20 сентября части 12-й армии подошли к линии Николаев — Стрый. В районе Стрыя советское командование установило контакт с немецкими войсками, и 22 сентября немцы передали Стрый Красной армии, а на следующий день туда вошла 26-я танковая бригада. В результате переговоров советские войска были остановлены на достигнутой линии.

21 сентября в 10 ч. 30 мин. в штабы Белорусского и Украинского фронтов поступило приказание наркома обороны, по которому все войска должны были оставаться на линии, достигнутой передовыми частями к 20 часам 20 сентября. Перед войсками ставилась задача подтянуть отставшие части и тылы, наладить устойчивую связь, находиться в полной боевой готовности и принять меры для охраны тылов и штабов. Командованию Белорусского фронта разрешалось продолжить наступление в Сувалском выступе.

А тем временем руководство СССР и Германии вело напряжённые

переговоры, на которых решалось, где должна проходить демаркационная линия между советскими и германскими войсками.

20 сентября в 16 ч. 20 мин. начались переговоры между К. Е. Ворошиловым и Б. М. Шапошниковым, с одной стороны, и генералом Кестрингом, полковником Г. Ашенбреннером и подполковником Г. Кребсом, с другой. Стороны договаривались о порядке отвода германских войск и продвижении советских войск на демаркационную линию. Следующий раунд переговоров состоялся с 2 до 4 часов ночи 21 сентября, стороны уточнили сроки выхода на демаркационную линию и подписали советско-германский протокол, в котором говорилось:

«Части Красной Армии остаются на линии, достигнутой ими к 20 часам 20 сентября 1939 г., и продолжают вновь своё движение на запад с рассветом 23 сентября 1939 г.

Части Германской армии, начиная с 22 сентября, отводятся с таким расчётом, чтобы, делая каждый день переход, примерно, в 20 километров, закончить свой отход на западный берег г. Вислы у Варшавы к вечеру 3 октября и у Демблина к вечеру 2 октября; на западный берег р. Писса к вечеру 27 сентября, р. Нарев, у Остроленки, к вечеру 29 сентября и у Пултуска к вечеру 1 октября; на западный берег р. Сан, у Перемышля, к вечеру 26 сентября и на западный берег р. Сан, у Санок и южнее, к вечеру 28 сентября.

Движение войск обеих армий должно быть организовано с таким расчётом, чтобы имела дистанция между передовыми частями колонн Красной Армии и хвостом колонн Германской армии, в среднем до 25 километров.

Обе стороны организуют своё движение с таким расчётом, что части Красной Армии выходят к вечеру 28 сентября на восточный берег р. Писса; к вечеру 30 сентября на восточный берег р. Нарев у Остроленки и к вечеру 2 октября у Пултуска; на восточный берег р. Висла у Варшавы к вечеру 4 октября и у Демблина к вечеру 3 октября; на восточный берег р. Сан у Перемышля к вечеру 27 сентября и на восточный берег р. Сан у Санок и южнее к вечеру 29 сентября».

21 сентября в 22 ч. 15 мин. в штабы Белорусского и Украинского фронтов поступил приказ наркома обороны № 156, в котором излагалось содержание советско-германского протокола и разрешалось начать движение на запад с рассветом 23 сентября.

На следующий день Военный совет Белорусского фронта отдал соответствующий приказ № 05.25 сентября войска получили директиву наркома обороны № 011 и приказ Военного совета Белорусского фронта

№ 06, предупреждавшие, что «при движении армии с достигнутого рубежа Августов — Белосток — Брест-Литовск на запад на территории, оставляемой Германской армией, возможно, что поляки будут рассыпавшиеся части собирать в отряды и банды, которые совместно с польскими войсками, действующими под Варшавой, могут оказать нам упорное сопротивление и местами наносить контрудары».

В ночь на 24 сентября отряд 27-й танковой бригады в составе 20 танков БТ-7 занял город Сувалки. В тот же день советские части заняли город Сейн.

Части 3-й армии продолжали охранять латвийскую и литовскую границы от Дриссы до Друскенинка. 11-я армия начала передислокацию вдоль литовской границы к Гродно. 16-й стрелковый корпус продолжал продвигаться в сторону Гродно и 21 сентября занял Эйшишки.

26–28 сентября части 3-й и 11-й армий закрепились на границе с Литвой и Восточной Пруссией от Друскенинка до Щучина.

21 сентября в Волковыске прошли переговоры между представителями германского командования и командованием 6-го кавалерийского корпуса, на которых была согласована процедура отвода немецких войск из Белостока. В это время части 6-го корпуса находились на линии Большая Берестовица — Свислочь. 22 сентября в 13 часов в Белосток прибыл передовой отряд в 250 человек под командованием полковника И. А. Плиева, а к 16 часам процедура приёма Белостока у немцев завершилась, и немцы оставили город.

Прибытие в Белосток отряда Плиева вызвало в городе большое оживление, возник стихийный митинг. Позже Плиев писал: «Интересно отметить, что эти бурные сцены происходили на виду у отступающих германских войск. Их уже не боялись, их теперь никто не замечал. Молча шагали они по чужим улицам враждебного города, молча, но видя, на чьей стороне ум и сердце народа».

В тот же день в Белосток вошла 6-я кавалерийская дивизия, а 11-я кавалерийская дивизия достигла района Крынки-Бялостоцкие — Городок.

25 сентября в 15 часов 20-я мотобригада, переданная в состав 10-й армии, приняла у немцев Осовец. 26 сентября бригада вошла в Соколы, а к вечеру 29 сентября была у Замбруве.

Во втором эшелоне за войсками 6-го кавалерийского корпуса двигался 5-й стрелковый корпус, 20 сентября переданный в состав 10-й армии. Утром 24 сентября 5-й корпус двинулся на линию Свислочь — Порозова, а его передовые отряды в 13 часов 25 сентября заняли Бельск-Подляски и Браньск. 27 сентября передовые отряды корпуса были в Нуре и Чижеве. В

районе Гайнувки части 5-го корпуса обнаружили польские военные склады, где находилось около 14 тысяч снарядов, 5 млн патронов, одна танкетка, две бронемашины, две автомашины и две бочки горючего, — всё это стало трофеями Красной армии.

На южном участке фронта двинулись на запад части 4-й армии.

22 сентября в 15 часов 29-я танковая бригада вошла в Брест, занятый немецким 19-м моторизованным корпусом. Комбриг С. М. Кривошеин вспоминал, что на переговорах с Гудерианом он предложил следующую процедуру парада: «В 16 часов части вашего корпуса в походной колонне, со штандартами впереди, покидают город, мои части, также в походной колонне, вступают в город, останавливаются на улицах, где проходят немецкие полки, и своими знамёнами салютуют проходящим частям. Оркестры исполняют военные марши». Гудериан, настаивавший на проведении полноценного парада с предварительным построением, согласился всё-таки на предложенный вариант, «оговорив, однако, что он вместе со мной будет стоять на трибуне и приветствовать проходящие части».

К 29 сентября войска Белорусского фронта продвинулись до линии Щучин — Стависки — Ломжа — Замбрув — Цехановец — Косув-Ляцки — Соколув-Подляски — Седльце — Луков — Вохынь.

Глава 30

Россия на новых западных границах

Советская пресса назвала двухнедельную акцию Красной армии «освободительным походом». Сейчас либеральные историки, как у нас, так и в Польше, говорят о «советско-польской войне».

Действительно, в широком смысле слова можно говорить и о войне. Была ли, например, во времена Екатерины Великой «картофельная война» между Пруссией и Австрией, на которой вообще не было боевых потерь? Но в узком смысле слова термин «война» здесь неприменим. Гораздо уместнее именовать эту акцию конфликтом или походом.

В ходе операции с 17 сентября по 2 октября 1939 г. Красная армия потеряла убитыми и умершими на этапах эвакуации 852 человека, пропавшими без вести 144 человека.

Для сравнения, в ходе конфликта на реке Халхин-Гол наши потери убитыми составили 6831 человек и пропавшими без вести 1143 человека. Итого потерь 996 и 7974 человек, то есть потери в локальном конфликте с Японией в 8 раз превысили потери в «войне».

Потери польских войск в ходе боёв с Красной армией были, несомненно, выше, чем советские, но точной цифры установить сейчас невозможно. С пленными же дело обстоит иначе. По официальным данным, Украинским фронтом в период с 17 сентября по 2 октября 1939 г. было взято в плен 392 334 человека, в том числе 16 723 офицера; Белорусским фронтом с 17 по 30 сентября 1939 г. было взято в плен 60 202 человека, из них 2066 офицеров^[175].

События сентября 1939 г. имели крайне противоречивый характер. Поэтому любой журналист, получив соответствующий заказ, сможет представить её весёлой прогулкой РККА, в ходе которой польские солдаты с удовольствием сдавались красноармейцам, а те угощали их папиросами. А можно представить всю кампанию в виде тяжёлых, упорных и кровопролитных боёв. Что делать, ведь было и то и другое.

То же самое можно сказать и об отношении мирных жителей к приходу Красной армии. До 1990 г. у нас рассказывалось исключительно о триумфальных арках, сооружаемых местным населением, и толпах селян, радостно приветствовавших советские войска. Зато потом пошла какая-то чернуха, злодеи из НКВД начали расстреливать и отправлять в Сибирь

десятки тысяч ни в чём не повинных граждан.

Как и во многих других случаях, истина лежит посередине между полярными точками зрения. К сожалению, пока ещё никто не проанализировал действия НКВД на занятых в 1939 г. территориях. Поэтому я обращаюсь к рассекреченным документам пограничных войск НКВД за сентябрь — октябрь 1939 г. Донесения эти предназначались руководству НКВД и, естественно, их невозможно рассматривать как пропагандистские материалы. Итак, одни цитаты:

17 сентября. Япмольский погранотряд. «Во время форсирования р. Вилия крестьяне Манжиричи оказали активную помощь, вытаскивая наши увязшие автомашины»^[176].

«К 10. 00 на стражнице „Махайловка“ находился польский батальон, представители которого трижды приходили к границе и просили их забрать»^[177].

18 сентября. Волочинский погранотряд. «В 21. 30 частями РККА заняты Сарны. Захваченные пленные в количестве 50 человек, из коих 3 офицера и 4 капрала, приконвоированы на заставу „Островок“. Штаб армейской группы РККА продвинулся в район Ровно... В подразделениях отряда находится до 600 человек пленных, к охране которых привлечён актив из местного населения»^[178].

«В приграничном польском с. Токи, что против нашего с. Ожиговцы, осталась стрелецкая организация^[179] численностью до 40 человек, имеющая оружие. Члены этой организации угрожают революционно настроенным гражданам.

В приграничных польских сёлах отмечается праздничное настроение. Население оказывает активную помощь в переправе обозов частей Красной Армии через р. Збруч»^[180].

18 сентября. Олевский погранотряд. «В 10.30 на участке заставы „Островок“, в 60 км от границы, пограничным нарядом задержаны двое неизвестных, назвавшиеся лейтенантом германской армии Альштадтюком и Перенсом Фридрихом, и показали, что они якобы находились в плену у поляков, содержались в тюрьме м. Ракитно и в связи с подходом частей РККА тюрьма поляками была подожжена, а пленные бежали в направлении СССР»^[181].

18 сентября. Каменец-Подольский погранотряд. «В 9. 30 на участке заставы „Б. Мушка“ сел польский истребитель, в котором задержан пилот подпоручик 3-го Варшавского авиадивизиона Врублевский, заявивший, что он в составе группы из пяти самолётов имел задание прибыть в Черновицы

(Румыния). В Снятый совершил посадку, откуда поднялся и перелетел через Бессарабию.

Перелёт на нашу территорию Врублевский объясняет своим возмущением по поводу поведения польского правительства, бежавшего из Польши. При посадке самолёт сильно повреждён. Пилот легко ранен в голову»^[182].

19 сентября. Каменец-Подольский погранотряд. «В 20. 45 жители польского с. Залесье сообщили, что в пограничных сёлах жандармы и кулаки организуют террористические группы, которые терроризируют местное население из числа украинцев и белорусов.

По тем же данным, из Румынии в Польшу перешли группы польских солдат, которые производят погромы, избивают украинцев и белорусов в сёлах Шупарка, Колодубка, Михалкув, Коросово, Кулаковце, Усце, Вискупце и Филипковце»^[183].

20 сентября. Волочинский погранотряд. «В 11.25 жители с. Просовцы, что против участка заставы „Подчанинцы“, сообщили, что в селе оперирует вооружённая банда численностью в 8 человек, забравшая оружие в стражнице, терроризирует крестьян и занимается грабежами. Банда пополняется уголовным элементом.

В с. Кокошинцы (против участка заставы „Зайончики“) стрельцами убит крестьянин, вывесивший красный флаг на школе...

В районе Турувка, что против застав „Тарнаруда“, „Постоловка“, появилась банда численностью до 200 человек, сформировавшаяся из стрельцов, осадников и кулаков, вооружённая винтовками и пулемётом. Банда терроризирует местное население»^[184].

20 сентября. Донесение политотдела погранвойск Киевского округа: «19 сентября к заставе № 13 из с. Кошицы пришли двое мужчин с жалобой, что одного из них сельские кулаки избили и ранили ножом за то, что он вывешивал красные флаги в селе, просили помочь в борьбе с помещиками...»^[185]

Перечень подобных фактов займёт не одну страницу. Но уже и так ясно, что большинство польских солдат драться не хотели и предпочитали сдаться в плен или бежать из страны. Большинство белорусского и украинского сельского населения были бедняками и не испытывали особых симпатий к польским властям. Поэтому они радостно или по крайней мере, индифферентно встречали части Красной армии. Между тем активисты правых партий, небольшая часть офицеров, помещики и кулаки перешли к тактике террора по отношению к войскам РККА, а также к белорусам,

украинцам и евреям. Пользуясь отсутствием власти, активизировался и уголовный элемент.

Риторический вопрос, могло ли командование РККА и НКВД не реагировать на многочисленные акты террора? Замечу, что в 1914–1918 гг. во всех армиях мира, включая русскую, английскую и французскую, за убийство одного солдата расстреливалось несколько десятков заложников из числа местных жителей. Причём в заложники отбирали не бродяг и бедняков, а наиболее богатых и интеллигентных людей.

В ответ на террор многие командиры Красной армии начали бессудные расстрелы взятых с оружием в руках польских офицеров, жандармов, «стрельцов» и т. д. Официально военная прокуратура решительно пресекла подобные явления. Нарком обороны Ворошилов своим приказом № 0059 от 10 октября 1939 г. решительно осудил Военный совет 6-й армии и лично комкора Голикова. В приказе было сказано: «Получив донесение о действиях банды, состоящей из жандармов, офицеров и польских буржуазных националистов, устроивших в тылу наших войск резню украинского и еврейского населения, Военный совет дал ошибочную, неконкретную, а потому недопустимую директиву: „Всех выявленных главарей банды погромщиков подвергнуть высшей мере наказания — расстрелять в течение 24 часов“.

На основании этого постановления были расстреляны 9 человек. Военный совет 6-й армии вместо того, чтобы поручить органам военной прокуратуры расследовать все факты контрреволюционной деятельности захваченных лиц и предать их в установленном порядке суду Военного трибунала, вынес общее постановление о расстреле главарей банды без поимённого перечисления подлежащих расстрелу. Подобные решения Военного совета 6-й армии могли быть поняты подчинёнными как сигнал к упрощённой форме борьбы с бандитами».

Все виновные, начиная с комкора Голикова, получили взыскания.

Ещё ранее, 26 сентября, Военный совет Украинского фронта принял постановление «О случае мародёрства и изнасилования со стороны красноармейца 59-го кавполка 14-й кавдивизии Фролова Егора Ефимовича». В ночь на 21 сентября Егоров задержал беженцев, запугал их, украл у них часть вещей и изнасиловал женщину. Фролова приговорили к расстрелу и привели приговор в исполнение.

27 сентября после перестрелки красноармейцев 146-го стрелкового полка с группой польских солдат в плен было взято пятнадцать поляков. Старший лейтенант Булгаков и старший политрук Кольдюрин приказали расстрелять пленных из пушки. Булгаков был за это арестован, а дело его

передали в Военный трибунал.

Командир взвода 103-го танкового батальона 22-й танковой бригады младший воентехник В. А. Новиков в районе Лентуны убил из револьвера старую помещицу и разграбил её дом. Чтобы скрыть это преступление, Новиков попытался убить свидетеля — красноармейца Пешкова. Военный трибунал приговорил Новикова к расстрелу.

30 сентября Военный совет Украинского фронта издал директиву № 071, в которой потребовал от военного прокурора и трибунала «настоящему включиться в борьбу с мародёрством и барахольством. Применять суровые меры наказания к мародёрам и барахольщикам. Не тянуть следствия по делам мародёров. Проводить показательные процессы с выездом в части». На следующий день аналогичный приказ № 0041 издал и Военный совет Белорусского фронта.

В 1940 — начале 1941 г. НКВД провело превентивную бессудную высылку^[186] десятков тысяч людей с территорий, занятых в 1939 г. Большинство из них составляли поляки: осадники, ксёндзы, жандармы и т. д. Безусловно, наряду с террористами и уголовниками среди высланных оказалось и много ни в чём не повинных людей.

Но, увы, подобная практика имела место как в странах оси, так и в «демократических» странах. Вспомним интернирование граждан германского и итальянского происхождения в Англии или лиц, имевших хотя бы $\frac{1}{8}$ японской крови — в США.

Риторический вопрос, где лучше сидеть — в концлагере, пусть даже английском или американском, или жить в ссылке в Казахстане или Сибири?

Любопытна позиция по данному вопросу многих украинских авторов-националистов. У них получается, что в 1930-х гг. зарезать польского жандарма или сжечь усадьбу вместе с семьёй осадника — дело богоугодное, а сослать того же осадника в Сибирь — варварство. Единственный вразумительный ответ на сей вопрос: «Москали уси злыдни».

В завершении остановимся на политических итогах войны. Начну с реакции западных стран. Тут сразу нужно отделить мух от котлет, то есть реакцию прессы и отдельных экстремистских политиков и реакцию руководителей государства. Пресса начала бешеную антисоветскую кампанию, а вот премьер-министр Франции Э. Даладье вежливо осведомился у советского посла, берёт ли СССР украинское и белорусское население под свой вооружённый протекторат временно или Москва

намерена присоединить эти территории к СССР. Помните, как французский посол спрашивал у Екатерины Великой, на каком основании в Польшу введены русские войска, и что ему ответила царица?

18 сентября английское правительство приняло решение, что согласно англо-польскому соглашению, Англия связана обязательством защищать Польшу только в случае агрессии со стороны Германии, и поэтому посылать протест в Советский Союз не следует.

Замечу, что в сентябре 1939 г. Англия и СССР вели переговоры по ряду аспектов взаимной торговли, и 11 октября было заключено советско-английское соглашение об обмене советского леса на каучук и олово.

Англия всячески стремилась избежать обострения отношений с СССР. Вот, к примеру, в начале сентября 1939 г. несколько германских торговых судов, застигнутые войной в отдалённых от Германии морях, направились в Мурманск, откуда, простояв некоторое время и дождавшись тихой погоды, отправились в германские порты. Среди этих судов был и огромный лайнер «Бремен». Некоторые наши историки называют это событие чуть ли не участием СССР в войне. Увы, это обнаруживает лишь безграмотность оных писак в области морского права. Действия германских судов и советских портовых властей были абсолютно законными, а германские суда, к примеру, чуть ли не до самого последнего дня войны ходили в Швецию, причём до 1944 г. шведские военные корабли конвоировали германские торговые суда.

Английские корабли готовились перехватить германские торговые суда у Мурманска. В результате два британских эсминца оказались в зоне действия береговых батарей Северного флота и были обстреляны. Эсминцы поставили дымзавесу и ушли. При этом МИД Великобритании никак не среагировал на этот инцидент. Больше британские корабли близко к Кольскому полуострову не подходили.

27 сентября в 18 часов в Москву прилетел Риббентроп. С 22 часов до 1 часу ночи он беседовал со Сталиным и Молотовым в присутствии Шуленбурга и Шкварцева. В ходе переговоров по поводу окончательного начертания границ на территории Польши Риббентроп, ссылаясь на то, что Польша была «полностью разбита немецкими вооружёнными силами» и Германии «не хватает в первую очередь леса и нефти», выразил надежду, что «Советское правительство сделает уступки в районе нефтерождений на юге в верхнем течение реки Сан. Того же самого ожидало бы немецкое правительство и у Августова и Белостока, так как там находятся обширные леса, очень важные для нашего хозяйства. Ясное решение этих вопросов было бы очень полезно для дальнейшего развития германо-советских

отношений». Риббентроп ещё раз подтвердил, что Германия, как и прежде, готова «осуществлять точное разграничение» территории Польши.

Сталин предложил оставить территорию этнографической Польши Германии, ссылаясь на опасность разделения польского населения, что могло породить волнения и создать угрозу обоим государствам.

Относительно германских пожеланий об изменении линии государственных интересов на юге Сталин сказал, что «в этом отношении какие-либо встречные шаги со стороны Советского правительства исключены. Эта территория уже обещана украинцам... Моя рука никогда не шевельнётся потребовать от украинцев такую жертву». Но в качестве компенсации Сталин предложил Германии поставить до 500 тысяч тонн нефти в обмен на уголь и стальные трубы.

Что же касается уступок на севере, то Сталин заявил о готовности советского правительства «передать Германии выступ между Восточной Пруссией и Литвой с городом Сувалки до линии непосредственно севернее Августова, но не более того». То есть Германия получала северную часть Августовских лесов.

В итоге по территориальному вопросу возникло два варианта: по первому всё оставалось, как и было решено 23 августа, а по второму Германия уступала Литву и получала за это области восточнее Вислы до Буга и Сувалки без Августова.

28 сентября в Москве Риббентроп и Молотов подписали «Германо-советский договор о дружбе и границе между СССР и Германией», где говорилось: «Правительство СССР и Германское правительство после распада бывшего Польского государства рассматривают исключительно как свою задачу восстановить мир и порядок на этой территории и обеспечить народам, живущим там, мирное существование, соответствующее их национальным особенностям». В дополнительном протоколе была указана новая советско-германская граница. Во 2-й статье договора говорилось: «Обе Стороны признают установленную в статье I границу обоюдных государственных интересов окончательной и устранят всякое вмешательство третьих держав в это решение». Статья III гласила: «Необходимое государственное переустройство на территории западнее указанной в статье линии производит Германское правительство, на территории восточнее этой линии — Правительство СССР».

28–29 сентября Риббентроп имел две встречи со Сталиным в присутствии Молотова. В ходе беседы Риббентроп заявил: «Во время московских переговоров 23 августа 1939 г. остался открытым план создания независимой Польши. С тех пор, кажется, и Советскому

правительству стала ближе идея чёткого раздела Польши. Германское правительство поняло эту точку зрения и решилось осуществить точное разграничение. Германское правительство полагает, что самостоятельная Польша была бы источником постоянных беспокойств. Германские и советские намерения в этом вопросе идут в одинаковом направлении».

В беседе обе стороны коснулись широкого спектра политических, военных и экономических вопросов. Стоит отметить вопрос Риббентропа Сталину, что он мог бы сказать о положении в Англии и о поведении английского правительства. Сталин в ответ заявил следующее: «Недавно Галифакс пригласил господина Майского и спросил его, не было бы готово Советское правительство к сделкам экономического или иного порядка с Англией. Майский получил от Советского правительства указание позитивно отнестись к этим английским зондажам. Этим Советское правительство преследует только одну цель, а именно: выиграть время и разузнать, что, собственно говоря, Англия задумывает в отношении Советского Союза. Если немецкое правительство получит какую-нибудь информацию об этих дискуссиях советского посланника с Английским правительством, то оно не должно об этом беспокоиться. За ними ничего серьёзного не скрывается, и Советское правительство не собирается вступать в какие-нибудь связи с такими зажавшимися государствами, как Англия, Америка и Франция. Чемберлен — болван, а Даладье — ещё больший болван»^[187].

В октябре 1939 г. на территориях, занятых Красной армией, состоялись выборы в народное собрание. Военный корреспондент Константин Симонов был очевидцем этой избирательной кампании. Он писал: «Я ездил по ней [Белоруссии] накануне выборов в народное собрание, видел своими глазами народ, действительно освобождённый от ненавистного ему владычества, слышал разговоры, присутствовал в первый день на заседании народного собрания. Я был молод и неопытен, но всё-таки в том, как и почему хлопают люди в зале, и почему они встают, и какие у них при этом лица, кажется мне, разобрался и тогда. Для меня не было вопроса: в Западной Белоруссии, где я оказался, белорусское население — а его было огромное большинство — было радо нашему приходу, хотело его»^[188].

На Западной Украине в выборах приняли участие 4433 тысячи (92,8 %) избирателей, а не голосовали или голосовали против 400 тысяч человек. В Западной Белоруссии в выборах участвовали 2672 тысячи (96,7 %) избирателей. Более 90 % избирателей проголосовали за предложенных кандидатов. Итоги выборов показали, что подавляющее большинство

населения этих регионов согласилось с установлением советской власти и присоединением к Советскому Союзу.

Спору нет, по теперешним меркам эти выборы нельзя назвать в полной мере свободными и демократическими. Но только отъявленный враль может считать их фальсификацией. Как можно за месяц после ввода войск, не имея государственного аппарата для использования административного ресурса, без широких карательных мер (административные высылки начались через несколько месяцев) добиться таких результатов? Нравится кому или нет, но результаты выборов показали искреннее желание западных белорусов и украинцев войти в состав СССР.

10 октября 1939 г. в Москве министры иностранных дел СССР и Литовской республики В. М. Молотов и Юозас Урбшис подписали «Договор о передаче Литовской республике г. Вильно и Виленской области и о взаимопомощи между СССР и Литвой». Согласно этому договору, СССР передавал Литве город Вильно (Вильнюс) с областью. Оба государства решили совместно защищать границы Литовской республики. В связи с чем 28 октября 1939 г. командование РККА и литовской армии подписали соглашение о вводе частей Красной армии численностью до 20 тысяч человек на территорию Литвы.

1 ноября 1939 г. Верховный Совет СССР принял «Закон о включении Западной Украины в состав Союза ССР с воссоединением её с Украинской Советской Социалистической Республикой». А на следующий день, 2 ноября, был принят «Закон о включении Западной Белоруссии в состав Союза ССР с воссоединением её с Белорусской Советской Социалистической Республикой».

Текст обоих законов был почти идентичен: удовлетворить просьбу народного собрания Западной Украины (Белоруссии) и включить её в состав СССР и т. д.

Любопытен доклад Молотова на заседании Верховного Совета СССР 31 октября, то есть перед принятием обоих законов. Молотов сказал: «Правящие круги Польши не мало кичились „прочностью“ своего государства и „мощью“ своей армии. Однако оказалось достаточно короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем — Красной Армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора, жившего за счёт угнетения непольских национальностей. „Традиционная политика“ беспринципного лавирования и игры между Германией и СССР оказалась несостоятельной и полностью обанкротилась... Перешедшая к нам территория Западной Украины вместе с территорией Западной Белоруссии составляет 196 тысяч квадратных

километров, а её население — около 13 миллионов человек, из которых украинцев — более 7 миллионов, белорусов — более 3 миллионов, поляков — свыше 1 миллиона, евреев — свыше 1 миллиона».

Глава 31

Тайна Катынского леса

После разгрома Польши военнослужащие бывшей польской армии оказались разделёнными на три части: одна часть — в Англии и Франции, другая — на территориях, занятых германскими войсками, а третья — в СССР.

Начнём с поляков, оказавшихся в стане западных союзников. С сентября 1939 г. по май 1940 г. во Франции формируется 80-тысячная польская армия. В её ряды влились тысячи польских военнослужащих, бежавших из страны через Румынию и Венгрию в сентябре — октябре 1939 г. и тысячи поляков, работавших во Франции к началу войны.

Ещё до 1 сентября 1939 г. в Англию прибыли три польских эсминца, с началом войны туда прорываются подводные лодки «Вильк» и «Ожел». В Англии и Франции к началу войны обучались несколько сотен польских лётчиков. Эти лётчики активно участвовали в «Битве за Англию». Так, в самый критический день «битвы» 14 сентября 1940 г. в воздушных боях приняло участие 250 английских самолётов, из которых 50 пилотировали польские лётчики.

Польские части с самого начала войны принимали активное участие во всех без исключения сражениях в Норвегии, Франции, Северной Африке и т. д. Так, например, в осаждённом немцами городе Тобруке в Северной Африке свыше 30 % бойцов составляли поляки.

В январе 1944 г. в Южную Италию на помощь союзникам прибыл 2-й польский корпус в составе двух пехотных дивизий и бронетанковой бригады, всего около 46 тыс. человек.

1 августа 1944 г. в Нормандии вслед за войсками союзников высадилась 9-я польская танковая дивизия, в составе которой было 11 тыс. человек и свыше 280 танков.

Союзники в 1939–1945 гг. передали полякам целую эскадру: 2 лёгких крейсера, 7 эсминцев, 3 подводные лодки и др.

Польские части оперативно подчинялись командованию союзных сил, а политически — польскому правительству в изгнании. 6 октября 1939 г. в городке Анже на западе Франции было образовано польское эмигрантское правительство из лидеров оппозиционных партий (социалистической, крестьянской, национальной и партии труда) и других политических

кругов. Президентом правительства стал В. Рачкевич, премьер-министром, а с 9 ноября и верховным главнокомандующим — генерал В. Сикорский. В июне 1940 г., после оккупации Франции, польское эмигрантское правительство бежало в Лондон.

В СССР судьба поляков сложилась совсем иначе. Как уже говорилось, почти все солдаты — уроженцы областей, вошедших в состав СССР, были отпущены. А офицеры и рядовые из других областей Польши были отправлены в лагерь для военнопленных.

С лёгкой руки наших СМИ под «лагерями» у нас автоматически понимаются лагеря для политических заключённых. Но на самом деле поляки в лагерях жили совсем неплохо. Формально поляки могли считаться интернированными, поскольку при вводе частей Красной армии в Польшу война не была объявлена ни одной, ни другой стороной.

Однако в ноябре 1939 г. эмигрантское правительство взяло да и объявило войну Советскому Союзу. Понятно, что ни Сталин, ни руководство РККА в панику не ударились, зато юридически все польские военнослужащие на территории СССР автоматически стали военнопленными.

В СССР польским пленным была предоставлена возможность работать, за что полагалась вполне сносная заработная плата. «Хорошо работающий пленный получал 1300 руб. в месяц — больше командира батальона, взявшего его в плен, вчетверо выше средней зарплаты по стране, в десять раз выше прожиточного минимума, в пять раз больше, чем его конвоир»^[189]. Однако подавляющее большинство польских офицеров работать отказалось.

Уже почти 60 лет отношение между поляками и русскими портит так называемое «катынское дело». Речь идёт о захоронениях расстрелянных польских офицеров в районе Козьих Гор в 15 км от Смоленска и недалеко от шоссе Смоленск — Витебск.

Суть этой истории в том, что весной 1943 г. немецкое командование объявило, что в Катынском лесу в районе Козьих Гор ими обнаружены могилы польских офицеров, расстрелянных НКВД в 1940 г. Польское эмиграционное правительство в Лондоне поверило немецкой пропаганде, и в результате отношения между ним и правительством СССР были прерваны.

23 сентября 1943 г. Смоленск был освобождён Красной армией, и уже с 5 ноября в Катыни работала советская комиссия, названная комиссией Бурденко. Работа комиссии началась со следственных действий по выяснению того, как были убиты поляки и кем, — опрашивались

свидетели, собирались документы оккупационных властей. 16 января 1944 г. были вскрыты могилы и исследовано 925 трупов. В это время в Катынь пригласили аккредитованных в Москве журналистов. Комиссия Бурденко подготовила открытое Сообщение и совершенно секретную справку для руководства. В обоих документах отмечалась безусловная вина немцев за расстрел польских офицеров.

В ходе Нюрнбергского процесса вопрос о катынском деле обсуждался, но официальных выводов сделано не было. Зато с началом «холодной войны» польские эмигранты и пропагандистские службы западных стран постоянно муссировали слухи о причастности НКВД к убийствам в Катыни.

С наступлением «перестройки» катынским делом занялись наши «демократы». И вот 2 августа 1993 г. тайна Катынского леса раскрывается заключением комиссии экспертов Главной военной прокуратуры по уголовному делу № 159 о расстреле польских военнопленных из Козельского, Осташковского и Старобельского спецлагерей НКВД в апреле — мае 1940 г. Комиссия однозначно признала, что поляки были расстреляны НКВД в 1940 г., а не немцами в 1941 г.

Но с выводами «экспертизы» не согласились ряд наших историков. Так, Юрий Мухин провёл простейшую текстологическую экспертизу «Экспертизы» и выяснил, что оригинал был написан не по-русски.

«...Горбачевско-яковлевские паскудники доллары любят, а работать — нет, вот они и переложили свою работу по написанию текстов на бедных поляков. И чего уж там удивляться какому-нибудь „23-му самостоятельному стрелковому пехотному корпусу“ в составе Красной Армии. (Поясню специально для поляков: по-русски надо писать „отдельному“, а не „самостоятельному“. В наименованиях подразделений, частей и соединений Красной Армии слово „пехота“ не употреблялось никогда.)

...тут же следует такой перл: *„Работа велась в январе... Руководителями были четыре члена Минского комиссариата НКВД“*. Какие „члены“? Какие „комиссариаты НКВД“? Минск был освобождён от немцев в июле 1944 г. Какие четыре „члена“ приехали оттуда в январе 1944 г. руководить раскопками в Катыни? Упоминание Минска — это не описка. Как вы увидите далее из более ранних польских фальшивок по Катынскому делу, поляки были уверены, если не уверены и сегодня, что Смоленская область входит в состав Белоруссии... Или вот, скажем, в „Экспертизе“ начинается фраза: *„Даже до обнаружения корпуса документов НКВД...“* Это на каком языке?..

...Юристы часто пользуются в своей работе известными латинскими словосочетаниями, к которым, в частности, относится выражение *corpus delicti* (корпус деликти). В определённом контексте оно означает „состав преступления“. И не исключено, что когда текст этой экспертизы был ещё на польском языке, дурацкая фраза „*Даже до обнаружения корпуса документов НКВД..!*“ звучала по-польски вполне разумно: „Даже до обнаружения *corpus delicti* (лат. *состав преступления*) в документах НКВД...“. Поскольку шрифт у поляков латинский, то переводчик, скорее всего, не понял латыни и перевёл на русский язык только одно слово, понятное ему — „корпус“, дописав дальше предложение, как ему показалось разумным. Ничего, „эксперты“ подписали»^[190]. Там же Юрий Мухин приводит и ряд других нонсенов.

Любопытно, что же нашли многочисленные комиссии при эксгумации трупов польских офицеров? Прежде всего обращает внимание то, что пули, найденные в черепах, имели калибр 6,35; 7,65 и 9,0 мм. Таких калибров не было и нет среди револьверов и пистолетов, изготовлявшихся или состоявших на вооружении России и СССР.

Итак, калибры немецкие и пистолеты немецкие. А может, СССР закупил в Германии какое-то количество пистолетов этого типа? Увы, никаких данных об этом нет. Надо ли говорить, что и немцы в 1944–1945 гг., и западные разведки с 1945 г., и наши «демократы» с 1990 г. дорого бы дали за любое, хотя бы косвенное, подтверждение поставок германских пистолетов перечисленных калибров в СССР. Если что и покупали в Германии, так это знаменитые пистолеты «маузер», но калибр у них 7, 62 мм, и пулю от «маузера» или «вальтера» легко различил бы любой боевой офицер Второй мировой войны.

Кстати, для неспециалистов замечу, что после получения иностранного огнестрельного оружия — пистолетов, пулемётов или пушек — в СССР в обязательном порядке проводили его полигонные испытания, отчёты о которых отправлялись в архивы, составлялись и печатались таблицы стрельбы, руководства службы, руководства по ремонту и другие скучные служебные документы. Таким образом, физически невозможно в течение полувека скрывать факт принятия на вооружение какого-либо типа стрелкового оружия.

Да и зачем, с точки зрения логики, сотрудникам НКВД использовать для массовых расстрелов импортные пистолеты? Родные наганы куда дешевле, а главное, более безотказны, чем любой импортный пистолет. А к 1940 г. миллионы наганов пылились у нас на складах.

И дело не только в пистолетах. Обе стороны согласны, что руки

пленных были связаны шпагатом, не изготавливавшимся в СССР до 1941 г.

Конечно, можно предположить, что злодеи из НКВД нарочно закупили и пистолеты, и шпагат в Германии, чтобы всё свалить на фашистов. Хитрые ребята знали, что в июне 1941 г. начнётся война, что немцы займут Смоленск, что в 1944 г. их оттуда вышибут, что в Катынь приедет комиссия Бурденко и т. д. и т. п.

Увы, никто так и дал ответа на эти и другие вопросы оппонентов геббельсовской версии о причастности НКВД к расстрелу поляков.

Однако вместо тщательного и гласного исследования обстоятельств гибели польских офицеров в Катыни правительство РФ пошло на поводу у поляков и устроило ряд публичных шоу в Катыни. Так, 2 сентября 2000 г. в Катыни выступил председатель Совета министров Республики Польша Ежи Бузек по поводу открытия военного кладбища части польских офицеров. Дело происходило в присутствии вице-преьера РФ В. Христенко и ряда других российских официальных лиц.

Пан Бузек сказал: «Я обращаюсь ещё раз к офицерам и солдатам Войска Польского. Вы — наследники тех, кто был убит. Поляки всегда относились к своей армии с величайшим уважением и почтением. И я убеждён, что наследие, переданное вам погибшими здесь офицерами, для вас не утратило своего значения и вы всегда будете хранить его»^[191].

Пардон, так чьими наследниками являются нынешние офицеры Войска Польского? К 1 сентября 1939 г. этнические поляки составляли лишь 60 % населения Польши, зато среди офицеров их было 97,4 %. Большая часть этих офицеров участвовала в войне с Советской Россией и в карательных операциях на Украине. Польское офицерство было воспитано в духе ненависти не только к советскому строю, но и к русскому народу. И это наследие пан Бузек хочет передать Войску Польскому!

С 1991 г. польские СМИ постоянно будируют тему Катыни. В результате этого значительная часть польского населения уверена, что Россия навечно обязана Польше. Причём речь идёт не только о моральной вине. Как писал Ю. И. Мухин, «в Польше 800 тысяч „близких родственников“ расстрелянных польских офицеров уже держат карманы шире в ожидании, когда же Россия начнёт набивать эти карманы долларами»^[192]. Другой вопрос, что после публикаций Мухина и ряда других российских авторов «близкие родственники» несколько поутихли со своими финансовыми претензиями.

Возникает вопрос, почему бы правительствам России и Польши, а заодно и СМИ обеих стран не прекратить истерику и скандальные шоу, а,

не торопясь, тщательно исследовать проблему? Наши и польские либералы любят по любому поводу ссылаться на западный опыт. Так вот тут самый раз обратиться к нему.

Не пора ли честно сказать, что в 1939–1945 гг. вопиющие нарушения международного права допускали не только страны оси. Вспомним умышленное уничтожение мирных городов Германии и Японии англо-американской авиацией. Ведь от фугасных бомб, напалма и, наконец, ядерного оружия погибли миллионы ни в чём не повинных граждан. Так посмотрим, как сейчас относятся к этим деяниям правительства и СМИ США и Англии. Отрицают всё? Скрывают подробности? Ни в коем случае! В специализированных военных изданиях, открыто продающихся на Западе, подробно расписана история этих бомбардировок. Возможно, какие-то мелкие детали и скрываются, но в целом всё ясно. Но я недаром подчеркнул — в *специализированных* изданиях, а в массовых СМИ об этом давно забыли. И большая часть обывателей США и Англии попросту не знает масштабов этих бомбардировок. Иностранные журналисты эпизодически допекают официальных лиц США и Англии вопросами о бомбардировках, а те стандартно отвечают, что всё было сделано правильно, шла война, и чтобы спасти жизни своих солдат, пришлось нарушить международное право и т. д.

То же самое можно сказать и о нападениях Англии на французских военнослужащих в 1940 г. в Западной Африке, в Сирии, на Мадагаскаре и др. Так, 24 июня 1940 г. английский флот вероломно напал на французскую эскадру в Мерс-Эль-Кебуре в Алжире. По условиям капитуляции Франции её средиземноморский флот ушёл из Тулона в Алжир, где должен был быть разоружён. В то время немцы никак не могли достать французские корабли в Алжире.

Однако британские адмиралы решили захватить французский флот не столько ради сиюминутных выгод, сколько имея ввиду послевоенный раздел мира.

Английская эскадра внезапно открыла огонь по французским кораблям в Мерс-Эль-Кебуре. Это было не сражение, а скорее бойня. Часть французских кораблей была уже разоружена, а часть стояла в гавани так, что не могла вести ответный огонь. Всего в 1940 г. англичанами было убито несколько десятков тысяч французских военнослужащих.

Какова же современная реакция правительств и СМИ Англии и Франции на бесчинства англичан в 1940 г.? Да нет никакой реакции. Англичане и французы давно обо всем забыли напрочь, и никто не требует выплаты компенсации. Ни одна солидная газета или телекомпания не

пропустит ни одного эксклюзивного материала, например, о бойне в Мерс-Эль-Кебуре. Хотя опять же в специальной военной литературе всё описано в деталях.

Так почему же сейчас не провести тщательного исследования катынского инцидента и не сделать это полностью прозрачно для специалистов всех стран, особенно для независимых специалистов, которых у нас, несмотря на «гласность» и «демократию», не подпускают «на пушечный выстрел» к катынскому делу? А с другой стороны, следует наложить взаимный мораторий на сенсационные публикации в СМИ.

Ведь даже если версия о причастности НКВД к катынскому делу подтвердится, у русских людей к полякам может оказаться куда более длинный счёт. В этом случае, почему не могут потребовать компенсации у правительства современной Польши, как правонаследницы Польши 1918–1939 гг., многие десятки тысяч родственников красноармейцев, погибших в польском плену в 1919–1921 гг., а также убитых солдатами Армии Крайовой в 1944–1945 гг.?

В любом случае, честный счёт окажется не в пользу ляхов. Так что стоит ли «мычать» польской коровушке?

Как же сложилась судьба польских офицеров, не расстрелянных в Катыни? Любопытно, что польские официальные лица и СМИ, столь много уделяющие внимания катынскому инциденту, практически забыли о сотнях польских офицеров, жандармов и разведчиков, которые действительно были расстреляны в 1939–1940 гг. в советских тюрьмах в Смоленске, Харькове и Калинин (и там же были похоронены). Всего их менее тысячи человек. Их судили как преступников в полном соответствии с тогдашними советскими законами, на каждого было заведено уголовное дело и т. д. Но почему-то ни поляки, ни наши «демократы» не публикуют и даже не дают независимым исследователям ознакомиться с этими делами.

Как уже говорилось, большинство польских офицеров, оказавшихся в СССР, ненавидели не столько советские порядки, сколько русских вообще. Чтобы юридически получить полную свободу рук в отношении их, Особое Совещание при НКВД СССР признало большинство польских офицеров «социально опасными» и направило их в исправительно-трудовые лагеря со сроками от 3 до 8 лет.

С началом Великой Отечественной войны советское правительство и эмигрантское польское правительство в Лондоне с помощью британских дипломатов кое-как уладили свои отношения.

30 июля 1941 г. в Лондоне посол СССР И. М. Майский и польский премьер В. Сикорский подписали соглашение, в котором советская сторона

признала свои договоры с Германией, касающиеся территориальных перемен в Польше, утратившими силу. Стороны взяли взаимное обязательство оказывать друг другу помощь в войне против Гитлера.

Кадры будущей польской армии, которую предполагалось формировать в СССР, находились на положении военнопленных солдат и заключённых офицеров. 12 августа 1941 г. Президиум Верховного Совета издал указ об амнистии польских офицеров.

В преддверии визита в СССР премьера Сикорского (конец ноября 1941 г.) руководство НКВД составило для Сталина справки о польских военнопленных и о настроениях в армии Андерса. В первом из документов указывалось, что всего в лагеря НКВД поступило 130 тыс. польских военнослужащих; из них передано немцам (до их вторжения) 43 тыс.; отправлено через 1-й спецотдел в распоряжение УНКВД 15 тыс. отправлено в пункты формирования польской армии 25 тыс.

Правительство Сикорского назначило командующим польскими частями, формирующимися в СССР, генерала Владислава Андерса. В сентябре 1939 г. Андерс командовал Новогрудской кавалерийской бригадой и 30 сентября был взят в плен Красной армией. Первоначально он находился в госпитале, а с декабря 1939 г. — в тюрьме. Андерс был настроен крайне антисоветски, но наше правительство согласилось с его назначением на должность командующего армией.

Советское правительство надеялось, что в конце 1941 г. — начале 1942 г. части Андерса примут участие в боях на советско-германском фронте. Надо ли напоминать, что ситуация там была критическая. Но польские офицеры категорически отказались сражаться на Восточном фронте. В результате советское правительство было вынуждено согласиться на эвакуацию армии Андерса через Иран на Ближний Восток. В марте — апреле 1942 г. через Иран проследовали 43 тысячи польских военнослужащих. В июле — августе (то есть в начале Сталинградской битвы) был проведён второй этап эвакуации польских военнослужащих. Всего из СССР в 1942 г. выехало 114,5 тысяч польских военнослужащих и членов их семей.

Но так поступили не все. Ещё 22 июня 1941 г. 13 польских офицеров во главе с подполковником Зигмундом Берлингом обратились с письмом к советскому правительству, в котором просили разрешения сражаться за свою родину против Германии. Позже Берлинг был назначен начальником штаба 5-й пехотной дивизии в армии Андерса, но он с группой офицеров отказался ехать на Ближний Восток и остался в СССР.

В апреле 1943 г. Берлинг обратился с письмом к руководству СССР, где

предлагал сформировать в СССР польские части. Понятно, что письмо Берлинга заранее было согласовано с соответствующими инстанциями, вплоть до Верховного главнокомандующего.

С 14 мая 1943 г. в Селецких военных лагерях под Рязанью началось формирование из добровольцев-поляков, проживавших в СССР, 1-й польской пехотной дивизии им. Костюшко. Командовать дивизией было поручено Берлингу, ставшему к тому времени полковником.

В августе 1943 г. дивизия вошла в формирующийся 1-й польский корпус, а Берлинг получил чин генерал-майора и был назначен его командующим.

12 октября 1943 г. первые соединения этого корпуса — 1-я пехотная дивизия им. Костюшко и 1-й танковый полк им. Героев Вестерплатте — около 12 тыс. солдат, вместе с советскими дивизиями приняли участие в наступлении под местечком Ленино, у так называемых Смоленских ворот.

В апреле 1944 г. 1-й польский корпус был развёрнут в 1-ю польскую армию, а Берлинг, соответственно, стал генерал-лейтенантом. Следует признать, что советское командование включало в польские части не только этнических поляков, но и полукровок, а также лиц с польскими фамилиями, имевших лишь отдалённых предков — поляков. К середине 1944 г. в составе 1-й польской армии было 4 пехотных дивизии и одна кавалерийская, 5 артиллерийских бригад и другие части; всего около 90 тыс. человек. Появилась и польская авиация, в составе которой было два авиаполка («Варшава» и «Краков»).

Параллельно с формированием польских частей в СССР и на Западе вооружённые соединения создавались и в оккупированной немцами Польше, включая территории, отошедшие в 1939 г. к СССР. 14 февраля 1942 г. лондонское правительство издало приказ об объединении вооружённых отрядов поляков в Армию Крайову. Соответственно, прокоммунистические повстанцы в Польше через месяц объединились в Гвардию Людову.

В состав подразделений Армии Крайовой к 1944 г. формально входило до полумиллиона поляков. Однако Армия Крайова до августа 1944 г. ограничивалась мелкими разовыми нападениями на немцев, поскольку правительство Сикорского отдало приказ «держатъ оружие у ноги». Так эмигрантское правительство хотело сохранить личный состав Армии Крайовой до разгрома немецких войск в Польше, чтобы силовым способом обеспечить захват власти в стране.

Летом 1944 г. эмигрантское правительство решило, что такой момент настал. 6 июня 1944 г. в Нормандии высадились союзные войска, а 23 июня

началось грандиозное наступление советских войск в Белоруссии — знаменитый «Пятый сталинский удар». Операция проводилась войсками 1-го Прибалтийского, 3-го, 2-го и 1-го Белорусских фронтов при участии сил Днепровской военной флотилии. В составе 1-го Белорусского фронта действовала 1-я армия Войска Польского. К началу наступления в нём участвовали 2, 3 млн советских солдат и 79, 9 тыс. поляков. Наступление проводилось по фронту шириной 1100 км. К 29 августа 1944 г. наши войска продвинулись на 550–600 км. Безвозвратные потери советских войск составили 178, 5 тыс. человек, а санитарные потери — 587, 3 тыс. человек. Соответственно, поляки потеряли 1533 и 3540 человек.

24 июля советские войска освободили г. Люблин, а на следующий день 2-я танковая армия вышла к р. Висла в районе Демблин и Пулавы. В тот же день войска 69-й армии овладели г. Холм, а к исходу 28 июля вышли к Висле на участке Пулавы и Юзефув. 2 августа части 8-й Гвардейской армии форсировали Вислу и заняли небольшой плацдарм в районе местечка Магнун.

В качестве примера интенсивности боёв можно привести потери 2-й танковой армии в боях с 5 июля по 29 августа 1944 г. Первоначально во 2-й танковой армии состояло 810 танков и самоходок, в том числе 473 танка Т-34. В боях было потеряно 989 танков и САУ (в том числе 632 Т-34), что составило 122 % и, соответственно, 134 % от первоначальной численности^[193]. Таким образом, если бы не непрерывный подход пополнений, 2-я танковая армия была бы полностью уничтожена немцами. Нетрудно представить боеспособность 2-й танковой армии после таких огромных потерь.

Воодушевлённые успехами Красной армии прокоммунистические настроенные поляки на подпольном заседании в Варшаве в новогоднюю ночь 1944 г. создали верховный политический и административный орган власти — Крайовую Раду Народову (КРН). Затем КРН принимает решение о создании в оккупированной Польше собственной Народной армии (Армия Людова).

При содействии советского правительства в мае 1944 г. в Москве состоялись переговоры между представителями КРН и Союза польских патриотов^[194]. В итоге Союз признал руководящую роль КРН и согласился на подчинение КРН 1-й Польской армии. Естественно, что это подчинение было политическим, а оперативно армия подчинялась командованию 1-го Белорусского фронта.

Таким образом, советскому правительству и польским левым партиям

и движениям удалось создать собственный орган власти в Польше, который располагал польскими вооружёнными силами и своей службой безопасности.

Польское правительство в Лондоне не могло не понимать, что решающая роль в разгроме Германии принадлежит СССР, и что месяцем раньше — месяцем позже Красная армия займёт Центральную Европу. С точки зрения здравого смысла было целесообразно пойти на сотрудничество с Москвой, пусть даже ценой серьёзных уступок. Но польские политики и генералы, как и летом 1939 г., потеряли всякое чувство меры и попытались возродить в Польше режим образца 1939 г., враждебный Кремлю. Надо ли говорить, что ни Сталин, ни советский народ в целом никогда бы не потерпели довоенной Польши в границах 1939 г.

Возникает резонный вопрос: на что надеялось эмигрантское правительство в Лондоне летом 1944 г.? Исключительно на конфликт между СССР и его западными союзниками или, попросту говоря, на третью мировую войну. Вина польского правительства в развязывании Второй мировой войны ничуть не меньше, чем вина правительств Германии, Италии и Японии. А в 1944 г. у польского правительства, равно как у Гитлера, оставалась единственная надежда на войну Англии и США против СССР.

Замечу, что Черчилль и его окружение могли легко приструнить лондонское правительство, но не только не сделали этого, но и поощряли Миколайчика и К^о^[195]. Видимо, Черчилль хотел немного поучить русских, но заранее решил не обострять отношений со Сталиным.

Глава 32

Варшавское восстание

В связи с успехами Красной армии эмигрантское правительство и руководство Армии Крайовой разработали план операции «Буря». Согласно ему, части Армии Крайовой должны были при отступлении немцев занимать крупные города, создавая там гражданские администрации, подчинённые Лондону, и встречать советские войска в роли хозяев, то есть законных властей. Для реализации плана предполагалось привлечь до 80 тыс. членов Армии Крайовой, находившихся главным образом в восточных и юго-восточных воеводствах Польши и на территориях Литвы, Западной Украины и Западной Белоруссии.

План «Буря» предусматривал участие Армии Крайовой в изгнании немцев, допускал взаимодействие с частями Красной армии, но категорически предписывал «решительно противостоять» любым попыткам включить подразделения Армии Крайовой в состав Красной армии или польских дивизий, шедших вместе с ней с Востока. Командирам отрядов Армии Крайовой предлагалось по завершении военных операций оставаться в тылах Красной армии, действовать независимо от неё, препятствовать установлению власти КРН и обеспечивать утверждение администрации эмигрантского правительства.

Армия Крайова, «державшая ружьё у ноги», мало досаждала немцам, и те, в свою очередь, сквозь пальцы смотрели на формирование частей Армии Крайовой. Это только в нашем и польском кино в каждой оккупированной деревне стояли немецкие части, и не простые, а элитные. На экране мы видим дюжих парней из СС, много танков, и не каких-либо старых немецких Т-1 или французских «Рено», а советских Т-34, «загримированных» под «Тигры» и «Королевские Тигры».

На самом же деле в Польше и в СССР в ряде районов на десятки километров не было немецких войск. Гарнизоны в тылу состояли из военнослужащих преклонного возраста и инвалидов. Поэтому Армия Крайова за 2 года существенно окрепла. Арсенал её пополнился оружием бывшей польской армии, брошенным или спрятанным в 1939 г., и немецким оружием, похищенным или купленным у оккупационных войск. А с начала 1944 г. американские летающие крепости «Либереитор» Б-24, действовавшие с итальянских аэродромов, регулярно сбрасывали оружие

на парашютах. Армия Крайова таким образом получила от западных союзников тысячи единиц лёгкого вооружения, включая миномёты и крупнокалиберные пулемёты, а также современные мощные радиостанции. На парашютах сбрасывались и польские офицеры, прошедшие обучение диверсионной деятельности в Англии и США.

Но, несмотря на всё это, план «Буря» был, мягко говоря, утопичен. Допускаю, что его можно было реализовать в 1939 г., когда бегущие польские части на десятки километров отрывались от своих преследователей. Но в 1944 г. на Восточном фронте была совсем другая картина. Немцы сравнительно редко оставляли без боя населённые пункты. В большинстве случаев за каждый город шли упорные и кровопролитные бои, а германские войска постоянно переходили в контратаки. Окружение и полное уничтожение целых советских дивизий в 1944 г. было совсем не редкостью. В кино мы видим придурковатых немецких генералов, которых легко обводят вокруг пальца многочисленные советские и польские разведчики. Увы, германские генералы и в 1944 г. в целом были на голову выше своих советских и западных противников. Германские части, существенно уступая Красной армии в численности, в целом были весьма мобильны, и генералам вермахта в 1944 г. удавалось добиваться большой концентрации личного состава и техники на угрожаемых участках фронта.

Реализация плана «Буря» началась весной 1944 г. на Волыни, а в июле продолжилась при освобождении Вильно (Вильнюса), Львова, ряда городов Люблинского и Жешовского воеводств. И во всех случаях эти операции потерпели полное фиаско.

Вот характерный пример. Лондонское правительство приказало генералу Вилку (Кульчинскому) овладеть Вильно до подхода советских войск. К Вильно подошла одна бригада Армии Крайовой. Немцы, естественно, её разбили, и на том «занятие» Вильно было прекращено.

Зато после освобождения Красной армией района Вильно от немецких войск отряды Армии Крайовой развернули бурную деятельность. Согласно советскому секретному докладу Берия Сталину от 16 июля 1944 г.: «Поляки безобразничают, отбирают насильно продукты, рогатый скот и лошадей у местных жителей, заявляя, что это идёт для польской армии. Имеют место угрозы, что если местные жители Литвы будут сдавать продовольствие Красной Армии, то поляки их накажут...

...После очистки г. Вильно от немцев на городской Ратуше был вывешен Советский флаг. Через некоторое время ниже Советского флага появился польский флаг, который, правда, сразу же был снят. Вчера вечером в г. Вильно хоронили наших офицеров, погибших при взятии г. Вильно.

Командир полка на могиле сказал, что они погибли за освобождение литовской столицы г. Вильно. Стоявшие два польских солдата обратились к нашему полковнику Капралову и заявили, что, видимо, полковник выступавший не знает, что Вильно никогда не был и не будет литовским...

...В настоящее время поляки проводят усиленную мобилизацию в „Армию Краевую“ и собирают оружие. Вчера была в городе задержана повозка с оружием, на которой ехал польский солдат. При допросе он заявил, что оружие собрано у населения и предназначено для польских бригад. Оружие изъято»^[196].

Возникает риторический вопрос: какая сражающаяся армия стала бы терпеть у себя в тылу формирования враждебно настроенной армии, проводящей мобилизацию граждан и реквизиции в свою пользу и срывающей аналогичные мероприятия армии, сражающейся с сильнейшим врагом? Забегая вперёд, я процитирую письмо Рузвельта Сталину от 6 февраля 1945 г., в котором американский президент констатировал правоту и решимость советского вождя: «...в отношении того, что ваш тыл должен быть обеспечен по мере продвижения вашей армии на Берлин... Вы не можете, а мы не должны терпеть какое-либо временное правительство, которое будет причинять вашим вооружённым силам какие-либо неприятности этого рода». Рузвельт шёл ещё дальше: «...Соединённые Штаты никогда не поддержат каким-либо образом любое временное правительство в Польше, которое было бы враждебно вашим интересам»^[197].

А ещё раньше Молотов написал карандашную записку (видимо, Сталину): «Польша — большое дело! Но как организов[ывали] **правительства в Бельгии, Франции, Греции** и др. мы не знаем. Нас не спрашивали... Мы не вмешивались, так как это зона действий англо-американских войск»^[198].

От себя замечу, что американцы и англичане в 1944–1947 гг. решительно подавляли силой оружия любые прокоммунистические или националистические вооружённые отряды в своём тылу, если они мешали выполнению военных или политических задач союзников.

Так, американцы и англичане в 1945–1947 гг. не постеснялись использовать японские части для борьбы с коммунистами и националистами в Индонезии, Малайе, Бирме, Вьетнаме и Китае. Зато западные политики и СМИ льют крокодиловы слёзы по поводу разоружения отрядов Армии Крайовой и арестов её офицеров в 1944–1945 гг. Замечу, что с 1990 г. в этом хоре заметную роль играет и часть

российских СМИ. Мол, обидели бедных поляков. К примеру, в районе Вильно к 3 августа 1944 г. было разоружено 7924 солдата и офицера Армии Крайовой. При разоружении поляков изъято: винтовок — 5500, автоматов — 370, пулемётов ручных и станковых — 270, орудий лёгких — 13, а также — автомашин 27, радиостанций 7, лошадей 720. Из 7924 солдат и офицеров 2500 солдат было размещено по домам, а 4400 солдат и офицеров отправлено на сборные пункты для фильтрации^[199].

Теперь этим возмущены наши либералы, всякие там «аптекари» и К^о, засоряющие Интернет своими писаниями. Забавно, что они только хают действия советского правительства и не предлагают никакой альтернативы. А единственной альтернативой была бы передача Вильно Польше, чего, собственно, и добивалось командование Армии Крайовой. Ну что ж, господа, чем заниматься безответственным критиканством, заявите чётко и внятно: Вильно — польский город, несправедливо переданный НКВД Литве. Но, увы, на такое у «аптекарей» кишка тонка.

Любопытно, что наши и польские либералы очень часто выдают за зверства Красной армии и НКВД польские междусобойчики. Благо, наша либеральная интеллигенция весьма поднаторела на подобных фальсификациях и в отечественной истории 20-х — 30-х гг. XX в. Давайте зададим два крайне неудобных вопроса: Почему до сих пор у нас секретны дела репрессированных 50–70 лет назад? И почему органы ОГПУ — НКВД арестовывали тех, а не других поэтов, режиссёров, профессоров, инженеров и т. д.? Ведь, грубо говоря, Ягода, Ежов и им подобные как свиньи в апельсинах разбирались в поэзии, кино, артиллерии, химии и т. д. Так что ж, сажали специалистов «от банки», методом тыка? Увы, нет. Большинство творческой и технической интеллигенции, репрессированной в 1930-х гг., стало жертвой разборок в собственной среде. Университетские профессора доносили на своих коллег, писатели — на писателей, физики — на физиков и т. д. Поэтому-то и не могут наши «органы» раскрыть дела осуждённых 50–70-летней давности. В этих делах море доносов от весьма авторитетных деятелей культуры и науки. Их давно нет в живых, даже дети их в большинстве своём умерли или являются недееспособными стариками. Но всё равно огромный вал скандалов при раскрытии архивов может потрясти Россию.

Надо ли говорить, что аналогичная ситуация была и в Польше в 1944–1950 гг. Та же волна доносов и своих разборок. Я приведу лишь один пример польского междусобойчика в марте 1945 г. «Со стороны некоторых польских работников местных органов отмечаются случаи неправильного

подхода в борьбе с аковцами^[200]. Так, например, 3 марта с. г. на улице гор. Грубешов, Люблинского воеводства, неизвестными лицами выстрелами из пистолета был убит сотрудник Грубешовского уездного отдела общественной безопасности Хмажинский Юзеф. Местные руководители г. Грубешов решили ответить на террористический акт расстрелом аковцев. Начальник отдела общественной безопасности Гродек, его заместитель, староста города, представители уездной партийной организации ППР и командир 14 кавалерийского польского полка решили провести „операции“, по имеющимся у них материалам, было выведено из домов и расстреляно на месте 10 местных жителей гор. Грубешов, 3 из которых — не аковцы. Трупы расстрелянных лежали в течение суток на улице. По линии министерства безопасности и ЦК ППР дано соответствующее указание о запрещении подобных операций. Виновники будут переведены в другой уезд и воеводство»^[201].

Крупнейшей акцией Армии Крайовой в реализации плана «Буря» стало Варшавское восстание. План этой операции особо тщательно готовился в Лондоне как поляками, так и британскими спецслужбами. Около 40 тысяч бойцов Армии Крайовой тайно проникли в столицу. В течение трёх дней они должны были освободить от немцев Варшаву. После захвата мест, пригодных для посадки самолётов, из Лондона должно было быть переброшено эмигрантское правительство, а из Шотландии — воздушно-десантная польская бригада.

Советские войска к началу восстания (1 августа 1944 г.) находились в нескольких десятках километров от Варшавы. И по расчётам польских генералов, части Красной армии, подойдя к столице, должны были обнаружить там законное правительство и не менее чем 100-тысячную польскую армию, состоявшую из бойцов Армии Крайовой, мобилизованных варшавян и переброшенных по воздуху солдат из Англии и Италии.

Но, как говорится, гладко было на бумаге, да забыли ляхи про овраги. Германский гарнизон в Варшаве насчитывал 20 тысяч человек. И это были не 20 тысяч пехотинцев и танкистов, а 20 тысяч нестроевых солдат, полицейских, штабных чинов и т. д. В ходе восстания к 40 тысячам аковцев присоединилось около 20 тысяч варшавян. Тем не менее им не удалось взять под контроль весь город. Сотрудники большинства германских учреждений заняли круговую оборону своих зданий и продержались до подхода основных сил. Самая важная задача повстанцев — захват мостов через Вислу, связывающих Варшаву с её предместьем Прагой, — так и не

была выполнена.

Восстание продолжалось 63 дня. Погибли или пропали без вести 18 тыс. повстанцев. Около 25 тыс. было ранено, в том числе 6500 — тяжело. Погибли 180 тыс. мирных жителей Варшавы. Почти полностью был разрушен город.

Замечу, что отряды прокоммунистической Армии Людовой, принявшие участие в боях уже после начала восстания, сумели пробиться к советским войскам, но генерал Армии Крайовой Бур-Комаровский предпочёл сдать свои части немцам.

Уже в октябре 1944 г. поляки-эмигранты стали обвинять в провале захвата Варшавы... руководство СССР. Мол, Сталин лично отдал приказ Красной армии остановиться. Нелепость подобных обвинений очевидна. Замечу, что в ходе Второй мировой войны руководство СССР и западных союзников тщательно координировали свои планы. А там, где могло иметь место соприкосновение союзных сил, обязательно составляли карты разграничения ответственности сторон. Это было сделано, например, в Норвежском море, в Японском море и т. д. Но в данном случае союзники и поляки до последнего часа скрывали от СССР подготовку Варшавского восстания.

Как уже говорилось, советские войска после 600–700-километрового наступления были обескровлены, тылы отстали, и большое новое наступление с форсированием Вислы в районе Варшавы было физически невозможно.

Тем не менее 14 сентября войска 1-го Белорусского фронта и действовавшие в их составе части Войска Польского освободили восточное предместье Варшавы — Прагу. Советские и польские лётчики поддерживали боевые действия повстанцев: 13 сентября — 1 октября было произведено 5000 самолёто-вылетов, сброшено повстанцам оружие, боеприпасы, продовольствие и медикаменты. 15 сентября 5 батальонов Войска Польского, взаимодействуя с частями Красной армии, форсировали Вислу и захватили несколько плацдармов, но были выбиты оттуда фашистами.

Наши либералы с большим удовольствием разоблачают «преступления» Сталина. Так, например, Сталин «не разрешил посадку английских и американских самолётов на советских аэродромах после совершаемых ими налётов на позиции немцев в районе Варшавы и доставки грузов участникам восстания. А тут уж подтягивание тылов и перегруппировка войск ни при чём».

Тут можно задать вполне резонный вопрос: а были ли в сентябре

1944 г. в районе Варшавы свободные от советских ВВС аэродромы, пригодные для посадки дальних бомбардировщиков? Ведь немцы, как правило, перед отступлением выводили из строя все свои аэродромы.

Но главное в другом, — зачем американским бомбардировщикам потребовались советские аэродромы? Они и так успешно сбрасывали над Варшавой свои грузы. Другой вопрос, что бестолковые польские офицеры сами не знали расположения частей Армии Крайовой в Варшаве, и грузы часто попадали к немцам. Ну, допустим, немцами подбит английский или американский самолёт, неужели он не мог совершить вынужденную посадку на советской территории или экипаж не мог спрыгнуть там с парашютами? Неужели бы их перестреляли красноармейцы? Наоборот, наши командиры были бы очень рады любому стратегическому бомбардировщику, сделавшему вынужденную посадку, и «Ланкастеру», и Б-24, и Б-17. Хотя бы потому, что союзники секретили от нас очень много интересных приборов — устройства связи, радиолокационные прицелы и т. д. Так что за приём такого самолёта пехотный командир мог и орден получить.

Дело совсем в другом. Командования ВВС США и Великобритании, отчаявшись получить аэродром в Варшаве, попросили разрешения доставлять польские части из Англии и Италии на советские аэродромы близ Варшавы, на что и получила резонный отказ. А вот бомбить немцев и сбрасывать грузы повстанцам Армии Крайовой самолётам союзников никто не мешал.

Предположим на секунду, что план эмигрантского правительства в отношении Варшавы осуществился. Немцы в панике бежали, и не только польская столица, но и её окрестности, включая Прагу, оказались в руках Армии Крайовой. Естественно, что авиация союзников перешла бы по перевозкам грузов и людей в Варшаву от парашютирования к посадочному методу. В результате этого на аэродромах вблизи Варшавы скопились бы десятки бомбардировщиков США и Англии, а также их дальних истребителей сопровождения «Москито».

Перед Сталиным встала бы дилемма — или признать эмигрантское правительство в Варшаве, или начать полномасштабные действия против войск Армии Крайовой в этом районе.

Отдать Польшу лондонскому правительству было физически невозможно хотя бы из-за его непризнания новых границ СССР. Напомним, что отряды Армии Крайовой к 1 августа 1944 г. фактически вели партизанскую войну против Красной армии на территории СССР.

В свою очередь, уничтожение в большом городе стотысячной польской

армии потребовало бы несколько недель и участия нескольких советских армий, а то и фронтов. Нетрудно догадаться, как стали бы действовать американские и британские пилоты «Москито» при бомбардировке польских аэродромов в районе Варшавы советской авиацией. А нахальства и самоуверенности у этих ребят в августе 1944 г. имелось через край. Ведь они освободители Северной Африки, Италии, Франции, а тут их бомбят... Начались бы воздушные бои. Бомбардировщики Б-24 и Б-17 начали бы бомбить позиции советских войск, и пошло-поехало... Дальнейший сценарий третьей мировой войны я предлагаю продумать самим читателям.

Послевоенный германский историк Михель Фройнда заявил: «Подавляя польское восстание, немцы выручили „Советы“, вместо того чтобы самим уйти из города и оставить в нём армию партизан».

С этим нельзя не согласиться. У германского генералитета в августе 1944 г. был единственный шанс избежать безоговорочной капитуляции, — разжечь конфликт между союзниками. Если бы у Гитлера хватило ума в первые же часы восстания отвести войска от Варшавы и дать приказ люфтваффе не мешать полётам самолётов союзников с войсками и техникой для Армии Крайовой, то вероятность начала третьей мировой войны была бы крайне велика.

К счастью для народов всего мира, фюрер и его генералы не решились на столь серьёзный шаг.

Польские либералы, а с 1990 г. и польское правительство, сделали Катынь и Варшаву своими политическими инструментами в отношениях с Россией.

Эпилог

Формально в тысячелетнем территориальном споре Руси и Польши поставил точку «Советско-польский договор о государственной границе», подписанный в Москве 16 августа 1945 г. и ратифицированный Президиумом Верховного Совета СССР 13 января 1946 г. и Крайовой Радой Народовой 31 декабря 1945 г.

В 1-й статье договора говорится: «Установить государственную границу между СССР и Польшей согласно решениям Крымской конференции по т. н. „линии Керзона“, но с отступлением от неё на 5–8 км на восток, т. е. в пользу Польши.

Дополнительно Польше уступается территория к югу от г. Крылов с отклонением на восток до 30 км в пользу Польши, часть территории Беловежской Пуши на участке Немиров — Яловка, включая Немиров, Яловку, Беловеж, с максимальным отклонением в пользу Польши на 17 км, к востоку от „линии Керзона“»^[202].

Такая граница была определена ещё в Ялте в феврале 1945 г. в ходе конференции трёх великих держав. На той же конференции Польша получила большие территориальные приращения на севере и западе за счёт германских земель. Таким образом, СССР не получил ни пяди земли, населённой этническими поляками.

Взамен Польша получила огромные территории, никогда не входившие в состав Речи Посполитой и заселённые в подавляющем большинстве этническими немцами. Депортация немецкого населения из земель, отошедших к Польше, проводилась польскими властями методами, несовместимыми с международным правом и нормами морали.

В 1946–1947 гг. польские войска произвели депортацию и сотен тысяч этнических украинцев, оказавшихся на территории Польши в границах 1945 г. Точное их число, равно как и число депортированных и убитых немцев, держится польскими властями в тайне. Так, только из Жешувского воеводства в апреле 1946 г. в ходе операции «Жешув» в СССР было принудительно депортировано свыше 250 тысяч этнических украинцев. А в 1947 г. за три месяца операции «Висла» на север и на запад Польши на место изгнанного немцами населения были насильственно отправлены более 140 тысяч украинцев.

Любопытно, что и наши, и польские либералы, уже 40 лет проливающие крокодиловы слёзы по поводу «депортации народов» —

крымских татар и чеченцев, никогда не упоминали о массовых депортациях в Польше в 1945–1948 гг.

Но вот с 1991 г. и Россия, и Польша пошли по капиталистическому пути. Теперь у них нет идеологических противоречий. Нет и территориальных споров. Мало того, между ними возникло суверенное государство — Республика Беларусь.

Вместе с тем у обоих государств появились поистине необозримые возможности в области взаимовыгодного сотрудничества, например, в сфере энергетики, транспортных коммуникаций «восток — запад», включая трубопроводы, освоение полезных ископаемых дна Балтийского моря и т. п.

Казалось бы, отношения РФ и Польши должны улучшаться из года в год. Но, увы, мы наблюдаем обратную картину. Ситуация более чем странная — нет никаких объективных предпосылок для конфликта, а он назревает из года в год.

В Польше в очередной раз переписывается история страны. Период с 1945 г. по 1990 г. официально назван «периодом советской оккупации». Правительство Польши приняло решение о сносе памятников «периода советской оккупации».

У радных панов опять мозги набекрень съехали. Эдак Варшава может остаться вообще без памятников, ведь они почти все поставлены в «периоды оккупации»: с 1792 г. по 1807 г. — немецкой; с 1807 г. по 1812 г. — французской, с 1812 г. по 1914 г. — русской, с 1914 г. по 1918 г. — немецкой, с 1939 г. по 1944 г. — немецкой, и с 1944 г. по 1990 г. — советской. Как не вспомнить пословицу: «Если тебе и в третьем браке бьют по морде, то виноват не брак, а морда».

Спору нет, в создании антироссийской истории в Польше, Прибалтике и ряде других стран Восточной Европы есть вина и российской либеральной интеллигенции. Важные профессора, музыканты, писатели уже 20 лет дружно обличают нашу историю и всех правителей России.

Ну ладно, война с памятниками идёт без человеческих жертв. Но вот панов опять занесло. Они готовятся к ядерной войне с... Ираном. Казалось, обоих близнецов опереточного вида, то есть польских президента и премьера, следует осмотреть квалифицированным психиатрам. Но нет, большинство польского населения поддерживает идею создания на своей территории американских ракетных баз для борьбы с иранскими ядерными ракетами, которых у Ирана нет и не предвидится в обозримом будущем.

Причём все политики нагло врут. Они прекрасно понимают, что американские ракеты нужны для войны с Россией. Беда в том, что поляки

не понимают, чем это кончится для самой Польши. Ведь Пентагон ещё в начале 50-х гг. XX в. разработал доктрину ограниченной (локальной) ядерной войны на Европейском театре военных действий.

Во всех подобных вариантах не предусматривался обмен термоядерными ударами между США и Россией, а лишь применение нескольких тысяч тактических ядерных зарядов на территории Западной Европы.

В России с середины 1960-х гг. было изготовлено несколько десятков тысяч тактических ядерных зарядов. Так за чем же дело встало?

9 мая 2007 г. президент Путин сказал на праздничном параде: «Причиной всех войн являются предвоенные ошибки политиков».

Думаю, что из всех европейских стран эта фраза наиболее актуальна для поляков, которые всегда всё забывали и никогда не желали учиться у старушки Истории.

Список использованной литературы

Алексеев В. М. Варшавское восстание. Варшава в борьбе против гитлеровских захватчиков 1939–1945 гг. СПб.: Академический проект, 1999.

Бантыш-Каменский Дм. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. СПб: Типография Третьего Департамента Министерства Государственных Имуществ, 1840.

Беднов В. А. Православная Церковь в Польше и Литве. Минск: Лучи Софии, 2002.

Валишевский К. Роман императрицы. М.: Квадрат, 1994.

Валишевский К. Смутное время. М.: Квадрат, 1993.

Величко С. Летопись событий в юго-западной России в XVII веке. Киев, 1864.

Военная энциклопедия / Под ред. К. И. Величко, В. Ф. Новицкого, А. В. Фон-Шварца и др., Петербург, 1911–1914.

Воинские повести Древней Руси / Сост. Н. В. Поньрко. Ленинград: Лениздат, 1985.

Война женскими глазами. Русская и польская аристократки о польском восстании 1830–1831 годов / Сост., вступ. Статья В. М. Боковой, Н. М. Филатовой. М.: Новое литературное обозрение, 2005.

Волков С. В. Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993.

Восстание и война 1794 года в литовской провинции / Сост. Е. К. Анищенко. М.: Книжный дом «ЧеРо», 2000.

Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. М., 1999.

Голубовский П. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южно-русских степей IX–XIII вв. Киев, 1884.

Гребеньский Вл. История польского народа. Минск: МФЦП, 2006.

Гриф секретности снят. Потери вооружённых сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах / Под ред. Г. Ф. Кривошеева. М.: Воениздат, 1993.

Грушевский М. С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891.

Заичкин И. А., Почкаев И. Н. Русская история от Екатерины Великой до Александра II. М.: Мысль, 1994.

Заичкин И. А., Почкаев И. Н. Русская история. Популярный очерк. М.:

Мысль, 1992.

Зайончковский А. М. Мировая война 1914–1918. М.: Воениздат, 1931
Западные окраины Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2006.

Зенькович Н. А. Чья Белоруссия? (Границы. Споры. Обиды.). М.: МК-Периодика, 2002.

Из Варшавы. Москва, товарищу Берия...: Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944–1945 гг. Москва — Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001.

История Польши / Сост. С. А. Шумов, А. Р. Андреев. М.: Монолит-Евролинц-Традиция, 2002.

История Украинской ССР / Под ред. Ю. Ю. Кондуфора. Киев: Наукова думка, 1982.

Какурин Н. Е., Меликов В. А. Гражданская война в России: война с белополяками. М.: АСТ, 2002.

Керсновский А. А. История русской армии. М.: Голос, 1993.

Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. М.: Мысль, 1973.

Манитейн К. Записки о России. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.

Махроцкий Н. История Московской войны. М.: РОССПЭН, 2000.

Мельтюхов М. И. Советско-польские войны. М.: Вече, 2001.

Михайлов О. Н. Суворов. М.: Молодая гвардия, 1973.

Мухин Ю. И. Антироссийская подлость. Расследование фальсификации Катынского дела Польшей и Генеральной прокуратурой России с целью разжечь ненависть поляков к русским. М.: Крымский мост-9Д: Форум, 2003.

Наленч Д., Наленч Т. Юзеф Пилсудский — легенды и факты. М.: Политиздат, 1990.

Носов Б. В. Установление российского господства в Речи Посполитой. М.: Издательство «ИНДРИК», 2004.

Пограничные войска СССР. 1918–1928 / Сост. Е. Д. Соловьёв, А. И. Чугунов. М.: Наука, 1973.

Пограничные войска СССР. 1939–1941 / Сост. Е. В. Цыбульский, А. И. Чугунов, А. И. Юхт. М.: Наука, 1970.

Под стягом России, сборник архивных документов / Сост. А. А. Сазонов, Г. Н. Герасимова, О. А. Глушкова, С. Н. Кистерев. М.: Русская книга, 1992.

Похлёбкин В. В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. М.: Международные отношения, 1995.

Райле О. Тайная война. Секретные операции абвера на Западе и

Востоке (1921–1945). М.: Центрполиграф, 2002.

Россия. История XIX века. Тайны побед и величия. М.: Новь, 1998.

Россия. XX век. Документы / Под ред. А. Н. Яковлева. М.: Международный фонд «Демократия», 1998.

Ростунов И. И. Суворов. М.: Военное издательство, 1998.

Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941. М.: Высшая школа, 1992.

Симонов К. Глазами человека моего поколения. М., 1989.

Сиполс В. Я. Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной войны. 1939–1941. М., 1997.

Скрынников Р. Г. На страже московских рубежей. М.: Московский рабочий, 1986.

Скрынников Р. Г. Святители и власти. Ленинград: Лениздат, 1990.

Сокол К. Г. Русская Варшава. М.: МИД «Синергия», 2002.

Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959.

Соловьёв С. М. Сочинения в восемнадцати книгах. М.: Мысль, 1993.

СССР — Германия. 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г. Вильнюс: Mokslas, 1989.

СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны / Под ред. А. А. Громыко, А. Н. Грылева, И. Н. Земского и др. М.: Издательство политической литературы, 1971.

Стегний П. В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. М.: Международные отношения, 2002.

Субтельный О. Украина. История. Киев: Лебедь, 1994.

Тарле Е. В. Сочинения. М.: Издательство академии наук СССР, 1959.

Татищев С. С. Император Александр Второй. М.: Алгоритм, 1996.

Трухановский В. Г. Уинстон Черчилль. Политическая биография. М.: Мысль, 1977.

Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши. М.: Весь мир, 2004.

Удавичюс Э. История Литвы с древнейших времён до 1569 года. М.: Фонд имени И. Д. Сытина: BALTRUS, 2005.

Урланис Б. Ц. История военных потерь. СПб: Полигон; М.: АСТ, 1998.

Успенский Ф. И. Первые славянские монархии на северо-западе. СПб., 1872.

Фаддей Булгарин. Воспоминания. М.: Захаров, 2001.

Фуллер Д. Вторая мировая война 1939–1945 гг. М.: Иностранная

литература, 1956.

Шамишурин В. Минин и Пожарский — спасители отечества. М.: Новатор, 1997.

Широкопад А. Б. Давний спор славян: Россия, Польша, Литва. М.: АСТ: Хранитель, 2007.

Широкопад А. Б. Исторические портреты. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003.

Широкопад А. Б. Путь к трону. М.: Астрель, 2002.

Широкопад А. Б. Утерянные земли России. От Петра I до Гражданской войны. М.: Вече, 2006.

Шишов А. В. Русские генерал-фельдмаршалы Дибич-Забалканский, Паскевич Эриванский. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2001.

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Киев: Наукова думка, 1990.

Cieslak K., Gawrych W., Glass A. Samoloty myśliwskie września 1939. Warszawa: Not sigma, 1987.

Fritz Hahn. Waffen und Geheimwaffen des deutschen Heeres 1933–1945. Bonn: Bernard & Graefe Verlag, 1992.

Morgata A. Samoloty bombowe i szturmowe w lotnictwie polskim. Warszawa: Wydawnictwa Komunikacji i Łączności, 1981.

Muzealnictwo wojskowe. Warszawa, 2000.

Pataj S. Artyleria Lądowa. Warszawa, 1976.

Pertek J. Wielkie dni małej floty. Poznań: Wydawnictwo poznańskie, 1972.

Pilecki S., Domański J. Samoloty bojowe. 1910–1967. Warszawa: Wydawnictwo Ministerstwa obrony narodowej, 1969.

Иллюстрации

Мешко I

Болеслав I Храбрый

Казимир I Восстановитель

Болеслав II Смелый

Болеслав III Кривоустный

Ядвига

Ягайло (Владислав II)

Казимир IV Ягеллончик

Принятие Люблинской унии в 1569 г.

Стефан Баторий

Ян III Собеский

Август II

Станислав Август Понятовский

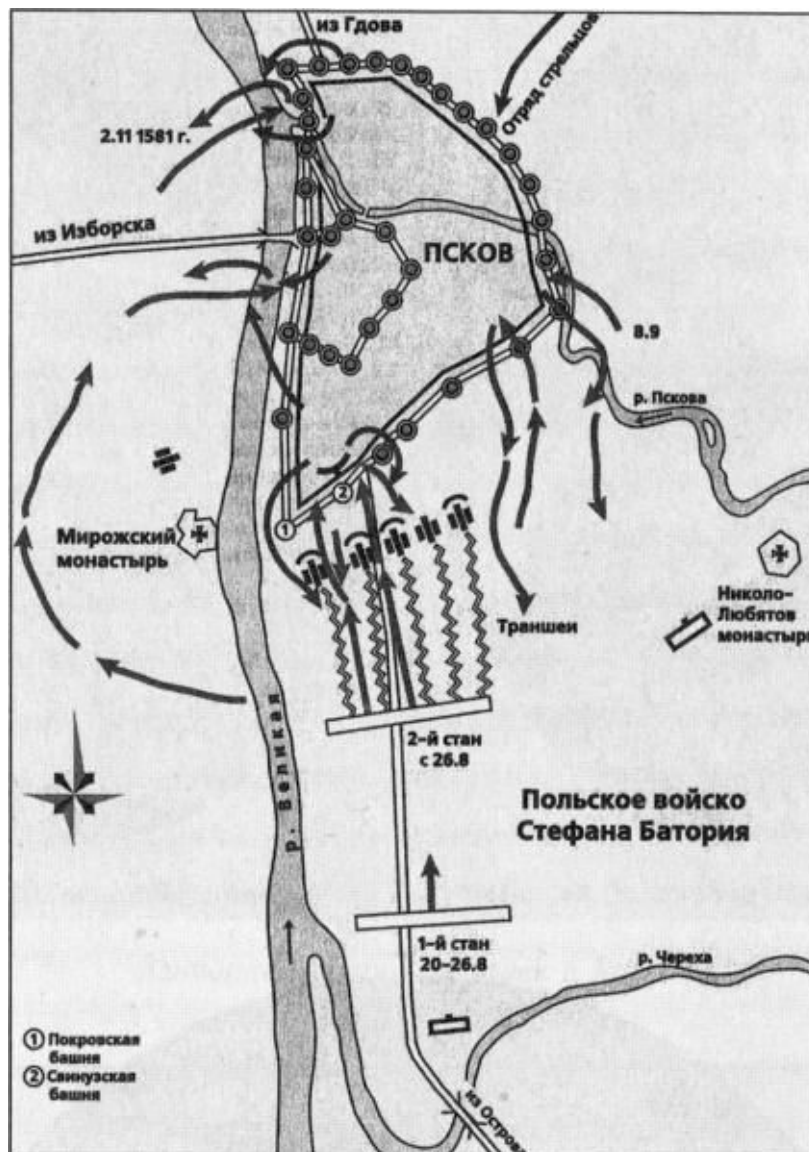

Схема обороны Пскова в 1581–1582 гг.

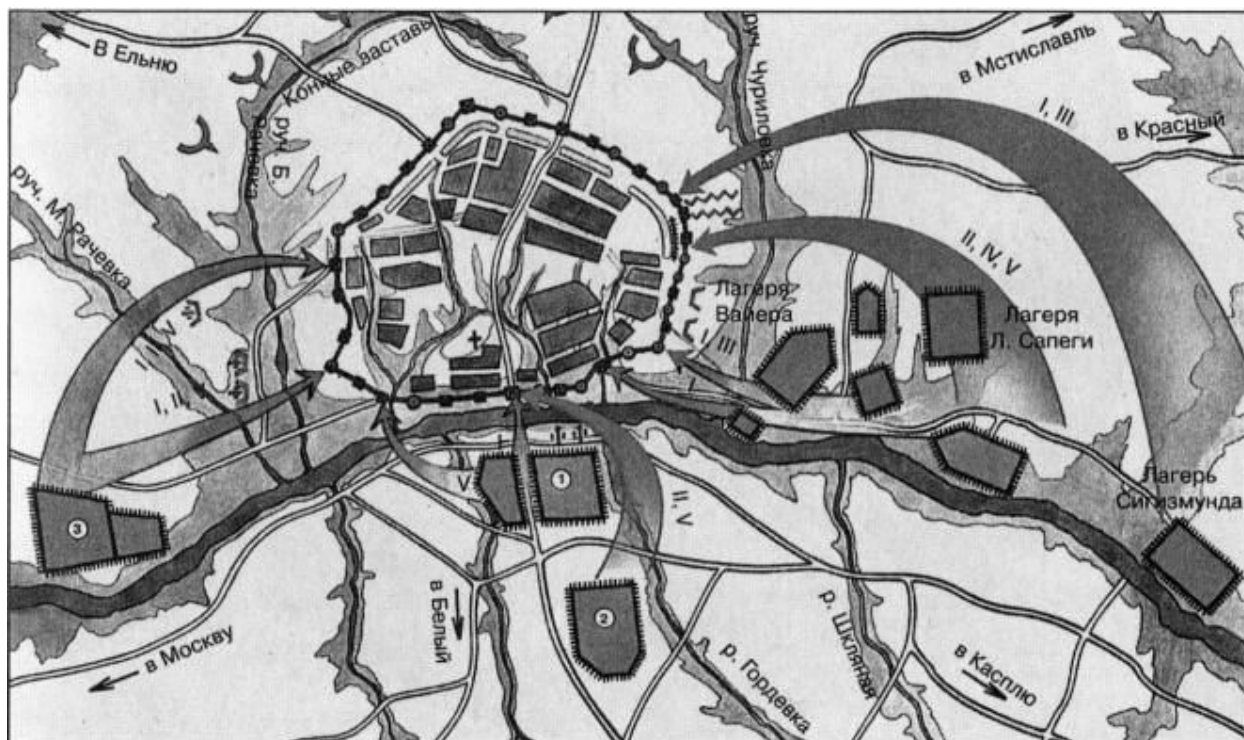

Схема обороны Смоленска 21 сентября 1609 г. — 3 июня 1611 г.

Юрий Мнишек. Гравюра Л. Килиана

Марина Мнишек. После 1606 г.

Лжедмитрий I. Неизвестный художник. XVII век

Венчание Марины Мнишек в Кремле

Второе венчание Марины Мнишек в Тушинском лагере

Козьма Минин. Гравюра Г. А. Афанасьева

Д. М. Пожарский. Художник Е. Павлов. 1812 г.

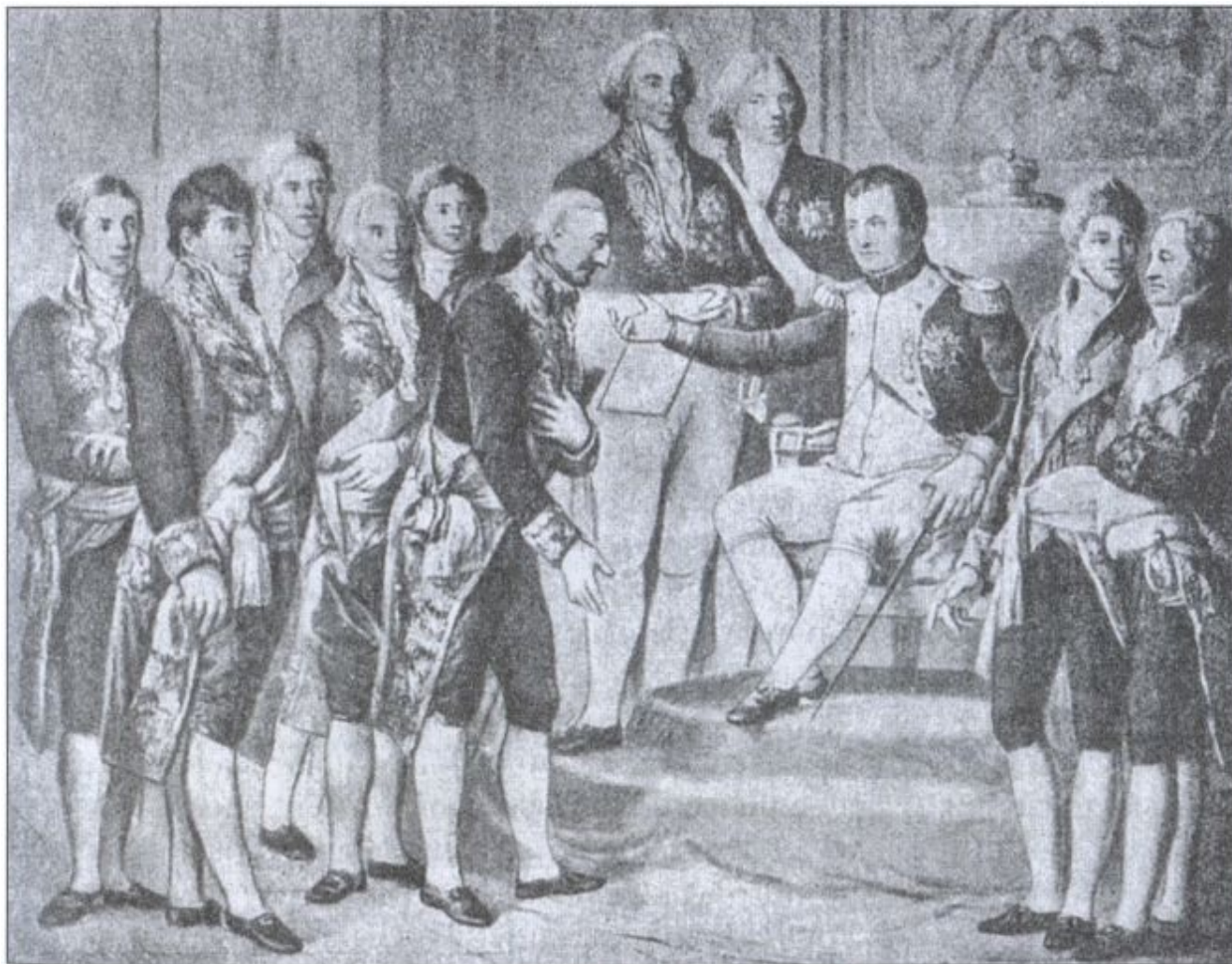

Князь Пожарский, освободитель Москвы. Художник П. И. Разумихин

Первый раздел Речи Посполитой. 1772–1773 гг.

Наполеон вручает Хартию вольностей правительству Герцогства Варшавского в 1807 г.

Участник восстания 1863 г. Сильвестр Антонович Домброва, прадед автора

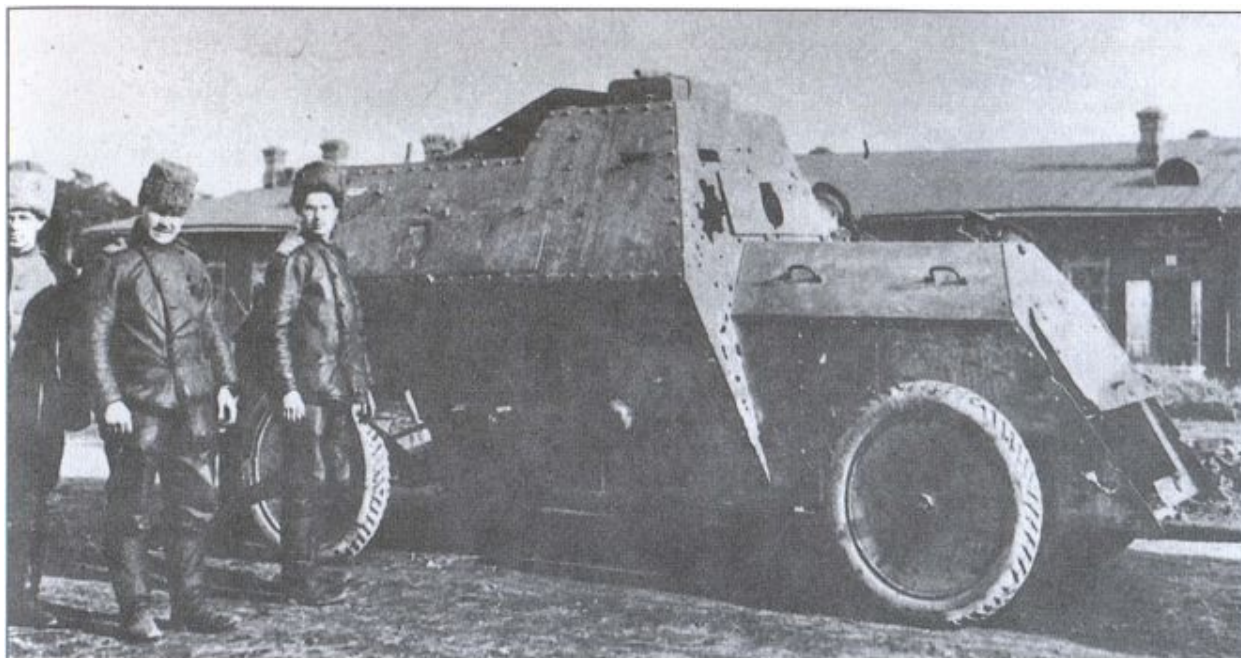

Юзеф Пилсудский

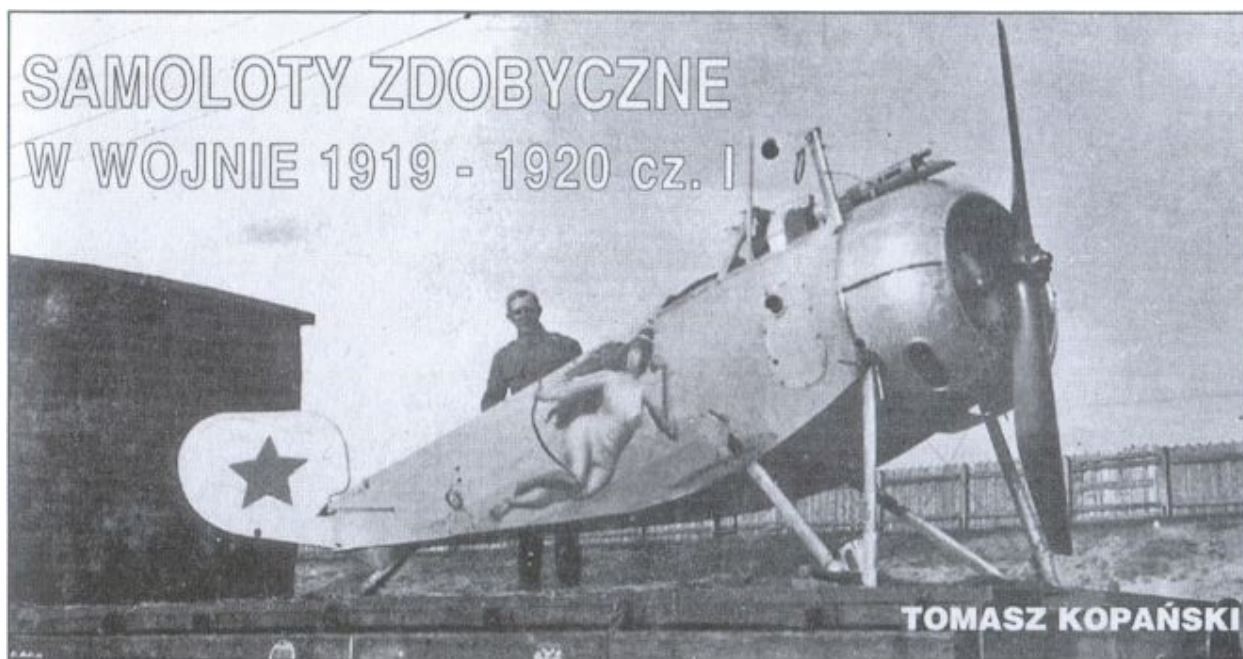

Свинья, дрессированная в Париже.

Предвоенная карикатура

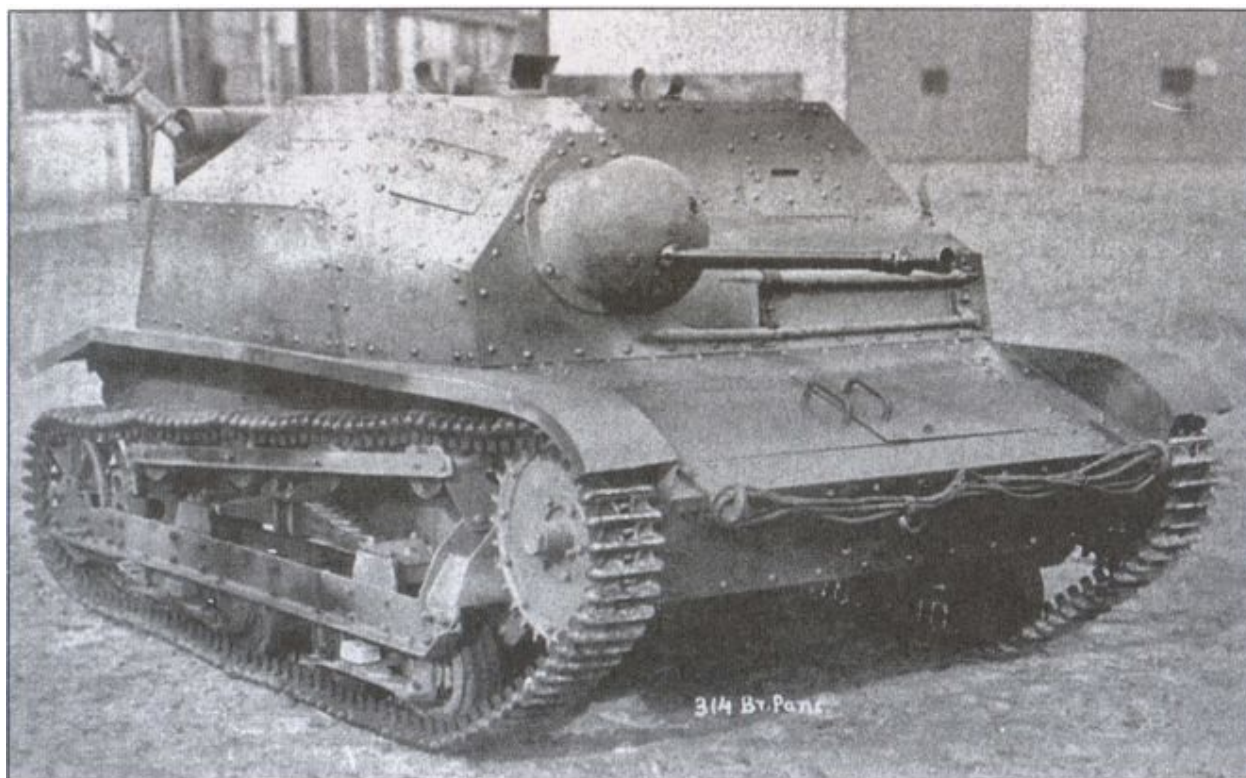

Польский бронеавтомобиль «Час смерти» образца 1914 г., находящийся на вооружении русской армии

Советский истребитель «Ньюпорт-XXIVбис», захваченный поляками

Польский танк ТКС с 20-мм пушкой

Сдана в плен польских войск группы «Модлин». 21 сентября 1939 г.

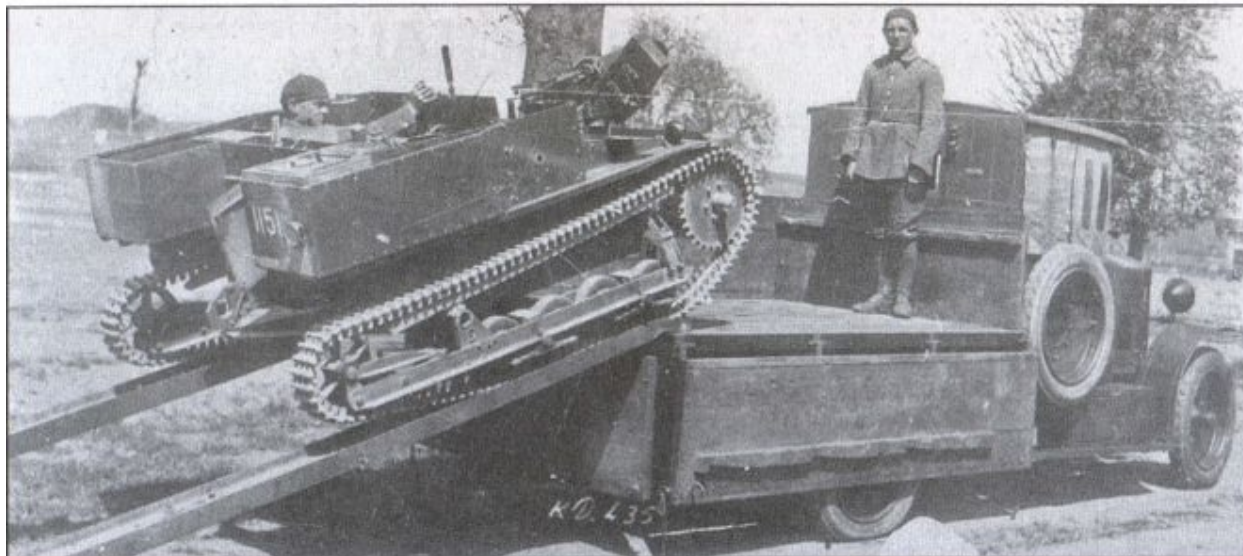

Танк «Виккерс-Польский» (7ТР) на научно-исследовательском бронетанковом полигоне осенью 1939 г.

Гитлер осматривает подбитый польский бронепоезд

Польская танкетка типа «Карден-Лойд», купленная в Англии

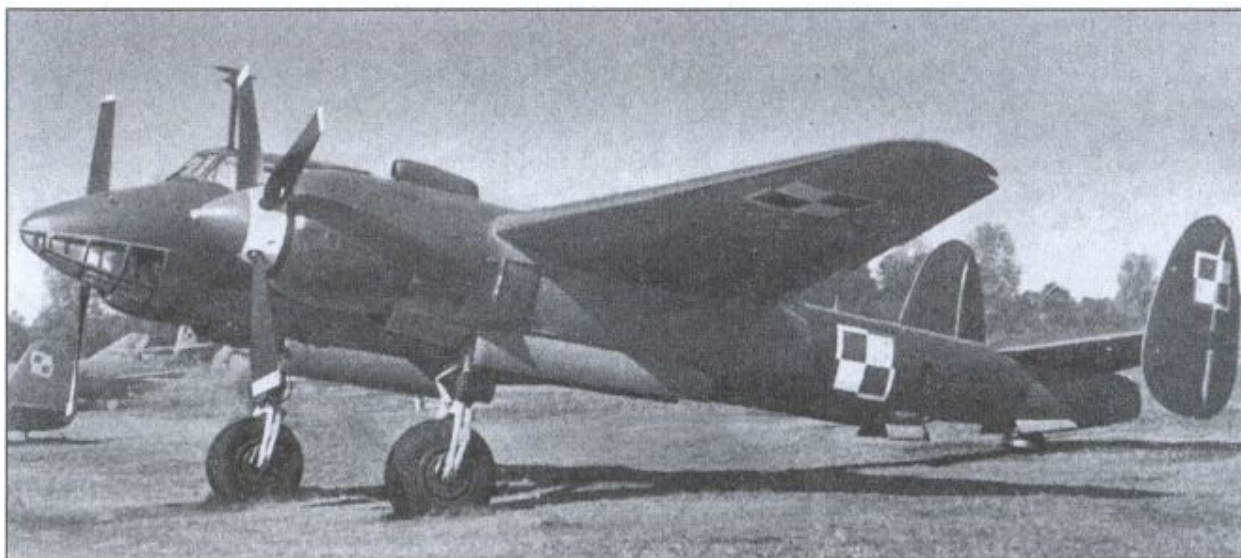

Юный повстанец района Повисьле из группы «Рафалки». В Варшавском восстании участвовали даже дети

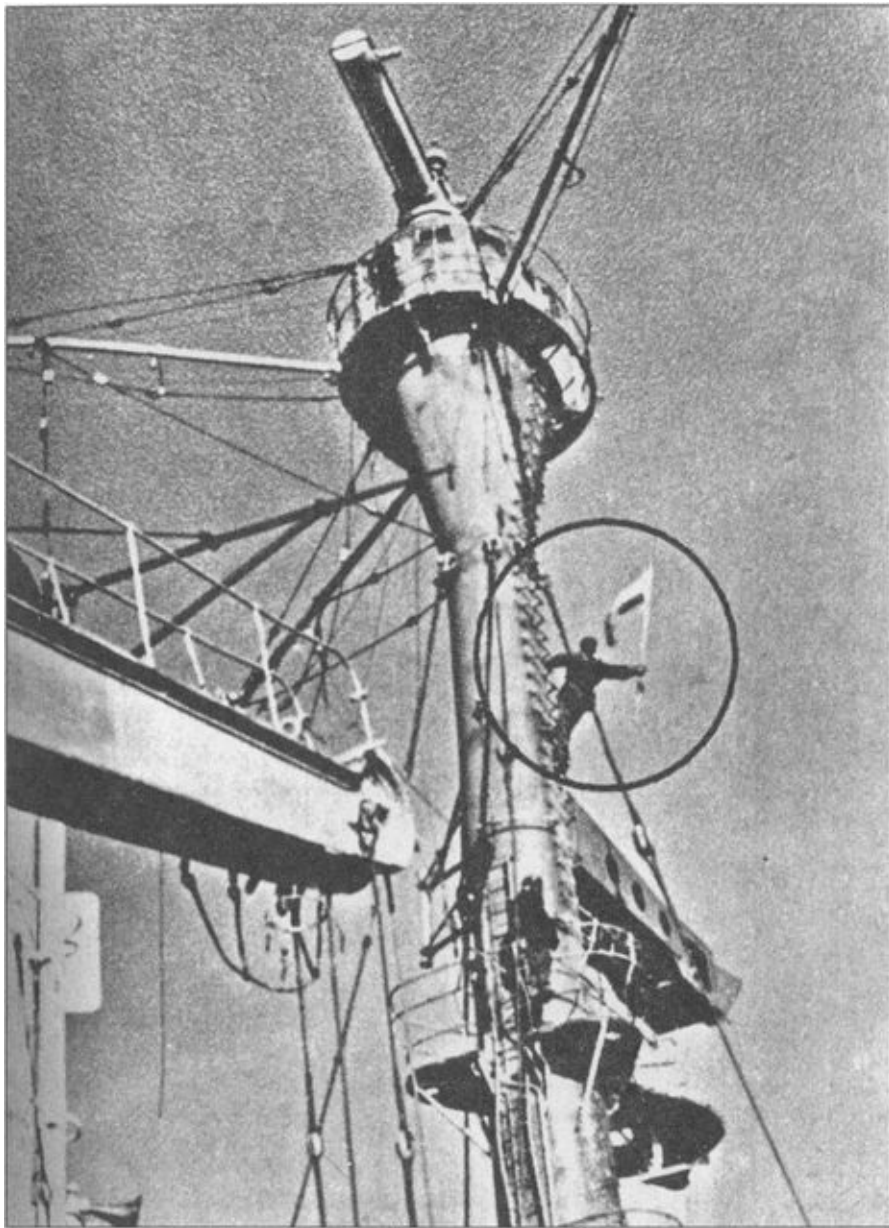

Массовый митинг трудящихся Варшавы.

Выступает Н. С. Хрущёв — руководитель советской комиссии по оказанию помощи в восстановлении польской столицы. Март 1945 г.

Бомбардировщик Ту-2, переданный Советским Союзом Войску польскому

18 декабря 1944 г. на рейде Гдыни авиация союзников серьёзно повредила германский учебный корабль «Шлезвиг-Гольштейн», бывший броненосец кайзеровского флота. 21 марта 1945 г. в Гдыне корабль был выведен из строя экипажем и притоplen. Однако, неумолимые польские патриоты поспешили водрузить свой флаг на мачте корабля, по призовому праву принадлежавшего Советскому Союзу

---

notes

Примечания

В данной монографии здесь и далее автор будет называть население стран так, как оно называлось в документах того времени.

Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959. Кн. I, С. 193–194.

Из-за скудости и противоречивости источников X–XI вв. историкам приходится иногда реконструировать события и ориентировочно указывать даты.

Успенский Ф. И. Первые славянские монархии на северо-западе. СПб, 1872. С. 257.

Голубовский П. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южно-русских степей IX–XIII вв. Киев, 1884. С. 175.

Существует версия, что Святополк был не сыном Владимира, а племянником, сыном убитого им брата Ярополка. Однако достоверных подтверждений этой версии нет.

Тут стоит отметить любопытную деталь: здесь и далее русские и поляки ругаются и мирятся, понимая друг друга без переводчиков, что служит достоверным доказательством крайней близости древних русского и польского языков.

Река к югу от Киева.

Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. Кн. I. С. 369.

Четвёртый Болеславич, Генрих, к тому времени умер.

Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. Кн. I. С. 582.

Даниил Романович (1201–1264). Первая жена — Анна, дочь Мстислава Мстиславича Удалого; вторая жена сестра литовского князя Товтивила. Василько Романович (1203–1269). Женат на Елене, дочери великого князя владимирского Юрия Всеволодовича. Вторая жена тоже Елена, дочь краковского князя Лешко Белого.

Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. Кн. I. С. 587.

Похлёбкин В. В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. М.: Международные отношения, 1995. С. 391.

По другим источникам, это произошло в конце 1253 г.

Староста управлял городом, творил суд над местной шляхтой.

Rokosz (*польск.*)

Николай Сапега (ум. 1599 г.), граф с 1572 г., воевода минский с 1576 г.

Здесь и далее для удобства читателя вместо войска Речи Посполитой, состоявшей из поляков, литовцев и русских, я буду говорить «польское войско» или «поляки».

Воинские повести Древней Руси / Сост. Н. В. Поньрко. Ленинград: Лениздат, 1985. С. 364.

Поприще — древнерусская мера длины. В. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» определяет её в 20 вёрст. Однако в XVI в. поприще явно было существенно меньше.

Воинские повести Древней Руси. С. 364–366.

Там же. С. 375–376.

Там же. С. 382–383.

Там же. С. 383–384.

Дата по юлианскому, а в скобках — по григорианскому календарю.

Фердинанд I Габсбург — младший брат императора Священной Римской империи Карла V, король Богемии с 1526 г., император Священной Римской империи в 1558–1564 гг.

Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. Кн. IV. С. 410.

Валишевский К. Смутное время. М.: Квадрат, 1993. С. 111.

Типа собрания, которое у донских казаков называлось кругом, а у запорожцев — радой.

В то время в Польше часть магнатов подняла восстание против короля (рокош).

Махроцкий Н. История Московской войны. М.: РОССПЭН, 2000. С. 52–53.

Имеются в виду не столько донские или запорожские казаки, сколько боевые холопы, крестьяне и посадские, ринувшиеся к Лжедмитрию II с целью поживы и именовавшие себя казаками.

Casus belli (*лат.*) — повод к войне.

Валишевский К. Смутное время. С. 285.

Историк А. Л. Станиславский предположил, что это были около 400 запорожских казаков, которые пограбили Русский Север и теперь шли мимо Костромы на юг. (Гражданская война в России. XVII в. М.: Мысль, 1990. С. 68.)

Позже фразу Монтекукули любил повторять Пётр Великий.

В 1633 г. также и с отдалённых городов взимали по 20 руб. за каждого «даточного» человека.

В русской картечи элемент весом менее фунта назывался пулей, а более — ядром.

Шамиурин В. Минин и Пожарский — спасители отечества. М.: Новатор, 1997. С. 183.

Князь Альбрехт-Станислав Радзивилл (1593–1656 гг.), с 1623 г. великий канцлер литовский и староста виленский, автор мемуаров, охватывающих период с 1632 по 1656 г.

Для удобства читателя земли, подавляющее большинство населения которых составляли этнические поляки, я буду называть этнической Польшей.

Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. Кн. V. С. 628.

Цитаделью в Могилёве считался внутренний земляной вал.

Средний сын Богдана Тимофей погиб в бою, а младшему Юрию было только 16 лет.

Ещё перед выборами Выговский писал путивльскому воеводе Зюзину: «...после похорон соберётся рада из всей старшины и *некоторой* черни». Из чего следует, что на раде присутствовала старшина, собранная с разных городов, и местные Чигиринские казаки («чернь»).

Кроме того, имели место и индивидуальные рейды отдельных татарских отрядов.

Нежинский протопоп Максим Филимонов 5 мая 1661 г. был поставлен московским патриархом в епископы Мстиславские и оршанские под именем Мефодия и отправлен в Малороссию в сане блюстителя митрополии Киевской.

Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. Кн. VI. С. 117–118.

Хоругвь — в польских войсках нечто среднее между ротой и батальоном.

Яворницький Д. И. История запорожских казаков. Киев: Наукова думка, 1990. Т. 2. С. 263.

Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. Кн. VI. С. 179.

Любопытно, что сейчас Андрусово — пограничный пункт между Российской Федерацией и Республикой Беларусь.

Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. Кн. VI. С. 179.

Словечко из переписки Петра с дипломатом Виниусом.

С 1893 г. Даугавгрива, до 1917 г. Усть-Двинск, с 1959 г. в черте г. Риги.

Ежи-Станислав (ок. 1668–1732 гг.), стольник литовский, королём Станиславом Лещинским в 1707–1709 гг. назначен воеводой трокским.

До середины XIX в. термин «корабль» обычно использовался при обозначении линейного корабля 66–130-пушечного ранга. Далее шли фрегаты, корветы и т. д. Сам же термин «линейный корабль» был введён в России в 1907 г.

Ласси родился в Ирландии в 1678 г. В 13 лет он стал наёмником во французской армии. В 1700 г. Ласси вместе со своим начальником гарнизона герцогом де Кроа прибыл в Россию и поступил на службу к Петру I. В России он стал зваться Пётр Петрович.

Миних родился 9 мая 1683 г. в княжестве Ольденбург (Германия) в деревне Нейнгунторф в крестьянской семье, многие поколения которой строили водяные мельницы и каналы. С детства Миних проявил любовь к математике и в 16 лет поступил инженером во французскую армию. Приняв активное участие в войне за испанское наследство, после окончания войны в 1716 г. Миних отправился в Польшу на службу к королю Августу II, где получил чин генерал-майора. В 1720 г. он получил предложение Петра I занять должность генерал-инженера. В феврале 1721 г. Миних прибыл в Петербург. Миних неутомимо строил крепости, шлюзы, каналы. О нем Пётр I говорил: «В службе у меня ещё не было такого иностранца, который бы так умел приводить в исполнение великие планы, как Миних». В 1728 г. Миних стал графом Российской империи и генерал-аншефом.

Манитейн К. Записки о России. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. С. 75.

Корабли «Le Fleuron» (60 пушек), «L'Achille» (62 пушки), фрегаты «L'Astrée» (36 пушек), «La Gloire» (46 пушек), «La Brillabt» (30 пушек).

Манитейн К. Записки о России. С. 78.

Там же. С. 81.

Стегний П. В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. М.: Международные отношения, 2002.

Выдержка из «Всеподданнейшего мнения Коллегии иностранных дел от 3 февраля 1762 г.».

В некоторых источниках их называют Чарторыйскими или Чарторижскими.

Валишевский К. Роман императрицы. М., 1994. С. 69.

Там же. С. 79.

Имелся в виду князь Адам Казимеж Чарторыйский (1734–1823 гг.).

Конвокационный сейм определял процедуру избрания короля.

Карл (Кароль) Станислав Радзивилл (1735–1790 гг.), прозванный по его любимому присловью «Пане-Коханку». В 1768 г. примкнул к Барской конфедерации. После сдачи Несвижа эмигрировал за границу, но потом вернулся и был прощён Екатериной II.

Беднов В. А. Православная Церковь в Польше и Литве. Минск: Лучи Софии, 2002. С. 323.

Мартовский Ю. Матронинский монастырь. С. 19.

Переписка графа П. А. Румянцева о восстании на Украине 1768 года. // Киевская старина № 3, 1882 г. С. 527–528.

Переяслав находился на территории Российской империи на левом берегу Днепра.

Соловьёв С. М. Сочинения. В восемнадцати книгах. М.: Мысль, 1993.
Кн. XVI. С. 455–456.

Там же. С. 456–457.

Там же. С. 457.

Там же. Кн. XIV. С. 236.

Переписка гр. П. А. Румянцева о восстании в Украине 768 года // Киевская старина. № 4. 1882.

В некоторых документах он именовался Францишеком.

Соловьёв С. М. Сочинения. Кн. XVI. С. 464–465.

Там же. С. 465.

Ростунов И. И. Суворов. М.: Военное издательство, 1998. С. 98.

Пан с дворней где-то воюет, так чем его дом и содержание не боевой трофей?

Михаил-Казимир Огинский (1731–1800 гг.), с 1768 по 1793 г. великий гетман Литовский. Князья Огинские — Рюриковичи. У козельского князя Тита (Юрия Фёдоровича) старший сын Григорий получил прозвище Огонь, он-то и стал родоначальником Огинских.

Михаил Клеофас Огинский (1764–1833 гг.). Михаил Клеофас в 1791 г. бежал в Пруссию, в 1794 г. вернулся и снова воевал с русскими, затем бежал в Константинополь, а позже — в Париж. В 1810 г. он приехал в Россию, был назначен сенатором и стал одним из доверенных лиц императора Александра I. С 1815 г. жил во Флоренции.

Михайлов О. Н. Суворов. М.: Молодая гвардия, 1973.

Ростунов И. И. Суворов.

Духовенство в Польше в подавляющем большинстве случаев имело дворянское происхождение, чем принципиально отличалось от русского духовенства, где был очень высок процент выходцев из иных сословий. Так, в XII–XIX вв. большинство русских попов были из поповских или крестьянских семей. Те же Никон и Аввакум были крестьянами из одной деревни. Католическое же духовенство давало обет безбрачия. Надо ли говорить, что шляхтич, надевший сутану, был куда более склонен лезть в политические и в военные вопросы, чем попович или крестьянский сын.

Фаддей Булгарин. Воспоминания. М.: Захаров, 2001. С. 348.

Соловьёв С. М. Сочинения. Кн. XVI. С. 610.

Его родословная восходила к каменецкому боярину и дьяку Констанцию Фёдоровичу, прозванному Костюшкой.

Соловьёв С. М. Сочинения. Кн. XVI. С. 612–613.

Фаддей Булгарин. Воспоминания. С. 690.

Соловьёв С. М. Сочинения. Кн. XVI. С. 612–613.

Иосиф (Юзеф) Заиончек (1752–1826 гг.) после третьего раздела Польши поступил во Французскую армию и участвовал во всех кампаниях Наполеона. В 1812 г. в сражении под Вильно он потерял ногу и был взят в плен русскими войсками. В 1815 г. Александр I назначил Заиончека своим наместником в Царстве Польском, в 1818 г. он был возведён в князя Российской империи.

Ф. П. Денисов родился в 1738 г. в семье казака Пятиизбенской станицы на Дону. В 1756 г. поступил на службу простым казаком. В сражении у Ларги саблей зарубил семерых турок, за что был произведён Румянцевым в офицеры. С 1783 г. воевал под командованием Суворова. Стал первым из донских казаков графом и генералом от кавалерии.

Фаддей Булгарин. Воспоминания. С. 692–694.

Бантыш-Каменский Дм. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. СПб.: Типография Третьего Департамента Министерства Государственных Имуществ, 1840. Ч. 2, С. 134–135.

Там же. С. 135.

Возможно, среди них были и жители Праги.

Россия. История XIX века. Тайны побед и величия. М.: Новь, 1998. С. 78.

Замечу, что через год Павел отказался официально присутствовать при похоронах Суворова и запретил участвовать в церемонии гвардейским частям, т. к. они якобы так устали от парадов.

Россия. История XIX века. Тайны побед и величия. С. 78.

Ильф И., Петров Е. Золотой телёнок. М.: Советский писатель, 1947. С. 488.

Толстой Л. Н. Война и мир. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. Т. 1. С. 307.

Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. М.: Мысль, 1973. С. 512.

Михаил-Гедеон Радзивилл (1778–1850 гг.).

Россия. История XIX века. Тайны побед и величия. С. 85.

Мальта имеет несколько островов, но в обиходе её принято называть островом.

Россия. История XIX века. Тайны побед и величия. С. 331.

Война женскими глазами. Русская и польская аристократки о польском восстании 1830–1831 годов / Сост., вступ. Статья В. М. Боковой, Н. М. Филатовой. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 23.

Там же. С. 282.

Там же. С. 327.

Там же. С. 261.

Там же.

Там же. С. 262.

Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши. М.: Весь мир, 2004. С. 319.

Цит. по: Война женскими глазами. С. 326.

Воспоминания прелата Буткевича // Русская старина. № 8/1878. С. 609.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в десяти томах. М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. Т. 3. С. 222, 223, 224.

Иван Иванович Дибич родился в 1785 г., учился в Берлинском кадетском корпусе, после окончания которого в 1801 г. зачислен прапорщиком в лейб-гвардейский Семёновский полк. Сын генерал-майора русской службы Ивана Ивановича (Ганса Эренфрида) Дибича, поступившего на русскую службу в 1799 г.

Война женскими глазами. С. 273.

Дебуширование — от франц. débouché (выход из теснины). Выход войск из теснины (ущелья, горного прохода, моста, плотины и т. п.) или какой-либо закрытой местности (леса, деревни) на более широкое место, где можно развернуться. Дебуширование в виду неприятеля сопряжено с большими затруднениями: приходится двигаться узким фронтом, сильно поражаемым огнём в глубину, вследствие чего даже большое превосходство в силах не имеет значения.

Урланис Б. Ц. История военных потерь. СПб: Полигон; М.: АСТ, 1998.
С. 358.

Иван Фёдорович Паскевич родился в 1782 г. в Полтаве, в 1872 г. сменил Ермолова на Кавказе. За взятие крепости Эривань в другие успехи в войне с Персией был возведён в графское достоинство и получил прибавку к фамилии — Эриванский.

18 марта 1831 г. польские войска Скржинецкого нанесли поражение корпусу русского генерала Розена. Однако поляки не преследовали отступающих, благодаря чему русские сумели в порядке отойти к Калушину.

Так наши мудрые генералы пытались воевать и в Крымскую войну, в результате чего артиллерия несла огромные потери от огня нарезных ружей пехоты противника.

Гребеньский Вл. История польского народа. Минск: МФЦП, 2006. С. 625.

Не путать с крепостью Ивангород, расположенной напротив Нарвы.

Гребеньский Вл. История польского народа. С. 635.

Александр Николаевич Лидерс родился в 1790 г. Его отец был сподвижником Суворова. В кавалергардах он не бывал, зато в 15 лет поступил в Брянский пехотный полк и через несколько недель участвовал в Аустерлицком сражении. В 1808–1812 гг. участвовал в штурмах Силистрии и Руцука, за что получил золотую шпагу. В войну 1812 г. командовал лейб-гвардейским Егерским полком. В 1813 г. был ранен под Кульмом. В 1828 г. осаждал Браилов и Шумлу. В 1829 г. одним из первых вошёл в Адрианополь. В 1831 г. Лидерс дрался с поляками под Остроленкой, в ходе штурма Варшавы первым ворвался в редут «Воля». С 1843 г. по 1847 г. воевал на Кавказе. В 1849 г. командовал V корпусом при подавлении венгерского восстания.

Варшавский военный округ был образован в 1862 г.

В Льеже (Бельгия) было заказано 76 тысяч штуцеров (типа винтовки). Однако при доставке их повстанцам более половины захватили австрийские и русские пограничники.

Людовик Мирославский (по другим документам, Мерославский) родился в 1814 г. Участник восстания 1830–1831 гг., эмигрировал во Францию. В 1845 г. он пытался пробраться в Варшаву, но был арестован прусскими властями и приговорён к смертной казни, заменённой позже на пожизненное заключение, освобождён в 1848 г. В 1859 г. Мирославский воевал на стороне Гарибальди в Сицилии, в 50-х гг. сблизился во Франции с бонапартистами.

Лангевич (Лянгевич) родился в 1827 г. Несколько лет он служил в гвардейской артиллерии прусского короля. В 1859 г. Лангевич воевал вместе с Гарибальди в Сицилии.

Керсновский А. А. История русской армии. М.: Голос, 1993. Т. 2. С. 196.

По данным: *Волков С. В.* Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993. С. 275.

Дело в том, что после ликвидации униатской церкви в пределах империи часть бывших униатов (этнических русских) перешла в католицизм.

Каюсь, мне самому не по душе термин «буржуазные националисты», но выдумывать новый термин в данной монографии вряд ли целесообразно, поэтому я по возможности пользуюсь сложившейся в нашей стране политической терминологией.

СДПГиС — Социал-демократическая партия Галиции и Силезии.

Имели в виду пленных, захваченных в ходе Первой мировой войны.

Основатель социал-демократической партии Королевства Польского (СДКП) в 1893 г., в 1918 г. — заведующий иногородним отделом ВЦИК.

С панами Антону Ивановичу Деникину пришлось познакомиться ещё в детстве. Его отец, выходец из крестьян, служил унтер-офицером в Польше и женился на польке. Местный ксёндз потребовал от неё воспитать сына русофобом и грозил отлучить от церкви. В конце концов Иван Деникин сходил к ксёндзу и сильно набил ему лицо. Таким способом Россия получила боевого генерала Деникина.

В советских документах факт захвата бронепоезда отсутствует. Возможно, имелся в виду бронепоезд № 56, который был окружён поляками, но позднее сумел прорваться к своим.

Бронепоезд «Имени Раскольников» входил в состав Заднепровской бригады бронепоездов, у которой, кроме того, были бронепоезда «Память тов. Свердлова», «Грозный», «Спартак», «Освободитель», «Память тов. Урицкого», «Память тов. Иванова», «Борец за свободу», № 9, № 10 «Имени Розы Люксембург». Оперативно дивизиону были приданы бронепоезда «Буря», «Смерть Директории», «Имени командарма Худякова», «Имени Ворошилова» и «Смерть паразитам».

Джордж Натаниэл Керзон (1859–1925 гг.), маркиз, в 1919–1924 гг. министр иностранных дел Великобритании.

Эта радиотелеграмма гласила: «Командармам 3-й, 15-й и командзапу. Тяжёлыми боями корпус вышел на линии Кольно. Вся пехота 4-й армии перешла границу. Стараюсь пробиться на Граево. Нет совершенно снарядов и патрон. Срочно сообщите линию фронта. Комкор 3-го Гай, военком Сцибор».

Станислав Никодимович Булак-Балахович (Бэй-Булак-Балахович) родился в 1883 г. в крестьянской семье. К 1917 г. штаб-ротмистр царской армии. С февраля 1918 г. в Красной армии. В ноябре 1918 г. перешёл к белым и служил в войсках генерала Юденича. Тот и произвёл Булак-Балаховича в чин генерал-майора. С августа 1919 г. служил в эстонской армии, а затем перешёл к полякам.

Ныне Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге.

Наленч Д., Наленч Т. Юзеф Пилсудский. Легенды и факты. М.: Издательство политической литературы, 1990. С. 268.

Советская сторона разрешила всем желающим полякам покинуть Россию, и к 31 июля 1924 г. в Польшу уехало 1,1 млн человек.

За победу в войне с Россией 14 ноября 1920 г. Пилсудскому был торжественно вручён маршальский жезл.

См.: *Субтельный О.* Украина. История. Киев: Лебедь, 1994. С. 541.

Юзеф Бек (1894–1944 гг.). В 1914 г. учился в Коммерческой академии в Вене. В 1918 г. работал на Украине на польскую разведку. В 1921 г. майор Бек состоял на службе во II отделе польского генштаба (разведка). Имя его упоминалось в ноте Чичерина от 10 сентября 1921 г., адресованной польскому представителю в Москве Филипповичу: «Наше утверждение о том, что 2-й отдел польского генерального штаба давал организации Савинкова возможность посылать в Россию яд, основывается, между прочим, на документе за подписью майора генерального штаба Бека». В 1923 г. французский генштаб установил, что сведения о вооружённых силах Франции, сообщаемые лишь представителям союзных армий, в том числе и польской, известны германскому штабу. А в 1924 г., по требованию маршала Фоша, военный атташе польского посольства в Париже полковник Бек вынужден был покинуть Францию. В начале 1932 г. полковник Бек был намечен польским правительством на пост посла в Париже, но французский МИД отклонил эту кандидатуру. Пилсудский в пику французам назначил Бека министром иностранных дел в Польше.

Райле О. Тайная война. Секретные операции абвера на Западе и Востоке (1921–1945). М.: Центрполиграф, 2002. С. 97.

Полковник Палий именовал свою банду 4-м конным полком Киевской стрелковой дивизии петлюровских войск. Я привёл данные о числе его банды по отчётам погранохраны за 1921 г. В книге М. Мельтюхова «Советско-польские войны» говорится, что в ночь на 29 октября 1921 г. «почти 2-тысячный отряд петлюровцев под командованием Палия перешёл у Гусятина р. Збруч и вторгся на территорию УССР» [с. 113]. Откуда взялись эти цифры — неясно.

Пограничные войска СССР. 1918–1928 / Сост. Е. Д. Соловьёв, А. И. Чугунов. М.: Наука, 1973. С. 531–532.

Россия. XX век. Документы / Под ред. А. Н. Яковлева. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. «1941 год». Книга вторая / Под ред. В. П. Наумова. С. 557–568.

Здесь автор вынужден ввести особый термин «панство», чтобы кратко обозначить часть польского общества. Это политики правых и центристских партий, помещики, чиновники, большая часть интеллигенции и националистически настроенная часть люмпенов. Всех их объединило стремление к экспансии («от можа до можа»), ненависть и непримиримость к некаталикам внутри страны и презрительное «шапкозакидательское» отношение к великим соседним державам.

Сиполс В. Я. Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной войны. 1939–1941. М., 1997. С. 36.

Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. М., 1999. С. 96.

Генлейновцы — члены профашистской партии, которая была создана в 1933 г. и бессменно возглавлялась Конрадом Генлейном (1898–1945 гг.).

Имеется в виду германский военный атташе в Японии полковник Матцкий.

Фуллер Д. Вторая мировая война 1939–1945 гг. М.: Иностранная литература, 1956. С. 37.

Райле О. Тайная война. Секретные операции абвера на Западе и Востоке (1921–1945). С. 122–124.

Подробнее см. *Широкопад А. Б.* Секреты свергнутого короля // «Независимое военное обозрение» № 4/2002.

Сам автор, его родители и жёны никогда не были в КПСС, а «Голос Америки» автор впервые поймал в девятилетнем возрасте во время Венгерских событий 1956 г.

См.: Гриф секретности снят. Потери вооружённых сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах / Под ред. Г. Ф. Кривошеева. М.: Воениздат, 1993.

Все эти цифры германские — из справочника Мюллера-Гиллебранда (старое издание). По союзникам немцев данных нет. По русскому изданию «Гриф секретности снят», потери армий Венгрии, Италии, Румынии и Финляндии в 1941–1945 гг. убитыми и пленными составили 1725, 8 тыс. чел.

Военно-исторический журнал, № 9/1994. С. 85.

Там же.

Гриф секретности снят. С. 86.

Пограничные войска СССР. 1939–1941 / Сост. Е. В. Цыбульский, А. И. Чугунов, А. И. Юхт. М.: Наука, 1970. С. 239.

Там же. С. 241. Из последующих донесений следует, что от батальона в Михайловке ещё два раза приходили поляки с той же просьбой, но по непонятным причинам наши пограничники в плен их брать не хотели.

Там же. С. 242.

Стрельцы — члены ультраправой польской организации «Стрелецкий союз».

Пограничные войска СССР. 1939–1941. С. 248.

Там же. С. 245.

Там же. С. 245.

Там же. С. 249.

Там же. С. 255.

Там же. С. 260.

Наши безграмотные историки часто применяют тут термин «депортация», который означает переселение людей из одной страны в другую. Здесь же речь идёт исключительно о переселении людей внутри одной страны — СССР.

Россия. XX век. Документы, 1941 год. Кн. 2. С. 593.

Симонов К. Глазами человека моего поколения. М., 1989. С. 81.

Мухин Ю. И. Антироссийская подлость. М.: Крымский мост-9Д: Форум, 2003. С. 67.

Там же. С. 508–509, 510–511.

Там же. С. 302–303.

Там же. С. 5.

Источник: *Игумнов П. С.* Исследование поражаемости отечественных танков. М., 1947. С. 51.

Союз польских патриотов — организация поляков в СССР, созданная в январе 1943 г. К апрелю Союз имел на территории СССР 2944 местные организации.

Прежний польский премьер Сикорский погиб в авиакатастрофе.

Из Варшавы. Москва, товарищу Берия...: Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944–1945 гг. Москва — Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. С. 36, 37, 38.

Там же. С. 11–12.

Там же. С. 11. (Подчёркнуто в тексте).

Там же. С. 42.

Аковцы — члены Армии Крайовой. — *Примеч. авт.*

Из Варшавы. Москва, товарищу Берия...: Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944–1945 гг. С. 134.

Похлёбкин В. В. Внешняя Политика Руси, России и СССР за 1000 лет.
С. 550.